

Журнал отечественной словесности
«Вологодская литература»

адресован мыслящей аудитории, имеющей вкус
и осведомленной о высоком предназначении печатного слова,
призванного быть словом правды, добра и любви

«ВЛ» НУЖДАЕТСЯ В МЕЦЕНАТАХ

Выпуск журнала «Вологодская литература» возможен при меценатской поддержке в размере типографского счета. Это около 50 тысяч рублей на печать одного номера

№6 журнала издан за счет меценатской поддержки ООО «Газпром Трансгаз Ухта».

**Редакция выражает персональную сердечную благодарность
Симакову Константину Павловичу, начальнику Грязовецкого ЛПУ,
депутату Законодательного Собрания Вологодской области**

Журнал «Вологодская литература». Соучредители и издатели Николаев А.В., Халов А.С.
Редколлегия: Ломковский А.В., Николаев А.В., Толстиков Н.А., Халов А.С. Главный редактор Николаев А.В.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ35-0031 от 1.07.2009, выдано управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Вологодской области.
Адрес редакции: Вологда, ул.Мишкольцкая, 11а-19. Тел. 8-931-500-88-44. E-mail: vl_classik@mail.ru
Эл. версия: www.vollit.narod.ru. Тираж 450 экз. Формат 70x100/16. Цена свободная.
Отпечатано в ООО ПФ «Полиграф-Периодика», Вологда, Челюскинцев, 3. Заказ 586

ОГЛАВЛЕНИЕ

Проза

Александр Рудёв-Хачатрян СЕМЬ ЧУДЕС СВЕТА , повесть	3 стр.
Александр Ломковский ВАХТА , рассказ	24 стр.
Александр Халов ПОВЕРХНОСТЬ МЕБИУСА , повесть ИЗМЕННИК , рассказ СИТУАЦИЯ «МИСНАЕЛ» , рассказ	40 стр. 63 стр. 73 стр.
Николай Алыков ОСТРОВ , повесть	80 стр.
Игорь Ваганов ТРЕЗВАК , роман, главы 17-32	101 стр.
Антон Янковский СВЕТКА-ГАВАЙКА , отрывки из повести	154 стр.
Андрей Соболев ЗЕМЛЯНИЧНОЕ ВАРЕНЬЕ , рассказ	176 стр.
Лидия Кузьмина , рассказы СЕМИБАТЕШНЫЙ ПОСТАРАЮСЬ ДОЖИТЬ	180 стр. 184 стр.
Николай Толстиков ПОМИНАЛЬНАЯ СВЕЧА , рассказ	186 стр.

Стихотворения

Валерий Архипов ИЗБУШКА , сцены-стихи в шести главах ВРЕМЯ ДУЭЛЕЙ , лирика	192 стр. 194 стр.
Александр Дубинин , лирика	200 стр.
Людмила Ломжева , лирика	203 стр.
Алексей Николаев ЦАРЬ ИВАН , исторический эпос	204 стр.

Сказки

Александр Ломковский ПАРОВОЗ, КОТОРЫЙ ЛЕТАЛ , или Чудеса в решете	212 стр.
Лора Лад УТОПИЯ 21-ГО ВЕКА	229 стр.

Откуда авторы: Александр Рудёв-Хачатрян - Череповец, Алексей Николаев - Вологда, Александр Ломковский - Вологда, Александр Халов - селение Высокая Поляна под Грязовцем, Николай Алыков - Тотьма, Игорь Ваганов - Череповец, Антон Янковский - Вологда, Андрей Соболев - Вологда, Лидия Кузьмина - Вологда, Николай Толстиков - Вологда, Валерий Архипов - Вологда, Александр Дубинин - Грязовец, Людмила Ломжева - Вологда, Лора Лад - Красноярск

Александр РУЛЁВ-ХАЧАТРЯН

СЕМЬ ЧУДЕС СВЕТА

*Если бы жизнь наша продолжалась без конца -
ни в чем не было б очарования.
Кэнко-Хоси*

АНТОН ИЗ ЁРГИ

Когда-то на севере Русской равнины, холмистой и увалистой, появились люди, пришедшие зверьими тропами. Они пробрались шершавыми сосновыми лесами, достигли берега холодной реки, что суровела меж разбежистых холмов. Переправились с трудом. Холод.

Добыли огонь, засветили палигу. Отпрянули куница и горноста́й, оробели волки, а медведь с медведицей переплыли реку и увели медвежонка в завалы, подальше от светлого становища.

Люди поставили городище. Пошли бортничать, пахать-сеять, белковать да зверобойничать. Один ходил к Белому озеру - не дошел, другой направился. Пеший сосну повалит, конный мох и черничник потопчет и ветку обломит, раз за разом - проложили пути-дороги: на Север к студеным морям, на Юг - в степи к великим рекам.

Все видать: наделали кирпичича, воздвигли храм Всехсвятителей, и стала селом Горка; на перепутье богатело торговое село. Колокольный звон достигал деревень. Утренний, вечерний... А под куполом храма свили гнездо крикливые галки.

Но срок наступил, и увиделся передовой отряд монголов. Молчаливые кони шли наметом, прыткие тени их покрывали беспредельные просторы и лихорадочно поспешали за лошадьми, днем из-под тьмы копыт подымалась пыль и скручивалась в муругие хвосты, ночью туман от горячих табунов заволакивал звезды. Разбегалось зверье, разлетались птицы, лишь одна сова-вещунья стонала, накликающая беду. Храпели кони, отряды огибали верховые болота, обходили сомкнутый древостой и стекались в урочища высоко-травных речных долин... Пили кони чужую воду и вздрагивали.

Храм подожгли. Осиротели галки.

Застонала непаханая земля, и некому было ее приветить.

Горка понравилась монголам - называть велели Ёрго́й, и все вокруг, куда стрела долетала, назвали по-своему, была Романовка подальше других, так и осталась Романовкой, а Ёргу по сей день переименовать не могут. Пятнадцать веков тому будет, как стоит село Ёрга из трех улиц - одна вдоль дороги на Кириллов, вторая смотрит на Белозерск, а третья тянется напрямиком на юг. В центре села горка, где и сходятся три дороги, а на горке колокольня - смотрит на все стороны.

Дороги сделали мощеные, чтобы вести по ним приходили скорей.

Едет, скажем, почтовая машина, и первое, что увидит шофер, - старые березы по левую руку и там же, где была барская усадьба, кривые тополя. За деревьями пруд и лужайка, пониже, по склону к реке, ветхая слепая изба - это бывшая катавальня, там-сям разные постройки, а здание конторы, так оно совсем годное, обшитое. А все - и деревья, и колодец меж четырех берез, и пруд, и контора - обнесены забором, какой уж забор - в любую дыру на тройке вкатить можно.

Проедет почтарь мимо, окинет все разом и вновь глядит на дорогу - ему надо с разгону въехать на горку, где у церкви дремлют рейсовые автобусы, а потом скатиться вниз по Белозерскому тракту, который обстроен большими кирпичными зданиями - тут новые магазины, аптека, школа, клуб рядом с совхозной конторой, жилые дома, и больница, и кафе «Елочка», а в конце главной улицы - почта, до которой далеко, если пешком идти от бывшей катавальни.

Прогудел почтарь, и вновь тишина: кому еще ехать по старой дороге. Тишина за оградой и никого не видно; разве лишь утром пробежала сторожиха Маша, но это было по

росе, и дела до нее никому не было, бежит - и ладно, напевает - и прекрасно, а следом семенил собачонка кудрявая, по кличке Кукла.

Сейчас уже полдень. Предосеннее августовское солнце, хотя и из последних сил, но греет плотно, и помогает ему прогретая за лето земля. Однако все же август, и поэтому уже проникла в воздух еле уловимая влага, то ли это с речки, где в пойме сочные травы, то ли от обильной росы, выпадавшей все последние дни. Полдень...

Маша ушла, но не обедать, а за племянником; парень уезжает в город на курсы механизаторов, тетка желает, чтобы Антон Парамоныч сказал ему наставление на путь, потому что сторожиха уважает Антона и хочет добра своему племяннику.

Антон дожидается в теплой комнатке о двух окнах на солнце. Конторка занимает малую часть дома, в другой половине устроено общежитие лесорубов, которые приезжают зимой. Маша топит для них печь и готовит еду.

Перед Антоном на линючем столе черный когда-то, а теперь выгоревший телефонный аппарат, похожий на старого жука. Жук мирно спит, привязанный к простенку обвислым шнурком. О бок с телефоном поставлена початая бутылка, на стародавней газете надрезанная синяя луковица и нетронутая щепотка крупной соли. Матерчатая затычка от бутылки положена у краешка газеты, вокруг газета отсырела, и буквы стали черными, словно их поновили.

Антон допивает из граненого захватанного стакашка, осматривает его и ставит, стараясь прикрыть донышком круглое, мокрое пятно, луковицу он не трогает, а лезет двумя пальцами в банку, где в ядовитом соку плавают маленькие прозрачно-желтые сливы. На банке написано «ткемали». Антон в который раз дивится чужому слову, морщит лоб и лишь потом, прикрыв на секунду глаза, отправляет сливу в рот, а руку держит на весу, чтобы поймать в нее щербатую мокрую косточку. Пальцы он обтирает сначала о газету, затем о кирзовое голенище.

Теперь Антон смещается влево, подбирает карандаш и смотрит в раскрытую тетрадку - половина страницы исписана понятным почерком. «Коробка скоростей - одна», - написано там, это инвентаризационная ведомость. «Вожжи, - пишет он, - старые, одна пара, колесо тележное - одно». А подумав, дописывает: «Лишнее». Сколько раз говаривал он бухгалтеру, что все это давно пора списать. «По акту на списание, - убеждал Антон, - а вы бы утвердили», - и оставался доволен, что поговорил с человеком, посвященным в секреты списаний, доходов и расходов.

Бухгалтер приезжал раз в месяц, а то и реже. Делал вид, что осматривает хозяйство. Антон суетился. «Знаю-знаю и это знаю, - перебивал его бухгалтер, - все можно, и списать можно, и оставить можно, все в наших руках, вот-та где все», - и нетерпеливо косился на кассиршу, постоянно сопровождавшую его. Антон бежал за водкой, тетка Маша мыла полы, гости подносили им по стопочке и запирались. Уезжали поздно, насчет списаний разговоров не вели. Так и числятся никому не нужные запчасти к автомашине ЗИС.

Антон одним духом написал: «Щеподральный станок - два», - и отложил карандаш, потому что послышались шаги. Протопали по дощатым мосткам люди, а когда они взойли на крыльцо, то крайняя у мостков доска шлепнулась на место, как прилипла. Под этой шаткой доской, смотрел Антон сколько раз, белели побеги травы, не видевшие солнца, всякий раз доска ударяла по ним, но белая трава все равно жила.

Антон Парамоныч убрал посуду, кинул в ящик луковицу, а газету скомкал и бросил в угол. Соль просыпалась.

«Драсте», - вымолвил врасяг длинношей паренё. Вслед за ним вошла Тонька, лесничихина дочь. Повертелась и убралась на воздух.

Тетка Маша бдительно следила за племянником, она присела у самых дверей, скрещенные ноги убрала под табуретку.

- Тэк-тэк-тэ-эк, - многозначительно произносит Антон Парамоныч, - уезжаете, значит? - и, дожидаясь какого-нибудь ответа, закуривает папироску. Но паренё сопит и смотрит в окно скучными глазами. На нем новехонький плащ, голову покрывает надетый набекрень боярский шиш, скорее похожий на пилотку, там, где у пилотки бывает звездочка, приделан значок «Юный натуралист». На пальце железный перстень.

- Ну, так что ж, - Антон встает, выдвигает ящик стола, извлекает тонкую тетрадку, подумав, раскрывает ее и рвет из середины двойной лист. Лицо у Антона чрезвычайно строгое. - Ну, так что ж, - повторяет он, - приступим, - и двигает к парню канцелярскую пластмассовую чернильницу с воткнутой ручкой. На ручке этой когда-то были вырезаны вензеля и колечки.

Парень лезет во внутренний карман и достает шариковую ручку, наборную из разноцветных пластинок, какие бывают на рукоятке у финского ножа. За окном Тонька делает знаки.

- Не отвлекайтесь. Пишите. Это будет заглавие, понятно?

- Ну?

- А ты не нукай, - не утерпела тетка.

- Ладно, - огрызается племянник.

- Пишите: Семь чудес света...

- Чего-о?

- Семь чудес света.

- Опять, - парень усмехается, зыркает в окно.

- А если на экзаменах спросят? - пугает Маша.

- Могут, впа-алне могут, - подтверждает Антон, - пишите под номером один. Значит, это, тэ-эк, - он делает вид, что вспоминает какие-то лишь ему известные детали, - пишите: Галикарнасский мавзолей!

Антон Парамоныч с наслаждением повторяет звучные слова и ждет, когда подоспелет время, чтобы сказать: «Прашу с двумя «эс», маладой чилавек».

- Да скоро ты? - кричит за окном Тонька.

- Пойду прогнать, мешают, и все тут, - грозит тетя Маша и выходит, решительно топоча сапогами.

Антон Парамонович ничего не замечает, он уже слышит музыку всех так любимых им ладных слов таинственного значения, он давным-давно сроднился с ними, он слышит их музыку, и трудно представить, что видит он, когда произносит: «Сады Семирамиды».

Зажужжал телефон, так слышен звонок из школы-интерната, что на новой улице.

- Антон? - спросили в трубке.

- Смирнов у телефона. Я!

- Завтра всем на совхозную картошку. И ваша контора, чтоб вся.

- Ладно.

- Чего ладно?

- И то - ладно. Выйдем, говорю.

- Гляди, с утра.

- А как еще. Не с вечера же.

- Записываю.

Тоньку отогнать не удалось. Хихикает. Племянник выходит к ней весь мокрый от несвойственных ему трудов, бумага с семью чудесами небрежно запихана в карман. Антон Парамоныч растворяет окно:

- Ты сюда вернешься после курсов или как?

- Чё я, дурак, чё ли, - отвечает парень и поглядывает на Тоньку глупыми веселыми глазами. Они вместе отправляются за ворота, шепчутся там, парень возвращается к тетке. - Ты трешку дай, че ли, - просит он.

- А где и взять, а где и взять? - Маша лезет за пазуху, копается, шарит, наконец достает сложенную в восемь раз потную трешницу. Племянник с Тонькой уходят.

Они перейдут речку, а там рядом строят новую дорогу на Белезерск, туристы по ней будут ездить, и все мимо Ёрги, мимо Ёрги. На дорогу машины возят песок, машин много, может быть, сто, а может быть, и тысяча.

Парень отдал свой боярский шиш Тоньке, а сам расчесочкой, зажатой между указательным и средним пальцем, водит по русым прямым волосам. Оба смеются. Они уже забыли и Антона с его семью чудесами света, и тетю Машу, сядут сейчас в самосвал и укатят в тот самый город, где живут бухгалтер и кассирша, где имеется летний зверинец с тиром, а также парк культуры и отдыха с танцами.

Антон долго смотрел им вслед, но думал о своем.

Маша с утра еще хотела накопать молодой картошки. Ушла и узвала Куклу. Антон потоптался на месте, прикидывая, куда пойти: то ли выйти за ворота просто так, то ли вывести на свет жеребца Мурома. Чего в темной конюшне стоят?

Стал выводить Мурома. Лошадь замотала головой от яркого солнца, успокоилась и меланхолическим шагом побрела по двору.

В это время в дальние ворота въехала «Волга». Антон удивился, испугался, задумался: «Что бы это значило?» Даже если машина заехала случайно - это все равно событие в тихом дворе. Антону же хватило бы одного племянника машинного для того, чтобы предаться разнообразнейшим размышлениям в продолжение трех-четырех дней. Не знал

Антон Парамоныч, да, еще не знал, что сегодняшней день будет переполнен событиями - простыми и чрезвычайными, понятными и таинственными, будут встречи и разлуки, не знал Антон Парамоныч Смирнов, что уже все отмерено и уточнено и что с ним вот-вот произойдет нечто, что случается с людьми только раз в жизни...

Легковик подкатил к Антону, и шофер круто затормозил. За машиной образовались влажные ярко-зеленые следы. Вылез молодой начальник и поздоровался за руку. Начальник был стройный и красивый.

- Вы здесь хозяин? - спросил он добрым голосом.

- Что вы, - совсем растерялся Антон, - какой я тут хозяин... Я вроде бы кладовщик теперь, ну и ответственность, конечно, материальная, - успокоился немножко, но продолжал смотреть прямо в глаза, вроде бы ожидая любых дальнейших расспросов. Его внезапно одолел хмель.

Они уже шли туда, где внизу направо были старые сараи. И чем больше Антон старался идти ровнее да прямее, тем хуже у него получалось - валило на сторону, он вертел головой и ничего не мог поделывать. «Не в раз меня закачало», - досадовал он, делая очередную попытку шагнуть в ногу. Начальник время от времени останавливался и восклицал:

- Ах, какая у вас благодать! А тишина-то, а тишина-а.

- Тишина, - соглашался Антон, его опять понесло на сторону, и он притворился, что обходит сырое место. - У нас тишина, все время тишина, тишина одна, - разговорился он, уцепившись за одно слово, а начальник смотрел на траву, потом смотрел вдаль, сделал козырьком ладошку, и ахал, и охал. Восторгался, значит. Он даже чуть было не сел на траву - посидеть, однако раздумал. Повернули назад.

- Мы у вас будем строить «атээс», на горе, где церковь сломанная. Ее сломали?

- Сгорела.

- Нехорошо, - сказал молодой человек таким тоном, будто Антон спалил церковь. - Ах, как тихо, машины не мешают? - он махнул в сторону новой дороги, - благодать, у вас телефон есть?

- Телефон?

- Да, телефон.

- Позвонить?

- Да, вы знаете, нужно, нужно позвонить, а насчет склада под цемент я договорюсь в городе с вашим начальством, во-он тот угловой сарай мне подойдет, главное - не течет.

И пока они шли вдоль пруда, мимо машины, обтираемой шофером, пока гуляючи перемещались, он объяснил Антону, что цемент любит сухое место, его, цемент, завозить следует заранее, и стал повторять, что с начальством договорится, что будет строить автоматическую телефонную станцию (понимаете?), что цемент надо беречь. Вошли в дом.

- Надо крутить ручку, правда? Ах, какая прелесть! А теперь попросим... Как вы сказали? Нюшка? Нюшка-нюшка-нюшка-нюшка-а... а-а-э, девушка, вы мне, голубушка, город... Будьте добры... пожалуйста...

Антон стоял, подавленный обилием ласковых слов, а когда молодой человек проворковал в трубку: «Люленька-а», - Парамоныч из скромности тут же и ушел к машине.

Шофера звали Васей.

- Вася, - крикнул начальник, - мы сейчас поедem. Ах, как хорошо, какая прелесть, - он развел руки, потянулся и даже зевнул, выражая полное свое удовольствие. - Простите, а как вас зовут?

- Антон.

- Антон?..

- Парамоныч.

- Прекрасно, Антон Парамоныч, это ваша лошадь? Какая лошадка, а, какая лошадка! Как зовут? Муром? Муром, Муром, ты хороший, Муром, - он смело подошел к дряхлому жеребцу, и хотя делал это первый раз в жизни - спокойно провел пальцами по морде и по губам, пощекотал шею и тут же вернулся к машине.

- Значит, договорились, Антон Парамоныч. Тихо у вас и сеном пахнет, а вы почему траву не скосили?

- Какая трава, - это просто так, - отава не трава. Скосили уже.

И начальник уехал. А машина «Волга» наделала новых следов. А когда выехали на новую дорогу, то начальник пожаловался Васе, что он устал, и поэтому решил задремать. Но не получилось, и тогда он стал - думать об Антоне и позавидовал: «Вот где благодать, вот где полная раскованность мысли - в тишине». И представил, как будут смеяться влюб-

ленные в него сотрудницы, когда он расскажет о ведомости на списание (успел-таки прочитать, пока звонил): «Лошадь Муром - одна штука, колесо сломатое - одно, трактор без мотора - полштуки, - придумывал он на ходу, - а мужик сидит лохматый, худущий, длиннющий, бороденка куцая, рыженькая, а глаза голубые, сидит, видите ли, этот мужик пьяный вдрабадан, слюнявит химический карандаш и выводит вензеля... Это он у них там главный начальник, потому что ходит в полной солдатской форме... Жаловался мне - погонов у них в сельпе не продают, просил слезно привезти». А когда отсмеются, он серьезно и печально скажет: «Вот почему деревня наша разваливается». Но все это будет после, а пока что начальник улыбнулся, а улыбнувшись, серьезно задумался о жизни. «Вот бы уехать в эту, как ее, Ёргу поработать...»

А спроси его - что работать? Ничего толком не ответит славянская душа, лишь бредит о какой-то такой работе да знакомым скажет: «Мечтаю», - и на том крест. Так и проживет, и даст бог, выйдет на пенсию хорошим человеком, не вредным то есть.

Скрылась из виду Ёрга, простыл след машины, увезшей молодого начальника. Уехал он себе, так и не узнав ни одной тайны Антона Парамоныча...

Мы же с тобой, неторопливый читатель, будем прилежны, терпеливы и внимательны и, глядишь, если нам повезет, кое-что, наверное, сумеем разузнать. Спросим: есть ли на свете хотя бы один человек, не имеющий своей тайны? Ответим: нет. Следовательно...

А первая тайна, оказывается, располагалась неподалеку - за оградой начинался суходольный луг, запущенный и большей частью заросший вереском, заросли были особо густыми на границе с картофельным полем, а с другого высокого края кусты примыкали к узкой полосе сосенок-сеянцев - это как раз там, где раньше был распахан клин под сортовую пшеницу. С южной стороны суходол неожиданно заканчивался провалом - глазам открывался обширный котлован, раньше здесь был карьер, отсюда белый песок вывозили по узкоколейной дороге. В общем-то, рядом все это, и речка Яргомжа тут же вьется, и торчат еще сваи, по мосту и проходила узкоколейка.

Осталось от нее всего ничего - каких-то тридцать кривых метров, и те заросли тысячу раз лебедой и татарником, и еще бог знает чем, и лишь на выезде, там, где узкая горловина карьера изгибом выходила к речке, стоят целы и невредимы железный семафор и телеграфный столб. Семафор открыт уже двадцать лет. Зачем он был поставлен здесь? Поди спроси.

На столбе, как паучьи лапки, висят обрывки проводов. Если нигде в округе не дронет лист - все равно у въезда в карьер гуляет ветерок. Антон прижимается к столбу и слушает - в столбе телеграфном живут птичьи песни, когда веселые, а когда грустные, прощальные, как плавно-замедленное курлыкание, рожденное высоко летящей проходной стаей.

При сильном ветре слушать нельзя - страшно: не разберешь, кто поет, а может быть, и плачет, и стонет. И чьи-то шаги - так идет супостат по ночной по тропе.

Как-то раз было, что Антон предал эту свою тайну. Рассказал по доброте заезжему трактористу. Пришел тот вместе с ним, послушал и сказал: «Дурак, а не лечишься». И направился по делам в кусты.

От предательства было тяжко на душе, но все прошло под влиянием жизни.

Семафор молчал. Только жег щеку.

ВТОРАЯ ТАЙНА

Идол жил за коновязью. Располагался там у рубленой стенки лицом к зарослям крапивы и малинника. А возле самой стенки нет никакой травы - плешивое место, куда Муром приходит повалиться в пыли. А что ему делать? Напьется из теплой лужи, постоит, подумает и направится за конюшню по пути травку щипнет из интереса, а может быть, по привычке. Подойдет Муром, принорвится, присядет и ухнет в пыль - четыре копыта в воздухе, перекатится, изогнувшись через спину, и лежит, потому что приятно. Все это кувырканье наблюдает приставленный к стене идол. Его еще монголы привезли в обозе. Не то чтобы шибко верующие были, а так, захватили по дороге, красивым показался, а о вкусах в те времена, как и в наши, никто не спорил, особенно с монголами.

Про идола, конечно, все село знает, учительница даже обещала отправить его в музей, но как-то позабыла. А тайна не в этом. Про идола знать-то знают, а вот о том, что умеет он разговаривать в мыслях, то есть про себя, не ведают никто, и уж, конечно, ни один человек не догадывается о том, что Антон разговаривает с монгольским идолом и

тоже про себя - это понятно и так. Беседуют они, но люди не слышат их бесед. Кому какое дело до частных разговоров. Да и смешно сказать, ну о чем толковать могут Антошка с идолом.

Эту свою тайну Антон никому не выдаст - научен. Будут потешаться: «Мало ему семи чудес света - еще выдумал».

Итак, Идол обитал за коновязью и не огорчался, хотя когда-то жил в обществе и, что называется, повидал свет. Было дело, валялся он в лавке, где скупали кожи, а также торговали ветчиной и керосином, после очутился в бане, и не у кого-нибудь, а у попа, на-смотрелся, конечно, а еще был в школе, в сельпо, в клубе, а до этого у сельского старосты Ивлева, ах, где он только не был! На мельнице был, в дегтярне, у директора МТС, в парикмахерской, а когда построили катавальный цех, то Идол оказался у них в курилке. Нажился. Наслушался. При Петре Великом жил в корчме.

В катавальне-то его и сделали алкоголиком. Смеялись тогда. Как-то налили ему, пришли утром - пусто, все выдул и пузо сырое. Глаза вырвали. Смеялись.

Идол был деревянный, неотесанный - сделан в виде человека на коленях, толстые ноги поджал, сидит на пятках, руки с боков, как и положено, и держит он слипшимися короткими пальцами деревянную же плоску - вроде бы прикрывается ею, а сильная шея Идола напряжена, и смотрит он далеко вперед, поверх голов режет ястребиными глазами. В глазах круглые зрачки вырезаны.

Вот в эту самую плоску и стали наливать ему вино. Пристрастился. Когда же катавальню ликвидировали, то его решили передать в культурное учреждение. Так он оказался в библиотеке, почти под куполом старой церкви. Здесь он пересох и окривел на один глаз.

Сейчас осень, а церковь сторела весной. Под утро. Первой занялась библиотека. Говорили, будто к девкам пришли парни, заводили они магнитофон, а может быть, и проигрыватель, иди дознайся, ну, вроде бы заронили окурок. А кто это сделал - сказать трудно - много их там было после танцев. Внизу были танцы, в сводчатом зале под библиотекой, там же и бильярд стоял, и кино показывали через день.

Занялось, значит, и вот польхает.

Первым примчался Антон и замер, глядя, как вкривь и вкось билось пламя, кромсая мрак.

Сбежались старосельские и тут же отринули - спасать свои дома, если случится. На их счастье вечер выпал последний снежок и оставался на крышах, защищая дрань. Из каменных домов, что на новой улице, мало кто пришел, некоторые и не проснулись. Убедившись в том, что свои дома не займутся, люди вернулись к церкви.

Изнизу поддувало в распахнутые двери, а из-под купола через узкие околенки вылетали горящие книги, они отчаянно хлопали по воздуху огненными страницами, сгорая пролетали немного, а там падали вниз одна за другой, гулко ударяясь о твердую землю корешками - так смертельно раненные птицы на излете бьются килем оземь.

Вопили осиротевшие галки.

Из клуба выносили стулья. Антон забежал раньше всех, схватил Идола и стащил сквозь огонь и дым вниз по лестнице. А больше ничего из библиотеки не уцелело. Антон стоял, неловко обнимал деревянного человечка, глядел на огонь. Своим глупым поступком Антон все село насмешил.

Когда рухнули балки, прибыл директор совхоза. «И слава богу, - сказал он, - нет худа без добра, теперь новый клуб поскорее сдадут товарищи строители». И как в воду глядел - через месяц открытие состоялось.

Наутро приехали пожарные и залили водой тлеющие угли. Они лазали по стенам и сбрасывали крючьями всякий мусор и обломки. Средник обвалился. Местами обнажился фундамент, полопались оголенные гранитные камни - на свежих изломах чистые малиновые зерна. На пепелище стали слетаться грачи. Галки днем летали с ними на поля, а на ночь прятались в полых глазницах.

Идола Антон принес к себе и назвал Тимошкой. Безо всякой задней мысли. Он как следует разглядел Тимошку и подивился. Весь как есть исписан был голопузый. И карандашом, и ножичком, и бог весть чем ни царапали на нем. Потом уже, когда они разговорились, Тимошка поведал свою жизнь. Как только его не обзывали: Упырь, Душегуб, Врняк, Леший, Монгол, Бусурман, Француз, Зимогор, Кашей, Япошка, Немчура, Азиат, Гад, Кулак, Фашист, Обормот и даже Кипрюха, по имени районного начальника милиции, а! - всего не перечислишь. «Душитель свободы» - начертал когда-то выше пуга земский учитель, имевший либеральный уклон мыслей, под его протестом была более древ-

няя запись, из которой можно было разобрать лишь одно слово «сия». Крупнее всех и долговечнее оказался лозунг: «Леригия - опиум для нар», - слово не закончили, то ли места показалось мало, то ли терпение лопнуло у вырезальщика. Более поздняя, а вернее, последняя говорила о вечной любви Коли и Тони, той самой лесничихиной дочери. Все остальное было уже на спине, из начертанного вкривь и вкось, в рифму и без рифмы, можно было узнать, что «здесь был Тараканов», и следовал многоэтажный ответ Тараканову, прочитав который, учительница покраснела бы и не понесла бы Тимошку в музей - а то еще подумают, что в деревне живут одни некультурные люди.

Естественно, что такая жизнь не сделала Тимошку деликатным, а наоборот, развила в нем присущую истинному азиату мстительность. Когда-то на шее у божка висел на гайтане оберег - плоский белый кремень с дырочкой. Украли. Антон обещал сделать такой же. С Антоном Кривой был достаточно вежлив и уважал его за пристрастие к ладным словам.

Через несколько дней, по случаю печального настроения, Антон забрел к нему за конюшню, притулился к стенке и поведал про семь чудес света. «Понравилось?» - спросил он просто так, когда остыл. «Еще бы», - ответил в мыслях Идол. Антон удивился, но значения этому не придавал, ушел домой и забыл.

На другой день Маша принесла стеклянные банки - под березовый сок. Четыре березы росли, окружая колодец. Чуть повыше корневищ Антон сделал зарубки, вложил в них березовые щепки и приставил банки. Такие же, смотрел он, косые зарубки, заплывшие лыком и не зажившие, дегтярные, имелись на всех березах, они подымались вместе с растущими деревьями, иные были высоко - выше, чем достала бы рука человека. Антон разглядывал старые рубцы. «Наверное, монголы тоже добывали сок», - подумал он. «Какой сок? Березовый, что ли?» - переспросил Тимоха, - не было тогда берез, одно сосенье росло здесь. Да и не стали бы они пить березовый сок - не в обычае». Антон ахнул, но не испугался. Решил попытаться. Зашел за конюшню: «Не в обычае, говоришь?» - спросил вслух. «Да, - ответил Тимошка про себя, но Антон все понял, а тот продолжал пояснять, - они ведь были идолопоклонники. Понимаешь, о чем я?» - «Понятно...» - «Ну вот». Так у них и пошло.

К вечеру уже Антон слил из банок скопившийся сок, а банки оставил на ночь. Сам отпил из чайника и принес Кривому: «Наливать?» - «Не употребляю, - обиделся тот, - ты бы лучше винишка плеснул, что ли». И хихикнул униженно. «Где взять?» - разочаровал его на этот раз Антон.

В воскресенье случился праздник, и Антон плеснул Тимошке Кривому. Опьянел сразу. Понес всякую мелею. «Направо! - кричит, - Катя, воды горячей!» А потом совсем запутался и все перемешал: «В бозе почивший местоблюститель ея духа святого сельхозтехника у трубки-и! Аты-баты, ну нет запчастей, говорят тебе, дыр-дыр-дыр в порядке самокритики, православные!» - орал он так, что Антон лишь успевал оглядываться. «Милостивые государи, старшины и сержанты, офицеры и лейтенанты, - не унимался Тимошка, - подайте калек! Тригонометрия! Царь-батюшко, Алитет уходит в горы, - неожиданно наябедничал он, - выше всех! Дальше всех! Второй класс на линейку-у-у!» «Будет, перестань», - начал было урезонивать Антон. «Закрой челюсть! - отрезал идол и вдруг заговорил противным женским голосом, - а теперь проведем беседу на тему - доживут ли Советы до тысячи девятьсот пятьдесят седьмого года - у-уу-у-уу-у», - изображал Тимоха радиоприемник.

Антон обозлился и ушел. «Выше голову, дяденька, - неслоь ему вслед, - а то подбородок порежу!» Антон у Маши пил чай, а Тимоха, не стесняясь, матерился в одиночестве, да так, что Муром вздрагивал в конюшне и бил копытом. Потом все уснули.

ВРЕМЕНА ГОДА

«А не заболел ли?» - подумала Маша, когда с Куклой вернулась со своего огорода. Устала, копая картошку.

- Может, холодяночки принести? - спросила она.

Антон лежал на спине, но глядел вбок. Еще утром у него заныла левая рука, боль постепенно разлилась по левому боку, тянуло предплечье, словно упал и ударился о землю. И днем было - не слышно сердца, да и все, ровно не бьется. Замрет Антон, чуть прислушается - живет. А скажи, отчего такое, - не понять. Решил чуточку выпить, хотя и в будний день, - кровь разогнать. Боль оставила. И вот сейчас наступило полное безразличие, когда человек сам не знает - чего хочет.

- Принеси, Маша, пожалуйста, принеси, - ответил он дождавшейся, и чувствовалось, что не столько ему охота воды, сколько хочется остаться одному. И, ожидая возвращения Маши, он прервал свои думы, крепко сохраняя в памяти то место, на котором оборвали мысль.

Земля в мягкой осенней траве казалась ему холодной, и от этого было приятно не двигаться, а прижиматься плотнее и медленно думать. Он вспомнил, что Маша сейчас принесет воду с колодца и надо будет пить, - и стало больно в левой стороне тела. Антон, морщась, приподнялся, выпил воду из эмалированной кружки, а пока пил, все разглядывал черную щербинку на белом дне.

- Заболел? - спрашивала Маша усталым любопытным голосом.

- Здоров я.

- Домой бы шел, чем зря.

- Пойду. Потом.

Маша ушла, по-своему оценивая антонову болезнь. Дорогой она вспоминала: малиновое варенье поставлено в подпол отдельно от других или в чулане оно, там, где и вишневка? Кукла торопилась за ней, делая много-много мелких-мелких шажков.

Антону полегчало, и так же сразу он почувствовал удивительную легкость в руках, словно стали они маленькие и близкие. Он сорвал кисточку лисохвоста, пожевал стебелек, травинка оказалась безвкусной и почему-то не пахла ничем. «Странно, - подумал он, - все это странно...»

Бесшумно к сидящему приблизился Муром, задышал в затылок теплым и долгим дыханием. Антон поднялся с земли, и оба они нескоро шагами направились к речке. Муром неслышно ронял на тропку слипшиеся лепехи пыли, приставшие к его облезлым бокам.

Окружающее их пространство - небо и предосенние разноцветные леса, и тот воздух, что был прозрачным и голубел у неведомо далекого горизонта, и обнаженные холмы, речка меж ними, деревенька на высоком берегу, одинокая раскидистая сосна, выросшая на отшибе, и черный ольшаник там, где в речку впадает Семеновский ручей, - все давно и всегда жило в них, как нечто целое и неделимое.

В Антоне жило чувство осязания всего окружающего, как весь он существовал в знакомом пространстве постоянно, так и видимый мир умещался в нем самом. Как бы он смог объяснить, если бы спросили, что вот, например, спускается он сейчас к Яргомже, а знает, хотя и не смотрит туда, не думает об этом, а знает, и все, что по левую руку на луговом клинышке растут калган-трава и зверобой, череда и пастушья сумка, что по краям тропинок много тысячелистника, что существуют рябины у опушки осинової роци, что в каждом заветном уголке, во всяком давешнем кусте вереска и в хвоце, что растет в залежах, - во всем есть своя душа. Даже в белом перышке, что плывет по воздуху, есть частица души той птицы, которая его обронила.

Земля и небо - неразрывность эта столь очевидна, что по отдельности, как понятия, для Антона не существовали ни земля, по которой ходил, ни переменчивое небо, в которое всматривался. И звезды нераздельно существовали с небом, жили они постоянно над ельником, украсившим северные холмы, и больше никуда не относились. И было солнце. Всегда.

Да, конечно же, окружающий мир менялся, но в переменах его было свое устойчивое постоянство, был ритм и вечная верность временам года.

И человек жил в установившемся ритме, и вся жизнь его, долгая или короткая, кому как покажется, оставалась живой частицей бессмертного ритма жизни. Все пребывало в абсолютной целостности, порожденной теми взаимными связями, что сложились в природе за миллионы лет.

Антон шел и удивлялся тому, что впервые столь четко и ясно думает обо всем, что никогда не называл словами, а просто чувствовал. «Станный сегодня день... К чему бы такое?»

Муром сразу же вошел в воду по мели, он сладко опускал копыта в плотную осеннюю воду, по привычке фыркнул, легкая кружевная рябь прошла по глади, да незаметно пропала, уплыв по течению и растаяв. По недалекой середине, там, где течение было по сильнее, плыла сломанная ветка. Муром проводил ее взглядом и снова опустил морду, ожидая, что хозяин посвистит.

Антон отражался в воде и в правом глазу лошади. Он посвистал Мурому, и тот, почмокивая, начал пробовать воду губами, потом неторопливо потянул ее с самой поверхности.

Антон скользнул взглядом по искривленному дереву - песок обнажился и белел, как серебро, а под водой казался слегка темноватым, как то же серебро, но уже старое и давно не чищенное. Размывчивые тени подводных камней делали дно рябым, и оно казалось глубже. Затем Антон перевел взгляд на противостоящий крутой берег, охряное лицо его напоминало крепостную стену с бойницами - ласточки изрыли обрыв, они сами тут же на крыле носятся кругами в предвечернем небе - вот взмыли, остригли кусок загорелого неба и обронили его в тихую воду, и сразу живая черная строчка ласточек падает вниз, и по-над водой птицы следуют одна за другой, точно повторяя все изгибы реки.

Взгляд Антона, устремленный в воду, застыл. «Скоро улетят ласточки», - отметил он. «Улетят», - прошептал, очнувшись, и стал думать об осени...

КРУГИ ЖИЗНИ

Уже два сезона пропустил Антон - оставил коров подпаску Лехе. «Два года здесь, десять лет за общественным стадом, до этого целый год в лесу ружье с плеча на плечо перекидывал, а прежде...» - Антон стал вспоминать, считал, сбивался, принимался снова считать, и тут вдруг выяснилось, что именно сегодня ему ровно пятьдесят лет. Удивился.

И, озадаченный, задумался - хорошо это или плохо? Что положено делать в таких случаях? Радоваться? Грустить? «Надо же, а», - подивился вслух, и так, словно не он, а кто-то другой вместо него прожил полсотни зим и весен. Вспомнил, что его возрастом никто никогда не интересовался. В военкомате когда-то сказали: «Гуляй, герой. Беспокойте не будем, потому как на тебе, парень, живого места уже нет». И выписали пенсию. Давно...

- Вот оно как, Муромка, - не то пожаловался, не то подвел итоги Антон.

Муром поднял морду и стал смотреть на хозяина мудрым глазом. «Я ничего, я просто, - успокоил его Антон и в подтверждение своих слов начал стаскивать кирзачи, - мы, дружок, сейчас, мы ничего, мы еще ой-ой, брат, - бормотал он, - вот возьмем и искупаем тебя», - завернул на галифе белые подштанники, привычно ступил в воду белыми тощими ступнями. Глубже не пошел, потому что Муром опять стал пить. Антон переступил на обширный плоский камень, росший из берега, сырые ноги оставили черные следы на разогретом камне. Антон сел, расставив согнутые ноги, определил локти на колени, а кисти рук со сплетенными пальцами оказались так близко от камня, что ощущали исходящее тепло...

Знал Антон, что созерцание текущей воды, которому он столько раз в своей жизни предавался, подобно созерцанию самого Времени. Сверхвеличественное течение Времени из прошлой бесконечности в будущую дарило не только мудрость, но и высшую радость - радость сопереживания, которое возникает у человека, ощутившего собственное движение во Времени. «Я понял! Я увидел Время!» - захочет воскликнуть очарованный человек, но смолчит, потому что тут же вспомнит о собственной смерти. Самые высокие размышления о жизни во Времени всегда несут мысль о бренности собственного бытия. Человеку становится жутко, роковая неизбежность смерти, ничьей-ничьей другой, а именно его, вот этого самого, который - «сизу, вот мои руки, вот мои ноги, я вижу, слышу, думаю - это я» - хочет протестовать, кричать, но вода успокаивает его, и он молчит...

Годы - эти палимые солнцем и скованные льдами круги, составляющие внешнюю жизнь Времени, были в представлении Антона похожими то на золотые кольца, то на серебряные диски, то на потертые костяшки счет, а бывало, и часто, что представлялись они мельничными жерновами, что перемальвают человеческую жизнь в муку. Все это в безусловном порядке было нанизано на бесконечную нить, разорвать которую никому не дано.

Эта нить с кругами-бусами была мысленно видимой на длину в сорок пять лет в направлении к той бесконечности, откуда нить была протянута. В этих кругах было «я» Антоши, Антона, Антона Парамоньча Смирнова. Продвижение по нити в глубину веков было неравномерно-прерывистым, и яркими казались лишь те отрезки, где жили великие люди, известные Антону. В его представлении нить Времени протянулась из века в век, на протяжении каждого столетия точно повторяя свои же изгибы, - таким образом Время достигло нашего века. Здесь нить с золотыми кольцами уложилась самым необычным и необычным образом. Вначале все шло повторяясь - до семнадцатого года, и вдруг сразу, взвилось, и впервые так круто и бешено закрутило нить, что зазвенели кольца, ударяясь, и с небывалой скоростью стали нанизываться новые круги.

Кто-то могучий потрясал нитью Времени, он бил ее оземь, шли по ней волны - он заставлял ее выпрямиться, ему не нравилось, что Время изогнулось, как змея, а живая змея похожа на ложь, он решил убить змею, чтобы она вытянулась и стала прямой, как правда.

Уже существовала паутинка антоновой жизни, она вплеталась в общее плетиво, она старалась принять привычные изгибы и очертания, однако кружило ее по Ёрге и окрестностям, оплело ею много земель, и так она завилась в конце концов, что стала непохожей ни на чью другую.

Антон перебирал паутинку своей жизни... А вот новая водяная мельница - тут и начало... Мать умерла сразу после родов, оставила двух сироток - братьев-близняшек, едва успела назвать по-своему - Антошей и Лазарем.

Парамон-мельник круто горевал, но заботы да годы приглушили боль. Поседел, однако, и сам не заметил, как поседел. Ребята подрастали на мельнице, куда по осени из села и деревень помольцы привозили зерно на мелево, жили в очереди по нескольку дней, отъезжали веселые, а дороги пахли теплой мукой.

Одно время дела у Парамона Архипыча шли в гору, даже завел на отшибе починок, ждал, что люди присоединятся. Но река стала мелеть, в сельпо не убывала государственная мука - там завели мельницу с движком. Ну, а дела пошли наперекосяк. Разорился вовсе Парамон, обеднел, тогда его и раскулачили. Вернулся как-то скоро, судачили, что откупился, мол, Парамон, что покойница жена оставила клад, нашел он его, вот и откупился.

Возвратился мельник, загоревал пуще прежнего. Пить перестал, а все глядел куда-то вдаль. Куда? Спрашивали его - молчал. Глядел таким образом, глядел, да вдруг и ушел. Совсем. Пристал к богомольцам, да так и сгинул.

Близняшки тогда уже были у бабы Симы, на селе. Умерла Серафима Олимпиаевна. Прибыл уполномоченный на телеге, но ребята сбежали от него на старую мельницу. Так ни с чем он и уехал.

Как росли они, что выпало на их сиротскую долю - это история, которую лучше и не начинать.

Подросли. Долгие оба, худущие, ну, ни дать ни взять - тараканьи мощи. Приучили их работу делать, общество, мол, всегда же ответит добром. И верно - в школу наряжали каждый год, хорошо было.

Когда им стало по четырнадцать - случилась беда с Лазарем: то ли и в самом деле упал с воза, то ли мужик, чей воз был, ударил его палкой, как тут узнаешь, если сам Лазарь толком уже не умел сказать, все посмеивался, из больницы привезли - то же самое - язык показывает, скалится, ополоумел, короче говоря. «А ведь громче всех в школе считал», - жалели бабы.

Антон все больше отирался у молотилок, веек, жнеек, хотелось быть трактористом и летчиком тоже...

А жизнь продолжалась во Времени. Синюю осень сменяла белая зима, весна приходила вовремя.

Однажды в июне летний знойный ветер принес жуткий запах горелой пшеницы. Всё вокруг насторожилось. А черный ветер окреп и застил белый свет. Взрощали люди, травы, осины горькие. Прилетели беглые птицы с опаленными крыльями. Война разрушила ритм жизни. Будь проклято все, что способно нарушать ритм, когда лопаются золотые кольца времени, а на изломах выступает кровь.

Село Ёрга провожало ратников. Не плакал один Лазарь, посмеивался, дергая братову руку, просил купить леденцов. «А если копеечку не потеряешь, то невесту мне купи, купи, купи», - и опять в смех.

Ничего толком не помнит Антон. Посадили по машинам в райцентре, уже стриженных, везли, везли, накормили, опять повезли, потом долго ехали по железной дороге - тут запомнилась жара, и еще была робость перед всеми и всем.

Ладно. Постепенно все наладилось. Служил Антон в телефонной роте на конной тяге. Дружил с ним сам товарищ старшина Неробов, а поэтому Антон, как грамотный, не только за своими конями следил, но вел книгу учета, куда записывались трофеи, а также составлял акты на списание, акты эти берегли дня два-три, не сдавали сразу, потому что и на погибших отмерялся паек и спирт. Жили. Воевали.

Неробов был мужичонка маленький, шкалик, что называется, однако необычайно рассудительный и начитанный. И самое главное, что знал Неробов, - все Семь Чудес Света, как они называются, откуда произошли, что с ними случилось... «Ты запоминай, - внушал он, - знаешь, как может в жизни пригодиться. Запоминай: перво-наперво - Пи-

рамиды в Гизе, - и, закатив глаза, начинал говорить по писаному, да так, что Антон замирал и слушал, ничего не понимая, - запоминай... Обжигает палящее солнце, все глубже врезаются в руку и плечи веревки, но звучит голос надсмотрщика, спины сгибаются, и каменные глыбы, весом до двадцати семи тонн, тяжело продвигаются вверх по скату, мучительно, шаг за шагом...» - монотонно и торжественно декламировал Неробов. «Пусть, - думал он, - пусть выучивает - это должно принести определенную пользу».

«...На заднем плане, с неясными очертаниями, блестя (здесь старшина воздевал указательный перст) отшлифованными гранями из известняка, стоят приюты вечного покоя Хуфу и Хефрена, самая большая и великолепная - это пирамида Хеопса (!) в основании двести двадцать шесть метров и в высоту сто сорок метров...» «Повтори», - строго просил Неробов. «Врезаются в руки... вечный покой... двести двадцать шесть и в высоту сто сорок», - сбивался Антон в первый раз, но цифры запоминал сразу.

Через две недели старшина с утра еще пообещал: «Сегодня, Антон, к другому чуду перейдем. «Колосс из Родоса» называется, - и потер озябшие руки. - Повторяй за мной, - требовал он вечером у костра, - да не торопись, дура ты, а спокойно, с умом повторяй, ну!.. Идет двухсот восьмидесятый год до нашей эры, и наш торговый корабль вновь входит в переполненную гавань Родоса... Чего наш? А чей же! Не немецкий же!» - сердился он.

К весне Антон бойко отвечал на вопросы, нарочно задаваемые так, чтобы запутать его. Что взвод - рота дивилась, слушая, как он заливается: «...Грешная, прекрасная Александрия! Пресечение (!) всех дорог древнего мира, центр просвещения и культуры, утонченная столица Птолемея, город любви Антония и Клеопатры!»

Неробова убило двадцатого мая тысяча девятьсот сорок второго года.

«Ну вот был жив, - плакал Антон, - вот же был, вот и сумка полевая ихняя, отнеси, говорит, ведомость на списание, вот и сумку подали мне».

«Ты сумку, боец, береги. На память, понял?» - сказал командир взвода, потом поднял сумку со свежей могилы и подал Антону.

А затем пошли тяжкие смертельные бои - как один день - целый месяц. Нить Времени пропиталась кровью. Наступали, отступали, нападали и отбивались.

Заполдень было дело. Спешно, сгрудившись, уходили за реку все рода войск вперемежку. У разбитой и сожженной церкви, что оказалась неподалеку от переправы, образовался затор. В гущу ложились снаряды и рвали на куски землю, камни, тела, дерево и железо. Все стонало. Потом стрелять перестали.

- Кто устроил пробку? - взревел полковник, когда улеглась паника. Он вылез из машины, он двигался навстречу отступающим. - Кто?! - еще громче и грознее прокричал он, и судорога прошла по его черному лицу.

С чего Антон решил, что именно его кони виноваты, что он виновен: сунулся со своей повозкой, а теперь лежит она поперек, и все. Молчали, полковник ждал и водил глазами. Антон вдвойне ужаснулся, убедившись, что вдобавок по его же вине полковник ждет и теряет время.

- Это я, - сказал Антон, и показалось ему, что он подбежал к полковнику и доложил по всей форме, а на самом деле он стоял на месте - черный от гари, мучений и страха.

Полковник шагнул к нему. Дрожащей рукой высвободил из кобуры пистолет. И только тогда понял Антон Смирнов, что все происшедшее с ним до этой минуты - сон, который уже закончился. Похолодело лицо Смирнова, похолодела горячая лошадиная кровь, забрызгавшая лицо, руки, грудь. Наступила тишина.

Антон встал на колени в лужу, а полы его шинелишки распластались по осенней горькой воде.

- Родимый, дяденька, не убивай, - прошептали губы.

Щелкнул курок.

- Осечка, мать-перемать, твое счастье, - сказал полковник, а сам чуть не заплакал. Полковник был молод и красив. Он хотел упасть и заснуть.

- Не убивайте меня, пожалуйста, - сто раз повторил Антон про себя. Он хотел заплакать, но слез не было.

Молодому полковнику нельзя было упасть и заснуть. Он прислушался, растолкал людей, взбежал на пригорок, где были развалины церкви.

- Танки! Танки! - кричали отовсюду.

С пригорка он увидел две танкетки, за ними торопились враги. В черном.

- Как они попали сюда? - спросил себя полковник...

- Десант, товарищ полковник, товарищ полковник, - будто звал знакомый голос. Пол-

ковник обернулся и крикнул так, как никогда не кричит человек, а кричат раненные сильные птицы:

- Все за мной!

И все пошли за ним, а первым Антон Смирнов, с тележной осью в руках.

Ночью, в лесочке, полковник упал и заснул.

К вечеру отбили у врагов пепелище церкви, форсировали реку и перешли в длительное наступление. Каждую секунду рвались паутинки человеческих жизней. А Время жило, неподвластное никому...

В марте сорок пятого Смирнов Антон Парамоныч прибыл из госпиталя в десятидневный отпуск. Первую вечеринку устроил в своем доме. Лазарю привез часы.

Дивилась Ёрга Антошке, слушали да задавали вопросы. Все, что знал, рассказал Антон, а главное оставил напоследок.

- Дом-от новый думаешь ставить? - спросила председательница Александра Ивановна, когда вышли на вольный воздух продышаться.

- А чем, скажите, этот плох? Можно сказать, Галикарнасский мавзолей, понимаете ли...

- Так-то оно так, - решила схитрить Александра Ивановна, - это верно ты сказал, да избу новую бы надо. Как окончательно победим - сразу. Верно говорю, товарищи?

- Я еще раз повторяю, - вошел в раж Антон, - это Галикарнасский мавзолей! - Он уже раскрыл было рот, чтобы прочесть все о мавзолее, но - говорить не дали, уволокли в избу.

Чего только не говорили об Антоне на следующий день, пока он отсыпался. Кто считал, что Антон заговаривается, а кто был поумней, так те решили, что в этом надо еще разобраться. Ефросинья, старуха она, передавала, будто видела собственными глазами, как Антон прижал в сенях татьянину дочь, старшую, Анну то есть, и долго чего-то говорил «культурными словами». Непонятное. Это была правда, не врал Ефросинья. Антон действительно сказал Анне:

- Величественный Гелиос просуществовал недолго и имел бесславный конец. Он упал во время землетрясения всего лишь (!) через пятьдесят шесть лет после окончания его сооружения в двухсот восьмидесятом году до нашей эры. Все попытки поднять его окончились неудачей, и в таком распростертом положении (!) он пролежал еще восемьсот лет. В шестьсот шестьдесят седьмом году нашей эры Родос был завоеван арабами, и они продали останки колосса еврею-старьевщику. Рассказывают (!), что он увез триста тонн бронзы на девятистах верблюдах!

- Ты руки-та прими, и нечего дышать мне в нос, - сказала на это рассудительная Анна.

На следующий вечер то же:

- ...Судьба статуи Зевса является одной из нерешенных загадок археологии и примером человеческого непостоянства...

- Обратное непонятное, - громко сказала, думая, что шепчет, глуховатая Ефросинья.

- Ах, что вы! - вступилась эвакуированная учительница, просто Антон Парамоныч очень хорошо изучил историю, редкий человек помнит наизусть все семь чудес света. Вы, Антон Парамоныч, заходите как-нибудь ко мне, поговорим об истории... о чудесах поговорим...

- Ладно, - согласился Антон и посмотрел на Анну. Она же сделала вид, что ей смешно, и расхохоталась.

- Сходи, Антон, обязательно сходи, она тебе таких чудес покажет!

Антон уже три раза приглашал Анну на сараюшку, поговорить, мол, надо, но она не соглашалась, заигрывала пока что, так понимать надо.

- Ну что он такое? Долговязый, хмурый подчас. Рыжий почти...

- А и что тебе лучше, доченька? Ну и долгой, так обрастет мясом - представительный будет. Вот погоди, как начнет посылать трофейные посылки... Мужик он, видать, бывалый уже, не весь тут, по разговору судя.

- Да ну, мама, скажете подчас.

- А че я сказала, худого чего сказала? А? Вона у Шестипёрихи, что ни месяц - посылка, что ни день - обнова. Худо ли?

- Да ну, мама, с вашими посылками, вечно вы со своей суетой. Мне-та любовь нужна, любо-овь.

- Полноте, будет и любовь. По горло сыта будешь...

На свадьбе Антон не пел, ни плясал. Все про чудеса рассказывал.

Уморил всех

ЛАЗАРЬ-БРАТ

Неожиданное появление Лазаря прервало антоновы воспоминания.

Антон искренне обрадовался брату, и от этой искренности стало спокойнее на душе. Лазарь приближался берегом, опираясь на палку.

Муром высоко задрал морду и запрядал ушами.

- Чего ты? Ну, чего? Это наш Лазарь... Давно, давно-о, брательник, не бывал в наших краях. Запропастился. Где пропал, душа вольная? Все, небось, книги читаешь?

- Верно, не бывал... Устал я... Голова...

- Болит?

- Здравствуй-здравствуй...

- Слышь, Лазарь, я тебе говорю, куда смотришь? Тебе, тебе! Слушай, дело какое - нам с тобой сегодня по пятьдесят лет... День рождения. Понимаешь ли?

- Конечно, понимаю, я все понимаю, это люди...

- Домой пойдем! Домой, говорю, - Антон по примеру прочих почему-то разговаривал с братом, как с глухим.

- Не кричи так... Боюсь я. Вот принес тебе. Отнеси командиру большому. Сам...

Лазарь извлек из кармана ватных брюк свернутый помятый лист бумаги. Лист был выдран из альбома, тоненькие такие существуют альбомы, зеленые и синие, а на них написано «для эскизов». Бумага толстая и пупырчатая.

- Да куда же ты? - всполошился Антон.

- Пойду искать, пойду невесту...

- Погоди же, говорят, отпразднуем давай, один раз бывает...

Но Лазарь уже уходил, поводя березовой палкой.

- Ты скажи хоть, где ночуешь? Стой, Лазарь! У меня... Погоди... Я тебе пятеру дам...

Деньги...

Но Лазарь уходил все поспешнее, словно убежал от кого-то, словно гнались за ним, он косил взглядом, сторожко вобрал голову в плечи, лицо стало злым, как всегда.

- Бра-ат!

Но Лазарь торопился, переполненный обрывками мыслей, они были то короткие и страшные, как черные змеи, а не то вдруг сверкали в мозгу бездымными молниями. Направлялся он в Романовку, где в столовой его кормили поварихи, они же и забирали всю пенсию. Шел он, и болела у него скорбная голова, будто лежала на камнях - никак не удобно.

Как его помнят люди - он вечно спешил. Куда?

- Лазарь, куда бежишь? - насмехались парни.

- За невестой, - отвечал.

- А лет тебе сколько? - покатывались остряки, приглашая всех выслушать ответ.

- Десять - одиннадцатый.

- Слышите, чё говорит, а? «Десять», крик. Ну и Лазарь!

Одно время стали приставать дети: «Лазарь-Лазарь, лапти смазал»... И тоже спрашивали, научась у взрослых: «Сколько лет? Куда идешь?» Лазарь пробовал гоняться за обидчиками, однако веселил их этим еще пуще. Тогда он завел пса. Дал какую-то чудную кличку, такую, что никто ни выговорить не мог, ни запомнить. Лишь Антон знал, что собаку зовут Ёргаш, но Лазарь коверкал это слово. Вырастил он пса со щенков.

Вырос Ёргаш злощим. Понимал одного Лазаря. И ходили они вдвоем по дорогам. Хозяин - втянув голову и косясь на людей, так он оберегал свои мысли от соглядатаев, пес - всегда следовал у ноги, смело в упор глядел на зложелателей, если таковые встречались.

Ночевали они на заброшенном хуторе, что назывался Анисьиным, это на другом берегу в виду Ёрги-села. Вечерами Лазарь разводил костерок и, когда тот прогорал, пек в углях картошку и сладкую свеклу. В темную пору можно было видеть, как он забавляется: размахивает яркой головней, выписывает какие-то фигуры и знаки. Детская игра.

Ёргаш околел от старости в прошлом году. В ту зябкую темную ночь в Ёрге видели, как Лазарь справляет тризну, - до позднего утра жег большой костер и в продолжении всей мрачной ночи иступленно выводил огненные восьмерки. В ту памятную ночь в Ёрге не горело электричество. Испортилось.

Но апрель-месяц Лазарь зимовал дома. Захворал и не ушел на хутор. Весной тронулся в Романовку. А вскоре случилось вот что: на дороге он подобрал туго спеленатую связку журналов - то ли кто выкинул, то ли из машины вывалились журналы «Наука и жизнь».

Через несколько дней Лазарь взял на работе у брата альбом для эскизов и цветные карандаши. «Все пишет и пишет, на коленке, а пишет», - доносили Антону издававшие это дело бабы. Чего пишет? Антон с той поры брата не видел, целое лето, почитай. И вот - здравствуйте.

- Брат, - позвал он в последний раз, но в голосе не было надежды. Антон грузно и неловко сел на траву - так, словно его усадили, держа под руки, как тяжело больного. Развернул оставленную братом бумагу.

Тремя карандашами - красным, коричневым и черным - был нарисован домик с трубой, и почему-то на сваях стоял дом. Земля была черной, небо - коричневым. По небу три красные птицы.

По небу, по небу, по небу. Летели-летели-летели. Куда?

На доме написано: «Уж сколько раз твердили миру...» И правее: «Дедушка Крылов» - было выведено так, словно не относилось ни к чему, та же самая фраза одиноко ютилась возле трубы, из трубы вился кудрявый коричневый дым. Что-то еще было нацарапано, но сколько ни вглядывался Антон, прочесть не смог. Зато вся обратная сторона листа была исписана печатными разноцветными буквами:

«Устав краевого союза (примерный)

Некоторые, едва проглядывающие виды и контуры и силуэты от архитектуры будущего века подходящей для реальной целесообразной пронизательной исторической жизни на планете «ЗЕМЛЯ» как русской цивилизации так и вечного биосферического человека той же планеты земля эволюционной солнечной системы с центральным солнечным управлением в разумении экспериментальной биосферической центрифуги по материалам исландской экспедиции овцеводства на семейной опоре.

Стояла выведенная точка, а размашистые кривули означали роспись, под ней кружочком - «место для печати», а в кружочке - «бакалавр».

Антон все это перечитал. Сложил бумагу. Убрал в карман гимнастерки. Потом он долго исподлобья смотрел на небо и плакал.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

*Вечерний звон, вечерний звон...
Так много дум наводит он.*

Однако слезы не принесли облегчения. Антон поднялся, оглядел село, задержал взгляд на купах тополей, за них обычно садилось солнце. Вечер, светлый августовский вечер. Стало слышно, как у ближнего дома ритмично тюкает по звонкому дереву топор. Вначале один стучал, потом к нему присоединился второй, и заработали наперебой, то схлестываясь, то перегоняя один другого, а звуки эти - короткие, сочные - друг за другом перебежали ровное поле, далеко в роще дробились и перемешивались с эхом.

Мурому наскучило стоять в воде, он слегка осел и неожиданно резко развернулся, и очутился на берегу, как выбросился, чавкнуло, и вода замутилась. Конь мотал головой. Вода тоненько стекала по ногам, смывая ил с копыт.

Антон зашагал по тропинке. Муром следовал за ним. Шли в гору, лошадь водила головой вниз-вверх. Когда спускались к реке, то у Муромца цокала слабая подкова на задней левой, а сейчас не слышно было цоканья. «Замыло, - решил Антон, - надо перековать, пожалуй». Завтра на картошку.

Муром отстал и видел, как хозяин остановился, ровно прислушиваясь, но пока что не оборачивался и не звал. Тогда Муром подошел вплотную, коснулся губами теплой гимнастерки, фыркнул в спину. Антон продолжал стоять, лишь слегка обернулся к реке. Тогда и Муром понял, в чем дело: из поймы наплыл нежно-душистый запах таволги, настиг их и, обволакивая все больше и больше, заставил замереть. Мурому казалось, что запах таволги вышукло-красного цвета. Антону он чудился дымчато-синим, как вечерние туманы, на волнах которого приплыл из низины аромат вязолистой таволги - последнего осеннего цветка.

- Митька-а! - закричал сердитый женский голос, и все нарушилось.

Пошли дальше и вскоре увидели Митьку - он прятался за поленницей, выглядывая изредка, насторожив автомат, покрашенный красным и синим. «Поди, чернилами красил доску Митька», - подумал Антон, а вслух спросил:

- Все воюешь, солдат?

- А тебе-то что? - подумал и сказал Митька.

- Ничего. Сопли утри.

Митька шмыгнул. Больше ни о чем не разговаривали, Антон и Муром пошли свои путем, а Митька тут же о них забыл.

Стало видно, где работают топоры: за огородами рубили баньку. Муром у конюшни отстал, Антон же, переступив жердину, направился к мужчинам.

Пашке Волобуеву, соседу через три дома, пришел помогать свояк Иван Евстигнеев - очень самостоятельный и солидный человек, умник, можно сказать. По деревне, конечно. «Пьет (все пьют), - говорят о нем хозяйки, - да ума не пропивает».

- Чего, баньку наладились рубить? - словоохотливо начал Антон, хотя давно знал об этом, да и все знали, что Волобуевы собираются рубить баню, с прошлой зимы лесу наготовили.

- Ну, - отозвался Волобуев, а солидный Иван промолчал. Однако работать перестали, пора, мол, и перекур сделать.

- Вот и я говорю - чего затеяли? Разве только сровнять с землей да новые фундаменты сделать, - скороговоркой развивал свою мысль Антон, - а то, грит, на старых фундаментах спланировано строить, снесем, грит, обломки и на давошних фундаментах строить будем. Здание. Кирпичное, конечно...

И Антон смолк, ожидая вопросов. Но их не последовало. Пашка Волобуев, подражая свояку, солидно сопел и молчал.

- А видишь ли, они а-тэ-эс будут строить, от них главный начальник приезжал, - Антон с сожалением выложил главную новость, но ожидаемого эффекта не произвел и замолк. Расспросов не последовало.

- Да-а, - выпускная из ноздрей дым, произнес Иван, - это, значица, и у нас будет автоматическая телефонная станция, пора бы уж, давно пора иметь при такой концентрации населения, - повторил он, выдавая за свои слова директора совхоза.

Антон оттерли от разговора, он сделал вид, что, как и Пашка, внимательно слушает солидного Ивана, но в самом деле уже замкнулся и думал о своем. Отговорил Иван. Пашка ерзал, но начинать работу раньше свояка считал неудобным. Антон подкладывал белую и золотую щепу в пожачок, разложенный плотниками.

Притопала маленькая Ленка, принесла квасу в бидончике. Иван отпил первым. Антон отказался, хотя и почувствовал, что хочет пить. Ленка нарвала больших лопухов, положила на огонь - запахло молочной рисовой кашей, какую часто варят в школе-интернате. Школа, еще пустая, видна отсюда, рядом с ней высокий дом совхозной конторы, в конторе вот-вот зажгут огни.

- Сколько раз говорено - не балуй с огнем, - сказал внучке сердитый дед Илья, посланный бабами за ребенком. Приблизился он бесшумно в старых валенках с обрезанными голенищами. Взял внучку за руку. Разглядел Антона - узнал.

- Здорово живешь, Антон Парамоныч, - промолвил.

- Спасибо и вам, живы, - Антон, пользуясь случаем, встал, - а вы как, Илья Николаич? Давно не видать было.

- Как же, Антоша, как же - хворал я.

Ленка настойчиво дергала дедову руку, потом повисла на ней и, покачиваясь, стала смотреть на все, что было ей видно вокруг. Дед Илья собрался было уходить, но вспомнил что-то важное для себя.

- Пашка, это для чего же ты тесину, что у сарая стояла, - убрал? А? Али не знаешь, что на гроб оставлена была? А?

- Ладно, батя, ладно, будет - не велик и гроб нужен, сделаем гроб, как новенький, - отшучивался Пашка.

- Будет-будет... Знаю тебя, унес тесину, теперь и гроб тесной выйдет.

- Поверх земли не оставют, - сказал рассудительный Иван.

- Да не все ли равно тебе? - обозлился сын.

- Было б равно - не говорил бы, вот сам и ложись в такой, я ведь поядренией буду, да ты знаешь... А ну тебя... Вы знаете, Антон Парамоныч, как в тесноте худо. В тесноте - что в обиде.

- Верно, - Антон ожидал, когда Ленка с дедом пойдут домой. Дождлся и сам, не прощаясь, направился к себе. Слышно было, как дед выговаривал: «Куда ты, Ленка, и торопишься, ну, куда? Скажите на милость, характер какой! Мухе сести не даст». Потом застучали топорами...

Антон слонялся по двору, заглядывал туда-сюда, все без дела. Никак не мог собраться с мыслями, а тут еще снова начало ныть левое предплечье. Что ты поделаешь - вот и в

груди закололо...

«Сегодня ведь мне пятьдесят, - востропнул Антон, - а ничего и не сделано... А что делать-то? Выпить надо, вот что. Положено, - и облегченно вздохнул, - положено мне». И тут вспомнил про Кривого Тимоху. «Угощу», - решил, наливая в стакашек остатки.

Идол наотрез отказался, поморщился даже.

- Чего ты? - обиделся Антон. - Я от души, по случаю, значит, мне сегодня пять-де-сят лет. Тимоша?

- Знаю, полвека, - промолвил тот.

- А коль знаешь - так пей!

- Не хочу, - отрезал, но, видимо, жалея именинника, добавил поласковее: - Давай в «слова» играть, что ли.

Антон не шевельнулся: боялся вдохнуть - так закололо сердце. Когда немного отошло, он проговорил через силу:

- До завтра, Тимофей.

- Прощай, Антон Парамоныч, - произнес Тимоха со значением.

- До свиданья, говорю, - Антон даже улыбнулся, вышла жалкая улыбка на впалых заросших щеках. И печаль была в синих его глазах.

- Нет - прощай, - капризно и даже зло сказал Идол, и непонятно было, на что злится он...

Когда Антон вышел на середину двора, оглянулся: самое время - свет в крайнем окне конторы погас. Пора звонить, пора.

За этим окном работала Анна, бывшая жена Антона Смирнова. Скажи сейчас кому-нибудь, что такая женщина, как Анна Семеновна, была антошкиной женой - засмеют, ей-богу, засмеют. Анна Семеновна - царь, царь-баба то есть, Анна Семеновна - жена директора совхоза, которого все уважают: товарища Магазинова. Кому первой поставили колонку, когда воду провели? Ей. Кому первую газовую плиту оборудовали? Опять же ей. Всем командует подчас. Царь, чего там говорить. Подчас.

Почему же случилось, что Антон оказался ни при чем? Потому что как уехал он после свадьбы-то, так и пропал - ни тебе вестей, ни тебе трофейных посылок. А вернулся он аж в пятьдесят первом году, хотя и не имел на это никакого полного права, потому что еще в сорок шестом, в январе, вызывали Анну куда-то и сообщили, что пропал он без вести. Ну, тогда Татьяна заиграла другую пластинку и сумела выдать Анну за Магазинова. «Вдовец? А ты кто? Где нынче мужиков-то найти?» Обстряпала. Живут. Детей нет. Худо это, а что поделаешь.

Вернулся Антон какой-то пришибленный. Стал было о семи чудесах вспоминать, да не дали, бабы и те беспрепятственно перебивали. Прав своих насчет Анны искать не стал. Один раз только в чайной выпил маленько, а тут заходит директор Магазинов. Встретились, значит. Народ ждет - чего будет? Антон, покачиваясь, вышел ему на путь, ткнул пальцем:

- А простите, как будет ваш инициал? - и, не дождавшись ответа, вышел на улицу и там спел: - За деревней выстрел дали, По опушке дым пошел. Задушевного товарища Убитого нашел... - на том дело и кончилось.

«Ты-та хоть чего сказал ему?» - додумала в тот вечер своего мужа Анна, задетая всякими разговорами на селе. «Мне телосложение не позволяет с такими разговоры вести», - проговорил наконец муж и уснул.

Давно это было. Все забыто-перезабито. Но каждый день, когда Анна работает, но каждый вечер, когда уходит домой, в ее бухгалтерском кабинете слышны протяжные телефонные звонки. Это и есть последняя и главная тайна.

Вот и сегодня Антон, несмотря на боли и постоянное желание уйти домой, лечь и не шевелиться, прослонялся весь день в ожидании своего срока. Он притворил за собой дверь, сел к столу, придвинул телефон. Вспомнил, что будут строить АТС. «Не скоро еще», - подумал и завертел ручкой. «Мне бухгалтера», - сказал, когда откликнулась телефонистка Нюра: «Соединяю».

Чудно устроены в Ёрге телефоны - поют! Поют, когда звонят: зуммм - заммм - зимм. Зум-зум-зум-зу-у-умм... Зим-за-а-м-зам-зо-оммм... Так много ду-у-у-ум на-а-во-о-дит зомм... Зам, зим, зом... Антон подпевает незаметно: «Ве-че-ерний зво-о-он...»

«Вы разговариваете?» - перебивает Нюшка, потому что ей тоже пора идти домой. Антон Парамоныч кладет запотевшую трубку. Растирает под рубахой грудь - и чего опять заныло? К дождю, что ли? Заметил стакан с малиновым вареньем, стакан прикрыт чистым листочком из тетрадки по арифметике и обвязан черной ниткой. Антон взял липкий

стакан и пошел домой. Повстречал Клавдию, жену бригадира, прет полные руки, праздник у них сегодня.

- Вина-то много взяла? - спрашивает Антон.

- Поди, хватит на всех, - обходя бочком, ответила Клавдия.

- Ну и правильно, - похвалил Антон, - а муж где?

- Где-где, за сельсоветским Гришей пошел, а я тут и во дворе, и по дому, вся уж упеталась, - уходя, жаловалась веселым голосом Клавдия. Вспомнила, остановилась: - Вы с Машей завтра на картошку выходите?

- Картошка нынче - горох.

- И горох убирать надо.

- Конечно. Сухо было, вот и не выросла толком. Выйдем. На своей лошади...

Ушла... Дорогу пересекла Лариса, емельянихина дочь. Красивая, в девятый класс пойдет. Лариса повторяла в уме стихотворение и в такт водила руками, и ступала тоже в такт. Антон прошел незамеченный. Зато у самого дома окликнула его соседка Дарья.

- Антоша, это ты?

- Я-я.

- То-то по шагам слышу, что вроде ты, Антоша, глянь-ко, там не Александра ли идет?

- Где?

- Да вон, у Матвеева дома шаги слышу. Она?

Антон всмотрелся в сумерки.

- Она, баба Дарья, она.

- Ну, спасибо тебе, иди с богом, иди.

Баба Дарья осталась гадать: «Куда это пошла Александра? К Ерохиным? Не пойдет она к Ерохиным - распетушились они, а все из-за тоськиных выкрутасов, поди. К Силиным? А быть может, к Матреничевым?» - гадала, гадала, да и вспомнила вдруг совсем другое - сегодня по телевизору петь должны. И она убралась.

Антон с трудом взошел на крыльцо, неровно ступая по наклонному просевшему полу, добрался до стола, где должен был стоять чайник с водой. Написал в темноте. Нашарил выключатель, осветилась заброшенная изба. Малину поставил на полку. Отошел. Почему-то показалось очень важным - переставить стакан с вареньем на стол. Подошел к полке - забыл, что хотел сделать. В задумчивости постоял и опять вдруг лихорадочно стал шарить по полке - ничего. Испуганный, начал рыться в углах, добрался до комода, где в верхнем ящике лежала потрескавшаяся по швам изопрелая полевая сумка, туго набитая слежавшимися бумагами. Тут же были все документы, справки и медали.

Поспешно разместился за столом, извлек дрожащей рукой первую бумагу. Оказалась ведомостью на списание - то, что надо, то, что требовалось. Притих, успокоился. «Телефонный аппарат бронированный - три, - и рядом рукой молодого Антона: - без футляров». Как же, футляры прибрали сразу - «кожа», вспомнил Антон и хитровато подмигнул кому-то.

Он читал ведомость и тут же почему-то забывал прочитанное, возвращался, перечитывал, забывал... Тонкая улыбка оставалась на губах... Нудило в левом боку, мешало сосредоточиться... В глазах загорались искры, тут же пропадали, перемещались в голову и там вспыхивали. Мозг лихорадило... Потом все слилось.

В новом клубе шло кино про войну, после были танцы, потом закрыли клуб. Молодежь разошлась. Уснули последние старики. Отлаяли свои собаки. Отшумела одинокая ночная машина. Дежурный монтер выключил электричество и лег спать. Было далеко за полночь. Светила желто-синяя луна. Антон очнулся - его звали. Казалось, давно и насовсем забылся голос молодого полковника, но сейчас Антон сразу понял - зовут-зовут-зовут. «Все за мной!» - кричал полковник.

Антон вскочил, его закачало и ударило о стену - лицом. Он понял, что ранен. «Меня ранили», - хотел сказать он командиру, но тут и сам догадался, что рана нетяжелая. Антон был ранен, и ранен красиво, это не страшно, это как в кино про войну - потом все заживет. Антон закрыл глаза и увидел старшину Нерובה. «Чего ждешь, вперед!» - послал старшина, однако сам был окровавлен и неподвижен.

Антон встрепенулся, зажал рану в левом боку, правой рукой схватил гранату и выбежал по тревоге на улицу. Он улыбнулся, потому что был нестрашно ранен и знал, что совсем не умрет. Он даже подогнул слегка колени, как это делают герои в кино, - двинулся по улице, по-деревянному переставляя ноги. Антон шел, и внутреннее скрытое предвкушение награды за подвиг теплило душу его. Вот уже и жена: «Какой ты, однако, подчас». И люди внимательно слушают о семи чудесах света и записывают, чтобы не поза-

быть...

Но лишь он увидел развалины обгоревшей церкви, как понял, что никакое это не кино - это разбитая церковь, где засели немцы. И вновь голос полковника, прерванный пулеметом. Били из развалин крупным калибром, в ночи видны частые вспышки. Антон бросился на землю, вжался в нее, пережидая пулемет. Затем пополз, волоча гранату. Он глядел в одну точку остекленевшими зрачками, в красную точку среди черных развалин. Там спрятался пулемет. Антон боялся опустить глаза, чтобы не потерять то место, куда надо было ударить гранатой. Вновь забил пулемет. Антон ткнулся лицом в колючие кремни. И тут на секунду осенила трезвая мысль: «Здесь будут строить АТС, здесь будут строить...» Как-то разом проплыли перед глазами человеческие лица: Неробов, молодой начальник, Тонька, Маша, Лазарь, все, кого видел сегодня, и Анна, жена... Лица завалились на сторону и уплыли. Стало холодно. «А-тэ-эс», - как эхо, голос уходящий...

«А-а, - догадался Антон, - вот вы где засели». Антон поднял голову, взгляд его был дик, ужасен, но пронизателен - он, Антон Смирнов, увидел наконец все Зло этого мира - Зло пряталось в развалинах древнего храма и сеяло смерть. Всем.

Антон встал во весь рост и бросился на пули. Страшен был его нечеловеческий крик, вздрогнула земля, содрогнулись враги. Он бросил гранату, когда был в двух шагах... Прогрохотал взрыв. Полевая сумка разлетелась, ударились о камни медали, опустелись бу маги на битые стекла, в которых дробилась луна. Заполонило бия крылами, отлетели в низкую темноту перепуганные галки.

Антон медленно оседал, спина его скреблась о кирпичную стенку, задралась гимнасттерка. Он вытянул ноги, а голову запрокинул. И тогда в тишине услышал он ласковый голос:

- Антошеньку ба-аю-бай...

Антон сразу догадался, что это голос родной матери. «Баю-бай», - приласкала мать, и в первый раз за свою жизнь все существо Антона наполнилось счастьем.

Уже счастливый, он глубоко-глубоко вдохнул в израненную грудь живой августовский воздух...

Упала звезда. Оставила недолгий ослепительно зеленый след.

Люди спали не тревожась. Бодрствовал монгольский Идол, когда-то и кем-то посвященный случайному и всеми позабытому богу. Он всматривался в грядущее и, начисто забыв новые слова, тихо пел степные песни.

ОСЕННЯЯ БЫЛЬ

- Птица, птица синяя,
Отчего ты синяя?
- Поклевала синих ягод.
Китахара Хакусю

Бывает часто - и осень уже пришла, а люди ее не замечают. И лишь первый багрянец на кленах как-то сразу приносит золотую сытую пору. Это уж потом на березах обнаружатся первые проклевывы желтизны, рассеянные по мелким трепещущим листьям.

Уже изрыты картофельные поля, блещет и горит по утрам ядревая роса на жесткой стерне. Дороги усыпаны молодой белой соломой.

Осень - веселое время у людей, и тихая пора в природе - пресыщенные деревья готовятся к долговому сну, они расстались с плодами, травы осыпали семена и тоже дожидаются зимы, и неизбежно грустят все о радостях весны, о прошедшей зрелости лета.

Как это прекрасно, когда птицы смолкают и деловито сбиваются в стаи, вот они поднялись с пустующего поля и пролетели над березовой рощей, пробуя сильные крылья. Осиротело без них поле, а это грустно.

Сколько звезд родилось и умерло с тех пор, как живут перелетные птицы! А новые звезды так же, как и угасшие, обозначают им далекий путь...

Воробьи - и те смолкли, день-деньской живут в лебеде. Если их вспугнуть, то вспорхнут на кустик, а не то на рябину, переждут, а там, по одному, по два, осыплются на теплый бугорок и закопшатся, никому не мешая.

Уже несколько дней было ветреных. Подует сиверко и утихнет, и опять вроде бы потеплело. Нельзя же сразу, пусть привыкнут люди, звери, деревья, травы. Но скоро ветер загудит в многостволье сосен, и холод, приносимый им, повлечет за собой осенние дожди, они опустятся с низких туч, вода в реке, прозрачная до этого, вдруг станет свин-

цовой и тяжело будет ударяться о берег. Кажется, что волна стучится и просится домой, - кажется так, потому что поздней осенью волны бьются о землю и камни бесшумно, а это странно.

Пройдет первый дождь, и, словно испугавшись, сбросит листву легкомысленный клен. На первый раз успевает просохнуть земля и неделю, а то и две, нежится, затаив дыхание из-за того, что ее зацеловали кленовые листья.

И вновь придет ветер, он соберет разноцветье листьев и уронит их в речку Яргомжу, листья проплывут немного и утонут, уже пожухлые, но прежде чем почернеть, они успевают отдать свой цвет рыбе-окуню. Это делается для того, чтобы зимой подивился рыбац, когда по льду придет он с пешней и добудет из лунки окуней - он увидит на белом снегу, усеянном сапфировыми осколками льда, багряно-рыжих красноперых рыб, они расщепятся и будут похожи на диковинные цветы, а человек вспомнит осенние теплые листья, и на душе у него станет хорошо.

Последние дожди смывают тоскливые следы тусклых красок, следы разлук и утешений, земля становится плотной и голой.

Днем еще греет солнышко: когда проглянет сквозь тучи, то кажется таким близким, можно тронуть рукой и не обжечься, потому что оно, едва теплое, висит над ельником, над самой Ёргой, над головой Антона.

Перед первым заморозком Кукла забралась на низкий стог сена и пролежала там, свернувшись, весь день.

Не дельвала еще рука человека того колокольца серебряного, что звенел бы так же чисто, как звенят первые льдинки, затянувшие искристой пленкой полые следы от конских копыт. Давно ли в округлых ямках стояла теплая сладковатая вода, давно ли к ней слетались последние тихие пчелы, а вот уже и застыло все после поздней распутицы. Выйдет Антон ранним утром, ступит ненароком в старый след, обрушится ледок и зазвонит, а звон этот потому столь чистый, что только в эти утра над землей самый легкий и бесконечно прозрачный воздух.

К полудню все растопит. А ночью во всем небе ни облачка, взглядчивые звезды поразительно большие, они весело засмеются рассыпчатым смехом, и, словно стесняясь, закроются звезды белым пологом - снег пошел...

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

*- Птица, птица белая,
Отчего ты белая?
- Поклевала белых ягод.
Китахара Хакусю.*

О, этот обыкновенный мир! Неповторимый, как рождение. Какое счастье, проснувшись, подивиться необычному свету, что льется снизу во все оконца. Кто может сказать, чем пахнет первый снег? Первый снег - как встреча после долгой разлуки.

Зима выступает белая, да молодая, в сапожках на меху, идет по лесу, переступая через синие тени берез, ее поддерживает под локоток Мороз - седой, но статный мужик в нагольном тулупе. Ухаживает он, а Метель - мамаша невольничья Зимы - злится.

Но людям пока не до них. Настало наконец время отдыха и зимних утех. Кто он, который проделает первый санный путь?

За ночь нагрудит снегу, и хозяйки будут разметать дорожки. Выйдет и хозяин обновить валенки и проторит тропинку в скрипучем снегу: пойдет к соседу табак смолить.

К тому времени, когда солнце повернет на лето, сгорит половина заготовленных березовых дров, а ольху - царские дрова - берегут до срока под блины да пироги.

Тишь в округе, даже псы не лают. Дым возносится в небо из труб, украшенных петухами. Вдруг! Откуда ни возьмись - Ветер. Молодой, усатый и легкомысленно-озорной. Пошнырял туда-сюда, подглядел, что ему надо, походя тронул подол Метели: «Чего охашешь, старая сплетница?» - «Уф, ты, босяк! Уф, ты, безродный! Отколя и взялся, окаянны-ы-ы-ый!» И понеслось...

Прошлась по полю, осерчавшая - сровняла, сунулась было в лес, да сосны зашумели, повернула на реку - не понравилось, в овраги подалась, смела снег до белой земли на загривках, где репей растет - оставила его неприкрытым, потом ушла в камыши - волнами пошел камыш. Скучно стало старухе, потянуло на люди: разговоры слушает, в трубы свистит - детей пугает, от избы к избе перелетает - слухи разносит. К утру хотя и умая-

лась совсем, но ворчала до самого вечера. Тут и заснула.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

*- Птица, птица красная,
Отчего ты красная?
- Поклевала красных ягод,
Китахара Хакусю*

Люди стали чаще поглядывать на небо, наблюдать звезды и полную луну, неясное беспокойство овладело ими - людьми, звездами, луной. Люди не знали точно, однако догадывались, что в тайниках природы, которые им неведомы, назревает весна и поэтому рождается радостное предчувствие. Люди занимались работами и делали вид, что весна, мол, не скоро, а на самом деле ежедневно и бдительно высматривали предтечи ее. Плохо спали, много думали ночами, молчали подолгу, а то внезапно смеялись, не зная чему.

Перебирали семена.

Высоко в небе едва заметные перемены, а глядишь, сосед соседу: «К погоде вроде бы, ветер-то верховой. А ты как думаешь?» - «К погоде». Мал человек, а чувствует, что в высокой вышине пошел теплый ветер, и спокойно прошел хозяин мимо растрепанной соломы, которой по окна утеплена изба: чего и поправлять, если вот-вот и остальную убирать надо будет.

Однажды ночью, а не в предутрие, как обычно, запел петух. Ну дела - и остальных раззадорил, все село разбудили.

Хозяин обрадовался - причина есть, встать можно. И хозяйка, что ворочалась до этого, да вздохнула, да ругалась: «И не надоело чадить?» - «Тебе что, табаку жалко?» - и она зашлепала, босая, поглядела на деток и, накинув мужнин старый пиджак, ушла в хлев разговаривать с буренкой.

Муж как был, так и вышел на крыльцо, оперся о перильца, слушает: «Маш, а Маш, - зовет он удивленным голосом, - слышь-ка». - «Ну чего?» - доносится из растворенных дверей. «Да подь сюда, говорят ведь...» Мария выходит, пахнувшая родным домом, сеном, молочным теленком, прижимается горячим телом к мужу и ждет, - а что он скажет. «Капель», - выговаривает он, дивясь самому слову. Притихли и дождались нежного звука, так стучится гость, который знает, что его ждут, что ради него и калитку не запирали.

Весна пришла, и волосы женщин, влажные от любви, потемнели. И робко смеялись женщины, чувствуя, как у них под сердцем зарождается еще одна новая жизнь. Мужчины к следующей зиме ожидали сыновей.

А солнце выше, и снег, как оплавленная соль, - серый. Заплыли росчерки птичьих следов и мелких зверушек.

Последний сильный мороз и поэтому последний за зиму иней на березах. Иней этот пушист и бел, как ресницы у новорожденной телочки. Оледенели разъезженные санные пути, вмерзла просыпанная солома, начал подтаивать назем - дороги стали желтые. Однажды ввечеру Антон услышал булькоток подснежной воды - журчурли - ночью он подмерз, но вот уже скоро ручей увидит свет и поскачет к речке, плескаясь и притворно ярясь, и размывая еще мерзлую землю.

На небе заволока - скоро будут ясные дни, на земле сорок утренников, как сорок осторожных шагов уходящего от опасности.

Потом все разом, успевай оглядываться: рухнут с охом да ахом снега на полях, вода в немерзнувшем ключе запахнет подснежниками, ночью подует ветер с юга, к утру он принесет первого грача. Так он будет каждое утро кого-нибудь ссаживать - скворца, ласточку, а чибисы прилетят раньше их - сами по себе, и принесут на крыле половодье; вот они, последние два дня перед первой воробьиной сварой - прогнали из скворечен серышей, устроили скандал. Послушали их остальные птицы и поняли - можно шуметь. Пора!

Обрушилось! Запело, засвистело, затенькало. И нету силы такой, что могла бы остановить весенний шум.

А ведь о зиме жила в березовой роще одинокая пискуня - спасибо ей! - дотянула свою песенку до прилета товарищей. Все ее помнят. А спроси, как зовут, - мало кто скажет.

К тому времени, когда спадет оловянное половодье, небо уже станет бледно-голубым, а земля черной.

Весна. Вокруг, как и всегда, все дышит одним дыханьем, в едином ритме движутся во

времени мириады жизней, колотятся сердца все вместе, и каждому из них, как звуку каждому, уделено свое место в слитном ряду живущих. Однажды весной удивилась природа, услышав ровный стукоток первого трактора на Барском Поле. Тогда разомкнулись плотные ряды, и дали ему место - хотя оно и железное у него, а сердце! Так решили все живущие в ритме.

Сколько будет тому лет, как по весне стучат трактора? Слава сердцу твоему, кормилец!

Антон всегда слушал, как поют по ночам трактора, а вот маленькие птицы смолкали по одной, уже и чибис влюбленный перестал гудеть крыльями, отворковали голуби - парят яйца.

Но задолго до них вывели птенцов снегири - птицы, принадлежащие не миру звуков, а миру красок. На них возложена великая миссия сохранения красного цвета - цвета жизни. Красное солнце лета отдает свой цвет рябине, от лютых морозов ее гроздь делается слаще и краше, и бережет их матушка-рябина до прилета всех снегирей. Красные птицы самоотверженно исполняют предназначение быть для людей маленькими солнцами до той самой поры, когда на дне ручья оледенелом, сквозь трещины во льду тронется в рост первый побег осоки. Что может быть красней, чем росток осоки! Он останется ярко-пурпурным по первый день красного месяца мая. В мае же заполощется флаг над сельсоветом, предвещая летнее солнце, а плеск красного флага на ветру принадлежит уже миру ритмичных звуков жизни.

После первой грозы тепло, и если голые березы до этого дня белыми линиями делили хвойный лес на черно-зеленые полосы, то сейчас они укутались зеленой дымкой, которую, казалось, может унести даже слабый ветерок по синему небу. Однако наступило безветрие совершенное, по ночам шепчутся деревья и вздрагивают от избытка соков.

Сущее преисполнено непобедимым чувством возрождения.

У коновязи покойно, жарко. Муром на солнышке. Неподвижен сам и лишь водит глазом, наблюдая за кошкой, - она переносит котят на вышку, где лежит старое сено. Муром не обращает внимания на черных птиц, что по очереди выдергивают у него зимний волос на гнезда. Ходят по крупу, как дома, грачи.

Соседки перекликаются охрипшими веселыми голосами, вчера выгоняли коров на вешнюю траву. «Я гоню ее, а она назад!» - в сотый раз повторяют друг другу.

Давно ли Антон и сам помогал хозяйкам, звал коров по кличкам, весело ругался и мельтешил, отвыкнув за зиму от стада, бегал в расхристанном пиджачишке, всклокоченный, однако так и не снимал с плеча пастушью суму, застегнутую на старую солдатскую пуговку...

Кто самый красивый? Кто самый любимый? Чьи медовые копытца не тонут в дорожной пыли? Чей хвостик, похожий на кисточку камыша, плывет над цветастым лужком? Это двухнедельный жеребенок.

Александр ЛОМКОВСКИЙ

ВАХТА

Нинку Никитину, толстопятую, всю в конопушках десятиклассницу, и в школе, и в деревне все называли - Вахта. Откуда уж и прилепилось к ней это нелепое прозвище, никто толком не помнил. Вахта - да и все тут! Одна только мать, да еще старая бабушка Полина и называли ее по имени. Да и то, нет-нет, да и брякнет бабуля в сердцах, слишком уж осерчав на Нинку:

- И что это ты, девка, орешь тут, как вахта какая ерихонская, прости господи!

Поначалу обижалась Нинка, пыталась огрызаться:

- На себя-то посмотри в зеркало, кочережка старая! Чай, внучка твоя... Не под забормом и нашлась!

Но постепенно привыкла Нинка к своей непонятной кличке и даже начала втайне гордиться ею: попробуй-ка до Москвы в одну сторону и до Мурманска в другую отыскать похожую! Нечего и пытаться!

Ну, и решила для себя, что раз уж прозвали ее так необычно, то и поведение у нее должно быть соответственным. Случайно прочитала в газете про экстравагантных фанатов группы «Ария», и будто подтолкнуло ее - вот же оно! У них в глуши никто, конечно же, эту группу не слушал: вся поголовно молодежь баддела от незамысловатых попсовых песенок, которые заводили в клубе на танцах. Довольно резво взявшись за дело, Нинка через знакомых пэтэушников, которые учились в городе, достала несколько кассет с записями и начала внимательно их изучать. К слову сказать, понравилась Нинке группа. Очень даже понравилась. И за одно только лето выучила она наизусть три-четыре десятка текстов. Это же для души! Не то, что по школьной программе, бездумно зубрить пару-тройку стихотворений Пушкина и через неделю благополучно их забыть. А на красочных, но довольно-таки мрачноватых обложках кассет было написано, что тексты эти сочинила Маргарита Пушкина. Особо не задумываясь, Нинка вскользя решила для себя, что это, наверное, внучка поэта, даже не удосужившись заглянуть в учебник, чтобы посмотреть годы жизни Великого. И начала Нинка изводить всех цитатами и выдержками из «Арии». К месту и не к месту приводила она отрывки из текстов и даже иногда ссылаясь на них как на авторитетный источник. Некоторые подружки за ее спиной крутили-таки пальцем у виска - совсем, мол, крыша поехала! Другие же, наоборот, откровенно завидовали: ишь ты, какая умная!

По случаю же купила Нинка джемпер с изображением своих кумиров во всю грудь и уже никогда его не снимала. На предложение учителей надеть нормальную школьную форму отвечала категорическим отказом и нарочно грубила, в открытую издеваясь над худосочными педагогами. Те же смущенно отводили глаза от горой нависающей над ними Нинки и бочком-бочком быстренько смывались в учительскую - попробуй-ка усмирить восемьдесят килограммов нахальства и дурного вкуса! Ждали, что греха таить, окончания школы Нинкой, как светлого праздника. И как это ни странно - в этом желания учителей и Нинки совпадали полностью.

Шла Нинка по жизни легко и свободно, ни над чем особо не задумываясь. Давно еще, классе в шестом, гостил у них в деревне какой-то далекий родственник матери. И спросил как-то в шутку, намекая на пышные нинкины телеса:

- Ты, наверное, поварихой будешь?

- Буду, - легко и бездумно тут же согласилась Нинка, ни о чем таком до той поры и не помышлявшая.

И с тех пор - словно вложил в нее родственник программу - решила Нинка закончить в городе кулинарное училище, опять же дальше этого не заглядывая. Да и действительно - чего там заглядывать? Еще в школе учиться два месяца, а потом и экзамены уже. А там, глядишь, и лето. Не о чем вроде задумываться...

Снег почти сошел, но ночами еще крепко подмораживало. Днями апрель с настойчивостью бульдозера давил своими грязно-зелеными лапами с желтыми нарывами мать-и-мачехи последние сугробы деревенских заулков и упорно вывешивал в небе свой фирменный знак - солнце. А ночью он прятался в поле за старыми овинами и уступал землю заморозкам. Если бы Нинка умела писать стихи, то она непременно бы написала что-нибудь и про солнце, и про холодные ночи, и про мутные, о чем-то бубнящие под окном ручейки. Что-то бродило в Нинке этой весной, просилось наружу. Не хватало этому «что-то» места в большом Нинкином теле, в нерастроченной еще девичьей груди, выгибалось как-то по особенному душу и подходило к горлу, мешая порой дышать. Особо не доискиваясь причин, да и вряд ли они были бы найдены, решила Нинка, что ее «заколбасило» почему-то, да на том и успокоилась.

В один из субботних вечеров пробиралась она домой из клуба с очередной дискотеки. Бодро давила ногами ледок на подмерзающих к ночи мелких лужицах.

- Уроды... - ругалась она про себя. - Заводят постоянно попсу долбанную. Нет бы «Арию» поставить. То-то бы оттянулись... Жанна из тех королев, - без всякого перехода замурлыкала вдруг она вполголоса любимую свою песню, - что любит роскошь и ночь...

- Эй, Вахта!

- Только царить на земле ей долго не суждено-о...

- Вахта, оглохла, что ли? - уже громче окликнули ее.

Силой вырванная из сладкого плена песни, Нинка ошарашено застыла посреди темной улочки. С трудом углядела в густой тени забора три смутные фигуры. Подойдя чуть ближе, узнала ребят из ПТУ, которые и доставали ей в свое время кассеты, так круто изменившие ее жизнь. Нинка подошла ближе.

- А, типа на выходные прибыли... Ну, чо там в городе-то?

- А чо в городе? - задумчиво переспросил высокий прыщеватый Гуня. - Метро нынче построили - теперь все под землей на работу ездят.

- Да иди ты... - удивилась Нинка. - Прямо так и под самой землей?

- Ага, - поддержал Гуню веселый Валерка-Полукит. - До работы - под землей, а обратно пешком чапают. Метра-то в одну сторону ездят. Кольца, вишь ты, еще не построили. Ну, мы и подрядились - по ночам вагон на место перетаскивать...

- Ну, - снова вклинился в разговор Гуня. - По пятерке на рыло за ночь выходит.

Нинка только крутила головой, переводя взгляд с Полукита на Гуню и обратно.

- Да хорош вам из меня дурочку лепить! - засмеялась вдруг она приятным грудным смехом. - Метро-о! Ишь, чего навьдумали. Ровно мы в лесу тут живем: ни газет, ни телевизора. Городски-ие...

Третий из этой веселой компании, Витек, приземистый, кряжистый парень, только улыбался и с вождением пялился на распирающую во все стороны курточку большую Нинкину грудь.

- Вина-то с нами выпьешь? - вдруг без всякого перехода поинтересовался он.

- Чай, не маленькая. Не откажусь, поди, нальете ежели, - тут же согласилась Нинка.

Надо сказать, что за недолгие шестнадцать лет жизни не выпила Нинка ни капли спиртного - все случай не подворачивался. Но эта выпускная весна тащила ее по жизни с железной настойчивостью локомотива, и Нинка безропотно шла следом. Предложи ей кто-нибудь искупаться прямо сейчас в пруду или слетать в космос - немедленно бы согласилась.

...Под утро уже явилась Нинка домой и легла спать. Проснулась днем, когда солнце, стоявшее на самой маковке неба, нагло забралось к ней в постель и разлеглось на лице. По рассказам подруг она знала, что после вина должно наступить похмелье. Но ничего такого не было. Нинка лежала и с интересом рассматривала двух воробьев, суетившихся за окном на ветке черемухи. Потом неожиданно вспомнила прошедшую ночь: увешанную какими-то дурацкими плакатами гунину комнату, батарею пустых бутылок вдоль

стены и меняющихся на ней парней. Чего-то они там дергались, целовали, а сволочь Полукит даже кусал за грудь. А Нинке было совершенно все равно - чего они там с ней делают, как поворачивают...

Вспомнила и даже сплюнула с досады - дура, нашла тоже с кем... Она поднялась, медленно оделась и пошла таскать воду в баню.

- Жанна из тех королев...

Наконец выпускные экзамены были сданы, и по земле весело покатилося лето. Каждый день Нинка ходила на дальнюю речку, плюхалась на мелководье, курила до одури на травке и ни о чем не думала. Рядом верещали кузнечики, приятно пахло скошенной травой, маленькими стрелами проносились мимо ласточки-береговушки. Хорошо, в общем, было. Идиллия. Однажды эту идиллию грубо нарушили нинкины «ухажеры», забредшие сюда по какой-то случайности. Попытались было опять пристроиться к ней, но Нинка так двинула Полукита по шее, что общаться у парней отпала всякая охота. После встречи с ними вспомнила Нинка, что надо ехать в город - поступать в училище. Пришла домой, собрала документы и на другой день, в своем неизменном «арийском» джемпере, уже сидела на остановке, терпеливо поджидая автобус.

Спокойно было на душе у Нинки. Знала по рассказам, что в училище принимают так просто - ни экзаменов тебе, ни других заморочек. Даже рады будут. В областном городе быстро нашла училище, покурила перед входом и не спеша пошла по указателям со стрелками, на которых красовалась надпись - «Приемная комиссия». Представляла уже себе толпу строгих людей в очках, которые начнут придирчиво изучать документы, и очень удивилась, когда молоденькая веселая секретарша, чуть постарше самой Нинки, взяла ее бумаги, сунула в сейф и сказала, когда нужно приезжать на занятия. Да еще отправила оформляться в общежитие. «Да, тут тебе - не там!» - весело подумала Нинка про город и потопала разыскивать общагу.

Быстро уладив дела с пропиской, она решила до вечернего автобуса просто побродить по городу. Областной центр Нинку не поразил: такие же деревянные домики, как и у них в деревне, а каменных пятиэтажек она насмотрелась в центральной усадьбе совхоза. «Подумаешь - город!» - усмехалась она про себя, откусывая большими кусками мороженое. А когда увидела в парке козу, мирно пощипывающую травку, то и вовсе развеселилась.

- Деревня. Большая только, - произнесла вслух.

- Простите, что? - недоумевающе произнес тощенький старичок, читающий рядом на скамейке газету. - Не расслышал...

- А и не обязательно, - отбоярилась Нинка и, поднявшись со скамейки, пошла дальше.

Равнодушно прошла мимо афиш, наклеенных на заборе возле городского рынка. И только отойдя уже метров на десять, почувствовала какую-то занозу в памяти. Медленно развернулась и, все еще не в силах поверить своему счастью, прочла на одной из афиш короткое: «Ария». Подойдя к театральным кассам, оказавшимся поблизости, узнала цену билета. Оказалось, что вся наличность в ее карманах и стоимость самого дешевого билета совпадают один к одному. Дальше Нинка действовала, как в тумане. Отдав кассирше все свои деньги и получив за них вождеденную бумажку, пошла топтать по изнывающему от жары городу. Спешащие куда-то люди равнодушно шли мимо, фыркали синей гарью машины, усталое солнце лениво плескалось в многочисленных окнах домов и витринах магазинов. А Нинка тащила в своей душе радость и страх от предстоящего концерта. И не хотела она делиться своим чувством ни с кем. Нянчила она его, это чувство, как маленького грудничка и оберегала от постороннего взгляда, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не задел его неосторожным неловким движением. И было в ее лице что-то такое от этой нежданной радости, что-то теплое такое и задушевное. Даже молоденький милиционер, стоящий в тени крыльца какого-то недавно открывшегося банка - видать, тоже деревенский парень, - проводил ее восхищенным и задумчивым взглядом.

Не спеша Нинка спустилась к реке, дающей какую-то, хотя бы относительную, прохладу, уселась на подвернувшееся бревно и все смотрела, смотрела на серую коробку Дома культуры, где послезавтра будет проходить концерт. Там же, у реки, Нинка и переночевала. Нашла местечко поукромнее, набросала травы и уснула. Утром проснулась вся опухшая от укусов комаров. Наскоро умылась прямо из реки и пошла дальше бродить по

городу. Сигареты кончились, денег не было, но Нинке было все равно - ведь завтра уже концерт! О том, как будет добираться домой, она почти не думала, главное - попасть на «Арию», а там уж хоть трава не расти! Мир - он не без добрых людей. В крайнем случае, можно будет и на попутках доехать. На вторую ночь поступила мудрее - пошла ночевать на железнодорожный вокзал. Народу, несмотря на то что уже шел двенадцатый час, оказалось предостаточно. С трудом отыскав свободное место, почти уже начала засыпать Нинка, но уловила умопомрачительный запах жареных пирожков, доносящийся из вокзального буфета. В животе неожиданно забурлило, начала кружиться голова. Ругаясь, на чем свет стоит, Нинка с трудом потащила в самый дальний угол вокзала к пригородным кассам, где и задремала на широком подоконнике. Всю ночь ей мешал голос дикторши, объявляющий о прибытии и отбытии поездов. Уже под утро, злая и не выспавшаяся, выбралась она на привокзальную площадь, знобкую от утреннего тумана. От нечего делать начала рассматривать шикарные авто, сверкающие и важные - будто бы из другой жизни. Неожиданно ощутила сильный тычок под ребра. С недоумением обернулась. Перед ней стояли три довольно-таки потасканные девицы и нагло щурились, оглядывая Нинку с головы до ног.

- Пошла, сучка, отсюда - это наше место. Или плати, - почти прошипела одна из них.

- За что? - не поняла Нинка.

- Хочешь мужиков снимать - плати за место.

- А-а, ясно теперь. Вы проститутки, - нинкин голос зазвенел от едва сдерживаемого гнева. - Сейчас, только деньги достану, - и тут же, не давая опомниться, схватила двух ближних за волосы и двинула их головами друг о дружку.

Затем увесисто плюхнула раскрытой ладонью по лбу третьей. Девицы комфортно расположились возле нинкиных ног - мало ли, устали девочки. Нащупав в кармане джинсов чудом сохранившуюся монетку, она победно кинула ее на асфальт. Монета покати-лась, звеня и подпрыгивая.

- Заплатила. Мало не покажется, - бормотнула Нинка и, несколько взбодрившаяся, пошла с площади в липкий туман улиц.

Часа за четыре до начала концерта начали подтягиваться первые зрители. Это были такие же, как и Нинка, пацаны с девчонками. В таких же почти джемперах, с «арийскими» банданами вокруг голов, с небольшими рюкзачками за спинами. Они расположились на турникетах у входа, курили, пили пиво и нестройными голосами пытались петь «Ангельскую пыль». Иногда кто-нибудь, ломая ход песни, начинал скандировать: «Ария!» «Ария!» Все тут же подхватывали этот первобытный клич. Незамедлительно откуда-то доносились такие же ответные вопли. Это означало, что подходит новая толпа фанатов. Незаметно как-то появилась милиция. Много милиции. Большая часть из них прошла в комплекс, а оставшиеся снаружи начали деловито расставлять турникеты у входа. В их действиях чувствовалась уверенность и сноровка. Закончив с турникетами, они тут же выловили из толпы двух самых пьяных фанатов и потащили их за угол здания - к одному из своих автобусов. Нинка тихо сидела в сторонке, жадно рассматривала все прибывающую толпу и отчаянно завидовала этой свободной независимой молодежи. Как ей хотелось сейчас быть среди них: пить с ними пиво, не обращая внимания на милицию; кричать хриплым голосом «Ария!»; фанатеть от рева «арийских» песен. Но она впервые видела столько молодежи сразу и поэтому, как это ни странно, сильно боялась - вдруг не примут ее в свои ряды, отторгнут, как чужеродное тело? Не было у нее никакого еще опыта посещения подобных мероприятий. Не знала она, что появившись сейчас из-под земли, к примеру, черт - хромой и бельмастый, и скажи он одно только заветное слово «Ария» - и тут же примут его, обласкают, как брата, повяжут на рога бандану и сунут в лапы бутылку пива - пей, мол!

А толпа все прибывала. Уже самые отчаянные дуром поперли на милицию, размахивая зажатými в руках билетами. Но блюстители порядка равнодушно перекрывали своими спинами проходы в турникетах и никого еще не пускали. Одному из фанатов, нечесаному и в драных джинсах, посчастливилось даже схлопотать дубинкой по плечу. Но, наконец, вышел какой-то милицейский старший, с большими звездочками на погонах, и разрешил вход. Дикие орды фанатов ринулись через турникеты к заветным дверям. Подождав, пока толкучка у входа рассеется, Нинка выбралась из тени кустов, росших по всему берегу, и робко направилась к турникетам. Сильно билось сердце, пульс участи-

ся, щеки горели - еще бы! Ведь через несколько минут она воочию увидит своих кумиров. А интересно - Кипелов очень высокий? А у Дубинина действительно такой пронзительный и резкий взгляд? А будет ли с ними Маргарита Пушкина? Какая она? Молодая или нет? Тысячи вопросов вдруг завертелись в голове у Нинки. Пытаясь подавить в себе разыгравшееся воображение, она незаметно добралась до входа. Прошла через узкую змейку турникета, под дулами пристальных милицейских взглядов, и неожиданно застыла перед стоящими у дверей контролерами. Билета не было!

Затрясшимися вдруг руками лихорадочно вывернула все карманы у джинсов. Пусто! Видимо, выронила билет, когда облагодетельствовала денежкой вокзальных проститутток. Не в силах поверить в обрушившуюся на нее беду, она виновато посмотрела на контролеров - трех здоровых плечистых малых - и криво улыбнулась сведенными судорогой губами.

- Эй, корова! Или иди, или отвали в сторонку. Раскорячилась тут! - раздались сзади возмущенные голоса.

А Нинка все стояла и смотрела на контролеров - вдруг да пропустят? Но не пропустили. Напиравшая сзади толпа оттерла ее в сторону и выдавила, как ненужный чуждый элемент, за турникеты. «Это сон. Конечно же - я сплю. Сейчас найду вот билет, и этот кошмар кончится. Билет должен быть. Как же иначе? Я же покупала...» - думала про себя Нинка и в сотый, в тысячный раз методично ощупывала карманы. Напрасно! Билета не было...

Ветер остервенело рвал верхушки деревьев и яростно трепал нинкины светлые волосы. Где-то на востоке змеились уже злые белые ниточки молний. Редкие фонари вдоль заборчика стадиона нелепо пытались бороться с обрушившейся на город плотной чернильной темнотой. Раздавленная навалившейся на нее бедой, Нинка безучастно сидела у железного заборчика, опершись об него спиной, обхватив руками колени и уткнув в них голову. Концерт давно уже кончился, пьяные и шумные фанаты разбрелись кто куда, проехали мимо милицейские автобусы. Пока вдали еще, сыто урчал гром, предвещая серьезный и сильный ливень, а Нинке хотелось только одного - умереть. Умереть быстро и сразу, чтоб не испытывать больше этих ломающих и корежащих душу мучений. Главная мечта ее маленькой и недолгой жизни пошла прахом. Она понимала, что вряд ли еще когда-нибудь в их город заедет так вот запросто «Ария». Нинка уже решила сходить на вокзал, отыскать тех проститутток и просто-напросто убить их. Ведь это из-за них она лишилась билета. А там - будь что будет. Но потом поняла, что шлюхи тут ни при чем, а во всем виновата только она сама. Вздрыгнув от очередного раската грома, она плотнее сжалась в комочек. В голове закрутилось что-то «арийское»: «Вальс летит «на бис», вальсу вторит гром. Шабашем ночным город заражен... Бал у князя тьмы...» И так без конца. Все мысли куда-то подевались, в душе возникла странная пугающая пустота, сердце забило медленнее, но сильнее, редкими мощными толчками прогоняя кровь по венам. Нинка даже чувствовала это и как будто видела воочию: вот сердце начинает расширяться, всасывая темную кровь всеми своими многочисленными желудочками; небольшая пауза и - толчок; и вот уже кровь, шипя и булькая, устремляется нахоженными, проторенными годами, дорожками. Нинке это даже стало нравиться - видеть себя как бы изнутри. Но вдруг, словно чего-то испугавшись, это ощущение разом исчезло, и она загоревала еще сильнее.

Внезапно ее ослепил мощный свет автомобильных фар вынырнувшей из-за поворота машины. Нинка автоматически вскинула руку, прикрывая глаза от яркого света. Машина проехала чуть дальше и неожиданно остановилась. Кто-то невидимый приглушил грохотавшую в салоне музыку. Перед Нинкой выросли две темные фигуры.

- Вай, Ваха, - это дэвушка!

- А-а, вижу! Еще из машины видел: атдыхает дэвушка, надо остановить. Гром, панимаешь, орет, дождь лзет скоро. Совсем человек замерзнет, думаю. Сырой, как кошка, делается, да?

Нинка ошарашено крутила головой, переводя взгляд с одного кавказца на другого.

- Ваха, надо спросить - как его зовут?

- А-а, Резо, знаю. Торопиться. Нэльзя человека сразу спрашивать - как тэбя зовут. Панимаешь, э? Человек сидит, атдыхает. А ты лзешь из машины с вопросами. Любой человек скажет - иди, Ваха, отсюда подальше и Резо с собой забери совсем, э? Может,

дэвушка спать собрался здесь, а мы разговоры с ним говорим. Захочет - сам скажет. Красавица, да?

Нинка против воли улыбнулась - таким неожиданным оказался этот переход от полного одиночества к номинальной хотя бы компании. К тому же ей понравились цветистые ласковые фразы с неправильными склонениями и гортанный кавказский говор. В груди немного потеплело.

- Вахта! - представилась она.

- Э-э?..

- Вахта. Это меня зовут так.

Ваха от удивления даже подпрыгнул.

- Э-э, зачем говорить - Вахта? Разве есть такой имя? Я даже собаке так не скажу. Бояться стану. Я скажу - э, Вахта, ходи ко мне! А он скажет - ну и дурак ты, Ваха. И закричит. И, слушай, прав будет, да?

- Да, - уже смеясь, подтвердила Нинка.

- Вай, - удивился Резо, - дэвушка захохотался...

Нинка засмеялась еще сильнее. Медленно, с трудом поднялась, опираясь локтями об железную сетку заборчика. Ноги загудели от прилива застоявшейся крови. По икрам весело побежали мурашки.

- Мамаля Ниной назвала...

- Вай, смотри, какой дэвушка! - зацокали языками кавказцы, с удивлением и восхищением рассматривая нинкину фигуру и ее большую, не по годам развитую, грудь. - Какой дэвушка, э?!

- Я из деревни приехала, - вдруг призналась Нинка. - И есть хочу... Третий день уже...

- Зачем тогда сидишь в таком месте? Приди на базар, скажи: Резо, Ваха, - кушать надо. Кто скажет - нэт? Я скажу? Резо скажет - нэт? Э, Нино, зачем так про нас думать надо? - Ваха патетически взмахнул рукой, и тут же, словно в подтверждение его слов, небо расколол страшный удар грома.

И сразу обрушился ливень.

- Вай, в машину! - скомандовал Ваха, и, пригибаясь под сильными струями воды, первым нырнул в открытую дверцу.

Нинке ничего не оставалось делать, как броситься вслед за ним.

- И зачем в город ехал? - уже по дороге спросил Нинку Резо - худой, высокий, с носом и в кепке «аэродром» - классический тип грузина, какими Нинка видела их в кино.

- В училище поступала. На повариху.

Сидевший за рулем Ваха, напряженно высматривающий дорогу сквозь залитое потоками ливня лобовое стекло - «дворники» не успевали справляться с таким количеством воды, - попытался было сказать какую-то, по-видимому, сложную фразу, начинающуюся словами:

- Э, Нино... - но не сумел закончить, так как машина нырнула в ухаб.

Он надолго замолчал, что, пожалуй, являлось для него настоящей пыткой. Нинке неудобно стало молчать, и она спросила первое, что пришло в голову:

- А вы?..

- И, что? - тут же встрепенулся Резо, так и не нашедший тему для продолжения разговора.

- А вы зачем ехали тут?

- А, катались... - и опять надолго замолчал.

Наконец машина остановилась у подъезда стандартной пятиэтажки.

- Э, пока мы кушать готовим, можешь видик посмотреть или купаться сходи - у нас колонка, всегда вода теплый есть, - предложил Нинке Ваха, когда они поднялись в квартиру.

- А удобно будет? - застеснялась она.

- Э, зачем сказал - удобно-неудобно? Гость в дом - бог в дом! Иди и купайся, э?

Нинка прошла в ванную, закрылась на шпингалет, включила воду и присела на край ванны. События, обрушившиеся на нее за последний час, заставляли задуматься. «Может, у них худое на уме? - гадала она, сунув ладонь под струю воды. - Вдруг они хулиганы какие?» Но потом вспомнила - они говорили про то, что работают на рынке, и успокоилась - не сожрут ведь, в конце концов!

Через двадцать минут она, отдохнувшая после душа, с чистыми волосами, сидела в комнате и смотрела что-то по видео. Но что смотрит - понимала мало. Из кухни доносились такие резкие незнакомые запахи пищи, что ее буквально выворачивало наизнанку. Наконец, не в силах больше сдерживаться, она соскочила с дивана и пробежала в кухню.

- Дайте хоть хлеба, а? Не то голова кружится дуже...

- Ты сколько дней не ел? - деловито поинтересовался Ваха, жаривший что-то в огромной сковороде.

- Три дня назад мороженое съела, - припомнила Нинка.

- Э! - даже рассердился Ваха. - Зачем тогда кусок хлеба просишь? Подавиться хочешь, заворот кишечков себе устраивать хочешь, да? - а сам уже открыл холодильник и достал оттуда пакет кефира.

- Вот, бери кефир кушай...

Нинка моментально проглотила содержимое пакета и голодными глазами следила за каждым движением готовящих еду кавказцев. Есть захотелось еще сильнее. Потом ей наложили жареного лука с овощами, потом дали мясной подливки, и в итоге за стол она села еще более голодная, чем была. Хлеба и мяса ей не дали, но зато было много вина и овощей. Ваха объяснял это тем, что голодного человека нужно приучать к еде постепенно, и все подмигивал хитро агатовым глазом и улыбался в тонкую ниточку усиков. Нинка даже не заметила, как уснула прямо за столом. Проснувшись среди ночи на диване. По неясным силуэтам определила, что один из мужиков спит на полу, а другой на кровати. Стараясь не производить шума, тихо проскользнула в туалет. Затем прошла в кухню поискать воды. Воды не было, зато в холодильнике нашлось давешнее домашнее вино. Попив вина, она все так же, не зажигая свет, на цыпочках прокралась в ванную, намереваясь умыться и потихонечку распрощаться с гостеприимными сынами Кавказа. Уже вытираясь полотенцем, она вдруг почувствовала сзади легкое шевеление. И тут же чьи-то руки обхватили ее и плотно прижали к потному раскаленному телу. Нинка застыла, боясь даже шевельнуться. Только сердце бухало в груди огромным молотом. Так же молча стоящий позади отпустил нинкину грудь и медленно повел руку вниз, к молнии на джинсах. Нинка не знала - кто там, но подсознательно хотела, чтобы это оказался Ваха. Жаркое томление в груди нарастало с каждой секундой, и вот она уже сама, не в силах сдерживать колотившую ее тело крупную дрожь, начала извиваться в сильных руках, помогая избавиться от мешающей одежды. Ничего подобного в жизни Нинка еще не испытывала. Пэтэушники, все трое вместе взятые, не шли ни в какое сравнение с этим большим и мощным зверем, овладевшим ею в ванной. Через короткие промежутки времени ее душа ухала куда-то в пропасть и билась в невыразимых конвульсиях страсти на самом дне этой розовой бездны. Нинке хотелось только одного - чтобы эта невероятная феерия никогда не кончалась. Ее партнеру - им все-таки оказался Ваха, что Нинка определила по тонкой нитке усов, - видимо, хотелось того же, потому что после ванной они, почти без передышки, занялись тем же в кухне, затем снова в ванной...

Утром Нинка получила от Вахи деловое предложение: до осени поторговать на рынке арбузами. Нинка скумекала, что не в арбузах, конечно же, дело, но согласилась - это, по крайней мере, лучше, чем торчать два месяца в деревне. Тем более, что Ваха пообещал неплохие деньги.

Нинка сходила на переговорный и позвонила в сельсовет. Попросила передать матери, что жива-здорова и приедет домой только в конце лета. На другой день она уже стояла на рынке и весело бросала на весы большие полосатые арбузы. У нее покупали охотнее, чем у торгующих рядом небритых и крикливых кавказцев. Несколько раз за день к ней подходил Ваха и давал кой-какие советы. В конце дня он с удивлением посмотрел на оставшуюся небольшую кучку арбузов, забрал выручку и тут же дал Нинке двадцать пять тысяч рублей:

- Маладец! Заработала...

Нинка испуганно вытаращила глаза - такой прорвы денег она никогда сразу не видела. Мать на своей ферме получала шестьдесят тысяч в месяц.

- Это... мне?

- Тэбе! - Ваха хитро прищурился. - Хорошо продавать будешь - завтра еще столько дам...

Через неделю Нинка купила себе симпатичный плеер с наушниками, несколько последних кассет «Арии» и кучу японских батареек.

Много ли нужно человеку для счастья? Некому Шуре Балаганову хватило бы ста рублей. Причем примерного эквивалента этой же суммы хватило и Нинке. По стране бешеными темпами скакали инфляция с деноминацией. Рубли превращались в тысячи, сотни в миллионы, затем снова в тысячи... Сейчас Балаганову ста рублей не хватило бы даже на коробок спичек...

Теперь Нинка чувствовала себя великолепно: целыми днями на рынке слушала «Арию», жаркие ночи делила с Вахой - Резо было предложено поселиться в гостинице, на что тот нехотя, но все-таки согласился, - жила в настоящей городской квартире и не испытывала никакого контроля. И не было никакого завтрашнего дня. Все было только сегодня. Где-то там, далеко-далеко, смутно маячило первое сентября с каким-то непонятным училищем и новыми заботами. Но когда это еще будет! Пока и так все было прекрасно. Была Она, и был Ваха... В последнее время он постоянно приносил в конце дня цветы и загадочно улыбался, глядя, как непривыкшая к этому делу Нинка смущенно краснеет и закрывается букетом. Квартира постепенно превращалась в маленький филиал Ботанического сада. Однажды Ваха притащил сотню гвоздик и рассыпал их по дивану. После чего они занялись любовью прямо на цветах. Это было что-то невообразимое!! Они осыпали друг друга цветами и задыхались от наслаждения. Феерия нинкиных невероятностей продолжалась. Дети земли и солнца - так обычно называл цветы Ваха, - как и положено детям, проявляли завидную настойчивость, бесцеремонно лезли куда ни попадя и оказывались в самых неожиданных местах: запутывались в волосах, устраивались между пальцев, застилали глаза...

- Знаешь, что мне в тебе нравится? - вдруг неожиданно без всякого акцента произнес Ваха, когда они, довольные друг другом, лежали на цветах.

- Нет, - ответила Нинка, вертя перед глазами изломанную гвоздику. - Жалко - все цветы истоптали. Они такие красивые были... - и тут вспомнила вопрос Вахи. - Ой, извины. Я все о своем, о женском... И что же тебе во мне нравится?

- Ты лишена самого весомого женского порока - любопытства. Никогда не спросишь, кто я такой, откуда, зачем здесь.

- Да неудобно ведь, - застеснялась Нинка. - Вдруг да обидишься?

- Не обижусь, - заверил Ваха. - Спрашивай.

- Ну, - промедлила Нинка, - а куда у тебя акцент подевался - слушай, да?

- О, извечное женское коварство! - засмеялся Ваха, закинул руки за голову и заскользил взглядом по потолку. - Э, Нино! Ты - как роза: такой же красивый, вкусно пахнешь, но слова твои полны шипов, да?

Нинка заулыбалась. Ваха же продолжал:

- Я - москвич. Окончил институт, и как самого перспективного студента, меня засунули в «почтовый ящик». Но даже самые перспективные больше девяноста тысяч в месяц не получали. Спецнабжение «ящиков» кончилось, началась утечка «мозгов» за бугор. Через год двоюродный брат Резо из Гори предложил заняться коммерцией. И вот я здесь. Машину купил, квартиру снимаю, иногда езжу в Грузию за товаром. Летом арбузы, зимой цветы. Ну, что еще?

- Ты связист?

Ваха удивленно вылупил на Нинку.

- Ну, ты сказал, что тебя сунули в почтовый ящик. Вот я и подумала, что ты почтальоном работал...

Договорить она не успела - Ваха буквально взорвался от смеха. Он обхватил руками живот и катался по дивану, пытаясь что-то выговорить сквозь смех.

- Фи... А-ха-ха, уморила напрочь! Поч... ну, не могу! Фи... ох! Физик-ядерщик я... Надо же - в почтальоны записала. Ну, засада... Ох, ребятам расскажу...

Нинке все-таки не очень поверилось в то, что катающийся по дивану волосатый мужик - настоящий физик-ядерщик. Они все важные, старые и в очках. Она легонько ткнула его в бок.

- Хватит ржать-то. И что я смешного сказала? У нас на деревне всего один почтовый ящик. Откуда я знаю - может, в Москве и принято туда перспективных грузинов запихивать. Да еще и по девяноста тысяч им платить...

Ваху тут же согнул новый приступ смеха. Он уже начал потихоньку сползать под диван. Членораздельно произнести ничего у него не получалось. Примерно через минуту, сквозь икоту, напавшую на него, он сумел сказать:

- Почтовый... ик... ящик...ик - это секретный институт такой. Я там...
Нинка со страхом отшатнулась.
- Шпиен, что ли?..

Давно уже рассыпали по городу свой пух тополя, отцвел у подъезда шиповник, и усталое, наработавшееся за лето солнце все чаще прикрывала легкая печаль облаков. Не было уже той одуряющей жары, что держалась в середине июля. Дни торопились друг за другом одинаковыми близняшками, и вторник был похож на воскресенье, а пятница была точной копией среды. Только по понедельникам, когда рынок закрывался на санитарный день, Нинка с Вахой разнообразили свою жизнь. Пару раз выбирались на ближайшую речку, жарили шашлыки и пили легкое, как дыхание ребенка, вино из больших, оплетенных прутьями бутылок. Резо, у которого оказался неплохой голос, пел грустные грузинские песни у догорающего костра. Ваха обнимал Нинку, печально улыбался и думал, вероятно, о родине своих предков, где он бывал только наездами. Для Нинки же пение Резо оказалось полнейшей неожиданностью. Вслушиваясь в плавные изгибы незнакомого языка, она воочию представляла себе то бьющуюся в сизых от тумана горах стремительную речку, налетающую грудью воды на коварные острые камни; то старого мудрого орла, вылетевшего в последний свой полет; то древнего воина, устало бредущего по усеянному телами друзей и врагов недавнему полю битвы. Не признающая ничего, кроме «Арии», Нинка внезапно обнаружила новую грань искусства. И очень удивилась. Когда она попыталась передать свое ощущение песен Вахе, тот удивился еще больше - как, совершенно не зная языка, Нинка умудрилась уловить примерно тот смысл, что и был заложен в песнях? Нинка виновато молчала и беспомощно разводила руками - случайно, мол... Но потом припомнила жуткую ночь после концерта и свое ощущение видения собственного тела изнутри. Подумала, что не обошлось, видать, в ее роду без колдуны. И что надо бы поподробнее расспросить об этом деле бабушку Полину.

В один из понедельников они возвращались из ресторана. Было еще не поздно, но в августе темнеет быстро, и поэтому их путь освещали фонари, бросавшие сверху мягкие конусы света. На небе, затеяв чехарду, весело перемигивались звезды. Откуда-то из глубины аллеи, по которой они шли, доносилась жесткая, как лязг гусениц бульдозера, западная музыка. Ваха рассказывал Нинке что-то о Москве, о хулиганском Октябрьском переулке в Марьиной роще, где он вырос, о младшем брате, так же как и Нинка, закончившем в этом году школу. Нинка была полна ощущением счастья: хорошо идти вечером по городу, держась, словно первоклашки, за руки; хорошо чувствовать тепло вахиного пиджака, наброшенного на ее плечи; хорошо слышать его негромкий, обволакивающий ласковый голос... Все в мире хорошо!

Впереди на спинке одной из скамеек сидели и курили три парня. Возле их ног лежал кассетный магнитофон, раздирающий вечер песнями «Раммштайна». Рядом с магнитофоном виновато поблескивала боком пустая бутылка из-под водки. Нинку признали первой:

- О, блин, Витек! Вахта с каким-то лосем черножопым прется...

Дальше все произошло, словно в крутом западном боевике, - вмиг побледневший Ваха размытой тенью метнулся к скамейке, и через несколько секунд трое обидчиков недвижимыми кулями лежали на земле. Магнитофон же продолжал просвещать российскую глубинку суперпродвинутым «Раммштайном».

- Кто это? Зачем они тебя знают? - слегка задыхаясь, спросил Ваха, когда они быстро шли к дому.

- Да деревенские наши. Нормальные парни, только звереют - напьются ежели... А так - ничо. В училище какое-то там ходят, - и Нинка неуверенно пожала плечами. - Пошто и в город-то приехали?.. Первое сентября послезавтрева. По то и приехали, кажися, ежели...

Ваха все время пытался отучить Нинку от ее деревенского говорка, нарочно утрируя и коверкая простые вроде бы слова. Нинка игру принимала, смеялась и обещала исправиться. И действительно - понемногу исправляла свой лексикон. Сейчас же она внезапно остановилась, потерянно всплеснула руками и с испугом посмотрела на Ваху.

- Ой, миленький... Что же ты мне раньше-то не сказал? Ведь и мне тоже. Ведь и документы податы, и маманя на деревне ждет. А я прижилась тут с тобой - про все же забыла...

Ваха заурчал довольным котом и потерся гладко выбритым подбородком о нинкино плечо.

- Прижилась, хм... Слово-то какое верное, - и тут же перешел на кавказский акцент. - Э, Нино! Мужчина не должен ничего забывать, да? Иначе он дэвушка, в штанах только. Ваха ходил туда-суда, с людьми говорил, проблэм решил, э?

И уже нормально продолжил:

- Завтра едем на машине к тебе в деревню, берем самое необходимое, прощаемся с родителями и идем на учебу. А сегодня у тебя получка. Получишь все, что заработала.

Нинка кинулась к нему на шею.

- Ой, Вахочка! Как здорово, что ты обо всем подумал. Ой, как я тебя люблю!

Хорошо, что в августе темные вечера. Девушке совсем не обязательно видеть, как краснеют щеки грузина...

- Кто это? - мать прижала Нинку в сенях и требовательно смотрела на нее, ожидая ответа.

- Да я же объясняла тебе, - Нинка чуть ли не плакала, - это Ваха. Я у него работала. А так-то он - физик, чего-то там...

- Да чего же он тебе такую прорву деньжищ-то отвалил? Триста тысяч-нани... Вдруг он бандит какой, а и не физик вовсе?..

- Я же говорю, - ныла Нинка, - арбузы продавать выгодно. А вы с бабкой купите себе чего. Телевизор цветной, что ли...

- А жила где? - не унималась мать. - С ним?

- Ну и с ним, - вмиг оцетинилась Нинка. - Что вы мне за указ?

Мать горестно завздохала:

- Неповадно без росписи-та... Да уж господь с вами, живите разве...

Нинка победно хмыкнула и прошла в избу. Ваха сидел в красном углу под иконами, трескал горячие пироги, строил сам себе забавные рожи в выгнутом боку самовара и плел что-то бабке Полине про Багратиона.

- Народный герой, - тоном школьного учителя вещал он. - При сложившейся тогда в державе исторической ситуации, они с Кутузовым взяли на себя роль стратегов и дали Наполеону по сусалам. Правда, и сам попал на Бородино под раздачу... Князь Багратион, великий сын грузинского народа, всегда считал... - тут он скорчил особенно ужасную рожу и удивленно рассматривал ее со всех сторон. Самовар неузнаваемо искажал реальность. - Он что-то там считал... Однако! - удивился он собственному отражению.

- Так разбил царевич супостата-ти? - с затаенной надеждой поинтересовалась бабка.

- А? Кто разбил?.. Вот это рефлексия! Значит, на выгнутых, определенным образом, поверхностях... - тут он поймал ждущий взгляд бабушки. - А, конечно, разбил. Делов-то!

- Ну, и слава богу! - довольно закрестились на иконы бабка. - Разбил дак - и слава богу...

Ваха удивленно переглянулся с устроившейся на диване Нинкой и вдруг громко расхохотался. Нинка, не понявшая, в чем тут соль, но зараженная смехом Вахи, засмеялась тоже. Бабка, чтоб не обидеть такого хорошего и важного человека, который так запросто отвалил триста тысяч за какие-то там арбузы, также зачастила дробным мелким смешком.

Училище Нинку не поразило - та же школа, по большому счету. Только, может, воли чуть побольше, да отношение педагогов другое. Почти все на «вы» обращаются. Группа окончивших десятилетку была избавлена от общеобразовательных предметов, и поэтому почти все занятия проходили по специальности. Жила Нинка по-прежнему с Вахой, но из общежития выписываться не торопилась - мало ли что... Училище находилось на другом конце города, и поэтому Ваха каждое утро отвозил ее на учебу. А из училища она добиралась пешком - что такое для здоровой деревенской девахи пять километров? Она шла по мокрым осенним улицам, ворошила желтые пазлы листьев, любовалась церквями, которых было здесь великое множество, и не переставала удивляться доверчивым голубям. Они здесь были повсюду: важно ходили по тротуарам, сидели на крышах домов и вообще - путались под ногами. В деревне местные умельцы давно бы переловили их всех на закуску. Хотя - если бы успели опередить вездесущее кошачье племя. Нинка старательно топала по тротуарам, аккуратно стояла на светофорах и все слушала и слушала

«Арию». Мимо пронеслись машины, мопеды, автобусы, шастали туда-сюда велосипедисты. А однажды она увидела молоденькую девчонку, пролетевшую мимо на каком-то диковинном мотоцикле. Она вся была затянута в кожу, а на голове, вопреки всем правилам, не было никакого шлема. Длинные рыжие волосы под напором встречного воздуха развевались маленьким флагом. Огромный толстый мотоцикл урчал не громче рассерженного ежа, и шум двигателя можно было слышать, только стоя вблизи. Девчонка пронеслась рядом, обдав Нинку мелкими брызгами с мокрого асфальта и манящим недостижимым призраком мечты. Нинка тут же представила себя на ее месте и даже зашлась от восторга, воочию ощутив ленту дороги, послушно стелющуюся под широченные колеса байка, ночные огни вдоль трассы и сумасшедшую безудержную скорость. Она разрывала ночь блестящим железным чертом, послушным одному лишь малейшему изгибу мысли. Они, вместе с байком, лепили из неровных кусков ночи свой, особый путь и мчались по нему навстречу зовущей их луне. Надо ли говорить, что любимой «арийской» композицией тут же стала для Нинки песня о герое асфальта. «Горел асфальт от солнца и от звезд, горел асфальт - под шум колес. Горел асфальт - ты был его герой...» Она теперь постоянно напевала эту вещь и очень хотела снова встретиться так поразившую ее хозяйку байка. Нинка думала только попросить у нее просто посидеть на мотоцикле, подержаться за хромированные рога руля, ощутить под собой уставшего от скорости зверя. Нинка почему-то была уверена, что девчонка ей не откажет. Но та больше не встречалась, и Нинка начала даже сомневаться - а не приснилось ли ей все это? Но, на всякий случай, она засунула эту свою мечту в запасники памяти и вытягивала ее оттуда при особо плохом настроении. И мечта о мотоцикле всегда размягчала ее душу и поднимала жизненный тонус.

Уже подходил к концу второй месяц обучения. Училась Нинка ни шатко, ни валко - отличницей не была, но и двоек не хватало. Что-то такое поселилось у нее с недавних пор в душе, что-то, перехватывающее порой дыхание и дающее по утрам радость. Радость от того, что начался новый день, и что все у Нинки хорошо - не хуже, чем у людей. А осень, между тем, разродилась, наконец, мерзкой погодой, и холодный полярный ветер резко поубавил количество прохожих на улицах. На остановках собирались толпы работяг, жаждущих побыстрее добраться до дома в теплом брюхе автобуса. А Нинка бодро давила кроссовками немногочисленные тротуары, при дожде раскрывала шикарный мини-зонт, подаренный ей Вахой, и не уставала радоваться неизвестно чему. Появилось у нее в центре города и свое любимое место - почти рядом с рынком, у стен старинного кремля, стоял и смотрел на площадь великий поэт, уроженец города. Рядом с ним, грустно склонив голову, устало застыл конь. Поэт с печальной, снисходительной улыбкой взирал на молодых художников с мольбертами, которые обитали здесь в любую погоду. Нинка скромно пристраивалась где-нибудь сбоку от памятника - так, чтобы видеть хоть краешек эскиза, и часами наблюдала за тем, как на чистом поле холста, неизвестно откуда, вдруг появляется маленький Софийский собор, облака, река, изредка люди. Это было сродни колдовству, и Нинка просто боготворила этих молчаливых людей. Однажды к собору притащилась старушка с мольбертом. Она была сильно не похожа на сосредоточенных строгих художников, которых привыкла видеть Нинка. Оглядевшись по сторонам, старушка улыбнулась внезапному солнышку, почему-то кивнула, как старой знакомой, Нинке и быстро принялась за работу. Нинка очень удивилась этому стремительному кивку. Ладно, это у них в деревне все друг с другом здороваются, будь то сосед или же приехавший к кому-то в гости незнакомец. Но в городе Нинка такого не встречала еще ни разу. Проникнувшись к старушке доверием, Нинка незаметно подошла к ней сзади и застыла, боясь спугнуть увиденное. Рисовала старушка каким-то угольком, что уже само по себе резко выделяло ее из гильдии собратьев по цеху. Нинка помнила, что неразговорчивые молодые люди использовали исключительно кисти и краски. А тут - какой-то уголек! Надо же! А старушка уже успела поселить на большом листе ватмана половину собора. Широкими, размашистыми линиями она оставляла жить на бумаге частичку города. Закончив рисовать собор, старушка поспешно сунула рисунок под стопку чистых листов и тем же угольком начала быстро водить по новому листу. Она смотрела куда-то на реку, но из-под ее пальцев торопилось родиться чье-то лицо. Вот появились большие недоуменные глаза, под ними чуть вздернутый носик и удивленно приоткрытый рот. Несколько плавных линий вдоль контура лица, какие-то непонятные тени, растрепанные ветром волосы и вот с мольберта на Нинку уже смотрела... она сама! От страха и

удивления Нинка едва не шлепнулась в разлившуюся позади нее лужу. Так точно изобразить мелькнувшее всего лишь на миг лицо могла только колдунья! А старушка обернулась к совершенно ошавевшей Нинке и негромко засмеялась.

- Не удивляйтесь, дочка... Я не ведьма - вы ведь это подумали? Просто у меня большой опыт и цепкая память. Вот и все.

Нинка шумно выдохнула застоявшийся в груди воздух и виновато улыбнулась:

- А и правда...

Старушка не спеша собрала свой мольберт.

- Пойдемте, дочка, посидим где-нибудь...

Нинка с готовностью подхватила мольберт, протянутый ей старушкой, и они, не топясь, направились к случившейся неподалеку скамейке.

- Почему я решила вас нарисовать? - спросила старушка, когда они расположились на скамеечке, притаившейся вдоль дорожки маленького парка. - Кстати, я - Варвара Сергеевна. А вы?... Нина? Хорошо, будем знакомы. Понимаете, Нина, - тут Варвара Сергеевна взяла нинкину ладонь в свои руки, - в вас присутствует потрясающая внутренняя красота. Что? Не замечали?... Действительно, в зеркале, куда, я думаю, вы не заглядывали уже давно, - этого все равно не увидишь. Это замечается только со стороны. А то, что я изобразила, - всего лишь набросок. Или, скажем, шутка. Но, к вашему сведению, именно в таких вот сиюминутных экспромтах и проявляется, чаще всего, то, что мы бездумно называем душой...

Нинка буквально раздувалась от гордости - еще бы! Чуть ли не впервые с ней разговаривают на равных, да к тому же такими умными словами. Она и сама не заметила, как слово за слово рассказала старушке всю свою коротенькую биографию.

- То есть, насколько я понимаю, все ваши необычности случились уже после того, как вы попали в город? - спросила Варвара Сергеевна, внимательно выслушавшая сбивчивую нинкину повесть. - И виной всему - ваша любовь к музыке? Вернее, к определенному ее направлению... То есть, не было бы любви к «Арии»...

Нинка виновато улыбнулась.

- Подобных историй мне слышать не доводилось, хоть я и прожила, Нина, поверьте, очень долгую жизнь. Но вы любите - и вы счастливы...

Нинка утвердительно кивнула.

- К тому же в вас заложен редчайший дар природы - видеть себя как бы изнутри или же понимать скрытый смысл песен на незнакомом языке. Причем в первом случае вам было очень плохо, а в другом наоборот - очень хорошо. Вы, Нина, очень восприимчивый человек.

У Нинки уже голова пошла кругом от этой манеры Варвары Сергеевны перескакивать с пятого на десятое, нигде подолгу не задерживаясь. А старушка продолжала часить мелким бисером слов:

- А вы и действительно хотели убить вокзальных проституток? Я прекрасно вас, Ниночка, понимаю... Лишиться самого дорогого на тот момент... Это настоящая трагедия. И хорошо, что вы встретили этих обходительных молодых людей, которые дали вам приют в своем доме. Это, Нина, что называется, - повезло. Вот вы рассказываете мне историю вашей жизни, и я завидую. Бури эмоций, переживаний, потрясающая любовь... И все это, Ниночка, отражается на вашем лице. Все это оставляет на лицах свои метки. И я только вам, Ниночка, поведаю - я могу их читать. Я сразу прочитала все по вашему лицу, а вы своим рассказом лишь подтвердили мои предположения.

И тут Нинку обожгло мыслью - старушка-то с приветом! Но развить свои предположения дальше она не успела. К скамейке подошли парень с девушкой.

- Извините, - улыбнулась девушка Нинке, - мы за бабушкой приехали... Пойдем, бабуля.

Варвара Сергеевна безропотно поднялась и, опираясь на руку парня, медленно направилась к стоящей неподалеку машине. Потом, вдруг вспомнив, что забыла попрощаться с Нинкой, оглянулась.

- До свидания, Ниночка. И будьте счастливы с вашим молодым человеком.

Затем потерла лоб своей худенькой морщинистой лапкой и улыбнулась.

- Кстати, Ниночка, - вам предстоит стать матерью. Я просто не успела вам этого сказать. И еще... Оленька, - обратилась она уже к девушке, - отдай Ниночке два моих сегодняшних наброска. На память.

- Хорошо, бабуля, - опять улыбнулась девушка. - Вы идите, я догоню... Так, где же тут картинки? Ага, вот они! Возьмите, Нина. И, - тут она в который раз улыбнулась, - не принимайте ее слова всерьез. Бабуля у нас немножко больная.

- На голову? - поинтересовалась Нинка.

- Да. Вы тоже заметили, - утвердительно кивнула головой девушка. - Ну, все. Нам пора. Бабушке необходимы лекарства. Прощайте, Нина...

Она легко подхватила мольберт и поспешила к машине, а Нинка потрясенно вертела в руках два листка бумаги и все не могла прийти в себя от последних слов Варвары Сергеевны.

«У меня будет... ЧТО? У меня будет - ВОТ ЭТО?? Господи...»

Откуда и вследствие чего получаются дети - Нинка, конечно же, знала. Но, живя с Вахой, она об этом просто не задумывалась, полностью отдавшись течению любви. И вот - результат. Хотя, старушка не гинеколог и могла ошибиться. Но что-то подсказывало Нинке, что та была права. И отсюда вытекало то, что Нинке придется бросать учебу и ехать на позор в деревню - рожать. Хотя... был еще, конечно, Ваха. Что скажет он?

Она аккуратно уложила в свою торбу рисунки и медленно пошла домой, по дороге свыкаясь с мыслью о своей беременности.

- У тебя будет ребенок! - поприветствовала Нинка Ваху, когда тот пришел вечером с рынка.

- Вай, неужели живот вырос, э? - заулыбался Ваха и довольно похлопал ладонью по своему крепкому прессу. - Ему там не уместиться, - уверенно предположил он.

- У меня он это... - засмушалась Нинка.

- Что - это? - не понял Ваха.

- Уместился...

Ваха, казалось, шокирован этой новостью не был.

- Сын? - деловито поинтересовался он.

- Не знаю, - растерялась Нинка.

- Что в консультации сказали?

Нинка смущенно крутила пальцем поясок халата.

- Ничего не сказали. Я там не была еще. Мне... в общем, мне одна старушка сказала. Художница... - и немного подумав, добавила: - Сумасшедшая.

Ваха только вытаращил глаза.

- Она мне еще свои рисунки подарила... Вот и вот. А так-то она хорошая старушка, безобидная. В шляпке. Варвара Сергеевна...

- Ты хочешь сказать, - Ваха никак не мог прийти в себя от изумления, вызванного нинкиными новостями, - что какая-то сумасшедшая старушенция в шляпке нагадала нам ребенка?

- Не нагадала, - Нинка уже чуть ли не плакала - так ей было обидно за Варвару Сергеевну, - просто сказала. Она добрая и все-все знает.

- Ага, - парировал Ваха, - знает, чему равна постоянная Планка, знает второй закон термодинамики и даже - страшно подумать! - знает, сколько лет моему племяннику Ревазу!

Тут Нинка не выдержала и заплакала.

- Умничай, давай... А мне-то что делать?

- Как - что? Завтра в женскую консультацию съездим. Проверишься. Как я тебе уже говорил - скоро мне ехать в Гори. На обратном пути заверну в Москву. И если ты беременна, то скажу старикам, что на далеком и суровом Севере у них будут внуки. Ну, как? Я молодец?

Нинкины слезы тут же высохли. Она с испугом взглянула на Ваху.

- А тебя там не наругают?

Ваха даже обиделся.

- Я маленький, что ли? Захочу вот - и женюсь!

У Нинки сладко защемило в груди.

- Это что?.. Ты мне предложение делаешь?..

Ваха гордо прошелся по комнате. Остановился у окна, почесал затылок, обезоруживающе улыбнулся.

- Формально выходит, что - да, предложение.

Нинку, от свалившегося неизвестно откуда счастья, начала поколачивать крупная дрожь. Сердце забилось быстро и сильно. Голос, когда она заговорила, срывался.

- Я думала, ты со мной так... время провести токо. И про любовь ничего не говорил.

- Разве? - Ваха призадумался. - И правда - не говорил. А люблю же...

Нинка задуманно пискнула и кинулась к нему на шею.

В консультации версию Варвары Сергеевны подтвердили и даже, более того, поставили Нинку на медицинский учет и выписали карту беременности. Нинка еще, по инерции, проходила месяц в училище, а когда живот начал уверенно округляться, училище бросила. Правда, бросать было почему-то жалко: ей вдруг, ни с того, ни с сего, понравилось учиться. Ваха с Резо засобирались в Грузию - отчитываться за товар и брать новый. Ваха настаивал на том, чтобы Нинка продолжала жить в городе, но она твердо решила уехать в деревню: «Чего я тут в одиночку куковать стану?» Ваха, скрепя сердце, согласился, хотя и продолжал утверждать, что медицина в городе получше будет - ведь у них в деревне и врача-то нет даже.

- Ничо, и по деревням же бабы родют, - улыбалась Нинка. - Светка уж с шестым ходит - и ничо...

- Ничо, ничо, - передразнивал ее Ваха. - А вдруг да осложнения какие - тогда чо?

И все смотрел на нее полными тревогой агатовыми глазами.

- Дак забереешь ведь, поди, приедешь ежели...

- Месяц - минимум, - огорчился Ваха, быстро подсчитывая что-то в уме. - Пирогами встретишь?

- Встречу, - смущенно улыбалась Нинка.

Незадолго перед отъездом он принес из магазина несколько новых кассет для Нинки.

- Вот смотри: это Моцарт - «Сороковая», это Григ, тут Бетховен, «Битлз», здесь Рахманинов...

Нинка даже опешила.

- На кой ляд мне Бетховен какой-то вперся? Ладно, про битлов еще слышала чо-то, может, и послушаю. А остальные назад неси.

Ваха грустно улыбался.

- Темная ты... Вот, говоришь, - Бетховен. А он, между прочим, глухим стал к старости, но все равно продолжал писать музыку. И какую музыку! А знаешь, - тут, кстати, есть, на кассете, - как он своей жене из поезда письмо написал? Ни одного слова - только ноты! И название: «К Элизе»... А Рахманинов? Это, девочка, мощь! Это такая силища! Если пользоваться твоей терминологией, то, скажем, если Моцарт - «попса» классической музыки, то Сергей Рахманинов - это тяжелый рок. «Хэви метал», если так тебе будет понятней. И я хочу, - продолжал Ваха, - и даже настаиваю, чтобы ты слушала все это вместо «Арии». Наш ребенок должен выйти в мир подготовленным к восприятию прекрасного, светлого, чистого...

- Я попробую, - пообещала Нинка, взволнованная зажигательной речью Вахи.

Она поднялась с дивана, подошла к Вахе, стоявшему у окна, и, прижавшись к нему, поцеловала мягкими горячими губами. Ваха легко подхватил ее, поднял и усадил на широкий подоконник - чтобы было удобнее целоваться. А за окном начал падать на землю первый снежок - зима в этом году пришла позднее. Злой белый ветер подхватывал этот сухой и колючий снег, опять поднимал кверху и с размаха швырял его на стены домов, на голые унылые деревья, застилал глаза немногочисленным прохожим. Тощая ворона, сидящая на крыше соседней пятиэтажки, встопорщила перья, возмущенно закаркала и убралась восвояси. А Нинка с Вахой все целовались и не заметили, что наступила зима...

Уже третью неделю Нинка жила дома, шила какие-то распашонки для будущего малыша и старалась поменьше выбираться на улицу. Ей не хотелось встречаться со старыми знакомыми - всеми мыслями она была, конечно, в городе и все ждала, когда же приедет Ваха и заберет ее отсюда. Мать к нинкиной беременности отнеслась спокойно, так как давно подозревала, что этим все и закончится. В приезд Вахи она не верила категорически.

- Вот родишь - дак и начнешь с дитенком мыкаться, - говорила она. - Кому и нужна-то будешь - такое сокровище!

- Да ты просто не знаешь его, - спокойно возражала Нинка и шла делать что-нибудь по дому.

Бабка Полина наоборот - жалела ее, часто подсаживалась рядом и заводила долгие беседы про прежнюю жизнь. Ее, бабу, радовало, что внучка не бегаёт больше в школу и на танцы в клуб и почти все время сидит дома. Нинка неожиданно подружилась с бабушкой, разглядев в ней мудрого человека. Часто рассказывала о Бетховене и давала бабушке послушать плеер. Та важно вставляла в уши маленькие наушнички и буквально замирала от гордости. На другой день хвасталась перед товарками «малюхотеньким нитофончиком со шнурами», которые нужно вправлять в уши. Соседки дружно удивлялись, завидовали и наперебой хвалили Нинку за «уважительность». После ухода бабушки Полины товарки скептически поджимали губы и прохаживались по нинкиному адресу язвительными языками. Что «забрюхатела, дескать, в городах, дак топерь и помучается! Да еще, вишь ты, - парнек-от и нерусской будет».

А Нинка с нетерпением подсчитывала дни, оставшиеся до приезда Вахи. Однажды вечером она вдруг почувствовала - все! Завтра увидятся! Начала лихорадочно готовить тесто на завтра, рубить начинку для пирогов, доставать из погреба банки с соленьями.

- Чегой завошкалась-то? - удивилась мать. - Ждешь, чо ли, кого?

- Ваха завтра приедет, - радостно сообщила Нинка. - Чую!

- Ну-ну, - не очень-то поверила мать. - Встречать собралась. А в дому и вина ни капли нетути. Чем гостя потчевать-то станешь?

- Ой! - спохватилась Нинка. - Верно ведь! Сейчас в лавку сбегая...

Быстро одевшись, она бодро побежала в магазин, боясь, как бы его не закрыли пораньше по случаю субботнего дня. Успела взять две бутылки какого-то дорогущего вина как раз перед закрытием. Специально попросила у продавщицы, чтобы было вино грузинским. Довольная, прижимая бутылки к груди, она шла по тропинке между деревенскими заборами. Быстро стужались ранние чернильные сумерки. Во всех домах уже горел свет. Звонко скрипел снежок под нинкиными валенками, где-то за заборами брехали собаки, издали доносился скрип колодезного журавля. Нинке стало так хорошо и радостно, что, остановившись, она запрокинула назад голову, отчего ее пуховый белый платок сполз на затылок, и стала ловить ртом снежинки, падающие с неба. Потом медленно закружилась на месте, по-прежнему лоя губами снег. В ушах звучал странный мотив: изящные, невесомые песни Грига перемешались с не менее изящными композициями «Битлз» и поднимали настроение в какую-то недоступную ранее, высшую категорию.

«Наверное, это счастье...» - думала Нинка и продолжала кружиться, очарованная снежным деревенским вечером.

... - Ну, эти за ногу, Вахта совсем рюхнулась - с вином пляшет. Гуня, она точно - сбрендила!

Нинка резко остановилась и от внезапного головокружения не сразу смогла сфокусировать зрение на неразлучной троице. Вот уж кого она меньше всего хотела бы видеть!

- С вином - это хорошо. Это ладно, с вином коли, - медленно, с нажимом произнес Гуня. - Она нам еще за своего абрека проставиться должна. Он тогда Витьку нос подпортил. Да, Витек?

Витек, уже еле стоявший на ногах, нашел в себе силы только мрачно кивнуть головой и потрогать «подпорченный» нос.

- Ни фигу я вам не должна. Пошли вон, попрошайки, - резко бросила пригоршню слов Нинка и пошла вперед, уверенная, что парни расступятся.

Так и случилось. Полукит отступил на шаг от тропы, и Нинка быстро прошла между ними. Еще через шаг ее бросил на снег сильный удар ногой в спину.

- Вы... - задохнулась от возмущения Нинка, но договорить не смогла, так как поймала полураскрытым ртом остроконечный носок гуниного щеголеватого ботинка.

Она попыталась подняться, но тут же получила мощный удар в живот и опять повалилась на снег.

- По животу, гады... По животу не бейте, - заголосила она.

Гуня с Полукитом, понявшие, что нащупали слабое место, принялись с остервенением, как одержимые, лупить ногами по нинкиному животу. Витек же в избиении не участвовал. Словно магнитом притянутый откатившейся бутылкой, он зубами сорвал с нее

пробку и хлебало вино прямо из горлышка, лежа на снегу и блаженно щурясь в мутное черное небо.

Тут неожиданно хлопнула входная дверь одного из ближних домов, и чей-то мужской голос неуверенно спросил:

- Э, чего там творится-то? Сейчас вот собаку спущу...

Парни перестали пинать Нинку, вырыли из снега вторую бутылку, подняли Витьку, так и не выпустившего из рук свой трофей, и потащили его в темноту заулка. К глухо постанывающей Нинке осторожно подошел спаситель - агроном Тихоньч.

- Господи... что с тобой сделали-то, девонька...

Ваха, действительно, - приехал на следующий день. Права оказалась Нинка. Только вместо обещанных пирогов его встретил горький плач нинкиной матери.

- Померла ведь под утро, касатка-то... Убили ее сволочи-и... - и как бы в доказательство того, что ее убили, все совала Вахе в руки окровавленный пуховый платок.

Ваха, не в силах осознать свалившуюся на него беду, все пятился к порогу, пока не уткнулся спиной в Резо. Тот как раз зашел в этот момент в избу.

- Зачем задом ходышь? - весело поинтересовался он, потирая застывшие на улице руки.

- Нино... убили.

- Что?? - неожиданно завизжал Резо и выхватил откуда-то из-под полы полушубка кавказский кинжал в ножнах.

Откинув ножны в сторону, он подскочил к бабке Полине, воинственно потрясая кинжалом. Бабка тихой мышкой горевала в углу и не сказала еще ни слова.

- Э, главная мать! Гавары - кто Нино убил, а? Бежать надо - рззать! Всех рззать буду. Гавары только, не малчи!

Бабка потрясенно посмотрела на лихого джигита, похожего в этот момент на черта, и, тихо ойкнув, вальнула в обморок.

- В милицию их пока посадили-и, - очнулась, не менее потрясенная выходкой Резо, нинкина мать. - Только ты не бегай уж туда, касатик. Заарестуют и тебя там - с эдаким ножиком-то... Ой, сволочи-и, - опять заголосила она.

- Сэмыю стану рззать, - не сдавался Резо. - Эх, какой Нино дэвушка был, - и вдруг заплакав, бросил кинжал в косяк двери.

Тот со страшной силой вонзился в подгнившее дерево и застыл там, как влитой.

- Ты только не рэви, брат, - уговаривал плачущий Резо бледного, как снег, Ваху. - Мы атамстым. Мы их в тюрме найдем, э?

Ваха тяжело опустился на лавку.

- Помолчим, брат... Ничего уже не воротишь...

Мать начала хлопотать возле проходящей в себя бабки. А в избу мало-помалу начинали уже подтягиваться старухи, привлеченные случившейся трагедией. С испугом смотрели на кинжал в косяке, на простые черные ножны, валяющиеся посреди кухни и, что самое невероятное, - на двоих убитых горем кавказцев, расположившихся на лавке.

- Ой, девоньки, гли-ко - диво ведь, мужики-то как горюют, - шептали они друг дружке. - Любили, видать, Нинку-та... А от наших дождишь такого-то: нидалию бражничать в кампании будут, а потом по девкам пойдут...

- Ой, верно, товарка, баешь... А жалко мужиков-ти. Хотя и не нашенские, а все одно жалко.

- А слышь ты, оне, говорят, Нинке-то большие деньги платили...

Резо грозно сверкнул на старух глазами, отчего те даже попятнулись, помог подняться Вахе и повел его на улицу. На морозе Вахе стало получше. Он подхватил в горсть пушистого снега и энергично начал растирать им лицо. Потом взглянул на Резо и спросил:

- А помнишь, как она нам в первый раз представилась?

- Что? - не понял Резо. - Как прэдставилась? Кто?

- Нина... Она сказала, что ее зовут - Вахта...

Александр ХАЛОВ

ПОВЕРХНОСТЬ МЁБИУСА

PS. Признание в любви - родному, городу.

...Славяне, ратуйте!

В нашем культурой стольном городе, - канавок и львов, - гранитном, на костях, - и Неве, реке, бегущей иногжды вспять, в зад к азиям - к Руси от Европы, - и городе от ума российской истории, тиснута в брадатый лик её стахановцем августов пикой селищу своих азиатов в веке, когда опять захалестилась золотуха и с лихим колокольным звоном понесло по великим просторам самого неопрятного государства благой крайний стул, - на коем привольно раскинулись очередные времена громких русских плюх, - есть прспект.

Титулованный победоносным красивым военным именем «Суворовский», - сугубо гражданский, - и один из старинных, он слитком Смольного рождается близ набережной Невы, оперяется против Большой Охты, - за миг распушась вовсю! - трелью машин наполняет сад и дворец, и тихую улицу - Таврические. В упор не замечая музея своего прародителя, а стремясь вкусить цивилиности «Невской першпективы», рассвистывает сам себя вширь галошами троллейбусов, раскланивающихся с автомашинами, и!.. Но!.. Полный уже воздуха и зрелого благородства, удавкой плотоядной слюны давится от предательских сальностей последнего квартала. Упичкавшись в нём, - ожирев в его кафешках и пельменных - теперь лишь задавленно пукает в бок Старому Невскому: всё, весь. В двухстах шагах Московский вокзал, и нынешняя площадь Восстания; со стелой за местом царя с конём посредине.

Это обширный район многоэтажных гряд частного Санкт-Питер-лэнда и общежитие неутешных коммуналок социума Ленинбурга. Здесь легендарный аристократический институт целых девиц (залапанный некогда самым образованным мужичьём), сказочно-известная (пивная) давалка «Три богатыря», базар (али рынок) имени народного барина, защитника - поэта, дюжинный трамвай, улочка, с которой не знаком ни один таксист, заодно десять необходимых Советских улиц (ать - два, три - четыре, трам-тарарам, трах-тарарах, девять, десять), и одна, противная (вся - стошаговая) - «Старорусская». Здесь столпленье эпох и совокупленье строений. И то же - историй: всех - не переписать. Вздыбим одну.

Вот светлыми очами жёлтого, каменно-спелого полукружья фасада, бравадой чугуновой ограды обезопасенный от неуставных взаимоотношений с приезжими и прохожими, умозрительно равняет свой прспект главный корпус построено-царской Академии Генерального Штаба. Изгибая своим пиететом суворовскую перспективу, и машинальному грозя львом, прекрасная панорама донельзя притягивает взгляд сведущего ещё и единственным в городе львиных полюций лёвою спящим. Ничему он не внемлет. Кажется, выноси всё! Каменный страж проспит!!! И дрыхнувший посреди розовой клумбы охранник пути к (и «из») высшей военной стратегии здесь у нас такой же «от кутюр» истории, как слив аристократических генов, в данном случае - академии, под испод кухарке. Ныне здесь (вообразите малопонятное) - военный универси...

Тут с главного входа, - в это, как теперь его?.. - нас категорически - жуковски!!! россосски!! На Берлин - бей немца! - не пустят, но податливо (кутузовски до Москвы) союзнически предложат вострить лыжи: пройдите в бюро пропусков. «...А - да-да, всё по проспекту, вдоль ограды - не ошибётесь». Вот так. Затем кусочек пути по запущенной Таврической... Далее - тенью, тишайшим местом... Меж лип, где лекарствует прохлада... Мимо чудного тихого склада музея, Суворова, - за сим обогнуть врачевательный инсти-

тут с трупной кладовой - вот так... Каждый поворот, каждый изгиб всё влево, влево, - и уж, когда кажется, скоро конец пути сомкнётся с началом, - и уж когда от напротив ворот сада Таврического подумывается «Ну, ясно: послали...», когда кажется «Левей некуда. И где тут военное?!» Вам бам! Под ноги ясный партикуляр: улка длиной в победный марш спринтера с одностебельным фортелем в названии: «Парадная»! Рассекая - ах мы попали в зад... - в милитаристские советские времена попятившееся в город военное училище; размежевавшая его, как аллегорическая нева готическое строение лубейного государства.

Стоически промаргиваясь от случайных открытий на впечатлительной Парадной, войдя в историю, в пору сочинить и крайне русский анекдот.

Для чего обойдя всё ещё и ещё раз, нанеся на пиар-карту опознавательные знаки (как название повести, - как название повести! - и эта записка), - стрелки, засады, места привалов, благоуханье портянок, направления атак, громы сапог и стенанья рожков, - на цыпах откинемся, пацаны, ну, мы тут чё, блин, типа... - тихонько каная суворовским непобедимым маршрутом, недопущенные с его имени главного входа, парадно впятимся в тыл. (Да - и «чисто конкретно» устроим «базар»!) В нём показав тихосапого греческого троянского коня, а в нём - осатанённую русскую кузкину мать не только военной теме.

...Ах, Ленинград!

Как бы тебя ни перерекали в стадные дни народостранствий по времени - Питербурх, Петербург, Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград, снова Санкт... - Питер всегда, для человека, родившегося - выросшего при креплённом социализме, ты вначале непременно: ЛЕ - НИИ - ГРАД.

Лишь сполох мысли, ещё только заря белых ночей ума о тебе, а язык уже сам прижался к мокрому нёбу: л-е-е... Ле!.. (заимствую у питерца, заимствую у Набокова, - продолжаю питерство! раздвигаю набоковство!) - и стан Невы между гладким, как бритое лицо, Литейным мостом и вечно щетинистым стальным Большеохтинским, повернулся!.. Смак, обёрнутый берегами, сонно покачивается в глазах, и, небно, широко зевнув, вздрёмывает; как сытый гишпопотам: ходи по нему.

...И пошли - пошли корабли! И мосты разошлись - лопнули, разомкнулись!.. Тут - «нин»-н!.. Где первая «н» - глуховата, где первая «н» приглажена утром ночи, начальственным «Ле» - и потоком машин, стекающим в проспекты с мостов бесконечно, с Невы на площади, - первая «н» пока - пощада. Но някнул колокол в Лавре, - в Александровской, конечно, ибо где ещё - в каком ещё городе так трепещут: Лавра! Лавра!.. «Давно не бывал в Лавре? Пойдём завтра в Лавру! Был я третьего дня в Лавре...» - и через «и» вторая «н», она звонкая: уж удар! Дар медного звука - звон-н-н!.. Каменный бом, его клон, - скачущий смех, цок, и смех-стон, - кок свадебных рюмок, бюстов, каблучков, целых фужеров на пяточке Стрелки! В виду Крепости, Адмиралтейства, Зимнего, - ввиду праздника, - и у всего города на виду. Дзынь!.. Стекло хрустально по камню.

Но - «нин-н-н»... Росчерки столбиков «и» - то половины мостов; то скальные пики в светлой ночи, в чём посреди - створ, крепости «н-н» по краям. «Н» - крепленья, опоры! Опоры - берега, в берегах - андеграунд, костистые фундаменты великого, кряжистых зданий. Гро-мы-ханье.

Но - Лее-е-нии-и... От дыханья Невы над водой «Грибоедова» повздулись толстые мостики; а под ними, их подводной средой - ползущие нескончаемо в глуби - вглубь, вглубь, вглубь! - ленты, рельсы, эскалаторы, потоки людей, подземные трамваи... Метро. Ещё «Ле-е-ни-и!» Как чё-то «Ау-у-у!» - с моста «Лейтенанта Шмидта».

Ау-у?!. Что? Ах - лейтенант... Что, литеха: не дослужи-ился до полко-о-о-вника?! «Ау...» - влез, встрял, вклинился во времена русских плюх... Ни-и-и... Немцу?! Да уразу-мьт Россия действительность???

Но - на время забудем. Город! Город на вёрсты, мили, на километры, - город никогда не кончится, - город на века! Оттого - «град».

Град - полуденный обрыв утра петропавловской пушкой! Град - горсть тяжёлой рябины: спелой, изжелта сочной, - горсть вишнёвых, черешневых косточек, кинутых шалуней ли, шалуном с какого-то этажа и пробарабанившая по гладкой розенбаумной голове. Враз запоёшь! Ещё не такое.

О, город Питер, мачтовый государства. Стольный да отставной, дворцовый, да пролетарский, - записанный в мечтовый революционный!.. А ещё - кунсткамерный, романовский, таврический...

...Вот вышли дворничихи, вот - алкаши, вот - солнышко, вот старушки. Асфальт. Тро-туарчики, лавочки-деточки, толпятся дома... Скверики, обрезанные калигулами зданий, липочки на цыпочках - рученьки вздели! Вверх! Сохнут, исчахают - не хватает небес. Солнца не бывает ниже второго этажа - старый район. Старушки на лавочках чинны, как в присутствии, дышат ровно, и ровно глядят, - им май по сентябрь; им кружево лет - равно с прилежаньем одеты. Кто оне? Кто они? Последние из «блокадниц»? Досыта хлебнувшие глада и вкушающие сыто в закатные дни? И на дворе год одна тысяча девятьсот девяносто девятый? Вышедшие подышать служанки, отгорбатившие служивый суетный век? Старые девы в прихожих на сундуках, год одна тысяча девятисотый? Ах, равно. Сто, сто пятьдесят, двести, - говорят, уже триста!..

Нет! Тебе не триста лет. Триста - выдумка гуннов! Зависть шведов! Злокозненность баев! Варварство арийцев, хамство монголов, казанство татариев! Нет!.. Хрен им на голубом блюдецке без майонеза! Ломы абордажные... под солидолом... Пусть голоса, раз вопят - пусть, жопы, радуются.

Ты был всегда, мой оплот. Ты мне кремль!

Ты искони детинец моей крепости от всех, от всяческих половцев! Руце воздею и устне к похвалению, осквернены скверною, Спасителя за тебя прилежно умоляючи, - мой рим, моя мекка, - троя, - рио-де-жанейро, акапулько, берлин, париж, - лас-вегас, новгород, - царьград; моей невозможной, моей глумливой истории. Ты был всегда, будешь всегда.

Будь безупречен! Город, сражающий осевшего провинциала и врастающий в приезжего своего.

...О, город-пьеро, рисуешься мне ты слезами и смехом.

Театр... Служитель... Военный...

Военный театр.

...Вот полковник. Взирая на что-то сквозь гребень Казанского, прогуливается по набережной. Гранит Грибоедова канала. У полковника в зубах изящная трубка, у полковника под руку отяжелевшая от лет любимая девушка - жена. У жены в руке поводок, на поводке собака. И стриженный бобриком поджарый полувековой муж седым пеплом волос и гранитным рельефом лица роднится тёсаному серому камню и дымчатому собачьему аристократу. Они приятели! Хотя у последних в тысячу раз благородной крови в родословных больше.

Группа курсантов с девушками и «хи-хи, ха-ха» вальсирует мимо; и полковнику приходится вынимать трубку из зубов: его понимание благородства, его чувство собственного достоинства не позволяют одновременно сосать и служить. Даже жена с её невоенными формами, гражданским взглядом, влюблённым в Казанский, мужа и терьера одновременно, - наездилась по родимой сторонушки хлябям и весям, туфельки надевала три раза в год, отдыхает теперь душой и телом на твёрдом - граните, паркете, - даже женщина под руку смущает служивое существо полковника при отдаении чести. Но вот всё исполнено, и глава воскресной процессии с дамой с собачкой вновь с трубкой в зубах и взглядом вдаль. И мыслями в голове. Кто он? Комбриг из Сертолова? Начштаба из Приозёрска, из Сиверской комэск? С Чёрной Речки комполка? Весь город - город со всех сторон! - окружён... А может, этот полковник - преподаватель, начальник кафедры? Несчётно в городе и при- военных училищ. Что так?! Но - что-то замыслил полковник, не будем тревожить. Некстати мешать, он думает о своём: кафедра жизни сложно устроена, высока.

А вот рой старичков - сикстет негромко говорящих. Их спортивные костюмы, их цепкие взгляды, не сутулые фигуры, хоть хлипкие плечи, их ровно подбритые щёки и шеи, вкупе с чем-то ещё, неуловимым, не броским точно говорят опытному взгляду о их прошлом и настоящем. И пухлощёкий выпуклопузый блюстителю порядка, поравнявшись с моционерами, однозначно приветствует их, отдавая гражданским честь. На что они благодарственно, - и снисходительно: послужи ещё, зелён ты, парень... - вскидывают сухонькие ладошки, взмахивая сложенными по-старообрядчески пальцами, и не донося их до виска - уже не положено, и соблюдают. Офицеры! (Запаса.) И удаляются, по-курсантски сторонясь патруля - посмеиваются над собой.

На одном Невском (одном из сотен проспектов) города военного патруля четыре маршрута. (Читай - чегыре состава. Двенадцать человек! Каждый день. Двадцать чегыре каб-

лука!) Много. Накладно для государства. Сокращать бы и сокращать. Вообще, к чему - пусть порядку служит милиция.

Тот, кто считает: можно без армии, - пусть селится в за границу. Царь-град Петров без военных, Россия без армии - что справка без печати! что женщина без ребёнка. Недействительны.

...К полдню полно детворы.

Мальчик, писающий в Петергофе прилюдно, - это фонтан. Мальчик, сторонясь людей поливающий кусты Петерграда у собора Казанского (ну нужда. Близ мама. Пытается прикрыть фигуркой, телеса ещё не нажиты), - это свой. И только приезжий осудит его: «Ну ты и чува-ак...»

А вот другой мальчик. У кустиков же, у же Казанского! Кем этот напуган? От чего? Застыл, как истукан. Похож на второго, только схватился не за... - за мамину руку. Он словно в ужасе! Он тарашится на собор!

Мама уже отплялилась, жуёт шоколадку. Думает (наверняка) - где тут туалеты, куда ещё пойти, сколько до поезда, что купить...

А он! А он!!!.. Он пятится б!.. Видимое его отбрасывает! Если б и не втягивало одновременно. Эти колонны!.. Эти колоссы, столпотворящие небо, - они не продавят земли?! Они не провалятся в Землю?! Они из камней?! Эти, эти... Держащие тучи и само небо. А ступени? Они - фантазия? Фантастика? Они - они что: гранит?!.. Как все люди смеют своими ступнями семенить по сим ступеням?!

Вот страх!.. Мальчик «парится»; он не изумлён, он не шокирован, не потрясён, не растерян - он вообще не представлял, что такое бывает! Вот что. Он приехал сюда оттуда, где самое-самое - верх! Высочайшее в культуре - типовой двухэтажный ДК; вкрут райцентра - леса, и ровная поверхность «сухопутной» земли; и высоко - лишь сигать в пруды, подпрыгивая с их берегов. И вот теперь, здесь, тут, он распахнуто уразумевает; он силится поскорее принять в утробу: такое бывает. Это так!

Он уже хочет жить только здесь! Он уже жалеет, что здесь не родился! Ведь был бы ленинградцем! Питерцем! Он странно смотрит на маму! Приглаждает других мам!..

Тот, кто считает, питерцем нужно родиться, определённо родом из подМосковий! Питерцем нужно проснуться; а каждый день вновь потребует от тебя питерцем стать.

...»Да, мальчик, это - Ле - нин - град...» И питерец добродушно посмеётся, и доброжелательно подскажет маме: как пройти, что сейчас посмотреть, как добраться, как не опоздать, когда она немым вопросом в остановившихся глазах заставит замедлить шаг его. И объясняя, посочувствует: «Казанский, мальчик, это далеко не всё. Попробуй сам город!»

Не пробовал Питера, считай, не жил.

Этот город - жизнь. Его плоскость - объём.

Что - объём - жизнь?

...Летать, царствовать, важничать, княжить, - пажествовать, шестерить, лизать ж...ы, вылизывать блюда, - кочевряжиться, бражничать, химичить, - батрачить, - возделывать пажити, созидать тома, писать этюды, - муравьём, стрекозой, - самому по себе кружить... С кем жить, как жить, где жить, во имя чего - вопросы, ответы, ответы - вопросы...

И питерец добро посмеётся и...

Попробуем! Но - какое?!.. Троллейбусы на Невском, телевизоры в витринах Гостиного и «фарца» смакует дефицитно-экзотическое «Мальборо» у подземного перехода на пятачке - «Не желаете приобрести? А - нам у вас? Пжалста, без вопросов - всё купим и всё продадим. Что? Родину? Нет, Родину - нет, это свято». Ну - пока... А под Аркой Генерального Штаба люди с орлами в жёлтых пуговицах длиннополых шинелей. «Стр-рой!..» Царские орлы, сокол - поручик, привычно поругивающий солдатню, - да что тут?!.. Времени измененье?! Скорее, совокупленье, с театральным насилием. Мужик в джинсах, с матерной пастью и копной волос - во главе.

«...В атаку! Вперё-о-од!..» Побежали, рассыпались, полезли на штабеля! Винтовки вздели вверх! Холостая пальба по небу и гром до небес!.. И всё разом стихло, и все разом вернулись. Отштурмовали, оторали, отбляхали... Закурили и мирно копят. «Ребята, тут что?» «А!.. Зимний штурмуем...» Ну да - обычное дело, после великого поста разговяляется народ.

...Штурмуют Зимний?! Э, э - не смей! (Не слышат.) Вы рехнулись!? (Да и не слушают!) Какой ужас - «Р-р-разогнать! Всех! Немедленно!» (Вот так лучше.) Да - куда смотрит

правительство.

Никуда. При кризисах это позиция.

Гм-м. Попробуем стать в неё, эту позицию. Ох, мудра-а-а...

Тот, кто считает: Питер можно завоевать, пусть попробует удовольствия с женщиной, носящей пояс верности. Такие города не даются. Не любя, с этим нужно смириться; к ним можно привыкнуть, они требуют жить, живя, от-давать.

...Не стонать - правительство сбросили. Господи, креста на вас нет, - защити, Богородица! Опять за своё: «поматросили, бросили». Но куда глядит ответственный «пиотровский»?!

Действительно - конский навоз кучами, - валками, грядками, клумбами, отдельными экскрементиками... - огород по всей Дворцовой. Боже, сколько же здесь побывало полков!..

А сколько засранцев?

Всё загажено - всё! Где, наконец, хоть какой-нибудь авторитет?!

Раз нет теперь в Отечестве царя, пусть хоть кто-то обеспечит чистоту и порядок!

Главная площадь - гордость города! Сама история! И её «дворцовые» и «парадные» - желтое теперь бульварных газет и сранее бесплатного вокзального туалета.

...Матросики курят «Родопи», надувают ртом пузыри американской жвачки и смотрят на мир через очки «Монтана». Всё, как всегда, - вот порядок.

И год? 1981-й. Сергей Бондарчук снимает свои эпохальные «Красные колокола». Мат победоносного советского режиссёра, перенекиваемый по цепочке друг другу фигурами на крыше великого пристанища культуры, дофутболивается до музея Суворова...

Здесь действительность - вечность, здесь попадаешь, куда захочешь.

О, Ленинград.

Вот мечта: с Дворцовой площади, от Зимнего - Эрмитажа, по набережной Невы, а именно - по улицам: «Дворцовая набережная», «Набережная Кутузова», «Набережная Робеспьера» (что за переменчивый дух?!), дойти до «Смольной»; где кончается гранит, запрещён проход; тогда переулками выбраться на дивную явь вновь.

Так - за мечтой?

Да, длинно. Да, не понять, - и ноги уже устали; но мы движемся, мы идём - мы подходим, уже наш район!

Но мы и пятимся в тыл. Захвачанной теме. В лоб сейчас не пробьёмся. Так маршируем задрами! Ничего; осталось всего ничего. Нам теперь в район города: «Смолянский». Где многоголит «Суворовский»; что исходя от Невы ковыряет ребром Старый Невский. И вот мы идём, мы обходим дозором его. Что зрим?

Пока мёд истории зреет, можно ещё попройтись- прогуляться. А ради одних названий стоит здесь побывать. «Синопская набережная»!.. Где ещё такое найдёте?! Как звучит! Как действует! Что пробуждает!... Усладу ушей при лести, сладость на языке, как при слове «халва». Ассоциация, образ целой сказки - «Синопская»... Воспоминание о победе, вход в бесконечность!..

Минувем мост Большеохтинский и скоро выйдем - скоро, скоро, осталось чуть-чуть, совсем ничего - выйдем к Лавре. К лавре, к площади, и метро, мосту - всё Александра, нашего, Невского! Былой воин, «понимал» немца.

Мы сделали круг, почти сделали круг - прогулочный, городской, исторический, лиро (литературо) спиральный. До конца пути - нам к Московскому вокзалу - по земным меркам - рукой подать: пройти весь Староневский, всего ничего.

Не извольте роптать - мы уж пришли. Почти пришли: квартал вернуться, минут пять постоять. (Нежелательно отмыкать чужие квартиры в отсутствие хозяев. Наши - вот-вот в свою войдут.) Идём - наш мальчик, пока мы всё проходили, наш первый мальчик с мамой - вернулся. У них был воскресный поход. Прогулка. По «Кафе-мороженым» до «Гостиного», - и кустиков-скамеечек у Казанского, - а затем по другой стороне Невского - той, что «наиболее опасна при артобстреле» - было и в двадцатом веке у русских с нерусскими («немцами») «дело под Полтавой» - обратно.

Существует всего два пола героев, мужской и женский, третьего при трезвомыслии не изобрести. Отсюда выбор у автора всегда фифти-фифти. И ткнув ещё до начала Пути наугад (а автору Сегодня всё равно - однако - о чём писать, важно, что писать, важно, как писать!), сей раз он попал в не женский. И правильно, возбудимся на клич: «Парни! Сде-

лаем это!» Оставим грудастой куполостой Москве «Пятницу», Сегодня нам страшен вид аборигена! Сегодня у нас есть не потерпевший крушение «Робин» из зон, а целый Роб Рой! Оцеола! Подрастающий Зорро! Да, он пока невелик, и «джунгли» добры; он - «маугли». Но всегда были и будут: и «засуха», и «бандерлоги», и «рыжие псы». И он будет - поавторитетней.

Он действительно будущий «авторитет». (Района.) Смольнинского. Будущий житель острова. (Не южных широт, - Васильевского). Кто знает, потерпит ли когда он крушение, попавший в волны очередных наших Плюх вместе с командой, с кораблём своего города, юный наш; истинно русский! Не какой-нибудь Петерсон.

Только что наш герой поднялся в квартиру. По «чёрной» лестнице, со двора (парадный вход заколочен), на третий этаж, прямо. Сказочная пора. В те годы он обитал на «Староневском».

Распахнуть окно - захлебнуться проспектом. Нет, надо сесть на подоконник и выглянуть. Напротив хлебный магазин. И кондитерский. И выход на сотворённый царём-стахановцем проспект улицы «Дегтярной». Кварталом левей чувствуется Суворовский. Дегтярная вольна, тиха; а на Суворовский всё въезжают и выезжают. Под квартирами, на этаже первом, междугородний телефон, переговорный пункт, весь день чудно хлопает дверь.

Жить на Староневском - что может быть прельстительней этой мечты! Только действительность: жить на Староневском.

Когда тебе семь, восемь, девять лет после школы можно часами смотреть на него в окно. Или, сидя на широком подоконнике, когда по улицам потекло, - когда к лету после зимы выставлены вторые рамы, грызть яблоко, яблоки, и читать книжку. И смотреть в окно. Ждать маму.

Как сладко, когда тебе восемь лет, устроиться сидеть на подоконнике, мечтательно смотреть за окно, просматривать книжку, хрумкать яблоки и ждать маму!.. Что может быть лучше? Только мечта всего этого.

И если пять - пять дня, семнадцать вечера - она скоро придёт.

Она повариха, и, конечно, принесёт что-то и сегодня - вкусенькое. Конечно. А ещё, бывают такие празднества, что от всех угощений остаётся, и тогда - у-у-у!.. - сколько она притаранит!.. Мама заботлива. С сумками, не покладает рук. Бабушка горда.

Случайный сын миленькой поварихи и крупного городского функционера - потомка замаскировавшегося после революции 1917-го под сына кухарки (сына князя) - импозантного советского аристократа, пресыщенный вкус которого минутно увлекли её нежные маленькие формы - её, в конечном итоге, сын не знал ни отказа ни в чём, ни влиянья отца.

Того бойцовские гены взяли своё: в десять лет её сын вовсю ходил на борьбу. Дзю! - до.

Крепко вцепиться правой пятернёй в рукав кимоно противника, левой - в плечо. Подталкивать его к действиям - подталкивать, раскачивать... Однажды мгновенно вытянуть на себя! Найти слабинку! Не упустить своего! Приз - остался на татами. Мама горда.

Её чувственная заботливость о нём не знала границ. Безмерно его обожая, счастливая, как многие одинокие женщины, своей случайной, но сразу - любимой, игрушкой, она продолжала заботиться о нём, как девочка в детском саду: украдкой отливая, отделяя от завтрака и обеда своей куколке, которая осталась в песочнице. Она таскала ему супчики, сливая их в кастрюльки, термоса, иные подходящие судна, когда не случилось кастрюль, - в сущности, она и сама была судном, в который слили крепкий жизненный настой. Она лишь материализовала, овеществовала в этом пространственно-временном мире его. И на щецах, рассольничках, борщецах, казённых/столовских харчах с хлебушком, «Глеба» (он - Глеба; а можно и так обласкать: Глебкин, Глебушка) рос и рос. Без конца. Постоянно.

Он легко перерос маму, которая, когда он её перегонял, была и в рост, и в ширь телес уже, как кубический саратовский холодильник, - он обогнал в росте и стремлении вверх многих сверстников. Крепкий и в учёбе, он в семнадцать лет одновременно с отличным аттестатом получил отличное спортивное звание. Кандидат в мастера спорта: дзю-до.

Выпускной бал, до утра гуляние по белоночному городу - ах... Восторг окончания и начал - красноречие, прекрасный вздор, из окон вздохи - ох; а подкреплённый белыми платьями пунцовоющих девочек, бутылкой белого - красного, розового, снова белого! -

ты паришь! Ты бог... Толпы таких же ликующих, переключка со знакомыми прохожими. Стычки с чужаками, грабителями - разными каликами перехожими, приставалами к своим девочкам. Бродить до утра малой компанией замечательно!.. Опасно. Но в той, где «Глеб», - той разрешено всё: везде вхож. С ним хоть на Ржевку-Пороховые, хоть в заулки Советских. Две сломанные хулиганские руки за ночь и один нос. К утру - тройной авторитет. Компания уже прёт напролом, через все шайки-лейки! Девочка горда.

Да... Утро! Впереди жизнь.

Впереди жизнь, всё дано, нестерпимо хочется от жизни всё взять.

Что - жизнь? Пока не знает никто. Как быть в ней - никто тоже.

Что - жизнь. При желании её также можно одеть в кимоно. Тогда - правой клешней - жёстко в правый рукав, левой в плечо. Раскачивать, подталкивать к действиям, - найти, не упустить, вытянуть на себя всё своё.

Ударов с тыла можно не опасаться - за спиной мама. Такая мама - стена.

Они уже только иногда с мамой гуляли - обоим некогда: он познаёт девочек, она - трест столовых. Она уже выросла из заведующих столовой, у неё - «генеральская» должность, служебная «Волга», начальственная зарплата. Замуж так и не выходила; и, имея постоянную слабость к мужскому полу, не питала симпатий к гражданским лицам. Ей, через отвращение к оним, нравились теперь только незапятнанные (личным опытом) военные.

Военные были везде, и совсем рядом. Если в погожий день прогуливать себя, - пройти квартал по Дегтярной, пойти налево, - по трамвайным путям «2-й Советской» выйти на проспект (на «Суворовский»), то достаточно десяти минут, чтобы дойти до «Чебуречной», она на правой стороне. Здесь можно подкрепиться кавказским блюдом, чтобы от прогулки не потерять форм, чтобы зажечь в себе горный огонь. Затем перейти на левую сторону (уже маячит чугунная ограда), заодно, по пути, заглянуть в «Пышечную» - утолить последний голод взора нежно прожаренным тестом в сытой сахарной посыпке, что, легко усвоаясь, откладывается в мягких частях тела, наливая, умножая его, - обогащая все схрончики, пончики, кончики, губончики, прочие бутончики; что вовсе не страшно при такой должности; не опасно для женской фигуры, если...

Сын пока рядом, как бы выводит маман гулять.

Миновав прямым путём изогнутое, вожделенное ею училище, на носу Таврической улицы можно заглянуть ещё в «Кафе-пирожное». Прогулка - высший пилотаж!

...Все эти гиларовские знания Глебу чрезвычайно пригодились: в 1977-м он поступил. Откуда-то «сверху» пришло ему персональное приглашение-предложение и... Он поступил в военное училище! В то самое! В то самое, где (до Того - до предыдущих Плюх) - Академия Генерального Штаба Империи! И царственно спящий охранник розовой клумбы!.. И!..

Но! Это в старательно заглаженной мучнистыми калориями женской фигуре пирожки задерживаются, как сажа в кривой трубе. Осаждаются, оседают, потворствуют весу - вредят. И каждая полукалория, как единица в хоккейный счёт! А курсант ВэУ обнулён для еды всегда! Каким бы элитным, каким бы сверх суперпрестижным оно ни было, курсант военного училища первые полгода просто приторочен к голоду! И страшен еде, как верующему чёрт.

О, эти опасные пирожковые калории!.. Военная мечта первокурсника. Он просто стремится их завоевать!.. Пирожки, булочки, слоёнки, трубочки, рогульки, песочные, корзинки, ром-бабы, коржики, ватрушки, пышки, печенье, торты, шоколад... Он любит их истово! Как христианин молитву. Они - его священная страсть! Он пожирает без последствий просто - всё; что не приколочено. (У него вообще девиз (на лбу, в горящих глазах): есть - всё, что не приколочено, пить - всё, что горит, и... Э-э-э, дальше мы не солидарны с писателем Лимоновым. Можно писать о чём угодно. Но не как угодно. И нельзя что угодно - всякое-то своё г... в мир запускать.) Да-да; и у курсанта военного училища пицца по-настоящему считается только парами, как при баскетбольном счёте. И абсолютно нигде, ни в чём, ни в одном месте никогда не залёживается. И если к пятому - выпускному - курсу (оженившись по причине традиций и ночных бдений) он становится (Питер же, Питер! Не Караганда) поневоле гурманом, то на первых - особенно первых двух - любая еда в любых количествах проваливается в него так же бесследно, как в морскую пучину кашалот. Вот неплохой образ: потому что к концу первого семестра первого курса зубы растут у него - от желудка, и щёлкают, а глаза горят, как у молодого, в

весеннем тощем лесу, волка.

Впрочем, питание после ужина - как действительный ужин - он же сообразителен, голодный курсант, он же ненаписанный Тёркин! - организуется всеми. Тайные вечера: кто как сможет. Легче тому, кто родом из Питера. А уж допаяёк от завтрестом столовых Смольнинского района города Ленинград-на-Неве поступало в учебное отделение/группу Глеба - Рукопашного (особенность ВУ: почти у каждого есть кличка) беспрестанно.

Иногда подвозили его на блестящей черной «Волге»; что, безусловно, правильно, ибо вид респектабельной - и вообще сам факт наличия! - служебной автомашины родителя тлетворно действует на алкающие «держатъ и не пуцатъ» военно-звериные инстинкты его начальства.

Ни «держатъ», ни «не пуцатъ» к курсанту факультета автоматизации средств управления Глебу... (не будем обозначать фио) не относилось. Он мог за... - о, нет, пардон таракан мерси, как говорил, когда увлекался, один замполит - зачеркните это, дальше пока нельзя... Отличный своими способностями с первой сессии, отмеченный жирной галочкой спортивной кафедры ещё до поступления, Глеб был поставлен на особый учёт всяческого, зависимого от показателей училища, начальства. Без пяти минут мастер спорта и многия призёр города (Ленинграда). Это вам не что-либо где. (Нет, - не что-либо как! Нет... Короче: не хухры-мухры, а ёлы-палы.)

Увольнительная в город - по первому требованию. Там, где знания на четыре с плюсом, оценка - пять с минусом. Как так?

Тот, кто считает: потворствовать талантливому человеку, тем более - юноше, - неправильно, пусть взывает о справедливости к Мавзолею!

Глеб мог бы... Но всегда пользуясь случаем не упустить своего - никогда не злоупотреблял.

При всей элитности факультета и элитарности курса, где за каждым безусым и юным, будущим военным математиком, - алгоритмизатором, программистом, электронщиком, - курс факультета называли «голубая кровь», называли - элита армии! Будущая армейская аристократия! При поступлении было на одно место двенадцать человек плюс... Легче стать знаменитостью города, чем на этот курс попасть, - жизнь которого находилась в безграничном ведении непосредственного, прямого - вообще всякого начальства, - маячила тень папы, дяди, друга папы, - другого дяди, которые через механизм сложнейше устроенных обществом, каверзно составленных общественных приспособлений регулярно могли (и регулярно делали это) дёргать за ниточки-верёвочки, управляя тем самым училищное, факультетское и, ниже - курсовое начальство, никто - ни одна фанатеющая к справедливости сволочь! - никогда не смогла упрекнуть этого курсанта в том, что его успех - связи. Его успех в нём самом! Его ставили в пример: вот он, успех! Успех - он.

...Но, конечно - имеет значение и гибкость, всё жёсткое легко сломать. Всё, как на ковре - татами: рост, вес, подвижность, сила, ум, упорство, опыт, знания, умения. Обиграть противника, тренеру подчиняться. Режимность училища, режим высшей математики в каждом втором предмете плюс спортивный режим - жизнь сварена покруче яйца. И жёстка.

Только на миг - только на миг! - имеешь право расслабиться.

О, эти часы расслаблений!.. Кто не знает, как любят веселиться курсанты? Смехопанорама вблизи. А издали? Поглядим. Существует два основных сюжета.

Сюжет №1: любовь изощрённая. Объединённое условное название: «Овощебаза». Вариантов несколько. Начнём так.

Разгружать баржу с картошкой на гладкой Неве почти то же, что вагон с картошкой на не плавбазе. Даже (в смысле труда) милей: голландская, немецкая картошка - аккуратистка. Она, как продавщица на саносмотр: добросовестно помыта, от всякой гнили отделена, демонстрирует свои прелести в ловко прихватываемых, как крепкая талия, сетчатых двадцатикилограммовых одеждах. (Мешках.) Не сравнить с «русью» - скажем, брянской, тамбовской, и проч. со волками товарищи.

Какой умник в родимой стороншке придумал затаривать её в полстакилограммовые, тяжкие, как сытые мертвецы, пыльные холщовые мешки?! Впрочем, ещё больший - бросать 17-18-летних пацанов на разгрузку этак набитых вагонов. Вагон россыпью опустошать нуднее и дольше, зато каждый может нести свою меру.

Но что там, на барже, кроме картошки?!.. Картошка. Палуба, борта, - старпом, шкипер, да мать-перемать капитана. Никакой любви, одно грубое мужичьё. А вот овощеба-

за!-а... Полна ощущений. Тут есть перед чем тетеревом покружиться, о чём соловушкой посвистать.

...И что значит какой-то вагон!.. Что на нём написано - «Нагрузка на ось 50 тонн»? Да начхать... Да делать нечего на пятерых, когда после... А ещё: между, сразу, с собой, до, вместо! - мандарины, апельсины, бананы, груши, виноград!.. Не вспоминаем даже про всякую «мелкоту» (ощущений, вкуса): яблоки, арбузы, черешня, - помидоры, лук, огурцы...

Выпачканный, мятый, в каком-то полурванье, то ли пилотка, то ли тюбетейка облепила голову (ну точно «из...»), познавший в вагоне с бульбой всю ненормативную лексику Родины и почвы родных полей, зелёный пацан (курсант) бочком, бочком, как к броненосцу шлюпка, подгребаёт к разгружающим иной вкусности вагон штатским лицам. Командующая парадом здесь женщина, ценою в центнер, кидает нокаутирующий любого (!) (но только не курсанта!) кривой взгляд и после более как бы его не видит. «Тебе чего, земля? - хохочут грузчики. - Ты откуда выполз красивый такой... Хотя лицо от грязи протри». «Да сами знаете, - утирает чёрную зависть курсант, медля и оценивая обстановку, как юродивый, посланный разведчиком на поле будущего боя. - Закурить не найдётся? Мы чего-то не рассчитали - работы пропасть, курево кончилось». За вопросом о «закурить» следует: «А ящичка битого нет?» (Штатские перекидывают персики.) «Да как нет - есть...» При возникшей приязни сторон бракованные персики собираются, уносятся. Жалко, что ли? Когда работаешь, когда перекидываешь их сотнями ящичков каждый день. Сам-то много ли съешь? Вполне же съедобный «брак» перевозки-перезгрузки всегда остаётся. Куда его? Здесь - бери, ешь вволю, с собой - ни-ни! Нельзя!

...Это директор и К* накладывают для своих чад и домочадцев полные багажники служебных «Волг» - берут - что и сколько захочется. А всё, что рангом ниже, чем «завсклад», весь рядовой состав территории благоуханной, шмонается, как зэк на пересылке. Апельсин в кармане не пронести! Разве что по половинке: одна во рту, вторая под кепкой.

А вот к дармовой силе, солдатам, курсантам, отношение иное. Можно сказать, особенное. Он же собственность Родины - этот рядовой брат! Его же Родина кормит, поит, обувает и одевает. Что он съест, то, считай, Родина съела!

Да и много ли он съест?! Не ведро ж! Чего там в него войдёт. Ишь, какой... Худошпавый...

«...Тётя Маша, сегодня нельзя не на картошку - мы же в прошлый раз её разгрузили!..» Диспетчер овощефруктовых потоков благоволяется: «Сегодня - можно, сегодня вагона нет. Сегодня - арбузы». «Арбузы!!! Го-го-го-го-го... Куда? Куда идти? Го-го-го...» (Стадо динозавров.)

Автобус (курсантский) остаётся на территории базы. (...) (Многоточие.)

Про первый арбуз не по назначению спрашивается. «Тётъ Маш, можно мы - во-он тот маленький арбузик... Ну это...» (Учёные! Прямо не говорят.) «Да ешьте... С собой не брать, всех проверим». «Да ну - вы что, конечно! А мы с собой не берём!..» (Толпа плотоядных возмущена.)

...И как мыши - тихо мелькают серо-зелёные тени. Нет - только одни тени! Люди ж - работают!.. А поди их разбери, все одинаковы на взгляд, когда в форме.

...А тени - носят. Носят и носят. Носят, носят и носят... Под сиденья, под седушки, под сиденьчики... Шинельками прикрывают, под шинельки всё приноровляют...

У какого советского человека поднимется рука на шинель?! Нет такой руки! Отсохла! (В 1937-м) (Рука.)

Потому - идёт тихое соревнование теней олимпийцев. Квасная олимпиада: «Кто больше вывезет с Калининской овощебазы». Осенний марафон... «А мы 50-т арбузов вывезли! И 2 ящичка персиков! Болгарских!.. Каждый в отдельную бумажку завернут!..» «У-у-у - хвастуны. Подумаешь... Мы - 5 вещмешков винограда и три - бананов!.. Во!» «У-у-у!..»

А на базе - работа. Работа! Он умеет работать, курсант! Он - лошадь. Кроме того - патриот. Вагоны с хорошим фруктом разгружаются влёт! (С картошкой ещё быстрее. Почему? Чтоб от неё быстрее избавиться!)

...Кто придумал резать арбуз дольками?! Дать ему нож, нехай весь день тупит о шары полосатые. Работать же будет некогда!.. Если только резать, да есть. В отделении два боксёра и один дзюдоист - пусть тренируют кулаки! Х-х-лоп!.. К концу вагона из самых сладких арбузов (научились выбирать!) берётся только самое (среднее) сладкое. Ударом об угол (боксёр уже бить не в состоянии - обожрался, икает) самый тяжёлый арбуз разрызгивается пополам. Из всей красно-липкой мякоти, истекающей сочным, истекающей

щей сахарным вожделием, как поцелуй засидевшейся девушки круглых форм, - из всей арбузной мякоти пятерней выдирается (прелесть - занятие!) малая - с теннисный мяч - серединка. Это - в рот. Остальное на свалку. Удовольствие из разряда уже точно сексуальных. Даже синдром «после» аналогичнейший: неудержимо спать хочется.

...Кто-нибудь пробовал съесть вагон арбузов? Их столько не бывает!.. Ленинград ж! Не бахча.

...В Ленинграде и не бывает. А здесь... Глаза бы на них не смотрели, на эти арбузы... Кто придумал их разгружать?.. Это же издевательство над желудком: столько, сколько можно есть, съесть невозможно!!!..

Вот персики!.. Они и вкуснее, и контроль за ними жёстче! Объединённое высокоуровневое психологическое - низкопробное животное удовольствие: сожрать как можно больше того, что и вкусно, - не оторвать! - и много оттяпать нельзя на халяву.

Впрочем, к завершению трудового подвига всегда кушаются - только самые налитые яблоки! Только самые спелые груши! Только «самый бескосточковый» виноград, самый нежный персик! «Самый вкусный айва!..»

...Но какой сумасшедший - какой недоумок - брандахлыст! - догадался запустить пятерню, - но ведь рукав же перед тем пришлось задрать по самые уши, засучив по плечо! - в затхлую, стопятидесятилитровую, забытую богом и людьми среди пустых ящиков, обломков досок и окурков бочку?! Идиот? Сумасшедший? Полоумный! Ненормальный! Кретин, параноик, стукнутый, умалишённый, в детстве с печки упал! Кирпич на голову уронили... Ну у парня и воспитание, ну и голова!!!.. Как - как?! Каким нюхом проник?! Как он догадался?! Как вызнал?!? Кто его так в детстве натаскал?!?!.. Внизу, под плёнкой плесени, под непроницаемым для взора полуметровым слоем рассола - покоились солёные огурцы. Обычные солёные огурцы. Везде солят такие: огурец, соль, вода, какой-нибудь листок. Но вот ТАКИХ ОГУРЦОВ - действительно на вкус просто: вода, соль, огурец, какой-то листок, - но от которых за уши не оторвать! Хрустких! В ту тонкую меру, когда «ни больше, ни меньше» посолёных! Окрашенных в истинный цвет среднерусского солёного огурца! Временем ядрёных, размером средних, не маленьких, не больших! Никто - ни «Тётя Маша», ни грузчики, ни толпа курсантов, в которой обычно представлено пол-России, ни их командир, объездивший её четверть! - никогда, ни до, ни после - в жизни не едал.

Какие персики, какой виноград, какие мандарины!.. Да эти марокканские «помидоры» - гов...!

К бочке выстроилась очередь. Подходили, как к священному для России замавзлеевому телу: вкусить, сколь можно, сколько успеешь, сколько дадут, и... Задние напирали: «Ну Родина-мать!.. Как ты чего где берёшь?!..» Отходили в прострации: «Настоящие...» Настоящий солёный огурец - вода, соль, какой-нибудь листок - святее святых. Всё за него можно отдать! Во какая сущность! «Овощебаза», апофеоз.

Учитесь! Господа с амбициями. Чем свой народ полонять! Не фанатичным маринованием и шпигованием населения России, а искусным, а любовным солением её любимых даров.

Настоящий солёный огурчик! Настоящий солёный грибок. Так, чтобы - соль, вода, деревянная кадушка, умелец-искусник. Всё за них отдадим! Все, как один, проголосуем! Не потребуются воевать.

Тот, кто научится ПО-РУССКИ СОЛИТЬ ОГУРЦЫ, завоюет Россию.

...Но вот про помидоры - надо догнать «поверхность», помидоры тоже важны.

ПРО «помидоры».

Срочная работа - аврал: в Порту большой сухогруз, «порт» сам не справляется, просят помощи. Нужны опытные - кого послать? «Так, товарищи курсанты, поедет четвёртый курс. Разгружать будете мандарины». Факультет загудел: «У-у-у!..» Лавровые венки сразу, до «соревнования». И финиковая, в хвост, зависть!

Но автобусы, не в пример овощебазе, охрана остановила до проходной. «Народ» поскучнел. «...Ну ладно, тогда на «пароходе» «повеселимся»... А может, и чего придумаем. Но жаль...»

Огромный океанский корабль. Тысячи тонн. Бочки «Ром Негро» на палубе и пирамиды ящиков в чреве. Охрана бдит и то, и другое, охрана здесь зла. Суббота. С 9 до 15-ти отработали, руки-ноги оттащали до отпадения, животы набили до синдрома «недоперел» (то есть съел всё, что смог, но не всё, что увидел), пора. «Курс, на выход». Все пошли. Да, вот так просто, с пустыми руками. Команда дана, стайки грузчиков в зелёном потя-

нулись к проходной. Начальник курса бдительно осмотрел - никто ничего не несёт? Не опозориться б! - чуть не подавился: «Сержант! Что с?..» Чуть не подавился, потому что не понял, а - не подавился, потому что понял. Быстро дошло - сам был таким. Хотел крикнуть: что там с... Он что - как он идёт: в штаны наложил? Товарищ майор, кто вас просил разглашать?!.. Да, человек наложил в штаны. А куда ему ещё класть?

Рассчитали «боевое» построение: четверо идут по краям, один в середине. Точно вычислили, - они же - четвёртый курс! математики! - что вневедомственная охрана - ну процентов на 99! - за ту минуту, которую они с пустыми руками будут в её видимости, ничего не поймёт. Поэтому они надели ему целые штаны аж от сапог! Галифе ж!.. А от жадности, он набил ещё и за ремень под гимнастёрку - «Поспели вишни, в саду у дяди Вани...» Беременность снискавший. Неважно. Важно, что товарищей, свою девушку и своих родственников накормит. Дармовым!..

Тот, кто считает: при хорошей охране можно пускать козла в огород... Родился не в России.

Сюжет №2: просто любовь. Условное начальное название: «Культпоход в «женское училище»».

Начинается это, как правило, с чинных увольнений строем: культпоходов-знакомств. Слово «культпоход» родилось, что точно известно, из сокращения словосочетания двух полных слов. (Но каких? Как они звучат?) Но его не раскрыть. Не получится! Тогда как понять?!.. Ближе всего к истине - изначальное: «культурный поход». Но выразиться так может только... Только нерусский может рассудить, что культпоход - это есть культурный поход!.. «Ага» - как говорилось в старом анекдоте. А что тогда - «некультурный»? Впрочем, судите. (Писано ведь для русских.)

Первое медучилище (где одни девушки), педагогическое училище, культпросветучилище... Пол «противника», которого поставлена задача завоевать, везде женский. И везде с обеих сторон все действия одинаковы.

При третьем заходе сё уже называется без прикрытия своим горьким сущностным определением: «идти на случку»...

Проникать по ночам в женские общежития, подобно джину, не так легко, как поётся об этом в песнях про Хоттабыча; особенно взводом; поэтому строевые двадчатки разделяются на десятки, десятки на тройки, и если кто-нибудь из неленинградцев снимает к третьему-четвёртому курсу квартиру, то все его приятели, они же приятели пирожных, пышек, ватрушек, шоколадок - в общем, откровенно сладкого: клубнички-малины, - все эти «яки», «су», бомбардировщики, - эсминцы, крейсера, торпедоносцы, - и прочие «миги» обретают на дружеской «хате» свою гавань, пристань, - свой запасной «аэродром».

...Вам никогда не сваливался на голову атакующий подбитым «мессершмитом», свежий, пахнувший майонезом и рвотой салат? А пустая бутылка - не делала попытки с досады проломить асфальт, не попадая вам в голову? Это салажня - гаврики. Так наружно выказывает любовь первый-второй курс.

А голая девица в окне пятого этажа? Конечно, перепоясанная по всем правилам «Строевого устава» португеей. О - это уже гораздо солидней: курс четвёртый-пятый. А табличка на дверях фотолаборатории: «Не входить. Идёт половой процесс». Тьфу - какое пижонство... Абстракционизм, изыски - терять нечего, знает, что распределён в Бурятию, - это явно писал без пяти минут лейтенант.

Но где - где, спрашивается, все эти дотошные летописцы и пронырливые паппарацци?! Почему никто до сих пор не отснял для истории походы военных курсантов в 1-е, 2-е, - трам-тарарам, трах-тарарах - десятое - медицинское, педагогическое, бухгалтерское, культпросвет и так дальше училища?! Какие провалы в культуре!..

Все куда-нибудь ходят. Глеб тоже: ходил. И в недостатке девушек у Глеба образца конца восьмидесятых несчастья не было. Были категории: девушки, «девочки», «метёлки», «тёлки», «станки»... Да.

Это неправда, что слово «станок» вызывает однозначную ассоциацию с негнушимся железом, попробуйте пофантазировать. Стан, стань, становись (фу, это сексуально-военное, не к нашему лицу)... Привстань, тань... Станина (если Нина)... Стань-ка (если Анька)...

Всё-таки кажется немотивированным? Ей-ей. Для вящей проникновенности - вхождения (в тему) - недурно тогда приспустить покров (и с героя штаны) со слова безупреч-

но чистого, безусловно военного: «позиция». Станок и позиция - не будьте столь филологически консервативны.

Из историек, требующих себя рассказать, осталась одна. Спустя год после глебова вступления в ополчение неспящих у царственнолапого, в ВэУ случилось знаменательное событие - тихо-знаменательное, иначе не назовёшь. Произошло у всех на виду, - легко, как золотой пяти-, десятирублёвик под угол фундамента закладываемого здания - кто бы смог намекнуть, рассказать: зачем он там? Для чего он туда кладётся?! Но без них почему-то настоящих сооружений не ставят.

Вот история. Из Главного корпуса бывшей царской Академии, из гулко-го коридора первого этажа, где прошмыг мыши подобен грохоту тайком перелистнутых страниц в аудитории, когда сдаются экзамены, а человеческий шаг рождает эхо, как падение камня в горах, - где каждую минуту (!) в разных точках - местах, из которых прослушивается всё здание (!) и, конечно, весь коридор первого этажа, находятся по крайней мере три (3) (3!) имеющих уши сущности: дежурный по корпусу, часовой в подвале у вещевого склада, часовой у знамени училища (аккуратно поставленного в геометрическом центре всех коридоров и самого здания), - пропали часы.

Часы - невелика пропажа.

Нет возражений - 65-70 фунтов всего.

...Это только в фильмах про джедаев колоссы парят от мысленной силы. И могут не вырабатывать шум. В земной - Санкт-Петербургской - реальности, несмотря на то, что сам город возник от мысли, от фантазии, замысла, - что сам город способствует фантастическому уму, - несмотря на все ухищрения, трёхсотлетние потуги бритых, и брадатых военных, телепатически удаётся распылить на неосязаемые зрением атомы групушу не более отделения; когда она возвращается из самовольной отлучки по девушкам и пельменным и попадает под немигающий взгляд начальника патруля. (У него план, скольких поймать. Перевыполнение приветствуется.) Вот только тогда, в единственном случае, сразу и мгновенно: 600-700 килограммов вещества, как не бывало. Вот сейчас, вот только что человек был! Только что был!!! И нет, как нет. Как по мановению волшебного жезла. Как испарился. Сколь ни оглядывайся, исчез, словно туман. Как ветром сдуло. Смыло волной! Как в воде растворился, как в воду канул. Сколько ни жди, нет и в помине. И помин простыл. Как сквозь землю провалился. Как - в колодезь. Корова языком слизнула. Как Карлсон - улетел. (И т.д. Темна вода во облацех...) Но то - народная мысль, квинтэссенция вековых жизненных наблюдений за причудами и чудесами. Но никакой силы военной мысли! - даже мысли объединённой группировки личного состава всех военных учреждений города Невопограда! - даже возведённой в квадрат, - и даже умноженной на сто! - не хватит на то, чтобы, не привлекая внимания, бесшумно и беспрепятственно вы... (не придуманный ещё словесностью глагол) ночью из здания, окружённого двух с половиной метровыми пиками чугуной оградой, щупающей рёбра пролезавшему сквозь неё коту, - старинные напольные, обременённые тяжкой тумбой, 150-килограммовые часы. Не верю!

Легче доказать главврачу психиатрической клиники, что Суворовский проспект проектировал и мостил лично генералиссимус Сано Суворов, чем - что часы - бесследно - генералитету! Нет.

Произошло расследование.

Ни к чему гении, работает простая формальная логика. Если часы вынесли (а других вариантов нет, потому что часов - нет), - а это - так, точно (потому что их нет, так как на их месте пусто - логика!), то значит... Что это значит?! (Заминка. Потому что абсолютно нет ни единой возможности их вынести. Их что, телепатировали? Ну и враги... Ну у нас и враги! Да, у нас есть враги. Но на кой ляд врагам?!... Значит, не враги.) Значит, возможны два пути: либо их несли через левый боковой выход, либо через центральный. Почему? Потому что. Потому что других способов нет!

Исследуем вариант: «Боковой». (Часового сейчас расстреляем.) «Часовой! Вы не отлучались с поста?» (Сам вопрос из области ирреальных.) «Никак нет!» (Ага...) «Но тогда вы не могли не видеть, кто и как выносил часы!» «Никак нет!» (Не видел.) «Тогда - слышать!» «Никак нет!» (Не слышал.) «...Значит, вы отлучались с поста».

«Никак нет!!!» - все три смены (часовых у вещсклада) отреклись от «видел-слышал» с такой же принципиальностью, как гомосексуалист от связи с женщиной! Произошло - «Хм-м... Ё... Ладно...»

Ладно, считаем, через боковой выход часы не выносили. Тогда совсем легко ($2 - 1 = 1$ - математика!); вынесли через центральный. И - мимо льва.

Льва оставили в покое сразу: он никогда и не скрывал - спит. И даже хвостом к ака... чилищу.

«Ага-а... Значит, дежурный по корпусу!.. Насмотрелся на него и! Тоже... (Мысль, обезбашенная безвыходностью и логикой!) «Ать!..» Под белы руки его: «Попался!.. М-мерзавец... Спал!» «Никак нет». «Нет, признавайся: спал! Видели...» Дежурный от изумления (кто?!.. Дежурный - третий курс - спит «на войне» только в том случае, если всё проверено-перепроверено!) признался: подремал. «Гад! Скотина! Сволочь! В Туруханске сгни-ёшь! В Кап-яр вместо Москвы поедешь! На Эмбу! На Печору - вражьи голоса ловить! Рыбу жрать... Вместо колбас». «Да я... С-сидел... З-за с-столом... З-за... дрёмал... Простите... М-минут пять - н-не более!..» «Ч-ч-ч-т-т-о-о-о?!..» (Локомотив. Не остановит.) «Ну-полчаса!» «Откуда знаешь?!» «По часам». (Следователи аж взмокли...) «Так-так-так!.. Говори-говори!.. Ах, по часам... По каким - не расскажешь?» (Вот она, ниточка! Сейчас потянем и!..) Но!.. Дежурный намётком не понял: «Как по каким?! По наручным!..» «Тьфу, мерзавец...» (Сбил реляцию сыщикам!) «А почему дремал? Как смел!.. Ты же дежурный!!!..» Дежурный замекал: «У ме... Ме-меня... Виноват... У тестя... У Ник... Пальча... Было... Вот и... Простите...» (Добавил бы ещё - дяденьки... Фу ты: какой детский сад... Армия...) «Что за тесть!.. Что за Ник-Пальч!.. Что ты нам какого-то Пальча суёшь!.. Что за родня?..» Дежурный оскорбился. (Он же - третий курс, он уже мно-о-гое понимает... В сложных военно-неуставных взаимоотношениях...) «Что ты нам тут глазки строишь!..» В ответ - ещё более детски-удивлённые. «У Н...» (По фамилии.) «Ему генерал-лейтенанта дали. Мы с ним отмечали и...» Теперь у сыскарей в глазах девичество. «Сю-сю-сю-сю-сю...» (Суть: не волнуйся, сынок, успокойся, сынок, не переживай ты так - мы пошутили. Безмолвный диалог, обмен флюидами - мыслями. «Так зачем копаете?» «Кто копает?! Мы?! Ты что - мы наоборот: окапываем! Все подкопы под тебя - завалены, входы забетонированы. Сверху - броня - щит, сзади стена, слева Сцилла, справа Харибда, но мы, как раз мы их и держим: будь спокоен») Вердикт: «Николаю Павловичу - привет передавай, когда увидишь. Не идёшь сегодня в увольнение? Нет? Как так, почему? Пойди, походи - тебе отдохнуть надо. И привет передать... А на дежурстве не... Не дремли, сынок, - мало ли что!.. Вдруг война! Или тревога?.. Или украли что. А ты задремал. А?! Как быть?! Не выспался, подойди к начальнику курса, объясни ему - мол, так и так. Он тоже человек, поймёт. Отпустит домой, выспишься». (Ага... Отпустит... Жди... Фу, какой детский сад... А на вид - полковники?!..)

Два минус два - это ноль?.. Или что-то в те дни специально менялось в мире?!

...Может быть, через «первый» отдел и в окно? Может, через «восьмой» и под пол? Какая-то обструкция логике, но разве есть альтернативы? (Мимо часового у знамени есть ещё два прохода: в «первый» отдел и в «восьмой» отдел. Вот только ходить туда по ночам (советское время!..) сумасшедших нет. Приветливей кладбище, с призраками иметь объяснения спокойнее.) Если сумасшедших нет, тогда выхода - тоже. Смены часовых у знамени допросили только для профформы, для протокола: не спал, не отлучался? Услышали то, что сами знали: нет, нет. Тут спрашивать лишне - работает машинальный анализ: курс, факультет, семейное положение, папа-мама, успеваемость, поведение - типичный просчёт траектории предполагаемого поведения спускаемого аппарата. Любый начальник курса скажет, как поведёт себя такой-то его курсант в такой-то ситуации. И не ошибётся. Вышло - нет: не спал, не отлучался.

Кроме того. Часы - да, ценность, да, немалая. И на излёте социализма уже приходило в голову, что всё покупается и всё продаётся. Так что... Нет, конечно, это чистой воды теория, но... Чисто теоретически, часового у вещевого склада можно купить, скажем, - за миллион. Дежурного по корпусу - скажем, за два. Но никто и никогда ещё не смог купить часового у знамени! Нет таких денег! Не заработано! Даже мелкий человечиска, ступив в оборону знамени части, становится таким, каким не бывал никогда! Трус - никогда не трусил! Лгун - не лгал! Предатель - не изменял! Вор не воровал! Никто не продавался. Он неподкупен на эти часы - человек у знамени части! Каким бы он, когда ни был: верный пёс или шелудивая скотина.

Скотов в военных училищах - перечесать «по пальцам». (Т.е. крайне мало. И, обнаружив, изгоняют.) Безмозглых болванов также: крайне мало встречено. Заснул? Задремал? Да и бог с ним - расследуется не то дело. Часовой у знамени может находиться только в положении: стоя. Он и спать может только стоя - он все два часа смены стоит навытяжку,

в положении «вольно» (одна нога напряжена, другая ослаблена). Автомат на плече, затвор взведён, патрон в патроннике. При таком положении задремавший часовой напоминает дремлющую при мозговой кости собаку. И любой шум в безмолвном здании - для него, дремлющего, как скрежет у самого уха.

Нет, пусть прикемарил дежурный (что, кстати, вовсе не возбраняется - дежурному по корпусу, не находящемуся в составе караула, разрешено за сутки дежурства спать не более 3-х часов), но в 15 шагах от него - часовой! Они в прямой видимости друг от друга! Как прохожий и манекен в полностеклянной витрине.

...Значит, часы не выносились.

Но если часы не выносились, тогда где они? На своём месте. Но на своём месте часов нет! Значит, часы в здании. Обшарили всё здание без паникёров и с лупами. Нет.

Значит, часы вынесены. Но если часы выносили, значит...

Кругов было пятнадцать, пойдём сразу по последнему кругу.

...Во-первых, их несли двое-трое-четверо. (Сто пятьдесят килограммов! Как иначе?) Во-вторых, их несли через левый боковой выход. Так как через правый - всё равно что через центральный, только ещё длиннее. И так как нет никакой возможности - через центральный. Но боковой выход ночью (с шести часов вечера) не только присутствием часового, но и ещё замком заперт до утра! И ключ - в сейфе дежурного! Так что, даже если... (Читал конспект сдающий в эти дни сессию часовой - пронюхали.) И не обратил внимания на крадущиеся шаги... Стоп, но там должен был стоять топот?!.. Тяжесть тащат - мёртвого могут разбудить! Значит - через центральный. Но на нём дежурный. И этот дежурный не настолько дурак, чтобы... Хотя бы в том, чтобы подкузьмить тестю - разорвёт! (За то, что подмочил ему следующие генеральские погоны.) Так что дежурный не спал, а только дремал. Что признал часовой у знамени. (Приватно.) Часовой от знамени не уходил. (Что приватно подтвердил дежурный.) Так что даже если он стоя задремал, то...

Господи! Царица небесная!.. Хоть бы вы помогли! В Сталинграде же помогли?!..

Кто, как и когда - этот трёхмерный вопрос так и остался висеть в воздухе, как запутавшийся ниточкой в ветвях деревьев плут - первомайский шар. И пока скис, спустился от естественных природных условий (время, дожди, ветра...), порядком успел всем надоест своей ярко-красной назойливостью.

Происшествий без виновника не бывает - армия. За каждое явление кто-либо должен отвечать. Нет «уполномоченного» заранее, находится потом. Пока подыскивали, кого назначить виновным, нашёлся курсант, который заявил: «А это я!..»

Вначале возликовали, затем чертыхнулись (разобрались). «Чудик» решил «сделать ноги» из училища, нашёл «тропинку».

Но сумел разозлить. И - ах ты так!.. Был отправлен тренировать голову (и чудо-мысль) с «Суворовского» на «Скворцова-Степанова». (Есть разница. В психушку.) Не жаждешь служить Родине? Послужи её докторам... Бегун... (Кстати, перворазрядник, спринтер, любимчик спорткафедры.)

Как бы то ни было, наш экскурс в кунсткамеру любовных отношений с историей, городом, государством, - начальства с курсантами, курсантов с пищей и девушками, - пришёл к концу. Освоив (и охватив) многое, наш герой на пятом курсе (как 90% выпускников) женился.

Всё: хватит Слов, пора говорить! Дракон окровавлен, заяц бит, утка подстрелена, яйцо в руке. В скорлупе остроконечное дело.

Пятый курс!.. Быть пятикурсником сладко в любом вузе. В военном - вдвойне: это «старика». Пятикурсник уважается всеми. Пять полосок на рукаве - стоп-сигнал даже для патруля. И даже старшие офицеры - даже генералы! - относятся к рядовому с пятью полосками уважительно. Верх службы. Верх знаний. И!..

Но - следующий шаг, всего шаг, но - вверх - и ты снова презелёная зелень! Детка! Детвора. Да ещё какая!.. Каждый, кто в ином звании, готов тебя пошпынить. Лей-те-нант...

Лейтенант! Красивое звание. Первое офицерское звание. Молодое. От самого слова веет задором, свежим пером, неопытностью, лейтенантство - детство, и юность. Как маленькому ребёнку, тебе надо - хорошо кушать, смотреть старшим в рот, быть послушным, часто менять штаны. (Служба - то брюки повседневные навыпуск, то повседневные - галифе, то «полевые пэша», то - парадные, то полевые хэбэ. Учись выпрыгивать из штанов за минуту.) В дела старших не вмешиваться, быть на подхвате, старательно тя-

нуться, расти.

Показалась «иглочка»! Привет, малышок.

...В самый разгар - и уже на обшлагах, одновременно - эпохи развитого российского социализма был оставлен по распределению служить на одной из кафедр бывшего тогда здесь военного училища, в светлом, гулком, памятующем военные шаги императоров и престижнейшем в качестве места ратования Родине, уже упомянутом здании, одинаково во все времена облагораживающем Суворовский проспект, один офицер. Лейтенант. Выпускник 1982 года того же училища и коренной ленинградец, Пет... буржец.

Что ещё. Естественно - член. (Коммунистической партии!) И сам насквозь коммунист. (Пожелание Родины - приказ, «Кодекс Строителя Коммунизма» - норма жизни. Деньги - лишь то, что подают в финчасти первого числа месяца и тринадцатого.) В остальном - светлая голова и, в подтверждение светлости: «красный», заполненный всяческими отличиями, диплом.

Мастер спорта (дзюдо), рост - сто восемьдесят, вес - семьдесят два - семьдесят пять; сложение тела и характера правильное. (Характер выдержанный.) И внешним, и внутренним бог парня совсем не обидел: симпатичен. Женщины обожали всеми частями самозабвенно - защитничек, душка. Мужчины симпатизировали: боец, мол, ничего не скажешь - душа компаний. (Ревновали.)

Естественно! Легче Суворовский проспект превратить в крытую ледовую дорожку, чем курсанту без «мохнатой лапы» («очень сильное протезе, «блат» - сов. термин, жаргон) остаться служить по распределению на кафедре высшего военного училища в городе Ленинграде! Позавидуешь. (Что ещё? Говорят, легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому войти в царство Божие. Так вот, легче богатому войти в это царствие, чем объяснить не советскому человеку: ЧТО ЗНАЧИТ - «остаться по распределению на кафедре в Ленинграде». Уже этот воздушный корабль мечтаний улетел.)

Что ещё. На службе - любимец и негласный протезе начальника кафедры - молодежаватого седого полковника, армейского волка с адмиральскими атрибутами: неизменной трубкой в зубах, немногословностью, непререкаемым авторитетом и непостижимым чувством собственного достоинства. И вразумительной военной фамилией. (Курсантики от страха и уважения только шёпотом - «Зверь» - звали и видели будущим начальником училища и генералом.)

Прямо шёл полковник, лёгких путей не искал. Как в десять лет потрясся Питером, внук крестьянина, окромя своего тишайшего райцентру ничего не выдавший, где даже речки захолустной, и той не было, - как увидел, понял, проникся, - усвоил, насколько он меньше Казанского, так и бросился, не умея плавать, сразу сажёнками его нагонять! Можно усмехнуться: предпринял невозможное, плебейство - в венах.

Тот, кто считает: всё - гены, - пусть молится на «Май кампф» немецкого фюрера.

Человек способен ВСЕМУ. А в добром подобен богу.

...К сорока - сотворил из себя аристократа.

Кто бы мог подумать сейчас: тот мальчик, из которого вырос сей мужественный суровый - и весь седой - человек с тонко вырубленным лицом, в восемь лет плакал от страха в тёмной комнате, писался ночами в постель. Такого не бывает.

В тринадцать - смотрел в рот всякому, кто больше его.

В двадцать два, лейтенантом, служил больше, чем его полковой командир. Командовал, - что вверяли: и на Енисее, и на Печоре, - и на Ангаре.

Возможно, именно такие мужчины грезятся примадонне Пугачёвой: «Ах, какой был мужчина! Настоящий полковник». Возможно, прима сама не знает, о чём поёт.

Прямо в начальника высшего военного ленинградского училища поднимался полковник; чтобы мальчиков ставить на ноги, чтобы птенцов оперять. И первого протезе своего от зелёного лейтенанта до образцового капитана прямо вёл. Знал, знал «Зверь», кого взлелеивает! Кого по своей прихоти из серых курсантских масс за личные достоинства выклевал: такого же будущего военного зверя. (Только некурящего, значит, будет без трубки - ах, минус.) И начальника кафедры - это по крайней мере. Выщипил, вытащил, держал за шиворот, пинал, натаскивал, почти дрессировал. Знал всю подноготную, родословную до 4-го колена. Жёсткие у полковника были руки. Глебу с курсантов нравились повадки начальника.

Служил наш, не мнимый сейчас, герой верно, лямку тянул расчётливо: себя не забывал, интересы Родины с своими не путал; таланты свои, когда требуется, проявлял; а так-

же - главный: был у него незаурядный талант, который называется «не упустить своё»; поэтому, и потому, видимо, что служить умел, карьерный рост его ни на год не останавливался, звания и чины получал согласно положенным срокам.

Ка- пи- тан.

Неправда, что внешнее не влияет на внутреннее - название чина определяет даже характер. «Капитан» и «полковник» - самые красивые, самые авторитетные воинские звания! Их носят такие же люди.

Капитан и полковник. Их разделяют три огромных перехода - аллегория: «С полной выкладкой! За спиной автомат, в скатку шинель, мышцы всмятку, нервы - в скрутку...» И две высокие ступени, - лучше сказать: два порога. И далеко не каждый капитан станет полковником. Но они похожи. Они чем-то похожи, родственны, эти два далеко разнесённых звания - военных человека. Капитан и полковник - это - устойчивость, умудрённость, ответственность, мужественность, военное провидчество, надёжность, уважение сослуживцев, авторитет подчинённых. Можно не прибавлять фамилии, просто сказать: он капитан. Или: он - полковник. И уже будто сказано о нём всё. И уже ясно всё. Отчего так?!

Можно долго пытаться рассказывать, - можно, например, накопать, что подполковник, это «незавершённое» звание (соответственно, и обладатель его), и у носящего звание «подполковника» всегда будет оставаться стремление «подтянуться» ещё, шагнуть ещё, - нет успокоенности, надо подрасти - вверх. А - например - майор (кажется - вот только что он был капитан) - это первое звание старшего офицера - и всё впервые. Впервые опять!.. Он уже не меньше восьми трудных лет офицер! И вновь (в новой среде) - как зелёный литёха.

Капитан и полковник - два пика военной службы. Они - знаки отличия, независимо от наград. К тому же это самые красивые воинские звания.

...Как приятно, когда ты - капитан, - уверенному в себе, со знанием дела, - уважаемому, отдохнувшему, - в понедельник, - в выглаженном мундире, подтянутому, выбритому - свежему! как новенькому! - сам себе приятен, как крепкий огурец! - козырнув дневальному, отпечатывать шаги по асфальту; меж вековых лип, где каждая прожилка дороги изучена, много лет уж родна, - по центральной аллее училищной. Где! В самом центре жизни! В самом-самом!.. Городе на Неве.

...На Неве - не Амуре!.. Да-да, не в Братске на Ангаре! Или - «У Печоры, у реки, где живут олениводы и рыбачат ры-ба-ки!..» Ещё чего... Не на Енисее, Двине, Урале, Эмбе, - как там - известно: сокурсники, приезжая, делятся по-братски, когда плачутся в горжетку в Ленинграде. Служить - так только в нём! Не-ет, главный корпус, построено-царский, жёлтый полукруг на Суворовском, современная техника, современные отношения, современные удобства на службе и дома - только здесь может ликовать душа. Есть места лучше. Но там завидуют нам.

Вожденней мечты «служить в Ленинграде» может быть только сама служба в нём! Здесь случилось начало, здесь же пусть будет конец.

...Ненапряжённых служб не бывает. Сам термин «служить» сразу подразумевает в себе перенапряг.

Надо расслабляться.

Отдыхать умом при службе на аппаратуре (причём любой степени сложности аппаратуре!) можно на аппаратуре. Закончилось служебное заседание, прошёл строевой смотр, сдано дежурство или наряд, коль ещё не домой, то быстрым шагом «к себе». И - приналёг на аппаратуру. Взлся за свои прямые обязанности - отдыхаешь. Почему? Тут всё целесообразно. Эта деятельность не требует «морщить ум». Потому она отдых. Ибо тем, кто прошёл высшую математику до «ять», гармонически в аperiодические козловатые всплески - затухания армейщины никогда себя не встроить. Мозгов не хватит, сосуды полопаются; потому что теоремы Коши, даже «белый шум» - детский сад по сравнению с высшей военной тьматикой; где параллельные прямые (видимо, в пику Лобачевскому) в армейской практике не где-то в абстрактной бесконечности, которую при желании можно предоставить самой себе и не ломать о ней голову - всё время, на виду у всех пересекаются. И даже наскучивают. А жидкость в сообщающихся сосудах («до кучи» пусть и физические явления) явно реагирует не на законы, а на приказания. Так что даже

у мотострелковых и комендантских майоров от распоряжений начальства - особенно дальнего, особенно из Минобороны - делаются тоскливыми раз и навсегда умалишённые глаза. Куда уж военному инженеру по радиоэлектронике!..

Глеба, как всегда, выручала борьба.

Когда особенно досаждают, можно в конце концов просто «слинять»: внеочередная тренировка, подготовка к ответственной схватке, подготовка к чемпионату города. К борьбе, да на высоком уровне, любое начальство почему-то относится до подобострастности положительно.

Но борьба - борьбой, борьба - дело сугубо мужское. Бездушное. Что такое борьба? По сути, то обнимаются, то катаются по подстилке два крепких мужика, срывают друг с друга то штаны, то рубахи. А зачем? А как отдыхать - где отдыхает? - душа? А как быть с телом?!

Требуется женское участие. Желательно разнообразное.

А так как дома - жена, надо смеяться.

Василий Тёркин был сметлив по части каш и сапог. Платон Каратаев приветил Пьера и собачку. (И оба зарегистрировались в истории.) Наш герой, на пару с товарищем, по мудрому организовали «хорошую квартиру».

Надо сказать, она и раньше была хорошей для военных - снималась военными, раньше - курсантами.

Надо сказать, многие курсанты, начиная с четвёртого курса тайком от начальства (не положено) снимают квартиры. Не положено. Но хочется. Не положено! Но хочется - ужинать в домашней кухне, а не по распорядку в столовой, курить за столом или на балконе, а не в туалете или курилке, спать ложиться на кровать, а не упадать по приказу в койку ровно до столько-то утра.

Снять квартиру - это проблема. Снять квартиру вблизи Суворовского, за небольшие деньги - везение не в сто - на тысячу карат! Кому-то однажды повезло.

Есть квартиры, переходящие - и передаваемые бережно: как вымпел - из рук в руки. Как эстафетная палочка. Одни курсанты женятся, уезжают, освобождают квартиру, передают её другим курсантам; если квартира хорошая, обычно друзьям.

Хозяева обычно согласны: с курсантом квартиродателю приятней, удобней иметь дело, чем с гражданским неорганизованным лицом. Курсант не исчезнет, не запьёт, не нахамит, не навредит - не квартиросъёмщик, а удобствами кишмя-кишащая масса. Все довольны.

Квартиру номер... (Повременим.) Дома номер 33/... (Пропустим.) Что на углу улицы Дегтярной и... (заклеим!) ...-й Советской, передавали - и брали! - трепетней, чем Царьград. Это не дом: песня! Это не квартира - квартира номер... хозяйки «Тёти Кати». Для военноучащихся на Суворовском - она была суший клад! Судите сами. Парадный вход (с Дегтярной), чёрный ход (скверик, акации, тротуар Советской), напротив парадного - три (!) пивных ларька («Три богатыря» - пивточка), квартал вправо - «Рюмочная», квартал влево - «Пивной зал», четыре квартала - баня, один - троллейбусы - автобусы, пять - трамвай, шесть - Невский (Староневский), семь - Московский вокзал. (Как география?) И - ни-ка-ких тебе патрулей!.. До училища 653 шага. Даже всё на свете проспав, ты через пять минут (сиганув через чугунный забор - к чёрту приличия, лучше быть на хорошем счету: опоздание себе дороже!) в Главном корпусе. Мечта.

Внутри мечты. Отдельная комната шестнадцать метров, - и два окна, - отдельная кухня, отдельная ванная, отдельный туалет, - горячая вода, холодная вода, вся мебель, газовая плита, - а ещё - коридор-прихожая. И славная добрая хозяйка - пенсионерка: «Тётя Катя». Катерина Ивановна всю жизнь проработала дворничихой и заслужила эту квартиру, а её дочь - Люба - не последний человек в ЖКХ. Мать с дочерью живут теперь вместе у самого Смольного, среди чистейших газонов и аллей, старая квартира сдаётся наём. Дорого. Пятьдесят рублей. (Зарплата инженера Любви - сто двадцать пять.)

Квартиру, прежде чем она попала к друзьям, имеющим самые красивые воинские звания, обживали пять курсантских поколений. Сколько здесь написано курсовиков, подготовлено сессий, сколько прошумело застолий, вышито вина, отлюблено девушек!.. Сколько счастливых пар уезжали отсюда, чтобы даже на Печоре и Эмбе не расставаться!

Может быть, оттого, да ещё в пику булгаковской непотребности, интеллектуалы, знавшие известный роман местами, как строевой устав - наизусть, честно назвали квартиру: «Хорошая».

...Теперь «Хорошая» была - квар-ти-ира-а... И-и-ра... Ва-а-ря... И даже - Рами-и-ра и Ти-и-на.

Весьма незаметно (даже для интеллектуалов) она приобрела отдельные свойства «нехорошей квартиры». Например, становилась безразмерной. От дев. Например, здесь появлялись нагишом Маргариты. (Только им не позволялось вылетать в окна - зачем?! Так нормальненько, через «чёрный» вход, в трусиках, за пивком сбегать через дорожку! До «Трёх богатырей». Сраму не съмут. И обратно.) И, например, в ней пропадали девушки. (С ними здесь происходили превращенческие чудеса.)

Нет, они и раньше здесь «пропадали»: становились не целыми. И также добровольно. Но от иных побуждений; и не в таких количествах. А чудеса бывают - необязательно светлые. Теперь здесь происходили - обязательно бурные. Разве станок нем, когда работает? А станочник? Молчит? Курлычет? Курит? Кричит?

...Это только на пролетарском Кировском станочный парк принято менять раз в полстолетия. В «хорошей квартире» такое обновление «основных фондов» называлось занудным постоянством. Тётя Катя о чём-то догадывалась, но мудро молчала. Люба... Любовь (из уважения) раз от...ли по-хорошему, но больше не пригласили - неинтересна. Молчала.

Кричал одноногий сосед, инвалид - алкаш, заслуженный ветеран войны, - орал через стенку, подначивая тружеников - капитанов: «Так их!.. Во все дыры! Как мы фашистов!.. По самый их «берлин»!..» А сталкиваясь в общем холодном коридоре, ведущем в парадный: «Вот чё вы, парни, такие жадные!.. Хоть бы мне закинули одну!» «Да зачем тебе, дед - у тебя ж всё иссохло». «А я костылём!..» «Ха-ха-ха!..» «Хи-хи-хи...» «Жёнам-то чего хоть врётё - на службе, что ль? Эх, хороша у вас служба!.. Мне б такую в моё-то да время!..» «Молчал бы уж: старый пустобрех!.. Сам-то что говорил - сколько отымел во время войны?.. А?»

Жёнам военных трудно не свыкнуться с постоянными отлучками мужей - служба. Дёргают туда-сюда всех, постоянно.

Бывает, настолько надоедают «вынимания» на службу - даже из ванны в субботу, - что изобретается хитрость: можно выдернуть вилку из розетки телефона в выходной. (После - сослаться на плохую работу АТС.)

Впрочем, служба в военном училище, да ещё на кафедре, почти подразумевает (начиная с капитана - майора) обычный гражданский двухдневный регулярный уикенд.

Во всех смыслах: служить на кафедре военного училища в Ленинграде есть за чем и есть за что!

А жизнь вообще, кругом, довольно жёстка: сволочности в ней много, в одиночку не всегда получится устоять. Тут же служишь, находишься в авторитетной системе. Никакая дрянь, которой кишит славногорск - Ленинград, не посмеет пальцем коснуться тебя! Что бы ты, твои подчинённые, твои соратники ни сотворили. На «гражданке» чуть что - жди следователя с миной: «не желаешь на нары?» Военному, человеку в форме надо выкинуть неизвестно что - какой фортель - чтобы дойти до суда. Честь мундира!.. Начальники замажут, замнут, спустят на тормозах любое дело! Себе дороже! Система!

Быть в «системе» трудно, быть в «системе» удобно. Смотря как, кем быть. Кроме того, кадровый военнотруженик с военных пелёнок привык ко всем особенностям своей системы, её прихоти он считает обычным делом - обыденностью, само собой разумеющимся, совершенно нормальным то, что гражданскому человеку никакими способами не объяснить.

Строевой смотр!..

Строевой смотр в войсковой части - нормальной: мотострелковой, артиллерийской... - обыденнейшее дело. Но строевой смотр на кафедре! На вычислительном центре! В лаборатории!.. Как грейпфрут в яранге якута.

Нет, - овощная тема уже изъедена, отбыла, попробуем сказать так: как волк в овечьей шкуре, заставший собак в овчарне за недостойной деятельностью. Все замерли, выпучив глаза.

Все замерли, пуча глаза, все стоят: сейчас что-то будет. Что? Но не я первым.

Нет, всё равно сказано слабо. Это надо ви... Нет, и видеть - слабо. В этом нужно участвовать! Вот - участвовать!!!..

Постоянное участие доводит, как тренировка, до безумного совершенства.

«Подполковник Сероглазов, начать строевой смотр!» Милейший Юрий Владиславович, - которого даже первокурсник без стеснения зовёт «Полкобуры» или - «Метр в кепке», - мешковатый, стеснительный Юрий Владиславович, который всегда рад услужить и первым ставит чай... О нет, не-ет, это уже не он... Чур меня, чур! Эх, принесла нелёгкая!.. Эт-то - это зверь какой-то!.. Олицетворённый строевой устав! С пистолетом.

...»Товарищ майор-р-р-р... Почему у вас пуговица пришита криво!.. Я вас не спрашиваю - почему? Я вас спрашиваю: почему. Почему у вас пуговица пришита косо! Вы что, не могли её прямо пришить!.. Так. Каблуки. У вас каблуки стоптаны - где подковки! Почему у вас стоптаны каблуки!» (Господи, чего он вперился в воротник... Чего он рычит на португалею... Кого он следующего разорвёт?!..) «...Почему у вас нет детей в военном - отставить - в удостоверении личности офицера! У вас что - нет детей? Дети есть. Так где дети?? Та-ак...»

Он даже не задаёт вопросов! У него не существует - нет, отставить! - ему неизвестно, что есть такой знак: знак вопроса - в русском языке! Он вообще забыл напрочь русский, у него теперь в голове только два языка: командный и командный матерный. Как сумел?!

«...Юрий Владиславович, я...» «Что-о!!! Какой я вам, товарищ майор, Юрий Владиславович! Вы что! Вы где! Я удивлён на ваш вопрос!.. Вы где были, когда начальник строевого отдела удостоверял сверения».

Нуда - «Прошёлся по тумбочкам, там пыль столбом. Заглянул под кровати, там носки стоят. Эта тумбочка сегодня в увольнение не пойдёт». И так далее. Но это из предыдущего периода службы, а сейчас он скажет... «...Так я и знал: доверь дураку стеклянный член, так он его или разобьёт, или потеряет». Зачем он это, младший научный сотрудник и кандидат наук, сказал? А сейчас...

Но достаточно. Пожалуй, кроме военных, всем остальным это уже надоело.

«Товарищ полковник! Строевой смотр в... Закончен».

«Строевой смотр - за!-кончить. Вольно, товарищи. Разойдись!.. Спасибо, Юрий Владиславович, зайди потом, оформим бумаги».

Разошлись по помещениям, лабораториям, поставили чай. «Юрий Владиславович, я пуговицу-то перешью, не волнуйся, обязательно! Завтра покажу, проверишь». «Да отстань ты - сдалась мне она завтра... Дел невпроворот, а ты...» Но ведь только что!..

Все эти прелести Глеб рассказывал потом, от нечего делать, в камере. Вот уж братва поржала!..

А как сейчас наш герой? Что с ним? О, всё в порядке. Он уже до майора и начальника лаборатории дослужился, регулярно прибывая к восьми утра восемь лет подряд каждый рабочий день, - безупречно выбритый, безупречно выглаженный и военно-подтянутый в гулкий корпус на Суворовском, - мимо льва, не видящего перспективы, не слышащего пиетета без царской поступи Александров и Николаев, и оттого спящего, - и, осознавая свои незаурядные способности и таланты, возможно, о следующем шаге мечтал!.. (Возможно, кандидатская уже снилась - как знать... «Мужчины, впрочем, те же дети, лишь по цене сменив игрушки»... - как сказал один пытливого поэта, - так что - как знать, как знать... Да ещё говорят, чужая душа - потёмки, в потёмках что можно распознать? В потьмах идёшь наощупь...)

Как вдруг!

...Аты - баты.

Вот откуда (забудем на время известный переход через Альпы, имевший целью свалиться вдруг на башку) в реальной жизни, - к тому же атеистической на горе социализма, к тому же в режимном учреждении (то есть флюорографируемой в разных позициях со всех невозможных сторон «первым», «восьмым» отделами и военным отделом КГБ), к тому же военной - то есть расписанной страшней, чем меню «Пышечной», что соседствует кинотеатру «Искра» на Суворовском проспекте и имеет всегда, - даже когда Нева течёт вспять! - четыре железных пункта - кофе, кофе со сливками, пышки, чай, - это сказочное «как вдруг»?.. Но - вот оно, пожалуйста в паноптикум на обозрение: вдруг, как в сказке - из лаборатории с кафедры пропадает несколько самых ценных (в денежном измерении) блоков аппаратуры. (И Глеб её знал - вот голова!.. Но он же за неё отвечал! Вот и головушка?) Аппаратура называлась «Цвет».

«Как пропала?!.. В какой из двух выходных?! Куда делась?!.. Кто дежурил по корпу-

су? Кто был дежурным по училищу? Кто - ответственным по кафедре? Кто начальником патруля? Какой курс стоял в карауле!!.. Чёрт бы вас всех побрал!..» Начальнику училища трудно было не сойти с ума.

Никто ничего не видел, не слышал, не догадывается, не знает. Либо мистика, либо работали сверхпрофессионалы...

Ответим на вопрос технологически правильно: не было никакой мистики и никаких «как вдруг». Просто... Кому-то это стало вдруг выгодно, кому-то очень-очень-очень приспичило, так как!.. Правильно. Приспели поспешествовать простым человеческим желаниям очередные времена громких русских!..

Паника и скандал в ВУ поднимаются ураганные - погонами, головой и ленинградской пропиской никому не только жертвовать, даже рисковать не хочется; аппаратура, надо пояснить здесь, хотя и была для янки и Японии, по сути, - второго десятилетия каменного века, да по-советски-армейски - «совсекретная». Ка-ра-ул...

Ух, как двое бессонных бесконечных суток, сорок восемь мрачных часов, - две тысячи восемьсот восемьдесят отчаянных минут, сто семьдесят две тысячи восемьсот жутких секунд! - колбасило кафедру!..

Всё, что зеленеет и пешеходно движется, мановенно останавливалось, ставилось, как станок, в позицию, на ощупь пробовалось со всех сторон, затем нарезалось и рассматривалось порциями. Порции делились на ломтики, всякий ломтик шинковался в кусочки, каждый кусочек снова пробовался на зуб. Затем кусочки педантично смахивались жертвенным ножом училищных людей с большими погонами в один горклый противень. Все адски шипели.

...Интересно, что думают пышки, когда жарятся? Когда - в раскалённом масле в раскалённой сковороде, в виду алчущего их поскорее заполнить и зажевать для подпитки себя посетителя?

Кипящего масла было много, сахарной присыпки вовсе не было.

Пока в высшем военном учебном заведении имени Ленинградского Совета народных депутатов (вог только за образцовость училищу присвоили!) суверенный (у каждого лично свой) стул под потными фуражками, и пикирующим «мессером» гонение мочи от каждого стука и звонка, а в зелёных штанах - «ой, мама дорогая...», и инстинктивное придерживание руками погон у среднего начсостава, у крупнозвёздочных аврал по вечерам: тайный филиал игры Ворошилова (имени Владимира, не путать с Климентием, игры не похожи). Но раз за трое суток - ни - что, ни - где, ни - когда выбор метода разрешения от недозволённой беременности пал на метод «того парня». «Того парня» выбирали конкретно: как отдачу в магазине главарю уличной мафии. Как? Можно догадываться: мелочь сдашь, может обидеться, крупных жалко, вдруг себе пригодятся.

Применили (все ж учёные! Все, как минимум, кандидаты разных наук!) метод сложения вектора всех обстоятельств. Вектор указал: требуется очень крепкий середнячок. Началась чехарда.

...Сергей Иванович Ожегов говорит о ней в своём «Словаре русского языка» следующее. «Чехарда. 1. Игра, в которой играющие по очереди прыгают через своих партнёров, стоящих в согнутом положении 2. (перен. знач.) Частые изменения в чём-либо...» Тот, кто учился в общеобразовательной школе, помнит, также, аналогичные упражнения, развивающие прыгучесть и ловкость: прыжки через «коня». Бедный тот «конь», спортивный станок - спортивный снаряд, - кого только ему не приходилось выдерживать... Худышки и тучные, хитрованы и простаки, оленеобразные и слоноподобные - под всех, под каждого приходилось ему вставать в позицию. Но то бесчувственный «конь». Человеку надо обладать завидной крепостью ног, рук, неломкой спиной и психикой, чтобы выдержать внезапный набег с опорными прыжками через тебя безжалостной мамовой орды из тридцати-сорока «человеков»!

Жизнь вообще странная штука. Мы видим, как она спускает иродам рода человеческого, а человек относительно порядочный, относительно честный вдруг снискивает такой урок, что положение, в которое она его, лягнув под дых, согнула, напоминает горько-анекдотическую позу «бобра»: все тебя «имеют», а ты делай, что сказано - грызи дерево. Трудно сказать, что чем притягивается, что притягивается к чему, возможно, подобное - подобным? Что отчего происходит, жизнь не даёт успеть познать.

...Кто у нас такой крепкий? У кого ноги выдержат, а шея на меч тонка? У кого налицо все достоинства, и притом «сдать» не жалко? За кем никакая крупная тень не маячит?

Учитывалось всё-всё! Все погрешности и отклонения... Вся подноготная - «а кто у нас папа?..», кто мама, - кто дядя, кто тётя, - есть ли живой дедушка, и какую должность он занимает, - сколько наград у брата, если таковой имеется, и вхож ли троюродный дядя в приёмную горсовета. И так далее... Как при расчёте орбиты спускаемого с небес аппарата. Выбора, по сути, не было никакого: «простых парней» в училище не служило. Потому все тряслись одинаково. Даже привыкшие к падениям и подножкам бесстрашные на ковре борцы не меньше всех.

Наш майор зелёный, кажется, ни о чём грустном не думал.

Уж и разбирательства поутихли... Но вот - «вдруг!» - вызывают его однажды в субботу «утречком ра-а-енько... Брату крикнуть успел: пособи!..» вместо службы в военную прокуратуру, к следователю, а оттуда... Вам чего-то не хватает? И это верно! Не руководил уже кафедрой серебристый армейский ящер с вечным дымом изо рта и подходящей звериной фамилией, - и развитыми чувствами человеческого достоинства, офицерского благородства. Нет, и на этажах, примыкающих к Арке (Генерального штаба), где сидят начальники Ленинградского военного округа, тоже руками не водил. С помпой и ордемом был выпнут (изловчились, кто мог, шерханы и тобаки, - удачным пинком под зад - в запас!) на пенсию - акела, несчастливо прыгнувший в генералы. И - пособи!.. - кричать было некому, - и прикрыть парня было некому однозначно. (И мама скончалась.) Посему из прокуратуры его - «Ах, ты!.. Да ты, б..., - в несознанку играешь!!!» - без вещей, прямым ходом, под белые руки «...два красивых охранника-а-а!..» Повезли.

Нет, не сразу в Сибирь, сразу - к Финляндскому вокзалу. Только не на паровоз и в заграницу, как Ленина, а на зады Финляндского, в Кресты: известную всему крещёному миру тюрьму. Одежку сменили и - бамс в камеру!

Пока человек озирался кругом и промаргивался, - удивление ж! - ему хлоп: а накося, по рылу. Он - глядь вопросительно по сторонам: мол, что за обращение?! Ан всё не то кругом, - ан не зевай, милок: накося, лови ещё «мандарин»! Теперь не сослуживцы, теперь сокамерники в зоне видимости. И - здесь не строем ходят, не равняются: «Смир-рна! Отставить!.. Рр-р-вняйсь!.. Видеть грудь четвёртого человека!!!» - здесь «кучкуются». А слово «грудь» вызывает здесь только лимоновские ассоциации. (Не читали? И не читайте - пис-с-сателя.)

Ну что, тюрьма с общими камерами дело известное - как в любом другом учреждении: людей посмотреть, себя показать. Показывать приходится принудительно, даже если нет на это твоего желания, так как в противном случае - «ваше место у параша», как говорится об этом в фильмах по телевизору. И вот пришлось майору свои способности выкатывать, как зенитку на прямую наводку, когда все самолёты уехали, а танки, почему-то круто пикируя, налетают. А показывать майору, надо заметить, было что. Продемонстрировать он мог хоть булеву алгебру, нарисовав её на стене (раз не повесили лаборанты с автоматами аудиторной доски) крупинками кирпича, хоть - как хороший замполит: баечно - системы передачи данных разных видов аппаратуры. Хоть поверхность Мёбиуса. Когда другие шоу исчерпаны. Мог он смоделировать последнюю из двух-трёх сокамерников, бравых, с заточками, ребят, которые, пусть и огурцы умело посолёные, тёртые, и верёвками вовсе не выются, но у Глеба (Глеба) и для этого таланты были. Построит он, бывало, сокамерников, поравняет, рассадит по нарам, «сидящих на нарах», и читает, как по учебнику: «Ну что, пацаны - пацаны? Правильно говорю?.. Запоминайте, братва». И «братва» прееет от напряжения. Перенапряг, как на службе!

«Поверхность. Или лента Мёбиуса. Это вывернутая и замкнутая в кольцо поверхность, плоскость. Двигаясь по которой. Можешь снова выйти в исходную точку. При движении показываясь наблюдателю то, так сказать, макушкой, то подошвами, то лицом, то спиной. То чем-нибудь ещё. Удобный пример, - модель поверхности, - вырезанная из бумаги полоска с вывернутыми при склеивании в кольцо концами. Следуя по ней, не сворачивая двигаясь по поверхности, при движении попадаешь то на лицевую сторону, то на изнанку её».

Ну, запарил... «Ну что, «пацаны» - «пацаны»? Правильно говорю? Угу, привыкаю, сам, блин, запарился - ну и язык у вас!.. Все поняли? То-то!» («Зверь», путеводитель по жизни бывший, имел словарь правильный и отклонений ни в форме, ни в сути не допускал.) «А может, чего ещё рассмотрим? А? Из области плоскостей. Времени у нас достаточно, область интересная! Нет возражений? Тогда вот, например: сумма нескольких векторов. Или нет, это все знают, это просто. Рассмотрим компланарные векторы - во! Ошизенная вещь! Итак, слушайте. Векторы называют компланарными... Отставить. Про

векторы базарят, что они компланарные, если при откладывании их из одной... Отставить. Если, - уж сделаю вам компиляцию, - при пальбе по их направлениям из одной «малины», все пули будут веером в одной плоскости. Хорошо сказал, смысл прозрачен. Ясно, что любые два вектора компланарны. А три? А три, среди которых два коллинеарны, в натуре, тоже компланарны. А вот три произвольных, - ну если от балды они, те три вектора, - могут быть как компланарными, так и не компланарными. Проще пареной репы! Нет? Чё не понять?!.. Ну, вы «опускаете» меня, блин, тогда до теоремы Фалеса».

(Я балдею...)

...И вот сидит наш борец за новую словесность - то Глеб, то Глоб теперь, - теперь уже новый «Глеб»! - в Крестах, на нарах сидит, «парится» в камере, на допросы ходит. В свободное от них время мат- и полит- информации браткам читает, - грубым - морды бьёт, неумным локти выворачивает. Водку пьёт.

Водки он выпил за те три месяца, что Родина его бдила да на мякине проводила, пока сидел, как сам потом признавался, больше, чем за всю офицерскую молодость. А пить молодые офицеры, если кто не знает, - и любят, и хотят, и могут, и умеют. Это их хлебом не корми. Бывало, если вспомнить ту молодость, завалятся в два часа ночи группкомпанией - «А ну, па-а-дём!! Смирна! Ра-а-ав-няйсь! Закуска! Н-на сто-ол!... Бе! - го-ом! Руки согнуты в коленях!» О, господи... Сами уже могут равняться если только глазами... Ищешь закуску. А и закуска той у холостякующего лейтенанта, чтомышь не доела в воинской части, в буфете. Ну и льётся тогда... песенкой... «Водочка-а... Как трудно пьются первые сто грамм. Водочка! Потом идёт поллитра пополам! Водочка!! Потом идёт уже две на троих!!! И... водо-ч-к-а... уж... я... больше не...» Нельзя было водкой майора удивить! Удивили.

Короче, - короче только «Склифосовский» - как за то время выяснилось, матери-Родине её служивый из-за своих качеств нравиться перестал окончательно. Хотя претензий по существу она к нему так и не выставила. А вот сподвижникам «Кирпича», а потом и самому «Кирпичу», Севе Кирпичёву (был такой в Питере вор в законе), Глеб приглянулся своими качественными талантами основательно. А так как даже козе и, извиняюсь, даже её противному мужу теперь было понятно, что при любом раскладе остаётся наш герой без полюбившейся фурнитуры на кителе и привычных средств к существованию, так как не будет у него теперь никогда в официальных силовых структурах соответствующей его способностям работы, то и пришло откуда-то «снизу» ему, когда он обрадованный доложил в месте обетодавания, что прогресс в векторе направленности на свободу устоялся окончательно, персональное предложение послужить тоже в структурах. И тоже силовых. Только чуть менее формальных. Где бумага чаще не требуется, а всё на уровне общения. И принятый уровень неформального общения нуждается в том, чтобы холить его и лелеять. Но - негласно. Как уставные сапоги в армии. И поддерживать. И, случается, устанавливать. Служба вседневна, всепогодна и, бывает, всечасна. Как? Чем? Конкретно: подвижными бицепсами. Ум не пригодится. Но лишним не будет, раз места не занимает. Лишь бы не обременял. Впрочем, ум уже привык - системы-то похожие: на всё - приказ, приказ выполняется, а не обсуждается, командир всегда прав. Если не прав... здесь возможен выбор другого командира.

Ну что, пацаны... Из Крестов Глеба вскоре выпустили - типа, не крал он блоков аппаратуры «Цвет», естественно. А теперь уж... Хотя бы и крал. Из армии он сам уволился: куда теперь с клеймом - в Кяхту в Бурятии? А может, в посёлок Солдатский? В читинской тьмутаракани... А квартиру на Васильевском острове - тоже в Кяхту с собой? Не дотащишь... А жену, завотделом Фрунзенского универмага - да таких должностей всю жизнь добиваются!!! На «панель» из-за них встают!.. - что, передвижным киоском командовать?... И не думай: не затащишь... А красный диплом, знания, привычку к Питеру и другие способности - что, коту?... Засунуть. А кот позволит? А где найти такого чудовищного кота?

...К тому же разница в зарплате - которую ему ещё до выхода посулили: посудите, есть различие? Две тысячи в рублях - российскими, советскими, там, где подавали первого и тринадцатого ранее, - и 2000 баксами: баксами, баксами! - для начала, туг. Глеб думал, думал, да и ответил тем что для него разумеется.

И стало так: если раньше Глеб - майор вко-лачивал в головы курсачам знания о вверенной ему аппаратуре и прививал любовь к Родине и родной кафедре, то теперь Глеб стал тоже «майор» - «бригадир» у «тамбовских». И всякое не знание у конкурентов и «налогоплательщиков», - и спорщиков, - из голов вы-колачивал. А вместо этого прививал

любовь к Севе и, заодно, к его «кафедре». Ну так ведь, когда знаешь как в прямом направлении, то задача обратная как бы тоже не из области тайны, известная.

Тот, кто считает: всю жизнь надо учиться!.. Пусть всю жизнь и учится!

А когда есть - джип, спортивная форма, дымчатые бо чёрные очки, пейджер, мобильник, три-четыре «качка» - «быка» для рутинной «работы», своя терминология... (Вместо - трамвай, вечнозелёная одежда, хитрости с отключением домашнего телефона в выходные, совтерминология...) Учиться надо одному: умело-быстро средь локтей двигаться.

За два года «службы» Глеб стал «полковником»...

Встретил как-то в тенистых местах - липах круг музея Суворова, - когда спело-осенний жёлтый - солнечный, липовый, лиственный - цвет невозможным ковром облегал мощенную землю, - когда редкое солнце - бывает, бывает питерцам счастье такое! - полонив город, лилось безудержно, собой крася площади, шпильки, каналы, мосты, облака, - и дворцы, и коммуналки, и проспекты, и улицы, не делая разницы между советскими и старорусскими, обычными и экзотическими, - а ещё, последним лучом пыталось отыскать, чтобы высветить, наконец, ту странную улочку в один двор, «Мариинский проезд», по которой так и не ездывал ни один таксист, - встретил в такое лучезарное время седой, как лунь, дряхлеющий потихоньку ацела, - благообразный, как лики в монастырях, и добродушный, как обеззубленный лев, - встретил отставной раритет с женой с собачкой (полковнички-старички компанией цыкали трубками да цокали тростками, а вообще - вентилировали лёгкие и извечный больной вопрос соотношения субординации и этики), - резвый, живой ещё, - и недовольный закрытием на ремонт сада Таврического! - увидал своего протеже - маугли, «смотрящего» теперь в здешних «джунглях». «О, ты уже, наверное, Лев, замзав кафедрой!... Я уверен! Я верил в тебя!.. Нет?! Бери выше?! Ого!.. Я всегда знал, ты далеко пойдёшь! Как вообще служба?» Глядь, - что-то не то. «Да ты что?!.. Да ты где? Да ты никак - армию бросил!!!..» «Так вышло, товарищ полковник...» - машинально вытянувшись, замялся Глеб. «А ну-к-ка, дол-л-ложи!!» «Так вышло», - замял разговор «авторитет». Тут «пацаны» на всякий случай «подгрести»: «Глеб! Всё о-кэй? Чё этому старому от ты надо?.. Чё, дед? Чё лезешь? Не всё ещё отсохло? Щас сделаем...» «Стоять, - скомандовал Глеб. - ...Так вышло, господин полковник, так вышло». «Тьфу, - сплюнул предок аристократов, отставной волк с красивой военной фамилией. - Всё-то у вас «так вышло»... Сами - ни-че-го не можете». Кивнул своим: «Пойдём отсюда, ребята...» И пришпорил дальше иноходь свою по асфальту; тросточки забренчали. «Пацаны, па-а-а-а-а-а-а-а!» - щёлкнул мясистыми пальцами своим «Глеб». (Вам что-то кажется лишним? Естественно... А вы думали «Глеб» - это имя? Кличка это, всю жизнь и была - кличка.) И забренчал музыкой из джипа и вторым джипом охраны.

Вот так при возвращении в Ленинград Питера вместо полковника, начальника кафедры в начале XXI века десятилетием раньше возник известный криминальный авторитет.

...Впрочем, парень хороший, всегда говорит однокурсникам: «В Питере будешь, звани, если чё. Пра-аблем - а не будет...»

Вот так у нас, по-русски, и вечно идёт, и вечно выходит: идёшь, двигаешься прямой дорогой, никуда, кажется, не сворачиваешь, да в итоге - в итоге, глядь - вышел на изнанку её. Умом не понять.

Загадка для славянофила (утка под интеллектуала): какую поверхность, плоскость, и течение какой действительности, математически, точно, и без юмора, описал немец? (Мёбиус.)

Ну, немцы! Ратуем.

(За «Теорему Коши», за «Правило Лапитуля».)

Александр ХАЛОВ

ИЗМЕННИК

К. и Н. были друзья.

Так вышло, что теперь они жили в разных городах - было три часа езды друг до друга, - поэтому лишь время от времени, редко, лишь иногда, хорошо раз в три месяца, а обыкновенно раз в полгода получалось встречаться.

Они были семейные люди. Дружили и семьями. Летом, собираясь у К., стремились выехать на дачу: К. умел окружить себя удобствами. Зимой предпочитали встречаться у Н. - зимой, в стужу, в метель уютней в квартире; а ещё ездили на ведомственную базу отдыха, где Н. устраивал для всех чудесные лыжные прогулки. Бывало также, что К. и Н., присоединясь к компании других своих приятелей, оставляли жён отдохнуть от себя, наказывали не скучать, а сами намыливались к кому-нибудь из приятелей, имеющих баню.

Однажды в июле (это было на даче у К.), когда жёны увлечённо пропалывали огород, а мужчины в теничке, в прохладе утра райски потягивали пиво, Н. сказал К.:

- Славка. Вообще-то можешь меня поздравить. Мне присвоили очередное: получил майора.

Вячеслав - это был среднего роста подвижный крепыш, с шапкой густых волос на голове, плотный, ещё не дородный, но начинающий в свои тридцать пять явно грузнеть телом, - радостно воскликнул:

- Ого! Но как же так?! Что ж ты вечером?.. - и с немым вопросом в засиявших глазах он уставился на друга.

- ...Ну так есть ведь и сегодня! - спокойно отвечал Н. - Вчера и без того был повод: за встречу!

- Ну так с тебя причитается!..

- Ну так непременно!

- Смотри...

Тут Вячеслав задумался. Друг окликнул его:

- Слав, ты чего?

- Миш! Так ты и до генерала дорастёшь? Сможешь?

- Ну!.. До генерала... - друг, прищурившись, усмехнулся. - Да и к чему?..

Одногодок с К., Михаил был выше ростом, шире в плечах. Крупный сильным телом, неприметный правильным обычным лицом, даже сидя, он производил впечатление сильного спокойно-волевого человека.

- До генерала вряд ли... - продолжая смаковать пиво, поразмышлял он. - В нашей «конторе»?.. Если только в Москву переведут. Да ну... - и он отмахнулся от затеи, как от ненужного, к тому же и нереального. - Надо быть реалистом.

- Нет-нет, - подхваченный своей идеей взволновался К. - Я же смогу тобой гордиться!.. Нет! - безапелляционно, - шуточно, конечно, заявил он тогда. - Хочу! А вот - хочу!!.. Хочу, к примеру, чтобы на свадьбе моей дочери сидел мой друг генерал!

Они переглянулись и, начав пересмеиваться, замолчали.

- ...Да ладно, - стараясь говорить бодро, не выдать внезапно прилетевшей печали, промовил К. - Шучу я, конечно. В живых хоть останься, боюсь я за тебя почему-то иногда...

- Типун тебе на язык.

- Эт-т... точно.

Они сидели боком друг к другу, рядом, плечо у плеча, беспечно потягивали пиво, свободные в этот час от всяких забот рассматривали соседей по даче, рассматривали грядки, кусты, обсуждали посадки, гряды, огород.

- Да! - спохватился Вячеслав. - И кто ты теперь?

Михаил повернулся к нему лицом:

- Слав, я же тебе говорил.

Вячеслав отмахнулся:

- Да-да, ты называл зимой должность, да я не запомнил. Слишком длинно. Помню, говорил, что перевели, что в другой отдел. Скажи ещё раз.

Н. назвал. Н. служил. Н. служил в ФСБ, а конкретней - в УФСБ по области.

- А у тебя: ничего не изменилось? - спросил Н.

Вячеслав тихонечко посмеялся:

- Нет... Мне и на старом месте... тепло - хорошо.

К. работал. К. работал в городском управлении жилищно-коммунального хозяйства. Конкретней - ... был одним из начальников.

- ...Отдел по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом, - глубокомысленно повторил вслед за Н. К., стараясь уложить в памяти, уяснить, покрепче запомнить.

- Миша, ты бы мне... Ну это... Хотя вкратце, ну - то, что можно, рассказал бы?.. Ещё по пиву? Может, на вечер оставим сил?

- Давай-ка на вечер. Пойдём поделаем что-нибудь, пронёмся, а то и обед не пойдёт.

Они поднялись. Н. пояснил К.: «...Терроризм, наёмники, заговоры с целью свержения гостроя, секты...» К. рассмеялся: «...Секты? Ха-ха-ха... Ну и занятия встречаются на твоей работе. А чего попы-то с сектами не борются!.. Их ведомство».

Они решили заняться укреплением старого забора. Требовалось врыть несколько новых столбов, перевесить на них изгородь, убрать столбы старые. Разговор о работе Н. закончился быстро, Н. только пояснил ещё, насколько - «Нет, не просто вредно, ты ошибаешься, Слава...» - опасно сектантство. И даже попросил, чего раньше никогда не делал: «Слава, в принципе, это долг гражданина. Но это у нас слишком высокие слова. Я тебя лично прошу: если услышишь, если увидишь, заметишь что... Что в русле моей работы... Дай знать. Я - о сектах. Заговор, подготовку теракта - вряд ли... Там ребята такие... А вот насчёт сект - вполне вероятно. Можешь случайно заметить. Плодятся со страшной силой! И все от Бога. Я хоть и неверующий, а и то недоумеваю. Все секты и все - от Бога?!.. Вот твою мать!..» Н. крепко выругался.

В ответ на просьбу Н. К. пожал плечами. Изобразив недоумение, немного подумал. В знак согласия, признавая право друга, слабо кивнул головой. Смущение, борьба чувств, видимо, так зримо отражались на его лице, что Михаил крикнул от досады и прикрикнул на него - на него и вообще, вообще - ни на кого, неопределённо. «Да что ты, ей-богу!.. Нашёл вербовщика... В своём огороде... Да это не так делается!.. Ты бы и не заметил!.. Ну хорошо. Вот давай с другой стороны. Я бы, например, шёл, вижу: какой-то чудак на букву «м» пилит, грубо говоря, твою главную трубу. Что я должен делать? Сгонять его? Я - не полезу. Я же не знаю, что у него в голове! Может, «тараканы»... Может, психушка по нему плечет. Ну что, я бы вашей фирме не сообщил?»

Вячеслав, невольно заворчав, пробурчал: «Ну и сиди без воды. И туалет зас..шь» Михаил в шутовом гнев - за туалет! это святое!.. - замахнулся на него молотком: «Ага!.. Ну а... Ну а дочь твою зятянут в секту? Что будешь делать?! Куда побежишь?!.. В милицию?! Ха-ха...» «Типун тебе на язык! - в гнев вскричал К. - На кой мне такая тогда дочь!.. Мне ещё и внуки потребуются!..» «Тебе?.. - спросил, глядя и оценивая его внимательно, Н. Решил: - Эт-т точно». Они замолкли, точно не договорились, занялись заборными делами.

И тот разговор тут же был забыт.

Прошло полгода.

На Рождество к К. всегда приезжала сестра. Сестра К. жила в другой области, - соседней области, - в районном городке.

В Рождество после праздничных разговоров, семейных разговоров, обсуждения насущных земных проблем, конечно, говорили о вере, о Боге, о религии, церкви. Сестра К. не была набожной, редко ходила в церковь, не соблюдала посты, но к вере, вере православной, относилась с благоговейным трепетом, говорила: «Все мы оттуда». Говорила: «Я иду туда».

К. смотрел телевизор, когда жена с сестрой вновь перешли с семейного на христианское. Он слушал ведущего телепередачи, слушал их в пол-уха. Когда сестра заговорила, вначале понизив голос, почти шёпотом, а потом резко, без перехода, громко и горячо, перевернул внимание, больше слушал её. Сестра возмущалась сборищем, как она то назвала, которое образовалось в их городе при церкви. И мужчина лет сорока пяти - она в подробностях описала мужчину - руководит им и завлекает туда молодёжь. Какую? Пятнадцати-семнадцати лет. А священник даёт им место собираться по вечерам. Но кто дол-

жен собирать людей при церкви - разве не настоятель, не сам священник? Значит, он чему-то потворствует? Жена К. ахала, сестра К. подробно рассказывала. К. заинтересовался и поразмышлял про себя. Решил даже спросить у знакомого священника, в чём тут может быть дело? К. слушал.

«...А когда они выходят оттуда, у них в глазах такое! - сестра в ужасе затрясла руками и головой. К. видел: мурашки побежали у неё по коже, коже до локтей обнажённых рук. - Я, - возмущалась сестра, - случайно столкнулась с их толпой, когда они выходили... Боже ты мой!.. Они разве выходили?! Какое!.. Не-ет! Они не выходили - они выбирались!.. Их там была целая толпа! А выходили-то они не толпой, нет, они выбирались. Не толпой, они выбирались группками, по несколько, - по несколько человек они расходились. Я столкнулась с такой группочкой. Ой!!!. И этот их... Наставник... Провожает... Из бокового выхода, из придела храма. Я ему: что вы делаете!!! Вот же церковь!!! И показываю ему на саму церковь, на вход её. А он посмотрел на меня, так посмотрел, будто цыкнул, мол, заткнись, а то хуже будет. Я напугалась до!!!.. До не знаю чего. Пока дверь квартиры не заперла, всё будто за мной гнались! Вот как испугалась... А на словах этот хромоногий мне такую религиозную фразу завернул, что ой-ой-ой!.. Закрутил, дак!.. Как президентушка наш, Горбачев, на выступлении - всё правильно, все слова знакомые, а ничего не понимаешь. Смысл такой: пути к Господу у всех разные».

«Е-ра-лаш... - криво усмехнулся К. - Туфта какая... Секта. И спрашивать нечего».

- ...Я своему, - закончила уже обычным голосом об этом сестра, - я своему сынульке строго-настроено наказала: только загляни туда - уши оборву. И мотоцикл запрещаю отцу тебе покупать. А он отвечает: «А я туда и не пойду, что я - псих?..» Ну раз он так сказал, я успокоилась, я своего знаю. И ещё сказал, они под воскресную школу маскируются.

Женщины перешли на семейные проблемы, К. отрешился в телевизор. После семейного они опять заговорили о Боге. К. услышал, поморщился досадливо: «Вот богомолки на час...»

Женщины начали вдруг вспоминать десять заповедей. Всех не назвала ни которая - тогда, как к решению кроссворда, привлекли мужа и брата: привлекли Вячеслава. Он повспоминал - повспоминал, тоже не помог: не вспоминалось ничего, кроме стандартного набора - не убий, не укради, не прелюбодействуй.

Вечер был поздний, выпили немало, сестра решила пошутить, поёрничать. Пошутила - глупо, конечно: «Славик, а как на этот счёт у тебя?.. У такого мужчины приятного любовника, небось, есть. - Сестра поднялась, подошла к нему сзади, начала щипать, тискать. - Ну-ка признавайся, гнусный мужчина!»

Жена К. вдруг под предлогом вышла. К. бросил ей вслед испытующий взгляд, К. захрюхтел. Дело было в том, что... Дело было в том, что по непроходящей своей детской наивности сестра попала в больное их место: только что у них закончилась - и слава богу, благоприятно - препротивная история. Виноват был Славка. История, которая во множестве случается с семейными людьми, история с взаимными обвинениями в начале, клятвенными заверениями в конце, даже битьём посуды и демонстративным дележом вещей. Утихомирившись оба, уяснив себе оба, и правая, и виноватый, что по жизни никто другой ей, ему - им не нужен, долго они говорили; и пили шампанское ночью, и курили вдвоём в постели, и плакались.

- Завязал, - недовольный, коротко отрезал К. - Отцепись, чуча... Больше не буду. Честное пионерское. Или - ей-богу.

- Ах ты, нечестивец! - притворно заголосила сестра. Потом, вздохнув, уронила, слово прощая заранее: Ой, врешь ведь - будешь, порода у вас такая. Глав-ное-не-ув-ле-кай-ся, - последнее она шепнула ему уже на ухо, потому что вошла жена. «А сестрица моя не так и наивна!» - с удивлением отметил К.

Во время кофе заговорили о доме - отдельном коттедже, который вот уже три года строил К. Что так долго? Он тяжело вздохнул, посмотрел на сестру долгим взглядом, снова принял её за наивную: «Ты хоть представляешь! Хоть представляет твоя голова, сколько денег надо?!.. Откуда?!.. Я что, их печатаю?!.. Ворую?!..»

...Этот долгострой был постоянной головной болью К., а временами чуть ли не ишемией. Голова не справлялась с нагрузкой, где добыть денег ещё, и ещё, и ещё. Размахнулся К. на полнокровный двухэтажный кирпичный дом, с гаражом под одной крышей, отдельным теремком - баней. Через год понял, какое непосильное ярмо на себя надел. Даже колебался: может, продать? Но разве можно, когда уже своё. Но делать нечего, уже не

уменьшить, не сократить - стены были выше первого этажа. К. раскинул «ммм»-мозгами, и дом, простояв год, пошёл в рост. Совесть К. приходилось туго.

По природе К. не был жаден, падох до чужого. Спокойствие, мир, удовольствие от всего - работы, семьи, друзей, развлечений, дел - вот главное, чего ему хотелось бы в жизни, поэтому своих доходов-расходов на дом он страшился ужасно. Трясся душой. Впрочем, нужные дела творил не дрогнувшей ни разу рукой. С этой своей позиции взирал на мир, в котором приходилось существовать, ясными, холодно-циничными глазами. Разбирал его по косточкам, вскрывал тайные действия благопорядочных людей, не посмеиваясь, учился на их ошибках. Решил, установил для себя: «Неподъёмное выполняю, закончу, дальше... э-эх... перестану. Придётся достраивать на свои средства. Иначе - сколько верёвочке ни виться... Да и - жадность фраера сгубила».

«...Ну, Слава, - ты чего замолчал?» Сестра с женой бросились в обсуждение планировки дома, обстановки комнат, тут же стали болтать о других домах, говоря, не так уж наш и велик, говоря, да он вообще маленький по сравнению с коттеджами С., Б., Ш. Вот у Ш. - вот это домина!.. Ну куда такой?! И дети уедут вот-вот. Что эти Ш. - будут бродить и аукать друг друга в своей домене!? «У них мобильник у каждого есть... - съязвил К. - Перезвонятся, найдутся». Сам начал думать: «Построить - это ещё не всё, это ещё поддела. Были деньги - раз вложил и всё. А вот сколько денежек этим Ш. придётся выкладывать за дом каждый месяц! Ведь дом-то - это как живой организм! Домик-то надо-с обслуживать!..» К. невольно подивился. К. знал расклад по всем статьям расходов: отопление, освещение, вода, вентиляция, кондиционирование, уборка по найму, канализация, сигнализация - собственного дома. «Спутниковое телевидение у них, слышал. Да ведь и так видно - две тарелки висят. Плюс интернет. Значит, плюс каждый месяц по каждому разделу приплюсуем... Абонентская плата...» К. прикинул сумму расходов, добавил две автомашины, два мобильных телефона, ещё кое-что, что он знал, подсчитав сумму, качал головой. Ему не было завидно, он знал: замахнись он на такое, живо угодит под суд, и, как говорится, далее «твой дом - тюрьма». Да и вообще в их городе, по масштабам их города ни честно, ни нечестно таких денег не сделать: не украсть, не натерговать, не заработать. «Лукавые, видно, денежки у этих Ш., видно, криминальные... От лукавого, как говорится... Вот, чёрт, умеют же жить люди...» Себя он к этой категории, кажется, не относил. Тем более, он же сразу установил себе зарок: основные работы с домом сделаю - ...всё прекращу.

-...Слав, ну ты чего опять молчишь, поговори с нами, - жена улыбалась ему. - Похвастайся сестре, мы же не успели её сводить в дом.

- Что? О чём? - сразу вцепилась сестра.

- О том, что дом у нас к декабрю как бы готов!

- Ну-у-у... Не гото-о-ов... - развёл жене руками К. - Но-о... В це-е-лом... - он с удовольствием потянулся. - Стены, крыша, рамы, двери, замки, стёкла, отопление, вода, канализация, штукатурка внутри, лестницы... Всё! Всё, всё! Как квартирка, когда, знаешь, дают отделять самим новосёлам. Как говорится, строитель построил, обои поклеишь и сам... Сруб бани проплачен, фундамент бани заложен. Так что... При большом желании... Хотя сейчас заезжай и живи. Будем клеить, будем красить, будем чистить, отделять. Теперь всё сами. Перейду на другую должность, менее хлопотную - на бумажную работу. Буду отделять дом: руки чешутся. И отец уже просится: когда можно приехать, когда можно приехать?.. Лето наступает, вместе будем всё делать.

Конечно, после этих его слов всё другое было забыто. Теперь все втроём бросились в обсуждение: обои, линолеумы, краски, люстры, мебель...

Квартиру, конечно, - они решили - они оставляют дочери.

День и прошёл, и завершился светло. К. он запомнился ещё тем, что, выговорившись, поговорив с сестрой о доме, он будто снял с себя какое-то тавро, камень, смыл одно из пятен с души.

О словах сестры, о её рассказе про сборище при церкви К. вспомнил месяца через два. Можно сказать, его вынудили обстоятельства, а можно сказать, в разное время его что-то зацепило. Зацепило, да так и осталось в нём сидеть. Вспомнив, он сам удивился: ведь столько утекло воды и прошло дней!

...Вначале к нему, в его служебный кабинет, явился приятной наружности молодой человек, с поклоном и невнятно-молитвенными словами. Человек положил на стол бумажку - приглашение на некое собрание. И внимательно посмотрел К. в глаза... И к уз-

кой полоске бумажки приложил сдвоенный листок... И затем к листку (непрерывно наблюдая за недвижно сидящим К. и по-своему истолковывая молчание начальника) приложил книжечку - книжонку в 1/8 листа.

Всё это полетело в мусорную корзину сразу, как только он вышел: К. терпеть не мог мазни, где на первой странице говорится о Боге, на второй - от имени Бога, а с третьей идёт плавный заворот-переход к тому, чтобы все оставшиеся листы заполнить изысканиями и проклятиями на тему «жиды и спекулянты продали Россию».

Посетитель вышел и исчез, бумажки-книжки были выброшены, с глаз пропали, а неприятный осадок на душе у К. остался.

Через день нечто подобное (осадок на душе) случилось с ним ещё раз светлым днём. На этот раз - на выходе из городского рынка. В тот день К. решил закончить рабочий день пораньше, взял ветчины, огурчиков, хлеба из мини-пекарни и, прикроив к обычному послерабочему вечеру отрезанные у службы три с лишним часа, направился оборудовать гараж в своём новом доме. Молодой человек и девушка, стоящие на крыльце, взывая к проходящим через двери рынка громогласно, бойко (и навязчиво) совали в руки каждому проходившему мимо них узкие полоски бумаги. «Сегодня Господь поворачивается к человеку лицом!..»

Их речь, их слова были правильны, и речь, и слова, благодаря энергичности, агрессивной энергии, завораживали. А ведь обращались ещё и от имени Господа! К. чуть не вернулся. Однако руки его были заняты: в одной - пакет с продуктами, в другой - дипломат, - и приглашением молодые люди его обошли. «Тьфу, как хорошо, отвертелся. Тьфу ты! Что за напасть такая!..» - он желчно сплюнул, сходя с крыльца. «А глаза у девицы странные какие: неподвижные. Что, - обкуренная? Чудеса... Сестрица моя, святой, можно сказать, по сравнению со мной человек, и то боится лишний раз без причины упоминать Бога. Эти - запросто!.. Он им что - родственник?» Он остановился, издали поглазнул на молодых-энергичных, занятых своим странным делом... Покрутил головой, поехал в дом.

К шести вечера подошли дочь и жена. К. вовсю устраивал гараж. У жены было запланировано почистить и мыть «наверху» - так они называли комнаты второго этажа. Жена тоже принесла пакет с продуктами, втроём, семьёй, собрались на кухне.

На кухне можно было жить! Кухня, ванная, туалет - эта мини-квартирка, это мини-жильё в пространстве будущего большого дома для жизни были совершенно готовы. Пока жена собирала на стол, К. отмывал руки. Он смотрел на разбрызганную по раковине смывую с рук грязь, думал о том, что ему до жути стало нравиться всё себе делать своими руками. Рассеянно вспоминал, что такое постоянно ощущал только в детстве. «Старею, что ли? - иронично, насмешливо ужаснулся себе. - Да нет, наверное, мудрею, - улыбнулся: - Наверное...»

Сели за стол. Настоящего пока не было, столом служил огромных размеров перевернутый ящик, покрытый клеёнкой. Три старых, списанных из служебной мебели стула стояли впритык, вокруг. К. с женой безумно нравилась сейчас такая обстановка, они говорили друг другу, что она воссоздаёт атмосферу первых их лет. Первую, полученную - свою! - комнату, «коммуналку», «шестиметровку», потом первую полученную квартиру, однокомнатную квартиру... Первых совместных лет счастье, восторг.

- ...Славик, я тебе бутылочку пива взяла. Ты не против к ужину?

- Какого?

- А темного, портер. Раз, думаю, к ужину.

Жена наклонилась, достала из пакета бутылку, протянула ему. К. поймал её руку, задержал, чмокнул:

- Спасибо тебе, дорогуля.

Она смутилась чрезмерному вниманию:

- Да перестань...

К. заметил, как дрогнули её губы, счастливо блеснули увлажнившиеся глаза.

- ...Чего особенного... Вспомнила, так и купила.

Он улыбнулся ей:

- Да нет... Я - ничего... - и снова улыбнулся.

Она улыбнулась в ответ:

- Смущаешь меня сегодня... Перестань.

К. не жаловал портер, да дело было не в пиве! (Пива, вина, водки стояло у него, в его запасе, в его кладовой - каморке за железной дверью в подвале - несколько ящиков: по-

явились сразу, как только К. включил отопление. К. всегда был запаслив.) Дело было во внимании.

В этот день вся их семья потрудились на славу, работали долго, только в первом часу ночи вернулись в квартиру, легли спать.

К. - не спалось!..

Весь вечер, - занимаясь ли в гараже, сидя ль за столом с женой и даже закусывая ветчиной пиво, - он думал! Клад в рот кусочек наисладчайшей ветчины и, портя себе «обедню», думал. Пил чай, думал. Вытаскивал хлам, обрезки досок из гаража, думал.

Заворотил на место стол-верстак, установил на него тиски, прикручивал их, думал. Поднял, поставил к стене шкаф-стеллаж, разложил инструменты. И думал, думал. Завёл машину, въехал в гараж, ходил вокруг, примериваясь да прикидывая что и как. И думал, думал, думал.

Думал он об одной простой и одновременно мучительной по сложности вещи: ещё по дороге от рынка к дому ему захотелось сообщить своему другу Н. о том зачатке секты, о том сборище, который живописала в Рождество сестра. В том, что это не простое собрание, кружок по интересам, даже не просто временная компания, в том, что у того коротконового наставника желторотых пацанов далеко идущие планы, К. почему-то ни на минуту теперь не сомневался. (И на эту тему, что удивительно, он даже с собой не порассуждал.) Для него были приметы. К. был неглупый человек. И по жизни, как говорится, не дурак. Высшее образование, жизненный опыт, опыт лавирования среди чужих интересов - жизнь знал. Да и глупому не построить дом. Да и начальниками отделов городских ЖКХ глупых не держат, даже не назначают.

...Он думал, думал и думал. Думал напряжённо, мучительно. Напряжением души разжываясь в пространство.

Думал, что от всего треснет голова. «Собственно, тебе-то чего? - не понимая себя, пытался он размышлять с собой. - Тебе-то какое дело? - он пытался постигнуть. - Какой есть здесь мой интерес?! - он даже ТАК попытался понять! - ...Есть соответствующие службы, разберутся, - он так решил. - Но ведь надо, чтобы они увидели? - что-то его задевало. - ...Ты-то чего лезешь?! - так он говорил себе. - Да я и не лезу! - оправдывал он себя. - Напишу Мишке и всё. И всё!.. Дальше их дело! Пусть смотрят. Разберутся... Нет оснований - значит, что поделаться... А хуже не будет. Зря не тронут. Вон эти на рынке: ведь никто их не трогает, глашатают во всю глотку. Милиционер стоит, хоть бы хны, стоит в сторонке, покуривает, - сказав себе так, он понял, что ещё мелкое его цепляло: - О! Ещё!.. - он кое-что знал о рыночной милиции. Подумал: - Может, хоть ФСБ у нас не продажная, - подумал: - Не-е-ет, это дело надо пресекать! В корне! Дети наши пусть в походы ходят, на мотоциклах гоняются... Шлём не надел - башку расшиб. Скорость не рассчитал - башку расшиб. Мамка поревёт, папка пинка отвесит. Ничего-о... Как пару раз с мотоцикла свалишься, враз научишься мозгами шевелить правильно. А тут... Тут им самим не разобраться. Тут сам чёрт ногу сломит!.. Что за чертовщина - а то, может, этот «наставник» - сатанист! Что они - офигели?!.. Это что за чертовщина: в церкви! По вечерам! Собираться в приделе!..» Когда он собрал всё вот так, когда он по кусочкам, по частичкам всё сформулировал себе, внутри появилось то основательное, веское, что его окончательно убедило.

И он решил сообщить.

Но снова начались мучения. Но - «Ну это же донос!.. Ну что я, ей-богу... Что я им, - осведомитель!?» - И он - опять же мучительно - думал теперь на тему: сообщение ли, донос ли. «Что это: донос, сообщение, поступок?» Он думал и не мог решить. Голова заболела. В конце концов, изнурённый своими этико-государственными изысканиями, он нашёл, он принял как выход следующее: «Я сообщаю кому? В ФСБ? Фиг! Нет, - я сообщаю своему другу! Это ему надо для его работы. И это совпадает с моими интересами». Закрывая, формулируя последнее, он даже бросил работу и присел. Сел, смотрел вперёд, перед собой ясными, холодными, стального цвета глазами, трезво, даже цинично, расчётливо, без эмоций додумывал: «Я сообщаю своему другу. Это его работа. Скажем так, мне процентов на пятьдесят наплевать - секта там или не секта. И если бы я ничего не мог, я бы прошёл мимо. Но я, ничем не платя и ничем не рискуя, могу её прикрыть. Могу, значит, обязан». Ему вспомнилось даже: «Как, это, здорово Мишка сказал?.. Но если какой-то чмудак пилит твою трубу отопления?.. И что - у меня микрорайон останет-

ся без тепла?.. Короче, я хочу видеть своего друга к пенсии генералом. И это ему поможет. Баста!» Так шутливо в конце вывернулся, как всегда умел - и на ёлку влезть, и ничего не ободрать - он.

«Однако я не буду ему звонить - вот это уж точно смахивает на донос! Я ему напишу. Я покажу ему: вот, - я тебе - открыто, честно. Пишу, значит, не делаю тайно. Вот хоть в досье мою бумажку пришей».

Решив что-либо, он никогда не медлил и всегда доводил принятое до конца. Тут же, в гараже, взял дипломат и, сев в машину, достав два стандартных листа чистой бумаги, крупным, разборчивым почерком всё написал. Описал подробно весь сестрин разговор, прибавил: «Миша, может, она перебарщивает. Но и другое тоже верно: женщины, существа острее нас чувствующие. Так что надо вам обратить внимание». И далее: город, церковь, наставник, священник, время действия. А в конце прибавил (он тоже был искушён в штучках): «Михаил, в конце концов, мне приятно, что ты продвигаешься по службе. Считай, это мой вклад в твои погоны генерала». Прищурился, словно попытался вообразить, что пристально и испытующе смотрит в глаза другу. «Бумагу с такой припиской мало куда вошьёшь. Только для личного пользования!» Вернулся к делу: точка, дата, подпись, расшифровка фамилии. (Привычка.) Случайно оказалось, что в папке среди бумаг был один чистый конверт. К. приятно поразился. К. сложил листки, последний - пустым оборотом вверх, сходил в дом за клеем «Момент», тщательно заклеил конверт, написал адрес. «Может, дочери отдать? Завтра по дороге в школу бросит в почтовый ящик? Нет, завтра брошу сам, должен убедиться, что письмо пошло».

Закончив Дело, облегчённо вздохнул. Однако напряжение с души всё равно не спало. И нервы расслабить не смог. И долго не мог заснуть.

...Раннее утро наступившего дня оказалось ужасным.

...Вообще К. видел сны. Видел он их и в ту ночь. ЭТО был не сон.

Сон, в котором К. гулял под утро, протекал легко, был сумбурен, приятен: К. даже улыбался во сне. Он то витал, то погружался, он скатывался по каким-то барханам, зарывался в некий тёплый песок.

...Но ему пришлось буквально выдираться из песков сна! Над ним, над кроватью, той частью постели, где спал К., в воздухе что-то стояло. ОНО стояло и одновременно - висело. Висящее, висящее мрачнело ночной водой в глухом лесу, снеговым комом балансировало над К., грузило нависшим обрывом. Безотчётная, смертельная тревога за свою жизнь, за себя, безудержный ужас, беззащитность, подобная беззащитности голого перед мечом, погнала К. прочь. Он рванулся! Он бежал из сна!

Сладкий сон как патока облепил, сладкий сон держал. К. заизгибался, заизвивался, упал в постели, как плеть, - пополз из неё, как дождевой червь, когда тот, всем телом извиваясь, стремится прочь из вскрытой норки, выпадает из среза своего обычного хода, вдруг прерванного стальным заступом рыбака. Он полз - «рыбак» всё стоял: рассматривал его. Стоящее «думало»: взять, не взять? У К. верещали нервы, К. хотелось вопить. И одновременно он не смел даже пикнуть! Не мог! Почему? Он боялся! Он опасался даже мыслью шелохнуться. Чего он боялся? Нарушить. Нарушить сложившееся сейчас, к данной минуте, равновесие. Сейчас за ним только наблюдают. А что, а какие последствия вызовет его слово, крик, вопль? Было неясно. И он вился! Он уходил от опасности, уползал.

Полз, полз... Костоломным напряжением, чрезможным усилием К. вытащил себя из сна. Сладкая сумбурная ирреальность пропала. Душа вернулась. Всё в теле было на месте, он чувствовал: вот руки, вот ноги, сердце, живот, голова.

Он находился теперь в том зыбком состоянии, которое можно определить как - дрёма, полусон. И в котором - как в межзонной полосе, как в отрезке между здоровьем и болезнью, как на перевале в горах, как на нейтральной полосе: справа граница, слева граница, и всё видишь по обе стороны от себя - видишь сразу две, обе страны - видишь всё. И знаешь, где ты, и не знаешь, где ты. Видишь, чувствуешь и то, и то: и реальность, и неосвязаемость - обе составляющие, обе части. Чувствуешь одинаково: бельё постели, положение тела, затёкшесть руки, запах из ванночки-туалета только что сходящей с него кошки и одновременно видишь только что покинутый сон. Ты ещё спишь - физически ты во сне. Ни сказать, ни открыть глаз, ни протянуть руки. Можно «вспомнить»

конец последнего сна, зацепиться за этот кончик, потянуть за звено, и - ах! - встроился в сон. А можно выждать момент и шевельнуть мизинцем - и мгновенно будет: «О! Я проснулся». И с сном всё. Вот в такое состояние подвешенности между двумя мирами - земным, реальным и ... бог знает каким - мучительнейшим, наитяжелейшим напряжением себя (мысли, души, сердца, тела, воли?) сумел выйти К.

Уф... Теперь он всё как бы ощущал, как бы «видел».

Он видел: вот справа под своим одеялом спит жена. Вот слева край кровати (который сейчас, как обрыв). Вот сзади, за головой, открытая в гостиную дверь. В ногах - окно и балконная дверь. Об этом всё сказал ему его извнутренний взгляд. К. всё обвёл взглядом.

К. перевёл дух. Уф... Теперь надо было посмотреть вверх. Рассмотреть, что там, решить, как быть. Надо, надо! Но - нет, но - ша! Вот этого-то делать прямо было нельзя: страшно. К. ужасался.

Тянулись мгновения. Ничего не менялось. Ничего не изменялось, и К. бросил боковой взгляд. Этот взгляд, отражённый от стены, у которой спала жена, сказал ему, что над ним, над спящим ним в воздухе висит тёмный... тёмный... тёмный... Там был - ??? Там был - сгусток. ...!!!... Там стоял неподвижный непрозрачный вихрь. Была субстанция, бес-телесная субстанция. Сгусток был тёмная воронка, сантиметров 40-50 в высоту, висевшая жерлом вверх. Воронка была также сантиметров 20-25 в «плечах». В плечах? Да, ведь сгусток был живой! Как бы скрестив на груди руки, он стоял под потолком, он висел в воздухе комнаты, он рассматривал. Он рассматривал К. При этом ни глаз, ни рук, ни ног - никакого намёка. Но К. сразу понял: его рассматривают. Субстанция мрачнела над ним, смотрела, решала, раздумывала. Так смотрят на вскрывшегося шпиона, лазутчика, предателя. Без гнева уж, только холодно. С непряженностью морщась. Не жалея. Решая только - что: проткнуть, забить, расчленишь? Или плюнуть и не брать.

И К. содрогнулся. К. затрясся. К. понял всё!!!..

И К. ужаснулся: он понял ЧТО тут! До него дошло - К. теперь знал.

...Но он не хотел сдаваться, он не желал вот прямо сейчас БОТ ТАК умирать.

...Да ведь с ним ещё ничего не решили?! Да ведь сгусток пока лишь висел, наблюдал?!

Испугавшись до безрассудства, К. заворочался, начал раскачивать своё тело, стал выть, стенать! Он жаждал спасения! Спасение было в - выйти! выйти из полусна!

Не трогаемый, не пригвождаемый ничем, под внимательным взглядом вихря-сгустка К. дёргался, рыдал. Но маялся, а двинуться не мог. Чувствовал, как быстро уходят силы, уже чуял близкий конец и знал, что ещё может уйти от конца. Слезы прощания с жизнью, слёзы жалости к себе текли по его лицу, тело корчилось, разум бунтовал. В стремлении высвободиться, очнуться К. закричал, заорал - в голос! в хай! Он заорал: «Кто-нибудь! О, боже, хоть кто-нибудь! Помогите! А-а-а-...» И, ощущая такую тяжесть, будто был прижат сверху ещё одной постелью, - и шкафом на ней, - рванулся прочь из одра. Правая рука, ища спасение, зацепилась за детские бабушкины сказки: рука сложила пальцы, сотворила крест.

Ужасный сгусток **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВИХРЕМ** сей же миг стремительно крутанулся, завьюжился на месте, колесом повернулся по своей центральной оси и, стрелой, запахом, вертолётном - стремглав ринувшись в соседнюю комнату, исчез. Одновременно К. начал стремительно проваливаться в сон.

А Сгусток моментально вернулся, Сгусток и не намеревался улетать.

Но и К. ещё не успел заплыть сном. В последний момент перед сном К. заметил ЕГО. «Боже!.. - завопил К. -А-а-а-а!.. Умираю!» Этим мгновенно тут же выскочил из сна в полусон. К. хотел сразу же пролететь и полусон и сразу спасительно проснуться! И всё бы кончилось!!!.. Но нет! Он не успел! Не смог? Не дали?

Снова висение. Снова корчи тела, крики, стенания снова стеной. Рука уже не поднималась. К. изгибался, жаждал ощутить зубы, чтобы укусить хотя бы себя! К. реально готовился к смертельному концу.

...Что-то он сделал. Ему показалось, столб, пригвождающий его, исчез. Тут же, не мешкая, очугуневшей рукой К. осенил перед собой воздух. Затем, не раздумывая, хлестнул наотмашь - пусть проснётся! - той же рукой по лицу, по голове жену. Скрючив тело, толкнул себя головой - надо упасть с кровати, упаду - проснусь! И упал за край. Сгусток вихрем умчался...

...Сгусток не возвращался.

...К. ударился о пол. Скрёб рукой пол, лежал. Сердце колошматилось в груди! сердце!!! Паровозными колёсами неслось и стучало отчаянно. «Но я ещё не проснулся!!!»

Надо было срочно выходить, выводить себя из полусна. К., боязливо оглядываясь, отпустил нервы. Попробовал физически ощутить себя, шевельнуть ногой, рукой. Наконец у него получилось: «Уф...» К. открыл глаза.

Было тихое утро. Никто нигде не кричал. Жена спала рядом - всхлипывала рядом в постели. И К. лежал в постели: голова на подушке, не сбито одеяло. Руки, ноги, всё тело, как спал. «А как же?... - он повернулся на бок, посмотрел за край. - Я не упал?!.. - он искренне изумился. - Сердце, что сердце? - сердце его билось ровно. - Но что за сердце только что дралось сейчас!?!..» Он уже ничего не знал наверняка.

Он потрогал жену. «Спит. Эх!.. Если бы она знала... О... - всхлипывать перестала. Бог ты мой!.. Спи, милая, - с тяжёлой головой он пошёл на кухню. - Надо попить, - был утренний полумрак. Было тихо в квартире. - Пять тридцать. Ну и...» Он пил воду медленными, мерными глотками, чувствовал капли, стекающие с нижней губы на подбородок, чувствовал хождение своего кадыка.

...Нет, он даже мысленно не сказал себе: ну и сон!.. Не-ет!!!.. Он был не дурак! Он УЖЕ думал о другом: о своём будущем! Он начал думать об этом сразу, как только понял, что он живой, что он в кровати, как только встал: как быть? «Как мне быть в следующую ночь!..» Он сразу устранился её, он боялся о ней даже поинать!

Он посидел на кухне, размышляя. Затем - лёг: не спал, лежал. И размышлял. Завтрак, говорил с женой, размышлял. Размышлял, когда спускался по лестнице, выходил из подъезда, шёл на работу. Он делал всё, всё выполнял и размышлял. Непрерывно. На некоторое время прервался - отдавал распоряжения, читал вышестоящие приказы. Ещё раз прервался, когда с удовольствием обедал. Даже выпил рюмочку (в этом, в удовольствии от обеда, он не мог себе отказать). Отобедав, вновь размышлял. Размышлял, когда заходил посетитель, когда сидел и убеждал его в чём-то подчинённый, - когда оставался один в кабинете, когда выходил из кабинета, когда ходил по делам. Он размышлял не только о том, где, как найти выход, а также пытался понять, обнаружить: что сегодня утром, какое его движение - его сердца? руки, ноги? разума? глаз? - какое его движение его спасло. «Какое-то чудо, случайность. Что? Что?! Какое движенье?! Что-то же меня спасло?!..» Он не понимал. Но ведь что-то же его спасло?!.. К. был уверен: такой же случайности может не произойти, повторись ночное. И ещё он знал: он отдал столько сил, что второй раз ему не напрячься так же.

И он напряжённо искал выход.

Он напряжённо думал о том, что хочет построить дом, вырастить и выучить дочь, - а выйдет она замуж - нянчить внуков... Хотя ему всего-то... И думать о внуках смешно, но он думал. Он думал о том, что, как никогда, сейчас любит - и хочет любить - жену. Быть полезным отцу, поддерживать его, поинать мать. И дружить с другом. Он машинально думал о том, что если душа его и темна, то всё-таки за всю свою жизнь он не совершил ни одной пакости или подлости, и что ни одно из его жизненных желаний не связано ни с одной из тёмных человеческих сторон. Он жаждал их - все! - осуществить и оттого хотел жить.

...Напряжением души мучительно разряжаясь в пространство.

Он безразлично прошёл мимо церкви - почему-то посчитал: помощь не тут. Он почему-то считал: помощь извне не спасёт, поэтому не нужна. Да и днём она, помощь, ему не нужна - только под утро. Да и при его положении, должности, известности в городских кругах вообще к кому-либо в городе с таким своим делом обращаться!.. К. был трезвый человек.

Как трезвый человек, К. точно оценивал размеры опасности. Как практический человек, он знал: всё было. И он же знал: такого не бывает, поэтому ему не поверит никогда никто. И не поможет.

Конечно, раз речь заходила о жизни, можно было бы отбросить все условности и стеснение и, выбрав церковь, храм, уговорить настоятеля, остаться там на ночь. Причём К. был уверен: в его конкретном случае вий не придёт. Но... «Меня уволят потом после такой выходки. Или это навсегда испортит мне репутацию». И эту возможность спасения он не рассмотрел.

Конечно, можно было бы не спать в грядущую ночь. «А в следующую?!.. Где гарантии, что ТОТ не придёт тогда в следующую?!..» Но всё же К. казалось, главное - пережить предстоящую ночь и предстоящее утро. День уже склонялся к вечеру, а К. всё раз-

мышлял.

Он ничего не нашёл.

Не найдя никакого разумного выхода, К. поступил своеобразно. Он позвонил жене, пожаловался: «Что-то прихватило спину, наломался вчера, - он сказал: - Поеду, дед знакомый есть, печник, живёт в пригороде. Живёт в собственном доме. С русской печкой. Знаю, он топит её, - попрошусь, посплю ночку на печи, надеюсь, вылечит она, всё будет нормально, - жена возразила, он оборвал: - ...Да нет, нет, всё нормально у меня! Рано ещё к врачу, сам попробую. Сам попробую выкарабкаться, сам». И поехал к тому печнику, деду.

Основания для уверенности в защите, собственно, не было никакого. Нельзя же серьёзно воспринимать то полусутоливое, что К. к трём часам дня нашёл, вспомнил: «Печнику сам чёрт не брат... - вспомнил он. - Ах ты, чёрт! Ведь точно! И дедок такой - светлый! Шустрый такой и наивный. Какой-то, как святой». Так подумав, он и решил искать спасения на русской печи, у печника.

С дедом просидели за чаем до позднего вечера. От выпивки К. решительно отказался. (Опасался расслабить и ослабить себя.) Чуть с опаской засыпал.

Он засыпал на жёстком кирпичном ложе, на истрёпанных фуфайках, среди рукавиц и валенок. Голову прикрывала от напастей кирпичная стенка (щиток русской печи), правый бок - тоже кирпич (стенка «подтопка»). Сразу слева была капитальная деревянная стена бревенчатого дома. «Ноги, ноги не прикрыты...» - подумал он. Он погружался в сон медленно, чутко слушал средю круг себя. Уже засыпая, всё вздрагивал веками, готовыми молниеносно открыться, а ноздрями втягивал воздух, нюхал его. Успокоительно, по-земному, обонялась пыль. Он засыпал, как погружался - так опытный водолаз несуетливо погружает себя в глубину. Чаё было выпито немало, и в последний миг, уже задёргиваясь занавеской сна, К. подосадовал: «Зря. От этого снов может быть много».

...Он мирно проспал всю ночь.

Ощувив где-то свет (горела лампочка в кухне - старик хлопотал), проснулся. Встал ни рано, ни поздно. Никуда не торопился. Подивился потом, что целый час сидел задумчиво у окна: ел голый хлеб, молчал и пил чай с кусковым сахаром. Уходя, стараясь не привлечь внимание, от всей души мысленно благодарил старика. Словами отбояривался: «Здоров, здоров! Лучше! Гораздо стало лучше! Даже на душе потеплело. Спасибо! Вот выйду на пенсию, тоже поселюсь за городом, куплю дом, где есть печь». Уходя, цепким взглядом практика ощупал всё дедово хозяйство, нашёл главное, чем может помочь, решил, что пошлёт бригаду сменить кровлю («Ну и худая же у него крыша!...») и подкинет тележку досок старику («Пусть порадуется, будет чем занять руки. А городское хозяйство не обеднеет... Меньше украдут. Спишем железо на... Придумаю куда. А доски - на какой-нибудь забор»).

И ушёл, и уехал - событие не повторилось.

...А событие и снова не повторилось: прошёл следующий день, и следующая ночь. Ожидание её, дующей опасностью ночи, уже не вызвало страх. К. спокойно заснул в своей постели, заснул, как всегда, заснул, притянув к себе жену. И наступило ещё утро, и наступил и прошёл ещё день.

Прошла неделя, прошёл месяц. Прошёл целый год.

Прошла вся жизнь. НИЧЕГО ТАКОГО больше не повторилось.

К. мирно дожил до старости. К. довершил дом. К. выдал замуж дочь и отписал молодым квартиру. Остаток жизни К., как нянька, обслуживал - отказали ноги - свою первую и последнюю подругу, жену.

Все последующие годы К. вёл себя, как раньше, как всегда. За неким исключением. Первое. Он больше никогда не вмешивался в дела Лукавого. Второе: у него появился некий «нюх» - в любовных и денежных делах (а всё людское сводится в итоге к этому) он, как прежде, спокойно переступал, если того требовали его интересы, законы общественные, придуманные людьми, и тщательно, подобно сапёру в работе, подобно дезинфектору при эпидемии, соблюдал Верхние.

...Да. Н. не стал генералом, но дослужил до пенсии и вышел живым полковником. А то письмо К. к Н. так никогда и не пришло.

Александр ХАЛОВ

СИТУАЦИЯ «MICHAEL»

В день, который навел ему решение провериться в КВД, да и в день следующий тоже, конечно, он не думал ни о каких снах.

...Да, он был из тех, кто привык ничего не пропускать, кто в случайностях жизни ищет судьбу - течение, направление, знаки... Он пытался подмечать, и трактовать, и расшифровывать после - всё. Всё - Знаки. Ковыряться даже в снах, добывая из них информацию. Но снилась последние дни какая-то белиберда, которой уже утром не разберёшь, а дальше, напрочь забудешь, - а сны, что были ранее, - совершеннейший прочерк; да и нельзя всё время думать! В том числе и о двухнедельной давности снах.

В утро того дня он с усмешкой подумал о том, что кожно-венерологический диспансер, куда он собрался, - столь заземлённое место, что уже при второй мысли о требующемся визите туда из него, человека неравнодушного и нераспущенного, будто чудовищным шлепком враз вышибло всю осязаемую воздушно мистику и всю предыдущую ночную мистическую полуромантику.

Он не болел и не считал, что, возможно, болен, ему показалось: а вдруг - какая-нибудь «стоящая встреча»? Или вообще: «настоящая встреча»? Как он будет любить тогда? С сомнениями, страхом - что оставила предыдущая женщина? (Однажды он был напуган этим.) Он намеревался развеять только страхи.

Знакомый врач рассудил - хватит экспресс-анализа: «Если уж так хочешь... Но если всё вообще хочешь проверить, валяй, можешь пойти на приём. Скажи: была случайная связь. Тогда сделают и мазки. Но ведь по времени можно судить: всё бы давно уже вышло... Так что не бери в голову, не нагромождай - много надумываешь».

Отпросившись с вечера на работе, он с утра сходил на экспресс-анализ и после около полутора часов (необходимо было ожидать один час) просидел на скамейке в сени акаций и берёз в безлюдном утреннем сквере. Читал (взял с собой толстый журнал). Вернулся в КВД с некоторым испугом: а кто его знает, всякое в жизни может быть! Ведь всё бывает - найдут сейчас какой-нибудь «спид» у него!.. (Хотя сам в себе был точно уверен.) Выждал, пока растиснутся зубы и успокоится сердце, и, пропустив несколько человек, вошёл в жёлтое двухэтажное здание. Знакомыми коридорами... Нашёл нужное окошечко... Встал в конец очереди... Впереди были одни юнцы.

Почти тотчас, наверное, меньше чем через минуту, вслед ему в очередь к тому же окошечку пристроилась женщина. Его лет или немного моложе. (Он подумал с оттенком изумления: «Надо же! С виду совершенно приличная... А залетела».) Возникла из-за поворота коридора (как и он только сейчас), молча встала (за ним). Она не спрашивала «кто последний», он не кивал «я» - здесь не то место, где без крайней необходимости хочется себя обнаруживать: находясь здесь, ты уже себя показал...

Женщина почудилась знакомой. Он с опаской покосился и наглухо отгородил лицо спиной.

...В день, когда она, без причины заволновавшись (сказался в очередной раз мнительный характер), надумала пойти ещё раз сдать анализы в КВД, она без труда (что было необычно) отпросилась с утра на работе и уже через час (пройдя экспресс-анализ) слонялась бездумным глазением в витрины в ближайших магазинах, поглядывая на часы: ну когда же пройдёт этот нестерпимый час и можно будет идти за справкой. Сама думала о разном, например, о том (всего лишь, например), неужели теперь необходимо спрашивать справку из КВД у того, кто вознамерится познакомиться с ней близко. Думала: «До чего я дожила - какой кошмар...» Час наконец истёк, она, сжавшись от наихудших

опасений, хотя все возможные анализы были сданы месяц назад, все оказались нормальными после курса лечения, поспешила обратно в диспансер. Знакомыми коридорами пришла к нужному кабинету, обыденно встала в недлинную очередь у окошечка, настроилась ждать только хороших результатов. Мужчина, стоявший впереди, недружелюбно зыркнул глазами и отвернулся. Ей подумалось: «Ну благо никого знакомых нет - не будут потом судить».

...«Следующий». Он шагнул к окошечку и негромко сообщил: «Веселов». Медсестра, не поднимая головы, протянула бумажку. Он заволновался (подумал про себя: «Я что - специалист разбирать эти анализы?!»), потянулся за границу окна: «Скажите: все анализы в порядке?» Женщина в белом халате, всё так же не поднимая головы и строча что-то в журнал, утвердительно кивнула. Он понял и обрадовался. Но ему был нужен категорический, однозначный ответ - а зачем ещё он сюда пришёл? - и он обратился ещё раз: «Скажите, все - э-э-э... (не знал, как спросить) - в порядке?» (Он бывал в этом заведении два раза: на приёме и после излечения, давно, когда-то.) Услышал: «Да-да. Там же всё написано. Ничего у вас нет. Следующий».

Удержавшись от того, чтобы выкрикнуть «спасибо», - ведь глупость! - он кивнул и, в душе подпрыгивая от радости, быстро освободил окошечко, шагнул прочь. Сделав уже несколько шагов, задержался, на всякий случай просматривая бумажку: та ли фамилия, что за анализы и так далее. Сзади услышал: «Я - Вырихова». Это женщина, стоявшая в очереди за ним, вставшая после него, произносила свою фамилию. Звучание фамилии показалось знакомым. Он нахмурился и автоматически задержался. Глядя в свою бумажку, сам прислушивался - машинально, одновременно.

Женщина Вырихова получила ответ на анализы - такую же бумажку, как он; так же, как он, неудовлетворённо переспросила, получила такой же, как дали ему, словесный ответ. «Читайте!.. - услышал он, сказали ей. - Всё в порядке... Да-да».

«Ой, слава богу...» Обогнув мужчину, она с бумажкой побежала к двери. У окна, у цветов на подоконнике, на минутку задержалась, остановившись и отступив с прохода. Уже расстёгивая сумочку, чтобы убрать бумажку, всё вглядывалась в неё: прочитывала результаты анализов, старалась расшифровать ответы.

...Он недоумённо вглядывал на неё: «Откуда я её знаю?!»

«...Выринова!!! Боже!!!» - вдруг как сверкнуло в мозгу. Не давая себе времени подумать, он решительно подошёл к ней. Без «здравствуйте» (решил: здесь неуместно) обратился: «Извините, ваша фамилия - Выринова?» Женщина, застегнув сумочку, подняла на него глаза. Внутри себя он издал изумлённый вопль: «Точно: она!» Теперь он был во всём уверен. Женщина торопилась и машинально ответила: «Не-ет, вы ошиблись. Вырихова».

Она невнимательно взглянула на него: «Чего он хочет?»

Он чувствовал: ситуация нелепа. Как поступить? Решил действовать без обиняка. Она могла уйти, поэтому он заторопился: «Да, конечно, просто, понимаете, я не расслышал. Было сказано не совсем внятно, я решил - Выринова». Она отрешённо на него посмотрела. Он опять заспешил: «Вы работаете там, где много машин, да? Ну, я точно не видел, не знаю: то ли станки, то ли стойки по сторонам, узкий такой проход». Женщина удивилась, всё ещё думая о чём-то своём и не обращая на него внимания.

«Да!..» - понял он! Он понял - совпали две приметы, два признака, у него вырвалось: «Фу-у... Ну это вы. Слава богу...» В ней что-то мелькнуло. С недоумением, высокомерным холодком, отступая от чудика, она воскликнула (вскрикнула и тут же понизила голос): «Вы что: познакомиться со мной хотите?!» «Ну да!» - не подумав о том, что говорит, как это звучит здесь и сейчас, о том, что она ничего «не знает», прямо ответил он. Она с тихим ужасом в сердце прошептала: «Здесь!.. Так?!»

Они оглянулись.

Сторонясь друг друга, они вышли из кожно-венерологического диспансера. Он пропустил её в дверях, на крыльце она оказалась впереди. Сразу же, не оглядываясь, шагнула вперёд. Услышав за спиной: «Может быть, мы...» - прибавила шагу. Не оборачиваясь, козочкой сбежала с крыльца и быстро-быстро-быстро начала удаляться. «Постойте же!» - чувствуя трагикомичность ситуации, слабо крикнул он вслед. Она с гневом оглянулась, всё удаляясь. Он крякнул и широко зашагал за ней. Нагнав, шёл, отставая на шаг, выждал, пока - никого, крикнул в спину с досадой: «Да что же это такое! Марина!» Она вздрог-

нула от удивления и остановилась. Он подскочил и встал перед ней.

Она с ненавистью спросила: «Как вы узнали имя!» «Так Вы Марина?» «Вы сумасшедший», - кривясь, сквозь зубы, со злостью, выговорила она. «Нет, - он решительно отсек всё рукой. (Покачал головой: «Где у меня тактика?») - Всё не так. Просто я - один. Один! Понимаете?.. То есть - половина! А мир - это целое, мир - это две половины. И я хочу быть целым миром! Поэтому - только вдвоём, жить по-настоящему полноценно можно только вдвоём. Вот и... Мне вас представили».

Она пресекла этот их разговор: «Вы ненормальный?» Он вдруг испугался: «А вдруг я ошибся? Вот не подумал...» И перебил её: «Ох, я не спросил: вы замужем?» Она хмыкнула: «Кошмар...» Попожимала плечами, усмехнулась. Покусила губу: «С некоторых пор - нет». Он мгновенно спросил: «Когда?» «Да вот недавно...» «Развелись?» «Развелась».

«Когда-а!..» - он повысил голос. Она задохнулась от возмущения: «Да вы кто такой! Да вам-то что!! Что это за допрос?!» Он сделал жалобное лицо, проговорил просительно: «Ну, пожалуйста...» Она снизошла: «Ну - месяц». Он задумался: «Как интересно: две недели плюс две недели». Она подумала: «Кой ляд я с ним говорю!»

«...А я, знаете, где-то с год. И с полгода как совершенно один. А знаете, как плохо одному?»

Она, внимательно глядя ему в глаза, согласилась кратким поднятием бровей.

Тогда он продолжил: «Бывает, видишь: всё у тебя в жизни нормально - ну всё! А чувствуешь себя, как рассечённый сверху вниз на две половины, - он прочеркнул рукой линию от низа, от земли до головы, и ещё выше волос. - Представьте!! Будто раскрыт на две половины. И одна убрана. Поэтому вдоль ты весь раскрыт. Ведь больно. Вытекаешь. Кро-воточишь. И машинально - даже не разумно, а как-то инстинктивно - хочется закрыться. А нечем. Вернее, нечем. Потому что... Можно только кем-то. Как жить так?! Разве так поживёшь?!»

Она внимательно на него смотрела. Мысленно поддакивая всем его словам, сердечно она отталкивалась от стоящего перед ней мужчины. «Но он же говорит почти моими словами, как я себе иногда, когда хочется броситься к первому встречному: мужчина, можно я буду вас любить, не прогоняйте меня...» Но - «Поэт... - далее неприязненно подумала она. - Ещё не хватало. Первый был журналистом и писал стихи. И пил. И загнул-ся... И ещё теперь этот».

- Вы - поэт?

- Не-ет, - искренне удивился он. - С чего вы взяли?! Запоем писал когда-то, как все пишут в пятнадцать лет, но это ж когда было!..

- Вы пьёте?

Он не понял:

- Что - пью? Что люблю пить? Чай больше всего. Хороший, конечно, дешёвые не покупаю! А вы?

Она разгневалась:

- Вы что - издеваетесь?! Кошмар...

Он нахохлился:

- Вы о чём?

- Да сами знаете...

Он начал сердиться:

- У вас что, с головой не в порядке? Вы нормально можете говорить?

Она поразмышляла.

- ...Хорошо. Ладно, проехали. Ну так всё равно, а кто вы?

- Сварщик, слесарь, механик - не знаю, всё вместе. Всё - что с металлом, станками.

Она, всё не могущая определить, к чему весь этот разговор, зачем она стоит и разговаривает с этим мужчиной, и снова кривящаяся, глядящая хмуро, собирающаяся уйти, остановилась:

- Так. Уже лучше.

- Так знаете, как плохо одному?

- Пожалуй... Пожалуй, уже знаю: с год, как одна.

- А здесь зачем? - он не удержал какое-то ревнивое своё.

Она с вызовом усмехнулась:

- Кошмар. Лечилась! А вы-то зачем?

Он ответил с рассеянностью:

- Ну да... Конечно...

Она усмехнулась с грустью:

- И вы ещё до сих пор не передумали? Хотите познакомиться?

- Вам нужен друг? - в упор спросил он.

Она вспыхнула и хотела ответить резкое, но... Но он был без подвоха серьёзен. И она открыто согласилась:

- Да. А вам?

- Друг? Друг?.. - он нарочно переспросил.

Она нехотя сдалась:

- Подруга...

- Да.

И они впервые посмотрели друг на друга, как обыкновенные мужчина и женщина. Он предложил: «Пойдёмте, пройдемся. Вам не нужно никуда срочно?» Она согласилась: «Пойдёмте. Нет, не нужно. Да». Они пошли, поглядывая друг на друга. Она решила: внешне он ей скорее не нравится, к тому же как будто она чуть выше его, но одежда, фигура, манеры противоречий не вызывают. Изъянов она не почувствовала и удовлетворилась: приемлемо.

Он решил: фигура у неё, кажется, суховата, но в то же время бог его знает, какие формы скрываются под одеждой. Ноги положительно красивы. И руки тоже - руки совершенно приятны. На лицо - да, не красавица, но всё-таки, скорее, симпатична, чем не. Приемлемо.

- ...Только печально, знаете, - продолжил разговор он, - осознавать, что друга - подругу тебе как бы навязывают... Обидно как-то, что мы марионетки в руках каких-то сил.

- Как это? - она решила выслушать его до конца: пусть покажет себя.

- Ну... Можно я закурю? - внезапно спросил он.

Она кивнула. Он достал сигареты. Она стрельнула глазами по названию.

- Всё-таки, знаешь, не каждый день такие вещи происходят, волнуюсь как-то необычайно!..

Ей понравились его прямота и искренность. А он перешёл на «ты», так как собирался говорить о глубоко личном, она, кажется, не возражала.

- Так где... (тактично пропустил пока «ты») работаешь?

- А я инженер. Работаю на центре коммутации в узле связи. Знаешь - телефоны, соединения... В чём дело?

Она загнулась, потому что он зачарованно вперился ей в лицо.

- ...Вот они... Узкие длинные проходы... Стойки... А я-то решил, это станки. Я был на таком центре один раз. Как я не догадался!..

Она попросила:

- Объясни, пожалуйста, о чём ты всё время говоришь.

Он улыбнулся:

- Да, конечно... Значит, ты ничего не знаешь... Жаль. Да, люди, скажем так, склонные к мистике, говорят, что есть разные миры в одном и том же объёме. Вот мы идём сейчас в нашем мире и одновременно в каком-то ещё. И все миры пересекаются. Есть Средний мир, есть Тонкий мир... Наверняка, - ещё какой-то... Ты верующая? - она не ответила. Он огорчился. - Как будто из Тонкого мира нам подсказывают, ведут, помогают. Или наоборот... Кстати, эти понятия не противоречат вере... Иногда я вижу во сне событие, которое потом случится. Может случиться. Бывает, случается. Через месяц, через полгода - когда как... Самое интересное, это передалось моему сыну! Ему двенадцать лет. Он тоже иногда «знает». Недавно вот он ошарашил меня. Я пришёл к ним, а он говорит: «А я знал, что ты сегодня придёшь». Я чуть не упал... Стал выспрашивать его, узнал о других случаях и всё понял. Атас... Даже по наследству...

Она засмеялась:

- Класс! Здорово!

- А у тебя есть дети?

- Есть. Дочь.

Он улыбнулся:

- Всегда мечтал... Но интересно, что у него не так: я вижу дальние события, он - толь-

ко те, что случаются сразу.

Она забеспокоилась:

- Ты точно сварщик и механик? А то я сейчас уйду. Точно? Докажи!

Он ошарашенно остановился:

- Как я тебе докажу?!

Он бросил жёстко:

- Иди.

Он, негромко сочно выматерившись, вытянул перед ней руки. Она покраснела. Она осмотрела. Она согласилась. Она осталась.

- Я всё умею, - глухо, в ином тоне, будто перешёл в другой разговор, прибавил он. - Всё могу починить, что чинится... Так вот, ты была мне представлена. Видел тебя, как в кино. Я так назвал это: «представлена». Извини, - навязана, что ли.

- То есть.

- То есть видел во сне!.. Облик, - он обозначил круг перед своим лицом, - не лицо, а вообще - как-то в целом лицо. Формы, черты... Ну, и причёска, - он показал на её причёску, - это вообще совпало один к одному. Рост, цвет волос, фигура, имя - Марина. О! Ой. Так ты - Марина?!

Она просто подтвердила кивком.

- А вот фамилию я уже не смог понять: всё заканчивалось, сон прерывался. Вырисовывалась, Варюхова, Выринова, Выригова... Какая-то необычно звучащая, странная.

Она рассмеялась: всегда диковинно, когда кто-то считает странной, не может правильно произнести твою родную фамилию.

- Вы...та-та...-ва. Характер фамилии запомнил и количество слогов. И механизмы, станки. И комната. Женщина между ними в узком проходе... Знаешь, - он посмотрел ей в глаза, - признаюсь, ты мне сегодня вначале была так себе. Теперь приятна. Но вот так: навязывать!.. Не подумай, я не о тебе, не о себе. Мы что - невольны? Что, у всех - жёстко судьба?..

Дым сигареты погнало на неё, и он отшагнул в сторону. Остановился, отвернулся. Нервно затягиваясь, думал: «А если обидится сейчас? И уйдёт? Плохо». Она его чем-то примагничивала. К тому же был сон!..

...Она постояла в одиночестве, погрызла ноготок. Подумала: «А чего я теряю. Надо хотя бы посмотреть, раз дают». Протянув руку, тронула его за плечо. Он её уже интересовал... Он повернулся. Выражение лица её было серьёзно и по-новому мягко.

- ...А если не навязывают? Если просто подсказывают? Ты сам только что сказал. Например, нам подсказывают, на кого обратить внимание. Помнишь фильм «Майкл»?

Он оживился:

- Да-да-да!.. М-м-м... - тогда уж так: на кого нужно обязательно обратить внимание! Мы же не всё знаем об этом мире. А может, вообще ничего!.. А?

Он посмотрел в небо, вокруг себя, над собой осмотрел верх.

- Мимо кого нужно не пройти. Почему я должен мимо тебя не пройти?.. Я не знаю... Я тебе правлюсь? Скажи честно. Не для меня, - он взмахнул рукой вверх, - вон для «них» - для «ребят».

С усмешкой он пояснил:

- Я «их» так для себя называю.

Она восприняла более чем серьёзно и медленно, покачивая головой, ответила:

- Скорее, нет, чем да. В обычном случае я бы на тебе не остановилась... Но вот сейчас уже «да» равно «нет». Ты всё время улучшаешь впечатление.

Он рассеянно ответил:

- Согласен... Наверное, так же и я.

Она вдруг воскликнула:

- Ой!.. А я тебе?

Теперь она бросила с ним условности незнакомства и начала вести себя так, будто встретила с давним... одноклассником, однокурсником, приятелем. Повернулась фас, профиль, прошлась. Он вздохнул:

- Честно?

- Ну - привет! - оскорбилась она. - Конечно, честно! А ты можешь и не только так?

- Но я же сказал уже: приятна.

- Нетушки, - возразила она, - нравлюсь или нет!
 Он начал подбирать ответ.
 - Ещё пять минут назад - скорее, нет. Сейчас, особенно после... - он обозначил рукой её последние движения, - скорей, м-м-м... - да. Очень даже мне...
 - Что у тебя за эти - м-м-м!.. - передразнила с иронией она. - Ты что, директор?
 - Нет.
 - Так и говори прямо, без м-м-м...
 - Ты что: командуешь!?
 - Нет! Я. Хочу. Прямого. Ответа. Я тебе нравлюсь?
 - В общем, да.
 - А не в общем!
 - А я не знаю!..
 Они пошли дальше в обособленной задумчивости, иногда заинтересованно поглядывая друг на друга.
 - Да-а... - протянул он и оглянулся на КВД.
 - Да уж... - оглянувшись, подтвердила она.
 Они начали говорить, как спутники, одолевшие вместе в пути шаткую, опасную переправу.
 - Скажи, не способствуешь... Можно было придумать что-нибудь и получше.
 - Зато ты меня ошарашил. Я вообще не собиралась сто лет ни с кем знакомиться!!
 - Ну - сто!
 - Ну пятьдесят.
 - А что так?!
 - Да ну их! Придурки...
 - Ого! Значит, достали тебя крепко.
 - Ещё как! Как репку...
 Она многозначительно кивнула назад. Посмотрела на него внимательно: выдержит?
 Он смутился:
 - Да... Действительно... Попался козёл...
 - Ой...
 Она вздохнула.
 - Кстати, а как у тебя?..
 При этом оглянулась назад. Он выдохнул:
 - Чист. А... у тебя?
 Она заиграла:
 - Тебе уже справку из КВД предъявить? До ночи ещё далеко, кстати! Ещё только двенадцать дня. И, кстати, я ещё ни на что не соглашалась!
 - Марина... - укоризненно протянул он.
 - Ну!.. - она легкомысленно сделала глуповатое лицо - что поделаешь, вот такая я. И развела руками.
 Они посмеялись, они посмотрели друг на друга нежно, проникновенно.
 «Хорошо: мне нравится лёгкий характер. И острый язычок: скучать не даст. Только чтоб была беззлобной. Не жеманится: хорошо. Что до лица: приятное лицо, черты правильные, а больше - к чему?»
 «Тяжеловатый характерец, будет давить. Но не злой - выкручусь. Зато нет живота - терпеть ненавижу у мужчины. Руки рабочие, а чувствуется, образован. Ничего не скажешь: решителен. Но не наглый. Хорошо».
 - Сергей, - он протянул ей руку.
 - Марина, - она с удовольствием подала свою.
 Он чуть замешкался. Она мгновенно среагировала. И нахмурилась:
 - Что ещё?!
 Он опустил глаза.
 - Марин... Я вообще-то действительно пишу... Только как хобби: пишу песни, пою для друзей.
 Она улыбнулась:
 - Да я уж поняла.
 - Да не ври.

- Да по тебе ж видно.
- Да ну ж - неправда!
Она замялась:
- А я тоже, знаешь, - м-м-м...
- Что у тебя за - м-м-м... - передразнил он. - Ты что, директор!
Она внезапно кивнула.
- Ой, угадал... Любительского театра. И сама играю.
Он поразился:
- Вот здорово?! А что, например?
- Да вот последнее: роль Эвридики.
Он вспомнил утро, вспомнил сквер, вспомнил полтора часа... И в изумлении закачал головой.
- Что?! - смеясь, спросила она. - Что-то ещё?
Поймав её взгляд, он сцепил его со своим. Поднял оба к небу, перед тем с улыбкой разведя руками и пропев:
- «Ты помнишь, сколько раз встречали утро мы, сколько раз!..»
Она мгновенно откликнулась, пропев своим зазвеневшим голосом:
- «Здесь! У нашего озера!..»

- «И тысячу раз!..»
- «Да - тысячу ра-аз!..»
- «И тысячу раз видели небо...» - задумчиво проговорил он.

Вместе усмехнувшись, они улыгнулись друг другу, как мужчина улыбается своей женщине, а та отзывается своему мужчине, и... Вдвоём ушли в неизвестном направлении.

В 199...-м году Джон Траволта снялся в фильме «Michael» («Майкл») в роли ангела, спустившегося на Землю и принявшего образ человека, для того чтобы столкнуть двух людей, мужчину и женщину, которые ничего не знают друг о друге, но которые друг другу нужны - именно и непременно. Вспомните Траволту: грузный и артистичный, всегда со вкусом, модно, шикарно одет, всегда обаятелен. Талантливо сыграет любую роль. Представьте Ангела - Траволту: босиком, в одних трусах. Свисающие с ляжек семейные трусы, жирный небритый мужик с обрубком сигары во рту, банка пива в волосатой руке, хипповские, сальные волосы. Озвереть... Кожно-венерический диспансер, пожалуй, даже получше. Ситуация «Майкл»: в области личной жизни подсказка человеку из «Т.-мира» - когда, либо на кого, либо где обратить внимание, - либо действие (создание ситуации), направленное на столкновение на жизненном пути двух совершенно необходимых друг другу по жизни людей.

Николай АЛЫКОВ

ОСТРОВ

- Внимание! Произвел посадку самолет «ЯК-40», выполнявший рейс №... из Москвы. Добро пожаловать в наш город, - неожиданно громко прозвучал в огромном зале ночного аэропорта сочный женский голос.

Среди немногочисленных встречающих возникло легкое оживление. Несколько человек спустились по широкой лестнице с верхнего зала ожидания, где коротать время было гораздо интереснее - там круглые сутки работал довольно приличный по форме и содержанию открытый бар.

Из служебной двери выпорхнула невысокая стройная блондинка в униформе и открыла один из проходов на перрон. Вскоре в гулкий его тоннель вместе с клубами морозного пара влилась вереница пассажиров. Дружно протопав по проходу, люди рассыпались по залу. Кто-то сразу направился к выходу на остановки автобусов и такси, те, кто не спешил в город, занялись изучением расписаний, указателей и другой информатики. Высокая женщина в трауре принимала соболезнования двух мужчин с непокрытыми головами.

ВСТРЕЧА

Последним вышел из прохода моложавый лет сорока мужчина в кожаной на меху куртке с поднятым воротником. Темно-синие джинсы в короткие сапоги на шнуровке. Мельком взглянув на блондинку, он сразу повернул налево и уверенно зашагал в дальний конец зала, где виднелась буфетная стойка.

Было видно, что все уголки большого областного аэропорта ему хорошо знакомы, - он ни разу не посмотрел на указатели. Купив чашку кофе, сок и пирог с брусникой, прошел к дальнему столику. Сел лицом к залу, расстегнул «молнию» и опустил пушистый воротник. Он удобно устроился в деревянном с высокой спинкой кресле, но приступать к еде не спешил.

Через высокий, на оба этажа, оконный стояк ему был виден заснеженный ночной перрон. Там, под ярким голубоватым светом мощных фонарей, выстроились в две ровные линейки, коками навстречу, «ЯКи» и несколько двухмоторных «АНов». Серебристые машины дремали на лютном морозе, заботливо укрытые чехлами и заглушками. И только возле недавно прибывшего, еще разгоряченного дальним перелетом корабля, были видны фигурки авиатехников, выполнявших послеполетный регламент.

Московский борт был последним на сегодня. Пилотов и техников уже ждал прогретый служебный «ПАЗик», чтобы вернуть уставших людей к их домашним очагам. А пока техники без спешки и основательно ухаживали за самолетом. Он тоже заслужил недолгий отдых, добросовестно отработав летное время.

Человек за столиком еще раз обвел взглядом промороженный перрон и вернулся мыслями в уютный теплый зал. Сделал несколько мелких глотков еще не остывшего кофе и принялся за пирог, запивая его соком. Лицо человека в кожанке выражало уверенность и спокойствие, взгляд серых глаз был прямым и открытым. Чуть широковатый нос не портил лица, а короткие ухоженные волосы выдавали в нем аккуратиста. Электронное табло отметило полночь, но он не думал подниматься в зал ожидания, чтобы подремать там, - этим он займется завтра в салоне междугороднего автобуса, который помчит его по заснеженной трассе в родной городок. Несколько часов езды, и он окажется на родине, где не бывал почти три года.

Нижний зал словно вымер, только у лестницы на второй этаж мирно беседовали два милиционера в зимних камуфляжных куртках и при полной амуниции. Сидевший за столиком сразу приметил вошедшего через служебный вход работника аэропорта с ко-

кардой на черной шапке. Тот, одетый в теплую техническую куртку, унты с густым бурым мехом, из-за невысокого роста и слегка неуклюжей походки чем-то походил на молодого увальня-медведя. Впрочем, интеллигентное, с правильными чертами лица, делало это сравнение несостоятельным.

Техник, направлявшийся к буфету, тоже мимоходом взглянул на одиноко сидевшего за столиком мужчину. И если бы их взгляды не встретились, снова развела бы судьба этих людей на неопределенный срок. Но встрече суждено было состояться...

Унты сначала замедлили шаг, потом быстро направились к столику с одиноким клиентом. А тот уже поднимался навстречу, широко и приветливо улыбаясь.

Коля, ты? - негромко спросил владелец унтов.

- Ну, а кто же еще, Александр Иванович! - звонкое рукопожатие завершилось коротким мужским объятием.

Они несколько секунд стоя разглядывали друг друга и, видимо оставшись довольными, присели за столик. Чувствовалось, что эти люди не только хорошо знакомы, но и чем-то связаны по жизни - оба были неподдельно рады случайной встрече.

- Прилетел или улетаешь? - все еще улыбаясь, спросил техник.

Прилетел, домой добираюсь. А ты, я вижу, на смене и уже успел моего «коня» в стойло поставить?

- Да, отработались на сегодня. Забежал вот кофейку горячего выпить, - продрогли на стоянке - и домой.

- За встречу, Саня, можно бы выпить чего-нибудь покрепче, а? - Николай знакомо выгнул бровь в знак вопроса.

- Ты что, не знаешь нашего Гошу? Он же искать побежит, если увидит, что в автобусе кого-то не хватает!

- Как, старик все еще рулит? Ведь тогда, в восьмидесятом, он уже «полтинник» разменял.

- Пять лет на пенсии наш Гоша, но здоров, как бычок, и руль никому не хочет отдавать...

...Гоша Малевич с незапамятных для ребят времен водил служебный аэропортовский автобус. Не одну машину сменил за службу, были и давно отходившие срок. Но ни разу Гоша не опоздал с выездом. За что его уважали и ценили все, от командира авиаотряда, до рядового моториста. Свою работу Гоша считал самой важной в аэропорту. Потому что вовремя доставить диспетчера за пульт и даже кассиршу к ее кассе - уже предпосылка к безаварийной работе всего авиапредприятия. Так Гоша объяснял исключительную важность своего дела.

Был он худ, невысок, внешне неприметен, но всегда опрятен и во всем аккуратен. А главным его достоинством был голос. Мощный сочный бас, никак не соответствовавший его внешности. Ранними утрами, по дороге от города до аэропорта, Гоша всячески оберегал покой пилотов. Ни музыки не позволял, ни громких разговоров. Он посматривал через зеркало в затемненный салон и знал, что эти симпатичные, молодые в основном парни, дремавшие в креслах, мыслями еще там, в своих уютных жилищах, рядом с посапывающими во сне женами. Но через короткое время им придется исполнять важное и сложное дело. Они будут ответственны за жизнь многих людей. Гоша старался сбегать для ребят каждую лишнюю минуту покоя.

Но заглушив автобус у штурманской, он уже не имел права на жалость. Надо было встряхнуть их от дремоты и сладких грез - работа требовала ясной мысли и полной собранности. Гоша без видимого напряжения, но так подчеркнуто мощно желал всем удачных полетов, что и мертвый проснулся бы от его баса...

- Говоришь, грех встречу не отметить? В общем, так: я пошел предупредить Гошу, позвоню домой, что остаюсь в ночную, ну, а ты изображай стол. И чтоб водка была обязательно в графине - у буфетчика имеется. А с полочки сочтемся.

- Знаю я аэрофлотовские полочки, - хотел подначить Николай, но Саша уже быстро шагал к выходу на перрон.

Когда он вернулся, скромный стол был накрыт. Салатики из огурцов под сметаной, вечные спутники аэрофлота - куриные ножки, чашки с дымящимся кофе и пироги с брусничкой (джентльменский набор местного буфета) окружали запотевший графин с водкой. Хозяин столика улыбался навстречу, а когда Саша сел, расставил точки над i:

- Значит, Гоша предупрежден, жена недовольна, дочь спит, а мы начинаем скромный «фуршет сидя»! Так?

- Простые провинциальные авиатехники не знают таких слов, но если вот это, - Саша обвел взглядом стол, - «фуршет», то все о`кей! Оба засмеялись. Они вновь начинали обретать ту духовную нить, которая незримо связывает людей, вместе переживших какое-то испытание или долго пробывших в одном деле. У мужиков, лишенных сентиментальности, это духовное родство проявляется, как правило, в ироничном отношении друг к другу, в словесных уколах или безобидных насмешках.

Графинчик, извлеченный буфетчиком Витей из необъятного холодильника, наполовину опустел. У Александра, промороженного за смену на самолетной стоянке, разруганное лицо, тепло растеклось по жилам, и он, освободившийся от забот, расслабился. В неспешной беседе успели поговорить о работе, вспомнить знакомых. Потом незаметно вернулись на пятнадцать лет назад, в то чудное время, когда молодые и бесшабашные «заносили хвосты» на крохотном аэродроме родного райцентра...

...Аэродром городка мог принимать только маленькие «АН-2», которые авиаторы вежливо называли «Антонами», а остальной народ - не очень уважительно - «кукурузниками». Не считая, конечно, вертолетов, которых размер аэродрома и его класс мало волновал.

Асфальтовая дорога в областной центр тогда еще не была достроена, и аэропорт недостатка в пассажирах не испытывал. Когда не было проблем с погодой, «Антоны» садись и взлетали в течение всего светового дня. Работы авиатехникам, да и другим аэродромным службам, хватало. Борты, не успевшие уйти до конца светового дня на базовый аэродром, оставались в городке на ночевку. Их требовалось обслужить по регламенту, заправить топливом, утром подготовить к вылету. Техники работали двумя бригадами, по трое, через день.

Особенно напряженной была зима 1980 года. Она началась с сильных морозов. Весь декабрь метеослужба регистрировала минус тридцать с «хвостиком». Над аэродромом по утрам висела морозная дымка, потрескивали деревья в сквере, громко скрипел снег под ногами спешащих к вылету пассажиров. Колька недавно вернулся из армии, но погулять ему не пришлось. Начальник аэропорта вызвал его и попросил вернуться в бригаду авиатехников, в которой он начинал до службы. В морозы каждый человек был дорог, потому что сменам приходилось помогать друг другу. Вставали иногда в четыре-пять часов утра - часто оставалось на ночевку до десятка бортов.

Когда ты молод и, проводив подружку, лег за полночь, вставать в такую рань радости мало. Если не видеть, конечно, в этом своей прелести. Колька, не включая свет, садился с кружкой горячего чая на кухне у окна, прихлебывал обжигающий напиток и, пока не кончились отведенные на завтрак пятнадцать минут, смотрел на улицу.

Здесь, на втором этаже, было тепло и уютно. А там, за окном, беззвучно жила чудесная зимняя сказка. Городок, где пятиэтажное здание новой больницы считалось высотным, спал, придавленный черным куполом неба. Вдоль по улице убежали неяркие желтые конуса света, отбрасываемые уличными фонарями. В них переливались миллионы искорок - это с берез неслышным сухим дождем сыпал иней. Деревья, подсвеченные фонарями, тоже искрились, а ближе к верхушкам темнели и сливались с небом.казалось, всю планету поместили в огромный морозильный шкаф, она покрылась инеем, и только люди старательно сохраняют в своих крохотных жилищах островки тепла и уюта.

Тихо одевшись, чтобы не потревожить домашних, Колька выходил в эту морозную сказку навстречу долгому рабочему дню. Бригадир его смены Саша Ожогин приходил к самолетам первым. Он жил недалеко от аэродрома, был человеком семейным, ложился вовремя и вставал без проблем. Часто к приходу ребят он успевал запустить самолетные подогреватели и присоединить брезентовые рукава, по которым горячий воздух вдувался в брюхо самолета. Прогретый воздухом двигатель надо было расчехлить, запустить, прогонять на всех режимах и снова укрыть тяжелым стеганым чехлом. Потом перетаскиваешь подогреватель к следующему самолету, и... все сначала! Последний борт нагреешь, а первый уже остыл...

От мороза не спасала ни работа, ни меховая спецовка. На минуту снимешь с лючка один из двух рукавов, направишь горячую струю под шубу и оттаиваешь. После этой процедуры проходит минут двадцать, и холод снова заползает под одежду. А из бездон-

ной пустоты усмехается Большая Медведица - ей непонятна суэта маленьких людей, хлопчущих возле распластанных на снегу больших серых птиц.

Так вот попрыгаешь возле самолетов часов пять, и каким блаженством кажется горячий суррогатный кофе, который буфетчица тетя Зоя заваривала для технарей в отдельном чайнике. Может, она и брала грех на душу, экономя на пассажирах, но по большой кружке каждому из шестерых наливала бесплатно.

А с рассветом гомонили у кассы пассажиры, из комнаты радиста лилась веселая «морзянка», по узкой скрипучей лесенке поднимались в «скворечник» диспетчера экипажи, чтобы подписать полетное задание, хлопали подпружиненными дверями девчонки с метео, спеша обрадовать командиров отличной метеосводкой. Первые «Антоны», приняв на борт пассажиров, выруливали на взлетку, оставляя на снегу полосатые следы от лыж. Взлетали вертолеты, взметнув вокруг себя снежные вихри.

Сашка с Колькой работали в одной смене, под началом Ожогина. Они не были большими друзьями, жили в разных концах города, и только праздники сводили их иногда в одну компанию. Сан Саныч Ожогин, высокий, стремительный, был мужиком немногословным, обстоятельным, часто принципиальным, но характер имел простой. В народе его называли «Ан Аныч», в честь марки самолета, который он обслуживал. Обстоятельность и высокий профессионализм бригадира дополняли трудолюбие и безотказность Сашки Коточигова, а некоторую ленцу свою и нехватку опыта Колька компенсировал умением разговаривать, поднять настроение, когда мокли под дождем или мерзли в сильные холода. Поэтому не было в их смене технических казусов, машины уверенно взлетали и правильно вели себя в воздухе.

А вот Леша Афонин из второй смены однажды в разгар лета сильно огорчил летное начальство и рассмешил весь отряд. Мучаясь после дня рождения брата головной болью, он шел к тете Зое и увидел в углу у буфета трех командированных с такими же помятыми лицами. Они три дня не могли долететь до своего отдаленного района из-за постоянной нехватки билетов в том направлении. Они с утра заливали горе местным вермутом, на чем свет стоит кляня Аэрофлот.

За стакан вермута Женя гарантировал им полное содействие. Аэрофлотовская «птичка» на форменном берегу возымела свой успех - мужики без слов доверили ему деньги и паспорта. Пока они на радостях допивали вино, их спаситель свернул не в кассу, а на улицу, где скучал на скамейке его «новорожденный» брат, тоже мечтавший поправить пошатнувшееся здоровье.

Деньги ушли в ближайший магазин, а паспорта были возвращены владельцам с заверением, что максимум через час командированные приступят к исполнению своих прямых служебных обязанностей, то есть будут ехать без ухабов и пыли в свой отдаленный район.

Женя сам проводил повеселевших мужиков к одиноко стоявшему «Антону», открыл дверь и строго-настрого предупредил, чтобы не курили возле самолета, пока не придет экипаж и перронная с билетами. Командированные за возможность улететь готовы были вообще бросить курить.

Сменив строгое выражение лица на ехидную улыбку, Женя пошел встречать своего брата. А мужики, чинно усевшись на лавку в салоне, поближе к пилотской кабине, наперебой доказывали, что есть еще у нас люди, способные подставить плечо ближнему.

Курить они все-таки выходили и не раз. Потому, что ни через час, ни через два не пришли ни экипаж, ни перронная. Не пришел и их «спаситель», отпросившийся у начальника порта домой, по причине разболевшегося вдруг зуба. И если бы несчастные могли раньше знать, что борт №43412 стоит здесь уже вторую неделю, что под капотами вместо двигателя - паутина, что двигатель улетел на базу в ремонт... Они бы не только не угостили Женю вермутом, а придумали бы ему какую-нибудь неприятность.

Впрочем, неприятности ждали Женю на следующий день, а мужиков, грозящихся пожаловаться самому Министру авиации, отправили ближайшим рейсом, от греха подалее. Женя был уволен (правда, по собственному желанию), а деньги удержаны.

...Морозный декабрь вымотал техников, но приближался Новый год, и настроение было приподнятым. В один из предновогодних дней Колька, свободный от смены, проходил мимо гостиницы «Заря», единственной в то время в городке, и прямо у входа столкнулся с питерскими вертолетчиками, которые, отдохнув в ресторане и прихватив с со-

бой, возвращались в номер. Они обслуживали здесь строителей северного газопровода, от начальства были далеко и позволяли себе больше, чем местные пилоты. Колька любил слушать байки летчиков, уважал их кочевую, неустроенную жизнь и не отказался проведи остаток вечера с тремя молодыми веселыми парнями. Были водка под ресторанное мясо, остаток коньяка под аэрофлотовский черный шоколад из пилотского «НЗ», а на «десерт» - бильярд в холе гостиницы.

Особый колорит придали игре азербайджанцы, здесь же проживающие, предложившие огорчить летунов на литр коньяка за три партии. И те, и другие играли неплохо, потому как зеленые столы стояли в те времена во всех провинциальных гостиницах необъятной России. А набить руку кочевому люду труда не составляло.

Играли с переменным успехом, учтиво и сосредоточенно. Пока не спустился в холл земляк наших противников. Невысокий лысый кавказец минуты две наблюдал за игрой, потом начал давать советы на родном языке, вошел в раж, эмоционально запрыгал возле стола и, в конце концов, налетел на командира экипажа Сергея Макарова в самый момент удара по шару. Шар чиркнул по борту стола и улетел в угол за горшок с фикусом, возле которого сидел Колька и наблюдал за игрой. Макаров непроизвольно отодвинул обидчика концом кия, тот ударил по деревяшке рукой. Кий, описав крутую траекторию, задел в плечо напарника Макарова, рыжего борттехника Славку, по прозвищу «СССР». Реакция была мгновенной. Славка коротким слева уложил горячего азера на пол. Дальше было как в кино. Пострадала яркая в цветах штора, нижнее стекло входной двери и старичок-фикус. Не считая самодельного кия, сломавшегося о чью-то южную спину. Но... на шум в гостинице чутко отреагировали проходившие мимо сержант милиции и две дружинницы.

Вертолетчиков отпустили из милиции в два часа ночи - им надо было отдыхать перед полетами. Кавказцев, украшенных сочными фингаломы (работа «СССР»), - чуть позже, обязав вставить стекло в гостинице. Кольку оставили до утра, объяснив, что самолеты могут запросто улететь и без его участия. Утром, выслушав краткую «лекцию» дежурного по отделу, он пошел прямо на аэродром. Там его встретили понимающими улыбками, а начальник порта - выговором. Колька оправдываться не стал, а расказал Михалычу все, как было. Начальник был скуп на поощрения и наказания, строг с подчиненными, но выслушать умел. Высокий, седой, кряжистый, с грубыми чертами лица, проработавший на аэродроме не один десяток лет, он представлял когорту ветеранов-фронтовиков, израненных, но выживших, поэтому знающих цену жизни, слову и поступку.

Пока Колька был в кабинете Михалыча, техкомната опустела. Только в углу дремал Славка Рыжий по прозвищу «СССР». Ему и прозвище-то дали за патологическую любовь ко сну. Он мог спать на травке, ожидая борт на заправку, в кабине между пилотами, когда его везли на новую «точку», да где угодно. А поскольку он был ярко-рыжий, аббревиатура «СССР» расшифровывалась просто: «спи спокойно сволочь рыжая». На прозвище Славка не обижался, потому как по природе своей был добрым малым...

...Воспоминаний было много, а водка в графине закончилась. Сходили еще к Вите и помянули отличного парня - Славку «СССР», безвременно и глупо оставившего недавно родной Аэрофлот. О чем бы ни говорили Александр с Николаем, о чем бы ни вспоминали в эту ночь, оба знали, что есть тема, которую им не обойти, хотя касаться страшновато. Первым ни тот, ни другой не решался. Помог пирог с брусничкой. Николай, откусив изрядный его кусок, поинтересовался, много ли прошлой осеньюросло грибов и ягод. Не услышав ответа, он сразу понял, что Сашка, бывший его товарищ и напарник, думает сейчас совсем о других ягодах. Поэтому молчит, играя граненым стаканом. Александр сам прервал паузу:

- А ты бы снова полетел за клюквой? Туда, на Болото?

Теперь молчал Николай, похоже, обдумывая ответ.

- С тобой, Саня, полетел бы, - он мельком взглянул на левую Сашкину руку, державшую стакан с соком, на четырех пальцах которой не хватало крайних фаланг. Потом посмотрел ему прямо в глаза и твердо повторил: - С тобой полетел бы.

Они долго молчали, вспоминая ту удивительную по обилию красок и природных сюрпризов осень восьмидесятого...

- Слушай, Коль, а когда ты вернулся с Болота, помнишь, рассказывал мне, что в бреду тебе виделся Остров и та женщина? Ты просил об этом никому... Так я даже Светке сво-

ей ни слова! Веришь?

- Верю. Только не бред это был, Саня. Был и Остров, была и женщина. Просто я той женщине слово дал, что о ней никто не узнает...

АЭРОДРОМ

...Такого сентября городок не мог припомнить. По-летнему теплый, ярко расцвеченный багряными и золотыми красками, он был еще и на редкость щедрым. Много накопили картошки, наносили грибов и ягод. Родители, сдавшие своих отпрысков под опеку школьных учителей, не спеша и основательно готовились к долгой северной зиме.

Аэродром жил своей обычной, напряженной жизнью. И хотя световой день стал заметно короче, погода благоприятствовала малой авиации. Летали с утра до вечера, стараясь перевезти всех желающих, пока не польют дожди и не расквасят взлетную полосу. Весенняя и осенняя распутицы - бич для маленьких аэродромов с грунтовой взлетно-посадочной полосой. Растаял снег - жди, когда она просохнет, чтобы принять самолеты на колесах, а осенью - когда промерзнет и укроется снегом, чтобы они могли садиться и на колесах, и на лыжах.

В некоторые годы осенние дожди начинались рано, а земля промерзала чуть ли не перед новогодними праздниками. Получалось три месяца вынужденного простоя. Самолеты грустили на базовом аэродроме, городок отдыхал от рева двигателей по утрам, техники и другие службы готовили аэродром к зимней навигации. И только неутомимые вертушки «МИ-4» сновали без устали по газопроводу, перевозя строителям трассы продукты, запчасти и прочую всякую всячину. Возвращались вертолеты в городок на заправку и ночевку.

Не была исключением, несмотря на яркий сентябрь, и эта осень восьмидесятого. К концу месяца участились утренние туманы, облетела листва с берез и осин. Забродили низко по небу лохматые серые облака. Время от времени брызгали они нудным затяжным дождем. Пока было тепло, но чувствовалось, что и первые заморозки не за горами. Все чаще откладывались рейсы по метеословиям. Нервничали пассажиры у кассы - в некоторые районы области, кроме как на самолете, добраться было не на чем, пока не встанут зимние дороги.

Потом дожди участились, и в первой декаде октября аэродром закрылся для самолетов. Тихо стало у кассы, опустел зал ожидания. Одноэтажное, приземистое здание аэропорта, с диспетчерской наверху, посерело от дождя и ветра. Пожух ковер из листьев в сквере, надежно соединившем аэродром с окраиной города. И только шумные вахтовые бригады строителей газопровода изредка нарушали полусонную тишину аэропорта, ожидая, когда дозаправится их вертолет и повезет дальше по трассе, которая строгой прямой пересекала северную тайгу от древнего Торжка до Ухты.

Заканчивалось строительство последней нитки газопровода, экипажи вертолетов не знали отдыха. Только борттехник Сереги Макарова был верен себе. Подремав в углу техкомнаты, Славка шел в буфет перекусить и, поговорив о том, о сем с тетей Зоей, проведя диспетчера в «скворечнике» и девчонок на метео, снова усаживался в угол. Его работа начнется вечером, когда Макаров посадит машину на вертолетную стоянку.

В дни вынужденного безделья в техкомнате былолюдно. Водители заправщиков, техники, ребята из других служб чесали языки на темы обычные, от секса до политики. Единственным разрешенным развлечением были шахматы. Играть аэропортовские любили, и многие играли неплохо. Когда желающих оказывалось достаточно, спонтанно возникал необъявленный турнир. Играли в полную силу, отстаивая честь своей службы.

Колька с Саней разбирали инструмент, ревизовали накопившийся в шкафчиках за лето железный хлам. Когда их бригадир Саша Ожогин объявил оригинальный мат шоферу Владу Войничеву, все захлопали, загомонили и... разбудили Славку. Тот приоткрыл раскосый глаз под рыжими ресницами и старался понять, по какому случаю галдеж и аплодисменты. Шахматная доска перешла уже к другой паре, шум поутих, а Славка, видно окончательно проснувшись, ни с того, ни с сего брякнул:

- Не могу себе представить чукчу за шахматной доской.

- Ты к чему это, Слав? - двигая Е2-Е4, поинтересовался Ожогин.

- А все к тому же. Не может он видеть дальше одного хода, потому как глаз у него

узкий. У меня на этот счет своя теория.

Теорий у Славки было много. На все случаи жизни. Можно подумать, что теории приходят ему во сне, как Менделееву известная таблица, а потом, периодически, Славка их обнаруживает.

Славка встал, подошел к единственно пустой без шкафчиков стене, где над скамейкой пылилась небольшая Физическая карта СССР, и рубанул ребром волосатой ладони правой Уральского хребта:

- Мысленно проведем прямую от тундры до степей, - начал Славка свою теорию. Не слушали только двое игравших - дебют получался многообещающим. - Вот здесь - чукчи, - рыжий палец второй руки ткнул в зону тундры. Здесь - казахи, - палец указал южнее. Рассмотрим оба региона по отдельности.

Тундра. Простор, ягель, тучные стада оленей (стиль Славкин). Вигвам, сидит чукча на пеньке (откуда пенек в тундре, Славка не пояснил). Сидит и ни хрена не делает. Захотел пожрать - встал, взял нож, забил оленька, поел. Шкуру надел на себя и опять сидит, отдыхает.

Степь. Простор, трава по колено, тучные табуны лошадей. Вигвам, сидит казах на чурке и ничего не делает. Пришло время обеда - встал, попил кумыса и...прилег спать в тенечке.

Похожие картины? В том-то и дело! Оба ни хрена не делают, только спят. Так зачем им круглые глаза? - Славка торжествуя оглядел аудиторию. - А между этими бездельниками живут русские, и глаза, между прочим, у них широко открыты. Почему парадокс? Да потому, что русскому, чтобы поесть, надо землю вспахать, посеять, убрать, обмолотить-смолоть-испечь. Добыть зверя и сшить одежду, обувь и...все такое прочее. В общем - забот через край и все время головой надо думать. Отсюда - ум, сила и широко открытые навстречу невзгодам глаза, - сделал вывод Славка и, в знак завершения лекции, сел в свой угол.

- Слава, ты - гений! - констатировал Колька, развешивая ключи по номерам, но только в твоей теории есть небольшой изъян. Японцы тоже прищуренные, а спят мало, работают много. Например, в смысле техники всех объехали.

Такой сокрушительной силы аргумент Славку ничуть не смутил. Он парировал не задумываясь:

- Вот, Николай, над этим-то парадоксом и бьются не одно десятилетие умнейшие головы планеты.

Мужики в техкомнате улыбались. Они знали, что оппонент, посягнувший на любую теорию Славки Рыжего, получит достойный отпор.

- А ты, Николай, - продолжал теоретик, - зря про японцев-то. У них на островах, между прочим, ничего нет. Ни руды, ни лесов, ни даже оленей. А живут они - не чета тебе. Вот ты, можно сказать, по золоту ходишь, а живешь в нищете. Одной клюквы вокруг городка - не выносить! Все болота клюквой завалены. Ленив ты, Николай, как чукча. Поспать любишь.

Последняя фраза была настолько неожиданна для всех, что мужики от души расхохотались. Засмеялся даже Ожогин, заставивший противника защищаться по-сицилиански.

- Вот ты бы, Николай, попросил моего командира, завез бы он тебя, между делами, на дальнее болото. Было бы у тебя много-много клюквы, которую можно выгодно продать, - закончил разговор Славка, удобнее устраивая свое крупное тело между подлокотниками.

- А что, идея неплохая. Слетаем, Сань? - Колька вытер руки ветошью.

С Макаровым договорились в тот же день, вечером, когда тот голодный и уставший шел от вертолета. За неплановые посадки командиров, конечно, наказывали, но большее начальство было у Макарова далеко, да и кто уследит, где и сколько раз за день Сергея сажал и поднимал в воздух своего ветерана «МИ-4». Тем более, что несколько десятков километров в сторону от газотрассы для винтокрылой машины - не крюк, минутное дело.

В середине октября выдался удачный день. Сашка с Колькой были на выходных, а Макаров работал в сторону Ухты, с возвратом в городок. В ту сторону клюквенных болот было достаточно, а дорог мало. Например, Болото, судя по летной карте, тянулось аж до

архангельской Лойги. По словам Макарова - сухое, не топкое болото - знай, собирай. А тянется оно чуть не на сотню километров. Есть где разбежаться!

Впрочем, оказалось, что разбежаться-то и некогда. Макаров прикинул по полетному заданию: ребятам на сборы ягод отводилось всего четыре часа. Хотя на хорошей клюкве, где не ступала нога человека, за это время можно собрать, как говорят, «пять ведер и маленькую корзинку».

Ребята пришли утром снаряженные. Взяли большие корзины, заправленные в рюкзаки, перекусить, по запасной пачке сигарет, бутылку местного рябинового вина, чтобы на природе отметить удачный сбор. Славка Рыжий, возившийся у вертолета, встретил ребят многозначительной ухмылкой. Дескать, не научи бестолковых - останутся зимой без ягод. Он слил из отстойника в стеклянную банку с импровизированной ручкой немного бензина и, раскрутив ее, посмотрел на просвет - нет ли в топливе капелек воды или механических примесей. Отстой был чистый, вертолет подготовлен, и Славка что-то нацарапал в бортжурнале.

- Слетал бы я с вами, мужики. Наверное, клюкву-то толком собирать не умеете. А ведь среди болот выросли, - Славка никогда не упускал возможности подчеркнуть свое питерское происхождение. - Кстати, ягоду можно собирать по-разному. На этот счет у меня есть своя небольшая теория...

Славка умолк на полуслове потому, что из-за фюзеляжа вынырнул второй пилот Макарова, худенький шустрый Генка, с ярким, по-юношески смазливый лицом. Это означало, что хоть и облачно, задержки вылетов по погоде не будет. Это означало, что командир Макаров допивает тети зоиин кофе и сейчас придет принимать у Славки машину.

Вообще-то борттехник должен быть в полете с экипажем. Но, стоя на лесенке из грузового отсека в пилотскую кабину, спать неудобно, да и Макаров сам говорил, что «чем возить шесть пудов славкина дерьма, лучше увезти газоикам лишние три ящика тушенки». А Славка был этому только рад. Старые шумные «МИ-4» ценились за большую грузоподъемность, но летать на них пассажиром - удовольствие нулевое.

Макаров оглядел вертолет, потом Славку и... погрозил ему кулаком. Без слов. Это означало, что если к вечеру Славка наберется, то ему, Славке, будет плохо, потому что завтра он, Славка, поедет по трассе в грузовом отсеке на ящиках, мешках или каких-нибудь железках.

Славка изобразил на лице симбиоз страдания и незаслуженной обиды, но раскосые глаза светились хитрецей. Желая ягодникам «ни пуха, ни пера», он незаметно подмигнул им и отошел от вертолета, чтобы видеть командира в окне кабины.

Ребятам повезло - вертолет был без груза. Они сели на лавку, напротив желтого топливного бака, и смотрели, как второй задривает дверку и поднимается в пилотскую кабину. Макаров запустил двигатель. Тот несколько секунд прокашливался, чихал, но, по мере прогрева, стал работать все ритмичнее, наконец загудел ровно, весело. За иллюминаторами замелькали концы раскручивающихся лопастей. Командир исподволь прибавлял оборотов, одновременно проверяя работу бортового оборудования и приборов. Двигатель взревел на взлетном режиме, корпус вертолета мелко задрожал, закачался. Ребята почувствовали, как колеса отделились от земли, «четверка» резко пошла вперед и вверх.

Оба пассажира прикинули к иллюминаторам. При развороте на курс Макаров так лихо заложил, что, казалось, город встал в вертикальную плоскость. Как на экране, поплыли знакомые кварталы, улицы, пригородные деревни. Скоро машина выровнялась, земля вернулась на место и, уже с высоты, был виден бесконечный, разноцветный ковер увядающей тайги с проплешинами вырубков, редких полян, нитками речушек и ручьев. Кое-где змеились серые ленточки проселочных дорог, на которых проблескивали одинокие лужи. Ленточки иногда связывались в узелки крохотных деревушек.

И тут ребята увидели трассу. Вертолет шел вдоль нее, чуть правее, и она была хорошо видна, если сидеть по левому борту. Даже с высоты нескольких сотен метров трасса выглядела внушительно. Несколько мощных ниток трубы были спрятаны под землю. Тайгу прорезала широкая просека, убегающая на северо-восток. Она уже успела зарастить травой и кустарником и только над последней, еще строящейся ниткой, были видны раны, нанесенные земле тяжелой гусеничной техникой...

До первого поселка строителей газопровода, расположенного в сотне километров от

городка, лету было минут сорок. Там присели, загрузились какими-то ящиками, коробками, затащили бухту троса. И поехали дальше. Минут через десять Макаров круто взял влево, на север. Трасса сразу пропала. Пошла нетронутая тайга, вскоре началось Болото.

БОЛОТО

Оно походило на бесконечное серо-зеленое море, сплошь утыканное темными точками. Это росли и никак не могли вырасти до обычных размеров корявые, в рост человека, болотные сосенки. Местами они стояли гуще, где-то - одна на сотню метров. Справа проплыло небольшое круглое озеро, а минут через пять вертолет стал быстро снижаться, завис, едва не касаясь колесами болотных кочек. Волнами запереливалась под тугими струями воздуха белесая болотная трава. Немного повисев, вертолет вдруг поплыл над болотом левым бортом вперед, - это командир выбирал, где клюквы больше и ягода крупней. Макаров все умел делать добротнo.

По лесенке из пилотской кабины быстро спустился второй пилот Генка и приставил к колькину уху мягкий черный наушник. Серегиным голосом наушник проговорил: «Ребята, у вас - четыре часа. Сейчас - одиннадцать ноль шесть. В пятнадцать придем за вами. Не сачкуйте, клюквы много. Конец».

Колька жестом показал второму, что сеанс связи окончен. Тот открыл дверку, и ребята десантировались метров с двух в мягкий теплый мох. И не вставали, пока «вертушка» не взмыла в небо. Вскоре она превратилась в крохотную точку и совсем пропала. Еще минуту полежали на мягком сухом мху, затем встали и огляделись.

- Матушки мои! - услышал Колька сквозь легкую глухоту сашкин возглас. - Это не клюква, это - виноград!

Он тоже не скрывал удивления. Впрочем, чему удивляться, если здесь со времени сотворения Земли не бывало ни одного ягодника. Клюква была крупная, цветом бордовая, и ее было так много, что ребята сначала выбирали, куда ногу поставить. Не то, что на ближних вытоптаных болотах!

- Как говорила моя покойная бабушка Марья, «первую горсть - в рот брось», - колькино лицо искривилось от большой пригоршни ягод. Ребята распаковали рюкзаки, плащи накиннули на сосенки для ориентира. Корзины с едой встали на кочку, из них были извлечены корзинки маленькие - «побирушки», литра по три вместимостью. Насобираешь такую и сыпаешь в рюкзак. Когда рюкзак заполнен - время обеда. Затем уже высыпаешь ягоды в освободившуюся корзину. Ну, а последний сбор - в «побирушку», если хватит сил и терпенья. Технология проста.

- Может, с началом? - Сашка указал на кадкы.

- По две «побирушки» насобираем, потом - «с началом», - охладил его компаньон, и они, разогнув бродни, стали передвигаться по ягодному ковру концентрическими кругами. Когда собрали по первой «побирушке», оказалось, что они не отползли от корзин и десятка метров - так податливо собиралась ягода. Настроения добавило солнце, ненадолго выглянувшее в просвет между лохматыми тучами.

- Через пару часов, я думаю, рюкзаки наполним. Ну и ягода! - все не мог успокоиться Сашка, взбодренный глотком вина. Собирали то на коленях, то сидя, то даже лежа на боку, чтобы не устать раньше времени. А когда сходились перекурить, делали по глоточку вина из крышки термоса. Вошли в азарт, да такой, что, наполнив рюкзаки, набрали еще по две «побирушки», прежде чем сели перекусить.

Не спеша поели. Откинулись на кочки и отдыхали, дымя сигаретами в серое небо. Сашка уже мечтал, как втащит рюкзак с корзиной в дом, как ахнет мать, увидев такое богатство, как засуетится возле плиты, а потом, накормив мужа с сыном, будет «катать» клюкву, положив по краям наклоненной столешницы по скрученному в жгут длинному полотенцу. Ягоды, оставив мусор на столе, дружно покатаются в большой эмалированный таз...

Когда ягодники встали, было начало второго. Завязали рюкзаки и, удовлетворенно отметив, что и в корзинах уже кое-что есть, снова начали собирать. На очередном перекуре Колька заметил, что облака стали ниже, темнее, да и бегут как-то быстро. Сориентировавшись по плащам и зная, что они прилетели с юга, определил направление ветра. Получалось, что несло облака строго с севера. Где-то глубоко шевельнулась мысль о ка-

верзности осенней погоды, но такое удачное начало дня приглушало чувство тревоги. Колька продолжал собирать, не поделившись опасениями с товарищем. Не хотелось портить его радужного настроения. А сам, нет-нет, да и поглядывал на бегущие с севера клочья облаков.

Ближе к двум часам дня стало как-то сумрачнее, легкий ветерок сначала стих, потом усилился и стал заметно холоднее. За серыми лохмотьями с севера появилась и начала быстро увеличиваться темная полоса. Вскоре она заняла всю северную часть горизонта. Ребята закончили собирать, закурили и молча поглядывали то в сторону надвигавшейся тучи, то на юг, где в любой момент могла появиться точка, которая в считанные минуты вырастет до размеров винтокрылой машины. Они прислушивались, но кроме порывов ветра, ничего не было слышно.

Темная туча заняла уже треть неба. Стали вдруг проваливаться крупные мокрые снежинки. Ребята собрали рюкзаки и корзины в кучу, надели плащи, надеясь, что Макаров на подлете и надо будет быстро грузиться и удирать на трассу. Оба, зная, что такое полетные условия и допуски на погоду, понимали, что сейчас дорога каждая минута. Если в течение получаса Макаров не прилетит, дальше - сплошная неопределенность. То, что туча снеговая, у них сомнений уже не вызывало. От этих мест, на север, - безлюдье, метеоточки далеко, никто заранее не дает прогнозов для авиаторов, работающих по трассе. Такой сюрприз возможен. Но если там, на трассе, в случае ухудшения погоды, можно успеть на одну из площадок, где обогреют и накормят, то к ребятам Макарову лететь навстречу снеговой туче. А потом еще надо успеть убежать на трассу.

Прошел первый снеговой заряд. Северяне знают, что это такое. Налетает стена густого снега с нулевой видимостью, минут десять-пятнадцать сыплет, потом затишье. Через какое-то время - снова сплошной снег. Так может длиться часами, а иногда и сутками. Стало вдруг сыро и неуютно от медленно таявшего на мху и деревцах мокрого снега. Уже не хотелось сидеть, ребята стояли возле корзин и рюкзаков. До них еще не совсем доходило, в какую переделку они могут попасть...

...Макаров со своим вторым в это время обедали в вагоне-столовой строителей газопровода. Было начало третьего. Они только что выгрузили продукты, и повараха уговарила их перекусить. Готовили здесь вкусно и сытно, и пилоты не устояли перед возможностью спокойно поесть.

Командир чувствовал время без часов. Он знал, сколько надо времени, чтобы завезти начальника участка в поселок, залететь за ребятами на болото и уйти в городок на аэродром. Светлого дня хватало с запасом. Пережевывая сочный бифштекс, Макаров ясно представил, как, подлетая к городку, они еще издали увидят далеко внизу, на вертолётной стоянке, одинокую фигурку Славки Рыжего, который всегда заранее выходил на площадку и встречал экипаж.

Макарова не удивило, что его прямо из-за стола вызвали на рацию в соседний вагончик. Такое случалось, когда начальство хотело что-то изменить в его полетном задании. На связи был авиадиспетчер городка. Из Архангельской области передали штормовое предупреждение. К югу движется обширный снеговой фронт, и он достанет по расчетам широту газотрассы. Диспетчер, не слыша в эфире Макарова, решил предупредить его через систему связи газопровода.

Поблагодарив диспетчера и девушку на рации, Макаров взглянул на часы. Ну кто может сейчас точно сказать, где этот фронт. Но чем грозило его приближение ребятам на болоте, командир хорошо себе представлял. Он быстро направился к вертолету, еще издали крикнув второму: «К запуску! Быстро!»

Макарову не хватило каких-то полчаса. Первый снежный заряд залепил фонарь кабины, когда он собирался с трассы свернуть в сторону болота. Пробив снеговую пелену и выскочив в бесснежное пространство, командир увидел трассу, привычные ориентиры. А еще он увидел, что первый заряд далеко не последний. Поворачивать на север, навстречу снегу, - и думать было нечего. Успеть бы в просветах проскочить в поселок и посадить машину на площадку. Посадить не вслепую, потому что вокруг ее вагончики, техника, люди.

Выход один: ждать в поселке, пока не пронесет снег, потом слетать за ребятами. А пока молить Бога, чтобы хватило светового дня. Переночевать они могут и в поселке. Строители - народ щедрый и гостеприимный. О худшем командир пока не хотел думать...

...Заряды шли один за другим. Колька с Сашкой стояли возле рюкзаков, накрывшись плащами с головой, и молча курили. Болото преобразилось. Еще недавно сухое и приветливое, теперь оно стало мрачным и неудобным. Снег успевал таять, и кое-где, как пятнышки крови, краснели на белом ягоды клюквы. Еще полностью не осознав всей непредсказуемости положения, незадачливые путешественники тешили себя мыслью, что эта напасть скоро кончится, как дурной сон, и они окажутся в салоне грохочущей «четверки», и никогда им больше не бывать на этом коварном болоте.

Заряды приутихли. Это вселяло некоторую надежду. Ребята допили вино, закусили остатками обеда. Но когда Колька взглянул на часы, ему стало не по себе. Была половина четвертого, и в это время им надлежало быть в воздухе, на полпути к городку.

Зарядов больше не было, зато пошел снег, хоть не такой густой, зато не переставая. Когда начало темнеть, парни вдруг поняли, что надо не на чудо надеяться, а заняться совсем другими делами. Кругом ни березки с берестой, ни сухой валежинки. Остались, правда, обрывки газеты, но они теперь представляли из себя клочки размокшей бумаги, которая не загорит при всем желании.

- Саня, ты ни разу не ночевал на болоте? И не просто на болоте, а осенью, без костра, еды и женщин? - поинтересовался Николай, зная, что его напарник - заядлый рыбак и часто на озерах ночует далеко не в домашних условиях.

- Я ценю твое хорошо развитое чувство юмора, - ответили из-под плаща, - но к чему на болоте девочки - здесь же очень мокро.

- Ладно, - согласился Колька, - обойдемся этой ночью без дам. И без еды. А вот без костра будет очень хреновато.

Они попробовали наломать с сосен мелких нижних веток, но все вокруг так промокло, что о настоящем костре и думать было нечего. Если б заранее знать, что дело так обернется, сохранили бы бумагу сухой, есть, в конце концов, дранка от корзин. Можно разжечь костерок, если постараться.

Быстро темнело. Ребята выбрали место, где сосенки росли погуще, поставили рюкзаки и корзинки в один ряд, с подветренной стороны постелили один плащ, легли головами к рюкзакам и вторым плащом накрылись. Ночь предстояла длинная и холодная. Рассветет не раньше семи часов утра. Полсуток - это вам не полчаса.

Сначала ребята разговаривали. Было не очень холодно - свитера и куртки под плащами не промокли. Но нижний плащ постепенно намокал, на верхнем - тоже таял снег. Вскоре они почувствовали, что сырость пробирает до костей. Шутить и разговаривать расхотелось, хотелось заснуть, а проснувшись, увидеть чистое небо, услышать шум приближающегося вертолета...

Промокшие и замерзшие ребята урывками дремали, это хоть как-то приближало час рассвета. За ночь они несколько раз вскакивали, разогревались бегом, на ходу выкуривая по сигарете, потом опять забирались под холодный плащ. Ночь показалась бесконечной. Под утро разделили остатки теплого чая из термоса и стали ждать рассвет.

Рассвет-то, в конце концов, наступил. Но не обрадовал. Облачность низкая, временами шел снег с дождем. И никакой надежды на улучшение. Макаров в такую погоду не сможет прилететь. Хотелось есть, хотелось пить. Чай кончился, снегом и ягодами не напешься. Глушили желания сигаретами, но и тех оставалось немного. Спички тоже приходилось экономить...

...Макаров переживал больше самих ребят. Он тоже не мог ничего сделать, но зато сидел в теплом вагончике, сухой и сытый. Вчера вечером, позвонив авиадиспетчеру городка, объяснил ситуацию и попросил пока не поднимать шум. Теперь было утро, но по-прежнему не было возможности что-то предпринять. Отдыхавшие от вахты хозяева вагончика сочувственно молчали, понимая положение вертолетчика. Бригадир предложил было послать за ребятами гусеничный тягач, но Макаров сразу остудил горячего грузина, напомнив, что между трассой и болотом десятикилометровая полоса густого леса, а дальше по болоту - еще километров тридцать и не везде сухих.

Макаров еще раз позвонил в городок, чтобы узнать прогноз по северному региону. Диспетчер ничем его порадовать не мог. Строительное начальство не беспокоило вертолетчиков. В такую погоду «вертушки» отсиживаются по площадкам, пилоты отсыплются или забивают «козла». Командиру же «четверки» было не до сна, а тем более, не до игр. Он, конечно, знал, что парни проходили армейскую школу на Севере, оба были да-

леко не белоручками. Для них ночь на болоте - небольшое приключение, инъекция адреналина в кровь. Просто Макарову, как опытному авиатору, было обидно, что погода так легко провела его. Но и неприятностей по службе тоже не хотелось. Ему оставалось пока только ждать. Может, после обеда случится просвет, хотя бы на час, и он достанет ребят с болота...

...Ближе к полудню, выбрав момент, когда с неба ничего не сыпалось, ребята попробовали разжечь костер. Их, насквозь промокших и голодных, протряхивало. Нащепали лучинок от корзинок, приготовили сухую пачку из-под сигарет, наломали с сосенок нижних сучков. Колька накрыл себя плащом от ветра, положил бумагу на кусок дранки и поджег. Начал осторожно подкладывать лучинки помельче. Те горели плохо. Но все-таки горели! Стал подкладывать лучинки покрупнее. Тонкая сосновая дранка, хоть и отсырела, но горела. Когда шалашик из лучин занялся, Колька осторожно обложил его веточками. Оба, затаив дыхание, ждали, загорят ли они. Болотная сосна гореть не хотела... Пачка превратилась в пепел, сгорела лучина, оставив кривые угольки, а ветки только начали обугливаться. Колька от злости въехал каблуком в это подобие костра и, бросив на кочку плащ, лег.

Сашка, молча наблюдавший, как колдует над костром его товарищ и, увидев его неудачу, отреагировал своеобразно - начал вдруг громко смеяться. Он вспомнил Славку с его примитивной теорией о чукчах: вот тебе и тундра, вот тебе и мох, только чума нет и оленей. Но он хохотал не только поэтому. Появилась идея. Сашка вдруг сел там, где стоял, и стал рвать отворот сапога. Резина растягивалась, но не рвалась.

Колька подозрительно косился на Сашку:

- Эй, ты чего, парень?

- Чукчи мы с тобой, Никола! А это тундра неогороженная, - Сашка мотнул головой в сторону болота. - Зачем нам, чукчам, бродни? Нам хватит простых сапог!

До Кольки наконец-то дошло. Он вскочил, поднял плащ и сунул руку в карман. Гвоздь был на месте. Хорошо, что он не выложил его дома, когда проверял карманы перед отъездом. Присев на корточки, сделал несколько проколов по резине и легко оторвал по ним отворот сашкина сапога. Они оторвали от бродни весь отворот, превратив его в обычный сапог. Поджечь резину легче, чем мокрое дерево. Опять накрывшись плащом, Колька чиркнул спичкой. Она зашипела и... не вспыхнула! Вторая потухла, не разгоревшись. Сосчитали спички - их оставалось чуть больше десятка штук. Сколько из них не загорит, никто не знал.

Колька снял с Сашки кожаную кепку, осторожно поводит головкой спички по его сухим волосам. Так в детстве у речки сушили отсыревшие спички. Резина загорелась. Она вспучивалась, нещадно дымила, но пламя давала. Повторили с лучиной и ветками. От резины они все-таки разгорелись. Давали много дыма, но это был уже костер. У такого костра, конечно, не просушишься, но само присутствие огня поднимало настроение. Подкармливали костер ветками, пока не убедились, что он не потухнет. Когда начинало моросить, накрывали костер плащом. Так, в заботах о костре, прошел остаток второго дня. Ребята не знали, что Макаров поднимал вертолет в воздух, прошел по трассе, почти на бреющем, но перепрыгнуть лес не смог - облака несли над самыми верхушками деревьев. Он вернулся обратно на площадку.

Пробовали заглушить чувство голода клюквой - она еще больше разжигала аппетит. Пытались заснуть по очереди у костра, но тепла от него почти не было, а мокрая одежда вызывала озноб. Дремали, сидя на корточках над костром, накрытые плащами. Вторая ночь показалась длиннее первой.

Уже под утро сон сморил обоих. Они не помнили, как забылись, а когда проснулись от холода, чуть не завывали от отчаяния - костер потушил обильно выпавший мокрый снег. Причем стало так холодно, что снег не таял. Болото стало белым. Даже на скудных кронах сосен торчали белые шапки. В этом тихом и унылом однообразии белой пустыни неестественными и странными казались две темные ссутуленные фигурки возле засыпанной снегом горки из рюкзаков и корзинок.

Около девяти часов утра ребята поняли, что Фортуна напрочь позабыла про них. Они еще раз попробовали развести костер от резины, но спички даже не шипели, а просто размазывались по коробке. Последняя надежда на возможность согреться рухнула.

Ближе к полудню Сашка признался, что у него жар. Ничего удивительного в этом не

было. Они не ели почти двое суток, ни разу не обсушились за это время, не согрелись. Колька выбрал кочку повыше, сгреб с нее снег, постелил плащ и усадил Сашку. Накрыл его вторым плащом так, что у того торчали наружу только глаза.

- Давай-ка, Санек, не спеша подумаем, как нам жить дальше. Ошибок мы успели наделать много, вот и заполучили неприятность. Думали, что если вертолет, так на болото съездить, что в булочную сбегать. Еды взяли мало, ножа не оказалось, компаса нет, спички замочили и вообще...расслабились и бдительность потеряли. Курортники! Макаров, конечно, все сделает, чтобы разглядеть просвет, но, увы, просвета пока не видно. И лечиться нам здесь нечем. Помог бы горячий клюквенный морс, но газовая плита осталась дома, - Колька прервал монолог, испугавшись, что напоминаниями о доме и горячем питье только навредит Сашке. Но тот взглядом успокоил, дескать, не церемонься, хуже не будет.

- Мы летели от трассы минут десять - продолжал Колька, - значит, отсюда до нее километров сорок, из них около тридцати - болото. Ветер с севера, в направлении трассы. Если мы двинем по ветру, то часов через десять будем на газопроводе. Если, конечно, ветер северный и не меняет направления. Снег пока не тает, значит, Макаров увидит, если не нас, то наши следы. Можно для него оставить один плащ на сосне.

- Коля, я не смогу нести ягоды, - глухо прозвучал из-под плаща сашкин голос.

- А мы и не понесем эти злосчастные ягоды! Они будут здесь, под плащом. Потом Макаров заберет их. В хорошую, солнечную погоду. И привезет домой, на аэродром. И вообще, я думаю, нам пора двигаться, засиделись мы в этой тундре без оленей.

- Мне лучше не ходить, Коля. Нельзя вдвоем уходить, иди один. Ты ходишь быстро, ты здоров. За восемь часов, до потемок, выйдешь на трассу, а там и в сумерках не заблудишься. Отдохнешь, поешь, наберешься сил, возьмешь для меня, что надо, а завтра вернешься. А сухие и сытые, да с компасом, мы запросто выйдем. Одну-то ночь я переночую и один. Не сомневайся. А здесь ты мне все равно ничем не поможешь. Тебе надо идти, - закончил Сашка.

Колька несколько минут думал. Про себя он решил, что напарник прав. Одному, здоровому, сбегать за помощью легче и быстрее. Но получилось, что он бросает большого одного на целые сутки. А может, на дольше?

- Сашка, я не могу тебя оставить. Как-то не по-товарищески...

- Вот тут ты не прав. Макаров прилетит сюда и только сюда. В любом случае, завтра или позже. Так что я-то в безопасности. А тебе еще идти. Болото, потом лес. Это не ты меня бросаешь, а мы с Макаровым тебя.

Время поджимало. Надо было или выходить, чтобы успеть до темноты на трассу, или ждать утра. Решили - надо выходить. Сашка смотрел вслед удаляющейся быстрым и уверенным шагом колькиной фигуре, и ему стало тоскливо от одиночества и болезненной слабости. Он плотнее укрылся плащом и постарался задремать.

Колька шел быстро, но не в полную силу. Путь не близкий и не по асфальту. Силы надо беречь. Вспомнилась армия, отряд, броски по заполярным сопкам. Но сержанта сегодня сзади не было, да и подгонять никого не требовалось. Уверенный в своих силах, согреваемый быстрой ходьбой и ясной целью, Колька отмахивал километр за километром, не подозревая, что пока они на болоте, обманщик-ветер медленно, но настойчиво менял направление! И дул он теперь не с севера, а почти с юго-востока. И шел Колька вовсе не на юг, к газопроводу, а на запад, все больше забирая к северу, вглубь болота. Он зря радовался, что ветер, толкая его в спину, помогает в ходьбе. Ветер гнал его в неизвестность...

Часа через два Колька сел отдохнуть. Он смотрел на почти прямую цепочку своих следов, убегающую вдаль и теряющуюся за соснами, и отметил, что направление он выдерживает. Разгоряченный ходьбой, забывший про голод - есть почему-то не хотелось, - Колька не сразу ощутил странную ломоту в суставах, а только когда встал, чтобы идти дальше. Пройдя еще пару километров, он почувствовал головокружение. Его вытошнило. Он бросил в рот пригоршню ягод и упорно продолжал идти. По его расчетам, он прошел километров двадцать.

Колька все чаще останавливался отдыхать. Его то бросало в жар, то знобило. Хотелось лечь на кочку и забыться. Но Колька не имел права этого делать. Потому что там, сзади, остался Сашка, больной и голодный. Если не распогодится, то Макарова ждать

нечего. Только он, Колька, поможет товарищу, накормив его, обогрев и выведя с болота... Он все чаще вглядывался вдаль, надеясь увидеть опушку леса, но напрасно. Идти становилось все труднее, сильнее кружилась голова, то ли от голода, то ли от простуды. Один раз, присев отдохнуть, он даже забылся в липкой дреме, а очнувшись, испуганно взглянул на часы. Ему показалось, что он проспал не меньше двух часов и теперь засветло не успеет даже до опушки леса. На часах было семнадцать двадцать, значит, он идет больше пяти часов. Но опушку выглядывать еще рано, до нее километров десять, а значит, около двух часов ходьбы.

Он не увидел леса ни через два часа, ни через три. Да и не мог увидеть, потому что быстро стемнело. Стало заметно холодней. У Кольки теперь не было ни плаща, ни стенок из рюкзаков. Он присел на высокую кочку, прислонился спиной к сосенке. Деревце, удивленное неожиданным прикосновением, недовольно уронило на горячую колькину голову несколько крупных ледяных капель. Замерзли ноги. Отсыревшие шерстяные носки в резине уже не грели. Руки Колька засунул под полы куртки, голову втянул в поднятый воротник. Несколько раз он забывался чуткой дремой. Даже снилось что-то - обрывки каких-то неясных бессмысленных видений. К полуночи он не чувствовал ног в сапогах. Заставил себя встать и долго топтался на месте. Ноги еле отошли - заняли пальцы. Можно бы идти, чтобы согреть ноги, но было так темно, что он боялся сбиться с направления. Казалось, природа навязала им какую-то злую игру, причем не дает никакого шанса на выигрыш.

Вот и очередной сюрприз не заставил себя долго ждать. Очнувшись в очередной раз от знобкого забытья, Колька увидел прямо перед собой, в разрыве облаков, яркий и холодный ковш Большой Медведицы. Он хорошо помнил, что сел лицом на юг, куда шел. Почему он сидит лицом на север? Догадка испугала Николая! Если ветер менялся и он шел не на юг? Где он сейчас? В каком направлении от него Сашка? Вопросов было столько, что если бы не эти яркие ориентиры на небе, он бы вообще потерялся, растворился в Пространстве. Впрочем, звезды ему светили недолго. Они опять скрылись за плотной стеной облаков. У Кольки перепутались в голове все направления...

То ли от страха, то ли от голода и недосыпания, сознание стало прерывистым. Он смутно помнил, как забрезжил рассвет, как будто висел в странной пустоте, то уносился в другие измерения, то возвращался в земную реальность. Так, наверное, умирают люди, с трудом расставаясь со своей брэнной оболочкой и как бы видя свое тело со стороны. Сопrotивляясь соблазну вытянуться и заснуть, он то брел, то отдыхал на кочках, а когда начинал злиться на слабость - полз даже на четвереньках. Немного отдохнув, снова вставал и брел...

Сколько это продолжалось, он уже смутно представлял, зато ясно сознавал, что тоже болен, что теперь уже вряд ли поможет Сашке. И от этого становилось еще хуже. Вдруг Колька увидел прямо перед собой маленькую елочку. Она была всего с метр ростом. Он встал перед ней на колени и дотронулся до деревца. Елочка уколола его пальцы и вернула в реальный мир. Колька приподнял голову и... увидел опушку леса. Сосны были высокими и прямыми. Под их защитой, в нижнем ярусе, спокойно стояли березы, оранжевела яркими гроздьями лесная рябина.

«Ну, и что толку? - пронеслось в мозгу. - Если это не бред и я на самом деле дополз до леса, до трассы еще километров десять, а до поселка и все пятнадцать». А сил не было даже встать.

Словно издеваясь над Колькой, выглянуло солнце. Оно было почему-то сзади! Ему опять показалось, что он пробирается на север. Вдруг он услышал шорох, чье-то тяжелое дыхание или сопение. Скосил глаза и увидел совсем рядом большую медвежью морду. Человек и зверь, замерев, смотрели друг на друга. Медведь смешно шевелил большим черным носом, а глаза были маленькие и злые. Колька потерял сознание...

...В то самое время, когда Колька ночью увидел звезды, не спал и командир вертолета Сергей Макаров. Он еще с вечера почувствовал, что погода меняется, потому что ветер тоже сменился на восточный. Командир не мог заснуть, выходил из вагончика и всматривался в небо. Интуиция не подвела его. Облачность стала выше, появились просветы в облаках. Макаров еле дождался рассвета. Когда начало светать, они с Генкой были уже у вертолета и быстро приготовили его к вылету. Пока командир прогревал двигатель, второй сбегал в столовую. Налил большой термос горячего кофе, взял белый хлеб и с десяти

ток котлет, прихватил у бригадира бутылку водки и теплое белье. Они взлетели и помчались на север. Машина, как будто чувствуя волнение хозяев, уверенно отмахивала километр за километром. А Макарова не покидало чувство вины перед ребятами, хотя он понимал, что это случай, роковое стечение обстоятельств.

Снег растаял. Сергей издали увидел темное пятно на серо-зеленом фоне болота. Это - ребята и их вещи. В нарушение инструкции, он посадил машину на болото. Оставив второго в кабине, не выключая двигателя, сам выскочил из вертолета. Макаров с удивлением увидел, что Сашка один. Бледное его лицо торчало из отворотов задубевшего плаща. Он сидел примерно в той же позе, в которой его оставил вчера напарник.

- Где Николай? - крикнул Макаров, приподнимая Сашку под локти - ладони у того были засунуты под свитер.

- Руки вот не могу отогреть... А Колька вчера ушел на трассу, к вам.

Макаров затащил Сашку в вертолет, достал водку и стал быстро растирать ему кисти рук. Кончики пальцев не отходили. Тогда закутал ладони в отворот меховой куртки и, сняв с Сашки сапоги, растер ступни. Налил в крышку термоса кофе, плеснул туда водки и выпоил парню. Сашка молча и как-то виновато наблюдал за действиями пилота. Потом Сергей перетаскал в салон вещи, задраил дверку и собрался было расспросить Сашку, в каком направлении ушел Колька, но тот уже спал, полулежа на чехле, прислонившись головой к переборке. Макаров от души выругался и исчез в пилотской кабине.

...Одинок круживший высоко в небе ястреб-тетеревятник с удивлением наблюдал, как неимоверно большая серебристая стрекоза вдруг взмыла с бескрайнего болота и, сделав разворот на месте, унеслась по направлению к далекому лесу.

ОСТРОВ

Первое, что услышал Колька, придя в себя, - назойливое жужжание мухи. Он почувствовал, не открывая глаз, как она села ему на лоб и перестала жужжать. Хотел согнать муху, но рука, как деревянная, лежала вдоль туловища. Было ощущение, что не только рука, но и все тело его находится в состоянии какого-то оцепенения или опутано мягкой обволакивающей паутиной. «Может, я не человек, а тоже муха, влетевшая пауку в сети?» - подумал Колька.

Настоящая муха пощекотала его лоб, опять зажужжала и унеслась прочь. Колька приоткрыл сонные веки. Вокруг был полумрак. Когда глаза немного свыклись с ним, он различил над собой бревенчатый потолок. Откуда-то слева брезжил неяркий свет. Колька чуть повернул голову и разглядел небольшое оконце, закрытое то ли матовым стеклом, то ли пленкой. Прямо перед ним выступала из полумрака небеленая печь из темного крупного кирпича. Обстановка чем-то напоминала баню, но это была не баня. Ее ни с чем не спутаешь.

Колька стал вспоминать. Что с ним? Где он? Как здесь оказался? В голове роились неясные обрывки воспоминаний, но они никак не складывались в одно целое, понятное ему до конца. Это как детская мозаика - пока правильно не соберешь, не увидишь цельного рисунка. Он не стал напрягать мозг, дал ему отдохнуть. Вот тут-то и всплыла в памяти огромная морда медведя, опушка золотистого соснового леса, яркие гроздья рябины... Память уже без усилий раскручивалась назад, в прошлое, как киноплёнка, заряженная с конца. Вот они с Сашкой на болоте, налетевший снеговой фронт. Все вставало на свои места. Только не припоминалось, как он выбрался на трассу, как попал к людям. Да и избушка не была похожа на вагончик строителей газопровода.

Колька вслушался в свой организм. Ничего не болело, ни руки, ни ноги. Голова была ясная. Ощущалась пьянящая легкость наполовину со слабостью, как после стакана флотского «шила», когда в спирт бросят щепоть молотого перца, а после того как - кусок сахара на язык. Вдруг Колька услышал, как приоткрылась и тихо затворилась дверь. Будь это даже медведь, он бы не нашел в себе сил защитит себя. Оставалось ждать, что будет дальше. А дальше происходило совсем непонятное...

Мимо него бесшумно прошла невысокая худенькая женщина, с распущенными, как показалось Кольке, по плечам волосами. Нащепала лучины и по пояс пропала в черном проеме, который оказался устьем печки. Она с минуту поколдовала в топке, и по своду печи заплясали отблески огня, от лучины дружно загорелись дрова. Подняла и постави-

ла на приступок тяжелое деревянное ведро. Возле дров встал чугунок с водой. Долго, пока не запарилась вода в чугуночке, она стояла лицом к огню и время от времени что-то нашептывала.

Дальше было еще загадочней. Чугунок был вытасканы из печи. Туда незнакомка бросила маленькие пучки какой-то травы и, пока они не разварились, еще пошептала над водой. Все это сильно походило на колдовство. Таинственности происходящему придавал огонь из печки, отбрасывавший на стены и потолок причудливые, пляшущие блики. Они почему-то напомнили Кольке северное сияние, только здесь не было обилия красок.

Женщина поднесла чугунок к лежанке и осторожно сняла с Кольки покрывало. Он плотно прикрыл веки... Через мгновение почувствовал, как руки незнакомки омывают горячей пахучей водой его лицо, шею, грудь. Приподняв его торс не по-женски крепкой рукой, она омыла его спину. Колька почувствовал подобие стыда, когда ее руки коснулись живота. Никогда еще женщина не распорядилась его телом так откровенно просто. Кроме матери. Но мать - другое дело. Колька пошевелился и застонал. Колдовство на секунду прекратилось, но потом женщина все-таки обмыла ступни колыкиных ног и отошла, осторожно накрыв его одеялом.

Он лежал теперь с открытыми глазами, и... она увидела это! Ему из-за огня не было видно выражения ее лица, но чувствовалось, что незнакомка вся в напряженном ожидании.

- Где я? - тихо проговорил Колька. Женщина, после короткой паузы, сказала со странным акцентом:

- Ты у нас у хате. В гостях. Ты хвораешь.

Акцент был то ли украинский, то ли белорусский.

- Давно я тут?

- Пять днів. Ты був во сне.

«Значит - без сознания», - понял Колька и вспомнил, как его скрутила болезнь на болоте. «А Сашка!» - вдруг с ужасом подумал он и попытался встать, но слабость оказалась сильнее его.

- Какая погода на улице? - нетерпеливо спросил он.

- Ясно.

- Давно снега нет?

- Так пять днів и нэма.

Значит, Сашку забрали. Давно забрали. А теперь с ног сбились, его, Кольку, ищут! А он валяется тут, сам не зная, где и у кого.

- Скажите, в конце-то концов, где я нахожусь? На трассе? В деревне? - почти крикнул он.

- Ты лежи спокойно, хлопец. В лесу ты. На Острове, - тихо проговорила женщина и, подошла чуть поближе, - завтра ты поправишься, а потом я отведу тебя к людям.

Колька ничего не мог понять: в лесу, на острове... Она сумасшедшая, эта колдунья! Он начинал злиться, но взял себя в руки и спокойно спросил, в каком океане ее остров. Тут он впервые увидел ее белозубую улыбку. Она была совсем не пожилая, а даже очень наоборот. Но эта одежда на ней... Казалось, она только что сошла со сцены, где играла колдунью из народной сказки.

- Так хутор наш и называется Остров, - улыбка пропала с ее лица. Она отвернулась, и Кольке показалось, что на глазах ее блеснули слезы. Он немного подождал, собираясь с мыслями, потом тихо позвал ее:

- Слушай, красавица, я не знаю твоих дел, но меня ищут. Пять днів ищут, как минимум. Объясни мне, Бога ради, где твой хутор, ведь не в Карпаты же я выполз с этого проклятого болота! Есть на хуторе телефон?

- А шо це таке? - вырвалось у женщины. «Точно сумасшедшая», - подумал Колька. А та вдруг быстро повернулась и ушла куда-то за печь. Вскоре вернулась с миской и ложкой.

- Тэбе же исты пора. Я тэбе кормила, но ты плохо ел. Теперь ты можешь сам, - она почерпнула из миски и поднесла ложку к его рту. Колька вдруг и в самом деле ощутил голод. Как ощущает его молодой крепкий человек после болезни. Он проглотил жидкость, наверное, мясной бульон, густой и ароматный. Глотал не спеша, понемногу. Незнакомка молча ждала, держа алюминиевую миску в смуглых ладонях. Только теперь Колька раз-

глядел, что у женщины миловидное лицо, большие серые глаза, губы яркие и выразительные. Густым черным волосам не требовалось никакой прически - они естественно и красиво спадали на плечи, перехваченные по лбу темной ленточкой.

- Как тебя звать, спасительница?

- Я - Ксана. А ты?

- Мыкола я, - Колька почувствовал, что к нему, несмотря ни на что, возвращается чувство юмора. Он поблагодарил хозяйку за еду, та унесла посуду и вернулась.

- Зараз тобі надо поспать. Тогда ты будешь здоров, - женщина причудливо переплетала русские и украинские слова. Ее спокойная, негромкая речь убаюкивала. Колька сам не заметил, как заснул. Второй раз он проснулся почти здоровым. Той обволакивающей слабости уже не было. Руки и ноги наливались прежней силой. Он не знал, сколько спал, но понял, что на дворе ночь. Окошка не было видно, где-то за печкой чуть слышно посапывала во сне хозяйка. Теперь, в полной тишине, он мог, не спеша, собраться с мыслями.

К опушке, судя по всему, он вышел. Но дальше идти не мог - вконец обессилел, а до трассы оставалось еще с десяток километров. Деревень рядом быть не должно. Может, шел в бессознательном состоянии? Вряд ли. Большая Медведица на юге, солнце на севере... Получалось, что не на юг он топал, а как раз наоборот. Но так могло случиться, если ветер все время, исподоволь, менял направление на противоположное. Он услужливо толкал Кольку вглубь болота.

Утром Ксана опять дала Кольке бульон и немного овсяной каши. Потом ушла к себе, будто хотела отдалить начало разговора. Но Колька позвал ее, попросил сесть и повторил вчерашние вопросы. Рассказ Ксаны чуть не лишил его дара речи. Передать его можно только в изложении, опуская непонятные обороты, паузы, заполненные тихим плачем, и переводя ее повествование на чисто русский...

...Безмятежно спит большое украинское село. Тихая и теплая августовская ночь накрыла его своим черным покрывалом. Не шевельнет листом раскидистый тополь, не пришла пора запеть ранней утренней птахе. Тишиной и покоем веет от добротного побеленных, ухоженных хат. Только в одном окошке еле заметен с улицы огонек лампадки. В окошке той хаты, что выстроена совсем недавно, ближе к неширокой тихой речке. Той, что побелена особенно чисто, видно, что с большой любовью. Потому, что это дом Васыля и Марыси, которые уже год как поженились, родили маленькую Ксанку и все никак не могут привыкнуть к своему счастью. Потому и не спят они, не наговорятся, не намечтаются. Не привыкнут к этой просторной, добротной исполненной отцом Марыси кровати, которая еще пахивает свежеструганным деревом.

Васыль, конечно, больше молчит. Вытянулся во весь свой могучий рост, положил правую руку под голову, а левой крепко обнимает свою ненаглядную Марысию. Она же удобно устроила головку на широкой груди мужа и шепчет, нашептывает свои мечтания, словно чудесную песню поет. Волосы ее, густые и пахучие, разбежались по груди, шее Васыля, приятно щекочат его молодую упругую кожу. Он улыбается в полумраке не столько словам жены, сколько этим волнующим прикосновениям ее волос, грудей, ласковых рук. Рядом в уютной кровати посапывает трехмесячная Ксана. Она недавно накормлена сытным материнским молоком, и ее вовсе не интересуют взрослые дела. Пока ее главная забота - крепкий младенческий сон.

Безмятежно спит село. Вот уж и в окошке новой хаты потух огонек лампадки. Над речкой начинает густеть полоска сизого предутреннего тумана.

В это самое время, далеко за селом, на широком пустынном шляхе, молодой щеголеватый лейтенант отчитывает шофера старой изношенной полуторки. И хоть водитель ему в отцы годится и вины его нет в том, что машина постоянно ломается, он оправдывается из-под вскинутого капота, произнося в темноту одну и ту же фразу: «Виноват, товарищу лейтенант, скоро поидемо». В кузове, на охапке соломы, сидят двое бойцов и дремлют, зажав винтовки между колен. Они даже довольны, что карбюратор засорился и дал им возможность подремать какое-то время в относительной тишине и без выматывающей душу тряски.

Лейтенант завернулся было в очередной раз со своими нравоучениями, но шофер крутанул заводной ручкой, двигатель заработал и заглушил слова офицера. Тому ничего не оставалось, как отдать команду «Поехали!», хотя в ней никто не нуждался. Просто

парень был недавно из училища, и отдавать команды ему еще не приелось, а уж выполнить приказ в срок он был готов, даже разбившись вдребезги.

Машина с полчаса тряслась по шляху, потом свернула в большое село. Рассвет только намечался, над речкой густел белесый туман. Село спало. Полуторка запылила по широкой улице к центру, будя урчанием местных собак. Крутанув по площади, грузовик остановился. Вскоре, в свете его фар, замаячила высокая худая фигура сельского старосты, который уже не первый раз за лето встречал таких гостей. Радости от встреч с лейтенантом он не испытывал, по понятным причинам. Скорее наоборот. Молодой, самовлюбленный мальчишка в офицерской форме был для этого пожилого, с седыми волосами человека олицетворением людского горя.

Лейтенант командовал солдатам, и те прыгнули на землю, отряхивая солому и остатки сна. Он вытащил из полевой сумки лист плотной бумаги и, махнув рукой старику, поднес его под свет фары.

- Четыре семьи, - указал он тонким пальцем на короткий список, - веди, папаша.

Староста с трудом разобрал неярко пропечатанные фамилии, а на последней похолодел: там значилась семья Васыля! А значит, и его дочки... Старик растерялся, замер, глядел в список, но уже не видел ни букв, ни строчек, ни большой круглой печати, покрывшей витиеватую подпись. Старик не мог поверить, на лист упала крупная слеза, но плотная бумага не приняла ее, и она скатилась, блеснув в свете фары.

- Ну, что замер, папаша? Веди! - услышал он над самым ухом голос лейтенанта. И он пошел, плохо соображая, не слыша, что бормочет мальчишка в форме, и только повторяя еле слышно: «Доченька, что же это... Доченька, как же так...» Он провел солдат в дальний конец села, подалше от новой хаты, где спали его дети, выигрывая минуты, зная, что не в его силах бесконечно отдалять конец их счастья.

Солдаты стучали в хаты до тех пор, пока им не открывали. Там начинались плач и причитания. Людям давали час на сборы самого необходимого в дорогу и собирали с вещами возле машины. Выселенцы тащили тяжелые баулы и узлы, плохо соображая, то ли взяли, что надо. Да и как тут сообразишь, что за час собрать, если наживалось годами. Плач стоял на улице, но люди вели себя на удивление спокойно. Они знали, что ничего нельзя изменить и никто им уже не поможет. Складывали узлы в машину. Взрослым подвывали дети, уткнувшись заспанными личиками в материнские подолы.

Пришел черед и новой хаты. Молодые долго не могли понять, почему так громко стучат в дверь и требуют открыть. А когда в хату вошли отец Марыси с солдатами, они все поняли. Лицо Васыля, при свете лампы, стало бледным, а женщина уткнулась в грудь отца и тихо заплакала. Ганну не разрешили оставить старикам. «Не положено!» - отрезал офицер, в точности соблюдавший приказы и инструкции. Все четыре семьи были собраны возле машины, вещи погружены. Чуть поодаль, за стоявшими наперевес с винтовками солдатами, молчаливо толпились односельчане. Светало.

Когда лейтенант приказал «Заводи!», толпа молча двинулась к машине. Солдаты, видя решимость людей, расступились. Все попрощались с выселенцами и так же молча вернулись за оцепление. Угрюмы были их лица. Все знали, что завтра могут оказаться на месте этих несчастных.

По шляху тихо катила полуторка, набитая домашним скарбом, за ней шли выселенцы, то и дело оглядываясь на родное село, ярко подсвеченное первыми лучами. Чуть поодаль шли солдаты с молоденьким офицером, взбивая сапогами мягкую летучую пыль. Все это напоминало похоронную процессию. А навстречу людскому горю, над шляхом, убегающим на восток, вставало большое жаркое солнце...

- ...Их много, целыми семьями везли сюда, в ваши северные леса, - продолжала Ксана, - они прорубали дороги в тайгу, строили бараки, а потом валили этот лес, - она надолго замолчала.

- Ну, а дальше? - осторожно вернул ее Колька к разговору.

- Местный десятник был нехорошим человеком. Говорили, что он изувечил руку, чтобы не забрали на фронт, когда война была. Молодой еще, здоровый, он сильно издевался над нашими, заставляя много работать. А однажды, когда отец был в лесу, он изнасиловал мою мать. Отец, узнав об этом, не выдержал и зарубил десятника топором. Местный начальник в поселке пожалел нас и научил отца, как уйти на болото и спасти семью. На большое бескрайнее болото, в глубине которого пряталась большая возвышенность, гу-

сто заросшая высокими деревьями. Все думали, что мы побегли через тайгу, в сторону больших дорог, а мы ушли на восток, через болото. Нас долго искали солдаты с собаками, но совсем в другой стороне. Этого я не помню, мне шел второй год. Потом, когда нас перестали искать, отец несколько раз тайно ходил к тому начальнику. Приносил посуду, топоры, пилы. Принес много камня, из которого высекают огонь. Однажды отец принес картошки, зерен всяких на семена и признался маме, что идти больше нельзя. Тот хороший дядечка сказал, что помогать нам больше нельзя - могут в поселке заметить. Тогда расстреляют и нас, и его. Когда я подросла, у нас уже было поле, где росла картошка, жито, лен и еще много всего. А хатку эту отец срубил сразу, как пришли на Остров, - Ксана опять замолчала. Молчал и ошарашенный Колька.

- Так что нашего хутора не существует, - неожиданно громко прозвучал в гнетущей тишине ксанин голос, - нет его. Если идти на закат сорок верст, можно выйти на большой тракт. Там люди. Но они про нас ничего не знают. То есть - про меня. Год назад я похоронила мать, шесть рокив тому - отца. Теперь я одна. Уже год - одна...

- Значит, три десятка лет вы тут, в лесу... Ксана, ты меня не разыгрываешь, это правда?

- Правда. А теперь я одна, - повторила Ксана.

- Целый год одна... Без света, без телевизора... в этом хлеву?! Да что же это такое! Что за сумасшедший дом наша несчастная страна? Я думал, много в жизни повидал, а тут... Молодая, красивая... на острове? Ну, потеха! - Колька уставился в бревенчатый потолок и замолчал. Ксана смотрела на его нахмуренное, но такое молодое, не познавшее беды лицо и... улыбалась. Они еще долго молчали. Наконец Колька встрепенулся, привстал:

- Ну все, Ксана, хватит отдыхать. Мне надо одеться.

Ксана принесла его одежду, отошла к печке и отвернулась. А он откинул одеяло, долго вползал в джинсы, футболку и свитер. Встал, неуверенной походкой добрался до печи, попросил Ксану проводить его на улицу. Та накинула ему на плечи куртку и открыла дверь. Колька прислонился к бревенчатой стене избышки и зажмурился, подставив лицо еще яркому полуденному солнцу. Осень дарила последние, теплые деньки перед недалекими заморозками.

- Как будто и не было того мокрого снега, тех кошмарных ночей, - бормотал Колька, с закрытыми глазами улыбаясь солнцу. - Ксана, ты иди в дом. Я погреюсь немного и научусь ходить. Потом позову тебя.

Колька сидел на одной из чурок, составленных в несколько рядов вдоль длинной, аккуратной поленницы колотых дров и осматривал хозяйство отшельницы. Большое подворье обегала изгородь из осиновых жердей. Рядом с домом - то ли баня, то ли рубленый сарай. Между ними - колодец и несколько полениц дров. В дальнем углу подворья - навес или чулан из тонких жердей. Все остальное пространство занимали гряды. Большие, поменьше и совсем маленькие. За изгородью, с одной стороны, виднелись две длинные полоски окультуренной земли, за ними - опушка леса, разорванная то ли просекой, то ли дорогой, теряющейся за деревьями и кустами.

- Да, небогато живешь ты, дывчина, - грустно выговорил Колька и громко позвал Ксану. Он усадил ее на соседний чурбак, внимательно посмотрел в ее слегка испуганные глаза и, после короткой паузы, начал:

- Слушай внимательно, Ксана, и не перебивай. С того страшного времени прошло больше трех десятков лет. Нет большой войны, никто никого не выселяет, в чужие края не увозит, все живут там, где хотят. Ты, конечно, не можешь помнить, как жили твои родители там, на родине, ты даже не помнишь лесного барака. Но ведь родители тебе рассказывали про ТУ жизнь. Про то, какие большие и светлые у них были хаты, как они дружно работали и весело гуляли на больших шумных праздниках. Мать, наверное, вспоминала, как встретила твоего отца, как они любили, как справили свою свадьбу и ждали твоего рождения. Да что тут много говорить о ТОЙ жизни! Всего не расскажешь, сидя в лесу, на чурке. Это надо видеть самой. Самой чувствовать. А значит, жить среди людей! В общем, Ксана, мы потихоньку собираемся, настраиваемся на новую жизнь, а завтра, раненько, двигаем с Острова на материк. Полсотни верст мы уж как-нибудь одолеем. Мы пойдем к людям, пойдем в большой, красивый, яркий мир!

- Постой, - Ксана приложила палец к его губам, - иди за мной...

Они пересекли огород, подошли к узкому проходу в изгороди, заложенному двумя

легкими колышками. Там, за изгородью, Колька увидел две аккуратные могилки с простенькими крестиками.

- Кроме них, у меня никого, - еле слышно прошептала Ксана. Она повернулась к Кольке и продолжила: - Там, среди людей, у меня нет прошлого. Есть большая обида за горе моих родителей, за наши страдания и страшные, бессонные ночи. Твой мир людей для меня чужой и неведомый, - Ксана вытерла слезы, - здесь я привыкла, тут мне даже хорошо и спокойно. Я часто прихожу к родителям и говорю с ними. Иногда кажется, что они отвечают мне... Нельзя оставить их одних, мне надо здесь доживать свой век. Понимаешь? - в больших серых глазах женщины Колька отчетливо видел и вопрос, и печаль, и страдание. - Я не могу жить в твоём мире.

- Надо попробовать, Ксана, - уже не так решительно произнес Николай, - большинство людей добрые и отзывчивые, они помогут. Я тоже... буду рядом. Мы все устроим, вот увидишь. И вообще - я в долгу перед тобой, ты спасла мне жизнь. Не попадай сюда твои родители, не будь тебя, лежать бы моим косточкам на болоте. Позволь мне вернуть тебе долг?

- Я верю тебе, вижу, ты хороший парень. Но и ты постарайся понять меня...

Они молчали. Колька не знал, какие еще аргументы привести в доказательство своей правоты. Вся беда заключалась в том, что правы были оба. Они жили в разных мирах. Его мир строился на общении людей, на их сложных, многогранных взаимоотношениях. А ее - на одиночестве и вере только в собственные силы. Конечно, она не могла вот так, сразу поверить даже в самую возможность перехода в его мир, она просто не была к этому готова. А Колька не мог ждать - ему надо было срочно дать о себе знать.

Второй раз за время вылазки на Болото ему приходилось оставлять человека. Но Сашка, хоть и больной, но сильный выносливый парень, а главное - уверенный, что за ним придут или прилетят. А тут - худенькая, одинокая женщина, за которой не прилетят на большой быстрой машине, у которой ни надежных, проверенных товарищей, ни надежды на то, что завтра жизнь будет счастливее, чем сегодня. Но как ей втолковать, что остаться на Острове - значит похоронить себя заживо, что такая жизнь теряет всякий смысл. Погребение в рассрочку...

Он смотрел на ее открытое чистое лицо и все острее чувствовал, как безмерная жалость заполняет его сердце. Не смог удержаться, привлек ее к себе. Он осторожно гладил ее густые черные волосы, целовал мокрые от слез глаза, ощущая на губах своих дурманящий вкус лесных трав. А ее губы никак не ответили ему. Ксана не умела отвечать на поцелуй так, как это умеют делать женщины в его мире. От этого колькина жалость еще больше усиливалась, и он обретал уверенность в том, что обязан увести ее с болота.

Они еще стояли какое-то время, прижавшись друг к другу. Потом Ксана осторожно отстранилась, ласково провела рукой по его волосам, кончиками пальцев потрогала его губы и тихо поговорила:

- Хорошо, что Бог направил тебя ко мне. Он не только исцелил тебя, но и дал мне немного счастья. Теперь я знаю, что такое поцелуй мужчины. Ради этого стоило больше года жить одной и принимать муки одиночества.

- Я не уйду без тебя, как ты хочешь. Если дома меня успеют отпеть, сама будешь виновата, что долго раздумывала. А без тебя - ни шагу из этой пустой холодной тундры.

Ксана широко улыбнулась и за руку повела его обратно к дому. Она казалась веселой, по дороге показывала, где у нее росла картошка, где овес, рассказывала, как ловко поймала в силки зайца, из которого сварила ему похлебку...

Они сидели на крылечке в две ступени, касаясь друг друга локтями и ощущая радостное волнение от этих прикосновений. Ксана говорила о жизни с родителями, о том, каким сильным и красивым был отец, какой доброй и ласковой мать. Когда Колька пробовал заговорить о другой жизни, Ксана хмурилась и уходила в себя. Он умолкал.

Ночью Ксана пришла к Кольке. Чистая, безгрешная. Она всем телом вздрагивала от его первых несмелых прикосновений, была неопытна в ласках, не умела говорить слова любви. Он был нежен и терпелив...

Под утро Колька почувствовал, как Ксана освободилась от его объятий и ушла к себе. Он лежал и пытался придумать те единственно верные, самые убедительные слова, которые заставили бы Ксану уйти с ним к людям. А когда та вернулась одетая и подчеркнутая

то холодная, Колька понял, что таких слов у него нет.

Ксана без радости в голосе сообщила, что день сегодня будет ясным, а значит, Колька не собьется с пути, и что ему пора уходить. Пока он одевался, Ксана поставила на стол остатки похлебки из зайца, заваренный на травах настой. Они молча поели, потом сидели, держась за руки. Колька опять целовал ее мокрые пушистые ресницы, и так же, как вчера у изгороди, Ксана осторожно отстранилась и стала убирать со стола. Она не хотела долгого расставания.

Когда рассвело, Ксана и Николай были уже на болоте, далеко от опушки Острова. Солнце встало как раз из-за гряды соснового леса и указало Кольке направление на запад, самый короткий путь к людям. Ксана остановилась и развернула Николая к себе лицом. Обняла, крепко поцеловала в губы, отошла на шаг и перекрестила. Потом повернулась и быстро, не оглядываясь, зашагала навстречу солнцу...

...Круживший высоко в небе, ястреб-тетеревятник недоуменно наблюдал, как два человека, дружно шагавшие в одном направлении, вдруг остановились, постояли и разошлись в разные стороны...

Большой, гулкий зал областного аэропорта понемногу просыпался, наполнялся людскими голосами. А вот уже объявили начало первой регистрации билетов на ближайший рейс. К стойке, заканчивающейся большими весами, потянулись заспанные пассажиры.

За одним из буфетных столиков по-прежнему сидели два человека. Один, только что закончивший рассказ, спокойно потягивал дымящийся кофе. Второй, под впечатлением услышанного, молча смотрел через высокий, на два этажа, оконный стояк на заснеженный перрон, где готовились к вылету элегантные серебристые машины. Он, Сашка, сочувствовал и завидовал Кольке, одновременно удивляясь, как у того хватило терпения сохранить в тайне встречу на Болоте, когда его привез Макаров на аэродром из соседнего района. А вслух он выдал:

- Я завидую тебе, Мыкола. Честно! Вот только жаль, что она не пошла с тобой. Очень жаль... Теперь я понимаю, почему ты сразу в Быково к родственникам подался. Быть от такой женщины совсем рядом, в какой-то сотне километров... Ну нет! Как хочешь, а ты не Мыкола, ты - кретин! Если не сказать хуже. Ну, что ты виновато улыбаешься? Не мог еще раз сбежать на Болото? Через год? Через три? Я бы прикрыть мог. А ты уехал...

- Ладно, Александр Иванович, успокойся. Ты со смены, ты устал, да не спавши... разберемся. Ты ведь меня не первый год знаешь. Если бы был шанс, я бы его использовал. Значит, не было и этого шанса, - Колька допил кофе и осторожно поставил хрупкую чашку на блюдце. - Давай-ка встретим московский борт - на нем попутчики до городка. Ну, а потом разбежимся.

Объявили посадку «ЯК-40» из Москвы. Ребята подошли ближе к выходу на перрон. Вскоре в гулком проходе замелькали пассажиры, спешащие с мороза в тепло.

- Познакомься, Саша, - представил Николай подошедшую к ним пару, - это моя жена Ксана, а это наш сын, твой тезка...

...Четырнадцатилетнему Александру было непонятно, почему вдруг начали обниматься и громко смеяться, как дети, трое взрослых, вполне интеллигентных людей. А большие витринные стекла аэропорта мелко вздрагивали от гула взлетающей в морозное небо серебристой машины.

Игорь ВАГАНОВ
ТРЕЗВАК

Окончание. Начало в №5

Глава 17. ЗАКРУЧИВАНИЕ ПРОБОК

Январь в Жердянке начался под лозунгом «Усиления борьбы с пьянством!» Новый глава райкома партии еще крепче, чем предшественник, стал «закручивать гайки», и первой его жертвой оказался незадачливый сержант Паша, застигнутый на рабочем месте - на посту ГАИ - в нетрезвом состоянии. В итоге Пашу уволили из милиции, и он устроился на местный винзавод грузчиком.

Тихим январским утром я пошел на очередное собрание районного «Общества борьбы за трезвость». Неделю назад меня избрали председателем больничной организации этого общества и сегодня, на собрании в райисполкоме, поручили прочитать доклад о вреде пьянства.

В небольшом зале собралась преимущественно районная номенклатура. Знакомые все лица! Главврач больницы, главврач СЭС, подполковник Рогожников, председатель РАЙПО - крупных габаритов властная дама, преуспевающий директор Агроснаба Филимонов и многие другие. Почти все они никогда не были трезвенниками, некоторые изрядно «закладывали за воротник», но... подул ветер перестройки, и пришлось этой публике срочно записываться в активисты нового общества. Таковы требования времени. Мимикрия!

Смотреть на эти двуличные физиономии было тошно, беседовать с ними - вдвойне. Возбравшись на трибуну, я в быстром темпе, временами сокращая текст, рассказывал общеизвестные сведения, понимая, что никому мой доклад не нужен и публика ожидает только окончания скучного мероприятия, чтобы, добравшись домой, с удовольствием выпить и закусить. Безразличные лица, пустые остекленевшие взгляды. Прочитав последнюю страницу, я после традиционных аплодисментов незаметно покинул зал - впереди у меня было дежурство в медвытрезвителе.

- Ну, наконец-то! - оживился при моем появлении капитан Метелкин. - Товар привезли. В дежурной части оставили.

Переодевшись в белый халат, я пошел осматривать поступившего клиента. В «обезьянике» меня дожидались двое. Один - слегка подвыпивший худощавый мужчина, доставленный по заявлению супруги, и второй, более плотного телосложения, очень пьяный и очень агрессивный субъект, взятый с проходной деревообрабатывающего завода. Кого-то он там нецензурно «послал», и вахтер вызвал милицию. Семейного скандалиста я брать не стал - легкая степень опьянения, пусть с ним разбирается майор Басалаев. Второй для вытрезвителя вполне подходил.

- Забираем! - обрадовал я дежурного офицера.

Клиент был упрямый, как осел, проворный, несмотря на опьянение, как обезьяна, и старшине пришлось применить физическую силу и при раздевании, и при водворении его в палату. Скомканную грязную одежду бросили на пол в раздевалке.

- Не-на-ви-жу! - орал клиент и долбил пяткой в дверь.

- С разбегу - и головой, - подзаводил его старшина, чем довел мужика до полного неистовства. Удары участились, напоминая ускоренную барабанную «дробь», но длилось это представление недолго. Раздался короткий вопль и... тишина. Наверное, зашиб ногу.

- Дохлак, - резюмировал старшина и вернулся в приемную. Володя был сегодня в превосходном настроении, даже что-то иногда насвистывал. В приемную вошла «группа захвата». Без пьяного.

- Звонили бдительные граждане, - сообщил им Володя, незаметно подмигнув капитану Метелкину. - На остановке, у бани, пьяный сидит. Замерзает бедняга.

Алканавтыч тяжело вздохнул и развернулся на 180. Сержанты последовали его примеру.

- Люблю тонкий розыгрыш! - хохотал старшина, представляя, как его коллеги тщетно крутятся около бани в поисках мифического пьяного.

Но «группа захвата» вернулась очень быстро. И - с добычей! В сопровождении сержан-

тов в приемную ввалился долговязый, весь запорошенный снегом, мужчина.

- Нашли, но только не на остановке, а за ней, - доложил сержант Саша. - Сидел на корточках. Замерзал.

Володя удивленно покачал головой.

Позвонили из дежурной части - опять майор Басалаев. Вызывают к очередному задержанному. Жалуется на кровохарканье. Пришлось идти. В «обезьяннике» теперь находился крепкий парень лет около тридцати (семейного скандалиста, наверное, отпустили домой), весь в наколках, с желтоватой «фиксой» на передних зубах. Увидев меня, он сразу закатил глаза и упал на пол. Но упал так осторожно, так плавно, даже головой не шмякнулся, а медленно прислонил ее к полу. Театр! Помощник дежурного открыл дверь «обезьянника», и я подошел к «страдальцу». Краткого осмотра было достаточно, чтобы убедиться в симуляции.

- Вставай, нечего притворяться, - предложил я ему по-хорошему, но парень продолжал валять дурака.

Можно было прибегнуть к излюбленному милицейскому методу реанимации - хорошенько потянуть за мошонку, но я решил обойтись гуманно. Я взял небольшой кусочек ваты, обильно пропитал его нашатырем и положил симулянту под нос. Вытерпел он не более полминуты, а затем ловким движением нижней губы откинул вату в сторону. Я вернул ее на прежнее место. Тогда он потянулся рукой, но помощник дежурного немедленно пресек эту попытку. Парень понял, что притворяться бесполезно и открыл глаза.

- Рассказывай - что беспокоит? - задал я традиционный вопрос.

Беспокоило многое, и прежде всего у бедняги, с его слов, был активный туберкулез, а сейчас началось кровохарканье. Как я узнал у дежурного офицера, парня задержали за мелкое хулиганство, и ему реально грозила отсидка на 10 суток. Вот он теперь и выкручивался, придумал себе серьезное заболевание, но не догадывался, что у меня был список больных активным туберкулезом, и этой фамилии там не значилось. А освободился он год назад!

Я обстоятельно прослушал легкие, осмотрел полость рта и обнаружил причину «кровохарканья». Хитрец прикусил зубами кусок десны, и кровь из ранки, смешиваясь со слюной, давала картину кровохарканья. А много ли надо, чтобы обмануть несведущего в медицине милиционера.

- В госпитализации не нуждается, - сообщил я майору Басалаеву.

Патрульные прикатили неожиданно и не вовремя. Мы только-только заварили чай, разлили в кружки, Алканавтыч начал рассказывать какой-то анекдот... и тут в приемную ввалились Ванечкин и Нужнин, ведя под руки пьяного рыжего мужичка. Усадили его на кушетку, бросили рядом старую хозяйственную сумку.

- С автовокзала. Приставал к пассажирам.

И быстренько улетучились. Пьяный - он куда не денется, а вот чай может остыть. И потому чаепития мы не прерывали. Не отрываясь от чашки я внимательно рассматривал клиента. Средний возраст, средний рост, обычное телосложение. Рыжие усики. Кисти рук крупные, ладони мозолистые и шероховатые, как наждачная бумага. Одет в овчинный полушубок, кроличью шапку, старые подшитые валенки. С виду - обычный колхозник. Наверное, приехал на денек в райцентр за покупками, а перед отъездом выпил лишнего. Клиент, до этого пребывавший в полудремотном состоянии, неожиданно коротко икнул и открыл глаза.

- Раз-з-решите позвонить?

И назвал номер телефона.

- Не положено, - отказал капитан Метелкин.

Но старшина Володя вдруг насторожился:

- Откуда знаешь этот телефон?

- Родич мой... свояк.

Колхозник находился в такой степени опьянения, когда тело уже не подчиняется, но мозг еще не утратил способности к мышлению. С трудом, но клиент еще мог адекватно воспринимать окружающее.

- Телефон подполковника Рогожникова, - сообщил старшина капитану Метелкину. - Домашний.

- Врет, наверное, что родственник, - засомневался Метелкин. - Ладно, проверим.

Как правило, попадая в медвытрезвитель, многие клиенты выдавали себя за родственников партийных или милицеских начальников районного или областного масштаба. Почти всегда это была беззастенчивая брехня. Чего не сделаешь в надежде избежать по-

зорной огласки и денежных убытков! Но сейчас, похоже, мужичок не врал - в таком состоянии назвать домашний телефон Рогожникова мог только родственник или закадычный приятель. Кстати, всем было известно, что родом наш подполковник из далекой зачуханной деревни. Капитан Метелкин дозвонился на квартиру к Рогожникову и доложил о причине неурочного звонка. Его лицо внезапно стало каким-то напряженно-серьезным, и я понял, что позвонили не зря.

- Хорошо. Так, - лаконично отвечал капитан и, наконец, положил трубку.

- Сейчас придет самолично. Приказал не оформлять.

«Группа захвата» поспешно уехала - лучше быть подальше от начальства, а через полчаса у подъезда медвытрезвителя остановился белый «Москвич» Рогожникова. Подполковник вошел в приемную, и капитан со старшиной немедленно встали при его появлении. Дисциплина! Рогожников был очень недоволен, смотрел исподлобья, словно не его родственник, а все мы находились в алкогольном опьянении.

- А меня... твои орлы... поободрали, - неожиданно пожаловался ему колхозник. - Три червонца из кошелька стянули... и пузырь водки из сумки.

- Кто? - Рогожников почему-то грозно посмотрел на старшину.

- Не здесь. На улице... когда в машину волокли, - криво усмехнувшись, пояснил рыжий мужичок. - Молодежь глупая. Думали - я в дупель пьяный!

- Доставлен патрульной машиной, - уточнил Метелкин.

Рогожников повернулся к своему родственнику.

- Ничего не напутал?

- Ты же меня сам до остановки проводил. А на вокзале меня и загребли... В аккурат перед моим автобусом.

- Ладно, разберемся.

Перед уходом подполковник выразительно посмотрел на капитана.

- Пока никому ни слова. Я сейчас вернусь.

- А на автобус он сегодня уже опоздал, - сказал старшина после ухода Рогожникова.

- Комсомолысты, похоже, крепко влипли, - задумчиво сказал Метелкин.

Глава 18. БЫСТРОЕ ВЫТРЕЗВЛЕНИЕ

Вернулся из командировки старший лейтенант Рыбалко и сегодня, на дежурстве, в его маленьком кабинете опять был устроен скромный сабантуй. Нас трое - я, Рыбалко и капитан Недосекин. Отсутствует капитан Качалкин по причине повторившейся семейной драмы: вновь от него ушла жена, прихватив с собой сына, и вчера Качалкин получил у меня на приеме в поликлинике больничный лист, немедленно заперся в квартире «зализывать рану». Сегодня, по моим предположениям, капитан находился в хорошем запое. Во всяком случае, на телефонные звонки он не отвечал - наверное, отключил аппарат.

Перед нами на столе возвышается, радуя глаз, бутылка коньяка, аккуратно разломлены две плитки шоколада, несколько яблок небрежно порезаны на дольки. Я жаждал занимательных историй о жестокой азиатской мафии, забитых хлопкоробах, добродушных чайханщиках, богатых коврах, быстроногих джейранах и сайгаках и прочей экзотики. После первой стопки Рыбалко поведал, что в хлопковых аферах погрязли абсолютно все и сажать надо подряд без разбора от колхозного бригадира до секретаря обкома партии.

- Пирамида Хеопса - выдерни нижние кирпичики, и зашатается верхние слои, - очень научно выразился Рыбалко. - Сплошные приписки. Мы здесь за сто рублей срок наматываем, а там миллионы неизвестно куда исчезают.

Выпили еще по стопке. Незаметно «уели» плитку шоколада.

- Народ забитый, темный. Дома у них - голые стены, пол глинобитный. Точно не колхозники, а средневековые декхане. Если у кого есть телевизор - зажиточный человек! А председатель колхоза для них - бай, - продолжал делиться воспоминаниями старший лейтенант. - Перед нами все эти «баи», конечно, расстилались: «Чего изволите?» Еще бы - представители Москвы! А так, без власти, без мундира, без денег, я для них не человек, а... тьфу! Хорошо, что я живу в России!

- И у нас здесь ситуация схожая, - вступил в разговор Недосекин, до этого молча внимавший рассказу своего подчиненного. - На словах - равноправие, а на деле?

- Верно, - согласился старший лейтенант. - Взять того же Филимонова, директора Агронаба. Жулик - клейма негде ставить! Только за жабры взяли - и сразу нам по рукам. Мол, найдите свое место.

- А у нас скоро перемены ожидаются, - сообщил Недосекин. - Полковник Глыбин на пен-

сию уходит - точнее, отправляют. Засиделся, постарел, да и не соответствует эпохе.

- Рогожников поставят? - предположил Рыбалко.

- Наверяд ли. Рылом не вышел, - усмехнулся капитан. - Слишком бластное местечко. Пришлют «варяга» из области.

Захватывающих историй я так и не дождался. Разговор постепенно переходил в русло сплетен и сиюминутных проблем. Это не означало, конечно, что рассказывать было не о чем. Просто посвящать меня в детали своей командировки Рыбалко не считал возможным. И вообще после этой поездки он стал более сдержанным, каким-то настороженным и, как мне показалось, немного разочарованным. После опустошения первой бутылки, решительно отказавшись от дегустации второй, я засобирался в медвытрезвитель - надо еще отсиживать смену.

- Как прошло возвращение «высокого блондина»? - остроумно поинтересовался капитан Метелкин, намекая на высокий рост и светлые волосы Рыбалко.

- На высоком уровне.

- Три звездочки? Пять?

- Поднимай выше - целых семь! Качалкин не звонил?

- Нет.

Я уселся за свой стол у окна и стал от скуки обозревать окрестности. Вот у «Гастронома» подрались две собаки. Прошла старушка с сумкой... Из дежурной части вышли двое патрульных. Кстати, теперь в нашу смену дежурит новый патруль: толстый лысый сержант средних лет по кличке Бегемот и его напарник, младший сержант Коля Водовозов - долговязый сутулый субъект с вечно унылым выражением лица. Комсомолистов - Ванечкина и Нужнина - из милиции уволили. Ребятам не повезло - не на того нарвались! В тот злосчастный для патрульных день подполковник Рогожников лично усадил своего родственника на городской автобус, следовавший до автовокзала, лично положил бутылку водки в сумку и прекрасно знал о количестве денег, которые пьяненький родич пересчитал перед уходом в присутствии подполковника. Оправданиям патрульных Рогожников, естественно, не поверил.

На мой взгляд, следовало бы завести уголовное дело и отдать паршивцев под суд, но Рогожников на это не пошел и отнюдь не из гуманных побуждений, а чтобы не выносить «сор из избы». Опять пресловутая «честь мундира»! Воришек попросту уволили из милиции, чему они, конечно, были рады - легко отделались! Ванечкин вскоре поступил учиться в областной педагогический институт, а Нужнин устроился работать сантехником в ЖКХ.

Пьяных не поступало, и я даже задремал от скуки прямо сидя за столом. Алканавтыч с сержантами ушел в гараж, а Володя - в магазин. Капитан Метелкин «на минутку» отлучился в дежурную часть, вернулся через полчаса навеселе и с покрасневшим носом и немедленно поставил кипятить чайник. Весьма кстати подоспел старшина Володя с батоном белого хлеба. После чаепития мы с капитаном уселись за шахматы, договорившись, что проигравший покупает литр пива, но... нам помешали: хлопнула входная дверь, и в приемную вошел лейтенант Кoryтoв.

- Надо определить степень опьянения. Может, подойдет для вытрезвителя?

Излюбленная тактика гаишников - привозить задержанных водителей в медвытрезвитель. Если медик ставит задержанному среднюю степень опьянения и помещает в палату - дальнейшей экспертизы в больнице не требуется, можно спокойно оформлять необходимую документацию, а в дальнейшем - штрафовать или лишать водительского удостоверения. И вся ответственность за сии действия переходит от работников ГАИ к медработнику вытрезвителя.

- Не пил ни капельки, - решительно отпирался водитель, крупный плечистый мужчина, вошедший в приемную вслед за Кoryтoвым. - Нервы иногда пошаливают. Выпил недавно 20 капель корвалола, а он унюхал.

Водитель небрежно кивнул в сторону Кoryтoва. Этой байке я, конечно, не поверил. Кoryтoв тоже.

- Рассказывай сказочки, - усмехнулся лейтенант. - Граммов 200 водочки употребил, а может, и поболее.

Опьянение у водителя было очень незначительное: запах алкоголя не чувствовался, лишь поблескивали глаза и была слегка нарушена координация движений. Легкая степень опьянения, почти - субклиническая. Где-нибудь в капстранах такое опьянение считается допустимым при управлении автомобилем, но у нас законы другие.

- К помещению в медвытрезвитель не подходит - легкая степень опьянения, - огорчил я Кoryтoва. - Везите в больницу.

- Нарколог в отпуске, - проворчал лейтенант.

- Осмотрит дежурный врач.

Лейтенант Корятов уехал очень недовольный, но это его проблемы. А создавать себе лишние заботы ради легкой жизни гаишников - увольте! И так, Корятов с водителем уехали в приемный покой, а я начал оформлять клиента, доставленного вневедомственной охраной - пьяного сторожа с какого-то склада. Здесь сомнений не было - дядечка в порывах пьяного благодушия лез обниматься со всеми без исключения и не мог даже самостоятельно снять собственные штаны. Лейтенант Корятов вернулся через два часа. Один. Без водителя. Обиженный и злой одновременно.

- Такого бардака, как в больнице, редко встретишь! - начал он возмущаться прямо с порога. - Больше часа прождал врача в приемном покое - сказали, что он на обходе. А время идет, а водитель то и дело воду в туалете хлещет и трезвеет, подлец, на глазах.

«Хорошая тактика. Умный мужик», - одобрил я про себя действия водителя.

- Наконец приходит этот толстый хирург в очках...

«Наверное, Сергей Николаевич? Травматолог», - решил я.

- Осмотрел он водителя и заявляет, что признаков алкогольного опьянения не отмечает. Трезвый! - продолжает лейтенант.

- Кровь на алкоголь? - поинтересовался я.

- Не назначил. Сказал, что реактивов нет, а он имеет право ставить степень и факт опьянения и без анализов.

- Совершенно верно, по клиническим данным, - подтвердил я.

- Я шесть лет в ГАИ. Выпившего за сто метров определяю. А тут - трезвый! По благу доктор его трезвым признал. Друзья они, я знаю...

На мой взгляд, все объяснялось следующим образом. Водитель еще в медвытрезвителе был в легкой степени опьянения, поездка в больницу и ожидание врача заняло достаточно времени для протрезвления. К тому же он постоянно пил воду, тем самым очищая свой организм от алкоголя. И поэтому к приходу дежурного врача он успел закончить эту своеобразную дезинтоксикационную процедуру и фактически на момент осмотра был трезвым. Но Корятову это объяснять бесполезно - он относился к той категории сотрудников милиции, для которых важно только собственное мнение (пусть даже ошибочное!), и все свои подозрения они не подвергают анализу, а стараются попросту подогнать факты, чтобы обязательно доказать свою правоту. К тому же у лейтенанта, как у всякого ничтожества, было весьма чувствительное самолюбие, и любой поступок постороннего лица (ниже его по должности или званию), в чем-либо расходящийся с его, лейтенанта Корятова, мнением, этот работник больших и малых дорог рассматривал как личное оскорбление. Безусловно, что теперь Корятов возненавидел и хитрого водителя, и травматолога и при случае обязательно поквитается с ними.

Чем дальше я выслушивал злобные стенания лейтенанта, тем больше удивлялся недалекости кадровиков, допускающих подобных типов в милицию. По большому счету, лейтенант Корятов был недалеким туповатым человеком, на троечки закончившим десятилетку, а после службы в армии - среднюю школу милиции. Его интеллект никогда не превышал рамок «Правил дорожного движения», внешность тоже подкачала и была очень далека от распространенного «киношного» стереотипа суперменистого советского милиционера. Корятов был невысокий, тощий, с низким скошенным лбом и мелкими чертами лица. Должность инспектора ГАИ была таким местом, где Корятов мог хоть как-то утвердиться в собственных глазах и удовлетворять свои амбиции проверками огромной армии водителей, большинство из которых опережало лейтенанта, так сказать, по жизни, по многим показателям - интеллекту, образованию, внешним данным, материальному благополучию. Власть над людьми всегда нравилась Корятову, как-то даже опьяняла, и сегодняшний инцидент в больнице он воспринял как откровенный плевок в лицо.

- Сочтемся с этим доктором непременно, - продолжал бубнить Корятов, не в силах сдержать свою мелкую поганенькую злобу. - И у него найдутся какие-нибудь грешки...

Выслушивать дальше эту ахинею было невыносимо, но и попросту выставить лейтенанта на улицу - неудобно. С ситуацией справился старшина Володя, неожиданно для всех вынувший из кармана бутылку водки и поставив ее на стол.

- Хватит ворчать. Давай лучше выпьем для поднятия настроения.

Корятов замигал глазками - предложение старшины ему понравилось, посмотрел на часы.

- Ладно. Давай наливай.

Глава 19. ЗАЧЕМ КЛИЕНТУ АДВОКАТ

Капитан Качалкин заболел всерьез - постоянные семейные дразги и систематическое пьянство способны сломать любой железобетонный организм. На этот раз капитан не ударился в запой,пил самогонку только два дня, а потом пришел ко мне в поликлинику на повторный прием с таблеткой валидола под языком.

- Сердце зажимает - спасу нет! - пожаловался он. - Решил заняться своим здоровьем. Не то, боюсь, копыта откину.

Жалобы Качалкина «тянули» на стенокардию. Он и раньше время от времени хватался ладонью за грудь - особенно после запоев. А сегодня, видимо, боли возникли очень ощутимые и длительные, что заставило капитана по-иному взглянуть на медицину вообще и на свою болезнь в частности. Я его направил в экстренном порядке на электрокардиограмму, и через полчаса эта узкая ленточка бумаги лежала передо мной на столе.

- Инфаркта миокарда нет, - обрадовал я Качалкина. - Но есть умеренные признаки ишемии. По-русски говоря, кровоснабжение сердечной мышцы ухудшилось. Надо в больницу. Все данные за стенокардию, а впервые возникшая стенокардия - показание для экстренной госпитализации.

- Может, обойдемся домашним лечением? - засомневался капитан.

- Инфаркта нет пока! - сделал я ударение на последнем слове. - Нет гарантии, что сегодняшняя стенокардия завтра не перейдет в обширный инфаркт. И еще - сколько вам осталось до пенсии?

- Год с небольшим, - ответил Качалкин, явно удивившись такому неожиданному вопросу.

- А если перед уходом на пенсию получить инвалидность? Наверное, и выходное пособие возрастет?

- Еще как! - вздохнул Качалкин. - Со второй группой столько денег огребешь - на машину хватит. Подержанную, конечно.

- Вот к этому и надо стремиться, - подвел я итог, поражаясь, как туго доходит до капитана такая очевидная истина. - Но просто так, за здорово живешь, вторую группу никто не даст. Нужен и диагноз тяжелее, посolidнее, и дней нетрудоспособности набрать побольше. Почаще лежать в больнице. Регулярно навещать поликлинику. В идеале надо в году пробыть на больничном листе пять месяцев.

- Ого!

- Цифра впечатляющая и труднодостижимая, но стремиться к ней надо. И заниматься этим лучше сейчас, не откладывая. Вы, как говорится, убьете двух зайцев: и здоровье поправите, и задел на будущее обеспечите.

Вечером капитан Качалкин лежал на койке в терапевтическом отделении.

Следующую смену мы работали с новым начальником РОВД. Он зашел в медвытрезвитель после полудня. Вид очень несолидный по сравнению с монументальным полковником Глыбиным - коротконогий коренастый шатен с толстощеким лицом, маленьким носом и такими же маленькими «бегающими» глазками. И звание плевое - майор. И возраст очень молодежавый для начальника милиции - нет и сорока.

- Это вытрезвитель, - пришел он к выводу, увидев стенды с антиалкогольной пропагандой. - А это сотрудники.

Майор посмотрел на мой белый халат, окинул взглядом рослую фигуру старшины, молодцеватую усатую физиономию капитана Метелкина. По его тухлому взгляду было ясно, что новому начальнику наплевать и на медвытрезвитель (который все без исключения начальники РОВД считали обузой для милиции, никчемным паразитом и местом ссылки для прощтрафившихся сотрудников), и на всех нас. Но, согласно установившейся традиции, при вступлении в должность надо обходить «владения». Вот и приходится попусту тратить время! Майор ушел, а капитан Метелкин начал излагать отдельные эпизоды биографии нового начальника:

- Отец - обкомовский работник. Сынок последовательно закончил среднюю школу милиции, Академию МВД, учится заочно на юридическом факультете университета. Карьера стремительная и завидная - все звания в срок и в соответствии с занимаемыми должностями. Наш РОВД - очередная ступень, трамплин для получения полковничьей папахи.

- На здоровье, - улыбнулся я. - Нам с ним детей не крестить.

- Не знаю, как насчет крещения, но без перемен в райотделе не обойдется, - парировал капитан. - Новый шеф постарается показать себя лучше предшественника, следовательно,

примется улучшать показатели работы, раскрываемость. И за дисциплину возьмется - дескать, подраспустился коллектив при старом полковнике. Возможно, кого-то и выставит на улицу за несоответствие.

- Нам бояться нечего, - заметил старшина. - Работать в вытрезвителе охотников мало - работа грязная и нервная. Клиентов мы не обираем и не обижаем зря. Придраться не к чему.

- При желании можно придраться и к телеграфному столбу, - не согласился Метелкин. - И еще. Этот майор и новый глава райкома - люди одной команды. «Птенцы» Горбачева. Рулевые перестройки. Спорить с новым начальником - все равно что стучать лбом о стену...

«Группа захвата» привезла первого клиента. Вид суперинтеллигентный: длиннополое кашемировое пальто (в нашей глуши большая редкость!), костюм-тройка, белоснежная рубашка с запонками на манжетах, очки-«хамелеоны». Возраст - чуть более тридцати. Столичный денди! Но... лицо у денди пьянецкое, дыхание омерзительное, глазки маслянисто-блестящие, а поведение совсем не интеллигентное, а наоборот - нагло вызывающее.

- Бродил в алкогольном опьянении на привокзальной площади, - произнес сержант Саша избитую фразу.

- Не бродил, а ждал поезд, - поправил его клиент. - Возвращаюсь из командировки домой. В Ленинград.

Капитан Метелкин начал задавать стандартные вопросы:

- Где пили? С кем? Сколько?

- Требую адвоката! - огородил капитана клиент и уселся на кушетку. - А также разрешите позвонить друзьям.

- Все звонки завтра утром - после протрезвления, - отказал Метелкин и повернулся ко мне. - Степень опьянения?

- Встаньте. Проведем экспертизу, - обратился я к задержанному.

- Требую адвоката, - опять повторил тот, совершенно проигнорировав мои слова.

Но я уже отметил его шаткую походку, неуверенные движения, слегка косноязычную речь. По всей видимости, интеллигент выпил не менее 400 граммов водки и сейчас с большим трудом держался мало-мальски вертикально.

- Средняя степень опьянения. Можете оформлять, - объявил я свое решение.

- Это произвол! Адвоката! Прокурора! - стал разоряться клиент.

Но подобные речи мы уже слышали неоднократно в разных вариациях и потому отнеслись к воплям интеллигента приблизительно, как к шуму ветра за окошком. Старшина, как обычно, пустил в ход свою недюжинную силу, и через несколько минут одежда клиента валялась на полу, очки и кожаный бумажник лежали на столе перед капитаном, а возмущенный интеллигент водворен в палату.

- Завтра побеседуем в прокуратуре, - пообещал он напоследок, но и эти угрозы мы тоже слышали многократно и всерьез их не воспринимали. «Ворон ворону глаз не выклюет!» - гласит русская пословица, соответственно с ней и прокуратура не станет по пустякам доносить милицию.

- Будешь безобразить - свяжу, - меланхолически предупредил клиента старшина и запер палату.

Следующего пьяного привезли через час патрульные. Обычный работяга пятидесяти лет. Перебрал «ерша» в пивбаре. Мужчина без претензий спокойно разделся и прошел на указанное место. Почин есть, можно немного отдохнуть. Предупредив Метелкина, я поднялся на второй этаж к Рыбалко. Старший лейтенант сидел в одиночестве за столом и задумчиво просматривал какие-то листочки. Увидев меня, аккуратно сложил листки в стопочку, положил в папочку, которую в свою очередь спрятал в ящик стола. И обижаться на него не следует: прятать документы от посторонних - похвальная профессиональная привычка.

- Присаживайся, Николай Палыч.

- Как новое начальство? - поинтересовался я мнением старшего лейтенанта.

- Присматриваемся. Обнадеживает молодой возраст. Думаем, что будет энергичным, инициативным. Не старый пень, как некоторые, - туманно высказался Рыбалко. - Пора менять ритм работы, стиль, переходить на иной уровень. Надеюсь, что новый начальник будет посмелее предыдущего. Надоели мне эти «неприкасаемые» - номенклатурщики районные. Через одного можно сажать.

Рыбалко неожиданно хлопнул себя по лбу и вытащил из кармана маленький блокнотик. Быстро перелистал.

- Чуть не забыл! Николай Палыч... естественно, строго конфиденциально. Как твое мне-

ние о здешнем травматологе?

Вопрос неожиданный - я даже растерялся.

- О Сергее Николаевиче? В каком смысле?

- Чем дышит? Как ведет себя с больными? Не берет ли на лапу? - Рыбалко выразительно потер друг о друга большим и указательным пальцем.

Весь этот разговор смахивал на попытку вербовки, на что я, несмотря на все уважение к Рыбалко, никоим образом не был согласен. Тем более, что и говорить мне не о чем, так как с травматологом на работе я встречался редко, и дружбы друг с другом мы не водили - только обычные служебные взаимоотношения.

- Странный вопрос, - осторожно произнес я. - Если иметь в виду скромные подарки...

- Да нет! - Рыбалко досадливо махнул рукой. - Бутылки вина, конфеты и цветы не в счет. Не продает ли он из-под полы дефицитные лекарства? Не снабжает ли прогульщиков больничными листами? За плату, естественно...

- Об этом не слышал, - искренне ответил я. - И не видел.

Положа руку на сердце, кое-какие сомнения насчет травматолога у меня имелись - и деньги на выпивку у него всегда в кармане бренчали, всякие приятные безделушки типа портсигаров, браслетов или брелков для ключей не переводились, сигаретки дорогие покупать себе не могли и жили от аванса до полочки. Но об этом я предпочел промолчать, чтобы понапрасну не подводить коллегу. Мало ли откуда у человека деньги. Может быть, теща богатая и щедрая, или сам подрабатывает где-нибудь тайком!

- Спасибо и на том, - разочарованно вздохнул старший лейтенант. - Отрицательный ответ - тоже информация.

В медвытрезвителе дела шли по обычной схеме: в течение двух часов поступило трое пьяных граждан трудоспособного возраста, всем троим я поставил среднюю степень опьянения, и старшина определил их в большую палату, которая вскоре стала благоухать потом и мочой, поскольку кто-то из клиентов, отключившись, опорожился прямо под себя, на койку. Около одиннадцати вечера проснулся интеллигент и попросился на волю:

- Отпускайте! Хватит. Я уже трезвый.

Старшина отворил дверь и привел посетителя ко мне в приемную. О протрезвлении говорить было рано: клиент только-только очнулся от пьяного угара, наступало жестокое похмелье с трясучкой и головными болями. Отпускать такого не стоит - напьется по новой (закрытые магазины не проблема - спиртное всегда можно купить у какой-нибудь сердобольной старушки), и придется его забирать в вытрезвитель повторно. Я измерил у него артериальное давление, пульс сосчитал - учащен, что неудивительно в подобном состоянии.

- Придется задержаться до утра, - отказал я ему. - Налицо остаточные явления алкогольного опьянения.

- Какие такие явления? - начал клиент, но старшина подцепил его под локти и водворил в палату.

Немедленно раздалась пинки в дверь, изошренная матерщина.

- А еще интеллигентный человек, - заметил капитан Метелкин и, жестом остановив старшину - мол, сам справлюсь, отправился наводить порядок. Мы с Володей остались в приемной.

Заскрипела деревянная дверь палаты, и крики интеллигента зазвучали громко и отчетливо - вероятно, он выскочил в коридор. Одновременно с этим прозвучали две звонкие оплеухи (Метелкин приступил к воспитательной работе!), и... тишина.

- Давно бы так, - одобрительно произнес Володя.

Но тишина была недолгой - меньше минуты, а потом из коридора послышались странные звуки - шум борьбы, сопение, короткие приглушенные выкрики. Мы с Володей выскочили в коридор и увидели редкостную картину: дежурный офицер и полупьяный клиент медвытрезвителя боролись в партере на грязном полу. И борьба эта проходила с переменным успехом - пьяный клиент неожиданно оказался ловким и сильным, хотя по внешнему виду атлетом его не назовешь. Но тут подскочил старшина, и все потуги интеллигента стали бесполезны - Володя справился с ним походя, как с шаловливым ребенком, и в наказание привязал к койке.

- Полежишь часок - образумишься, - тяжело дыша и вытирая со лба пот, сказал капитан.

- А завтра пойдешь к судье. За сопротивление сотруднику милиции. Я такие фокусы не прощаю.

Наутро капитан Метелкин сдержал свое обещание, и вчерашний несостоявшийся пассажир, эксцентричный интеллигент из Ленинграда, единственный из всех клиентов медвытрезвителя был переведен в дежурную часть, в «обезьянник». Для обособления таких действий мстительный капитан Метелкин написал соответствующую «телегу» и передал ее дежурному по РОВД майору Басалаеву. Колесо Закона завертелось! Теперь скандалисту реально «светит» провести 10-15 суток в мрачных камерах ИВС (и это далеко не худший вариант!), где у него будет достаточно времени поразмыслить над смыслом жизни и своим поведением.

Глава 20. ГОЛОДОВКА ПРОТЕСТА С ПОПЫТКОЙ СУИЦИДА

Опять я сижу в просторном кабинете подполковника Рогожникова. Кроме меня и хозяина кабинета, здесь также присутствуют начальник ИВС капитан Бирюлькин и капитан Метелкин, исполняющий обязанности начальника медвытрезвителя на время болезни капитана Качалкина. Причина для сбора такой разношерстной компании - голодовка гражданина Глотова, который в нашу прошлую смену был задержан в алкогольном опьянении на привокзальной площади и помещен в медвытрезвитель. На следующий день районный суд приговорил Глотова к 10 суткам административного ареста с помещением в ИВС. Там он сразу объявил голодовку и отказывается от пищи уже четвертые сутки. В нашем РОВД за все время его существования - это первая голодовка! Очень интересно и даже забавно. Мне, конечно. А Рогожникову сейчас, похоже, не до веселья - новый начальник РОВД приказал разобраться с Готовым в кратчайшие сроки и без лишнего шума. Есть от чего задуматься. Тем более, что Готов оказался крепким орешком - на компромиссы не идет, на угрозы и угрозы не реагирует. Голодающий Готов протестует против незаконного решения суда, против незаконного помещения в медвытрезвитель, против фактов унижения и рукоприкладства, против отказа в предоставлении адвоката и запрета на телефонный звонок друзьям на момент задержания. К Готову, по его требованиям, уже приходил районный прокурор (на третий день голодовки). Выслушал. Единственное, чего пока добился Готов, - сообщить о своей судьбе его здешним друзьям. Но и этого было достаточно, чтобы добавить неприятностей РОВД: друзья немедленно позвонили в Ленинград, и сегодня утром в Жердянск приехала целая команда: глотовская жена в сопровождении своего брата и очень настырного адвоката, который немедленно стал добиваться встречи с Готовым, в чем ему отказали. Теперь эта троица осаждает здание районной прокуратуры, а отсюда называют начальнику РОВД майору Шубину, и тот, соответственно, «капает на мозги» подполковнику Рогожникову.

Но, несмотря на эти заморочки, все присутствующие в кабинете держались уверенно, без паники. Подполковник заслушал объяснение капитана Метелкина, который категорически отрицал обвинение в рукоприкладстве и унижениях. Затем выступил капитан Бирюлькин, сообщивший, что к гражданину Готову в ИВС относятся в соответствии с законодательством. Насколько мне было известно от капитана Метелкина, сотрудники ИВС относились к Готову с юмором, часто отпускали в его присутствии остроумные шуточки и в глаза называли его придурком и клоуном. Но, справедливости ради, надо отметить, что дальше насмешек они не заходили и рукоприкладством не занимались. Что касается меня, то за свое медицинское заключение я был спокоен: средняя степень опьянения у Глотова была подтверждена всеми пробами, есть подробное описание в протоколе, а его друзья-собутельники, опрошенные позднее, не погрешив против истины, сообщили, что в тот вечер они выпили изрядно. Кстати, слишком пристрастно меня и не спрашивали. Рогожников задал мне для проформы вопрос о степени опьянения и на том закруглился.

- Итак, с нашей стороны все в порядке, - подвел итог подполковник. - Я ни на секунду не сомневался, что вы все действовали в рамках существующего законодательства, но, сами понимаете, был обязан в этом лично разобраться. Гражданин Готов - пьяница и клеветник. И получил по заслугам. Только вон от него, как из помойки! Сейчас по данному факту проводится проверка районной прокуратуры. Беспокоиться, конечно, особенно не стоит, но документацию проверьте обязательно. Чтобы комар носа не подточил! И еще один вопрос доктору - не повредит ли голодовка Готову? Я имею в виду здоровье.

- Бить тревогу рано, - успокоил я его. - От принятия воды Готов не отказывается. Хронических заболеваний у него нет - звонили в Ленинград, в поликлинику. Немного похудеет, жирок сбросит.

- А мы его попробуем совратить, - возникла идея у капитана Метелкина. - Нанесем в камеру всякой вкуснятины - может, и дрогнет.

В полдень началось совращение голодающего. Подполковник Рогожников не поспешил, и обед для Глотова заказали в кафе: суп-харчо, картофельное пюре с бифштексом, овощной салат, две булочки с изюмом, чашечка натурального кофе, заваренного лично капитаном Бирюлькиным, и две бутылки минеральной воды. Ни один из обитателей Жердянского ИВС никогда не получал такого обеда! Все это с пылу-жару поставили на поднос, и помощник дежурного по РОВД, старшина Тараканов, потащил его в камеру к Гловому. Капитан Бирюлькин открыл дверь. Я тоже присутствовал при этой сцене. Гловый с мрачным видом сидел на голых деревянных нарах и никак не реагировал на появление нашей делегации.

- Кушать подано, - слегка иронически произнес старшина. Камера наполнилась восхитительными запахами супа, жареного мяса, кофе.

Гловый сглотнул слюну и отвернулся к стене.

- Уберите, - спокойно произнес он. - Отнесите на помойку свиньям.

Достойный ответ! Несмотря на прежнюю антипатию, у меня впервые появилось уважение к этому гордецу. Пускай он - столичный хлыщ, пускай - высокомерен и упрям. Главное - есть у него чувство собственного достоинства, которое он готов отстаивать, невзирая на место и обстоятельства. Далек не каждый на такое способен, особенно очутившись в стенах милиции. Уж я-то в этом убеждался не раз! Естественно, что все действия донкихотствующего Глотова были обречены на провал - правоохранительная машина ломала хребты и не таким орлам. Тем большее уважение вызывает упрямство отдельных отчаянных одиночек!

Старшина вопросительно посмотрел на капитана Бирюлькина, тот - на подполковника Рогожникова, также подошедшего к дверям камеры. Минутное замешательство, и подполковник коротко махнул ладонью: «Убирай!» Обед вынесли, и впоследствии его с аппетитом скушали сотрудники ИВС.

- Может, хватит дурака валять? - обратился подполковник к Гловому. - Ты не в Америке. И ничего не добьешься.

- А также я требую вывесить на стене камеры правила внутреннего распорядка, - спокойным тоном сказал Гловый, полуразвернувшись к подполковнику. - Как положено по инструкции.

Рогожников молча вышел вон. Смена прошла очень благополучно - мы оформили только двоих безобидных пьяниц, которые с удовольствием проспали до утра.

Следующее дежурство совпало с восьмым днем голодовки Глотова. Он по-прежнему отказывался от пищи, но его упрямство было тщетным. Как я и думал, прокуратура приняла сторону милиции: обвинения Глотова сочли необоснованными, а действия сотрудников РОВД - полностью правомерными. Адвокат, нанятый женой Глотова, уезжал с жалобой в областную прокуратуру, но определенного ответа пока не получил. Обычная тактика - тянуть резину сколь возможно.

Сегодня меня к Гловому приглашать не стали, а во второй половине дня в райотдел приехал аттестованный врач из областной тюремной больницы. В присутствии капитана Бирюлькина он осмотрел голодающего, а потом о чем-то долго совещался с начальником РОВД и подполковником Рогожниковым. Мы с капитаном Метелкиным коротали время в приемной медвытрезвителя и гадали, что может предпринять тюремный доктор.

- Наверное, у Глотова ухудшилось здоровье? - предположил я. - Переведут в больницу.

- Десять суток он обязан отсидеть в любом случае, - не согласился Метелкин. - Хоть полумертвым. Думаю, что сейчас решают вопрос о принудительном кормлении.

- Насильно? Вряд ли. Сейчас не те времена.

Метелкин расхохотался, но ответить не успел - в приемную ввалилась «группа захвата» с клиентом. К сожалению, этим клиентом был мой знакомый сантехник Вячеслав из ЖКХ, к которому я регулярно обращался за помощью: в моей новой квартире не обошлось без поломок. И, к сожалению, он был в таком состоянии, что отпустить его было невозможно, а домашним телефоном сантехник не обзавелся.

- Валялся пьяный в подъезде, - уточнил сержант Леша.

Сантехник в полулежачем положении покоился на кушетке и совершенно не воспринимал окружающее: бессмысленно тараторил глаза, бормотал какую-то чепуху, иногда матерился. Меня, естественно, не узнавал. Придется его оформлять. Можно, конечно, и без протокола оставить в палате до утра, но я знал, что Метелкин на это не согласится и не принципиальности ради, а только из опасения влипнуть - разгар рабочего дня, начальство все на месте, вздумают взглянуть на протокол, и все! Как будем объяснять? Лучше я потом

уговору Качалкина не сообщать ничего по месту работы Вячеслава. Сантехника раздели и под руки увели в пустую палату - он был первым клиентом. Наверное, Вячеславу казалось, что он находится в компании собутыльников, так как настроение у него было распрекрасным, и он то и дело выкрикивал: «Еще стопочку!» Потом он начал кашлять и ругаться, а затем уснул.

Наступила временная передышка. «Группа захвата» удалилась в гараж, старшина Володя болтал на улице с Бегемотом, а мы с Метелкиным лениво переставляли на доске шахматные фигуры. Капитан тайком от меня уже успел где-то откушать водочки, сидел оживленный, шутил и «травил» анекдоты. Но водкой от него не пахло! Около шести вечера хлопнула дверь райотдела, и мимо наших дверей просеменила коротконогая фигура тюремного врача, направляясь в сторону железнодорожного вокзала.

- На поезд торопится. Домой, - сказал Метелкин. - Значит, с голодающим разобрались. Пойду уточню...

Капитан ушел в дежурную часть посплетничать.

Из палаты донесся подозрительный шорох. Я подошел к двери и посмотрел в смотровое окошко: сантехник, стоя у кровати, старательно мочился на пол. Наверное, думал, что находится в туалете. Когда я вошел, он уже успел справить свою нужду и на мое критическое замечание отреагировал очень своеобразно - схватил меня за воротник и попытался придушить. Его руки неожиданно оказались сильными и хваткими. По его остекленелому взгляду было ясно, что Вячеслав все еще неадекватен. Я ударил его по рукам, а затем одним сильным толчком отправил на место.

- Все нормально, - сказал я появившемуся на пороге старшине. - Клиент немножко напакостил - сделал лужу.

- Хорошо хоть не награл, - отозвался старшина. - Бедная уборщица.

Вневедомственная охрана привезла сразу двух сторожей какого-то склада - пьянствовали на рабочем месте. Оба выпили, по собственному признанию, две бутылки водки, а третью, недопитую на треть, я обнаружил у одного из них за пазухой. По инструкции недопитуую водку в те годы полагалось выливать, но старшина поставил бутылку в укромное местечко за сейф с документами - не пропадать же добру! Клиентов отвели в палату к сантехнику. Вернулся капитан Метелкин. По-прежнему бодрый и веселый, но теперь от него слегка пахло водкой - скорее всего, добавил в дежурной части.

- Голодовка закончилась, - сообщил он.

- На каких условиях?

- Ни на каких. Связали, запахнули в желудок зонд и влили чашечку вкусного питательного бульона.

Капитан рассказывал шутейным тоном, словно какой-нибудь забавный анекдот. Я представил, как упряма Глотова связывают, кладут на кушетку, затапливают в пищевод толстую пластмассовую трубку... Смешного мало! Напоминает гестаповский застенок. Собственно говоря, голодовка - законное право любого дееспособного гражданина, и принудительное кормление - насилие над личностью. Вопиющее насилие! Но объяснять сии истины капитану Метелкину - занятие бессмысленное: за долгие годы службы у него прочно сформировалось убеждение, что работник милиции всегда и во всем прав. Конечно, Метелкин в быту, среди своих коллег или родственников, был добродушным веселым человеком, балагуром и пьяницей. Но стоит мне завтра случайно попасть за решетку (от суммы да тюрьмы не зарекайся!), и такой же добродушный милиционер будет подтрунивать и над моей участью. И я впервые отчетливо почувствовал себя чужим. Свой среди своих - я в больнице, а здесь - временщик, белая ворона.

Подъехали гаишники. Лейтенант Корытов и какой-то незнакомый мне молодой черноволосый сержант, которого лейтенант по-простецки называл Володей. Они привезли двух клиентов.

- Водитель молоковоза и экспедитор, - сообщил Корытов. - Взяли на дороге. Возвращались в гараж после сдачи молока.

И водитель, и экспедитор были очень пьяны, с трудом держались в вертикальном положении. Хорошо, что их вовремя перехватили - не успели натворить бед.

- Оформляем обоих, - обрадовал я Корытова.

- Всегда бы так.

- А м-машина? - забеспокоился водитель.

- Вызовем вашего механика - отгонит, - ответил Корытов. - Давай ключи.

- Все, друзья, приехали. Раздевайтесь - баиньки будете, - распорядился капитан Метелкин.

Около полуночи проснулся сантехник Вячеслав. Я скучал в приемной один - старшина Володя с капитаном ушли в дежурную часть. Сантехник уже протрезвел, наконец-то стал меня узнавать и с удивлением воспринял известие, что находится в медвытрезвителе.

- Не слабо погулял! - посетовал он, едва сдерживая похмельную дрожь.

Я провел его в приемную и налил стопочку водки из початой бутылки - той, что припрятал бережливый старшина.

- Подлечись.

Вячеслав с удовольствием выпил. Крякнул.

- Хорошо пошла. Пойду-ка я еще прилягу - все равно за трезвак платить придется...

Под утро меня разбудил капитан Метелкин - срочно вызывали в дежурную часть, к Глотову, который в расстроенных чувствах попытался вскрыть вены. Дежурный сержант случайно, от скуки, посмотрел в «глазок» в тот самый момент, когда Готов полоснул себе по венам на предплечье осколком стекла собственных очков.

Когда я вошел в камеру, Готов, брызжа слюной, тщетно пытался вырваться из рук двух крепких сержантов, а из раны на левом предплечье быстрой каплей стекала на пол темная кровь. Ранка была неглубокой, артерия не повреждена, и, перебинтовав неудачливого самоубийцу, я велел отвести его в больницу - наложить швы. Впоследствии им также займется психиатр, что всегда практиковалось в отношении самоубийц.

Смена уже подходила к завершению, и ложиться спать не имело смысла. Капитан Метелкин начал будить клиентов, а я отправился домой.

Глава 21. ЗМИЙ ПОПУТАЛ СТАРШИНУ, А ЖЕНА СДАЛА

В конце апреля наконец-то наступила долгожданная теплынь. Быстро испарились обширные лужи, освободив тротуары и дороги. Деревья облачились в свеженькую зеленую листву, меж которой прыгали и порхали разнообразные пернатые обитатели. Солнце согревало приятной ненавязчивой теплотой, не обжигало, а грело. И небо было высокое, светлоголубое. И дышалось легко, полной грудью.

Вышел из больницы капитан Качалкин. Длительный курс лечения пошел ему на пользу - капитана прямо-таки распирало здоровьем и энергией. Соскучившись по работе, он с увлечением хлопотал в своем специфическом хозяйстве - распекал дежурных офицеров за снижение показателей работы, следил за чистотой в палатах и даже уговорил меня подготовить новый стенд антиалкогольной пропаганды.

На последнее апрельское дежурство я пришел после обеда - утром работал в поликлинике. Пьяниц до моего прихода не поступало, пустые палаты еще не были загажены и радовали глаз свежевывымытыми полами и беленькими простынями. В райотделе шла подготовка к майским праздникам. Начальник РОВД подполковник Шубин (очередное звание ему присвоили неделю назад) выгнал на работы всех «суточников», коих насчитывалось пять человек, и они лениво таскались по коридорам с ведрами и тряпками, с меланхолическим видом размахивали метлами перед зданием милиции. Два сержанта укрепляли над парадным подъездом большой красный флаг, а неподалеку, между двух фонарных столбов, морщился на ветру транспарант с традиционной надписью: «Мир! Труд! Май!»

И как обычно, капитан Качалкин собрал дежурную смену на предпраздничное производственное собрание. Четверть часа он талдычил про сложное международное положение (то и дело заглядывая в папку с газетными вырезками), а потом переключился на наши внутренние проблемы, посетовал на скудную материальную базу (машина старая, лимит бензина мал, запчастей не хватает и т.п.), а в заключение «пропесочил» «группу захвата»:

- Работаете, прямо скажу, неважнецки. Низка собираемость пьяных граждан. Если взять последние четыре месяца, то на нашу долю приходится всего 35% пьяных, остальные 65% доставлены другими подразделениями.

Алканавтыч и сержанты с непроницаемым видом смотрели в пол. Капитан Метелкин что-то жевал, поглаживая усы, а старшина Володя, мрачный и задумчивый, глядел прямо в рот Качалкину, но, похоже, совершенно не воспринимал его слова. Эту разговорную прервал телефонный звонок - нашего начальника вызывали к подполковнику Рогожникову. «Группа захвата» уехала выполнять план, а через полчаса нагрянули гаишники с «уловом» - очень пьяным мужчиной в телогрейке, которого они подобрали где-то на обочине дороги.

Корытов в преддверии праздника получил «звездочку» и, соответственно, звание старшего лейтенанта. Одновременно с этим ему дополнительно к основной работе поручили принимать экзамены у начинающих водителей. Если быть точным, всем заправлял капи-

тан Кукушкин, ежемесячно приезжавший из областного центра. Корягову доверяли только проверку навыков вождения, что он и делал с удовольствием и чрезмерной придирчивостью. Эта работа и новое звание еще больше возвысили Корягова в собственных глазах, и теперь он, в отсутствии начальства, ходил важный, как индюк.

Освободившись от «груза», гаишники уехали, а перепившийся мужчина перешел в руки старшины. Володя, как я уже упоминал, был сегодня очень сердитым и потому молча, без слов, сорвал с клиента все, кроме трусов, затолкал мужика в палату, а одежду швырнул в раздевалку. Мы с Метелкиным затеяли шахматную партию, договорившись, что проигравший ставит бутылку портвейна. Просто так играть неинтересно! И уже было сделано несколько ходов, разменяны пешки... Но тут хлопнула входная дверь, загрохотали в коридоре чьи-то тяжелые ботинки, и я нехотя оторвался от доски, предполагая появление очередных клиентов.

Но это были не пьяницы, а наши руководители: начальник РОВД подполковник Шубин и капитан Качалкин. Шубин держался спокойно и деловито, как и полагается полномочному начальнику. И настроение у него, похоже, сегодня превосходное. И чего ему грустить! Все у него в полном ажуре, без проблем. Папины связи, как танковая броня! Недавняя история с Гловым, голодовка и попытка самоубийства, никак не отразились на карьере Шубина. Другого бы взрели по первое число, а ему - как с гуся вода. Наоборот, еще одну звезду на погоны кинули. Не за горами и полковничья папаха.

- Шахматами увлекаетесь? У вас первых такое вижу, - произнес подполковник, подходя к столу. Капитан Качалкин замер у порога, не зная, как относиться к словам шефа.

- Молодцы, - продолжил Шубин, и капитан Качалкин тут же приторно заулыбался. - Во всех подразделениях кроме картишек ничем не интересуются, а в медвытрезвителе - шахматы. Интеллектуалы!

Шубин повернулся к моему новому антиалкогольному стенду, в центре которого я поместил цитату из доклада генсека.

- Еще раз - молодцы! - вновь похвалил подполковник, узрев фамилию вождя. - Идете, так сказать, в ногу со временем. Политически подкованы.

Меня слегка покорило столь вульгарное кавалерийское сравнение, но я сдержался - не хотелось огорчать капитана Качалкина.

- Капитан Метелкин - коммунист со стажем, - похвастался начальник медвытрезвителя.

- Оно и видно. Атмосфера в коллективе соответствующая... нашенская атмосфера, - выдал Шубин новый перл.

Подполковник ушел, а счастливый от начальственной похвалы капитан Качалкин убежал в кабинет заниматься своими бумажными делами.

- Продолжим, - сказал Метелкин и выдвинул на оперативный простор коня. Теперь, после одобрения подполковника, нам можно сидеть за шахматами с утра до вечера. Даже турниры проводить.

До ужина мы оформили еще одного пьяного - привезла «группа захвата» - и завершили шахматную партию. Проиграл я. Ничего не поделаешь, шахматный долг - долг чести, придется нести бутылку вина. На ужин ушли вдвоем с капитаном, а старшину оставили приглядывать за клиентами.

«Заморив червячка», я вернулся на рабочее место, прихватив бутылку портвейна, которую два дня назад приобрел без талонов у знакомого грузчика винного отдела. Эта бутылка была нам троим только для затравки: аппетит разыгрался, пришлось сбрасываться на литр водки, приобретение которого успешно осуществил капитан Метелкин через знакомого продавца в соседнем «Гастрономе».

Бывают такие моменты в нашей жизни, когда водка пьется быстро и легко, без надрыва, и усваивается на все 100%. Так было и сейчас. Вскоре мы пришли в состояние эйфории, повеселевшего старшину отпустили ужинать, и капитан Метелкин начал рассказывать мне всякие бывальщины своей кривоколенной жизни... Но тут «группа захвата» привезла сразу троих пьяниц, да вневедомственная охрана - еще двоих! В суете осмотра, оформления, водворения в палату время промелькнуло молниеносно, и освободились мы только к полуночи.

- А Володя все еще ужинает?! - удивился Метелкин, взглянув на часы. - Задерживается.

Мы заварили чай, допили остатки водки. Спустя сорок минут капитан начал беспокоиться:

- Свыше двух часов ужинает! Совести нет.

- Придет, - ответил я. - Куда денется?

- Может, еще где водки добавил? - гадал Метелкин. - И отрубился.

- Для этого ему надо очень много выпить, - возразил я.
В коридоре хлопнула дверь.
- Наконец-то, - облегченно вздохнул Метелкин, но, как оказалось, преждевременно - в приемную вошел дежурный по райотделу майор Басалаев, пыхтящий, кашляющий и очень взволнованный.
- Ваш-то старшина чего натворил! - сказал он.
- ???
- Позвонила в райотдел его жена - сообщила, что муж учинил скандал с рукоприкладством и применением холодного оружия.
Мы с капитаном только недоворчиво переглянулись - подобное сообщение казалось фантастическим.
- Ничего не перепутал? - спросил капитан. - Может, померещилось спросонок?
- Какое там! - махнул рукой Басалаев. - Патруль уже выехал - вместе с Рогожниковым. Пришлось специально за ним заезжать.
- Надо позвонить Качалкину, - решил Метелкин.
- Вот-вот, обрадуйте начальничка, - саркастическим тоном сказал майор и ушел в дежурную часть.
Качалкин был дома, видел, наверное, третий сон, и сообщение Метелкина воспринял как очередной удар судьбы.
- Вы меня до инфаркта доведете. Сейчас приеду, - пробормотал он и положил трубку.
- А зачем Рогожникова взяли? - поинтересовался я.
- Будут уговаривать володькину жену не подавать заявление, - объяснил Метелкин.
Вскоре к райотделу подъехала патрульная машина, из нее вылез подполковник Рогожников, старшина Володя и двое патрульных. Подполковник шел впереди, очень недовольный, за ним - старшина, немного поотстав - патрульные. Все прошли в дежурную часть. Через полчаса из темноты ближайшего переулочка материализовался капитан Качалкин и, не заходя в медвытрезвитель, направился в райотдел.
- Дело пахнет скипидаром, - пробормотал капитан Метелкин и начал поспешно приближаться - убрал стаканы, смел со стола хлебные крошки и корки, пустые водочные бутылки перепрятал из сейфа в кладовку. При этом он усиленно жевал кусочек мускатного ореха, чтобы перебить водочный запах.
- Теперь порядок, - деловито осмотрелся капитан. - Чисто - словно в операционной.
На пороге возникла долговязая фигура Алканавтыча.
- Влетел Володька. Жуть. Кошмар, - заголосил он басом. - Дело шьют, казенный бушлат и деревянные нары.
- А если подробнее? - попросил капитан.
- Жена, змеюка, подвела под монастырь. Брякнул ему кто-то, что она «налево» похаживает. Но он ее долго не мог застукать. А вчера Володьке один знакомый мужик и сообщил, что в прошлую володькину смену ее в полночь на улице заметил. Мужик как раз пред сном покурить у подъезда вышел, а тут и она, расфуфыренная вся, куда-то спешит. Сегодня Володька на ужин припозднился - она его и не ожидала больше, думала, что на работе решил поест. Осторожность потеряла. Володька на порог, а жена у зеркала подкрашивается, намылилась куда-то. Пальто уже надела. Он к ней с законными вопросами, а она его подальше посылает. «Алкоголик!» - визжит. Треснул Володька ее слегка... ладошкой, чтобы не зашибить до смерти. Она не унимается, вопит, обзывается по-всячески. Тогда он кухонный нож и схватил, дурачок. Припугнуть решил.
- Это он зря, - заметил Метелкин.
- Жена вообще завизжала, как свинья, на лестничную площадку выскочила, к соседям за помощью стучится. Володька за ней прется и ножом размахивает. «Убью!» - кричит. Соседи в милицию позвонили... Долго Рогожников там тары-бары разводил, уговаривал - пустой номер! Накатала-таки володькина змеюка на него заявление - на имя начальника РОВД.
- Значит, заведут уголовное дело, - резюмировал Метелкин.
В комнату вошел капитан Качалкин - очень обиженный. От него пахло валидолом и корвалолом - наверное, напринимался перед выходом из дома.
- Сегодня доработаете без старшины, а потом что-нибудь придумаем, - кратко сказал он и, не пускаясь в объяснения, удалился.
- Дело пахнет скипидаром, - вновь произнес Метелкин.

Старшину поместили в ИВС, в маленькую одиночную камеру. Никого, кроме сотрудни-

ков ИВС, к нему не пускали, согласно приказу подполковника Рогожникова. Даже пронырливый капитан Метелкин возвратился ни с чем - майор Басалаев не хотел рисковать своим служебным положением.

Несмотря на поздний час, в вытрезвителе бодрствовала вся смена. «Гоняли» чай и в который раз обсуждали подробности сегодняшнего инцидента.

- Зря ему сегодня наливали, - сокрушался капитан. - На трезвую голову он бы такого не учудил.

- Да все одно: сегодня бы пронесло, так в другой бы раз делов наделал, - ответил Алканавтыч. - Все к тому шло.

Атмосфера в комнате стояла мрачная, подавленная. Оно и понятно! До сегодняшнего случая все мои опогоненные коллеги считали себя неподсудными, стоящими выше Закона. Закон для них являлся обыкновенным орудием труда (все равно что топор для плотника или скальпель для хирурга), которым при необходимости так удобно колотить по головам затюканных и безропотных обывателей, а потом закинуть куда подальше на полочку. И вот оказия - получается, что они - как все... И сегодняшний арест старшины это наглядно доказал. Есть от чего задуматься.

Мы, конечно, ни на минуту не сомневались, что начальник милиции сумеет благополучно завершить эту историю, уговорит володькину жену забрать обратно заявление. На худой конец, если дело дойдет до суда, Володя отделается штрафом или условным наказанием. Но в этом случае старшине грозило увольнение из милиции, а до выслути лет ему оставалось немногим более двух лет.

Наше припозднившееся чаепитие нарушило поступление двух клиентов (постарались патрульные), после оформления которых все стали разбредаться на отдых.

Глава 22. КАК БОЛЬНИЦА ОСТАЛАСЬ БЕЗ ХИРУРГА

Внутренний двор Жердянского РОВД представлял из себя большую асфальтированную площадку, ограниченную по периметру зданием милиции, гаражом и высоким металлическим забором. Оседлав старенький мотоцикл «Минск» (прозванный в народе «макакой»), я аккуратно проезжал по траектории, напомилавшей гигантскую «восьмерку», стараясь не нарушать очерченных мелом границ. Мотоцикл оглушительно тарахтел, извергал густой шлейф выхлопных газов, но не глох. Это чудо техники мне одолжил старший лейтенант Рыбалко, и сегодняшнее дежурство в медвытрезвителе я в очередной раз посвятил укрощению мотоцикла. Завтра у меня экзамен в ГАИ: надо получать права, потому что в моем гараже второй месяц пылится новенький «Иж-Юпитер» с коляской, на покупку которого я потратил весь свой годовой заработок в медвытрезвителе.

Припекает теплое майское солнце. В стороне, на крыльце вытрезвителя, на мои упражнения глазят капитан Метелкин и сержант Леша, который теперь исполняет обязанности старшины Володи. Володя переведен в областной СИЗО - дожидается суда. Бедный старшина! Его участи не позавидуешь - злопамятная супруга настояла на возбуждении уголовного дела. Глупая вздорная женщина! Хотя нельзя исключить того, что это лишь удобный повод избавиться от опостылевшего мужа, и такой скандал ей только на руку. Дело усугублялось тем, что свои угрозы и взмахи кухонным ножом Володя совершал в присутствии соседей и сопровождал выкриками «Убью! Придушу!» А это - ст.207 «Угроза убийством» УК РСФСР. Удивительно, как старшина, столько лет прослуживший в милиции, позволил себе подобные выходки. Да что говорить, теперь сокрушаться поздно, теперь будет решать суд.

Когда от мотоциклетного тарахтения у меня начало «тарахтеть» в голове, а от выхлопных газов появилось чувство легкого дурмана, я заглушил двигатель и прислонил «макаку» к стенке. Потом подошел к крыльцу вытрезвителя покалякать с Метелкиным о всякой всячине. В этот момент к подъезду райотдела подкатил патрульный «козлик», и двое патрульных вывели из заднего отсека... нашего травматолога Сергея Николаевича. В том, что его арестовали, не было никаких сомнений. Для многих людей внезапный арест - мощное психологическое потрясение, почти всегда влияющее на внешний облик и поведение. Всегда жизнерадостный травматолог теперь выглядел очень подавленным, растерянным, походка неуверенная, «семенящая», и даже в размерах он вроде бы немного поуменьшился. Из салона машины так же вылезли старший лейтенант Рыбалко и неизвестный мне мужчина в штатском. Когда все они скрылись в дверях райотдела, я с недоумением посмотрел на Метелкина - за время совместной работы мы научились порой понимать друг друга без слов.

- Сам не знаю, - пожал плечами капитан и засобирился в райотдел.

Кататься на мотоцикле расхотелось, и я поставил его под окнами медвытрезвителя - потом Рыбалко отгонит его домой. Подкатили гаишники - привезли на экспертизу водителя. По сообщению Корытова, тот не справился с управлением и угодил на своем «Москвиче» в кювет. Водитель был пьян, средняя степень опьянения подходила без всяких сомнений - он даже не мог мало-мальски связно отвечать на вопросы.

- Оформляем, - сообщил я Корытову, и тот осклабился довольной улыбкой, выставив на всеобщее обозрение щербинку на месте левого верхнего клыка.

- Завтра экзамен. Будем сдавать? - спросил меня старший лейтенант, когда водителя увели в палату.

- Да. Сейчас вот технику осваиваю.

- Дело хорошее. Можно и с первого захода все сдать. Всякое бывает, - с оттенком высокомерия сказал Корытов, недвусмысленно давая мне понять, что теперь наши роли поменялись, и судьба моего будущего водительского удостоверения в какой-то мере зависит от его корытовского благоволения. Характерная особенность многих ничтожных людишек - подчеркнуть свое превосходство при каждом удобном случае.

Пришел капитан Метелкин - по его оживленной физиономии было ясно, что человека прямо распирает от обилия «горячих» новостей.

- Попался доктор - на взятке, - сразу выложил капитан.

При этих словах старший лейтенант Корытов ехидно ухмыльнулся.

- В собственном кабинете поймали, - продолжал Метелкин. - С поличным. Взял у больного триста рублей. В качестве платы за больничный лист.

- И это наверняка не единственный случай, - подал голос Корытов. - У этого лекаря 173-я статья на морде написана. Давно про него разговорчики ходят. Берет на лапу всю сознательную жизнь. Ни дня без взятки!

Ай да разговорился Корытов! Метелкин даже рот раскрыл, удивившись многословию обычно неразговорчивого туповатого гаишника.

- Разберутся, - коротко закончил капитан.

Вот это новость! Словно табуреткой из-за угла треснули. Представить Сергея Николаевича в гнусной роли взяточника было очень трудно - это был один из уважаемых докторов больницы. Но приходилось верить - капитан Метелкин умел добывать достоверную информацию.

Корытов уехал. В медвытрезвителе началась обычная суета с документацией, оформлением клиентов, которые вдруг посыпались пачками - и от «группы захвата», и от патрульных, и от вневедомственной охраны. Некоторых я не брал - легкая степень опьянения - и они направлялись в райотдел для оформления штрафа. Капитан Метелкин еще пару раз отлучался в дежурную часть, но никаких новых сведений о травматологе получить не смог. Рыбалко, которому я позвонил по телефону, недовольным голосом ответил, что он занят и просит сегодня больше не звонить.

Стало ясно, что Сергея Николаевича взяли в оборот. Я уже знал от Метелкина и Рыбалко, что многие подследственные наиболее полнее «раскальваются» в первые сутки после ареста, когда не прошло первое психологическое потрясение, и человек находится в смятении. Обычно в течение первых двух-трех суток подозреваемого в преступлении допрашивают постоянно - весь день и всю ночь, устраивают очные ставки, приводят доказательства, а иногда, как мне рассказывали некоторые бывшие зеки, аккуратно избивают. Травматолога, конечно, бить не будут - старший лейтенант Рыбалко человек порядочный и уважает Закон. Но психологически на доктора будут воздействовать - в этом можно не сомневаться.

Я автоматический оформлял протоколы, выслушивал пьяный лепет клиентов, а мысленно был там, наверху, в маленьком кабинете, где сейчас мой приятель старший лейтенант Рыбалко усиленно допрашивает моего коллегу Сергея Николаевича. Такая вот проза жизни!

Утром я отправился на экзамены в ГАИ, которая располагалась в квартале от милиции в скромном одноэтажном деревянном здании. Собралось десятка два начинающих водителей. Тягостная атмосфера ожидания - кто-то перечитывает «Правила дорожного движения», некоторые, идущие сдавать повторно, плачутся на свою невезучесть и дают новичкам различные советы.

В девять утра началась процедура регистрации документов, а потом всех запустили в просторную комнату. Капитан Кукушкин раздал экзаменационные карточки. Десять вопросов. Разрешена только одна ошибка. Вопросы были мне знакомы, хотя некоторые оказа-

лись довольно заковыристыми, и справиться с ними можно было, только зная дополнения к «Правилам движения». Я боялся только что-нибудь напутать. Неоднократно я перепроверял сам себя, прежде чем окончательно поставить знак напротив варианта ответа. Наконец карточка заполнена, я отдал ее капитану и вышел в коридор. Через час после окончания теоретического экзамена нам зачитали фамилии счастливых. Ура! Я в их числе! Теперь предстоит экзамен по вождению.

Мотоциклистов было всего семь человек. Принимал экзамен старший лейтенант Корытов, который, увидев меня, притворился, что мы незнакомы. Может быть, это и правильно. Экзамен был несложный - три раза прокрутить «восьмерку» на мотоцикле на асфальтированной площадке перед зданием ГАИ. Мотоцикл точь-в-точь как у Рыбалко - такой же старенький «Минск».

Первые два человека экзамен завалили - один коснулся ногой земли, у другого - заглох мотоцикл. Третий благополучно прокрутил «восьмерки» и - сдал экзамен. Следующая очередь моя. Немножко волнуясь, я сел на сидение и аккуратно отпустил сцепление. Мои предыдущие тренировки не прошли бесследно: движения были правильные и автоматические, я быстро и без ошибок прокрутил с десяток «восьмерок» и остановился после одобрительного жеста Корытова.

- Сдал. Через два часа - за документами, - сказал он мне.

Наконец-то заветные права у меня в кармане! Маленькая невзрачная книжечка, а сколько хлопот ее заполучить! Теперь можно смело выводить из гаража мотоцикл, тем более, что наступил дачный сезон и придется ежедневно десять километров добираться до своего садового участка. Сегодня у меня отгул, никуда спешить не надо, и я предложил Корытову «обмыть» мое водительское удостоверение. Тот согласился - экзамены закончились, и никаких дел больше не предвиделось.

Я купил две бутылки водки (специально приберег пару талонов!), и мы пошли в гости к капитану Метелкину, проживавшему неподалеку от ГАИ в двухэтажном кирпичном доме. Метелкин был один - жена на работе, сын-курсант учится в военном училище. Вид у капитана заспанный, одет в старенький спортивный костюм. Узрев спиртное, Метелкин моментально взбодрился, повеселел и даже в честь прихода гостей переоделся в джинсы и синюю милицмейскую рубашку. Трапезу устроили на кухне, наскоро сварганили закуску из яичницы, копченого сала и консервированной кильки в томатном соусе. После первых ста граммов Метелкина потянуло на разговоры.

- Удалось мне утречком, перед уходом домой, переговорить с Рыбалко, - начал он, проглотив кусок яичницы. - Кое-что узнал. Так сказать, в пределах дозволенного. Как известно, вчера погорел на взятке местный хирург-травматолог. История такова. Пришел к нему один малоизвестный гражданин, обычный работяга-алкоголик. В ноги падает - дай больничный лист, мол, на работу сегодня не вышел, проспал с похмелья. Уволят по 33-й статье, поскольку до этого уже было у него два прогула. Сам же пообещал доктору 300 рублей за пять дней больничного. Эскулап и согласился - за такие деньги ему месяц на полторы ставки вкалывать надо. Получил мужичок больничный лист, а на следующую явку в поликлинику назначили передачу денег...

Метелкин прервался для принятия очередных ста граммов. На этот раз закусывал килькой.

- А дальше события развернулись непредсказуемо для доктора, да и для мужичка тоже. Супруга работяги, услышав про 300 рублей, окосела от жадности и накатала бумагу в ОБХСС. Не сказавши об этом мужу! И все, обратного хода нет. Мужичок, узнав о таком мерзком поступке жены, заставил было ее забрать заявление, но им в ОБХСС популярно объяснили, что при таком раскладе заведут уголовное дело против его заявительницы - за ложный донос.

Метелкин рассказывал легко и непринужденно, словно забавный анекдот, временами используя шутовские жесты и ернические интонации. И в самом деле - что для него судьба какого-то врача-травматолога. Сюжет для очередной бывальщины, рассказанной на каком-нибудь пьяном застолье. Мне невольно вспомнилось, как искренне соперничал капитан старшине Володе, ожидавшем суда в областном СИЗО. Контраст разительный. Причина не только в корпоративной поддержке. И Метелкин, и его коллеги привычно делили население на две неравные группы - «своих» и «остальных».

- Закрывать больничный работяга пришел через пять дней - как договаривались. В кармане - деньги. Меченые, - Метелкин на несколько секунд прервался, отщипнув кусочек хлеба. - Рыбалко спрятался в коридоре, у другого кабинета - для конспирации, а капитан из области стоял у дверей - его-то у нас никто не знает. Сразу скажу, доктор был осторожен и

сестру из кабинета убрал - в лабораторию за анализами послал. Только она за порог - работа доктору денежки из рук в руки передал. Так сказать, дал на лапу эскулапу! Тот пересчитал и в карман кладет. Тут его и подловили. Капитан в кабинет заскочил, Рыбалко - за ним. «Что у вас в кармане?» И понятых заводят, чтобы потом не вздумал отпираться.

Мы допили первую бутылку, откупорили вторую. Метелкин достал из холодильника банку соленых огурцов и разложил их на тарелке.

- На этом история неудачливого взяточника временно прерывается, - ухмыльнулся Метелкин. - Пускай пока отдохнет в ИВС. Сейчас ОБХСС будет выяснять его связи. Не исключено, что данный эпизод не единичный. Глядишь, еще что-нибудь выплывет.

Вторая бутылка водки подходила к завершению. Хмель все сильнее овладевал нашим рассудком. Наступила эйфория, и даже положение Сергея Николаевича стало казаться мне не таким уж безвыходным. «Может, все еще обойдется?» - успокаивающе подумал я.

- Предлагаю продолжить банкет! - неожиданно гаркнул Корытов и выложил на стол пять рублей. Мы с Метелкиным в свою очередь добавили - хватило на бутылку водки. Капитан, отыскав талон, ушел к соседу на разведку.

- Кто ищет - тот всегда найдет! - торжественно провозгласил через пять минут с порога Метелкин и взмахнул бутылкой водки.

- Гуляем! - радостно взвизгнул Корытов.

Пир - горой, мысли - долой! Снова пили водку. Потом, растворив окно, до хрипоты орали народные песни и, притомившись, снова пили водку и закусывали. По домам нас с Корытовым повез на служебной гаишной машине сержант, напарник старшего лейтенанта...

Глава 23. ГВОЗДИ БЫ ДЕЛАТЬ ИЗ ЭТИХ ЛЮДЕЙ

С наступлением лета в Жердянке приступают к ремонту дорог, и городской пейзаж дополняется обычной картиной: хлипкие металлические ограждения, громоздкие механизмы, полуживые с похмелья рабочие в ярких спецовках или просто обнаженные по пояс, смрадный асфальтовый чад. В медвытрезвителе с утра плотно упакованы все окна - сегодня дорогу латают неподалеку от здания милиции, и мы предпочитаем страдать от жары, нежели задыхаться от грязно-сизого дыма и копоти.

Вчера состоялось заседание суда, на котором старшину Володю приговорили к шести месяцам лишения свободы. Закон суров, но это - закон. В истории Жердянского РОВД - случай уникальный. Обычно за гораздо большие провинности дело заканчивалось только увольнением со службы. Без огласки. Но сейчас помешала володькина супруга - очень упрямая женщина, отказавшаяся от любых компромиссов. И судья, тоже женщина с характером и несложившейся личной жизнью, из чувства женской солидарности упекла старшину за решетку. Как говорится, в назидание другим мужикам-сволочам! Отбывать наказание старшина будет в «милицейской зоне». Из милиции его, естественно, уволили, а до полной выслуги лет осталось всего 2 года 4 месяца, и теперь, после освобождения, ему придется вкалывать, как всем, до 60 лет. Вот так случается в жизни.

Сержант Леша окончательно переведен на место выбывшего старшины, и «группа захвата», до появления нового сотрудника, вынуждена нести службу вдвоем. До обеда мы оформили одного тихого пьяницу, которого привезла вневедомственная охрана прямо с рабочего места - какого-то склада. Мужичок плюгавенький, безобидный, хлопот с ним никаких, и через пять минут он уже мирно почивал в палате. День прошел в приятном безделье - чаепитие, шахматы, чтение детективной литературы. Ближе к вечеру в приемную заглянул старший лейтенант Рыбалко. Мы с Метелкиным лениво передвигали по доске шахматные фигуры, скучали и подсчитывали оставшиеся часы до ужина.

- Привет, орлы! - поздоровался Рыбалко. - Страдаете?

- Приходится. Ни тебе ни женщин, ни пивной... трезвость, - продекламировал Метелкин известное стихотворение Маяковского.

Ай да капитан! Я-то думал, что у него в голове всего одна извилина - от фуражки, и все жизненные интересы ограничиваются только выпивкой и службой, а он на тебе - классиков соцреализма цитирует.

- Что новенького у защитников социалистической собственности? - поинтересовался Метелкин, передвигая своего коня. - Шах.

- Всегда на страже, - отозвался Рыбалко. - Дело на днях закончили - по травматологу. В суд передали.

- И какие перспективы? - спросил я, уничтожив вражеского коня своим слоном.

- Для травматолога - никакого просвета. Доказано еще два подобных эпизода. Следова-

тельно, брал взятки систематически.

- Раскрутят на полную катушку, - произнес Метелкин.

- Суд решит, - уклончиво ответил Рыбалко. - Если, конечно, трудовой коллектив заступится, главный врач подсуетится. Может быть, тогда и поменьше дадут.

- Ну, как, заступятся за доктора? - обратился ко мне Метелкин.

Я мысленно представил нашего главврача, пьяницу и лицемера, на словах ратующего за трезвый образ жизни, а втихаря (об этом знала вся больница!) регулярно распивавшего в кабинете казенный спирт в компании с двумя лизоблюдами. И цель у него, по большому счету, была только одна - любой ценой «выбиться в люди», сделать карьеру, пристроившись на теплое местечко в облздравотделе. Вспомнил я, как он усиленно обхаживал престарелую тещу заведующего облздравотделом, проживавшую в нашем районе, вероятно, считал, что эта старушка могла бы стать одним из основных трамплинов его возможного повышения. И он усердствовал - без нужды гонял к старушке за двадцать километров «скорую» или сельского терапевта с активными посещениями (проверить бабушкино здоровье). Да и сам, лично, частенько приезжал к ней «почаевничать». На первый взгляд, ничего зазорного в таких знаках внимания нет, но остальных стариков, не имевших сиятельных родственников, главврач в упор не видел. А во время ненужных «профилактических» поездок машины «скорой помощи» (а их в больнице было всего две!) экстренные вызовы иногда лежали в диспетчерской по часу, потому что одна оставшаяся машина была не в состоянии обслужить сразу все.

- Наверяд ли за него заступятся, - в сомнении покачал я головой. - Скорее всего - позором заклеймят.

- Придется тогда ему сушить сухари, - сделал вывод капитан.

Патруль привез пьяного, надо было его оформлять, и Рыбалко ушел, чтобы не отвлекать нас от дела. Клиент, упитанный крепенький мужчина лет сорока, глядел на нас очень недружелюбно. Его руки украшали разнообразные красочные татуировки на уголовную тематику.

- Я - инвалид, - сообщил клиент заплетаящимся языком. - У меня - бронхиальная астма.

- А я вице-король Индии! - иронически ответил капитан Метелкин. - Предъявите удостоверение инвалида.

- Дома забыл.

- Тогда ничего не знаю. Явных признаков инвалидности нет, а на словах можно утверждать что угодно.

- Средняя степень опьянения, - сказал я капитану после беглого осмотра клиента.

Мужчина скандалить не стал, спокойно разделся (на теле татуировок было еще больше) и с достоинством, насколько позволяло его состояние, прошествовал на указанное место.

- Узнал я интересную новость. Можно сказать, тайну «мадридского двора», - сказал Метелкин, когда мы опять остались вдвоем. - На нашего предрика Крутликова некие правдолюбцы «телегу» в область направили. О злоупотреблениях служебным положением.

Я молча ждал продолжения.

- Нынешней зимой Крутликов переехал в отдельный уютный коттедж, а квартиру свою трехкомнатную не сдал, как положено, государству, а прописал в ней старшего сына. Не пропадать же добру!

- Всех испортил квартирный вопрос, - процитировал я известную фразу из романа Булгакова.

Метелкин с недоумением посмотрел на меня, из чего следовало, что Булгакова капитан пока еще не осилил. И неудивительно, поскольку произведения Михаила Афанасьевича были все еще в большом дефиците, и я сам через третьи руки смог достать роман «Мастер и Маргарита».

- И еще различная мелочевка, - вернулся к своему рассказу Метелкин. - Жена у предрика работает на ДОЗе, занимает должность старшего инженера, а всего-то за плечами - лесомеханический техникум. И то - заочно. Сынок старший и двух месяцев после института в школе не проработал - уже инспектор РОНО. Семейственность! И дачу, по слухам, они себе на халяву выстроили.

- Заведут уголовное дело? - предположил я.

- Не будь таким наивным. Год назад уголовное дело скорее бы всего завели на здешних правдолюбцев - за клевету. А сейчас, учитывая натянутые отношения предрика с первым секретарем райкома, историю эту попросту замнут, похоронят под ворохом бумаг.

Дверь открылась. В приемную вошли сержант Леша, сержант Саша, Алканавтыч и два пьяных дорожных рабочих.

Отчетливо запахло гарью, дешевым красным вином и копченым салом.

- Гурманы - даже сало где-то раздобыли, - с одобрением сказал Метелкин.

- Пили на рабочем месте. Прямо у асфальтового катка, - доложил сержант Саша.

Один из рабочих, высокий, худой, неряшливо побритый, что-то нечленораздельно пробормотал, второй, покороче и потолще, коротко рыгнул и без приглашения уселся на кушетку.

- Оформляйте обоих, - распорядился я.

Разговаривать с клиентами сейчас не имело смысла, выяснение паспортных данных решили отложить до утра - когда протрезвеют. Леша с Сашей стащили с обоих мужичков одежду, отвели на место, а потом долго и тщательно умывались в туалете. Саша вернулся первым и, достав из кармана колоду карт, предложил перекинуться в «дурака». Но в этот момент на пороге появился Леша с большой кожаной сумкой, молча подошел к столу и выставил на всеобщее обозрение четыре бутылки водки, трехлитровую банку домашних маринованных помидор, полпалки вареной колбасы, несколько пучков лука, банку рыбных консервов. Минута молчания. Леша медленно снял фуражку и обтер ладонью свою макушку с отчетливо определившейся преждевременной лысиной.

- Можете меня поздравить, - торжественно и немного грустно сказал он. - Женюсь.

- Давно пора, - одобрил Алканавтыч. - Заждались.

Надо сказать, что своей новостью Леша нас не удивил, так как мы прекрасно знали, с кем сержант проводит свободное от службы время. Лешина невеста - медсестра из нашей поликлиники - была и на полголовы выше сержанта, и комплекцией значительно монументальнее его, но... на вкус и цвет товарищей нет. И мы все поочередно поздравляли сержанта и желали всевозможных благ в будущей семейной жизни.

- Решил устроить небольшой мальчишник, - объяснил Леша, указывая на стол с припасами.

- Похвально, - потер ладонями Алканавтыч.

Сержант Саша пошел ополоснуть стаканы, а капитан Метелкин быстро и аккуратно нарезал невесте откуда взявшийся батон белого хлеба. Время было выбрано удачное - рабочий день закончился, начальство разошлось по домам, и нашим посиделкам никто не мог помешать. События разворачивались по обычному сценарию - тосты, звон стаканов, чавканье и остроты Алканавтыча. Я всегда поражался феноменальной способности сотрудников медвытрезвителя пить водку в больших количествах, практически не хмелея. По крайней мере, чтобы напиться до средней степени опьянения, им требовалось очень много водки. И я никогда не забывал о собственной невысокой толерантности к алкоголю и что мне с милицейским персоналом вытрезвителя в этих вещах не сравняться. Поэтому я старался наливать себе поменьше, а закусывать поплотнее - и все равно после употребления на всю компанию двух бутылок водки у меня появились отчетливые признаки опьянения, тогда как остальные собутыльники оставались практически трезвыми. Из коридора слышался шум - кто-то из клиентов барабанил в дверь палаты. Сержант Леша пошел разбираться.

- Задыхается тут один, - сообщил он, вернувшись. - Доктора просит.

Я прошел в палату. Беспokoил клиент с татуировками, который пытался убедить нас в своей инвалидности и якобы имевшейся у него бронхиальной астме. Сейчас он сидел на краю кушетки и учащенно дышал. Старательно так дышал, даже язык высунул. Для несведущего в медицине человека - явный приступ удушья. Но я сразу обратил внимание на обычный цвет кожных покровов, особенно лица, и отсутствие незначительных на первый взгляд признаков, характерных для приступа бронхиальной астмы. Когда я прослушал легкие, мне стало окончательно понятно, что клиент симулирует.

- Хватит валять дурака. Никакого приступа удушья у тебя нет, - разъяснил я ему.

Тот задышал еще чаще, но я, не обращая на этот цирк внимания, закрыл дверь. Клиент не унимался, стучал и требовал медицинской помощи. Наконец Леша, не выдержав, очень доходчиво объяснил ему всю пагубность подобных действий и пообещал в качестве лечебного средства применить резиновую дубинку. После этого приступ удушья моментально прекратился. Такая вот терапия!

Мальчишник продолжался. Мы выпили третью бутылку и прослушали два пошлых анекдота от Алканавтыча. В приемную совершенно некстати вошел дежурный по РОВД майор Басалаев и завистливым взглядом зыркнул на наш стол. Ему налили полстакана водки, и он, успокоившись, удалился, так и не объяснив цель своего визита. Скорее всего, решил выпить на дармовщинку!

Я почувствовал, что пора остановиться - не то сильно опьянею. Воспользовавшись передежкой между тостами, я встал и вышел на крыльцо. Стоял чудный вечер. Изнуряющая

дневная жара сменилась ненавязчивой комфортной теплотой. Безветрие. Асфальтовый дым опал, воздух опять наполнился привычными для Жердянска восхитительными хвойными ароматами, чему способствовали многочисленные насаждения сосен и елок, расположенные в каждом свободном от построек участке города. На западе, из-за верхушек деревьев, из-за крыш домов выглядывал красноватый солнечный диск. По тротуарам не спеша фланировала молодежь, прохаживались с колясками мамы и папы. Вдалеке, за железнодорожным вокзалом, чьи-то пьяные голоса нестройно горланили разухабистую народную песню. Из вытрезвителя вышел Алканавтыч.

- Хорошо, но мало, - сказал он мне. - Сбегаю-ка я к приятелю. Пошарю чего-либо горячительного.

«Несгибаемый человек! - с уважением подумал я, посмотрев на его твердую походку и уверенные жесты. - Гвозди бы делать из этих людей... Что-то меня сегодня на цитаты тянет?» Возвращаться в приемную не хотелось, и я медленно прохаживался перед зданием милиции, размышляя о всяческих отвлеченных предметах. От скуки завернул в дежурную часть, где майор Басалаев вместе со своим помощником, молоденьким сержантом, пил пиво из трехлитровой банки и, причмокивая, расправлялся со здоровенным, как сковорода, копченым лещом. Памятуя о порции водки, коей его угостили в медвытрезвителе, майор налил мне стакан пива и выделил хвостик рыбы...

Когда я пришел обратно в вытрезвитель, то еще в коридоре услышал басовитый голос Алканавтыча, что-то увлеченно рассказывающего о своей службе в армии. Вся компания сидела рядышком и с интересом внимала байкам старшины. На полу, у сейфа с медикаментами, сиротливо стояли четыре пустые бутылки из-под водки, а на столе в окружении закуски (в мое отсутствие откуда-то появилось сало и соленые огурцы) горделиво возвышалась литровая банка с какой-то подозрительной мутноватой жидкостью. «Самогонка!» - догадался я, приняв хвостик.

- Николай Палыч, по маленькой! - встрепенулся, увидев меня, капитан Метелкин.

Я из вежливости осушил немного самогонки, которая оказалась очень крепкой и хорошо очищенной, и ушел спать в пустую палату. Продолжать веселье у меня не было ни сил, ни желания... Около часа ночи меня потревожили. Патруль привез какого-то вшивого и чесоточного (вся кожа в расчесах) бродягу, которого я, естественно, не принял по причине кожного заболевания. Мои железобетонные коллеги все еще продолжали банкет. Физиономии у всех красные. В комнате пахло табаком и сивухой, а на столе стояли две бутылки красного вина. Голова у меня сильно трещала с похмелья, я с охоткой выпил 150 граммов красненького и ушел спать. До утра меня не будили...

Глава 24. НЕБЫВАЛЫЙ ЗАХВАТ

В Жердянском РОВД - небывалое событие: капитан Качалкин задержал опасного преступника. Признаться, никто этого от него не ожидал, для большинства сотрудников, да и для меня тоже, Качалкин был туповатым неудачником и хроническим алкоголиком, которого держали на службе из жалости по причине недалекой пенсии. И такой мужественный поступок! Впрочем, начну все по порядку.

В начале июля, превосходным солнечным утром капитан Качалкин отправился в село Николаевское, расположенное в сорока километрах от райцентра. Поехал он туда не по грибы-ягоды, а с определенной целью - выбить долги из совхозной бухгалтерии за первый квартал текущего года, когда двенадцать работников совхоза в различные дни переночевали в медвытрезвителе (некоторых сдали жены, а кое-кто попал туда во время кратковременных неофициальных визитов в районный центр), да так и не расплатились (денег при себе не было). Счет за услуги им, само собой, выслали по месту работы, но до сих пор не получено ни копейки.

В Николаевское Качалкина привезла «группа захвата», которая, подобрав у продмага раннего пьяницу, укатила обратно в Жердянск. А капитан для начала пошел в сельсовет - проверить качество проведения антиалкогольных мероприятий. Секретарь сельсовета, невысокий шустрый паренек лет двадцати пяти, в очках, в новеньком синем костюмчике (несмотря на жару!), с гордостью предъявил капитану длинный список односельчан, оштрафованных за нарушение антиалкогольного Указа Горбачева.

- Хорошо работаете, - одобрил Качалкин.

- Трех направил в наркологическое отделение областной больницы, а одного оформили через районного нарколога в АТП.

- Молодцы! Стараются! - вновь похвалил его Качалкин. - Так и дальше работайте.

Распрощавшись с секретарем, Качалкин направился в совхозную бухгалтерию. Миновав шеренгу двухэтажных кирпичных домиков, он свернул к одноэтажному строению - правлению совхоза. Главный бухгалтер, подслеповатая женщина предпенсионного возраста, оказалась на месте и сразу догадалась о причинах визита начальника медвытрезвителя.

- Недавно вам денежки перечислили. Два дня прошло, - обнадежила она капитана. - По окончании посевных работ зарплату насчитали только неделю назад. Сразу и штраф за вытрезвитель удержали.

- Вот и хорошо. А то смотрите - за просрочку пени будем брать, - пошутил Качалкин.

- С нас, где сядешь - там и слезешь. Еле концы с концами сводим.

Приоткрылась дверь, и в кабинет заглянула плохо выбритая скуластая физиономия. Выглядела физиономия лет на сорок с гаком.

- У вас, говорят, из милиции здесь?

- Из милиции, Ключкин, из милиции. Дела у нас, - раздраженно сказала главбух и пояснила Качалкину. - Бригадир наш. Из Андроповской бригады.

Дверь отворилась пошире, и вслед за физиономией на пороге нарисовалось худощавое сутулое тело среднего роста.

- А у меня тоже дело. И очень срочное. Государственное, - не унимался бригадир. - Именно к товарищу капитану.

- Слушаю, - отозвался Качалкин, приготовившись к очередному доносу о соседском самогоноварении или иных местных прегрешениях.

- Пашку Воробьева видел. Сегодня утром. На болоте.

- Воробьева?! - Качалкин даже не поверил услышанному. Павел Воробьев, уроженец здешних мест, был отпетым рецидивистом и сейчас находился «в бегах». Свой побег он совершил месяц назад из мест заключения в Архангельской области, и в Жердянский РОВД на него поступила соответствующая ориентировка. То, что он рискнет появиться в родных краях, где его, как говорится, каждая собака знает, было маловероятно. И поэтому к рассказу бригадира капитан отнесся очень скептически. Скорее всего, бригадир обознался, но оставлять без внимания такое сообщение было нельзя. В эти минуты капитан Качалкин испытал одновременно два противоположных чувства - сожаления и радости. Сожаление, что приехал сегодня в это село и таким образом вляпался в сомнительную историю с неизвестным исходом. И радость, что взял на всякий случай табельное оружие.

- Где, говоришь, он прячется? - спросил капитан.

- От нашей деревни километров десять пройти надо. На болоте он - на островке. В шалаше живет.

- А ты сам как там оказался?

- Ходил утром клюкву посмотреть - где погуще уродилась. Сезон скоро начинается.

Качалкин позвонил в райцентр - дежурному по райотделу милиции, объяснил ситуацию и попросил направить к нему опергруппу. Теперь можно было спокойно дожидаться подмоги, но прибудет она не ранее чем через час, а где гарантия, что именно за этот час преступник не вздумает уйти? (Если, конечно, считать, что бригадир не ошибся!) И Качалкин решил рискнуть - самому отправиться на болото и попытаться если не арестовать, то хотя бы держать беглеца под наблюдением.

До деревни Андропово они с бригадиром доехали на совхозном «УАЗе». В деревне Качалкин переобулся в заимствованные у Ключкина резиновые сапоги, оставил свою приметную фуражку с красным околышем, а поверх мундира для маскировки надел брезентовый плащ защитного цвета (снова одолжил бригадир). На болото пошли вдвоем - больше из мужчин в деревне никого не было - все на работе. Перед уходом Ключкин наказал своему двенадцатилетнему сыну обязательно дождаться милицию и объяснил, где их с капитаном следует искать...

Деревня Андропово располагалась на берегу реки. Совсем рядом, только перейти узкую полосу пойменного леса, начиналось обширное болото, тянувшееся на десятки километров к северу. Чтобы сберечь силы и время, Ключкин предложил сначала двигаться вдоль берега - по тропинке, а потом по кратчайшему расстоянию выйти прямо на болотный островок. Бригадир оказался неплохим ходяком, и коротконогому Качалкину, чтобы не отстать, пришлось поторапливаться, временами он даже бежал рысцой. Узкая тропа петляла заячьим следом: временами выходила прямо на берег реки - к бодрящему ветру, яркому солнцу, а потом сворачивала в глубину леса - на съедение комарам и слепням.

- Два ручья пройдем, а потом - свернем на болото, - на ходу объяснял Ключкин.

Через полчаса интенсивной ходьбы добрались до первого ручья: метров пять шириной,

неопределенной (вода очень мутная!) глубины с пологими топкими берегами. На другой берег пришлось перебираться по крупным шершавым валунам, прыгая кузнечиками и ежесекундно рискуя искупаться в грязной воде. Переправа прошла благополучно. Несколько минут отдыха - и опять началась непрерывная ходьба. Постепенно Качалкин привык к широкому шагу бригадира, вошел в ритм и последующий отрезок пути показался ему менее тяжелым.

Вот и второй ручей - немного пошире первого, здесь даже был примитивный мостик в виде двух потемневших от сырости и времени трухлявых сосновых бревен, небрежно переброшенных с берега на берег. Бригадир одолел это сооружение в два прыжка и, не оглядываясь, пошел дальше. Качалкин, опасаясь ненароком поскользнуться, шел медленно, осторожно и тщательно выбирал место, куда поставить стопу. Наконец он на берегу. И бегом догонять ушедшего вперед бригадира! У зарослей можжевельника Ключкин свернул вправо - на едва заметную тропинку. Качалкин, само собой, последовал его примеру. Запахло сыростью. Деревья вокруг стояли живые, корявые, с мертвыми сухими верхушками, до половины обросшие мхом - словно живые иллюстрации русских народных сказок о лесной нечисти.

- Далеко еще? - спросил капитан.

- Сейчас лес пройдем, потом - примерно километр по болоту, а там и островок будет.

- А он тебя не заметил? - спросил Качалкин, имея в виду рецидивиста Воробьева. - Может, давно уже деру дал?

- Наверяд ли. Я раненько ходил - шести не было. Костер свежий - дымился вовсю. И Пашка в шалаше пьяный в отрубон валялся. Бутылка водочная пустая рядышком.

«Бутылка? Значит, кто-то из местных снабжает, - подумал капитан. - Хорошо, что сразу пошли, а то его могли бы и предупредить». Деревья стали редеть, уменьшаться в размерах. Зашли в густые заросли черничника. В иной ситуации Качалкин обязательно бы остановился набрать пару литров этой полезной ягоды, но сейчас только с сожалением поглядел на густо осыпанные спелыми черными бусинками ветки и на ходу, не замедляя шагу, сорвал несколько ягодок.

Тропинка превратилась в грязное месиво, ноги по щиколотку проваливались в тягучую вязкую жижу. Началось болото. Пейзаж однообразный: светло-зеленая кочковатая равнина, единичные маленькие сосенки, кое-где безобидные с виду лужицы, куда лучше не соваться. Идти стало полегче - тропа здесь, на болоте, была суше, только каждый шаг сопровождался ощутимыми сотрясениями, словно идешь по мягкому пружинящему матрасу. У Качалкина появилось едва заметное чувство тяжести за грудиной. Возможно, нервы пошаливают, но не исключено, что это предвестник приступа стенокардии, появившейся у капитана за последние полгода. «Сердечного приступа только мне и не хватало!» - огорченно подумал Качалкин и на всякий случай, тайком от Ключкина сунул под язык таблетку нитроглицерина, который он постоянно держал при себе. Тяжесть за грудиной исчезла. Наверное, подействовал нитроглицерин, но не исключено, что это - чисто психологическое воздействие, самовнушение. Для большей гарантии Качалкин немного замедлил шаг, чтобы подойти к преступнику в полной боевой готовности. Темный массив леса за спиной превратился в едва заметную неровную полоску, а впереди показалось небольшое скопление елочек и сосен, четко выделявшееся на фоне болотного ландшафта.

- Вот и островок, - сказал Ключкин.

- Метров триста осталось, - определил на глаз расстояние Качалкин.

Капитан снял с предохранителя пистолет, передернув затвор, дослал в ствол патрон и спрятал руку с оружием за полу плаща.

- А ты поотстань. И не спеши, - приказал Качалкин бригадиру. - Мало ли что случится!

Качалкин опасался, что у преступника окажется огнестрельное оружие - какое-нибудь ружьишко.

- Если начнется стрельба - падай, - предупредил он Ключкина.

К островку капитан подошел первым - оружие продолжал прятать под плащом. За ним, метрах в пятидесяти, шел бригадир. Участок суши своими размерами не превышал стандартной футбольной площадки. По краям - кустарник, потом - крошечный лесочек. В центре острова, под самой большой сосной, стоял шалаш. Рядом - уголья потухшего костра.

Человек выскочил неожиданно - из-за шалаша. Выскочил, взглянул на Качалкина и бросился бежать. Видимо, тот, несмотря на маскировку, показался ему подозрительным, и преступник предпочел уйти по-английски. Капитан, чертыхнувшись, галопом пустился за ним. И про больное сердце забыл!

- Стой! Я сотрудинок милиции.

Вытащил пистолет. Сделал предупредительный выстрел в воздух.

- Теперь стреляю на поражение.

Человек остановился - понял, что не уйти. Развернулся всем корпусом, и Качалкин убедился, что бригадир не ошибся - перед ним стоял Пашка Воробьев собственной персоной. Коренастый, с длинными, как у гориллы, мускулистыми руками, очень сильный и очень опасный. В руке сверкнуло лезвие ножа. «Что делать? Врукопашную?» - подумал Качалкин и, оценив противника, понял, что ему с ним не справиться. Капитан и раньше не был атлетом, а последующая «сидячая» работа и чрезмерное увлечение спиртными напитками и вовсе подорвали его здоровье. Куда ему тягаться с таким бугаем! Единственное, что капитан умел делать хорошо, - это стрелять.

- Бросай нож, застрелю! - крикнул Качалкин, когда их разделяло расстояние одного прыжка.

Преступник и ухом не повел. Хищно оскалился, выбирая удобный момент для удара и... Качалкин хладнокровно прострелил ему правую руку. Нож упал в траву. Воробьев схватился левой кистью за раненое правое предплечье, но тут же, пересилив боль, потянулся здоровой рукой к ножу. Качалкин изо всех сил пнул его в грудь, а подбежавший Клюквин огрел по спине здоровенной корягой...

Опергруппа, которую вел сын бригадира, встретила их у второго ручья. Воробьев после избития стал послушным, сопротивляться не пытался, но на всякий случай ему скрутили руки брючным ремнем бригадира, предварительно перевязав рану рукавом собственной рубахи.

На следующий день капитан Качалкин начал составлять подробные рапорты и объяснительные, доказывая необходимость применения табельного оружия. Ему повезло, что при задержании преступника присутствовал свидетель - бригадир Клюквин, чьи показания оказались решающими и избавили начальника медвытрезвителя от каких-либо неприятных последствий.

Глава 25. РАСПЛАТА ЗА МЕНЯЛУ И ЯРОСТЬ ЛЕСОРУБОВ

Этой ночью «загремел» в больницу капитан Качалкин. Недавнее «болотное» приключение и последующая переписка с прокуратурой подорвали здоровье нашего начальника, и с диагнозом «ИБС. Нестабильная стенокардия» он поступил сегодня в 3 часа 20 минут в терапевтическое отделение. С утра приказом по РОВД исполняющим обязанности начальника медвытрезвителя назначен капитан Метелкин. Правда, от дежурных смен его не освободили, но Метелкин не возмущался. Наоборот, он был очень доволен и, как мне кажется, всерьез рассчитывал на эту должность. То, что Качалкин после выслуги лет сразу уйдет на пенсию, ни у кого не вызывало сомнения. Служить дальше здоровье не позволит. А тут и Метелкин наготове. Сейчас он в превосходном расположении духа сидел за столом напротив меня и лениво перелистывал журнал «Советская милиция».

А у меня настроение пакостное, и тому есть причина. Вчера был суд над Сергеем Николаевичем, травматологом. Отвратительное зрелище! Главный врач, как и следовало ожидать, продал своего доктора со всеми потрохами: мало того, что он не стал заступаться, так еще накатал мерзкую характеристику. На суд главврач не явился, а прислал своего заместителя Сергея Вениаминовича, осторожного типчика с вкрадчивыми манерами, которого все в больнице «за глаза» называли «налимом». И этот «налим» оправдал ожидания своего шефа - от лица коллектива больницы он заклеил позором Сергея Николаевича и попросил суд назначить самое суровое наказание. Прямо-таки 1937 год! Но и без этого мерзкого выступления судьба травматолога была незавидной. Из объяснений всеведущего капитана Метелкина я еще до суда знал, что процесс над травматологом будет показательным. И все же приговор оказался очень суров: восемь лет лишения свободы с отбыванием срока в колонии строгого режима! Да-а, где он сейчас, Сергей Николаевич? И выйдет ли живым на волю!

Мои размышления прервали громкие голоса на улице. Я посмотрел в окно - из подъехавшей к райотделу патрульной машины вылезли два кавказца. Они были сильно побиты - у одного все лицо в крови, второй, с окровавленным ухом, еще и прихрамывал на левую ногу. Обоих я постоянно видел за прилавком продовольственного рынка. Вместе с сержантом Бегемотом они прошли в дежурную часть.

- Надо пойти разведать обстановку, - встрепенулся капитан Метелкин.

Я остался на месте ожидать новостей. В приемную вошел сержант Леша - зевая, потягиваясь (он спал в пустой палате).

- Неплохо вздремнул. Теперь можно бы и перекусить.
Заглянул в электрический чайник.
- Полный!
Воткнул шнур в розетку.
- Как жизнь? - задал я ему банальный вопрос.
- Пока живем в общаге - выделили комнату. На первое время хватит. А там видно будет.
Поставили пока на очередь.
Пришел капитан Метелкин.
- Дела творятся, как в нью-йоркском Гарлеме, - выложил он свеженькие новости. - Столкновения на национальной почве.
Я с интересом ожидал продолжения.
- Рыночным торгашам какие-то местные мужики хорошенько бока намяли. Пару прилавков опрокинули. Короче, шороху навели хорошего.
Вообще-то я никогда не был упертым националистом (и тому причиной наше интернационалистическое воспитание), водил знакомства и с украинцами, и с кавказцами, и с азиатами. Но мои знакомые были преимущественно люди интеллигентные, равные мне по образованию, воспитанию, интеллекту, и у нас обычно находились общие интересы, весьма далекие от национальных разногласий. Но когда дело касалось базарных торговцев, мои взгляды менялись в корне: здесь на рынке я видел только грубых стяжателей, готовых удариться за лишнюю копейку, а так как торговые ряды в большинстве своем занимали выходы с Кавказа, то все они в итоге представлялись мне безликой кавказско-базарной нацией, невежественной, агрессивной и очень неинтеллигентной. Поэтому сообщение капитана Метелкина я воспринял с большим энтузиазмом.
- Есть небольшое дополнение... нюанс, так сказать, - добавил капитан, и одновременно с его словами на улице затарахтел двигатель подъехавшего патрульного «козелка». Мелькали знакомые фигуры патрульных, краткие распоряжения Бегемота... ничего новенького. Метелкин пока ничего определенного не сообщал.
От нечего делать я ушел в райотдел и поднялся на второй этаж к Рыбалко - поговорить о том о сем, развеяться, одним словом. Для приличия пару раз постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, на правах старого приятеля, вошел в кабинет. Старший лейтенант с деловым видом сидел за столом, а напротив него, на стуле, неловко съежился... директор Агроснаба Филимонов. Они о чем-то беседовали, и беседа, судя по невеселому виду Филимонова, была ему очень неприятна. Тут я некстати! Извинился, прикрыл за собой дверь.
«Филимонова опять пытаются ухватить за жабры. Интересно, как это Рыбалко решился? Не иначе грядут изменения в райисполкоме?» - размышлял я, возвращаясь на рабочее место. Капитан Метелкин сидел уже слегка «навеселе» - похоже, тайком от меня успел где-то выпить.
- А что, Кругликов все еще работает? - поинтересовался я у Метелкина.
- Да ты, Николай Палыч, скоро вперед меня новости узнавать станешь! - восхитился тот.
- Допрыгался наш предрик. Переводят его в облизполком, каким-то заведующим отделом. Внешне вроде бы кажется повышением, но и власти такой, как была, нет, да и зарплата ниже. Опала! Не сработался с первым секретарем.
«Теперь все ясно! - догадался я. - Защитничек убрался, и Филимонова можно спокойно сажать на нары. Припомнит ему Рыбалко все унижения. Припомнит сторицей!» Как я уже не раз убеждался, Рыбалко был очень терпеливым человеком. Он не стал переть на рожон, когда Филимонов находился под защитой председателя райисполкома. Без ропота съездил зимой в далекую и длительную командировку, добавив этим еще один плюс к служебной карьере. Он ничем не показывал своего недовольства, и Филимонов расслабился, подумал, что настырный «мент» о нем позабыл. Расслабился и наверняка наделал еще каких-нибудь промахов. Недалековидным оказался директор Агроснаба, не учел возможных перемен обстановки. И вот она - расплата! Бывший всемогущий защитник низвергнут, и Филимонов один на один с Рыбалко. И расклад сил теперь явно в пользу старшего лейтенанта. На пороге приемной появился сержант Леша.
- Пьяного привезли!
Леша посторонился, пропуская в комнату какого-то армейского прапорщика. Неуверенными шагами он преодолел порог, окинул пространство вокруг себя тупым остекленевшим взглядом, и с облегченным вздохом плюхнулся на кушетку.
- На вокзале нашли, - доложил Леша. - Пил вино прямо из горлышка. На скамейке. И ругался. К пассажирам приставал.
- Я челов-в-ек военный, - забубнил прапорщик. - Отпустить нем-медля. Прав не имеете...

- Документы! - потребовал капитан Метелкин.

Прапорщик размашистым движением кинул на стол свое удостоверение. Капитан Метелкин изучил предъявленные документы.

- Все понятно - проживаете в соседнем районе. А что вас в наши края привело?

- В гостях был - у тетушки. В деревне.

Комендатуры в Жердянске не было, и капитан позвонил военкому. Тот на предложение Метелкина забрать подгулявшего прапора только сердито пробурчал:

- А на какой он мне тут нужен?! Держите у себя до утра - пока не протрезвеет. А там разберемся.

Прапорщик был человеком военным, к дисциплине привык и «возникать» не стал. Сказал только, что, мол, у военкома совести нет. А потом разделся и прошел в палату. Немного поскучав, мы скинулись на литр водки и отправили Алканавтыча добывать спиртное.

- Опять клиентов привезли, - констатировал, глядя в окно, капитан Метелкин. - Совсем не вовремя.

К подъезду милиции подкатила патрульная машина: привезли двух пьяненьких мужичков, которых повели почему-то не в вытрезвитель, а в дежурную часть. Почти одновременно с патрульными приехала лесхозовская «Нива», и монументальный директор гослесхоза Уткин, в сопровождении двух субъектов помельче и попроще, прошел в райотдел. Капитан Метелкин, естественно, сейчас же пошел «на разведку». Он отсутствовал не менее получаса - за это время мы с Лешей успели с переменных успехом сыграть четыре партии в подкидного дурака. Метелкин вернулся в начале пятой партии и сразу уселся на свое место.

- Новостей тьма! И каких! - он даже головой замотал.

Пятая партия была отложена. Одним из немногих ценных качеств капитана Метелкина было умение всегда с полуслова воспринимать любую информацию. Ему хватало двух-трех подслушанных фраз, чтобы смоделировать свою версию какого-нибудь события. И в большинстве случаев версии капитана Метелкина соответствовали истине. С такими-то способностями ему только в угрозыске и работать, но там все места заняты, и Метелкину ничего не остается, как удивлять своими дедуктивными выкладками сотрудников медвытрезвителя.

- Предыстория такова. Бригада лесорубов собралась отметить день рождения одного из вальщиков, - начал рассказывать капитан. - Пировать начали еще в дороге, в машине, на которой их возили на работу. По прибытию в райцентр решили продолжить веселье на природе, на берегу реки. Раздобыли водки, а когда уселись, показалось им, что закуски маловато. Послали гонца - самого молодого - на рынок, благо он был неподалеку. И там, в базарных рядах, этот парнишка поссорился с каким-то торговцем. Сейчас пока истинная причина конфликта неизвестна, установлено только, что кавказец начал первым и тут же, от ответного удара, улетел под прилавок. Через пару минут подбежала целая орава возмущенных горцев, лесоруба хорошенько побили и выкинули на улицу...

Собственно говоря, случай этот не являлся какой-то сенсацией: стычки рыночных аббреков с жердянскими аборигенами время от времени происходили и обычно заканчивались победой торговцев - так как аборигены обычно приходили на рынок в одиночку или небольшими компаниями и не могли дать адекватный отпор. Но сегодня рыночная потасовка приняла неожиданный для кавказцев оборот.

- Лесоруб утер кровушку и поковылял на бережок, к своим коллегам и там подробно поведал о своих приключениях, - продолжал рассказ Метелкин. - Подогретая спиртным, горя жаждою мести, бригада поднялась вся до одного, восемь человек, и отправилась для выяснения отношений на рынок. Мужички все крепкие, выносливые... лесорубы, одним словом. Что там было! - Метелкин даже языком зацокал от восхищения. - Переворачивались прилавки с овощами и весами, разбежались кто куда случайные покупатели. Кавказцы продержались не более десяти минут, а потом ретировались в подсобное помещение. Лесорубы за ними! Горбоносые работники прилавка вылетали из подсобки пробками и тараканами разбежались по соседним улочкам - о сопротивлении никто уже и не подумывал. И тогда директор рынка позвонил в милицию. Двоих зазевавшихся лесорубов патрульные успели прихватить...

- И что теперь - статья за хулиганство? - спросил я.

- Жизнь - штука непредсказуемая! - ухмыльнулся капитан. - И вносит неожиданные коррективы. Вышеупомянутые лесорубы - и те, которые попались, и те, которые сбежали, - оказались передовиками производства. Бригада постоянно перевыполняла план. И пьянствовали аккуратно - без прогулов и опозданий на работу. Поэтому и заступаться приехал сам директор лесхоза. И свидетели нашлись, которые подтвердили, что торговец-кавказец

первый ударил молодого лесоруба. Мне кажется, что заявлений кавказцы писать не станут. Разве что Басалаев попытается упрятать мужичков в трезвак.

Словно в подтверждение этих слов в коридоре раздались тяжелые шаги, и в приемную ввалился майор Басалаев. Как всегда, весь запыхавшийся и с папиросой в зубах. Следом за ним вошли два крепеньких мужичка. Один из них - высокий, косая сажень в плечах - показался мне знакомым. Где я мог его видеть?

- Освидетельствуйте их на алкогольное опьянение? - попросил Басалаев.

Я еще раз внимательно посмотрел на высокого лесоруба.

- Как вас зовут? - поинтересовался я.

- Борисов Владимир.

Среди моих пациентов в поликлинике он не значился.

- Вы у нас бывали раньше?

- Да. Чуть более года прошло, - не стал закипать тот. - Меня тогда как раз после полочки прихватили.

Все! Вспомнил! Попадал он в медвытрезвитель еще при Рыбалко. И действительно с деньгами. Еще на утро удивлялся, что все вернули (естественно, за вычетом платы за вытрезвитель). Ладно, воспоминания побоку! Займемся делом. Осмотр обоих лесорубов показал наличие только легкой степени опьянения. Неизвестно, сколько они осилили спиртного, но в настоящий момент у них было только незначительное нарушение координации движений. В окружающем они ориентировались хорошо, связно и вполне логично рассуждали.

- Не берем, - отказал я Басалаеву.

Тот не возражал. Видно было, что он привел их только для проформы. Мужичков увели в дежурную часть, и через полчаса они уехали вместе с директором лесхоза. А еще через полчаса в приемную вошли Алканавтыч и сержант Саша.

- Обсох. И талонов на бензин больше нет, - объявил Алканавтыч. - Чтобы не терять впустую драгоценные минуты нашей скоротечной жизни, предлагаю устроить маленький сабантуй.

Алканавтыч торжественно извлек из кармана кителя две бутылки водки.

- Откуда? - поднял брови Метелкин, разумеется, и не подумав отказаться. От дармовой выпивки капитан Метелкин не отказывался никогда.

И опять плещется в стаканах водка, Алканавтыч упражняется в изящной словесности и почует аудиторию свежими анекдотами. Словом, все, как всегда! Водка исчезла в кратчайшие сроки - вроде бы только сели, а уже в бутылках сушь, как в пустыне. Непорядок! Мы немедленно мобилизовали все свои оставшиеся наличные деньги, кто сколько мог, и Алканавтыч отправился куда-то за самогонкой. Леша с Сашей вышли на крылечко покурить.

- Чуть не забыл! Есть новость, - сказал Метелкин. - Сегодня Рыбалко посадил в ИВС директора Агроснаба Филимонова. Заодно и главного бухгалтера прихватил, а ей, бедолаге, до пенсии всего год остался.

Что ж, этого и следовало ожидать! Рыбалко рано или поздно своего добьется.

- Сейчас он их усиленно раскручивает, - продолжал капитан. - Подробности я узнаю попозже. Сейчас не смог...

Вернулся сержант Саша и поставил варить на электроплитке картошку в мундирах. Немного погодя пришел Леша с буханкой черного хлеба и пучком лука. В ожидании Алканавтыча решили сыграть в подкидного дурака... Наконец-то заявился Алканавтыч. Принес добычу - две поллитровые бутылки с мутноватой жидкостью.

- Пейте осторожно - крепость градусов семьдесят, - предупредил водитель.

- А нам хоть все сто! - заявил Метелкин и залихватски, в один глоток, осушил свою порцию. Несколько секунд нюхал хлебную корку. - Да-а. Хороший горлодер!

Все последовали его примеру. В самый разгар веселья приперся майор Басалаев. По моему, у майора феноменальное чутье на дармовую выпивку. Ему налили полстакана, и Басалаев, довольный и счастливый, вернулся на свое рабочее место.

- А вы знаете, где я сегодня раздобыл водочки? - озадачил нас Алканавтыч.

- ???

- Подарок благодарных лесорубов, - скаламбурил водитель.

- Благородные люди! - растроганным голосом произнес капитан Метелкин. - Мы к ним по-человечески, и они в ответ не поскупились.

- Почаще бы так, - сказал Леша.

- Еще по стопочке, - предложил неутомный Алканавтыч.

Я «откололся» первым, и не потому, что мне не понравился самогон - его качество было вполне приличным. Просто в определенный момент я почувствовал, что не смогу больше выпить и стопки и лучше не пытаться. Во время очередного перерыва между тостами я потихоньку встал и ушел спать в пустую палату...

Проснулся я за полночь - сильно захотелось пить. В приемной было тихо и благоприсутно. Метелкин с Лешей с покрасневшими лицами сидели за столом и чинно пили грузинский чай (тут же лежала распечатанная пачка). Алканавтыча с Сашей не было - вероятно, ушли домой. Я с удовольствием выпил с ними за компанию пару стаканчиков и немного ожил. Зазвонил телефон. Трубку поднял Метелкин. Послушал, сочувственно посмотрел мне в глаза.

- Тебя, Николай Палыч, Басалаев зовет. В ИВС кому-то плохо стало.

Для начала я умылся, тщательно, чтобы заглушить запах перегара, почистил зубы и лишь потом прошел в дежурную часть. В ИВС сегодня дежурила старшина Тамара и маленький - чуть выше ее плеча - худосочный сержант.

- Плохо женщине, - пояснила Тамара. - Новенькая. Сегодня только поступила. Старенькая. Говорит, что давление повысилось.

«Наверное, это главный бухгалтер Агроснаба? - предположил я. - Больше никому». В маленькой тесной комнатке находилась пожилая, невысокого роста, женщина. Ее бледная чистая кожа, аккуратная прическа, хорошее платье совсем не гармонировали с угнетающей обстановкой камеры. Но это только цветочки! Впереди месяцы следствия, суд, пересыльные тюрьмы и исправительно-трудовая колония. И как ее только угрозило вляпаться в такую историю?! Связалась с прохвостом Филимоновым! Жизнь прожила, а ума не нажила. А скорее, наоборот, всех вокруг себя дураками считала, но нарвалась на еще большего умника - старшего лейтенанта Рыбалко.

У нее действительно оказалось повышенное артериальное давление - около 180/100. Я посоветовал принять таблетку клофелина под язык, а потом, когда препарат рассосался, перемерил давление - 150/100. Это все, чем я ей мог помочь, - из ИВС Рыбалко ее не выпустит ни под каким предлогом, в крайнем случае переведут в областную тюремную больницу.

Вернувшись в медвытрезвитель, я увидел, что капитан Метелкин с Лешей опять пригостились поклоняться Бахусу: на столе стояла бутылка водки (где они ее добыли в такое время - уму непостижимо!) и открытая банка килек в томатном соусе. Я выпил с ними на сон грядущий две стопки и вновь ушел спать...

Глава 26. ЗАСЕДАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ: НАЛИВАЙ!

Очередной отпуск я решил провести в лесу, но такие увлечения, как охота, рыбалка, грибки-ягодки, меня на данный момент не интересовали. Причина была очень банальная: надумал я на своем садовом участке построить домик. Покупать стройматериалы в магазине или лесхозе - дорого, по миру пойдешь. При содействии Николая Васильевича, моего знакомого мастера из лесхоза, я выписал 20 кубометров леса «на корню». Причем выписал только «суховершинный» лес, то есть деревья с сухими верхушками, - так дешевле. И отводили мне лес не деланкой, а выборочными деревьями - это также оплачивается в меньших размерах. На валку леса удалось договориться с лесорубом Владимиром Борисовым, бывшим клиентом медвытрезвителя. В одно из воскресений мы с ним сели в мотоцикл, погрузили в коляску бензопилу и топоры и отправились в лес.

Ехать было недалеко - около десяти километров. Погода стояла сухая, дорога хорошая - добрались быстро. Выделенные мне деревья располагались в живописном сосновом бору, совсем рядышком с дорогой. Владимир валил лес бензопилой, а я упирался крепким шестом с железным наконечником в ствол, чтобы сосна падала в удобное для нас место. Борисов был профессиональным лесорубом, и поэтому помощь моя почти не требовалась: деревья практически без каких-либо усилий с моей стороны аккуратно ложились на просторные полянки, ни разу не зависая на сучьях соседнего дерева. Не работа, а высший пилотаж! А бензопила у Владимира была всем на зависть - шведская, «Партнер». Она, как в масло, входила в толстый сосновый ствол! Таких бензопил, как мне поведал Борисов, на весь лесхоз имелось всего три штуки. С одной из них постоянно работал Владимир, а сегодня, с разрешения мастера Николая Васильевича, взял ее с собой в лес.

Свалив десяток стволов, устроили небольшой перерыв. Борисов закурил, а я прошелся по лесу в поисках грибов. И поиски мои не были тщетными: минут за двадцать я набрал десяток маслят и несколько пригоршней лисичек. И снова за дело! Опять монотонно гудит

бензопила, и громадные сосны медленно падают на зеленый мох...

- Это не работа, а развлечение, - сказал Борисов, уложив последнее дерево. - Вот зимой, в снегу, от темна до темна...

И понес бензопилу в мотоциклетную коляску. Теперь мне помощь Борисова не нужна. Я и сам один смогу очистить стволы от сучьев и верхушек, а затем буду нанимать технику для трелевки. Я отвез Борисова домой, а потом решил навестить медвытрезвитель. На время моего отпуска здесь трудился студент пятого курса медицинского института Витя Тихомиров - высокий худощавый молодой человек в круглых очках, с бородкой под Хемингуэя. Тут же, за столом, сидел и капитан Метелкин, в меру пьяненький и разговорчивый, который при моем появлении немедленно выставил на стол початую бутылку водки и предложил мне «остограмниться».

- Не могу, за рулем, - отказался я.

- Какой пустяк! Сегодня на дорогах Корытов дежурит - он тебя, Николай Палыч, ни в жизнь не остановит, - стал уговаривать меня Метелкин. - У меня сегодня день рождения. Такой праздник! Ребята в магазин побежали - горячего и закуски подкупить. А еще будет лучше, если ты свою технику здесь под окошком оставишь, а завтра и заберешь. Дежуришь до утра, приглядим.

Такой вариант меня устраивал. Я подкатил мотоцикл прямо под окна вытрезвителя, умылся с дороги и только потом сел за стол.

- Штрафную! - капитан Метелкин налил мне сразу полстакана, а себе плеснул на донышко.

- С днем рождения! - поздравил я его. - Сколько стукнуло?

- Двадцать пять! - балагурил Метелкин.

- Как план? - поинтересовался я.

- Двоих оформили, - ответил Метелкин. - Алканавтыч заболел. Пьяных сегодня патрульные доставляют.

- Знаем мы, как он заболел! - усмехнулся я. - На болоте, наверное, клюкву собирает.

- Не судите и не судимы будете! - туманно ответил капитан.

- А какие новости в райотделе? - поинтересовался я.

- Филимонова с бухгалтершей все еще держат в ИВС, под подписку Рыбалко их не отпускает - чтобы не мешали следствию.

- Правильно делает. От этих прохвостов всего можно ожидать, - одобрил я действия старшего лейтенанта.

- А майор Басалаев купил себе «Волгу», подержанную, «ГАЗ-21», - продолжал рассказывать капитан Метелкин.

- И где только люди деньги находят?! - вздохнул я.

- Кует, наверное. Или взятки берет! - пошутил капитан.

- В дежурной части - и взятки! Нереально, - в тон ему отвечал я. - Это не суд, не прокуратура и даже не приемная комиссия института.

- Добьем врага в его собственной берлоге, - с этими словами Метелкин разлил по стаканам оставшуюся водку.

Выпили. От души крякнули.

- Хорошо, но мало, - пробормотал Метелкин. - Где же они бродят? Только за смертью посылать.

Хлопнула дверь. Послышались чьи-то шаги.

- Легки на помине, - потер руками капитан.

Но это был старший лейтенант Корытов.

- Присаживайся, - разочарованно произнес Метелкин.

Корытов уселся на кушетку, выразительно посмотрел на пустые стаканы.

- Сейчас принесут, - заверил капитан.

- Не сомневаюсь. Ты ведь у нас сегодня именинник.

На пороге появились Саша с Лешей - с водкой и закусками.

- Вовремя, - облегченно вздохнул капитан Метелкин. - Заседание продолжается. Командовать парадом буду я!

Недавно Метелкин в очередной раз перечитал «Золотого теленка» и стал время от времени употреблять бессмертные фразы Остапа Бендера. Как водится, в первую очередь выпили за виновника торжества, за его здоровье и долголетие.

- Я, пожалуй, пойду прилягу, - поднялся с места студент.

Удерживать его не стали. Человек он еще молодой, к спиртным напиткам непривычный.

- Сейчас машину вашего главврача остановил, - повернулся ко мне Корытов. - И главврач, и его водитель - оба пьяные. Забрал у водителя документы, машину поставил у ГАИ. Пешочком домой потопали.

- Завтра начнется кутерьма! - сказал Метелкин. - Звоночки. Рекомендации.

- Водителя я оштрафую в любом случае, - ответил старший лейтенант. - Закон на моей стороне. Без последствий оставить - дурной пример для других. А главврача - если будет много выступать - я обязательно подловлю, когда он сядет за руль в нетрезвом виде. Бывает с ним такое изредка - мне сообщали.

- А не боишься, что когда-нибудь, если всерьез заболеешь, придется обратиться в больницу?! - с ехидцей спросил капитан Метелкин.

- Заболею - обращусь к Николаю Палычу, - кивнул в мою сторону Корытов. - А пьяниц за рулем буду наказывать, невзирая на ранги. Надоел мне такой вот двойной стандарт!

Удивил меня Корытов. Удивил и одновременно обрадовал. Вот незадача! Думаешь, что перед тобой законченный подлец, а у него неожиданно вполне положительные черты проявляются! А может, дело в моем недостаточном умении разбираться в людях? В моей излишней прямолинейности? Не хватает жизненного опыта?

На пороге появился майор Басалаев. С неизменной папиросой в зубах - все тот же «Беломор-канал».

- О-о! Юный автолюбитель! - воскликнул Метелкин. - Когда на машине прокатаешь?

- Карбюратор надо подрегулировать. А потом и покатаю.

- Алканавтыч выйдет с больничного - он и отрегулирует, - заверил майора сержант Саша.

Басалаеву налили полстакана водки, и он вернулся в дежурную часть. Наше застолье затянулось надолго. Пили водку. Пили чай. Потом Саша с Лешей опять отправились за литром водки. Домой меня доставили на патрульной машине...

Глава 27. ПАШЕШЬ-ПАШЕШЬ, А ПОТОМ БАЦ! ИНФАРКТ

За окном нескончаемой капелью моросит мелкий дождь. Повсюду, куда ни глянешь, - слякоть, лужи. Тоскливый сумрак холодного осеннего вечера. У меня сегодня дежурство в больнице. Сажу в ординаторской, скучаю, смотрю телевизор. Отпуск закончился неделю назад. И прошел не зря! Я успел обрубить сучья с деревьев, и лесхозовский трактор оттащил стволы к дороге. Затем лесоруб Борисов распилил эти стволы на шестиметровые бревна, и лесовоз, оснащенный манипулятором, доставил их в лесхоз. А там мне напилели брус, различной доски, немного «вагонки». И все это богатство со всеми накладными расходами обошлось мне вполтину меньше магазинной цены. Пиломатериалы отвезли на мой садовый участок, и два опытных плотника сейчас трудятся над сооружением хорошего зимнего домика. Это строительство влетело мне в копеечку, но зато - недвижимостью!

Завтра мне надо еще отправляться на смену в медвытрезвитель. Тяжело, конечно, так пахать. Но деньги нужны - и на строительные дела, и на содержание семьи. Пока здоровье позволяет - приходится крутиться. Позвонили из приемного покоя - поступает терапевтический больной. Привезла «скорая». Внизу, в комнате для осмотра больных, я с удивлением обнаружил капитана Качалкина. Он лежал на кушетке, немного бледный и испуганный.

- Сильные боли за грудиной. Даже наркотики внутривенно полностью не помогли, - доложил фельдшер «скорой» Александр Михайлович (кстати, очень опытный и добросовестный работник). - На ЭКГ явных признаков за инфаркт миокарда нет. Но учитывая интенсивность болевого приступа, решили больного госпитализировать.

- Привет, Николай Палыч, - чуть слышно поздоровался Качалкин. - Прихватило вот совсем некстати.

- А болезнь всегда некстати бывает. Кстати только деньги приходят. Ничего, полежим, почечимся, и все образуется, - успокоил я его.

Качалкина перевели в терапевтическое отделение - в палату ИТР. Хотя данных за инфаркт миокарда на кардиограмме не было - только признаки ишемии передней стенки, - меня все же насторожил такой выраженный болевой приступ. Изменения на ЭКГ иногда появляются позже, и поэтому надо быть настороже. Качалкину поставили капельницу с поляризующей смесью и добавили обезболивающих препаратов. Когда я пришел в палату, капитан уже немного успокоился, болевой приступ был полностью купирован. Вот только артериальное давление низковато - 100/70, и тоны сердца приглушены. «Наверное, инфаркт идет?» - подумал я, но Качалкину этого говорить не стал. Решил раньше времени не расстраивать.

- На всякий случай в первые сутки рекомендую постельный режим, - сказал я ему. - А там посмотрим.

Ночью Качалкин спал спокойно, боли не беспокоили. Тяжелых больных по больнице не поступало, и мне удалось неплохо вздремнуть. Утром я передал капитана своему сменщику - заведующему терапевтическим отделением Бакунину Ивану Анатольевичу, а сам пошел домой завтракать.

Когда я пришел в медвытрезвитель, в сборе была вся смена. Капитан Метелкин исторгал из своих недр привычный запах перегара, Алканавтыч старательно пережевывал дольку чеснока, а у Саши с Лешей видок был примерно такой, как у наших клиентов поутру.

- Николай Палыч! Поздравь меня! - воскликнул Леша. - У меня сын родился! Вчера отметили. Сегодня твоя очередь.

- Поздравляю! Очень рад за тебя. Но... Качалкина сегодня в больницу привезли, - охладил я его пыл. - Плох мужик. Но думаю, что шансы имеются. Выкарабкается.

Огорчились все, даже капитан Метелкин, хотя для него очередное ухудшение здоровья начальника - еще один шаг на пути к заветной должности.

- Такая вся наша жизнь: пашешь-пашешь, а потом... бац!.. и на больничную койку, - глубокомысленно изрек Алканавтыч. - Может, примем по сто граммов за здоровье шефа?

Я отказался - на выпивку меня сегодня не тянуло. Вышел на улицу и у райотдела столкнулся с выходящим из подъезда старшим лейтенантом Рыбалко.

- Как успехи? - поинтересовался я.

- Стараемся. Кручусь, как белка в колесе. Наконец-то закончил с Агроснабом - передал дело в суд. Хитрящий мужик Филимонов, но на этот раз опростоволосился, кое-какие грешки прикрыть не успел. Обнаружили в кассе недостачу в четыре тысячи рублей, а кроме того, «мертвые души». На пару с главным бухгалтером получали деньги за вымышленных работников-совместителей. Теперь им обоим светит хороший срок.

- Поздравляю с удачей!

- Это было делом чести! Еще кое-кто на примете есть, но... не все в моей власти. Ладно, подождем - я терпеливый.

Я понимал, что Рыбалко сообщил мне в лучшем случае десятую часть всей информации, но и на основании услышанного можно сделать вывод, что старший лейтенант рассчитался со старыми долгами - утешил самолюбие! - и уже наметил себе новые объекты. Вернувшись в медвытрезвитель, я обнаружил в приемной одного Метелкина. Судя по его бодрому виду, блестящим глазам и превосходному настроению, капитан успел опохмелиться. На этот счет он молодец! Умеет!

Сегодня воскресенье. Народ отдыхает. С утра у «Гастронома» толкуются мужички. Для торговли спиртными напитками здесь был предусмотрен отдельный вход, и в ожидании открытия покупатели кучковались на улице. В кулаках зажаты талоны на спиртное и мятые купюры. Опухшие лица, тоскливые взгляды, трясущиеся руки. Будущие клиенты нашего заведения! И вот, наконец, дверь открылась! С восторженными воплями толпа влетает внутрь помещения.

- Через несколько часов можно ждать клиентов. Созреют, - заметил капитан Метелкин, вместе со мной наблюдавший за открытием винного отдела. - Сыграем в шахматешки?

- Нет. Пойду лучше немного подремлю, - отказался я.

В соседней палате я увидел спящего сержанта Лешу. Умаялся, бедняга, после вчерашнего торжества. Я прилег на соседнюю кушетку и моментально заснул... Проснулся я ближе к полудню - меня разбудил шум в коридоре. Наверное, ведут клиента! Выспался я неплохо и поэтому, не дожидаясь прихода капитана Метелкина, встал и заправил постель. Сержант Леша отсутствовал - вероятно, нес службу. Слегка позевывая, я прошел в приемную. Действительно, Леша был здесь. А также капитан Метелкин, Алканавтыч, Саша и первый клиент: небольшого роста мужичок в грязной одежде. Вертикально держаться он был уже не в состоянии - стоял на четвереньках посреди комнаты.

- Оформляйте. Здесь все ясно, - кивнул я капитану.

Почин есть... и пьяницы пошли косяком. Их привозили патрульные, «группа захвата», вневедомственная охрана. Даже старший лейтенант Корытов доставил нетрезвого водителя грузовика, и я его оформил, так как опьянение шофера «тянуло» на среднюю степень. К вечеру, когда в палатах скопилось одиннадцать человек, наступило затишье.

- Надо приступать к очистке наших конюшен, - решил Метелкин. - Еще вся ночь впереди. Наверняка хоть кто-нибудь поступит.

- Шофера можно отпустить, - предложил я. - Он из всех клиентов самый трезвый был.

Леша пошел будить клиента. После четырех часов сна водитель основательно протрезвел и рассуждал вполне адекватно. Настроение у него было скверное.

- Права отобрали! - сокрушался он. - Год всего, как получил.

- Не горюй! - утешал его слегка хмельной и поэтому очень добрый капитан Метелкин. - Ты сейчас, не теряя времени, быстренько дуй к своему председателю профкома и выпрашивай хорошую характеристику и ходатайство с места работы. Тогда отделаешься только штрафом.

Повеселевший водитель ушел заниматься своими посталкогольными проблемами. А я позвонил в больницу - узнать о самочувствии капитана Качалкина. Заведующего терапией Ивана Анатольевича удалось найти только с четвертой попытки - в приемном покое.

- По кардиограмме данные за мелкоочаговый инфаркт миокарда, - ответил он. - Самочувствие стабильное, без ухудшения.

Этот диагноз был смертным приговором дальнейшей милицмейской карьере Качалкина. Еще один капитан, которому никогда не стать майором! Дальнейшую его судьбу я, как участковый терапевт, могу расписать по пунктам: месяц лечения в терапевтическом отделении, месяц реабилитации в местном кардиологическом санатории, потом - два месяца на больничном листе и - на ВТЭК. Служить в милиции после инфаркта миокарда, пускай и мелкоочагового, Качалкину не позволят. Тем более, что до пенсии ему осталось около полугода. Теперь капитану гарантирована инвалидность, скорее всего, вторая группа. И в качестве утешения - солидное выходное пособие по инвалидности - где-то около 10 тысяч рублей! Сумма нешуточная - можно купить хорошую дачу или подержанный легковой автомобиль. Так что нет худа без добра. Можно считать, что для Качалкина милицмейская служба заканчивается относительно благополучно. Не попал под пулю, не уволен за несоответствие, не отдан под суд (что иногда случается с работниками правоохранительных органов). Всего-то навсего - мелкоочаговый инфаркт миокарда, зато - неплохая офицерская пенсия и солидное выходное пособие в придачу. Разве на гражданке с подобным диагнозом смог бы он заполучить этикие льготы!

Всю информацию я Метелкину сообщать не стал, поскольку сам я лично кардиограммы не видел, а полагаться только лишь на слово другого врача, пускай и заведующего отделением, не привык. Иван Анатольевич тоже не семи пядей во лбу, были и у него промахи. Я-то знаю!

- Лечится наш начальник, - сказал я капитану. - Не скоро выпишется.

Мы решили выпустить еще двоих клиентов: работника лесхозовской пилорамы и семнадцатилетнего учащегося вечерней школы. Леша привел их из палаты, и капитан Метелкин начал заканчивать с оформлением документов. А потом их обоих повели в дежурную часть выписывать штраф, который всем без исключения клиентам медвытрезвителя полагался за пребывание в общественном месте в алкогольном опьянении. Вскоре протоколы были полностью заполнены, положены в сейф. В приемную вбежал патрульный - сержант по кличке Бегемот.

- Там, Николай Палыч, авария. Басалаев на своей «Волге» в столб врезался. «Скорую» пока не вызывали - сразу к вам.

Я быстро собрался - взял два одноразовых шприца-«пятерки», бинт, вату, перекись водорода, несколько ампул анальгетиков. Прихватил шину - на случай возможного перелома конечности. Патрульная машина стояла у подъезда медвытрезвителя. Я уселся рядом с водителем, Бегемот расположился на заднем сиденье. Быстро проехали квартал и впереди, недалеко от поворота я увидел басалаевскую «Волгу». Машина уткнулась правой фарой в придорожный столб. Скорее всего, скорость автомобиля была невелика, и поэтому повреждения были незначительными: разбитая фара, помятый бампер. Легко отделался и майор Басалаев, который с растерянным видом созерцал свои убытки - ни ран, ни переломов, только небольшая ссадина на лбу.

- Взять на буксир? - предложил водитель.

- Доеду сам, - отказался майор.

Мы покатали обратно в милицию. Басалаев, усевшись за руль, потихоньку ехал следом. В райотделе я еще раз осмотрел Басалаева. Данных за черепно-мозговую травму нет, повреждения внутренних органов отсутствуют. Майор был абсолютно трезвый, а это происшествие объяснил тем, что случайно задремал за рулем. Обработав ссадину йодом, я ушел в медвытрезвитель. Капитан Метелкин готовил к выписке очередного клиента - преподавателя местного СПТУ. Учителя попадали в наше заведение нечасто, этого сдала собственная супруга - учительница математики - после семейного скандала. Отказать мы не могли.

- Наконец-то! - воскликнул капитан при моем появлении. - Что там случилось?

- Басалаев спит на ходу, - небрежно ответил я. - Не успел сотни метров проехать, как задремал. И в итоге - поцеловал фонарный столб. Ничего страшного - и «скорую» вызывать не пришлось.

- Ему только сторожем работать, - усмехнулся капитан.

Больше на выписку никого не было. Остальные поступили недавно, и до утра их будить бесполезно. После ужина, когда совсем стемнело и на улицах зажгли освещение, позвонил подполковник Рогожников и попросил меня зайти к нему в кабинет. Несмотря на неурочный час, Рогожников расположился в кабинете надолго - стол завален бумагами, китель полурастегнут, на столе остывает недопитая чашка чая.

- Присаживайтесь, Николай Палыч, - пригласил он. - Что у нас с Качалкиным?

- Предварительный диагноз - мелкоочаговый инфаркт миокарда. Если он подтвердится - лечиться капитану четыре месяца. А потом - на ВТЭК. Третья группа - железная, может быть, и вторую получит. Смотря как будет себя чувствовать.

- Короче, к службе негоден?

- Так сразу ответить не могу, - пожал я плечами. - Мелкоочаговый инфаркт у людей нестарого возраста в большинстве случаев позволяет больным, после курса лечения, сохранять частичную трудоспособность. Они могут выполнять квалифицированную работу, связанную с умеренными физическими нагрузками, руководить коллективом...

- Это на гражданке, - перебил меня подполковник. - А у нас другие условия. Учитывая, что ему до выслуги остались месяцы... Капитан свое отслужил - это ясно. У меня у самого стало сердце прихватывать, - неожиданно доверительным тоном сообщил Рогожников. - Валидол принимаю.

- Надо в больницу - на обследование, - предложил я.

- Наверное, придется, - вздохнул подполковник.

«Еще один будущий пациент, - подумал я. - Постоянные стрессы, ненормированный рабочий день, сигареты и бутерброды с маслом. И вот вам итог: «Ишемическая болезнь сердца».

Я пришел в медвытрезвитель в момент поступления нового клиента - привезла вневедомственная охрана. Пьяный, но очень крепкий и нахальный пенсионер. Было ему всего 56 лет - льготная пенсия! - коренастая фигура, толстощекая красноносая физиономия. Во время оформления все время ругался и страдал нас всевозможными карами. Раздеваться он не хотел, и поэтому Леша применил силу и немного порвал воротник рубахи. В палате пенсионер долго возмущался и грозил своими связями в прокуратуре и райкоме партии.

- Ну и пустозвон! - поморщился капитан Метелкин. - Голову на отсечение даю, что все его знакомства ограничиваются персоналом винного отдела.

За окном послышались знакомые голоса: это майор Басалаев обсуждал с Алканавтычем масштабы предстоящего ремонта «Волги».

- Самому Басалаеву ремонт не осилить, - прокомментировал ситуацию Метелкин. - Руки из заднего места растут. С Алканавтычем договаривается. Тому крыло выправить - левое дело.

Около полуночи опять застучал в дверь пенсионер. Леша пошел разбираться, но вернулся очень быстро, ведя за собой беспокойного клиента. Тот был тих и послушен, как агнец. Правую ладонь прижимал к груди, морщился и тяжело дышал.

- Зажимает, - сказал он. - Стенокардия у меня.

В подобных случаях необходима осторожность. Я позвонил на «скорую» в надежде, что мне пришлют фельдшера с электрокардиографом. Увы! Из двух машин одна отремонтировалась, а другая поехала на вызов в далекую деревню и приедет не скоро. Придется обходиться собственными силами. Таблетка нитроглицерина - под язык больному, инъекция анальгина, и вскоре пенсионер повеселел. Боль прошла!

- Давай-ка отпустим его домой, - предложил я Метелкину. - Нам же самим спокойнее будет.

Возражений не последовало: пенсионер уже неплохо протрезвел, да и проживал неподалеку от медвытрезвителя. После ухода беспокойного клиента новых поступлений больше не было, и мы неплохо поспали до самого утра.

Глава 28. ПАЦИЕНТ СКОРЕЕ ТРЕЗВ, ЧЕМ ПЬЯН

Толстенный кусище черного хлеба укрыт здоровенным лаптем копченого сала. Рядом на столе дымится поллитровая жестяная кружка с индийским чаем. Майор Басалаев со вкусом откусывает почти половину гигантского бутерброда и звучно прихлебывает чай.

Лепота! Я сижу за столом напротив и с интересом взираю на эту забавную картину. За окном крутит причудливые узоры первая зимняя метель. Мороз с утра до минус 10. Снег выпал неделю назад.

В медвытрезвителе целый ряд перемен. Капитан Качалкин, как я и предполагал, проходит курс реабилитационного лечения в областном госпитале, а капитан Метелкин занял его кабинет. От дежурств его освободили. И хотя именуется он пока и.о. начальника медвытрезвителя, в его окончательном утверждении на этой должности никто не сомневается. Песенка Качалкина спета - ему прочно «светит» инвалидность. На место Метелкина к нам в смену перевели майора Басалаева - за лень, тупость и неумение работать. Поводом к этому позорному переводу послужила очередная пьянка в дежурной части, в которой активное участие принял Басалаев - не удержался выпить на дармовщинку. Халява его и подвела! Напился больше других и, ошалев от водки, послал патрульную машину совсем по другому адресу - в какую-то дальнюю деревушку, где милицию не вызывали. Вся эта история, естественно, стала известна подполковнику Рогожникову, и тот, в душе обрадовавшись возможности избавиться от никчемного сотрудника, влил ему частичное служебное несоответствие и «сослал» в медвытрезвитель на должность дежурного офицера.

Место в дежурной части осталось вакантным: подполковник Рогожников не хотел ставить сюда кого попало и временно назначал офицеров других служб (чаще всего участковых инспекторов), тщательно выбирая подходящую кандидатуру. Что касается капитана Метелкина, то за свое начальническое кресло он будет биться до последнего и не покинет его даже под прицелом пистолета. Слишком долго он стремился к такой непьельной должности, уютному кабинету. Водворившись на место Качалкина, капитан Метелкин сразу же бросил пьянствовать на рабочем месте, стал следить за внешним видом - тщательно брился, аккуратно причесывался, а свои тронутые сединой усы заливхватски подкручивал вверх.

За окном хлопнула дверца автомобиля. Два патрульных сержанта повели в райотдел директора лесхоза Уткина. По сторбленной фигуре директора, по его жалкой семенящей походке было ясно, что директора именно повели, доставили, но никак не пригласили на дружескую беседу.

- Что за явление? - спросил я у Басалаева.

Майор нехотя посмотрел в окно, безразлично пожал плечами и опять занялся бутербродом: поглощение копченого сала в данный момент было ему важнее всего.

- Это Рыбалко старается, - неожиданно ответил сержант Леша, сидевший на кушетке с газетой в руках. - Новую «звездочку» зарабатывает.

Неделю назад состоялся суд по делу Агроснаба. Подсудимыми были директор Филимонов и его бухгалтерша. К полному торжеству Рыбалко суд закончился позорным фиаско Филимонова. Директор Филимонов получил четыре года лишения свободы с пребыванием в колонии общего режима, а его бухгалтерша - целых пять лет! И теперь Рыбалко «копает» дальше, выводит местное ворье на чистую воду.

- Не вижу трудового энтузиазма! - произнес капитан Метелкин, незаметно для всех появившийся на пороге приемной. В руках - кожаная папочка, в глазах - начальственная строгость.

Он уверенным шагом подошел к столу Басалаева и покачал головой.

- Работать надо старательнее, а не сало трескать, - назидательно сказал Метелкин. - На прошлой смене всего двух пьяных оформили.

- Да что я их - рожу?! - огрызнулся майор.

- Почаще отправляйте личный состав смены на улицу. Нечего им в гараже бока пролеживать.

Метелкин ушел. Басалаев доел сало, вытер руки грязным полотенцем и в свою очередь недовольно забурчал на Лешу:

- Чего стоишь? Иди в гараж, поднимай этих бездельников и хоть какого-нито грязного алкаша, но привезите!

В милиции, как и в армии, очень прочно утвердились принципы чинопочитания: «Я - начальник, ты - дурак!» Капитан Метелкин - ныне без пяти минут начальник медвытрезвителя - высказал свое неудовольствие майору Басалаеву - ныне дежурному офицеру смены, майор немедленно окрысился на сержанта Лешу, который в свою очередь сорвет злобу на первом попавшемся пьянице. Так вот и живем!

«Группа захвата» привезла сразу трех пьяных - мол, нате вам, подавитесь! Все трое взяты в винном отделе, где они устроили грандиозный скандал при попытке пробраться к заветному прилавку без очереди. Я распорядился оформить всех - средняя степень опьяне-

ния была налицо, еле стояли на ногах.

Капитан Метелкин, закончив рабочий день, ушел домой в хорошем настроении. Майор Басалаев, покопавшись в своей хозяйственной сумке, соорудил новый гигантский бутерброд.

- Что-то Уткин не возвращается. Подзадержался, - сказал я, обращаясь к Леше, который, оформив клиентов, читал журнал, сидя на кушетке.

- А ему сейчас, наверное, Рыбалко иголки раскаленные под ногти загоняет, - изысканно пошутил сержант. - Или резиновой дубинкой камешки из почек вышибает. Прочищает фильтры, так сказать.

- Мелко плавает Рыбалко, чтобы такому человеку почки полировать, - внезапно оторвался от еды Басалаев. - Резвый больно. До сих пор не усвоил, кого в отдел можно доставить, а к кому лучше лично на прием заглянуть.

- А может, не желает он в такие игры играть, - сказал Леша.

- Тем хуже для него, - ухмыльнулся Басалаев и вновь занялся салом.

Сержант Бегемот вместе со своим длинноногим худощавым напарником доставил очередного клиента. Некий гражданин Полосухин, плотник здешнего ЖКХ, побывавший в нашем заведении два месяца назад. Годов за тридцать, среднего роста, атлетом не назывешь. Обычно он без разговоров раздевался и шел в палату. Но сегодня Полосухина как бы подменили: заторможен, на вопросы отвечает неадекватно, а то и вообще несет всякий вздор. И совершенно не обращает внимания на сержанта Лешу, на все его распоряжения.

- Где взяли? - спросил я Бегемота.

- У дома, на лавочке. Распивал водочку с дружками. Другие еще ничего - держатся прилично, а этот пьяный в хлам. Пришлось забрать.

Странно: собутыльники в приличном состоянии, а Полосухин почти что в отвале. При подобных совместных выпивках спиртное отмеряется строго поровну, и если иметь в виду, что клиент, судя по его предыдущим визитам, обладал очень высокой толерантностью к алкоголю, то к Полосухину надо отнестись с особым вниманием.

Я снял с клиента его вязаную шапочку и в области темени обнаружил обширную подкожную гематому. Несвежую - на первый взгляд ей было два-три дня срока. Выпытывать у клиента сейчас, где он ее получил, - бесполезное занятие. Теперь посмотрим глаза - правый зрачок значительно шире левого! Как бы не пропустить внутричерепную гематому! Они иной раз имеют так называемый «светлый промежуток» и клинически начинают проявляться через несколько дней, а то и недель после травмы.

- В медвытрезвитель не подходит. Везите в больницу на осмотр к травматологу, - сообщил я Бегемоту. - Вот направление. Я протянул сержанту наскоро оформленную бумагу с фамилией и предварительным диагнозом.

- Какая еще больница?! - возмутился сержант.

- Мне виднее - я врач.

- А я, выходит, дерьмо?

- Я этого не говорил.

- Пускай разбирается дежурный по райотделу!

Патрульные ушли вместе с Полосухиным. Через пять минут притащился дежурный офицер - незнакомый мне молодой лейтенант с «поплавком» пединститута на кителе. Вероятно, недавно закончил институт, в школе работать неохота - вот и пошел служить в милицию. Поставили, наверное, участковым, а здесь, в дежурной части, временно заставляют отсиживать поочередно с другими молодыми офицерами. Постоянного дежурного по райотделу вместо Басалаева, как я уже упоминал, еще не назначили.

- На каком основании отказываетесь оформлять пьяного? - тонким голосом обратился лейтенант к Басалаеву.

Тот, не отрываясь от сала, молча кивнул в мою сторону.

- Не будем разводить дискуссию, - довольно невежливо сказал лейтенанту. - Ваше дело только доставить пьяного в медвытрезвитель, а решение об оформлении принимаю я. В зависимости от имеющихся противопоказаний.

- Хорошо, - прошипел лейтенант и удалился.

И вот на пороге приемной сам начальник Жердянского РОВД подполковник Шубин собственной персоной. Успел лейтенантик наклеузничать, скотина этакая!

- В чем проблемы? - недовольным тоном спросил подполковник.

- Основная проблема в том, чтобы в будущем избежать серьезных проблем, - остроумно ответил я.

И мой ответ, похоже, начальнику не понравился. Он принял строгий официальный вид,

поджал губы и даже одернул китель.

- Потрудитесь выразаться яснее!

- У гражданина Полосухина черепно-мозговая травма...

- Так его же никто не трогал! - вскинул брови Шубин.

- У Полосухина старая черепно-мозговая травма, - невозмутимо продолжал я. - По крайней мере я так считаю, поскольку имеется подкожная гематома в области темени. И его нынешнее неадекватное поведение скорее всего связано не с алкогольным опьянением, а с травмой. Рисковать нам ни к чему. Лучше будет отвести его в больницу и сделать рентгенограмму черепа.

Похоже, я его убедил. Спорить подполковник больше не стал, а молча ушел в райотдел. Немного погодя патрульная машина вместе с Полосухиным стартовала от подъезда милиции.

- Смелый ты мужик, Николай Палыч, - сказал Леша.

- А чего ему бояться? Человек гражданский. Доктор, - пробурчал Басалаев. - Это не нам: только пикни поперек - и вылетишь на улицу без пенсии.

«Ты-то сам на любом месте будешь в тряпочку помалкивать да начальству задницы лизать», - подумал я и, ничего вслух не ответив, ушел в райотдел - к Рыбалко. Старший лейтенант находился в кабинете один - директора лесхоза, наверное, увели в ИВС - и при моем появлении, как всегда, перевернул на столе несколько бумаженций.

- Как служба? - спросил я.

- Служить бы рад - прислуживаться тошно! - ответил тот известной цитатой. - Иногда кажется, что среди наших местных начальничков честного человека днем с огнем не найдешь. Воруют безбожно!

- Сильно допекают?

- Поймали мы тут одного на взятке. С поличным взяли. При свидетелях. Целых восемьсот рублей. Руководитель районного масштаба.

Рыбалко не называл фамилии, но я почему-то предположил, что речь идет о директоре лесхоза.

- Другой бы на его месте слезы горючие проливал, каялся, - продолжал старший лейтенант. - А этот невозмутимо так заявляет, что деньги взял... для нужд производства. Он, дескать, на эти денежки банкеты для вышестоящего начальства и для районных руководителей устраивать собирался. Себе, мол, ни копейки не взял. И, получается, никакой личной корысти здесь нет, а только забота о благе вверенного ему предприятия.

- Каков наглец! - не сдержавшись, воскликнул я.

- Уголовное дело, конечно, завели. Взяточника в камеру определили. А с места работы - отличная характеристика. Ходатайство трудового коллектива. Звоночки из райисполкома и даже облизполкома. Давят на психику. Советуют повнимательнее отнестись к данному делу. Так сказать, не наломать дров...

Позвонил телефон. Рыбалко поднял трубку и тут же передал ее мне.

- Доктора просим, - услышал я хриловатый голос майора Басалаева. - Пьяного привезли.

Пришлось, прервав беседу, возвратиться на рабочее место. На этот раз постаралась вневедомственная охрана - очередной пьяный сторож. После оформления клиента я позвонил в хирургическое отделение. Несмотря на позднее время - около 19 часов, врачи были на месте (наверное, собрались для экстренной операции). После «посадки» Сергея Николаевича в отделение оставалось только трое - заведующий хирургией Николай Васильевич, анестезиолог и молодой хирург Александр, проходивший при нашей больнице интернатуру по хирургии. Так сказать, на рабочем месте. Была в те годы у нашего облздравотдела порочная практика: многие врачи проходили интернатуру не при областных и крупных городских больницах, а напрямую направлялись по месту распределения в ЦРБ, где они теоретически считались врачами-интернами, а на практике - сразу впрягались в обычную рутинную работу. Учились на собственных ошибках, присматривались к более опытным коллегам. Месяца на полтора-два их позднее вызывали в областной центр для прохождения краткосрочной практики в специализированных отделениях, а потом, до самого экзамена, возвращали на место: в районные и участковые больницы. Через месяц, по заверениям главврача, в Жердянск обещали прислать травматолога, тоже начинающего, но, в отличие от Александра, уже прошедшего интернатуру, причем полностью в престижном травматологическом отделении областной больницы. Но, как говорится, обещанного три года ждут!

- Как дела у Полосухина? - поинтересовался я.

- Внутричерепная гематома, - ответил Николай Васильевич. В отличие от Сергея Николаевича, он совершенно не признавал шуток или панибратства и в разговоре даже со своими коллегами придерживался определенной дистанции и употреблял строго медицинскую терминологию. - Подтверждается рентгенограммами черепа.

Раньше в нашей больнице нейрохирургией занимался только Сергей Николаевич. И то - на свой страх и риск, поскольку специализации по нейрохирургии у него не было. Правда, всегда, за исключением совсем уж тяжелых, несовместимых с жизнью травм, оперировал он удачно. Теперь он в тюрьме, а нового травматолога пока не прислали. Но даже если таковой появится, то пришлют какого-нибудь молоденького доктора, которому придется здесь, на месте, набираться опыта.

- Мы его уже отправили на «скорой» в областную больницу, - бесстрастным голосом сообщил заведующий хирургией и положил трубку.

До областной больницы три часа езды. Наверняка довезут живого - и сразу на операцию!

- Вот видишь, как полезно иногда бывает отказать начальнику, - сказал я Басалаеву. - У Полосухина - внутричерепная гематома.

Возможно, майор понятия не имел о гематомах черепа, но слушал с очень умным видом.

- Хорошо, что его не взяли, - продолжал я. - Помер бы за ночь - обоим бы отвечать пришлось.

Я не удержался от соблазна и, прекрасно понимая, что делаю глупость, позвонил начальнику РОВД и сообщил о дальнейшей судьбе Полосухина.

- А я всегда говорил, что в нашем медвытрезвителе работают опытные медработники, - вывернулся тот. - Я могу только приветствовать такой профессионализм. Молодцы!

Налим! Даже не смугился. И ничего удивительного - именно такие личности чаще всего и пробиваются в начальники.

«Группа захвата» привезла еще одного пьяного - старого бездомного алкоголика, уснувшего на автобусной остановке. Пусть скажет спасибо, что его вовремя заметил Алканавтыч - не то к утру превратился бы в сосульку. После полуночи, когда большинство клиентов было отпущено на все четыре стороны, майор Басалаев улегся в пустой палате, Алканавтыч, Леша и Саша с азартом распивали самогонку, а я, отказавшись от предложенного стакана, читал увлекательный детектив. Глубокой ночью патрульные доставили семейного скандалиста. Поместив его на койку, я тоже решил отдохнуть.

Глава 29. СЧАСТЬЕ ИНВАЛИДА

Выездная ВТЭК проходила в просторном конференц-зале больницы. Три письменных стола сдвинули вместе, и в центре получившегося сооружения в мягком удобном кресле расположился высокий крепкий старик с пышной белоснежной шевелюрой, строгим непроницаемым лицом и важными барственными замашками. Иногда он позволял себе легкую улыбку, которую окружающие должны были принимать как знак особого внимания и благорасположения. Этим важным стариком был председатель ВТЭК Николай Иванович Березин, хирург по специальности, возглавлявший комиссию уже около 15 лет, человек властный, самолюбивый, немножечко капризный и непредсказуемый. Но, положив руку на сердце, подловатостью и злопамятностью он не страдал - заключения делал, ни на микрон не отступая от требований своих инструкций, а выслушав иной раз обидную речь очередного инвалида, никогда не сводил с ним счеты, считая подобные методы недостойными для него, порядочного и интеллигентного человека. По обе стороны Березина сидели два врача-специалиста - женщины преклонного возраста, терапевт и невропатолог, также длительное время работавшие в комиссии. Здесь же, на краешке стола, примостился председатель Жердянской ВКК, он же и заведующий хирургическим отделением, Николай Васильевич Огольцов.

Комиссия ВТЭК - для многих переломный момент личной жизни. Решается судьба, определяется ход дальнейшего существования. В фойе, перед закрытыми дверьми в конференц-зал, как суетливые школьники, толпились и новички - претенденты на группу инвалидности, и полноправные инвалиды, пришедшие на очередную перекомиссию. Входили по одному, по очереди. Некоторых претендентов, явно по знакомству, приглашала медсестра. Выходили тоже по одному. С различным настроением. И это неудивительно - всем не угодить. Кто-то не получил никакой группы инвалидности, кто-то вместо второй - только третью, а он, по его словам, никак не в силах работать и потому громко возмущался деяниями бюрократов в белых одежках. Те же, кто получил желанную вторую или первую груп-

пу инвалидности, тоже особенной радости не испытывали, скорее - растерянность. Их можно понять - всегда работали на износ и, соответственно, привыкли к определенному ритму жизни, определенному социальному статусу и теперь (а кое-кому и лет-то не так уж много) - на обочину жизни. Редкие счастливики выходили со справками на приобретение бесплатного автотранспорта, и их родственники откровенно радовались открывшейся халяве.

Сегодня - ответственный день для капитана Качалкина, и поэтому я, временно оставив прием больных, пришел вместе с ним на ВТЭК. Конечно, посыльный лист на ВТЭК я ему оформил на совесть, подробно описал основное заболевание - мелкоочаговый инфаркт миокарда, не забыл сопутствующие хворобы. Букет получился внушительный. Третью группу он получит железно, но хотелось бы вторую, а здесь возможна осечка. Мало ли что ляпнет капитан на вопросы врачей или председатель ВТЭК будет иметь свое мнение о здоровье Качалкина. Кроме того, я знал, что Березин очень любил, если лечащий врач приходил на ВТЭК вместе с больным, так сказать, представлял своего пациента. Маленькая начальническая слабость, которой грех было не воспользоваться. Конечно, такие совместные визиты на ВТЭК не входят в обязанность участкового терапевта - непозволительная роскошь при нашей скромной зарплате и уплотненном графике работы, но ради Качалкина я был готов и не на такие жертвы.

Итак, мы с капитаном вошли в конференц-зал. Естественно, без очереди. Я - в белом халате, сереньком галстуке, аккуратно отутюженных брюках, Качалкин - в новеньком коричневом костюме-тройке, кремовой рубашке и тоже - при галстуке. Этакая лубочная картина из жизни участкового терапевта и его пациента! Березин окинул нас одобрителем взглядом и принял от Николая Васильевича посыльный лист капитана Качалкина.

- Мелкоочаговый инфаркт миокарда, - забормотал он, поглядывая на капитана из-под солидных очков с роговой оправой. - Из сопутствующих заболеваний - хронический бронхит, остеохондроз, дискинезия желчевыводящих путей.

Одна из врачей-экспертов усадила Качалкина на кушетку и приступила к осмотру: измерение артериального давления, аускультация легких и сердца, пальпация живота... Березин тем временем неторопливо подсчитывал количество дней нетрудоспособности Качалкина за последний календарный год - получилось немногим более пяти месяцев, потом посмотрел данные последних лабораторных обследований, изучил несколько «свежих» кардиограмм, на всякий случай посмотрел рентгенограмму позвоночника. Качалкин, вновь одевшись в свой новенький костюмчик, тихо сидел на стуле перед столом председателя ВТЭК.

- Ну-с, голубчик, займемся нашими баранами, - иносказательно обратился Березин к Качалкину, и тот даже вздрогнул от столь неожиданного для него обращения. Было ясно, что он и понятия не имеет, при чем тут какие-то бараны. - Учитывая основной диагноз и совокупность сопутствующих заболеваний, учитывая количество дней нетрудоспособности за последний календарный год...

Председатель ВТЭК сделал паузу. Качалкин замер в ожидании.

- Дадим вторую группу инвалидности с переосвидетельствованием через год, - закончил Березин.

Мы вышли победителями! Я говорю - «мы», поскольку без моих советов и действий Качалкин мог надеяться только на третью группу инвалидности. Кстати, он и сам это прекрасно понимал. А сейчас у него вторая группа вместо третьей - и, соответственно, пособие вдвое большее. А если учесть, что, находясь в кардиологическом санатории, он полтора месяца назад выработал так называемую «выслугу лет» и теперь имел также право на выходное пособие по пенсии, то итоговая сумма получалась колоссальной для милиционера. Можно купить подержанный автомобиль «Жигули»!

Качалкин растерянно улыбался и, по всему, находился в состоянии легкой эйфории.

- Сегодня не грех и горлышко промочить, - предложил Качалкин. - Такой день бывает только раз в жизни. С меня - стол, Николай Палыч. Жду!

- У меня еще полтора часа приема, - прикинул я. - Потом надо обойти на дому трех больных, что займет еще чуть больше часа. Значит, через три часа приду на обед...

Капитан Качалкин не поспешил - приволок ящик водки и две бутылки шампанского. На закуску - отварная осетрина и копченая форель (продукция местного рыбзавода), копченая колбаска, шпроты, килька, сыр, соленые огурцы и помидоры. На кухне, на плите, доваривались пельмени, шипели на сковороде аппетитные котлетки. Короче, стол был организован богатый! Жены с сыном в квартире не было - очередная размолвка. Зато в каче-

стве гостя присутствовал... подполковник Рогожников, одетый в штатское - модные синие джинсы и мохнатый свитер. Расположились в зале - перед телевизором.

Начали с шампанского. Пробка - в потолок! И пеннистая жидкость аккуратно наливается в длинные фужеры: подполковник Рогожников оказался мастером по откупорке и разливанию шампанского. Звучит торжественный тост за новоиспеченного инвалида. Его произносит подполковник Рогожников - длинно, витиевато, прямо как наш водитель Алканавтыч. Пустую бутылку из-под шампанского Качалкин лихо, по-гусарски, бросил за диван. Пора приниматься за водочку.

- Вот ты и пенсионер... и в придачу - инвалид, - задумчиво сказал Рогожников. - А ведь когда-то вместе службу начинали.

Выпили водочки, причем Качалкин, по причине большого сердца, налил себе полстопки. Закусили осетриной.

- Кучу денег огребешь, - мечтательно и немножко завистливо произнес Рогожников. - Машину, наверное, купишь?

- Да ну ее в баню, жестянку! Знаешь прекрасно, куда пойдут мои денежки.

Опрокинули еще по стопке. Подцепили вилками, что кому приглянулось.

- У меня, Николай Палыч, выслуга лет три месяца назад закончилась. Хотя сейчас на пенсию, - похвалился Рогожников. - Я теперь нашему генералу, начальнику УВД, сапогом дверь в кабинет открывать могу! И ничегошеньки он со мной не сделает. У меня сейчас другая забота. Был я недавно на обследовании в госпитале - по твоему совету. Десять дней на койке бока пролеживал. Но не зря - стенокардию определили. Как считаешь - есть у меня шансы на инвалидность?

Подполковник Рогожников, так же как и Качалкин, жил на моем врачебном участке, периодически появлялся на приеме, и содержание его амбулаторной карты мне было известно.

- У вас еще язвенная болезнь желудка - год назад стационарное лечение проходили, - сказал я. - Остеохондроз тоже не следует забывать. Как минимум, на третью группу наскребем.

- И эти деньги нелишними будут, - кивнул головой Рогожников. - А если повезет...

- И если Николай Палыч поможет, - перебил его Качалкин.

- Совершенно верно! Если еще Николай Палыч поможет, то и на вторую группу можно надеяться, - закончил подполковник.

Очередную порцию водки (Качалкин продолжал наливать себе половину стопки) закусывали копченой форелью. Вкуснотища! Пустая бутылка полетела на освоенное место - за диван.

- Итак, я тоже потенциальный инвалид, - сказал Рогожников. - Поэтому в ближайшие полгода буду болеть на всю катушку. Пускай новый начальник покрутится, проявит свои неостребованные деловые возможности. А я тем временем заработаю себе репутацию безнадежного хронически больного человека, и как на работнике на мне поставят крест - предложат на пенсию. Не откажусь! Получу все положенные мне выходные денежки. И немедленно попрошусь на инвалидность.

- Да, медить нельзя, - сказал капитан Качалкин, который уже успокоился и даже принес из кухни блюдо пельменей. - Инвалидность надо получать в течение первого года. Иначе пособие не выплатят. Упустишь срок - и поезд ушел!

- Инвалидность, как мы только что выяснили, мне обеспечена. И денежек я получу, будем надеяться, не менее виновника сегодняшнего торжества. Основной вопрос - как их правильно потратить!

Оба милиционера внезапно молча переглянулись, и мне показалось, что именно сейчас мы подходим к какому-то важному этапу беседы (все остальное сказанное до этого - легкая разведка, необходимое предисловие!), и мои собеседники немного раздумывают, стоит ли развивать дальнейшую тему разговора.

- Прожрать да растрясти деньги на шмотки - вершина идиотизма! Купить машину - и через 20 лет она превратится в ржавую консервную банку, - Рогожников повел разговор серьезно, словно на оперативке перед сотрудниками. - Отложить на сберкнижку? Честно говоря, нынешняя политическая обстановка доверия не внушает. Какая-нибудь реформа - и останешься на бобах. Нищим стариком!

- Нищий, больной и подзаработать уже нет здоровья, - мрачно сказал Качалкин.

Рогожников неожиданно встал из-за стола, подошел к окну. Молча поглядел на заснеженную улицу, сугробы вдоль тротуаров, резвящихся у самодельной горки ребятишек. В своем гражданском одеянии Рогожников сейчас мало походил на заместителя начальника

РОВД - так, стареющий дядька, любитель выпить и пофилософствовать. Но это на первый взгляд. А приглядишься - милицееское нутро так и прет изо всех щелей: излишне пристальный уверенный взгляд, резкие движения, молодеватая не по возрасту выправка и та особенная, непередаваемая манера поведения, присущая только представителям власти, вершителям судеб обычных рядовых обывателей.

Подполковник развернулся всем корпусом - ни дать ни взять полководец перед решающим сражением.

- Как говорил вождь мирового пролетариата: «Мы пойдем другим путем!»

При этих словах подполковника капитан Качалкин разлил по стопкам водку, каждый положил на тарелку сколько хотелось пельменей.

- На сегодняшний день единственное относительно надежное вложение денег - недвижимость! - торжественным голосом провозгласил Рогожников и для важности даже поднял вверх указательный палец.

- Дачи строить? - иронически спросил я. - Есть у меня дача. Из бруса. По весне только вагонкой обшить осталось.

- Не дачи, а поднимай выше, Николай Палыч, - сказал Качалкин. - Коттеджи. Индивидуальное жилье.

Я недоверчиво посмотрел на подполковника. О строительстве индивидуальных коттеджей я только иногда слышал в полубредовых докладах нашего болтливого генсека Горбачева и, как большинство здравомыслящих людей, всерьез его обещания не воспринимал.

- На прошлой неделе в райисполкоме подготовлено решение о начале индивидуального жилищного строительства, - объяснил Рогожников. - Как видишь, идем в ногу со временем. Новое мышление, так сказать. На окраине Жердянска будет выделен участок поля для строительства пятидесяти коттеджей, полностью благоустроенных - центральное отопление, водопровод, канализация.

- И земли десять соток, - добавил Качалкин. - Не пустошь выделяют, не болото, а плодородные земли.

- Вашей больнице выделено два участка: для главного врача и его заместителя, - продолжал выдавать информацию Рогожников.

- Ай, да главврач! - восхитился я. - Ни словечком никому не обмолвился.

- Хитрая бестия. И подлая. Своего же доктора в колонию отправил. Даже не заступился, - сказал Рогожников. - Взять вот директора лесхоза. По той же статье попался, а защищают его все вокруг правдами-неправдами. И вот увидите - выкрутится. Пустяками отделается. А главврачу вашему недолго в кабинетике восседать осталось. В райкоме им недовольны. Очень уж был дружен с бывшим предриком. Охота, рыбалка, в баньку деревенскую с венчиками. На всех остальных плевал с высокой колокольни. А заступничек высокопоставленный помахал ручкой. Где он теперь? Ау! Вот и выходит, что доживает главврач последние месяцы. Повода не хватает ему пинка дать. Ладно, хрен с ним, с главврачом! Суть в другом: все свои пенсионные и инвалидские денежки мы с капитаном вложим в строительство собственных коттеджей.

- Колоссально! - с завистью сказал я.

- А квартирki наши хрен мы кому чужому оставим, - сказал Качалкин. - Государству не отдадим, как тут некоторые надеются. Мне только участок под дом получить, так я стройку на десяток лет растяну, но дождусь, когда сын из армии вернется и в квартире останется. Кукиш с маслом государству, а не квартира.

Выпили за индивидуальное жилищное строительство. Вторая пустая бутылка из-под водки полетела за диван.

- И вот мы, пошептавшись в узком кругу, решили сделать тебе, Николай Палыч, серьезное предложение, - важно сказал Рогожников. - Бери землю под коттедж. Стройся. На наш райотдел милиции выделено десять участков. Не поверишь - на сегодняшний день половины не набралось желающих. Привыкли задарма жилье получать - хоть двадцать лет в очереди простоят, но сами пальцем о палец не ударят. Ты у нас работник медицинского вытрезвителя, трудишься не первый год. Полное право на участок имеешь. Бери. Не тяни. Не то потом народ расчухается - отбоя от желающих не будет.

Признаться, я растерялся, опешил от столь неожиданного важного предложения. Что и говорить, собственный дом - не деревянная халупа с печкой! - именно капитальный дом со всеми удобствами был моей давнишней заоблачной мечтой. Скитания по общагам и мало-семейкам, жизнь в однокомнатной квартирке с женой и ребенком, где стены тонкие (соседские скандалы как на ладони!), углы зимой промерзают - все эти неурядицы давно приучили меня с почтением и завистью относиться к немногочисленным обитателям благоу-

троенных коттеджей, которые были построены (в очень ограниченном количестве!) в каждом райцентре и, конечно, у нас в Жердянке. Поселиться в таком коттедже считалось делом немыслимым, переселение в коттедж обычно сопровождалось вхождением в самую верхушку местной элиты. А сие для скромного эскулапа было делом нереальным, нечто вроде сказки о золотой рыбке. Но мыслишки-мечтания оставались. Мы всегда любим помечтать о несбыточном. Еще когда строительством дачи занимался, нет, да и задумывался, что так вот можно и домишко на каменном фундаменте соорудить, с гаражом и подвалом, да в теплотрассу врезаться... Но я твердо знал, что этого бы мне никто не позволил! И вот, как в плохом наивном фильме, прямо в руки пирожок горячий, перо жар-птицы сказочное: «Бери землю! Стройся!»

- Ты нашего доктора совсем огорошил! - засмеялся капитан Качалкин. - От таких новостей любой озадачится. Под водочку такие дела надо обдумывать. Под нее, родименькую.

Водочку закусывали всякой всячиной - сколь на тарелки влезло. Тянули по стопке, потом, почти без передышки, еще по одной. От заманчивого предложения Рогожникова алкогольный туман, постепенно воцарявшийся в моей голове, значительно рассеялся. Хорошие новости протрезвляют сильнее холодного душа! Я знал, что обещанное по пьянке часто впоследствии оказывается неосуществимым. Но предложение Рогожникова не подходило под категорию «пьяного трепа». И в первую очередь потому, что я подполковнику еще мог пригодиться, а Рогожников, как я уже давно понял, относился к тем деятелям, которые окружающих всегда делили на «нужных» и «остальных». А почему бы не оказать услугу полезному человеку, тем более, если не придется платить наличными?

- Отказываться - глупо, - наконец ответил я. - Такие моменты бывают только раз в жизни. Остается только финансовый вопрос - строительство встанет недешево.

- Во-первых, по одежке протягивай ножки! Проект надо подбирать исходя из своих средств. Естественно, дворец осилит не каждый, но обычный дом на три-четыре комнаты, с подвалом, гаражом и верандой лет за пять-семь вполне осилишь, - агитировал капитан Качалкин. - Да и ссуду выдадут. Под три процента годовых.

Я мысленно прикинул свои возможности. Допустим, проект выберу недорогой - в пределах двадцати тысяч. Взять ссуду десять тысяч. Продать дачу - даже без печки тысяч на восемь потянет. А если часть работы проводить самому - то вполне уложусь в проектную стоимость.

- Отказываться не буду, - сказал я. - Но окончательный ответ через два дня: надо же и с супругой посоветоваться.

- Логично, - согласился подполковник. - Но больше тянуть не рекомендую. Скоро намечается первое собрание застройщиков.

- Будем дружить домами! - воскликнул Качалкин, вновь разливая водку...

Глава 30. ГЛАЗАСТЫЙ БЕГЕМОТ И РАСТЕРЯННЫЙ ИНТЕРН

Вот и опять дожили до весны! Температура воздуха стоит чуть выше нуля. На улицах - мелкая капель с небес, тонкий слой талой воды поверх обледенелых тротуаров, травмы лодыжек у прохожих. Ждем прихода эпидемии гриппа.

Сегодня с утра я принимал в поликлинике больных, потом пробежался по вызовам и, наскоро пообедав, отправился на смену в медвытрезвитель. Здесь можно перевести дух, что я и делал, попивая чай с Лешей и Басалаевым. Незадолго до моего прихода доставили первого клиента - пьяного цыгана. После того, как я удостоверился в его средней степени опьянения, Басалаев оформил протокол и поместил клиента в палату (до этого цыган маялся в дежурной части в «обезьяннике»). Теперь цыган от скуки пел свои национальные песни в пустой палате, а иногда даже пускался в пляс. Нас это только развлекало.

- Как в филармонии, - с умным видом изрек майор Басалаев, хотя мне доподлинно известно, что в филармонии Басалаев никогда не был (ближайшая находится в областном центре), и всем культурным развлечениям предпочитает безудержную жратву, выпивку, песни под гармошку и полупьяное лежбище перед телевизором.

- Хорошо поет. Как настоящий певец, - похвалил Леша. - Пускай порезвится. Не будем его к кровати привязывать.

Рассеянно слушая голосистого цыгана, я думал о собственных проблемах. Неделю назад состоялось уже второе собрание индивидуальных застройщиков. Я окончательно внесен в списки, а председателем нашего созданного товарищества «Хуторок» избран подполковник Рогожников, который после собрания немедленно ушел ко мне на амбулаторное лечение остеохондроза (копит количество дней нетрудоспособности для будущей инвалиднос-

ти). Есть решение райисполкома о выделении земли под индивидуальное жилищное строительство товариществу «Хуторок», каждому застройщику - по 0,1 га. Строиться будем самостоятельно, каждый по своему проекту, исходя из собственных денежных средств. Здесь есть свои плюсы и минусы, но для оборотистого человека такой способ строительства обойдется дешевле, чем в общем стаде. Ссуду нам оформят в течение месяца из расчета три процента годовых. Брать можно в пределах 20 тысяч рублей. Я пока с проектом окончательно не определился, но мы с женой решили, что больше 10 тысяч рублей брать не будем (а то потом всю жизнь расплачиваться придется). Лучше продадим дачу, и тогда нам хватит на вполне приличный дом - комнаты три-четыре с кухней и верандой. Мы понимали, что отважились на серьезное дело, но, согласитесь, жить в собственном доме удобнее и престижней, чем в клетушке многоквартирного дома. Да и огород под боком. Вышел, поработал, полил грядки и ушел смотреть телевизор.

Пение прекратилось - наверное, певец уснул. Или охрип. Позвонил телефон. Басалаев с равнодушным видом поднял трубку, послушал, а потом, не меняя выражения лица, обратился ко мне:

- В дежурку вызывают. Доставили двух придурков.

Пришлось подниматься и идти в дежурную часть. Сегодня дежурным по райотделу был капитан Рыбалко. Да, да! Именно капитан Рыбалко. Уже две недели минуло, как Рыбалко переведен из ОБХСС в райотдел дежурным офицером. И неделя - после присвоения очередной «звездочки». Внешне все выглядело как заслуженное повышение, так сказать, дальнейший карьерный рост достойного офицера милиции. Подошло время присваивать капитанское звание, а свободной капитанской должности в ОБХСС не было - капитану Недосекину до пенсии еще три года. Вот и перевели Рыбалко дежурным офицером, похвалили за все его успехи и нацепили еще одну «звездочку». Живи да радуйся! Тем более, что должность дежурного офицера райотдела соответствует майорскому званию. Один шаг до большой звезды.

Истинную подоплеку столь быстрого карьерного роста Рыбалко мне разъяснил капитан Метелкин (теперь уже ставший полноправным начальником медвытрезвителя). За директора лесхоза заступились. Причем такие люди, послушание которым смерти подобно. Подполковник Рогожников в этих манипуляциях не участвовал, все решал начальник РОВД лично. Чересчур рьяного офицера ОБХСС перевели с повышением в дежурную часть, дело директора лесхоза передали капитану Недосекину, человеку осмотрительному и послушному воле начальства. А директора лесхоза под подписку о невыезде отпустили домой - пить водку и обивать пороги власть имущих.

- Клиентов привезли. Вон в клетке сидят, - сказал Рыбалко.

Я прошел к «обезьяннику». К сожалению, оба его обитателя находились в средней степени алкогольного опьянения. Значит, придется забирать к себе. А так хотелось сегодня побездельничать, подремать в тиши палаты... Сначала я осмотрел первого клиента - почтенного полного мужчину лет сорока, взятого на автобусной остановке. Поведение типичное - бубнит какую-то чушь, пошатывается, корчит мерзкие рожи.

- Годится, - сообщил я Рыбалко. - Пусть ведут к нам.

Второй вроде бы тоже подходил для нашего заведения, но только вот лицо его мне показалось знакомым.

- Где-то я вас видел? - неуверенно произнес я. - Вы раньше бывали в вытрезвителе?

- Н-ни разу, - ответил тот. - Я был н-на приеме... когда нашего врача н-не было.

Я стал кое-что вспоминать: кажется, этот тип состоял на диспансерном учете по какому-то заболеванию. Судя по подозрительному покашливанию - хронический бронхит или даже туберкулез.

- Вы на инвалидности?

- А как же! - воскликнул тот и, порывшись где-то за порванной подкладкой куртки, вытащил памятое удостоверение инвалида второй группы.

- Рад бы взять - да не могу! - посмотрел я в сторону Рыбалко. - Сам прекрасно понимаешь.

Тот спорить не стал, поскольку знал, что согласно инструкции инвалиды второй группы в медвытрезвитель не помещались.

- Ладно, пусть пару часов поскучает в клетке.

На правах старого друга я зашел в «аквариум» - постоянное рабочее место дежурного офицера и его помощника. Небольшая комната. Окно на улицу забрано толстой решеткой. Одна из стен, от потолка до середины, представляет из себя прозрачную витрину, выходящую в коридор. Вдоль «витрины» разместились своеобразный пульт управления - громозд-

кое деревянно-пластиковое сооружение, выдвижные ящички, множество кнопочек и лампочек, несколько телефонных трубок. Здесь же, на видном месте, два пустых стакана и железная миска. На подоконнике - электрический чайник. Рыбалко сел на простецкий деревянный стул, посмотрел на меня, но ничего не сказал - потому что в этот момент раздался пронзительный скрипящий звук, и капитан быстро, но без суеты поднял черную телефонную трубку.

- Дежурный по райотделу капитан Рыбалко. Да. Понятно. Где находитесь?

Быстро положил трубку, повернулся к прапорщику.

- На выезде из города сбит подросток. Есть свидетели. Водитель скрылся в направлении Ленинградского шоссе. Отправляй патрульных - надо успеть его перехватить, в ГАИ я сейчас сообщу.

- А «скорая»? - спросил я.

- Позвонили. Должна выехать.

Патрульные собрались на удивление оперативно. Толстый, неуклюжий с виду, Бегемот юркнул вперед, рядом с водителем, его мрачный напарник заскочил на заднее сиденье. Я позвонил в больницу - действительно, «скорая» была на месте и выехала сразу. Только фельдшерница дежурила молодая - по второму году работы (врачи в Жердянске на «скорой» не работали - экономились ставки). Да и дежурный врач сегодня не хирург, а невропатолог. Но мужчина он опытный, начинал с участковых врачей и в критической ситуации не растеряется. Если случай серьезный - вызовет хирурга, они у нас поочередно дежурят на дому.

Понимая, что в дежурной части сейчас не до меня, я вернулся в медвытрезвитель. Новый клиент уже находился в палате, а на моем столе лежал частично заполненный протокол. Начало смеркаться. Мимо райотдела с включенными «мигалкой» и сиреной промчалась «скорая» - наверное, повезли пострадавшего. А патрульные все еще не возвращались. Вот и «гаишники» откуда-то вывернулись и что есть мочи припустили к выезду из города. Басалаев, которого я посвятил в детали происходящего, меланхолически пробормотал:

- Не найдут водилу. Свернет где-нибудь на лесную дорожку и затихарится.

- Наверное, - согласился сержант Леша. - Не такой же он идиот, чтобы через пост ГАИ перетянуться.

Я позвонил в больницу, в ординаторскую - никто не отвечает. Позвонил в приемный покой - трубку подняла дежурная медсестра. Из разговора с ней я узнал, что пострадавший, юноша 16 лет, только-только доставлен в больницу. Сейчас им занимается дежурный врач, а «скорую» отправили домой за хирургом.

- Как состояние? - спросил я, имея в виду поступившего больного.

- Перелом голени и плеча.

На этом разговор прервался - видимо, там сейчас хлопотно. Не исключено, что развился травматический шок - учитывая такие переломы. В приемную вошел капитан Метелкин. Что-то он сегодня засиделся и домой не спешит. Вот какие метаморфозы делает с людьми начальническое кресло!

- Новость-то слышали? Парнишку машиной сбило, а водитель - в бега подался.

Мы молча кивнули - мол, это уже не новость.

- Пареньком сейчас в больнице занимаются. Тяжелое состояние, - рассказывал капитан.

- Родители подъехали... беспокоятся. Скандалят помаленьку.

- Чего скандалить? Все будет сделано как надо, - сказал я.

- А разве в нашей больнице всегда бывает как надо? - серьезно, без тени улыбки, спросил Метелкин. - Приехал хирург - по возрасту ненамного старше пострадавшего. Что он сможет?

«Наверное, интерн Александр?» - предположил я.

- Вот родители и забежали кругами. Сомневаются в докторе. Им бы кого поопытнее. Позвонили заведующему хирургией - дома нет, уехал на рыбалку. Позвонили травматологу - тому, которого недавно прислали, - ходит неизвестно где.

- Люди отдыхают. Рабочий день закончен, дома сидеть не обязаны, - возразил я. - Правда, ставить хирурга-интерна на самостоятельное дежурство нельзя, но на то выпущен особый приказ главврача.

- Вот-вот. Бардак в больнице. А отец у этого парнишки - заведующий отделом райкома партии. Серьезный человек. Рванул он к вашему главврачу на квартиру, а тот - в хлам пьяный. Не соображает ничего. Только мычит. А Указ Президента о борьбе с пьянством, между прочим, никто не отменял.

Вот это действительно новость! Попался наш главный врач, как кур в ошип. Наверное, с обеда начал пить и набрался основательно, если решился дверь отворить. Так сказать, по-

терял бдительность!

- Едут, - прервал нашу дискуссию майор Басалаев.

Все посмотрели в окно: у подъезда райотдела остановилась целая колонна - патрульный «козлик», незнакомый красенький «Москвич» и машина гаишников.

- Поймали-таки? - удивился Басалаев. - Ай да молодцы!

Задержанного водителя, в наручниках, вывели из заднего отсека патрульного автомобиля. Сержант Бегемот вылез из «Москвича» - похоже, что машину вел он.

- Ну, вы служите, а я схожу на разведку! - решил за всех Метелкин. Решать за всех - теперь его законное право начальника.

А я опять позвонил в больницу, в ординаторскую и на этот раз сумел наткнуться на невропатолога.

- Как там дела, Владимир Александрович?

- Плохо, - ответил тот. - Наряду с переломами и травматическим шоком я не исключаю тупую травму живота и внутреннее кровотечение.

- Хирург приехал?

- Приехал, да что толку. Саше бы еще годик-другой аппендюки с грыжами резать. Оперировать надо срочно, а он больного зачем-то на рентген поташил. Растерялся парень. Сюда бы Сергея Николаевича.

- Сергей Николаевич сейчас на зоне пациентов исцеляет.

- Вот именно. Вспомним его еще не раз.

Невропатолог положил трубку.

- Как там? - спросил меня Леша.

- Тяжкие телесные повреждения с угрозой для жизни, - коротко ответил я.

- Отъездился водила! - резюмировал Басалаев. - Пора сушить сухари.

За окном хлопнула дверца машины: патрульные усаживали в заднюю дверцу беглого водителя. Все правильно! Лиц, совершивших преступление, независимо от степени опьянения в медвытрезвитель не помещают. И экспертиза всегда проводится в больнице наркологом или дежурным врачом. Скорее всего, учитывая тяжесть состояния пострадавшего, сейчас вызовут из дома нарколога.

Вернулся капитан Метелкин.

- Дела у нас в райотделе творятся - прямо вестерн! - начал рассказывать он. - Патрульные отличились - с хорошей стороны. Глазастым оказался Бегемот, и умишком не обижен. Не смотри, что сержант, - при этих словах сержанта Лешу передернуло. - Не доезжая пяти километров до Ленинградского шоссе, узрел он свежий след протектора, сворачивающий на деревенскую отворотку. Решили рискнуть - тоже повернули. И прямо в точку попали: через пару километров «Москвич» нарисовался - в снегу застрял. Водитель, завидев их, выскочил из кабины - и напрямик по снегу в ближайшие кусты. Пришлось Бегемоту за ним по сугробам переться. Дал предупредительный выстрел - водила остановился.

- А гаишники? - спросил Леша.

- Сами понимаете - это же Корытов! Поехали, не сворачивая, к посту ГАИ. Там их, естественно, ничем не обрадовали. Повернули обратно и услышали выстрел. Так вот и встретились.

- Облажался Корытов, - с ехидством сказал Басалаев.

- Что поделаешь: опоздавшему - объедки! - блеснул интеллектом капитан Метелкин.

Во дворе опять раздался звук подъезжающего автомобиля. А это уже наши - «группа захвата». С добычей, судя по истошным крикам и матюгам, доносящимся из железной утробы фургона. Клиента, здорового верзилу, Алканавтыч с Сашей вели под руки: на ногах он почти не держался.

- Взяли в продовольственном магазине, - пояснил Саша. - Зашел я на минутку - хлеба купить, а он в тамбуре на корточках дремлет.

- От имени командования объявляю благодарность! - торжественно и немного с юмором сказал Метелкин. - Где-то я этого ханурика видел? Вспомнил! Он там же, в магазине, грузчиком работает. Уморился, бедняга, присел отдохнуть, а тут нехорошие дяденьки милиционеры прибежали.

Что-то глазенки у капитана подозрительно поблескивают? И сам он очень уж оживленный сегодня. Не иначе тяпнул в одиночку сто граммов водки. Но, естественно, спиртным от него не пахнет и координация движений не нарушена.

Вернулся патрульный «козлик», водителя - все еще в наручниках - провели в дежурную часть.

- Наступило время Корытова! - провозгласил Метелкин. - ДТП с телесными поврежде-

ниями. Пошла писать губерния.

Метелкин опять ушел в райотдел - в надежде разнюхать какие-нибудь новенькие подробности. Любопытный человек! Ему бы не милиционером, а репортером желтой прессы работать. Самое для него место!

Клиента определили в палату, он не сопротивлялся. «Группа захвата» вместе с Лешей ушла в гараж. Майор Басалаев соорудил бутерброд с хлебом, маслом и колбасой, включил электрический чайник. Я опять стал звонить в больницу и со второй попытки нашел невропатолога - на этот раз в инфекционном отделении, где тот осматривал тяжелых больных. И ничего хорошего он мне не сообщил. Короче, с самого начала все делалось «как не надо». Фельдшер «скорой» хотя и наложила шины, но тупую травму живота не заподозрила - хотя в этом ее сильно винить не стоит, стаж у человека невелик. Ее ошибка в другом - налицо были признаки шока, но никаких противошоковых мероприятий по «скорой» начато не было: понадеялись на небольшое расстояние (десять минут езды!) и на русское «авось». В приемный покой пострадавшего привезли уже с тяжелым шоком, и Владимир Александрович, припомнив свою былую терапевтическую практику в участковой больнице, правильно поставил диагноз - заподозрил травму селезенки - и немедленно приступил к введению растворов. И на этом как врач он себя исчерпал. Теперь дело за хирургами, а хирург Александр, по неопытности и растерянности, вместо того чтобы приступить к немедленной операции, потащил парнишку на рентген, теряя драгоценное время и силы больного. В итоге больной скончался в рентгеновском кабинете.

- И что теперь начнется - думать не хочется, - сказал в заключение невропатолог. - Родственники беснуются. Грозятся дойти до обкома. И их понять можно. Александр паникует - считают, что на нем, как на стрелочнике, отыграются в первую очередь.

- А как главный врач? Как реагирует на эти события? - не удержался я от ехидного вопроса.

- Главный? - прикинулся «валенком» невропатолог. - В больнице он не появлялся. Звонили на дом, трубку никто не поднимает.

Или Владимир Александрович хитрит (а мужичок он не простой!), или действительно родители пострадавшего ничего не сказали о поездке к главврачу на дом. Скорее всего - первое, если уже в милиции знают, что главный врач пьянствует у себя дома.

- Ладно, до завтра, - попрощался я с дежурным врачом и еще раз съязвил. - Передавай большой привет главврачу... если, конечно, до него дозвонитесь.

Басалаеву я не сказал ничего. А он сам, занимавшийся чаепитием и чревоугодием, даже не обратил внимание на мой телефонный разговор. Признаться, я майору иногда завидую: никаких у человека излишних стремлений и желаний, только лишь отправление физиологических потребностей. Он и переводу в медвытрезвитель особенно не огорчился: работа здесь спокойнее, чем в дежурной части, а зарплата - не меньше. Чего еще желать?!

В дверь палаты постучали. Ввиду отсутствия сержанта Лешки, к двери подошел я: проснувшийся цыган просился в туалет. Просьба его была уважена, тем более, что он, наполовину протрезвевший, вел себя скромно. После туалета я сразу провел его в приемную и кивнул в сторону кушетки.

- Пора цыгана выпускать, - сказал я Басалаеву. - Протрезвел.

Майор лениво посмотрел на сидящего на кушетке цыгана.

- А как хорошо пел - даже отпускать жалко!

- Хочешь, начальник, еще спою! - улыбнулся клиент. - На прощание.

- Ладно. Будет с меня. Подписывай протокол и одевайся.

Басалаев увел цыгана в дежурную часть: после уплаты за вытрезвитель (на которую у клиента едва хватило денег), ему предстоял еще штраф от капитана Рыбалко. Мне кажется, взыскание данного штрафа будет очень проблематичным занятием, потому что живет цыган в Краснодарском крае, а в Жердьянке - проездом, с его слов - в поисках приличного заработка. Итак, Басалаев ушел с клиентом, а я остался один - если не считать двух похрапывавших в палате пьяниц. Через час в приемную ввалилась подвыпившая компания - Леша, Саша и Алканавтыч, принося с собой восхитительное амбрэ чеснока, водки и жареной картошки.

- Аккумулятор накрылся - заряжать поставил, - вполне правдоподобно сообщил мне Алканавыч. - Начальник жмотится, денег на новый не выделяет - вот и маюсь!

На улице хлопнула дверца автомобиля - вневедомственная охрана привезла двух пьяниц.

Вечером, когда Метелкин ушел домой, мы решили устроить небольшую производствен-

ную попойку - просто так, для поднятия настроения. Скинулись по десятке - деньги дал даже майор Басалаев, и Алканавтыч отбыл в неизвестном направлении. Чтобы не терять времени, мы выпустили почти всех клиентов. Оставили только одного - он поступил всего час назад и безмятежно похрапывал в палате. Приготовили легкую закуску - полбуханки черного хлеба и несколько луковиц. Вот и Алканавтыч! Принес три поллитровые бутылки самогона - как сотруднику милиции и постоянному покупателю ему всегда продавали спиртное со скидкой. Самогон мне не понравился: мутный, крепкий и очень вонючий. Я с трудом выпил две дозы (дозой в нашей компании считалось сто граммов спиртного) и от дальнейших возлияний отказался, решил побереечь организм. Мои собутельники для виду немножко поворчали, но быстро успокоились - им же больше достанется! Алканавтыч стал рассказывать свеженькие анекдоты, иногда он прерывался, и тогда эстафету перенимал Леша, который анекдотов не знал, но всегда имел в запасе интересную бывальщину. Саша пил молча, практически не закусывал и очень быстро опьянел.

- А вот еще случай был, - начал Леша, но Саша вдруг вскочил и, пошатываясь, устремился в туалет. Через пару секунд мы услышали характерные рыгающие звуки - Саша блевал в унитаз.

- Молодец! Успел до агрегата добраться, - похвалил его Алканавтыч. - Грязи меньше.

Алканавтыч рассказал очередной анекдот. Саша не возвращался.

- Может, ему плохо? - предположил я.

Вместе с Лешей мы прошли в туалет и увидели спящего на полу, в обнимку с унитазом, Сашу. Леша вытер ему лицо каким-то грязным полотенцем, а потом мы оттащили ушавшего сержанта в пустую палату. Осушив два стакана чая, я покинул приемную, решив поспать, куда позволяет обстановка.

Глава 31. СОЛНЕЧНАЯ УЛИЦА

Обычный прямоугольный лоскут земли. Четыре колышка по углам. 10 соток - 25 на 40 метров. Полчаса назад прошла жеребьевка, и теперь эта земля моя. Участок №16. Рядом со мной стоит экс-капитан Качалкин. У него участок №18. Мы - соседи! Подполковник Рогожников получил землю в другом месте. Вон он, в окружении группы застройщиков, что-то объясняет им с важным видом. А я любуюсь своей собственностью. Сыровата еще земля: все-таки середина апреля. В лесу, в чащобах до сих пор темные сугробы дотаивают. Через месяц я свой участок вспашу - там, где по плану намечен огород - унавожу, картошечку посажу. А пока стройматериалы буду завозить, котлован под фундамент выкапывать. Стройка века началась!

- Может, бутылочку раздавим? Я захватил, - предложил Качалкин.

Я посмотрел на часы - через два часа я должен прийти на смену в медвытрезвитель.

- Ладно, давай. Зови Рогожникова...

Подполковник согласился - вне службы он, как я убедился, мужик вполне компанейский. Втроем мы подыскали удобное местечко - поваленную сосну на краю поля. Запасливый Качалкин достал из кармана стакан и солидный кусок черного хлеба, нарезал хлеб перочинным ножиком.

- С почином! - поднял стакан подполковник.

Выпили по очереди из одного стакана.

- А как улицы называть будем? - неожиданно спросил Качалкин.

- Еще ни кола, ни двора, а ты названия придумывать! - засмеялся я.

- Не согласен! - сказал Рогожников. - Вопрос своевременный. Если сейчас сами не назовем, за нас могут это решить другие. Я уже все обдумал: примитивными, наевшими всем оскомину, названиями типа улица Строителей или Молодежная называть не будем. Примитив! Фамилии вождей тоже не стоит увековечивать. Надо придумать простые и одновременно поэтические названия. К примеру, улица Солнечная? Или Цветочная?

- Прямо как в песне Антонова, - вторил ему Качалкин. - Васильковая улица... Цветочная.

- А что? Так и назовем, - улыбнулся Рогожников. - Я думаю, что и остальные будут не против.

Водка закончилась.

- Продолжим? - завелся было Качалкин. - У меня дома самодельная имеется.

- На смену пора, - отказался я.

- Да и я воздержусь, - присоединился ко мне Рогожников. - Начальник на охоту укатил - дня два проболтается. Весь отдел на мне. Вдруг вызовут!

Мне повезло - у автобусной остановки посчастливилось тормознуть машину «скорой помощи». Водитель Саша Кудрявцев был один и, наверное, ехал куда-то по своим личным делам. Это, конечно, непорядок, и какие-нибудь две недели назад подобные поездки были под запретом и совершались нелегально. Но все дело в том, что сейчас в больнице было безвластие: главврача сняли с работы за неумение руководить коллективом и нарушение приказов Минздрава (поставил на самостоятельное дежурство хирурга-интерна, что явилось причиной смерти подростка). Решающее слово, естественно, сказал первый секретарь райкома, недолюбливавший главврача за вызывающее поведение. Ситуация сложилась для нашего главного очень скверная: смерть подростка в результате ошибки хирурга-интерна, не имевшего права самостоятельно дежурить, собственное пребывание в алкогольном опьянении, кое-какие финансовые нарушения, неизбежные в деятельности каждого руководителя. Наскреблось на увесистый ушат грязи! Заступников не оказалось: коллектив больницы главврача недолюбливал, представители районной номенклатуры благо-разумно помалкивали, а лучший друг и собутыльник главврача - его заместитель Сергей Вениаминович неожиданно сделался непримиримым противником и обличал своего бывшего благодетеля на каждом углу. Наверное, он рассчитывал унаследовать освобождающееся кресло. Наивный! Для этого он слишком мелко плавает. По достоверным источникам (сообщил капитан Метелкин) я уже знал, что новым главврачом станет начмед одного из восточных районов области. А бывший главврач уже обживает соседний район, устроившись по своей основной специальности - наркологом. Так что сейчас в больнице - бардак! И каждый гнет свою линию.

В медвытрезвителе меня встретили почти что с восторгом.

- Вовремя пришел, Николай Палыч! - облегченно вздохнул майор Басалаев, когда я переступил порог приемной. - Клиент косяком пошел. Одного я поместил в палату - пока не оформлял, двое других в «обезьяннике» дожидаются.

Хорошо я воспитал личный состав: даже дежурный офицер не решается без моего заключения оформить пьяного. Так и надо! Главный в медвытрезвителе - медицинский работник, а остальные - в качестве необходимого приложения.

Клиент еще не спал. Это был один из наших завсегдатаев, с завидным постоянством посещавший вытрезвитель и областное наркологическое отделение. Один раз даже посетил ЛТП.

- Подходит, можете оформлять, - сказал я Басалаеву после осмотра клиента и ушел в дежурную часть.

Дежурил капитан Рыбалко. Как всегда, опрятный и аккуратный - образец офицера советской милиции. Его помощник провел меня к «обезьяннику», где в полумраке копошились две отвратительные личности. Опухшие небритые рожи, красные с синими прожилками носы, грязная одежда и нестерпимый запах немытого потного тела. Но вшей и чешотки не оказалось - даже удивительно. Придется брать - у обоих клиентов средняя степень опьянения - хотя для нашего заведения от них один убыток.

- Как продвигаются дела на ниве индивидуального строительства? - поинтересовался капитан, когда патрульные увели пьяниц в медвытрезвитель.

- Размежевались. Поделили участки, - охотно сообщил я. - Осталось совсем немного: начать и закончить.

- Ну-ну, каких-нибудь десять лет - и новоселье справите.

- Нечего подкалывать. Еще сам потом завидовать будешь.

- Я бы рад с вами за компанию, но увы... Финансы поют романсы! - вздохнул Рыбалко. - Накоплений не имеется, дачи не построил - продавать нечего. А брать ссуду и потом всю жизнь ее отдавать - с нашей зарплаты непосильный труд.

- Надо было не зевать, когда в ОБХСС работал, - пошутил я. - Глядишь - и на дом, и на машину бы заработал.

Моя шутка была очень «тонкой», и будь на месте капитана кто-нибудь потупее - непременно бы обиделся. Тем более, что директор лесхоза, которого пытался «раскрутить» Рыбалко, отделался-таки всего лишь условным наказанием. С директорской должности его, конечно, сняли - поставили работать мастером (и я думаю, что это только временно). Но за решетку, несмотря на все свои хищения, он не попал, а это главное. Закон - что дышло! Но Рыбалко умел и сам пошутить, и оценить шутку другого.

- Что делать - таким вот я странным уродился, - состроил простецкую физиономию, развел он руками. - Не умею взятку брать. Беден, но честен! Атавизм!

- На сегодня у нас план выполнен, - сказала я, направляясь к выходу. - Если больше никого не привезете - мы не обидимся.

- Ладно, учтем, - кивнул головой Рыбалко. - Мы их теперь в речку сбрасывать будем. Прямо с моста - чтобы разом протрезвели.

Клиентов уже увели в палату. Сержант Леша, безглаголиво морщась, вытирал полотенцем руки. Майор Басалаев, аппетитно причмокивая, выскребал вилкой банку рыбных консервов. Пошарившись в ящике стола, я вытащил принесенную на прошлой смене книгу и попытался вникнуть в содержание. Тщетно! В голове роятся всяческие практические мыслишки на тему сегодняшней дележки земли, дальнейших строительных планов. Не до чтения! Чтобы как-то убить время, я взял приготовленные Басалаевым протоколы и не торопясь стал заполнять свои медицинские разделы. В приемную удалым бесом влетел Алканавтыч.

- Скучаете? Ну и зря! Предлагаю устроить скромное торжество, - выдвинул он искусительное предложение.

- По какому поводу? - поинтересовался Басалаев.

- Долгожданное событие! Я с сегодняшнего дня - человек почти вольный, даже генералу на лысину плюнуть могу. До пенсии дослужился!

- И что решил? - спросил я.

- А с полгодика еще послужу - если раньше начальство не попросит. Дома сидеть скучно. Да и работенку подходящую пока не присмотрел.

- Повод солидный, - изрек сержант Леша. - Грех будет не отметить.

- Короче, с меня два литра водки. И закусь соответственно объему выпивки, - подвел итог Алканавтыч.

Халявная выпивка! Глазки у майора Басалаева загорелись... и сразу потухли.

- Давай немного попозднее... ближе к полуночи? - грустным тоном предложил он. - Сейчас опасно - начальники могут зайти, а у меня-то еще пенсия не выработана. И старые грешки не забыты. Вышибут на улицу в два счета.

- Договорились, - кивнул Алканавтыч. - Ровно в двенадцать накрываем праздничный стол.

- Как вампиры, - мрачно пошутил сержант Леша.

Хуже нет: ждать да догонять. Приходится сидеть, как на иголках, и время тянется, как бесконечная жевательная резинка. Я заглянул в ящик стола в поисках какого-нибудь журнальчика, не нашел и снова потянулся к стопке протоколов. К счастью, забрякал телефон. Хоть какое-то развлечение! Я поспешно снял трубку.

- Алле.

- Николай Палыч, шабашка есть, - услышал я голос капитана Рыбалко. - Клиента привезли - оцени его пригодность для вашего заведения.

- Ты особенно не усердствуй, - посоветовал мне Басалаев. - Сам знаешь: нас еще важное дело ожидает...

Капитан Рыбалко встретил меня с таким довольным видом, словно только что неожиданно получил майорское звание. Когда я прошел в комнату, где в дальнем углу размещался «обезьянник», то сразу увидел причину столь прекрасного настроения капитана: за толстыми решетками маячила пьяная физиономия бывшего директора лесхоза Уткина. Того самого, из-за которого Рыбалко пришлось расстаться с ОБХСС.

- Валялся пьяный в подъезде. В чужом подъезде, - объяснил Рыбалко. - Жильцы позвонили в милицию.

Недруг капитана Рыбалко выглядел очень гнусно: небритая физиономия, растрепанные волосы, грязные мокрые штаны, пахнувшие мочой. Типичный пьянчуга.

- Наверное, обмывал освобождение? - предположил Рыбалко. - И похоже, не один день.

Помощник дежурного прапорщик Щукин, невысокий худощавый и очень молчаливый паренек, открыв дверь, вывел клиента из клетки. Бывший директор был изрядно пьян, ноги подкашивались, вместо членораздельной речи скотское мычание.

- Противопоказаний не имеется, - сказал я после быстрого осмотра. - Степень опьянения средняя. Будем оформлять.

- Вот и хорошо, - улыбнулся Рыбалко. - Переночует у вас, а завтра с утрачка и со мной немножечко побеседует.

Прапорщик увел клиента в медвытрезвитель.

- Слышал новость, что вас будут сокращать? - неожиданно сказал Рыбалко.

- Не понял?

- Два дня назад, на планерке, начальник толкнул такую идею, что Указ Горбачева о борьбе с пьянством и последующие меры привели к сокращению алкоголизации населения - именно так начальник и выразился, - и поэтому вытрезвитель становится обузой, надо его

сокращать, а в итоге - и вообще закрыть. Кстати, Метелкин тоже там присутствовал.

- А мне не сказал ни слова.

- Может, позабыл?

- Метелкин ничего не забывает. Вероятнее - не хотел раньше времени волновать коллектив. Надеется, что обойдется.

- Скорее всего - не обойдется. Поначалу сократят одну смену. А оставшиеся, как я слышал, будут начинать работать не с восьми утра, а где-нибудь после обеда, - продолжал рассказывать Рыбалко. - Все равно с утра пьяных не бывает - без дела просиживаете.

- А сокращать, наверное, будет именно нашу смену? - предположил я. - Я среди всех медработников единственный совместитель, Басалаеву через полгода на пенсию, а если изловчится, то и на инвалидность пораньше уйдет. У водителя - выслуга лет, в любой момент на пенсию уйдет. Остальных где-нибудь пристроят.

- Логично рассуждаешь, Николай Палыч.

- Да, есть над чем поразмыслить...

После ужина я вздремнул - к предстоявшей пьянке надо было подготовиться, отдохнуть, чтобы уж потом не клевать носом в салат, а оторваться по полной программе. Выпитая утром водка хотя к вечеру и поветрилась, но какая-то малость алкоголя в организме все же временно осела и сейчас сыграла роль неплохого снотворного: стоило только прилечь на подушку - и быстренько отключился... Впрочем, сон мой был хотя и длительным, но каким-то неполным, поверхностным - иногда просыпался, ни с того ни с сего, иногда меня будил чей-то топот в коридоре или приемной. Наконец, во время очередного пробуждения, я почувствовал себя достаточно восстановившимся и решил вставать, тем более, что на часах было одиннадцать ночи. Позевывая и потягиваясь, я вошел в приемную. Все были в сборе: майор Басалаев нарезал сало тонюсенькими ломтиками, Алканавтыч открывал перочинным ножиком банку килек в томатном соусе, а Леша с Сашей скромно сидели на кушетке и играли в подкидного дурака.

- С пробуждением, Николай Палыч! - воскликнул Алканавтыч. - А мы тут пока почти всех отпустили. Только Уткина оставили.

- И правильно сделали, - похвалил я. - Не до них сегодня.

- Только бы никого не привозили! - прогудел Басалаев.

- Накаркаешь! - укоризненно покачал головой Алканавтыч.

И словно подтверждением этих опасений за окном загудел двигатель патрульной машины.

- Узнать, что ли... - потянулся к телефону майор Басалаев.

- Не торопись. Успеется, - отговорил его Алканавтыч. - Привезут кого-нибудь - оформим в палату. Какие проблемы?

Пьянка началась с чувством, с толком и расстановкой. Хватанули сразу, чтобы захорошело, граммов по сто. Дружно крякнули. Экономно закусили. Алканавтыч рассказал политический анекдот про престарелого Брежнева и нарушения его дикции. Вообще-то раньше Алканавтыч в своих анекдотах избегал политической тематики, но сейчас, с выработкой стажа, пообнаглел, и анекдот рассказал сочно и выразительно - так что мы отчетливо представили себе дряхлого генсека со всеми присущими его возрасту патологическими отклонениями в здоровье. Следующую порцию разлили по сто граммов.

- Желаю всем присутствующим благополучно доработать до пенсии! - провозгласил тост Алканавтыч.

Торжественно звякнули стаканы. Вторая опустошенная бутылка из-под водки была спрятана в недра письменного стола майора Басалаева. Я немного опьянел - наступал период эйфории, когда настроение чудное и безмятежное, а все присутствующие кажутся благородными симпатичными собеседниками, напроць лишенными каких-либо недостатков. Прекрасно понимая, что пить сегодня предстоит долго и много, я встал и прошел на улицу, дабы сделать перерыв и немного отдышаться на свежем непрокуренном воздухе.

На улице было прохладно - чуток повыше нуля. Немного прикрапывал дождичек. В бледном свете уличных фонарей кое-где в кюветах, в неровностях асфальта поблескивали темные лужи. Ночной городок тихо засыпал - только иногда покой нарушал шум редкого автомобиля, да со стороны железнодорожного вокзала доносилось тяжелое постукивание очередного товарного состава. В голове немного прояснело - чистый воздух творит чудеса! Неожиданно я подумал о том, что вскоре мне надо начинать поиски дополнительной работы, чтобы найти приличное место заблаговременно до планируемого сокращения в медвытрезвителе. И уйти достойно, самому, не дожидаясь, когда этого попросят.

Я зашел в дежурную часть. Рыбалко, развернув областную еженедельную газетенку, разгадывал кроссворд. Прапорщик Шукин сидел у окна и о чем-то мечтал.

- Николай Палыч, сейчас, возможно, подвезут клиента, - сообщил мне капитан.

- Очень рад. Примем по высшему разряду. И кто таков?

- Господин-товарищ Ширяев, бывший зампредисполкома. На свадьбе дочери напился до невменяемого состояния и буйнит. Гостей по углам разогнал, дом спалить грозился.

Новость неприятная. Пришлось срочно возвращаться в медвытрезвитель. Меня ждали - в стаканах поблескивала водка, Алканавтыч рассказывал анекдот.

- Наконец-то, - произнес он при моем появлении, оборвал рассказ на полуслове и потянулся к стакану. - За наше счастливое детство!

- Клиента везут, - сказал я, когда мы выпили и закусили.

- Водку под стол! - приказал майор Басалаев. - Все друженько пьем чай.

- Как раз закипает, - засуетился над электрическим чайником сержант Саша.

Все выглядели очень пристойно: спокойные честные лица, неторопливые движения, усталые глаза. И не подумаешь, что каждый осилил по 350 граммов водки! На всякий случай открыли форточку - проветрить помещение. Наполнили стаканы кипятком, добавили крепкой заварки.

- А что - плохо! После водочки чай в самый раз! - одобрил Алканавтыч. - Бодрит. Пошел я как-то на рыбалку - лет десять тому назад это случилось...

Заслушавшись побасенкой водителя, мы не заметили приезда патруля.

- Проходи, скотина! - элегантно произнес сержант Бегемот и втолкнул в приемную высокого пожилого, лет пятидесяти, мужчину. Одет хорошо - новенький костюм-тройка, ботиночки из натуральной кожи, галстук. Пьян изрядно - разит от него, как из винной бочки, глаза мутные, шальные. Нижняя губа у него была разбита и немного кровоточила.

Бегемот силой усадил клиента на кушетку, сам встал рядом. На пороге появился второй патрульный - незнакомый мне молодой парень.

- В дежурной части мы были, - сказал Бегемот. - Рыбалко приказал вести его в трезвак для оформления. До утра. Пока не протрезвеет.

- Это можно. Степень опьянения средняя. Подходит, - согласился я. - Непонятно только происхождение разбитой губы.

- Моя работа, - признался Бегемот. - Он, собака, меня едва не пристрелил. Приехали по адресу - частный дом на улице Мира. Жена его во дворе бежит. Сказала, что муж на веранде сидит - очень дурной. Я пошел первый. Распахнул дверь, шагнул за порог - выстрел! Окошко справа от меня вдребезги разнесло. Гляжу, а этот... - Бегемот ткнул пальцем в направлении кушетки. - Стоит он передо мной с двухстволкой и, похоже, еще раз пальнуть собирается.

Сержант говорил взволнованно, немного запинаясь: оно и понятно - не каждый раз тебя превращают в живую мишень.

- Я еще и сообразить ничего не могу, но среагировал... жить-то хочется! Одной рукой ствол схватил и в сторону отвел, а второй - ему в челюсть засветил. Отлетел он в угол, ружье у меня осталось. Проверил - только одним патроном было заряжено. Поэтому и не выстрелил второй раз.

- Не было этого. Н-не помню ничего такого, - перебил рассказ сержанта Ширяев. - А бить меня не им-еешь права...

- Ну и фрукт! - удивленно произнес Бегемот. - Не помнит ничего.

- Вообще-то помещать в медвытрезвитель лиц, совершивших преступление, не положено, - сказал я. - Но если Рыбалко распорядился, то ему и отвечать. Оформляем.

- Давай, разоблачайся! - повернулся Бегемот к Ширяеву.

- Б-без рук. Я сам, - заявил тот с пьяненькой ухмылочкой и неторопливо стащил пиджак.

- Не в бане. Можно и побыстрее.

Бегемот, невзирая на протесты клиента, помог ему раздеться. Когда Леша отвел Ширяева в палату, Алканавтыч пригласил патрульных к столу.

- Для снятия стресса, - пояснил водитель. - Очень хорошо помогает.

Патрульных уговаривать не пришлось: с азартным выпили, закусили кто чем захотел и заторопились уходить.

- Рапорт составлять надо, - объяснил Бегемот уже у порога. - О сегодняшней стрельбе.

- Правильно, - поддержал его сержант Леша. - Пускай заводят уголовное дело.

- Наивные вы люди, - сказал Алканавтыч Леше, когда Бегемот ушел. - Этот рапорт завтра же в урну полетит. Ширяев весь район в руках держал - распределением жилья командовал, а сейчас у него зять не последний человек в райкоме партии. Соображать надо, изви-

линами шевелить почаще.

- Скорее на Бегемота уголовное дело заведут, - подтвердил майор Басалаев. - За рукоприкладство. Вот если бы он в Бегемота попал...

- А водочка-то у нас заканчивается, - как бы между прочим заметил сержант Саша.

- Нашел о чем беспокоиться! - улыбнулся Алканавтыч. - Это дело поправимое.

Алканавтыч встал и, не одевая шинель, направился к выходу. Он отсутствовал недолго - наверное, ходил в гараж - и вскоре его долговязая фигура опять появилась в дверном проеме. В руках Алканавтыч держал две бутылки с прозрачной коричневой жидкостью.

- Внимание, домашний коньяк! - торжественным тоном объявил водитель. - Двойная перегонка. Очищен и подкрашен.

Разливали «коньячными» порциями - по 50 граммов. Самогон был отличного качества, по вкусу действительно напоминал обыкновенный «трехзвездочный» коньяк, но крепостью намного опережал последний - после первой стопки я стал стремительно хмелеть. Окружающая обстановка начала казаться мне превосходной, а мои собутыльники - замечательными людьми, начисто лишенными каких-либо недостатков. После второй стопки я стал очень рассеянным и, к примеру, анекдоты Алканавтыча почти не воспринимал, а реагировал только на забавную мимику и жестикуляцию рассказчика. После третьей стопки сил и рассудка у меня хватило только на то, чтобы подняться и нетвердой походкой добраться до пустой палаты. Заснул я моментально - точно в черную яму провалился.

- Николай Палыч, вставай! - привел меня в чувство хриловатый басок майора Басалаева.

- А? Что? Клиента привезли? - встrepенулcя я. Во рту у меня было сухо и противно.

- Утро уже. Уткина домой отпустили, а Ширяева Рыбалко в «обезьянник» перевел - до прихода начальника.

Я с наслаждением, до хруста в суставах, потянулся.

- Ох, и погуляли мы вчера! До сих пор не отошел.

- Тут в бутылке немного самогонки осталось, - сообщил мне приятную новость Басалаев. - Как раз нам обоим опохмелиться и хватит...

На следующем дежурстве от капитана Рыбалко я узнал, что Ширяев провел в дежурной части ровно два часа. Пришел подполковник Рогожников и отпустил Ширяева вместе с ружьем на все четыре стороны. Рапорт Бегемота полетел в мусорную корзину, а сам сержант благоразумно промолчал.

Глава 32. ОТВАЛЬНАЯ

- А я колбаски копченой отведаю! - тянется через стол к тарелке майор Басалаев. - Дайте мне колбасы.

Все энергично закусывают после произнесенного тоста. Сегодня у меня последнее дежурство в медвытрезвителе, и это пиршество - моя «отвальная». В приемной собралась вся наша смена. Метелкин, как начальник, счел неудобным для своего авторитета пьянствовать с подчиненными. Может быть, он и прав! Ничего, с ним мы отметим позднее. Капитан Рыбалко сегодня дежурит по райотделу, он предупрежден о сегодняшнем выпивоне и пообещал не загружать нас клиентами. Тем более, что сейчас июль месяц, погода жаркая, и перепившиеся граждане могут без ущерба для здоровья переночевать в кустах.

Моей отвальной предшествовал ряд событий, решающим из которых было появление в больнице нового главного врача. Эту должность занял начмед соседнего района, и своим назначением, как мне объяснил капитан Метелкин, он был обязан родному дядюшке - видному чиновнику облздравотдела. Новый главврач неожиданно для всех оказался деловым и порядочным человеком. Прежде всего он обнародовал так называемые «тайны мадридского двора» - сообщил всему коллективу о наличии тех или других свободных ставок, которые ранее бесплатно отрабатывались всеми работниками, а сбереженные денежки поступали в фонд экономии заработной платы, тем самым обеспечивая главврачу и главному бухгалтеру очень симпатичную годовую премию. К примеру, микрорайон типовых пятиэтажек все годы обслуживали два участковых терапевта - я и мой коллега доктор Гусев. Теперь мы узнали, что по штатному расписанию здесь должен быть и третий участок. Мы об этом догадывались и раньше, так как количество населения обоих участков заметно превышало нормативы, и теперь наши догадки подтвердились. И так во всех службах. Нам с Гусевым главврач предложил поделить эту третью ставку на двоих, поскольку для открытия дополнительного участка врача в больнице не было и в этом году не предвиделось. Работа велась как обычно, но время приема увеличилось в соответствии с дополнительной

оплатой. Больные от такого новшества только выиграли, потому что уменьшились очереди, и врачи стали уделять на каждого пациента больше времени. Но с медвытрезвителем пришлось расстаться - работа более чем на 1,5 ставки в те годы запрещалась. Но я и не расстраивался: лучше отсидеть на приеме пару лишних часов, чем проводить ночь в милиции. И кроме того, учитывая многолетние традиции медвытрезвителя, дальнейшее пребывание в этих стенах грозило мне вполне реальной возможностью спиться.

Время уже вечернее, солнышко затуманилось легкими перистыми облаками, поддувает приятный освежающий ветерок.

- С завтрашнего дня тебя, Николай Палыч, только на приеме и застать можно будет, - наполовину шутливо, наполовину всерьез говорит Алканавтыч.

- И талончики в регистратуре не забудьте получить, - шучу я.

Несмотря на выпитую водку, искреннего веселья не ощущалось. Как-то так сложилось, что сегодняшнее застолье стало не только моей «отвальной», но и прощальным ужином всей нашей смены. Алканавтыч через два дня окончательно уходит на пенсию, майор Басалаев через неделю отправляется на ВТЭК (посыльный лист оформлял ему я) и наверняка получит хотя бы третью группу инвалидности. Лешу переводят во вневедомственную охрану, а Сашу - в ИВС. И медвытрезвитель переходит на трехсменный график работы, а с целью экономии средств хитроумный капитан Метелкин предложил начальнику милиции сократить рабочее время: начинать работу медвытрезвителя с 16 часов (с утра в райцентре пьяные встречаются редко), а заканчивать при отсутствии клиентов в час ночи (при наличии пьяных в палатах - как обычно, в 8 часов утра). Такое предложение получило, конечно, полное одобрение начальника, и с июля наше заведение функционирует по новому расписанию.

- Доктора в дежурную часть вызывают, - недовольным тоном произнес майор Басалаев и резким движением швырнул телефонную трубку на аппарат. - Пьяного привезли.

- Ты, Николай Палыч, не балуй их там, в дежурке, - напутствовал Алканавтыч. - Ставь легкую степень, даже если вповалку валяться будет.

Клиента, невысокого морщинистого дядечку в рабочей спецовке, привели сотрудники линейной милиции - он вздумал распивать бутылку красного вина прямо у здания вокзала. Тут его и повязали! Но повязали слишком рано - не дождались, когда он хотя бы допьет свою бутылку. Поэтому нарушитель «сухого закона» был даже потрезвее меня, и оформлять его в медвытрезвитель - полнейшее свинство.

- Да я и сам вижу, что в вытрезвитель он не подходит, - сказал мне капитан Рыбалко. - Вызвал только для проформы. Сейчас штраф ему выпишем и отпустим на все четыре стороны.

По дороге в вытрезвитель я вспомнил, что из четырех бутылок водки, принесенных мною на «отвальную», осталась только одна. Значит, вскоре на повестку дня выйдет важнейший вопрос: «Пить или не пить?» Но, переступив порог приемной, я убедился, что вопрос этот возникнет еще не скоро: на столе, рядом с бутылкой водки, стояла вместительная - объемом 0,7 литра - бутылка с темно-коричневой жидкостью. Наверное, «домашний коньяк» Алканавтыча.

- Алкоголизм - неизлечим! - провозгласил Алканавтыч, мастерски разливая водку на безукоризненно одинаковые порции. - Единственно верный способ борьбы с пьянством, как доказывает практика генерального секретаря Горбачева - уничтожение запасов спиртного. Так давайте же его уничтожить!

- Правильный тост, - похвалил Басалаев, уничтожив свою порцию водки. - Где там грибочки соленные были?

И в этот момент в приемную вошел экс-капитан Алешин. В потертом джинсовом костюме, в сандалетах на босую ногу.

- Сколько лет, сколько зим! - взревел Алканавтыч. - Штрафную ему!

- Мне нельзя - я за рулем, - отказался Алешин.

- За рулем? - удивился майор Басалаев и добавил с откровенностью пьяного человека. - Да ты и пешком как следует ходить не можешь. Куда тебе за руль садиться!

Алешин насупился.

- Я могу и уйти.

- Не обижайся. Дядя шутит, - замахал руками Алканавтыч. - А где ты денег на машину раздобыл? Старушку-процентщицу топором тюкнул?

- Была и старушка, - кивнул Алешин. - Теща преставилась. Мы с женой ее дачу на машину променяли. Вон стоит.

Мы разом взглянули в окно: на обочине дороги стоял вполне приличный с виду «Моск-

вич-412» вишневого цвета.

- Пять лет всего машине, - похвастался Алешин. - 30 тысяч километров пробега. Кузов целый. В общем, все путем.

- Неужели не выпьешь? - не унимался водитель. - Оставишь машину здесь, а завтра возьмишь.

- Не могу. Я на рыбалку собрался. На утреннюю зорьку. Хотите - поедем со мной? Пару удочек найду.

- Чем паяться на поплавок - лучше заглотишь стакан водяры! - пробасил майор Басалаев, а Алканавтыч энергично закивал головой.

- Я бы на рыбалку поехал, - вдруг сказал Леша. - Да жена скандалить будет - завтра на дачу идти надо.

- А у меня жены нет - я холостяк, - заявил Саша. - Я на рыбалку поеду. Давно не был...

После полуночи, когда был допит самогон, а пьяных не поступило, все стали расходиться. Меня, Басалаева и Лешу отвезли домой на патрульном «козлике», Алканавтыч ушел пешком, а Саша с Алешиным уехали удить рыбу.

Утреннюю планерку проводил новый главврач - высокий худощавый мужчина лет пятидесяти, в солидных очках в роговой оправе, придающих ему сходство с чилийским диктатором Пиночетом. В просторном кабинете главврача на стульях, расставленных вдоль стен, расположились все врачи больницы, главная медсестра, завхоз, завгар и фельдшер дежурной смены «скорой помощи». Все шло обычным чередом. После короткого вступительного слова главврача заслушали отчет фельдшера «скорой». После вчерашней «отвальной» я находился в состоянии изрядного похмелья, слегка кружилась голова, клонило в сон. И поэтому речь фельдшера я практически не воспринимал и «наострил уши», только когда услышал знакомую фамилию.

- ...А также пострадавший Алешин были доставлены в приемный покой с диагнозами у обоих ЗЧМТ. Сотрясение головного мозга. Больше по смене вызовов не поступало, - закончила фельдшер.

Теперь слово дежурному врачу. Им оказался начмед Сергей Вениаминович, кстати, весьма не плохой травматолог. Он коротко рассказал о ночном дежурстве и в итоге остановился на автоаварии. Со слов дежурного врача, рано утром два рыбака (это были сержант Саша и экс-капитан Алешин) возвращались домой. В дороге водитель (Алешин) случайно задремал, и машина, вильнув в сторону, угодила в кювет. Но скорость была небольшой - не более 60 км/ч, и несмотря на то, что оба рыбака не были пристегнуты ремнями безопасности, отделались они относительно легко - сотрясением головного мозга. Оба госпитализированы в хирургическое отделение.

Главврач кивнул головой, и планерка продолжалась. Встал завгар и начал жаловаться на нехватку бензина... После планерки я, не заходя в свой кабинет, направился на третий этаж - в хирургическое отделение. В нашей больнице отдельного травматологического отделения по штатам не полагалось. Было только несколько травматологических палат. В одной из них я и обнаружил Сашу с Алешиным. Алешин, с перевязанной бинтом головой, лежал на койке у окна. Напротив него, через тумбочку, расположился Саша - с опухшей правой щекой, с кровоподтеком на лбу.

- Как рыбалка? - спросил я преувеличенно веселым голосом.

- И не говори! - махнул рукой Алешин, не отрывая головы от подушки (видимо, беспокоили сильные головные боли). - Порыбачили-то мы неплохо: десятка два плотвичек, несколько окуньков да щука. Улов терпимый! Можно было еще посидеть, да и вздремнуть заодно, но Саша домой засобирался - дела у него неотложные!

- Во всем теперь я и виноват, - пробурчал Саша, также не поднимаясь с постели.

- Пришлось собираться, - продолжил рассказ Алешин. - На обратном пути, уже за плотиной, я вздремнул ненароком на секундочку - как-то внезапно отключился. Вот и очутились в канаве. Крыло помял, да еще и здесь зависать придется...

Все было предельно ясно! Рыбаки относительно легко отделались, но недельки три в больнице им полежать придется. Возвращаясь в свой рабочий кабинет, я невольно подумал, каким впечатляющим финалом - автоаварией (хоть и не со мной лично!) закончилась моя работа на антиалкогольном фронте. Мои бывшие вытрезвительские коллеги теперь стали обыкновенными знакомыми и пациентами. Остался позади еще один отрезок моей жизни, полный знакомств и впечатлений, и кто знает, что там еще меня ожидает в будущем!

Антон ЯНКОВСКИЙ

СВЕТКА-ГАВАЙКА

Отрывки из повести

1

У соседей по лестничной площадке, Вальковых, несчастье. Пропала старшая дочь тети Наташи - Светлана. Случилось это еще вчера ночью, но во двор известие просочилось только что, с опозданием. Светлане лет шестнадцать, хотя определить ее возраст навскидку трудновато. Она - из тех детей, которых взрослые называют «уо» для сокращения. И понятно всем, и открыто говорить, что ребенок - умственно отсталый, - не приходится. Вот и придумали аббревиатуру; ну, да вы знаете - это как ЖБИ или ЦУМ.

Живет Светка не дома. Сюда ее привозят только на выходные праздники. Ее мать сама водит беленький «жигуленок», что всегда обращает на нее внимание: одинокая женщина с собственным авто, да еще сама за рулем - редкость. А так Светку держат в специальной клинике под Беловодском, километрах в сорока от города. Она обижается, злится, но делать нечего: такой у них уговор.

Несколько раз пытались оставлять Свету со своими. Не получалось. С неделю все идет нормально, а потом девчонку как подменяют. Даром что дурочка улыбочивая, а чуть что не по ее - Светка срывается, становится неуправляемой. Мать вдвоем с бабкой бьются, а сладу нет никакого. Младший ее братишка им в этом деле не помощник. Под стол пешком ходит, так что - не в счет. Это сейчас он два метра четыре сантиметра вымахал, когда я его в последний раз видел. На баскетбол отдали. А тогда - бледная спирохета, дунь - и повалится.

У Светки же силищи - будь здоров! Кто всю эту историю получше знает, говорит, что дома она, как не с той ноги встанет, даже поколачивает свою бабушку, Ирину Александровну. Мы в это, конечно, не верим, потому что дикость какая-то, но только до поры до времени. Однажды я сам становлюсь свидетелем неприятной сцены. Светлану уже битый час к ряду упрасивают зайти домой пообедать, а она - ни в какую, фиги тычет и рогом в пол упирается. К ней и так, и этак, и этак, и так. И Светочка-Светочка. И супчик, и шпоре с котлетками, и курочку, и только если хочет - первое, и лишь пожелает - второе или просто киселя со сдобными ватрушками, а потом - сразу опять на улицу, или хотя бы чайку с конфетами, а после - двадцать копеек на аптечный гематоген и белые шары воздушной кукурузы.

Но раз Света сказала «нет», значит - нет. Сама же, ты на нее посмотри, через каждые две минуты подбегает к окнам и орет, что дышалки хватит, - «кушать хочу». А вот подняться к себе, видите ли, не может - лень. Мать уже чуть ли не в истерике, бабка с ног сбилась, Лешка плачет (это ему под общую раздачу досталось). А Светка знай себе дальше веревки вьет: когда зовут - башкой наотрез вертит, а только окно прикроют - тут как тут: «Есть охота».

Уже и соседи с разных этажей повысовывались, все оконные проемы облепили, разве что с карнизов не падают, и стыдят Светку, и уговаривают. А она все козлом скачет да лыбится. Ирина Александровна не выдерживает и предлагает накрыть ей во дворе, на табурете. Но здесь дворня ополчается уже против нее самой и начинает корить ее за то, что она идет на поводу у внучки и потакает ей даже в таком неслыханном капризе.

А вот Светке идея отобедать на свежем воздухе явно по душе, нравится. Но еще большее удовольствие ей доставляет перепалка свой домашних с соседями. И мать, и бабушка уже и сами готовы всыпать Светлане (на все же есть свое терпение и пределы!), да так, чтобы потом, как та принцесса, - с неделю горошину в своих перинах мягким местом ощущала. Но стоит их девочку взяться обсуждать кому-нибудь из посторонних, как тут же, не сговариваясь, занимают круговую оборону и начинают отстаивать Светку.

Ирина Александровна выносит в беседку табурет с подносом, зовет внучку. Но Светка

опять ударяется в «хочу - не хочу», улюлюкает, хлопая ладонью по раскрытому рту, и зазывает бабушку поиграть в догонялки, с диким гоголом принимаясь наматывать круги вокруг бассейна. У Ирины Александровны наворачиваются слезы, руки дрожат. Она поспешно отставляет поднос на скамейку - тарелка с салатом соскальзывает, разбивается; сахарные дольки грунтовых томатов чмякаются в пыль, осколки летят в стороны. Ирина Александровна бросается за Светкой, из подъезда выбегает тетя Наташа, обе плачут, умоляют, упрашивают.

К этой катавасии подключаются соседи, чего-то советуют, шипят, пересмеиваются. Фантасмагория царит жуткая. Бабке было удается схватить пронсящую мимо Светку за руку, но та с силой вырывается, отталкивает возникшую преграду. Ирина Александровна отступает; подминая гибкие коленки, ухает в кусты. Сама Светка несколько сбавляет бег, оглядывается и сразу спотыкается, со всего размаха приземляясь на затянутые в желтые гольфы коленки. На трико моментально проступают кровавистые пятна, Светка орет, боль придает ей силы. Она вскакивает, наотмашь бьет левой рукой уже поднявшуюся из кустов бабушку, отшвыривает подскочившую мать. Пугается всего этого сама, визжит, в ярости топчет ногами. Обе женщины опять бросаются к ней, обнимают, гладят, увлекают за собой в подъезд, поддерживая Светку под руки.

На соседей внимания уже не обращают. Кто поумнее, из деликатности отхлынули от окон, другие продолжают пялиться, но с этой публикой ничего не поделать, место у подоконника для них пусто не бывает. Это и своеобразный наблюдательный пост, и редкое развлечение. Большею частью такие зрители - пенсионерки, которым одно раздолье - поглазеть, что делается за день на улице, а ближе к вечеру высунуть нос во двор и пересказать все увиденное в подробностях и в мелких деталях своим приятельницам, что приходят с теми же целями и сверхзадачами.

Только вот новости у них разве что друг от друга немного отличные, да и то лишь в тех случаях, если окна на иную часть двора шторами смотрят или домашние хлопоты от созерцания отвлекли. Тогда ретроспектива незатейливых для стороннего взгляда событий восстанавливается хронологически, досконально: чтобы ничего не упустить и не прозевать, а держать руку на пульсе и, чего ни коснись, быть в курсе и иметь по любому, даже самому незначительному, поводу свое особое мнение. Чего-чего, а уж этого у них и с нарядом милиции не отнимешь.

2

Про все эти эпопеи с кормежкой Светланы я у мамы уже как-то спрашивал. «Ну не хочет сейчас есть, так потом успеется», - думаю. Оказывается, нет. Кормить Светку требуется по часам - врачи велели. Да и больничный распорядок сбивать не рекомендуется. Пару дней спуску дашь, такой сторицей может откликнуться - сто раз из-за сиюминутной слабости пожалеешь...

Чем именно это способно обернуться, я, правда, и сам толком не знаю. Но что лучше не рисковать - с этим согласен. Мало ли что Светке еще отколоть вздумается? Ей и без того в голову порой такая дребедень лезет, что только диву даешься - откуда что взялось? Вроде нормально-нормально, а потом - кланк! - словно пьяный электрик не тем тумблером клацнул, и - как подменили Светку. Старожилы даже поговаривают, что прежде она малышню в песочницах мутузила. И я в это верю. Чего не поверить, если родной матери с бабушкой на глазах у других людей раздает?

А в еде ее, при всем при этом, в то же время и особой привередой не назовешь. Парни, кто постарше, над Светкой почти в каждый ее приезд потешаются, что ей все что угодно скормить можно. Варенье ли дома засахарится, маринованные огурцы перекинут, помидоры подпортятся или кефир перебродит - все под общее застолье несут. Потчуйся впрок, не жалко! Шутками эти выходы, понятно, не назовешь. Одно издевательство. Но со старшими не поспоришь - саечек поотвешивают. А светкиной родне скажешься - та же напасть: или от самих Вальковых достанется, или чуть позже во дворе от пацанов за ябедничество перепадет, если дело до выяснений докатится.

Самой же Светке что-либо объяснять практически бесполезно. Она в этом плане раз в десять труднее Аскера. До Аскерушки после развеиваний да примеров достучаться все-таки можно, а со Светкой, хоть соловьем заливайся, - дохлый номер. Нет, если ей что самой понадобится, то здесь она схватывает на лету, что твои тыквенные зерна со сковородки лузгать. Но во всех остальных случаях легче кирпичную стенку уговорить за каймаком в магазин сбегать, чем в чем-либо переубедить Светку. Будто рядом с ней Вави-

лонская башня рухнула, и вы на разных языках талдычите - каждый о своем.

А потом парни смекнули, что не все Светку червивыми яблоками да обветренной колбасой угощать, а и чем вкусным. Только взамен уже получать кое-что. Тем паче, до сладостей Светка - сама не своя. Ее при их виде телепает просто. До икоты, до потери пульса. Вот пацаны и подумали. Кто ж знает, на что она в ответ согласна будет? Сперва, конечно, долго не решались, робели. К самой мысли подходили с опаской. А потом набрали в грудь воздуха побольше и предложили. И - никакого отпора. Ну, да вы уже сами почти догадались, к чему я. До самой крамолы, естественно, не дошло, а просмотры были.

Как все началось, только по рассказам знаю. Накупили в кондитерской пирожных, конфет, выбрали плитку шоколада, что с нугой и завернут поярче. Целый пакет набили, чтобы Светка перед всем этим богатством не устояла (потом кто-то из самых бережливых даже канючить взялся, что можно и куда меньшими затратами обойтись было). У Светки глаза, естественно, загорелись, а что за это делать нужно - не поймет. Так ей Мишка Ампиуга после быканий-мыканий прямым текстом и выдал: так, мол, и сяк. А для Светки все это таким пустяком показалось, что расхохоталась только: заполучить от парней пакет вкуснятины - как у несмышленного карапуза ледяного петушка на палочке отобрать.

Светку тогда в подъезд отвели. Дверь черного хода все равно заколочена, чтобы детвора насквозь не бегала, а сам вход в подъездный «предбанник» не заперт. Помещение там тесное, темное. Но разместились. Встали по-над стенками, а Светку в круг пустили. Она тут труссы с себя и сняла.

- Смотрите, - хохочет, - раз нравится!

А сама конфеты шоколадные одну за другой лопает, только фантики на пол летят. Сколько это продолжалось - неизвестно. Но Светку, пока она с половиной «гостинцев» не справилась, не отпустили. Все смотрели, что там да как устроено. Запоминали на потом. Из старших парней и целовался кто, может, только раз в жизни, а тут - такое, что и в видеосалоне не на всяком последнем сеансе увидишь! Да и то там все на кассете, а здесь - воочию. В общем, наши архаровцы потом несколько дней под впечатлением ходят. Задумываются о своем.

3

Как-то из подвальной мастерской художника, что при дворовой комиссионке подвизается, женский манекен сперли. Без левой ноги, пластмассовый, с плоской грудью и проплешиной. Ну, то есть и намек на парик или шиньон нет. Так и на это чудо-юдо пялиться чуть ли не каждый час бегали - мы его в одной из сараек схоронили, чтобы нас с вещдоком не застукали. Целую неделю с этим выставочным пупсом пролюбезничали, вспоминать теперь - не то смешно, не то стыдно. А Аскерушка с этой игрушечной теткой даже взасос целовался. Сначала, правда, хотел за это банку консервов со старших урвать - прямо как Светка. Но после и так согласился - больше ради хохмы да из-за интереса. Его потом «Купили в магазине резиновую Зину», как завидят, дразнили.

Но Аскер на это - ноль внимания. Ему гораздо неудобнее бы стало, если бы его с настоящей девчонкой застукали. Он даже когда в «Цепи-цепи, раскуйте нас» играет, и то смущается, если посередине стоит, потому что «кто посерединке - женится на Нинке»; у него это и в тетрадке записано - он нам сам вслух читал.

...Светку водят в подъезд несколько раз. Но нас, кто помладше, с собой не берут - блюдут нашу нравственность.

- Не выросли еще, - говорят.

И про какую-то «женилку» добавляют. Я в орфографическом словаре смотрел, нет там такого слова. За каждый тет-а-тет Светке достается все меньше. Она уже не только за шоколад соглашается. Бутерброд с «Чуйским» сыром вынесут - пожалуйста, пол-арбуза после разгрузки отпазгают - тоже не откажется. Ее теперь все сразу съедать заставляют. А то домашние увидят - расспросов не оберешься: как, да что, да где взяла и куда делась вторая половина арбуза? Так своими дознаниями к стенке припрут, что и деваться некуда, патовая ситуация.

- Мальчики угостили? А за что они с тобой так? За что, за что? Ах, они паскудники! Вот я милицию сейчас на них вызову! Кутузка по этим мерзавцам плачет!

У Светки же в голове мало что держится, сболтнет - и не подумает. До парней это уже дошло, и некоторые сами не рады, что связались. Скандала-то не разгребешься (это вам не бочку с квасом на холостом ходу умыкнуть, хотя тоже - ничего хорошего!) Такой по-

том заминать - все равно что с китайской армией в одиночку сражаться. ЧП подъездного масштаба! Но умом, как та собака, все понимают. А как кто предложит на Светку опять сходить поглазеть, потопчутся-потопчутся в нерешительности, поотнекиваются для приличия и успокоения совести и - по новой всем гуртом валят. И хочется, и колется. Запретный плод - дело известное.

А тут еще Колькин приятель - Гоша-Шантрапа с Трех Ботаник масла в огонь подливает. Забрел как-то наемни во двор и давай хвастать, что за шестнадцать рублей двух девиц в парке снял. Одну называет Шмарой, другую - Марухой. Я еще тогда про себя отметил - странные какие-то имена. Хотя чего люди только не понапридумывают. В параллельном классе пару лет назад девочка Даздраперма училась. Это ее, бедолажку, так в честь «Да здравствует первого мая» назвали, чтобы всю жизнь потом мучалась, потому что с одним плохим словом очень уж созвучно получается. А Маруха - это, может, от Маруси производное. Как уменьшительно-ласкательное, только в другую сторону.

Шантрапа говорит, что девицы ему якобы сами предложили. Ну, конечно, не сразу, а как только узнали, что у него деньги есть в размере шестнадцати целковых. Что он там с ними за эту сумму делал (да еще с двумя разом), никто из нас в толк не возьмет. Смутные догадки есть, но кто скажет, как оно было, наверняка? Старшие посмеиваются, слушают с завистью и говорят, что Гошке повезло. Только насчет суммы немного сомневаются, что-то уж слишком дешево. Шестнадцать рублей и у меня наскребутся. Только откуда девчонок надо снимать, да еще и за такие деньги, я, честно признаться, пока не знаю.

В чем именно повезло Гошке-Шантрапе, похоже, знает только он сам. Это как Эдик с нижнего этажа, когда на лавке коня за слоном в шахматы продувает, через ход «Бодать тебя в рот» вворачивает (и то, если неподалеку женщины; так-то он вместо первого слова совсем другое вставляет). И только ему одному понятно, что он имеет в виду.

Пенсионеры, правда, ослабляются в ответ, как лыбы-улыбы, покряхтывают. А чего кряхтят, чего лыбятся? - хрен их разберет. И главное Эдик никогда не уточняет, кого именно он собирает забодать. Ежели Колю-Шахматиста на примете держит (а кого еще? - проигрывает ведь ему), то тогда вообще непонятно, как это Эдику с рук сходит? Тут не то, что с ним в шахматы резаться, по башке клетчатой доской отходить в пору. Без всяких таймеров и раздумий.

4

Один раз Светку в неглиже и я видел. Но это уж когда она сама во все тяжкие ударилась. На Западе это стриптизом называется. Целые трудовые коллективы организуют и пляшут под музыку. Началось все издали. С того, что отец Олега Бутенко привез из очередной командировки на Север английский фотокалендарь. Снимков - в аккурат по числу месяцев - двенадцать; это - как обычно. А изображены на них, не как бы у нас сделали - братья Месяцы, лес, свирельки и подснежники, а - совсем другое.

Например, «июль» написано (ну, ясно, что не по-нашему), а сверху - женщина в забранном до шеи пеньюаре стоит, улыбается чему-то. Или, скажем, «декабрь» проставлено - и девчуха в чем мать родила изгибается. Сама фигуристая, на лыжах, а из одежды - разве что новогодний колпак с бубенчиками и немного «дождя» с кольцами серпантина. И то ими не прикрывается, а просто в руках держит и как бы нам протягивает: «Нате, берите, мне для вас ничего не жалко!» Лицо такое ангельское, глазки невинные. Ну, то есть ни капельки смущения! Олег говорит, что она - навряд ли снегурочки, только тамошней. Мы не верим:

- К кому же из детей такую на праздник пустят?

Но старшие авторитетно заявляют:

- Пустят.

На то этот буклет и называется - эротический.

- А чего-нибудь сказочного каждому хочется, - мечтательно говорит Селедков. - Особо в ночь под первое января. И не только детям.

А во взгляде такая задумчивость сквозит, такая лирика, что только диву даешься, как он этот календарь у Бутенко силой все никак не отнимет? Тем более, что на все жалобы Селедкову - с высокой колокольни. Да здесь и не очень-то нажалуешься. Во-первых, Олегу тогда самому от отца сразу же влетит, что журнал брал без спроса (подразумевается, что он о папашинем приобретении вообще ни сном, ни духом). А во-вторых, попробуй-ка верни! Не пойдет же олегов родитель к саниным с выяснениями: «Я себе... эта, а ваш сын у моего... того самого...»

Мы уж эти фотографии до каждой светотени изучили. У кого где родинка, где какая ямочка. Закроешь глаза - и представляешь. Фотографии цветные, яркие. Бумага мелованная, гладкая. «Веселые картинки» совсем на другой печатают, не говоря уже про «Пионерскую правду» (теперь ее нас в школе заставляют поголовно выписывать, а квитки о подписке - школьному библиотекарю, Раисе Темиркановне, предъявлять, иначе, пугают, от книжного фонда отлучат). Но оно и понятно: там или Самоделкин чего-нибудь кумекает в рубрике «Руки не для скуки», или, в лучшем случае, портрет советской школьницы Кати Лычевой, что в Америку по обмену дружбой с охраной съездила, помещают.

А англичанки эти как на подбор: то ли в последний тур «Мисс Мира» не прошли (иначе, зачем бы им голыми фоткаться?), то ли еще до чего, из той же оперы, не дотянули - у нас на этот счет даже фантазии не хватает. А белье-то у них какое - закачаешься! Правда, все не на тех местах, где положено (то приспущено, то вообще где-то на заднем фоне в порывах ветра развеивается; одна мамзель исподнее из корзины плетеной вывешивает, так до того чистоплюстая, что и свои собственные трусишки заодно простирнула), но панталонам, пижамам и семейным трусам, что у нас во дворе на бельевых веревках в теплынь болтаются, до этих атласов и ажурных поясов и чулочков еще пилить и пилить; от Байконура до открытого космоса и то, пожалуй, быстрее получится.

Тот же Селедков поступает на удивление честно. На улице стоит уже ноябрь, календарь - с прошедшего января и поэтому скоро заканчивается. Вот Саня и предлагает Олегу подзаработать - открепить страницы на минувшие месяцы и назначить на них цену. Сам он готов отстегнуть немало. Говорит, по грешке за штуку. А за снегурочку, если Олег пообещает ему ее попозже продать, сулит целую пятеру. Видать, уж очень Сане помощница Санта-Клауса понравилась, прямо-таки глаз на нее положил, хоть сейчас вторые полوزья наводстрячивай и вперед за ней по лыжне.

Бутенко эта идея завладевает полностью. Отказаться от возможности положить в карман три червонца - необходимо недюжинное мужество. Но как левая ладонь ни чешется, Олег все-таки не дурак. Пусть Селедков и помладше, а соображает, что отец не числа недели по этому календарю сверяет и не Дня птиц или Дня работников текстильной промышленности дожидается, а держит его для каких-то других целей. Да и исчезновение стольких листов с января по октябрь - вещь не шуточная.

В конце концов, это не из отрывного, где только по дням - триста шестьдесят пять страничек, не считая сборной солянки с полезными советами и домашних рекомендаций «Хозяйке на заметку», с десяток листочков умыкнуть. Да такой пропажи и не заметит никто, если разве что от нечего делать не возьмется пересчитывать уже оторванные листы, которые, как правило, не выбрасывают, а складывают стопкой на холодильник, особенно когда по хозяйству и в быту сами не очень.

Помнится, там и по вязанью наставления найдешь, и кулинарную рецептуру, и как дырку на брюках от костюма вышивкой олененка заштопать, и за семиноябрьским праздничным столом - не захмелеть. Последнее, правда, печатают только в тех календарях, что изданы каким-нибудь кооперативным товариществом. В государственной же полиграфической продукции «красных» дней, конечно, тоже навалом. Но судя по ней, гости в застольях всегда блюдут меру и такие рецепты для них - не по адресу.

5

После долгих колебаний (а Селедков насыдет, что банный лист на спину в парилке - с вихоткой не отлепишь) Бутенко поступает, как заправский дипломат. Он и не соглашается, но и наотрез не отбрыкивается: такое предложение редкость и упускать его - неизвестно, сколько потом жалеть об упущенных перспективах. Олега понять тоже несложно. С одной стороны, от отца достанется. С другой, Саня, как бы овечкой ни прикидывался, все равно в любой момент обвести может и все передернуть - это ему что два пальца об асфальт, с него станется...

К тому же на аллее «черного рынка», в парке Дружбы, за такие деньги (да еще и сдача останется, потому как четвертной в базарный день - красная цена) из-под полы целую колоду эротических карт торгуют. А это, как при раздаче ни мухлой, все-таки тридцать шесть картинок: от шестерок на погоны до тузов в рукаве. А если повезет - и все пятьдесят четыре с двойками и шутами. Сами-то они, чего спорить, форматом не те и против цвета своим черно-белым изображением проигрывают. Но зато с практической точки зрения: и разглядывай, и режься. Хочешь - в «очко», а хочешь в «подкидного».

Я позатем летом в игрушечной рыбине на колесах восемь таких карт нашел, правда,

порванных. Валетов, значит, полный набор и королей - по масти. «Должности» у них вроде бы мужицкие, а сами все - тетки. Я еще тогда удивился. Оформлены под донашеэровскую античность. Которая кувшином древнегреческим на плече балансирует, которая статую своей туникой обнимает. А что трефы с винами творят - и сказать неловко, чернила покраснеют. То-то я эти карты дольше других склеить не мог - части тела все никак не сходились. Спасибо, Нихель удружил, кое-как руки с ногами сложил, да и остальное тоже. Больно уж мудрено вышло, закрутили, как гимнастки в цирке.

А одна валет (с родами - прям путаница; как гермафродит - и мужской, и женский) - так просто вылитая наш препода по «инглишу». Не та бочка, конечно, что этот предмет потом вела (той-то лет под шестьдесят было, ее к нам из колонии для малолеток перевели, когда на пенсию вышла), а та, что еще алфавит зубрить заставляла («алфавет», как сейчас помню), первая. Ее то ли Сусанной Элеоноровной звали, то ли Эммой Леонардовой. А сама еще молоденькая-молоденькая, и у пухлых губок едва заметный пушок пробивается, очень сексуально. Так у нее и родинка у рта на валетову смахивала, и прическа - один к одному, как в интуристовском «Салоне красоты» рублей за шесть варганят; знаете, с такой высокой укладкой, что и шапку уже не нахлобучить.

Мне во дворе сначала было не поверили. Но в нашей-то школе многие учатся. Да и Лешка, что преподавательницу склеивал, подтвердил. Хотя что подтверждать очевидное? Вон - учительница, вот - карта. Короче, фурор она произвела полный, хоть стой, хоть падай. А кто еще сомневался, так даже в школу сравнивать бегал. Ну точно - копия.

Макс Усецкий говорит, что такие карты не всегда за границей клепают, а под шумок и у нас. Только где - не знает никто. А если и знает, то или не скажет никому, или скажет, но в милиции, на личном допросе. Про одного такого фотолобителя как-то даже в газетах писали, пока ему судья срок не впалял. Вот тебе и «вылетела птичка». Карты эти, как мы смараковали, скорее всего, Эдик ликвидировал, только зачем? Загадка. Он как раз в тот день, когда я их обнаружил, в своей сарайке генеральную уборку устраивал и много чего из детского вышмонал: что поцелее - во двор, что уж совсем на ладан - к мусорке. Дочь-то у него давно подростка, а ее «приданое» (это уж от эдиковой жены во дворе известно стало) все годы в коробки складывало.

Ну да это - как всегда: выкинуть жалко, а сразу с ненужным разобраться - лень, руки все никак не дотягиваются. Может, пригодится, может, по наследству. А как сараи прошлым летом полыхнули, так ни до чего стало. Кому прокопченная рухлядь понадобится? Вот Аскер и божился (сам-то он мусульманин), что видал Эдика с этой рыбиной на колесах. Куда эти карты потом подевались? Я уж и не помню. У меня их и Нихель выпрашивал. Говорит:

- Мне от склеенных половина положена, - хитрый такой. - А иначе они у тебя все равно бы без дела валялись.

И другие пацаны кланчили. Выменяли их у меня, что ли? Или как-то по-иному выудили? История давняя. А на англичанку, конечно, узда была - по самый чепчик! Сейчас это компроматом называется, больших денег стоит. Придет этакая фифа куда-нибудь на работу устраиваться, а у нее в личном деле вдруг глядь-поглядь - и валет крестовый вырисовался: в «Джокер» - два очка, в «Кинга» - десять; а каждую летучку - на ковре у директора, пока всю совесть не потеряешь, по всему трефовому фронту.

Птичка-то - фьють - и выпорхнула, а служебный роман потом - покуда заявление об уходе «по собственному желанию» не напишешь или по статье не турнут, если откажешься. Теперь такие амуры под домогательство с использованием служебного положения подпадают. Уличат - страшное дело! Только непонятно, кому хлеще достанется: самой позерше или ее случайному воздыхателю?

Позже я в похожие карты (не в античные то есть) несколько раз перекидывался. Правда, большей частью продувал что-то, хотя вообще играю неплохо, да и козырей с тузами полны руки были. Ампируга говорил, что я, мол, просто смотрю не туда. Но я это мимо ушей пропускал. Не корову в колхоз сдавать - по копейке на кон ставили. А в «дурня» и нормальными наиграюсь. Здесь же смысл в другом. Поэтому если бы Бутенко, пусть даже за такие деньги, от продажи отцовского календаря и вовсе отказался, я бы этому не удивился. Даром что не его собственный, при просмотре-то это - без разницы.

6

Сдался Олег на третий день. Ему, ни жить ни быть, захотелось, как у Бориса, трубку и маску для зимнего бассейна на Молодой гвардии. Но Борьке-то они нужны обязатель-

но - плаванием занимается почти профессионально. А зачем этому ихтиандру такие причиндалы приспичили? - фиг его знает. Ладно бы, на великах по старой Почтовой дороге, что еще в начале прошлого века мимо мельниц в город Верный шла, на озера Карагачевой рощи с нами мотался - дно изучал (чего там только не навалено!). Так нет же - на аркане туда не выгацишь.

А в обычном бассейне, где если что и было - давно хлорка разъела, на какие-то диковины шары по шесть на девять выкатывать? При самом удачном нырке на изорванную резиновую шапочку наткнешься - кому она нужна? У каждого, кто в крытую «молодогвардейку» на проспекте ходит, свои шапки найдутся, новые.

Это теперь иногда просто так пускают. А раньше такой контроль за гигиеной был, что без головного убора и по знакомству не занырнешь. Чтобы, значит, заразу какую не распространить, да и не подцепить тоже. А даже если шапочка эта и слетит ненароком, когда с вышки - солдатиком, - сам не рад будешь. Башка потом чешется - жуть, будто вшей где понахватал или месяц не мылся. Вода-то - хлорированная.

Впрочем, это уже олеговы хлопоты. Хозяин - барин. Стоит этот плавательный набор двенадцать «рэ» с гаком. Вот Олег и решается. Но хоть и не терпит, а выбранной тактики держится: к Селедкову, сломя голову, не бежит - ждет, пока Саня снова с уговорами не подкатится. Как продавцы на «Ош-базары». Сначала сами на весь Дордой (это тоже базар, недавно открыли, громаднейший - что второй город), как у нас - во всю ивановскую, товар свой нахваливают, а если уже видят, что покупатель не отступится и не уйдет с пустыми руками, - примолкают, занимают выжидательную позицию.

Случается, конечно, по-разному. Если сторгуешь умело, со всеми тонкостями, но без скаредности, так, глядишь, или цену скостят в полтора раза, или с лихвой товара отпустят, а денег за то, что сверху, уже не возьмут, разве пустяк какой удержат, да и то, когда с купюры мелочи на сдачу не наскребется. А бывает, на такой прилавок наткнешься, что и того пуще свое ораторское искусство на помощь призывай, в ответ - непробиваемое: «Не мой товар, хозяйка, не могу цену снизить», - и все тут. Хоть кругом дешевле окажется - не уступит.

Олег же вообще хочет поступить по-своему. Сбагрить он решил всего трех натурщиц: двух зимних и одну весеннюю, мартовскую. Сама она с кошачьими коготками, с хвостом. Только куда ей его прикрепили - мы по этому поводу долго спорим. Уш Ганкин, правда, сказал нам - куда, но мы не поверили. Чудно уж чересчур получается! Поди, все фантазии.

Бутенко их выбрал из-за того, что - в начале. «Может, отец, думает, туда уже не заглянет». Так бы он взамен той же февральчанки сентябрьскую лучшие отдал. Девушка в сентябре тоже симпатичная, но почти все зонтом закрывает. Вместо того, чтобы над головой его держать, как и положено, перед собой вертит, стесняется. Это как народная примета. Посмотришь на такую картинку, и сразу все ясно становится: сезон дождей наступит, зонт доставать надо.

А февральская - самое то. Одной рукой в кого-то снежком метится (в фотографа, наверное, больше-то поблизости нет никого), а другой охалку тюльпанов к себе прижимает, но не сильно, чтобы бутонами и стебельками не загоразиваться. Мы эту страничку «Проводы зимы» называем. Белый ковер, выходит, уже тает - только на один снежок (да и то для снимка) хватило. А весна-красна ему тут же на смену спешит, с букетом. Во напридумывали! Целое представление!

Но Олег уже решил. Ему сентябрьскую все равно аккуратно не выдрать - переплет так устроен, что и все предыдущие повываливаются. Но за каждую он просит не по трешке, а по пять рублей. Цены он, в принципе, еще не назначал. Это Саня ему такую предлагал. Селедков скрипит зубами, сердится. Еще бы чуть-чуть, и как чайник со свистком закипел. Но крепится и вида старается не подавать. Хотя мы-то знаем: Бутенко на тетиве натянутой балансирует. Селедкова из себя вывести - себе дорожке станется. Бесплатно все заберет, да еще и наподдаст. А прощения просить возьмется (на него приливы совети иногда нахлынивают), так больше в шутку.

- Извини, что мало попало, - скажет.

А от этого только обиднее становится. Но здесь Саня терпит. Видно, очень ему эти англичаночки в душу запали. Сторговываются они на среднем. По четыре целковых за шутку. Олегу полтинник добавить - вот тебе и трубка с маской. Бутенковского отца как раз нет дома, и Олег решает провернуть сделку прямо сейчас, не откладывая в долгий ящик. Саня его запал только приветствует, обеими руками «за». И даже половину денег при всех отряжает, чтобы у Олега последние сомнения, если есть, отпали.

7

Пропадает Бутенко где-то с полчаса. За ним даже заходят, но он говорит, что все нормально, просто со скрепками возни много. Листы выносит в газете, чтобы не помялись. Да и любопытных привлечь незачем. Перед окончательной сделкой, прежде чем ударить по рукам, Саня просит показать покупку еще раз - беспокоится за состояние. И на всякий пожарный даже предупреждает, что если будет хоть немного надорвано - всех двенадцати рублей не видать Олегу, как своих ушей. Торги возобновятся по новой.

От греха подальше идем в заколоченный ход подъезда, куда иногда водят Светку. Во дворе полно народа и приткнуться с такой крамолой негде. Страницы оказываются в порядке, не подкопаешься. Саня, вздохнув, лезет в карман за остальными деньгами. Но тут случается то, чего не мог предвидеть ни один прозорливец. В предбанник буром вворачивается анькин отец, что из второй квартиры. Поначалу мы пытаемся удержать незапно начавшуюся распахиваться дверь, кто-то бросается подпирать ее спиной. Но натиск только усиливается и в проем с перекошенным (видимо, из-за нашего сопротивления) лицом протискивается дядя Вова.

- Ну что, пришла беда, откуда не ждали? - победно выдыхает он и, с подозрением оглядев нас, принимается нюхать воздух.

Делает он это демонстративно, показушно. В том, что накрыл нас на месте преступления, уверен полностью. И взгляд - «Вот я вас сейчас, сопляков, проучу!» Чего он нагрязнул, и без слов понятно. Думал, мы курить забились втихую.

- Да мы это, мы ничего, - сразу же ориентируется, что к чему, Саня.

Мисс Январь, Февраль и Март уже наполовину селедковские, и отвязаться от непрошенного гостя в первую очередь в его интересах. Я вижу наспех засунутые за трубу страницы календаря. Саня даже не успел вложить их в газету. Девчонки мнутя и вот-вот соскользнут на пол. Но прятать листы в карман или под джинсовку значило бы начисто испортить эти шедевры. Да и кто же знал, что такой дотошный общественник объявится, что и не застучал, а все равно никак не уйдет восвояси.

Между тем на лице дядь Вовы проступает целая гамма сложнейших внутренних процессов: от работы мысли до чувства глубокого недоумения. Нет, человек он вовсе не ограниченный, напротив - разносторонний и увлекающийся. Но руки для головной уборки уже чешутся, а прицепиться не к чему. От такого несовпадения не то что обескуражиться, шарики за ролики зайти могут. Прямо как сбой в программе - мне так в кружке программирования во Дворце пионеров и школьников имени Кычана Джаныпова объясняли.

- А-а, еще не прикурили, - догадывается дядя Вова и начинает методично обхлопывать нас по карманам. - Живо мне спички и папиросы.

Сам-то дымит на лестничном пролете, как паровоз, даже пепельницу персональную (банку из-под зеленого горошка) к перилам проволокой прикрутил.

- Что там, Вовчик? - это на площадку выглядывает его жена, тетя Ира. - Ты скоро?

- Да скоро, скоро, - отвязывается он. - Закрой дверь с той стороны!

И ей пистон почем ни за зря вставил, дуролом этакий. В лужу сам сел, никто не упрасивал, а негодование на супруге вымещает. Сразу видно - с нервами не в порядке, больной человек.

- Может, в милицию позвонить? - проявляет чрезмерную бдительность тетя Ира.

Ох уж мне эта гражданская сознательность! Еще бы конвоиров с немецкими овчарками предложила, чтобы на раз - в тюрюгу. У нас разговор короткий: «Перо в бок и мясо в реку». Лучше бы «скорую» себе вызвала, медики ей хоть голову посмотрели бы, да и мужу ее заодно.

- А это у нас что такое? - прекращает шмон дядя Вова, замечая календарь. - Оч-чень интересно.

Еще бы не интересно. Сразу ясно, что не набор открыток «двадцать шесть бакинских комиссаров» и не схема местности со ставками партизанских отрядов.

- Не «у нас», а «у вас», - поправляет его Селедков. - «А это у вас что такое?»

Терять ему уже нечего. Каждый из нас и так знает, чем все закончится. Нахальной конфискацией и угрозой «Вот я родителям скажу!» Впрочем, это уже пустое. Видали мы идиота, что пойдет такие фотки светить. Подфартило - так сиди и помалкивай.

- Это мое, - говорит Саня.

Чего теперь в волюнку дудеть и идти в несознанку? Одна надежда была - не заметит. А заметил, поминай как звали. Ну и дальше, как обычно, - дидактический эпос о вреде

преждевременного полового созревания.

- Озабоченный, что ль? - это уже дядь Вова допытывает.

А сам календари в трубочку свертывает и стоит, ими помахивает.

- Не я один, - огрызается Саня.

Так бы они, может, по-мужски столковались. Поделили бы как-нибудь. А теперь экспроприация верная, тут и к бабке ходить не надо. В общем, из подъезда мы вылетаем пулей, пока Саня еще чего не наговорил. Сказать-то ему многое хотелось, варежка будь здоров! Не варежка, а незатыкаемое хлебало какое-то! Да он потом и сказал. Слава богу, что только нам. А январь-март, конечно, у дядь Вовы остались. Грозился изорвать и выбросить. Нашел, кому лапшу на уши вешать.

Больше всех, ясен пень, Бутенко досталось. Саня ведь с ним дальше церемониться не стал. Деньги назад потребовал. Олег их, правда, дома предусмотрительно выложил, но что толку? Попытался было до Сани достучаться, да куда там! Глухой на глухом едет и глухим погоняет. Как говорится, факир был пьян, и фокус не удался. Тут просто обстоятельство так стеклись, что не разберешь, кто кому теперь должен. Вроде и Селедков не при делах. А вроде и Олега понять можно. Прямо как в том анекдоте: «Ни рубля, ни топора, и главное - все правильно» (я целиком пересказывать не буду, и так знаете, наверное). Олег заикается, чтобы Саня ему хоть трешник оставил. А тот:

- За что? - резонно так спрашивает. Говорит: - Тащи еще любую на выбор, все четыре рубля сполна получишь, за три, как и договаривались, - двенадцать. А нет - гони мои шесть. Одна нога здесь, другая - тоже.

А сам усмехается.

- Хорошо, - говорит, - что я заранее тебе эту дурацкую маску с трубкой в «Спорттоварах» не купил.

Олег ему и такой вариант предлагал.

- А то бы сейчас и я у разбитого корыта остался.

В своем, короче, стиле. Из серии «извини, что мало попало». В общем, Олег ему деньги вынес. Не из дома же из-за них убежать. А потом его во дворе пару дней никто не видел. А вот Олег видел. Свою мать. Мы с их третьего этажа так и слышали, как его отец орал:

- Я тебе покажу, твою мать!

Чего у них там вышло, кроме своих родителей, только Олег знает. Да нам не говорит. А того календаря мы больше никогда не видели. Хорошо, что у каждого на кухне - отрывной. Иначе бы давно в числах сбились и счет дням потеряли.

8

Светке все наши перипетии с англичанками невдомек. Посмотрела, что который день ей внимания ноль, и пригорюнилась. Пацаны на цырлах перед ней уже не прыгают, конфетты наперебой не предлагают. Когда попросит, ей, конечно, ни мать, ни бабушка ни в чем вкусненьком не отказывают. Без всяких просьб и напоминаний лучший кусочек подложить стараются и деньги на карманные расходы дают. Да и так следят, чтобы дома в чем-либо недостатка не испытывалось.

Но у Светки одна странная особенность есть. Если сразу за покупкой, на которую деньгами ссудили, не сходит, то без нее и останется. Забудет элементарно. А деньги потом или растеряет, или в секретик спрячет (да и запомнит, где его зарыла), или возьмет и малышне за так раздаст. Светка ведь девчонка добрая, если не кипятится и не нервничает; просто ей со здоровьем не повезло.

Секретики Светка любит. Да вы их устройством в детстве, небось, и сами частенько занимались. Мальчишкам-то скрывать нечего (особенно - такую ерунду), а вот девчонкам, слойкой их ни корми, - дай только со всеми этими стеклышками и бумажками повозиться. Делаются секреты довольно незатейливо. Где-нибудь в укромном уголке выскребаешь небольшую ямку, кладешь в нее обертку от карамели или краешек от «Саянской» фольги, плотно прижимаешь осколком битой лимонадной бутылки (лучше зеленой, чтобы дополнительный окрас придать) и засыпаешь землей. Для конспирации еще пучком травы замаскировать сверху можно. Тогда и сам свое добро днем с огнем не сыщешь. У Светки чаще всего именно так и получается.

В задаче спрашивается: ну чем это не сокровище, а вы не Медной горы хозяйка? Для пущего шика, у кого фантазия ворочается, вместо фантов или цветной бумаги конфетты засыпают. Но его тогда лучше в пробку или в коробочку из-под монпансье натолкать,

красивее получается. Девчонки у нас в этом вопросе доки. Однажды даже свою игру со секретиками-стекольцами придумали. Мы их в те же «Казачи-разбойнички» не всегда с собой погонять берем, а им невтерпеж. Вот и решили объединить два развлечения. Стрелки-указатели, значит, также рисуем. Но ищем уже не друг друга, а эти маскировки. Они у нас еще талантами назывались; почему - неизвестно, давно повелось.

Играть в таких переименованных «Казачков», конечно, не так интересно. Но для разнообразия потянет. Это ведь как вариант получается. Все равно что «Выше земли». Там тоже смотря что за высоту считать: простой камень или ограду бассейна. Чего мы принять не можем, так это «Московские прятки». Там и счет какой-то шиворот-навыворот, и правила уж слишком мудреные. Кого на каком участке застукал, кому какую присказку сказал. Чересчур все это. Только голова забивается. Ну, да речь сейчас не о том.

9

В тот же день, когда купля-продажа красоток из английского календаря благодаря бдительному соседу неожиданно выходит из-под контроля, Светка срывается из-за свалившейся на нее ни с того, ни с сего «дискриминации». Под вечер такой концерт закатывает, что уже не смех и любопытство распирают, а оторопь берет!

Дождается у окна, пока мы все в беседке не соберемся в коробок резаться, и выбегает во двор. Кон доиграть не успели (у Лехи - шестнадцать, и ему надо щелкать еще раз, хоть и есть риск, что может выйти лишка), как смотрим - стоит уже на все ветра и стороны света: платье задрано, трусы к сандалиям спущены, прямо на землю, а по тому самому месту, как по перебору гитарных струн, саечки отвешивает и «Трынди-брынди бала-лайка» визжит.

Что тут началось! И Содом, и Гоморра, как я в словаре «Крылатых выражений» про один миф вычитал. Шум, суматоха! Светка со своей гитарой егозит. На ее крики домашние выскочили. А толпа дворовых уже стягивается. Эдик ампула не меняет. Гогочет во все горло в первых рядах.

- Хлеба и зрелищ! - орет. - Наяривай!

А Светка, бедолага, радуется, что ее подбадривают. Расходится и того больше.

- Это у меня гитара, - кричит.

- Какая? - подыгрывает Эдик.

- Семиструнная, - тут же находится Светка.

- А не гавайская? - нарочито серьезно спрашивает Эдик.

- Гавайская, - и с этим радостно соглашается Светка. - Чур гавайская, чур гавайская! - заходится она, заливается, триндычит.

- Оно и видно, - со знанием дела кивает головой Эдик. - Светка-Гавайка. Аншлаг - полный. Га-га-га!

Бабка с тетей Наташей налетают на Светлану, как канзасский ураган на Элли с Тотошкой. Тут уже обходятся без упрашиваний и увещаний. Стребают буквально в охапку, лихорадочно укутывают в вынесенный плед, подхватывают, тащат. На ходу бранятся, ругают соседей, обещают, что с рук это так не сойдет, грозятся скандалом. Но все это - в общем гвалте и суете. А так - кому сор из избы выметать захочется? Свидетелей много, а виноватых нет. На силу не заставлял же никто.

- Скандаль-скандаль, - орет в ответ Эдик. Он возможности погорлопанить никогда не упустит. Особенно, если чувствует себя задетым или оскорбленным: - Мы про вас куда надо напишем! Вообще родительских прав лишат!

Эдик хамло еще то, первостатейное. С таким лучше не связываться. По принципу: не тронь - и не пахнет. Поддакивать будешь - друг, на словах - не разлей вода, на деле - Не уважай-Корыто. А где с ним пререкнись или проперечь в чем, свое хайло так раскроет, что только одно желание потом не оставляет, мучает - взять трубу потяжелее да и в темном тупике по голове его тюкнуть. Скольких он во дворе до слез довел! Все, конечно, женщин. А мужики тоже тюхи. Нет, чтобы с ним потолковать по-свойски. И если не научить впредь уму-разуму, то хотя бы объяснить, что подобру, а что поздорову.

Тетя Наташа позже заходит к нам, по-соседски. Жалуется на Эдика, на дочь, па личную неустраоенность, на то, что опять сдыхает «жигуленок». Плачет, смеется, льет чай, приглашает заходить в гости. Я молчу и про парней ничего не говорю. Сам не участвовал, а выдавать - мне еще с ними в одном дворе жить да жить. Становится неловко, противно. Все-таки она, тетя Наташа то есть, вон как к нам, с открытой душой. А я темно, чего-то скрываю, в общем, горожу хату с краю. С другой стороны, пацаны решили, что

Светку больше зазывать не станут. Видать, перетрусили, что в общей канители и их «заслуги» всплывут. Так что, может, все обойдется?

На следующий день Светлану увозят в Беловодск. В этот раз она и так гостила дольше обычного. Даже у врачей на «лишние» дни специально пришлось отпрашивать.

10

В субботу у нас дома собираются гости. Приходят мамыны бывшие ученицы - ее первый выпуск в музыкальном училище Куренкеева. Аня Истомина, Марина Зайцева, Света Седина, Маша Сиянина, Марина Долгушина, Рита Войтенко, Яна Евтушенко. Да чего перечислять? Весь курс. Только вот Лариса Вольф и Лила Эрлих редко бывают. А Марин всего не двое, а даже четверо. Еще Марина Солдатова и Марина Кожий есть. Одиннадцать девчонок всего и ни одного кавалера. Прямо как на филфаке или в Иваново (рассказывают, есть такой «женский» факультет и такой город невест).

Сейчас-то фамилии у многих другие, если не у всех. Оно и понятно. Замуж повыходили, детей нарожали. Разъехались кто куда. И захотят - уже всем не встретиться, поразбросало по градам и весям. А тогда часто собирались. На День учителя, в первое воскресенье октября, - обязательно. Поэтому иногда их посиделки прямо на мой день рождения выпадали: он у меня тоже в начале этого месяца! На неделе отмечать неудобно, поэтому, как правило, его откладывали до ближайших выходных. Это раньше срока праздновать нельзя, а на более поздний переносить не возбраняется.

Войтенко приходит к нам с сыном. Он у нее еще совсем карапуз, а уже со своим соображением. Рита рассказывает, что когда своего Тошку к нам собирала, он у нее делово интересовался, будут ли в гостях дети, чтобы с кем играть было.

- Да, - отвечает Рита. - Там будет один мальчик. Его тоже зовут Антон.

И после этого ее сын выдает:

- Да? А я и не знал, что меня столько много.

Хоть сейчас в книгу «От двух до пяти» допечатывай или сам отдельно записывай, как у Чуковского.

11

Малышня вообще частенько такие перлы на-гора выдает. За примерами и ходить нечего. Во дворе на днях слышал. Дима Мамырин у Алеши Мельникова спрашивает:

- А Саша твой старший бат?

- Не бат, Дима, а брат, - поправляет его тетя Люда. - Надо говорить «брат». С буквой «р». Р-р-р.

Димка внимательно выслушивает мать. Согласно кивает головой, мол, все понял, и опять подступает к Лешке:

- Р-р-р! А Саша твой бат?

Лешка пугается, начинает реветь. У Димки самого дрожат губы, взгляд делается непонимающим, на лице растерянность. И смех разбирает, и успокаивать скорее надо, пока слезы крокодиловы в три ручья не закапали. Вот тебе и расспросил о родстве, о племени, недуманно-негаданно, и к совету материнскому, кажись, прислушался. Так ведь нет же! Одним словом, не соскучишься.

А то еще дворовую быль рассказывают. Внучка Берты Владимировны Юля, когда маленькой была, очень по поводу одежды капризничала. Как ни утро, в детский сад собираться пора - она ни в какую. И то не хочу, и это не буду. Весь гардероб с ней перетрянешь, все наряды перемеряешь, диван плечиками завалишь. А Юлька, как стояла перед трюмо в одних чулочках и трусиках, так и стоит, хоть убейся! Язык себе показывает, глаза на импозантный манер закатывает и рожицы строит, которая чтоб позабавнее получилась, как в комнате смеха, где зеркал много, да все - кривые.

В очередное утро несанкционированный показ мод повторяется с тем замечательным постоянством, которому позавидовал бы сам «перпетуум мобиле». И синее платье в талии жмет (сама от горшка два вершка, а туда же - в талии!), и желтое у воротничка колетя, и зеленое - да фу, не буду. Как в той детской смешилке про сидящую на гиппопотаме лягушку: и погода стоит мерзопакостная, и настроение тоскливое, и еще этот бегемот к жопе прилип. Мать Юльки Алла Зиновьевна уже почти не выдерживает - на работу уже опаздывает, а еще дочь в садик отводить. Но находит в себе силы и вкрадчиво просит:

- Доченька, ну примерь тогда вот это, красное.

Но на то он в мультике и Великий Нехочуха, чтобы его на таком пустяке не провести. К тому же дух азарта и новаторства пытливого детскому уму близок. Насколько там этого ангельского терпения у мамы хватит? - страсть как интересно. Поэтому ответ стандартный:

- Тебе нравится, ты и носи.

- Глупенькая, - опять начинает спокойно уговаривать мать. - Да это же такое восхитительное платье! Такое нарядное, воздушное, праздничное! Такого платья, как у тебя, ни у кого нет, доченька. Ты его только надень. Вот увидишь, все мужчины от восторга сразу попадают.

Последние слова производят на Юльку желаемое впечатление. Она соглашается. Без особого задора, с кислинкой, но все-таки.

- Точно попадают? - недоверчиво смотрит исподлобья на мать она. - Правда-правда?

- Правда-правда, - устало говорит Алла Зиновьевна. - Штабелями попадают, доча. Помяни мое слово, шта-бе-ля-ми.

Юлька скатывается по перилам, выбегает во двор. Мать задерживается перед зеркалом. Прическа, сумочка, шарфик - последние штрихи перед тем, как выйти и запереть дверь. Но тут подъезд оглашается пронзительным хохотом и топотней. Это несетя обратнo довольная Юлька.

- Мама, один уже упал! - сама не своя, кричит она. - Один уже упал!

А дело, как подгадал кто нарочно, тютелька в тютельку вышло. У нас во дворе раньше дворник при сторожке жил. Вот он и плелся откуда-то в свои хоромы после ночных гуделок. Понятно, бусенький. Ну, и запнулся о камушек, походка-то статью не отличается. Чуть с курса собьешься - потом отскребай от асфальта, эго тебя угораздило! А Юлька из подъезда - тут как тут. Окликнула его поздороваться. Он на ее приветствие отвлекся, взгляд из-под ног и оторвал. Ну, и, как мать Юле и обещала, - штабелем.

С Юлькой такие вещи случаются. То совпадет, как по маслу, то сама чего-нибудь так сморозит, хоть стой, хоть падай. Во дворе рассказывают, что когда Юля уже в школе училась, в начальных классах, им сказали назавтра в медицинский кабинет каждому по спичечному коробку принести. Ну, понятно с чем, на анализы. А она возьми - и забудь. На следующий день картина повторяется, и на следующий, и на следующий - тоже. И так в течение всей недели: и в дневник записи делай, и нравоучения читай - все до мандолины и по балалайке. Не на зло, конечно; забывает просто. Терпение учительницы помаленьку сдает, по швам трещит, лопается. Вот она и решается на самый что ни на есть суровый шаг.

- Если ты не принесешь его завтра, - говорит учителька, - мы не пустим тебя в школу!

А прежде ведь такая угроза не то, что теперь - пропустил мимо ушей, да и ладно. Раньше - жажда знаний и все такое прочее. Очень тогда Юлию это предупреждение расстроило. Так расстроило, что она всю дорогу домой учительницыны слова вслух повторяла, чтобы не забыть их матери передать. И еще от обиды ревела, больно уж ей занятия пропускать не хотелось. Вот приходит домой, вся в слезах, и первым делом говорит:

- Мама, если я тебе это прямо сейчас не скажу, то меня завтра на уроки не пустят, - да с такой горечью в голосе, что осталось только губы надуть.

- Тогда говори, - соглашается Алла Зиновьевна.

Юля рассказывает, тяжело вздыхает.

- И главное, из-за чего не пустят, мама! - с дрожью восклицает она.

- Из-за чего, доченька?

- Из-за говна!

И опять раздражается слезами. Да такими праведными, что Ярославна со своим знаменитым стенанием просто плакальщица - непрофессионалка. Искренность и детскость Юлии настолько подкупающи, что ей прощается и сам ее ответ. Иначе за пересказ такого достаточно неприличного слова наши дворовые взрослые взялись бы вряд ли.

12

Больше всех из маминых учениц мне нравятся Аня Истомина и Марина Зайцева. Обе милovidные, интересные. Истомина - с длинными волосами. Я рад приходу каждой гостьи. Но своими игрушками лезу хвастать именно перед ними - Мариной и Аней.

А еще раньше, когда года три было, зову их в ванную, пока сам сижу в этой эмалированной лоханке, плескаюсь. Показываю им, как плаваю, как ловлю удочкой с магнитом

игрушечных рыбешек (тоже мне - рыбарь, грузилом тебе по одному месту!), как лежу на дне, задержав дыхание, с открытыми глазами. Короче, развлекаю по полной программе. Ладно - мелкий был, спишется. А то стыдоба, вспомнишь - весь краской зардееешься, будто от хоровода отстал, красна девица. Хотя что взять, если возраст - под стол пешком, а на уме в тот момент действительно одни исык-кульские рыбки-чебаки да пластмассовые головастики с железными план... плавничками? «Хорошо ловится рыбка-бананка», честное слово!

Куда в больший конфуз впал, когда мы в деревушке на Черном море отдыхали, в восьми километрах от Новороссийска. В один из дней по-над берегом прогулялись - окрестности глянуть. Ну, и выбрали на пустынное место. А жара! Яйцо в песок закопай - сварится! Вот и решили искупнуться. Заплыли порядком, и тут женщины в нашей компании (я со взрослыми был) предложили нагишом бултыхаться. Мужчин-то, кроме меня, никого, а мне тогда всего лет двенадцать. Перво-наперво расплылись, конечно, по разные стороны. Я думаю, почему и мне не попробовать? Стал плавки снимать, ступнями в штанинах запутался - все же мокрое, плотно облегает. Сам воды чуть не нахлебался, да и плавки не удержал.

Нырлял за ними, нырлял. Да разве достанешь? Это же не лягушатник для совсем начинающих, как в вологодском детском садике «Соловушка», где хоть ноги под себя поджмай - подбородок, заместо буйка, все равно над водой будет. Так мне потом штаны спортивные прямо в воду заносили, чтобы выбрался. Иначе - голышом рассекать. Так-то все свои, отвернулись бы. Но тут, как на грех, откуда ни возмись, местные аборигены понабежали. Или такие же дикари, как и мы. В общем, романтики - на каждом гребке и вдохе-выдохе. А плавки, конечно, зря утопил, пусть и не специально. Хорошие были. С кармашком (только что в него складывать?) и с брелком-дельфином. Таких больше не делают. Или вы где видели? Подскажите.

Девчонки засиживаются допоздна. Кто с детьми, собираются пораньше. Да все говорят: «Ну буквально еще пять минуточек». Для них начинают заниматься чаем, хотя те не справились даже с салатами, а впереди - горячее. Мама испекла свою известную кремовую «Печу с дыркой» (так она называется по форме «чуда», в котором делают коржи), и уйти без сладкого - нечего думать. Да от него и сам-то никто не откажется. Пирог большой, для любой компании - вдосталь. Но даже если кого из детей оставляют дома, то им тоже перепадает лакомый кусочек - мама отрезает с погоном, заворачивает в большие плотные салфетки.

Мы выходим проводить до остановки. У кустарника девушки сбиваются в стайку, закуривают. Больше для баловства и чтобы показать: мы уже взрослые. И это действительно невидаль, потому что увидеть девушку с сигаретой - то же самое, что иномарку с городскими номерами. За весь день одну-две заметишь, и то взглядом провожаешь и ту, и другую: пока за поворот не умчится или на каблучках мимо не процокает.

Кашляют, неумело выпускают дым, торопятся. Кто-то смущается, выбрасывает, тужит носком туфельки. Мама смотрит на их затею спокойно.

- Не курите, девочки, - только и говорит она. - Ни к чему вам это.

Сама-то мама дымит еще со студенческой поры. Сейчас стаж, поди, уже лет за тридцать перевалил. Даже для получения пенсии по выслуге лет, если есть звание «Ветеран труда», как у нее, меньший срок понадобится; двадцать пять годов - и баста.

- До свидания, Наталья Владимировна. Спасибо большое. Все вкусно.

- Ну что вы, девочки, - отмахивается мама. - Вам спасибо. Заходите.

- Пока-пока, Антошка.

- Пока-пока.

Сейчас из всех учениц этого курса у нас есть возможность видаться только с Мариной Долгушиной. В свое время мама возила Марину на прослушивание в консерваторию Петрозаводска, и тамошняя профессура сказала:

- Поступайте.

Вот она и поступила. Кто же знал, что, спустя много лет, после неоднократных переездов и ее, и наша семья окажутся в одном и том же городе.

По воскресеньям у нас отдельная статья дохода. С утра мы выбираемся в парк Дружбы, на аллею «черного рынка». Почему он называется «черным» не совсем ясно. Торгуется здесь, конечно, не как в магазинах, чтобы с кассовыми чеками, но и не через заднее

крыльцо, как в мясном на пересечении Белинского и Московской; в открытую. Приезжать сюда лучше пораньше, не то свободного места ни на одной из скамеек уже не сыскать. Про аллею не скажешь, что она короткая и лавок на ней достаточно. Но в редкий воскресный день кто-нибудь не расстелится прямо на траве или не притулится на бордюрах, наскоро задрапировав их занавесями, целофановыми скатерками или, за неимением, просто старыми газетами.

Товар-то на продажу предлагают все более маркий: календари, плакаты, открытки, фотографии. Такие, где попало, не разложишь. А если марки или монеты, то с ними проще. Филателисты - с классерами, нумизматы - со своими альбомами по восемь страниц с шестью отделениями на каждой! А если значки там или опять же монетки (для всякой мелочевки, вроде пфеннингов, сантимов и тугриков, не всегда свой отсек в альбоме находится), то их в глубоких железных коробках из-под «Той-боорсока» хранят (печенье такое) или в жестянках из-под «Бадрок халвы» (это где жареная кукуруза с орехами идет) и застывшего гранатового щербета выставляют. Подходи и ройся в этих банках, сколько в три погубели спины стоять хватит.

Безделицы в них, конечно, друг о друга елозятся, портятся. А это ведь не только на состоянии отражается, но и на стоимости сказывается. Кому же для домашней коллекции покоцанный экземпляр приобретать в голову взбретет? Ничего стоящего в таких запасниках не надыбать. Поэтому разве что новичков прельщают ими: и выбор большой, и - валюта. Наметали бисера перед свиньями!

Если покопаться в жестянках тщательнее, то и с отверстиями монеты найти можно. Индийские ромбовидные или, к примеру, американские, с волнистой окантовкой по гурту, ну, то есть - по чеканному ребру. Кто помоложе да поглупее, от таких раритетов и вовсе кипятком писают. И денежный номинал в «Известиях» посмотреть по курсу можно (там таблицы котировок разных стран мира печатают, и доллар в них официально еще меньше семидесяти копеек стоит), и на шею с цепочкой повесить в качестве украшения: «В нашем бараке еще не видали такого!»

А что торговцы просят за такую монету, как за брикет мороженого, начинающих «коллекционеров» не смущает. Купил задарма - и жизнь прекрасна! Психология-то какая? Это в магазине: раз дешево, то или товар бракованный, или продукт лежалый. А здесь, если дешево - значит повезло! А ежели и не особо, то все равно чего расстраиваться? Дело-то - грошовое; кредитоспособен!

Я это к тому, что со столь несерьезным подходом на черном рынке делать нечего. В независимости от того, что бы ты ни собирал и ни коллекционировал. Ни сторговать с таким отношением не сумеешь, ни деньги с умом потратить. Растрянжиришь все только на четыре стороны. Вроде и купишь немало, а чего ни коснись, при ближайшем рассмотрении - фуфла и туфта. А сами вы - из той сказки, которая прямо про вас: «И было у него денег, как у дурака фантиков».

14

Меня на этой аллее знают. Не по имени-отчеству, сами понимаете. Но в лицо все знакомы. Почитай, каждую неделю друг напротив друга маячим, глаза мозолим. За мной даже своя законная территория закреплена. Половина скамейки, что по правую руку, когда спиной к «Чертову колесу»; пятой по счету.

Иногда пускаю в отведенные пределы Ганкина, иногда - Меньщикова. С кем в парк Дружбы еду, с тем место и делю. У меня товара все равно не вагон и маленькая тележка. А так приманиваем все компактно, да и веселее вдвоем, и спокойнее. Если видят, что один-одинехонек стоит, то при всех могут и не подойти. Зато на обратном маршруте наверняка встретят. Да так, что мало не покажется: и с выручкой «распродают», и со всем остальным - только платочком ситцевым вслед маши да юшку, что из носа на кеды каплет, вытирай.

Поэтому из парка стараемся выбираться в связке. Особой гарантии это не дает. Но чувствуешь себя чуть увереннее. Уходим к тому же не по прямой, а через аттракционы. Подле них всегда зигзагообразные очереди в кассы выстраиваются, и можно попробовать в них затеряться. Вот когда чешский «Луна-Парк», в рамках своего турне, на гастроли к нам приезжает, с этим легче. В любую ватагу у кегельбана затесаться - и поминай как звали. Там желающих поразвлечься и празднующихся зевак и раззяв всех калибров и мастей - со всего города, яблоку-ранетке упасть негде.

«Вообще, луна-парк - это рай для дураков, - так Аверченко пишет, - все сделано для

того, чтобы дураку было весело...» Но я насчет этого пока не согласен. Мне лично к чехословакам ходить нравится. Один «Замок ужасов» чего только стоит!

Сами-то мы торгуем на этом рынке по мелочи. Это не как дедки в самом начале аллеи. Они на себе, во внутренних карманах, альбомчики таскают, где каждая монета - больше сотни целковых. Но этими только меж собой промышляют. Да у обычного покупателя на такие преysкуранты и денег не хватит, разве что филиал Сбербанка обнести. Как они с такими ценностями из дома нос высовывают - головоломка. Из-за трех копеек с ними, бывало, не договоришься, общего языка не найдешь. Сделка на глазах уже рушится, а согласия как не было, так и нет. Все на свои пенсии маленькие жалуются, да на жизнь тяжелую. А у самих на кармане не по одной главноинженеровской зарплате, хоть сейчас в Гагры или в Сочи, на полный пансион, в здравницу!

Дед Андрея, что из углового подъезда, их Корейками называет. Сам он в парк Дружбы редко выбирается, в такую-то даль. Только на заседаниях нумизматического клуба (как мы знаем со скупых рассказов внука) бывает. А так к нему больше сами на дом приходят. Ну, те, кто вхож, конечно. Поговаривают, андреевский дед от дел уже отошел. Все, что интересовало, собрал давно.

Коллекция у него крепкая; по музеям, сколько ни броди, такую тебе не покажут. А сейчас только экспертом выступает. Оценивает, где умеет - состояние в божеский вид приводит, советы дает. В общем, как юрист, только от нумизматического цеха, практикует; в консультационном порядке. Но нам что до него, что до дедков с головных лавок - как «камчатнику» до защиты диссертационного проекта. Мне если на пятерку всякой мелочи сбавить удастся, день, считай, не впустую. А когда на десятку или больше - гуляй, голытьба!

Мы, если так прикинуть, к делу относимся дилетантски, спустя рукава. Никаких «капиталовложений в расширение ассортимента» не делаем; никаких оптовых скупок, чтобы потом продавать втридорога, не налаживаем, Но и нарочно возможности подзаработать не упускаем. В противном случае это не то, что пай-мальчиком, - дураком прослыть надо.

15

У меня откуда что берется. Закрома - в пору каталог составлять, чтобы наверняка знать: что в них есть и чего нет. Коллекционирую я сразу множество вещей, как Плюшкин. Кто смеется, говорит, что «за двумя зайцами погонишься...» и в том же духе. А я и не гонюсь вроде. Но и на мою полку с модельками, масштаб один к сорока трем, с завистью смотрят многие, и на альбомы с марками заглядываются, и на пластиковые наборы календарей глаз имеют.

Вы не подумайте, это не значит, что каждый при виде чужого добра в приступе алчности заходитя, а отвернись чуть - цап-царап и в дамки. Просто красивое все до безобразия, и в обычном отделе игрушек или в киоске «Союзпечати» - не достать. Тематика что у календарей, что у марок - как на подбор. Это у девчонок все картинки с нарядами да со зверюшками (в лучшем случае серия «парнокопытные» попадетя, с одичавшим ослом). А у меня - и самолеты сверхзвуковые, и велосипеды дореволюционные, и яхты тихоокеанские, и космос с Гагариным.

Все чин-чинарем! Все летит, движется, стремится! Через тернии к звездам, какой русский без быстрой езды? Глаза разбегаются. Дыхание замирает. Сознание блекнет. Все хотения и чаяния выталкивает одна мысль: «Вот бы и мне такую, вот бы и мне такой!» Да что такой? Прокатиться бы! По страницам альбомов с ревом проносятся импортные автомобили, набирают ход крейсера-авианосцы, просят разрешение на взлет самолеты-истребители.

А помните эту эпопейную серию с кодовым названием «Аэрофлот»? Чего в ней только не было! И набор, как «Аэрофлот» приветствует участников московской олимпиады, и как он готов «К Вашим услугам!», и как его быстрокрылые «птицы» помогают в строительстве линий электрических передач, и как орошают поля с бахчевыми культурами. И как «Аэрофлот» приглашает в полет (особенно иностранцев, потому что ниже - «Flywith us!»), и как отмечает шестидесятилетие Великого Октября - в левых верхних углах всего комплекта: 1917 - серп и молот - 1987.

Все эпохальные события страны подмечены вобравшими шасси «ТУ-154» и заботливыми бортпроводницами, снующими вдоль кресел с подносами минералки-боржома. Грандиозные стройки, спортивные достижения, дружбы с народами. Хоть историю по

этой «аэрофлотовской» серии без учебника пересказывай. Незатейливую, доступными средствами выражения, но свою, ни с чем несравнимую.

- И все у вас будет зи-зи-топ, - улыбается стюардесса.

А модельки - так вообще вне пределов досягаемости. Это не то, что теперь - в каждом «Детском мире», были бы деньги. В те времена их привозят к нам в город перекупщики из Куйбышева. Там район есть, Старая Самара. Он в те годы за тысячи километров по всему Союзу известен. В нем не то завод, не то еще что по выпуску этих самых моделек располагается. Ну, и выставочный центр, где вся эта продукция, один к сорока трем, как на ладони представлена. Но я, сам того не ведая, выхожу на Старую Самару без всяких посредников. Чего только не случается, скажете.

16

Начинается моя коллекция моделек с обычного письма. В помарках, с каракулями, на тетрадном листке в линейку. В одной газете я наткнулся на объявление, что Дедушка Мороз из Куйбышева (это он с конца девяностых на вотчине в Великом Устюге прописался, а прежде, выходит, за постоянное место жительства, если кто не знает, как раз район Старой Самары почитал) сейчас вплотную занят составлением новогодних подарков для советской детворы.

А подарки эти - сплошь из моделек; ни тебе мандаринов с марокканской наклейкой, которую потом можно на холодильник перевести, ни шоколадной плитки «Аленка», ни фундука, ни «Сибирского пряника». «И если ты, дружок, хочешь успеть получить к празднику свой подарок от Деда Мороза, то веди себя прилежно, слушайся старших и не забудь написать нам по адресу»: индекс, город Куйбышев и далее по тексту.

Помню, меня тогда в этой затее и Андрей Ганкин, и Лешка Меньщиков, и Димка Дроздов поддержали. Навалились в моей комнате на письменный стол, языки повывывали и ну давай на бумаге клянчить: мне и то, мне и это. Леха до того разошелся, что даже «списки добрых дел» в конце указать предложил, чтобы до Мороза сразу дошло, какие мы хорошие, и никаких раздумий по поводу «высылать модели или не высылать?» - не возникало.

А у меня отношение ко всем этим сказочным персонажам лет с трех скептическое и вера в Деда Мороза атрофирована. Не верю в сказку, и все тут, хоть ты тресни. Русские народные слушаю, читаю. Но как сам с чем необычным (русские инородные) в повседневности столкнусь - подозрение полное.

Здесь еще один Дед Мороз, впоследствии выяснилось - знакомый, как-то возьми и засветись. Это баба Тоня Дроздова обувь дедморозовскую переменить забыла, когда к себе «проверить, выключен ли утюг?» выходила, а сама на все время Морозовского визита исчезла куда-то. Я ее по тапочкам тогда и вычислил. Да и лицо у нее, когда вернулась, каким-то раздумявшимся внезапно стало, где у Мороза только две минуты назад борода висела. А ты тут, как дурак, на табуретке перед елкой балансируй, стихи про себя лихорадочно повторяй, чтоб не сбиться, а вслух читай с выражением - Дедушке должны понравиться:

Нашу речку, словно в сказке,
За ночь вымостила мороз.
Обновил коньки, салазки,
Елку из лесу принес.
Не то уйдет со своим мешком восвояси и подарок не выдаст.
Елка плакала сначала
От домашнего тепла.
Утром плакать перестала,
Задышала, ожила!

Только гмыкнет перед тем, как дверью хлопнуть, в гриву свою поролоновую и ката морозильным посохом напугает.

Вот я и решил с этими модельками особо не заводить. Попросил себе «рафик» ГАИ и «волгаш» «скорую» с выдвижными носилками. Не как парни переборщили: по десять-пятнадцать штук понаказывали - всех модификаций и разновидностей, что только вспомнили. Пришлет - хорошо, думаю, не пришлет - не так обидно будет. А потом, что он, меценат, что ли, какой - каждому сорванцу с недоказуемым перечнем «добрых дел» по целому автопарку слать?

Подписали конверты и запечатали. Я еще с мамой посоветовался, каким лучше от-

править: простым или с уведомлением? Почта-то без нареканий работала, но чтобы на-верняка. Мама сказала тогда, что и простым ничего страшного не случится.

Ничего страшного, действительно, не произошло. Обещание Деда Мороза, как и следовало ожидать, оказалось дурилкой почтовой. А ответов от него мы ждали еще и на Рождество, и на 23 февраля, и даже на День Калевалы (Димка Дроздов в старом календаре про такой вычитал), отмечаемый «в годовщину выхода в свет карело-финского народно-го эпоса «Калевала» о подвигах и приключениях героев сказочной страны Калева». А Уш Ганкин, я подозреваю, не терял надежды даже на Восьмое Марта.

Две модельки я в тот год под елкой все-таки нашел. Правда, не железные, как положено, а пластмассовые, из серии «Отечественные автомобили»: «Леснер 6-ЛС» с гудком-пищалкой и «Руссо-Балт» модели Т с кузовком, крытым вместе с кабиной маленьким брезентовым тентом. Потом были и другие модельки, настоящие. И «скорая» с носилками, и милицеевская с сиреной, и много еще каких. Даже такси с шашечками в мой гараж со временем перекочевала, и «Нива» с откидным сиденьем.

А года через три мама огорошила меня своим признанием. Оказывается, Дед Мороз нам тогда все-таки ответил. Причем всем четверым. Только остальные родители от куйбышевских посылок наложенным платежом отказались, потому что сумма к оплате по тем временам (за стольник) была баснословной. А моя мама с бабушкой вздохнули и решили, что выплатят. Мне ведь Дед Мороз вовсе не две машины, как я его просил, с почтой «перегнал». Тоже целый посылочный ящик заколотил (стал бы он по пустякам отвлекаться), а внутри еще пенопластом проложил - для более верной сохранности.

В общем, мне эти модельки на протяжении лет трех на все праздники порциями выдавали. А я по свежей пороше еще даже немного обижался, почему мне во второй раз Дедушке Морозу написать не разрешили. А то, думаю, может, он и хотел меня порадовать, да конверт с обратным адресом в своем Куйбышеве обронил?

17

Потом-то я насчет пополнения коллекций сам мосты наводил. Что-то выменивал на альчики, покупал с аллейных барышей, выигрывал на спор. Коллекции росли, обменные фонды полнились. Кое-что попадалось уже в двух, в трех экземплярах. В магазине «Филателия» мне на заказ привозили марки с динозаврами (это сейчас - три «Парка Юрского периода», а тогда: или марки разглядывай, или на скелет любуйся, если очень повезет и тебя сводят в зоологический музей в Питере, на Васильевском острове).

В книжном через дорогу прятали под прилавок календари с атласным покрытием и «Диснеевские» закладки. Тем более, если в продажу их завозили в штучном порядке. Так что вместо того, чтобы дойти до «широких слоев общественности», они дожидались меня. Впрочем, недолго, потому что в книжный я навещался день через день, чаще - по пути из школы домой.

С продовольственными магазинами я тоже держал связь. Во всех продмагах от улицы Белинского до Логвиненко за кассами сидели уже знакомые мне продавцы, откладывавшие в сторонку юбилейные железные рубли. Особенно ценились портреты: Лермонтова, Толстого, Чехова (да если еще с полировкой или напылением). Но выше всех в разгар базарного дня ставили Пушкина и не жалели за него (при отсутствии царяпин) до девяти рублей.

Правда, в кассах чаще попадались фестивальные, Бородино, олимпийские кольца и с Лениным. Конкуренцию Владимиру Ильичу из портретов составляли только Энгельс (для идеологической профилактики, что ли, их чеканили дополнительным тиражом?) и Карлик Маркс, как с неизменным упорством величал его наш Аскерушка - тоже видный, хотя и доморощенный знаток нумизматического дела.

Не сидели, сложа руки, и местные киоскеры, а главное - мужик у кинотеатра «Ала-Тоо», что под вечер производил выемку денег из полукруга газированных автоматов, попросту ссыпая выручку в холщовый мешок с металлическими запонками а ля инкассаторская сумка. Те оставляли мне по не пойми как налаженному благу всю мелочь до реформы 1961 года, начиная еще с конца двадцатых, потому что от копейки до трех (с пятачком это уже не всегда проходило) монеты не изымались из обращения до сих пор.

Только «холщевик» быстро сам смекнул что к чему и занялся, как мне подсказала выписанная им однажды фига, «изъятием из оборота» лично, в один из дней напрямую объявив, что старой мелочи ему, ай-я-яй, больше что-то не попадается. Из разряда: «Гнутых и юбилейных монет в автомат просьба не опускать».

18

Однако все мои «мазы» и налаживания контактов ни в какое сравнение не шли с кооперациями тех, кому было недосуг мотыляться, как Лыско, по торговым точкам и то жаркими уговорами (которые не то, что дороже денег, вообще цены не имеют!), то задушевыми беседами, а то и превосходящими все каноны фантастики посулами умащать сердца и завоевывать расположение доверчивых киоскерш в штапельных налокотничках (чтобы газетный офсет не въедался при обслуживании покупателей в рукава их ситцевых платьев).

Даже старший брат Аскера, Альби, мог в один присест заработать столько, что мне со своими гашеными и негашеными марками - и за все воскресенья месяца, проведенные на аллее черного рынка, не снилось. Да и самая редкая мелочевка в те времена уходила со всеми накрутками не больше, чем за трюльник (или нам просто так платили, на простачка). Это не то, чем нынче матерые антиквары в колонках «Куплю» заманивают: «Приобрету мелочь советского периода до 100 у.е. за штуку. От вас - опиши по годам и конверт с обратным адресом. Возможен приезд на местность»...

Знатье, что эвоно как все обернется, сложил бы лучше всю эту дребедень в кофейную банку и затаил на «многая лета». Ну, да задним умом все сильны, кого ни спрости (я - спрашивал). Только теперь ни на «Куплю монеты СССР» отозваться не с чем, ни условные единицы что-то не предвидятся.

Так вот, Альби поступал с известной долей грации и едва угадывающимся налетом дендизма. «Пепси-Колы» у нас в городе, как вы помните, тогда еще не было. Но слышать про нее, естественно, все слыхивали, на вкус пробовали и, как водится, в большинстве своем любили: и экзотика, и крем-соде конкуренция. А в Алма-Ате (три часа на автобусе; сквозь ущелье, если я правильно дорогу помню) к ней не только чувства питали, но и пили от пуза, без оглядки, сколько в бутылке останется. Там то ли конвейер по производству и разливу наладили, то ли поставками всерьез занялись. Ну и «Медео», конечно, свою роль сыграл. Все-таки один из самых высокогорных катков мира, международные гости, «Привет участникам соревнований!», то да се.

Альбиня все эти моменты к сведению принял, взвесил и, не мудрствуя лукаво, конвейер тот и запустил; правда, в свою сторону. Сошелся в рюмочной с шоферами с западного автовокзала, ну, и подбил их «Пепси» ему ящиками доставлять, по рублю навар с каждого горлышка. И спихнуть - не проблема. Просто влет! Спрос-то - во! А предложений - не то кот наплакал, не то крот накакал. Поди разберись, под микроскопом.

Только альбинины шоферюги на поверку - что мой «холщевик» оказались. Смерквали после пары рейсов, что чего им еще кого-то в доле держать, если за баранкой - собственный геморрой наживают. Ну, и турнули Альби. Даже без отступных. Сами, говорят, с трусами. Непонятно лишь, почему эти «пепсикольные» мужики раньше таким извозом не подхалтуривали, если ума - царская палата. А Альби тогда очень уж на них осерчал. Его такие срезы, правда, не останавливают. Всегда что-нибудь в голове роится. Не одно, так другое. Но на шоферил разозлился, даже лобовые стекла в их «Икарусах» побить обещал. Не знаю, побил или нет. Думаю, что побил.

19

У Андрея Ганкина нюх на такие дела, где чего подзаработать, вроде тоже иногда прорезается. А с другой колокольни посмотреть - делает все преимущественно украдкой. Ну, да это не из-за тихушности какой, вы не сочтите. Просто склад характера с развонным ключом «шесть на девять», ни к которой гайке не подступишься. Приноровиться сперва надо, попривыкнуть.

На аллее у «Чертова колеса» Уш занимается серебряными полтинниками. Не царскими, а уже новорезимными, начала-середины двадцатых годов. В основном работает с одним видом. Там, где кузнец в фартуке молотом по наковальне колотит. Ну, да эти меньше ценятся, хотя тоже - смотря по каким годам. Но иногда попадаются Ушу и полтинники со звездой. Так за те уже смелее просить можно. А если такой же целковый подвернется, то четвертной, считай, в кармане. От Николаевского, конечно, проку больше - никто с пеной у рта не спорит. Но его по дешевке и не купишь, чтобы потом сторицей фарцануть.

Один царский рубль у Уша, кстати, есть, 1899 года. Правда, фальшивый. На нем даже

разлиновка, расчерченная для ориентира - как бы императорский профиль на асимметрию не сбилась, сохранилась. Тоже денег немалых стоит. Только Уш эту фикцию не выставляет даже. Да и правильно делает. Такой рубль, да еще прошлого (в те-то времена) века - куда пуцая редкость, чем настоящий. Некоторые коллекционеры, кому коллекционировать уже нечего (скупил все), даже специально за разными подделками охотятся и за банкнотами с опечатками, на которых, в зависимости от того, до или после революции они выпущены, еще управляющий (или уже народный комиссар финансов) и кассир (или начальник кредитной части) личные подписи размашистыми вензелями ставили. Как, например, на государственном билете в пять рублей за номером «У А-421» от 1909 года. Чтоб вы, стало быть, знали, кто эту купюру в руках держал первым, а посему несет за нее практически полную материальную ответственность. А начнутся суд да дело - немедленно подать сюда кассира С.Бубякина!

- Что ж ты, брат «кассирь С.Бубякинъ»?

А он в ответ:

- Ничего-с, пока служу-с.

И как перед самим управляющим М.Шиловым (или М.Шимовым - там за давностью лет подпись уже не разобрать), перед вами:

- Рад стараться!

И дальше:

- Первое: «Размънъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ на золотую монету обезпечивается всъмъ достоян емъ государства». Второе: «Государственные кредитные билеты имъють хожден е во всей империи наравнъ съ золотою монетою». Третье: «За поддълку кредитныхъ билетовъ виновные подвергаются лишен ю всъхъ правъ состоянія и ссылкъ въ каторжную работу».

Назубок шпарит, шельма!

А также: «Государственный банкъ размъниваетъ кредитные билеты на золотую монету безъ огравиченія суммы / 1 рубль = 1/15 империаля, содержитъ 17,424 долей чистаго золота!»

Уф! И сразу видно, что сам «кассирь С.Бубякинъ», как и его «доли чистаго золота», - светлая и чистая голова!

А как эти банкноты, уже давно не имеющие хождения и порастерявшие своих самых последних владельцев-современников, разглядеть в подробностях приятно. Но если еще лям какой на них обнаружишь, так вообще - нумизматическая диковина: ставь под пластиковый колпак и пылинки пылесосом сдувай.

А на Олимпиаде, сравнительно недавней (в Австралии дело было), помните? Когда не то на комплекте наград, не то на памятных медалях по ошибке чуть ли не древнеримский амфитеатр Колизей выдолбили. Это - вместо какой-то здешней достопримечательности! Ну, вот и в старые времена такие же грамотеи-ротозеи на полном довольствии монетных дворов попадались. Сварганят спросонок почем за зря чего-нибудь этакое, а потом за голову хватаются: «Что за станция такая?» И во всем, ясно дело, вину свою признают: «Мы не со зла. Это не мы. Бес попутал. Чур меня, чур!» А поезд-то - ушел.

Их, конечно, за подобные липы гонят с монетных дворов в три шеи. Так-то бы и фиг с ними, пусть дальше ваньку валяют. Но перед мировой общественностью, опять же, - конфуз, и по всем телевизорам корреспонденты пальцем показывают, наперебой передают; неудобно.

20

Все деньги, вырученные в результате многоходовых операций с полтинниками, Андрей всегда тут же ухает. Разве что к другой лавочке перейдет, где пластинками торгуют. А не хватает, так еще и у меня иной раз до двора займет, там у матери попросит, рассчитается. Максимум до вечера в долгунцах проходит, да и то, если тетя Галя отлучилась вдруг куда.

Пластинки он покупает все время импортные, в смысле - группы на них поют зарубежные. Ни Кобзона, ни Юрия Антонова, ни Ротару ему не надо. Прихотничает! Только прихотливость ему эта вечно пустыми карманами оборачивается. Шутка ли, за один диск по четырнадцать рублей просят, а он и отстегивает!

Названия тех ансамблей мне в ту пору ни о чем не говорят. То ли «Грин Пис», то ли «Пинк Флойд». Сейчас-то с этим попроще. А тогда, что «шоп-тур», что «поп-корн» - все едино: «хэ» на ДВП (если вы понимаете, о чем я говорю). Вот «гоп-стоп», «стоп-кран» и

«пинг-понг» - знаю. Ну, еще - «Ямало-Ненецкий автономный округ» и «Баден-Баден», куда наши классики часто на курорт лечиться ездили (мы по географии изучали; ну, и по литературе тоже).

Зато Уш ничего, кроме своих записей, не собирает. Да и кому какая разница, куда человек деньги тратит? Свои - и ладно. Есть у Андрея, правда, еще одна причуда, но она финансовых вливаний не требует, скорее - бесшабашности или даже обезбашенности. Из области: «Российские литературоведы пришли к удивительному выводу: они считают, что Всадник без головы и Капитан Сорви-Голова - одно и то же туловище!» Так вот это - как раз про Андрея.

Ганкин сам не свой до всяких вывесок, показателей и табличек. У него дома каких только нет! «Ключ в подсобке», «Санитарный день», «Прячьте спички от детей!», «Не кантовать!», «Физкультуру и спорт - в быт каждой советской семьи!», «Ушла на скотобазу». Не квартира, музей целый!

На дверях в комнату бабушки, Генриетты Исааковны, - «Пенсионеры обслуживаются вне очереди». В гостиной - «По газонам не ходить!» (ковер у них там зеленый, ворсистый). На форточке в спальне - «Закрыто по техническим причинам». В коридоре - «Соблюдай дистанцию!» На антресоли - «Не стой под стрелой!» У выключателя в прихожке - «Уходя, гасите свет» (Андрей на «гасите всех» переделал; только это не он сам придумал - в одном подъезде на стене написано было). На перилах балкона - «Выгул собак строго запрещен!»

Ну, и так далее, в том же духе. В ванной комнате - «Вся сила - в плавках!». На туалете - «Не влезай! Высокое напряжение». Чуть ниже - «Закрыто на переучет». Внутри, над самым унитазом, - «Мойте руки перед едой!» Крышку от стульчака поднимешь, с обратной стороны - «Не пейте сырую воду!» На мусорном бачке в кухне - «От каждого по способностям, каждому - по потребностям». На дверях же духовки газовой плиты - «Приемка товара». Перед его собственными апартаментами - «Начальник жилищно-эксплуатационной конторы». На сломанном вот уже с полгода телике (кинескоп гыкнулся) - «Перерыв на обед». На однокассетном магнитофоне «Романтик» (все Асмолова крутит; видать, для расширения диапазона музыкальных вкусов) с выдвижной рукоятью - «Тихо, идет запись!» Перед двумя цветочными горшками с чахлым фикусом и с жухлым кактусом на подоконнике - «Ботанический сад». На входе в смежную комнату - «При повороте - занос 1 метр!», как на «двойных» автобусах (троллейбусы-«гармошки» тогда по городу еще не бегают); только Уш и здесь «занос» на «засос» переправил, сам додумался! А на клетке с хомьяками - «Собака - четвероногий друг человека», чтобы вам понятнее было, кого он в неволе разводит.

Ходишь по ганкинской четырехкомнатной квартире и башкой, как самый любознательный в мире экскурсант, во все стороны вертишь. Хоть по десять копеек за вход сюда плати, как на выставку достижений народного хозяйства, - не жалко! Где он эти картонки и жестянки берет, Андрей не говорит, отмалчивается. Но нам его откровения ни к чему - и так знаем. То со стройки дюзнет, то из школы слямзит, то в салоне транспорта от изоляенты незаметно отлепит, то с магазинного стенда «Информация для покупателей» с кнопок сорвет.

Отчаянный парень! Выдержка, когда дело добычи новых экспонатов касается, сталелитейная. Свистнет - и глазом не моргнет, ресницей не дернет. Даже на шухере постоять не просит; лишь изредка, если кругом полно народа или какой-нибудь сторож-караульщик зарядом соли пониже пояса шибануть может. Одному «добытчику» как-то раз от такого же «латышского стрелка» из его караульни по обеим булкам так перепало, что он недели две не знал, куда свою задницу примостить. Носился с ней, как с писаной торбой, а в тот колхозный сад зарекся: ни ногой.

Но Андрей в плане увода табличек - ас. Шура Балаганов со своим кошельком в трамвае отдыхает. Уш, правда, потом никогда не говорит: «Что ж это такое? Ведь я машинально». Но мы-то видим, что на самом деле ему постоянно перед нами неудобно. Еще и потому, что такую необычную коллекцию каждый из нас имеет не прочь, а есть она только у Уша.

А то еще на руле своей лайбы, складной «Камы», - «Своевременно оплачивайте проезд» привесил, а на багажнике - «Водителя разговорами не отвлекать!» Ну не общественное же порицание ему за эту форму клеptomании выносить? Поржали, да разошлись.

Но особенно Ганкину за его увлечение благодарен Аскерушка. Он как-то к дворовой ограде чучело из допотопной мешковины приспособил: не то ворон, не то прохожих пугать. Так Андрей ему вывеску «Памятник старины. Охраняется государством» вынес и

значок «Отличницы швей-мотористки» подарил. Аскер до того растрогался, что обе эти реликвии до сих пор хранит. А чучело у него, конечно, через пять минут сперли, пока моргал. Видно, кому-то на огород приглянулось или малышня заиграла. Ну никакого уважения ни к печатному слову, ни к чужой собственности!

- Кругом одно ворье, - с обидой говорит Аскер.

Как еще саму вывеску не тронули?

- Да, - соглашается с ним Уш, и ему опять делается неловко.

22

Со временем ассортимент черного рынка полнится. Из-под прилавка начинают приоткрывать видеокассетами, не с детской порнографией, как на московской «Горбушке», а обычными гонконговскими боевиками, которые у нас еще называют сянганскими - по исконному наименованию той территории. До границы с Китаем - рукой подать. Через хребет Какшаал, что к югу от Иссык-Куля, до бывших владений Мао Цзэдуна так и вовсе можно пешком отмахать. Фильмы оттуда считаются полуконтрабандными (кассеты с лентами, по слухам, из Кашгара и Яркенда в обход таможи переправляют; только как они это делают? - не по горным же тропам перевалов на себе в баулах тащить, это вам не «Алые маки Иссык-Куля» и не конопля-матерка из Чуйской долины), хотя в видеосалонах крутят то же самое, а их никто не закрывает.

Появляются на лавочках и букинисты-частники. Выбор изданий в государственной торговле неплохой, но в Москве начинают печатать тех авторов, которые долгое время были запрещены. А до нас эти сборники пока не доходят. Как-то раз мама едет в Парк дружбы вместе со мной, ради любопытства. И замечает на одном из развалов томик Цветаевой. Долго держит его в руках, листает, смотрит оглавление. Стоит он десять рублей, на такие деньги с базара с груженной сумкой вернуться можно и холодильник на несколько дней битком затарить. Но оказывается, что это - очень редкая книга, о которой давно слышана мама, и я покупаю ее маме в подарок.

Как я узнаю чуть позже (все-таки почти каждое воскресенье здесь ошиваюсь), на таких писателей продавцы всегда сохраняют железную таксу, без всяких поблажек и даже единичных уступок, а их самих почему-то называют «возвращенцами». Я спрашиваю дома, почему? Нет, сами авторы ниоткуда не возвращались; никого из них вообще уже очень давно нет в живых. Возвращаются произведения и возможность их читать. Но еще долгое время эти фамилии - Шмелев, Зайцев, Черный, Ходасевич, Хлебников, Кузмин - и названия не попадают ни в книжных магазинах, ни в общественных библиотеках. И поэтому считанные букинистические пяточки на аллее у «Чертова колеса» чуть ли не на несколько лет превращаются в самый камерный, но в самый известный городской «книжный» под открытым небом.

После своих удачных торгов сюда теперь наведываюсь и я, мимоходом расспрашивая перед этим маму о ее литературных пристрастиях, чтобы не попасть впросак с незнакомыми именами. Я отлично понимаю - мама знает, что кроется за моими невинными расспросами, какой бы рассеянный вид я себе ни придавал и как бы ни опускал глаза долу. Тем более, что после этих «нечаянных» уточнений я чаще все равно привожу домой одну из тех книг, о которых упоминала мама. Но думаю, что поступаю в любом случае неожиданнее, чем ли (ведь книга может еще и не попасться), чем делает подарки своей матери мой однофамилец Мишка Янковский. Многие, кстати, думают, что мы с ним братья. Но мы и не спорим. Братья Янковские - так братья. Как кинорежиссеры Васильевы, примерно такая же родня.

23

Что касается подарков и знаков внимания, то здесь Мишка ведет себя по-особому. Мне б такое и в голову не пришло, хотя я и младше его на целых три года. Перед праздниками или за полмесяца до дня рождения тети Светы (она преподает вместе с моей мамой в музучилище и в самом начале даже вела у нее в группе какие-то музыкальные дисциплины) Михаил всеми правдами и неправдами узнает, какая из книг домашней библиотеки понадобится ей в скором времени для работы со студентами или что его мать собирается почитать просто так, для души. А потом берет и прячет эту книгу. Да так, что Шерлок Холме трубку свою, скорее, сгрызет, а у Пуаро серые клеточки совсем посереют, - но ни тот, ни другой этой распроклятой книжицы, хоть все вверх дном переверни и с ног

на голову поставь, не найдут.

Светлана Михайловна уже все полки перероеет, всю квартиру сантиметр за сантиметром перетряхнет (только в морозилку холодильника и в заварочный чайник разве что не заглянет). Нет книги, и все тут! Домовенок взял почитать или шапкой-невидимкой накрыли. Она: Миша-Миша, Миша-Миша. А он - молчок и в ус не дует: знать не знаю, ведасть не ведаю. И два варианта возможного развития событий: или в библиотеку иди - на читательский формуляр выписывай, или по коллегам клич бросай, если лекционная тема горит, а без методического пособия не выкрутиться.

Зато в день торжества Мишка на коне. Светится, как тульский самовар, хоть кидай все дела и чай пить присаживайся. Преподносит гордо: вот, мол, мама, нашлась твоя пропажа. А Светлана Михайловна смеется, радуется, что у нее сын такой «находчивый». То, что надо подарил! Сама бы себе лучше не купила! Из серии: «Вот это мне заверните, но чтоб - как себе, ага? А то мне в больницу!»

Один раз Мишка, правда, схалтурил. Спрятал плохо, а его мать возьми да найди. Чуть весь праздник оба не испортили! Еще бы малехонько - и насмарку (хорошо, время до именин оставалось, Мишка другую книгу спрятать успел). Больше так наплевательски к делу он не относится, умнее стал. Подарочные книги теперь вообще уносит из дома, сам рассказывал. На контрольное время оставляет их у своего школьного друга Дениса, чтобы Светлана Михайловна раньше положенного срока не обрадовалась.

Из года в год повторяется то же самое, по старой изъезженной колее. Но Янковские этой игрой довольны. И иногда я даже не знаю, кто из них больше? Думаю, что все-таки Мишка, ведь его мать, если по уму разобраться, ничего от него в подарок так и не получает. Наверное, все ждет, когда сын поймет, что подарки все же приятно - делать, а порою их хочется именно - получать.

А пока Мишка с мамой - чем бы дитя ни тешилось. У них с ней «Игры, в которые играют люди» и «Люди, которые играют в игры» прямо-таки получаются (я эти книги у своего крестного видел, он у меня по образованию философ; Эрик Берн обе написал, кажется). Но раз и тетя Света, и Михаил каждый раз над этим до слез хохочут - значит, все у них ладно.

24

Светку Валькову находят на пятый день. Она замерзла в припорошенном поле, километрах в пяти под городом. Находят без одежды, абсолютно голую. Подробности неизвестны. Говорят, ночью убежала через окно из своей клиники. Домой захотела, к матери. Бежала, видно, всю ночь. Больше тридцати километров отверстала, семь восьмых всего пути по маршруту: Беловодск - дом. На последнюю осьмушку в задаче не сошлось, чуточку не хватило.

А про одежду нам рассказывают святочную историю. Такую же неумелую и неправдоподобную, как пасхальный рассказ. Что добрые люди увидели в позднее время одинокую девочку и пустили ее к себе переночевать. Девочка поблагодарила. И когда в стиральной машине покой укладывалась, разделась, а одежду аккуратно на стульчик повесила. А ночью так домой опять захотела, что убежала и оттуда. Да так ведь торопилась, так торопилась, что вещи свои второпях-то там со сна и оставила.

Эту историю мы слушаем молча, потому что у взрослых есть и другая. Перед тем, как замерзнуть в поле, Свету, видимо, действительно куда-то впустили, или заволокли. Раздели и изнасиловали. А потом, может, и отправили восвояси, да она, обеспамятев, так раздетой и убежала. А может, и сама вырвалась, а догонять ее уж не стали.

Андрей СОБОЛЕВ

ЗЕМЛЯНИЧНОЕ ВАРЕНЬЕ

Гости наполнили квартиру запахом духов, смехом и пустой болтовней. В основном это были подруги жены с мужьями. Постепенно они начали меня утомлять. Я вышел на кухню и закурил. Но и здесь было слышно их щебетание. На кухню ворвалась Анжелка.

- Ну, чего тоску матросишь? - весело спросила она, дернув меня за чуб.

- Вы так ангельски щебечете, что я испугался. Уж не в раю ли я?

- Кстати, чтоб ощущение было более полным, - она порылась в своей сумке и достала маленькую баночку, - вот - скромный презент, можешь пока насладиться один, но недо- лго, опоздавших ждать не будем. Подмигнув, она выпорхнула с кухни.

Я аккуратно открыл банку. Варенье. Земляничное. По кухне поплыли запахи солнца, лета и...

Я лежал и курил, пуская клубы дыма к далеким звездам. Нет, я лежал не на стогу све- жего душистого сена, а на своей кровати в деревенской избе с русской печкой. Просто части крыши и потолка в избе со вчерашнего дня не существовало. Когда директор шко- лы, в которую я прибыл по распределению, приглашал меня в мое будущее жилье, по ходу дела разъяснял: «Избенка хошь и неказистая, но крепкая, постоит еще». И действитель- но, избенка простояла осень, зиму и почти всю весну, но вчера ночью я проснулся от жут- кого грохота. Психологи советуют в таких случаях в первые секунды ничего не предпри- нимать, чтобы не впасть в истерику или в панику. Когда я обрел после волны страха спо- собность двигаться, впадать было уже некуда. Стряхнув с подушки и одеяла вековую пыль, я лег на другой бок и крепко заснул.

Сегодня же мне не спалось. Звезды всю ночь маняще сверкали, пока не исчезли в свет- лющем небе. Запели петухи. Заскрипело крыльцо. По сеним прошлепали быстрым ша- гом, и тяжело вздохнула дверь из сеней в избу.

- Есть кто дома?

Я узнал голос матери Мишки Кулакова и спустил с кровати ноги, нашаривая тапочки. Из-за печки показалась голова Варвары Павловны в цветастом сатиновом платке.

- Эко ж, крыша то прохудилась, - заметила она, глядя на потолок. - Ну да ничто, канику- лы ведь на носу, в город уедете, Поликарпыч и подлатает крышу за лето.

- Да, - подтвердил я, широко зевая, - вы проходите, садитесь.

- Ой, чтой это я с крышей-то? Доброе здоровьечко, Александр Николаевич, - сказала она, торопливо присев на краешек стула.

- Доброе утро, Варвара Павловна.

- Я ведь ненадолго. Дак вобщем ... Я это... Вы уж не побрезгуйте. Хоть и прошлого лета, а как свежее, ягодка к ягоде, - пролепетала она, водружая на стол банку, перевязанную сверху тряпицей.

- Что вы? Что вы, Варвара Павловна, уберите сейчас же.

- Дак ведь гостинец просто, поверьте - от чистого сердца. Вы уж не подумайте, будто оттого, что у Мишки экзамен сегодня вам. И двойку закатите, дак ничего, я не обижусь.

Ничего не помогло. Мать Кулакова ушла, а банка осталась на столе. Я глубоко вздох- нул, развязал на банке тесемку и откинул тряпицу. Так и есть - ягодка к ягоде - душистое земляничное варенье. Но часы показывали, что на чай с вареньем времени не осталось.

Скрепя сердце, мне с третьей попытки удалось повязать почти новый галстук. Все же случай особый. В школе перед экзаменом я зашел в туалет и, пока там находился, внима- тельно изучал различные надписи на стенах, терзаясь мыслью о том, что до сих пор не знаю своей клички. Все учителя свои знали, а я нет, и спросить было неловко, и не знать - неуютно. Видимо, бог меня услышал. При выходе на дверях изнутри почти монументаль- но красовалась свежая, до дерева проскобленная надпись: «Александр Николаевич - гов- но». А все же по имени-отчеству. Стало и радостно, и горько одновременно. Дети, дети, если бы это написал инспектор ОблОНО... Впрочем, он поступил бы совершенно спра- ведливо.

Как всякий начинающий, я рьяно взялся за свое дело, но все мои педагогические зна- ния по сравнению с самобытностью деревенской ребятни ничего из себя не представля-

ли. Через месяц бесплодных мучений я понял, что нужно что-то менять. Для начала я упростил учебный процесс до невероятности: параграф - урок, параграф - урок... Успокоился я, успокоились и дети. Дело пошло на лад. Один лишь Кулаков продолжал мучить меня с завидной стойкостью.

Под Новый год меня подстерегла еще одна неожиданность. Урок начался, как обычно.

- Итак, дети, тема на сегодня... - я перевернул лист учебника и онемел. Вместо обычного параграфа на всю страницу черным по белому буквально ударило в глаза: «7 класс». Несколько секунд я тупо разглядывал обложку учебника, которая также ясно гласила: «6-7 классы». Ничего не оставалось, как открыть первую страницу учебника и важно произнести: - Дети, все мы отлично знаем, что повторение...

Под мой выразительный жест дети хором ответили:

- Мать учения.

- Вот ею... Э, то бишь им, мы и будем заниматься с сегодняшнего урока.

Однажды после занятий в восьмом классе я попросил Кулакова задержаться.

- Ну, и... - застыл он в выжидательной нагловатой позе.

- Кулаков, давай поговорим строго конфиденциально - моему терпению пришел конец.

- Как поговорим? - испуганно спросил он.

- Вот видишь, ты считаешь - тебе учиться хватит. Конфиденциально - значит строго между нами. Ты ведь человек слова?

- Да.

- Значит, договоримся? Без обид потом, да?

- Да.

- Так вот, на мои уроки можешь больше не ходить. На контрольных быть обязательно. Если захочешь прийти на урок - будь тише воды, ниже травы. Понял?

- Да.

- Доволен?

Кулаков недоверчиво моргал длинными ресницами.

- Все. Иди и запомни каждое мое слово.

«Александр Николаевич, - гундосила на педсоветах с протяжным французским прононсом завуч Ирина Борисовна, - как там у нас Куваков. Ведь ему г-гозит спгавка». «Я так не думаю», - отвечал я с замирающим сердцем и прекрасной миной. «Не знаю, не знаю, - гнусавила Ирина Борисовна, - лично я в тюдеса не вегю».

После долгого перерыва Кулаков явился на сочинение по Онегину. К моему удивлению, он что-то сосредоточенно писал. Еще более я удивлялся, когда проверял сочинение. «Онегин пьяница, тунеядец и обманщик, а мой отец, например, тоже пьет, хоть и не шампанское, но все время работает трактористом и никого не обманывал», - писал Кулаков. Единственный из всего класса, он косноязычно выразил свои собственные откровенные мысли, а не сухие заученные фразы. Я поставил ему за содержание пять, за все остальное - два, поделил, округлил и жирно вывел «4», а сочинение оставил себе на память от греха подальше. На следующем уроке я объявил сочинение Кулакова в числе лучших. Он перестал прогуливать мои часы. С жадностью он набросился на книги, которые я выбирал ему в школьной библиотеке. Весь его мир, состоящий лишь из мотоциклов и тракторов, чуть-чуть расширился.

Поэтому сегодня на экзамене я был за него спокоен, как, впрочем, и за класс в целом. Я стоял у окна и наблюдал за воронами, которые с дьявольской хитростью дразнили кота, норовя побольнее долбануть его клювом. Одна из них непременно хотела попасть коту в глаз.

- Куваков, ты куда? - услышал я за спиной прононс Ирины Борисовны и, оглянувшись, увидел, как захлопнулась дверь в класс. Кулакова я догнал уже на улице.

- В чем дело, Миша? - строго спросил я. Кулаков долго молчал, затем выдавил:

- Да какая разница...

- То есть как это?... - опешил я. И тут до меня дошло. «Ягодка к ягодке» - будь они не ладны. В деревне не то что шила, блохи в мешке не утаишь. Отсюда и надпись в туалете.

- Хорошо, но ты можешь мне ответить: слабак ты или нет?

- Нет.

- Так можешь ты это доказать хотя бы самому себе?

Кулаков подумал и ответил:

- Да. Я вернусь.

- Вот и прекрасно. Выберешь тему «Мир моих желаний» и напишешь в том же духе, как про Онегина.

- Но я выбрал тему по Гоголю. «Господи, только не это», - подумал я и вслух ответил:

- Что ж, Гоголь, так Гоголь.

«...а Куваков очень и очень меня удивив, - гуздосила на последнем педсовете Ирина Борисовна, - но еще больше удивили вы, Александр Николаевич. Пожавуй, я начну вегить в тюдеса».

После педсовета я в компании математика и историка курил на крыльце школы. Математик отработал на селе два года, а историк - три, обзавелся семьей и, похоже, решил остаться в деревне навсегда.

- Господа, - обратился он, - у математика имеется к нам отличное предложение. Не так ли, Игорь Константинович? Дело в том, что наемдни он выгнал литр прекраснейшего самогона, настоял его на лимонных корочках и ореховых скорлупках и сегодня по традиции приглашает нас под липы у своей бани. Все остальные атрибуты стола - наши. Верно, Александр Николаевич?

Я важно кивнул головой.

- Так во сколько? - снова обратился историк к Игорю Константиновичу.

- В четыре, - ответил тот, выпустив толстое кольцо дыма.

Собираясь под липы, я прихватил с собой банку земляничного варения, взял в сельмаге буханку пшеничного, иваси в томате и околицей отправился к бане математика.

- Коля, не гони лошадей, - возбужденно командовал математик историк, разливающим янтарную жидкость из сияющей литровки.

- Игорь, ты и так почти наперстки выставил, - недовольно возражал тот.

Физрук подошел к столу незамеченным, будто подкрался.

- Так, так... Какой прекрасный пример детям. Нехорошо, - недобро сказал он, - шли бы вы лучше в баню или в дом.

- Товарищ Котлярский, уйти из-под седеющих лип с этим богатством в сырую баню или душевой дом при такой погоде - почти преступление, - невозмутимо ответил историк.

- Я вас по-хорошему прошу, - настаивал физрук.

- Товарищ Котлярский, пусть ваша партия, то есть я хотел сказать - наша партия, на несколько часов прикроет глаза на наше бесстыдство в вашем лице, - не уступал историк. Котлярский побледнел, достал из папки листок бумаги с ручкой и начал быстро что-то писать.

- Вот протокол. Распишитесь, - протянул он листок историк. Тот, не читая, порвал бумагу и бросил обрывки Котлярскому в грудь.

- Ты как челобитную подаешь?

Мы с математиком давились от смеха. Котлярский неожиданно схватил со стола банку и, уходя, пригрозил:

- Вы у меня еще попляшете!

За столом воцарилась тишина. Наконец, историк не выдержал:

- Ну, так что-с? По хатам, господа?

- Может быть, сбегать за водкой? - неуверенно высказался я.

- Александр Николаевич, своим пошлым предложением вы испортили такой чудесный вечер, - мрачно пошутил историк.

- Забери хоть варенье, - крикнул мне вдогонку Игорь. Я вяло отмахнулся.

- Пусть математик детям отнесет.

«Даже не попробовал вполне законную взятку, - подумал я, - осталась лишь память о запахе».

На следующее утро Ирина Борисовна встретила меня довольно хмуро.

- Александр Николаевич, зайдите, пожавуйста, к директогу.

Ну почему всегда я. Самогон - математика, «челобитную» - историк порвал, а к директору - меня.

- Присаживайтесь, Александр Николаевич, - начал неприветливо Владимир Евгеньевич, - что вы там за пьяные посиделки вчера устроили? Нельзя же так. А, упаси бог, до ГорОНО слухи дойдут?

Я скромно молчал.

- Саша, надо ведь понимать. Все люди разные. Ну, зашли бы в баню на минуту, а потом снова вышли. Не надо нагнетать. Не надо. Ну, да ладно. Историк с математиком здесь?

- Здесь.

- Зови. Вход по одному с интервалом в пять минут, - отчеканил директор, доставая из сейфа вчерашнюю литровку и щелкая себя по горлу, - день сегодня пустой, а потому именно для этого. Конец года все ж таки.

Утром я проснулся с головной болью. За окном звенели трамваи. Жена гремела на кухне посудой. Вскоре она зашла в комнату и, увидев, что я не сплю, заговорила:

- Хватит валяться, давай завтракать, и починил бы смеситель на кухне - опять течет.
- Не починить.
- Это почему же?
- Там внутри на кране раковины.
- Так сходи, купи новый.
- Схожу.

Резкое зимнее солнце неприятно давило на глаза. Сначала я хотел зайти в бар выпить кружку пива, но затем передумал.

- Александр Николаевич! - услышал я оклик и обернулся. Около сверкающего зайчиками мосластого джипа широко улыбался Мишка Кулаков. Если бы не вчерашнее варенье, которое принесла Анжелка, я ни за что бы его не узнал. Кулаков шел навстречу, протягивая руку.

- Сколько лет, сколько зим, Александр Николаевич!
- Прилично, прилично...
- Садитесь, я подвезу. Куда вам?
- Мне бы в магазин «Сантехника».
- Нет проблем, - радостно заявил Кулаков, - а что-то вид у вас слегка помятый.
- Гости у нас вчера были.
- Во! И у нас гости вчера были. Так, может, того... ко мне сейчас, оттянемся за встречу,

а?

- Неплохо бы, но мне нужно сначала купить смеситель.

Кулаков достал откуда-то мобильник, покликал кнопками и приложил его к уху.

- Толян! Да, я. Мне нужен смеситель. Да. Типа покруче что-нибудь со всеми делами. Да. С установкой. Да, сейчас. Адрес?

Кулаков вопросительно взглянул на меня. Я назвал свой адрес. Он продиктовал его в мобильник и, улыбаясь, повернулся ко мне.

- Вот и все проблемы. Вернетесь домой, а смеситель на месте и отлично функционирует.

Я озабоченно стал обшаривать карманы.

- Да перестаньте, Александр Николаевич, не обижайте.

В прихожей небольшого особнячка Кулаков громко закричал:

- Нина! Встречай гостей.

Просто день сюрпризов каких-то. В прихожую вошла жена Кулакова, его бывшая одноклассница отличница Нина Смирнова. Она почти не изменилась, носила такую же русую косу, только уложенную по моде на французский манер, а дорогая косметика превратила деревенскую девчущку в современную красавицу.

- Здравствуйте, Александр Николаевич, - Нина сразу меня узнала.

- Здравствуйте, Нина. Вот бы никогда не подумал... Первый двоечник и первая отличница в школе...

- Мы, в общем, тоже не думали, - улыбнулась она, - проходите на кухню.

Кулаков активно помогал жене, беспрестанно хлопал холодильником, разливал водку и без умолку рассказывал о том, как закончил вечернюю десятилетку, затем заочно институт, как удачно пошел его бизнес.

- Как знать, - говорил он, - что бы вышло, получи я тогда после восьмилетки справку. Хотя, дело, наверное, не в ней. Кстати, Нина, помнишь - мама прислала баночку варенья? Достань-ка ее.

- Ягодка к яголке, - приговаривал он, открывая банку, - земляничное... Такое только моя мама умеет делать.

Неожиданно Кулаков посмотрел на меня, хитро подмигивая.

- Да вы ведь знаете, а?

- Да, знаю, - соврал я с улыбкой и подумал: «только запах».

Нина стала раскладывать варенье по вазочкам, и по кухне поплыли ароматы деревни, лета и звездного неба...

Лидия КУЗЬМИНА

СЕМИБАТЕШНЫЙ

*Дитя прекрасно. Ясно это?
Оно - совсем не то, что мы.
Все мы - из света и из тьмы,
Дитя - из одного лишь света.
А.Межиров*

Из словаря:

*Гулять - гуленыйш - гульной - гулевой - пригульный -
безбрачно рожденный - девичий - семибатешный*

Обычно во дворе много ребят, весело. Летом разъезжаются. Пусто. Детский сад на ремонте. Глеб сидит на качелях. Скучно. Друг Сеня прихворнул - сказал: носоротка у него покрасневшая, гулять не пустят. Зина уехала в лес по ягоды. Можно пойти домой, но в квартире под крышей никого и невозможно душно. Играть одному неинтересно. Ну, поиграл все-таки. Честно позавтракал. Вымыл посуду. Рисовал. Склеил кораблик. Рыбок покормил.

Выйти бы на улицу с великом, но шина размякла. Надо насос, чтобы насосать колесо - дедушка обещал достать, когда вернется, а кататься-то сейчас хочется. Да уж скорей бы вернулся, хоть и без насоса. Он такой... у него добрая хорошая голова.

Время словно нарочно замедлилось, стрелки прилипают к цифрам.

Мама сказала, что это два денька так, прости, родненький, я никак не могу не пойти на работу, и с собой тебя взять не могу, зато послезавтра прилетит крестная. И поведет в парк, библиотеку, театр, цирк! Здорово! Вместе они сделают генеральскую уборку, отодвинут шкаф, достанут солдатика - он туда месяц как завалился, грустит, наверное. Потом дедушка уйдет из больницы, у мамы будет отпуск, и они - может быть... ой! Лучше не загадывать, а то не сбудется!

День - это очень-очень долго, когда тебе нет и шести. Время до обеда тянется бесконечно, до вечера - вечно. Смотрел на небо - глаза устали, на дом - на балконе курит бритый парень в футболке и голых ногах.

Задумался. Интересно, ест ли слон грибы? И вот Сеня говорил, что его сестра Тая пошла учиться на психолога и теперь будет всех учить правильно психовать, это как? А вчера его брат ворчал, что телефон не работает, потому что батарейки съели. Кто ест батарейки? Хотел узнать, но постеснялся. «Вот будет мне семь лет, - думает Глеб, - не буду стесняться».

Мама вечером сказку читала, он заснул - не успел спросить: когда был пир горой, у всех по усам текло, во рту не было. Ничего что ли не было? Ни зубов, ни языка? А вот когда его еще не родилось, а динозавры жили, тут тоже была Россия? И купить бы такое волшебное зеркало, чтобы оно показало его будущую жену - какая она сейчас, в детстве...

- Ты, семибатешный, стену в подъезде разрисовал? Ишь, тарашится, не придуривайся! Что ждешь-то от тебя! Выродят незнамо от кого, не воспитывают, шлятуются, хвостами крутят! Чего уставился? Вот выйдет закон, что детей без присмотра нельзя оставлять, тогда твоя мамашка...

Почему эта тетя все время сердится и пристаёт? Он же ничего плохого не делал. Не похожа на Бабу Ягу. Когда молчит - даже симпатичная. Нарядная. А люди зовут Змеицей, Глеб слышал. Как-то она его-то опять назвала... забыл. В прошлый раз так же. Тогда еще спросил у мамы, что это значит. Мама быстро задышала, отвернулась. Потом стала веселая, дала шоколадку, сказала, что скоро придет. Прибежала с красным лицом, достала дедушкино лекарство для сердца. Змеица неделю не поднимала глаз, ползла мимо. Теперь опять...не кричит уже, шипит. И оглядывается. Что ли она дочка Змея Горыныча? Спросить у нее разве: тетя Змеица, ваш папа Горыныч? Или не спрашивать? Может, заколдованная?

Со скамейки поднялись две соседки, посешили к Змеице, что-то говорят, размахивая руками. Она отступает с визгом. Женщины погрозили вслед, подошли к напуганному мальчугану, приласкали, угостили конфеткой и вернулись на свою скамейку. Глебу не слышно, о чем они говорят.

- Зенки бы выцарапала этой змеице. Тыщу раз говорено: оставь дитя в покое, право

слово, как-нибудь у меня с ней до рукопашной дойдет! Нашла жертву. Ведь нападает не потому, что он плохой, хуже всех, а потому, что слабого нашла. Думает, беззащитный, заступиться некому. Есть такие - от злобы их распирает, ищут, на кого бы душевные помой выплеснуть. Может, болит что, неприятности, или зависть гложет. Сорваться на ком-то требуется, но с теми, кто сдачи дать способен, опасно связываться. А тут создание безответное. Другой бы нахамил, в окно камнем запульнул, а этот съезжится, молчит. Прооралась, груз с души скинула, забыла, дальше пошла.

- Это галинкин, из второго подъезда? Подросток, не узнала я. Похож.

- Ты ж его крохой видела. Историю помнишь? После школы уехала Галя поступать, непременно ей в стольный град приспичило, мечта детства. Не вышло. Работать устроилась. Тут любовь пришла, как помстилось ей. Дальше - «сладку ягоду рвали вместе, горьку ягоду я одна». Вопрос ребром: избавляйся или... а эта пигалица несовершеннолетняя ни в какую: мой ребенок, люблю, рожу. Сама воспитана. Сказать-то гораздо легче, чем сделать. Самопожертвование дорого обходится! В итоге: работа, заочная учеба, малец. Уж кто ее только ни чиховстил: зачем в ярмо влезла в самой весенней поре? Гулять бы, учиться, замуж выходить. А Галина ни разу не пожалела. Если, твердит, кто по-настоящему со мной быть захочет - дитя мое примет. В поговорке сказано: любишь меня, люби и собачку мою. Собачку! А у меня человек, сын! Да какой! Кому он не нужен, тот и мне ни к чему. Это даже лучше, ведь люди именно так проверяются, пуд соли есть не нужно. Если ребенок серьезным намерениям помеха, что дальше ждать?

- С такой меркой к мужикам - ой-ой. Галку помню, скромница была.

- Такой и осталась. Эта змеища обзывает его семибатешным, что за поганый язык у бабы. Все в галин огород камень. Мол, столько кавалеров было, что сама отца не определит. Вранье ведь, поклеп. Да на Галинку глянь - видно все. Как такие в наше время еще не померли - диву даюсь. Чистая, открытая, стержень в ней правильный. Трудяга, старается, колотится. Сил вот маловато, везенья нет. Угробит здоровье, такой воз на себе волоча. Поддержки один отец, и тот болеет, как Марьсергевна у них померла. Вот таким и помогать бы, пособие - с учетом реальности, нынешнее что? капля! Льготы бы, летом мальчишку послать на отдых за город куда, ведь цветок на бетоне. Не знает, на каком дереве булки растут. Раз в деревню ездили - парнишка ошалел от счастья. Собака, кошка, куры, корова, лес, речка! Как на другой континент попал. Говорит: «Мам, почему здесь люди так живут? Они лучше нас, да?» Заявил: вырасту - в деревне буду жить, разводить лошадей и собак.

Глеб на своих качелях об этом и думает. Дом в деревне. Красивый сад. В поле - совсем близко! - пасутся кони. Бегают собаки, цыплята, козы... В доме бо-ольшая дружная семья. Мама всегда веселая! Дедушка здоров, смеется, зовет детей на рыбалку и по грибы. Крестная сидит в кресле, воркует, вяжет. Не жалутся на бедные ноги. Все добрые, помогают друг другу. Никто не ругается. Вернулись бабушка...и папа!

Почему люди бывают злыми? Маленький мечтатель нахохлился, слез с качелей, завернул за угол. Широкая дорога, машин на ней! Пойти к маме на работу? Он даже растерялся при этой мысли. Как хочется! Далеко... Дорогу четыре раза переходить, но Глеб знает: идти только на зеленый. А в одном месте без светофора. Не расстроится ли мама? Не спрашивал, можно ли придти одному, если так печально и одиноко. Наверное, можно? Телефон не включается, он старый, опять сломался. Пойти позвонить из дома - а вдруг в подъезде Змеища? Вприпрыжку помчался к переходу. Уф, прошел, дальше бегом, скорей. Второй перекресток. На зеленый, со всеми. Третий. Опять бегом.

- Гони мобилу, шкет, - большие мальчишки с непонятными лицами окружили его, прижав к стене. Один стукнул по спине и заржал. Дешевенький телефон выхватили, не прельстившись, швырнули в траву. Туда же толкнули Глеба. Это хулиганы, про которых крестная говорила? Лежа на спине, он в ужасе поднял ноги и отчаянно закричал: - Уйди, сейчас ка-ак пну - и полетишь вверх кармашками!

- Что-о? Ах ты...

- Пустите пацана! - раздалось сбоку. Обидчики дернули в разные стороны. К нему спешит невысокий дядя. Легко поднял, отряхнул: - Почему один? Где родители?

- Я... Спасибо, - Глеб испуганно показал в сторону дома, понимая, как далеко ушел.

- Добежишь или проводить? Удрали эти засранцы.

- Сам, сам! Спасибо! До свидания! - протянул испачканную ручонку. Дядя, тряхнув головой, пожал.

Глеб пулей полетел через чужой двор, чуть не сбив с ног загорелую девочку: «Ой, извини!»

- Давай в мячик! - предложила она, расхохотавшись. Поиграли недолго - девочку позва-

ли из окна. Договорились встретиться. Глеб тронулся дальше.

Ребята, стоявшие у бордюра, рванули через шоссе, он следом. И оказался на газоне лицом вниз. Удар вскользь, но хватило. Больно руку... ой!

- Цел?! - орал шофер, выскочив из машины. Глеб кинулся прочь, нырнул в калитку, очутился у высокого крыльца.

- Куда, казачок? - на пути встал кто-то в форме. - Нельзя посторонним, заворачивай!

- Я к маме... Пустите, пожалуйста, - Глеб не хотел плакать, но лицо почему-то стало мокрым, рот искривился. Сел на ступеньку и затрясся.

А мама уже схватила его за плечи, целует, гладит по голове:

- Сынулька, милый, что ж ты! Один по городу, - мама всхлинула. - А если...

Глеб прижался к ней, успокаиваясь, но еще вздрагивая. Так и сидели на крыльце. Выскочила мамина подруга Люба, затормошила, насмешила. Мама вытирала слезы.

- Галин, посадим в его кабинет, где ремонт. Туда никто не зайдет. Журналов куча старых. Пусть раскрашивает-вырезает.

- Туранский явится - влетит тебе, Галь, - вяло заметил разомлевший на солнце охранник. - Он и так на ваше высочество зуб отрастил.

- Ты ему не говори, - нежно погрозила пальчиком тетя Люба. - Если заскочит, то на чуть, уезжает сегодня. Глеб тихо посидит, а, путешественник?

Глеб готов на все. Умыли, почистили, дали пирожок. Привели в большую комнату без штор. В угол сдвинуты пустые столы и стулья, на них бумажные кипы. Мама рядом, через дверь. Сперва заглядывала каждые несколько минут, потом Глеб уснул прямо на столе. Его разбудил веселый бас: - Детей обычно в капусте находят, а тут в бумагах вон какой красавец! Чей? Свой собственный?

- Здравствуйте, - Глеб сел и заозирался, вспоминая, как очутился на столе.

- Это мой, - мама принялась что-то жарко объяснять большому, как медведь, дяденьке и худой высокой тетеньке. Ее перебивала взволнованная Люба.

Глеб старательно просыпался и зевал.

- Валентин, кому малыш помешает, место есть, - сказала Худая, протягивая Глебушке яркий блокнот с карандашом. - Держи! Он нашему Максимке ровесник, лет пять тебе, милый? Кем будешь, когда вырастешь?

- Спасибо! Я планетиком буду. Это мое самое заметное желание! И мне уж скоро шесть...

- Кем?!

- На другие планеты летать.

- Космонавтом! Ого! Я такого ответа уж лет пятнадцать не слышала. Ныне другие профессии в фаворе. Мо-ло-дец!

- Пока я здесь хозяин, не Туранский, - пробасил Большой. - Успокойся, Галина. Положение твое по-человечески понятно. До отпуска води наследника сюда. Неподходящее место, да уж лучше, чем без присмотра. Можешь часть работы взять домой, разрешаю уходить в эти дни на пару-тройку часов раньше. Деда успеете проведать. Пиши заявление, окажем матпомощь. На пикник в выходные бери мальчика с собой - шашлыки жарить. Любишь?

Глеб заморгал.

- Не пробовал, - покраснела Галя.

- Я тоже много чего не пробовал, эка невидаль, - улыбнулся Большой. - Только не безобразничать, уговор?

И подмигнул. Глеб засмеялся.

В обед сходили в кафе, и мальчик на законных правах устроился в персональном кабинете. Через две стены Галя с Любой, с удвоенной энергией взявшись за работу, параллельно вели разговор по душам. Галина старательно избегала личных тем, помня слова матери: не жалуйся - пожалеют вряд ли, уважать перестанут. Держись тверже! Но искреннее сочувствие и участие Любы смягчали: подруга не выспрашивала, просто предложила обсудить положение, поискать выход - ведь недавно у Галины появился дыхатель, на это стоит обратить внимание. А потом было трудно остановиться.

- Люба, да, Роман мне действительно нравится. Но сейчас в моей жизни нет места... Понимаешь... я сама свой путь выбрала, должна идти и терпеть. Сколько укуров: зачем тебе надо было, для чего. Слушать страшно. Не жалею, что сына родила, люблю его, как за это ругать можно? Бред. А вот не успеваю ничего... ну не разорваться же мне - на работу бегом, в магазин, домой, сессия скоро. Ночью падаю, проваливаюсь, утром себя за волосы из постели вытягиваю, как Мюнхгаузен из болота. Нет времени на роман. Ох, прямо каламбур: на роман с Романом! Когда на свидания ходить? Любой мужчина внимания требует, сил, времени. А у меня и так цейтнот триста шестьдесят пять дней в году. Да и то не справиться,

если б не папа. Вот вуз закончу, Глеб подрастет, папа поправится...

- Ой, нынче ты девочка... знаешь про женский век?

- Знаю. А еще знаю, что все успеть нельзя. Я не могу, во всяком случае, может, слабая? Надо выбирать. В сутках двадцать четыре часа. Выбираю главное - что невозможно отложить. Сын растет, его СЕЙЧАС воспитывать надо, быть рядом. Битого, пролитого, прожитого не воротить. У Глеба я, дед... крестная иногда помогает. Да справлюсь! Злоба людская выбивает из колеи. Опять Змеища прицепилась. Ведь я ходила к ней! Пробовала по-хорошему.

- Галя, держись, не обращай внимания. Никто не может всем нравиться, разве золотой червонец! А мнение вашей домово́й фурии кого волнует?

- Скандалы ненавижу, но тут прорвало, высказала: за что взъелась? Кому мешаем? Глеб ничуть не хуже воспитан, чем его ровесники, вежливый, даже с незнакомыми здоровается. Шалит иногда, так ребенок же - и ничего гадкого. В подъезде бумажки не бросит. И про меня ей известно. Не гулящая, хоть сто раз меня шалавой обзывала. Выросла в этом доме, все меня знают. Получилось так, в одном я виновата: малыш мой без отца растет. Не смогла ему папу правильного выбрать. И папу этого винить не хочу: семья, жена нездорова. Знаешь, Игорь приезжал года два назад...

- Отец Глеба?!

- Звонил, просил о встрече. Прощенья просил. Мне его жалко. Постарел... Гуляли втроем. Договорились, что он Глебу дальним родственником представится. Не открылся ему, говорит, так больнее будет. Велел говорить, что папа умер... Чтобы сын не ждал и сердце не надрывал. Глеб тогда удивлялся: у дяди Игоря такая же родинка, как у меня!

Обещал посылать деньги, как сможет, я счет открыла, кое-что изредка приходит понемногу. В крайних случаях беру и стараюсь вернуть, это Глебушке на учебу. Да мало ли, у нас накоплений на черный день вообще нет. Фотографии посылаю до востребования. Иногда звонит, сознался как-то, что заезжал, смотрел на нас исподтишка. Когда Глеб первый раз про своего отца захотел узнать, я сказала, как велено. Теперь терзаюсь: не надо было, примета плохая - про живого... Сынок грустил, но больше пока не спрашивал. Для него «умереть» - будто уехать далеко, надолго, он и бабушку до сих пор ждет. Как противно врать, Люба, до тошноты, особенно ребенку!

- Что ж скажешь?

- Виню себя во всем и в то же время думаю - не сложись так, у меня бы теперь Глеба не было. Он для меня всего дороже, только счастья ему дать не могу, что за круг замкнутый. Нужна ребенку полная семья. Чтобы средства были, время на него, внимание, забота, воспитание. Пример мужской. Ведь я одна обязана и любить-баловать, и строгость проявлять. Трудно даже сейчас, а дальше, когда подростком станет? Мальчика мужчина должен научить многому: и делу, и говорить с ним... на разные темы. Я идеалистка до сих пор, слабохарактерная, как на него это повлияет? Пример-то с меня берет. Понимаешь, он светлый очень, нежный, чувствительный, добрый. Это хорошо, я рада, но в жизни и другие качества нужны, мужчинам особенно.

- Гал, не во всех полных семьях детям столько внимания, ты себя не кори. Делай что должно - и будь что будет, сказал великий человек. Будем верить и не плошать. Обращайся ко мне, когда тугο. Толку от меня, безалаберной, немного, но хоть чем-то помочь могу. Я тебя уважаю, и поверь, не я одна. Не гони Романа. Если серьезно - это же временем проверяется, поступками. Дай ему шанс. Про Глеба он знает - и не напуган. Мне кажется, вы с Ромкой похожи внутренне. У него тоже ответственность и чувство долга... как это... гипертрофированы!

- Спасибо, Любаш. Зато я напугана, как та ворона, что куста боится.

- И на воду дует!

- Да. Говорю себе: есть положения тяжелее, люди борются, крылья не складывают. И я не слоужу. Верю, надеюсь, люблю... и очень много работаю, ну... правда же.

- Жизненные ситуации невольно на себя примеряешь - как бы поступил в сходных обстоятельствах? Я, объективно, не такой цельный человек, девушка ветреная, но если... для меня ребенок тоже главное! Вообще таким, как ты, а вас много! - конечно, поддержка государства нужна, помощь - новых граждан растите, и жизнь всех зависит от того, какими они станут. Надо создать ассоциацию матерей! Нет, партию! А?! Идея! Давай напишем программу!

Шептались долго.

- Он забавный такой, - растрогалась Галя. - Я, говорит, твой помощник, мне пришла в голову мысль, как тебя разрадовать! Или: «что-то мне заинтересилось», в садик опаздыва-

ли, несемся - «ой, устал, бежать нечем!»! Другу звонит: «ура, мы пойдем покувайчика попу- гать, а еще наша рыбка подросла и стала моложе выглядеть!»! Насморк был - иду к нему с каплями: «где твой носик»? А он: «на голове»!

Люба смеялась и советовала все записывать. Успокоенная, ободренная Галина восприя- ла. Дружеское участие, доброе слово бесценны. Вечером, дочитав книжку дремлющему сыну, расцеловала, пожелала спокойной ночи, выскользнула на кухню, соображая, за что хвататься в первую очередь. Драконами кружили неотложные проблемы, вилась докучная мошкара мелких дел.

Глеб спал. Снова видел свой дом, животных, добрых людей вокруг. Вернулись бабушка, бабушка, папа. И мама была веселая! А все-таки ест ли слон грибы? Завтра надо...

ПОСТАРАЮСЬ ДОЖИТЬ

*«Пиши - прошу я одного...
Мне эти письма будут милы,
И святы, как цветы с могилы,
С могилы сердца моего!»
Н.А. Некрасов, «Прощанье»*

Здравствуй, Эра! Любимая, светлая моя Эра! Молю всем, что для меня свято: пусть это письмо дойдет до тебя. Ты прочтешь и, может быть, успеешь ответить. Это я - Долик, Дол- кап. Хотя бы ты не забыла меня! Не может быть, говорю себе, невероятно, чтобы те дни стерлись из твоей памяти. Зима сорок пятого, городок, где мы встретились, были счастли- вы почти три месяца. И так случайно, нелепо потеряли друг друга.

Эра, милая, я искал тебя годы. Потом наступила апатия, смирился и привыкал жить с мыслью, что не найду никогда, хватит рвать душу. И вот в другом веке, в другой стране - теперь, когда неуклонно превращаюсь в растение и лежу, приговоренный к кровати, полу- чил драгоценный подарок: хотя бы успеть сказать...что? Как люблю тебя по-прежнему. Это главное. Успел! Как желаю тебе счастья и долгих лет, желаю вовремя, легко и умиротво- ренно уйти (для нас это важно в восемьдесят с гаком, молодые не поймут, и не надо им, всему свой час). Сказать, что десятилетиями ты была со мной, рядом, всегда. Успел!

Почти ничего не знаю о тебе сегодняшней - раз есть внуки, значит, был ребенок (дети?), наверное, муж. Еще не так давно это известие пробудило бы во мне ревность, обиду, но сейчас я уж наполовину в мире ином - «в любой день», сказал врач родственникам, я слу- чайно слышал. И не боюсь. Мой век оказался долгим. Дела завершены, близкие устроены. Надеюсь лишь, что ты была счастлива, и сейчас у тебя все хорошо - насколько это мысли- мо.

Жизнь продолжалась. Дикая, чудовищная боль утраты отступила, затаилась, хоть (а у тебя?) не прошла - у меня не прошла, Эра. И были минуты совсем черного отчаяния, каюсь. Потом душевное оцепенение. Потом...

Эра, я был женат и даже по-своему счастлив, прости, моя супруга чудесный человек, я любил и ее, крепко, но по-другому, не как тебя. Так бывает, бесполезно объяснить тому, кто не испытал. Она не осуждала бы меня за чувство к тебе, если б узнала. Она бы поняла. Ее уже нет. Есть дети, внуки - замечательные и тоже понимают. Тут повезло. Теперь я им рассказал. И это они, наконец, отыскали тебя.

Любовь к тебе хранил в сердце, оберегая тайник, свое сокровище, и пришло время, когда считал, что похоронил, осталась лишь для одного меня дорогая могила, на которую, уединяясь, мысленно прихожу с цветами воспоминаний - оплакивать потерю и благода- рить ЕГО, что мою жизнь осенило святое крыло Настоящей Любви.

Как высокопарно, по-книжному...не выношу пафоса, но ведь правда! Как выразить все, что пережил, найти незатертые слова, сказать просто? У последней черты - неисповедимы пути! но я же верил! - могу обратиться к тебе живой... воскресшей, а мысли смешались...с- сколько речей я готовил, когда еще надеялся свидеться. Теперь, в долгожданный миг, не складываются фразы, некогда их обдумывать, выстраивать и приглаживать, надо спешить.

Помнишь, как мы хохотали, познакомившись? Подобралась парочка с интересными именами! Меня в бурные двадцатые называли Долкапом - «ДОЛОЙ КАПИТАЛИЗМ», а тебя «Новэрой» - «НОВАЯ ЭРА»! Для близких - Долик и Эра. Твое имя еще ничего, красивое. А мне досталось насмешек, да и детям моим из-за такого отчества. Помню, что тайно ты кре- щена Наталией. И я крестился после войны - как Димитрий, теперь ты знаешь, и сможешь

поставить за меня свечу и помолиться, если... Но обращаюсь к тебе, как тогда, ведь при встрече ты назвалась Новэрой.

Какие мы были зеленые. Какие наивные... Эти слова, опять же, повторяют, конечно, все, вспоминая свою весну - каждый словно впервые. А мы вместе со своей захватили кусочек той - исторической, единственной весны сорок пятого, когда грядущая победа уже озаряла землю благодатным светом. Да, так! Это не громкие слова!

Как закружило счастье молодой взаимной любви в конце жуткой войны, на гребне надежд - своих и нашей огромной страны. Не было сомнений, что боль и лишения позади, дальше - только счастье, которое мы строим своими руками, вместе, навсегда.

А еще мы были беспечны. Ни тебе, ни мне не пришло в голову договориться, как найти друг друга, если случится непредвиденное. Как, например, в том фильме - «В шесть часов вечера после войны»... Счастье слепое. И - перенесла столько страданий, кто хочет думать о плохом? Ему не было места в нашем сияющем мире. Глупо корить себя - тогда мы были другими, о горьком опыте хотелось забыть скорее и навсегда. И не ждать горя. Хватит!

Ты сама была воплощением Весны, я помню тебя, вижу, мог бы нарисовать. Мы больше говорили, чем целовались - и оказалось, что так мало знаем. Не подстраховались. Я, мужчина, уже немало повидавший на фронте, должен был подумать, виню только себя. Война, умирая, металась загнанной, разъяренной тварью, нанося последние раны...и убивая. Она оторвала нас друг от друга внезапно, жестоко. Тогда я жил надеждой, потом - верой. И всегда - любовью.

Эра, не знаю, что принесет тебе это письмо. Возможно, ты никогда не возьмешь его в руки... Все держится на паутинке. Моя внучка отправит конверт на адрес твоего внука, он обещал подготовить тебя и отдаст письмо, если сочтет возможным. Может быть, ты тоже больна и потрясение было бы для тебя губительным. Или в семье... не буду говорить обо всем, что мог бы предположить. Господи, я ничего не знаю. Для меня потрясение стало спасительным, я отвернулся от бездны, в которую уже смотрел... Но нет времени ждать, выяснять, могу не успеть. Пусть решат близкие, оберегая тебя, думая лишь о твоём благе, направляемые ЕГО рукой. На все ЕГО воля. Если ты не прочтешь эти строки, значит, не суждено. Тогда мы увидимся только ТАМ... Я узнаю тебя, какой бы ты ни стала. ТАМ будут моя жена, твой муж, но ТАМ все иначе. Я верую, Эра, знаю, что все равно встречу тебя. Наверное, на этом надо бы успокоиться, смириться, но пока мы на земле и, возможно, свыше решено наградить нас радостью последней земной встречи. ОН дал нам разум и чувства и, может быть, даст силы, поддержит - чтобы здесь и сейчас. Живым надо жить и надеяться. Я надеюсь, собрав оставшиеся силы, кто осудит меня? Мне снова девятнадцать. О подлинном возрасте напоминает страдающее тело. Нет никого, кто помнит меня молодым, все ушли. Только ты.

Как поступишь, если прочтешь? Почему-то уверен: не забыла. Иначе не могу. Если действительно не забыла и... не разлюбила, то... Знаю: женщины боятся таких встреч, желая остаться в памяти любимого юной. Я рад бы увидеть тебя всякой, клянусь, но не выйдет: почти лишен зрения. И если мы... я увижу тебя очень смутно, в дымке. В тумане памяти...

Смешно, позор, но сознаюсь - тоже трушу: увидишь меня - испугаешься. Мало что осталось от бравого вояки через шестьдесят с лишком лет, почти ничего, если честно. Кроме души. Но к встрече готов. И теперь не столь беспечен, могу мыслить практично. Если захочешь свидания - я не могу приехать никак, увы... пополз бы, но... Мои внуки согласны привезти тебя к нам, оплатить дорогу, прости за прозу жизни, родная. Это важно в наших реалиях, знаю, как небогаты ветераны, не сердись, и ты живешь так далеко. Если же не хочешь, не можешь - не говори о причинах, выбирать тебе, прошу одного: напиши. Ожидание весточки от тебя поможет мне задержаться, Эра, я постараюсь до нее дожить. Получив письмо, будто встречаюсь с тобой наяву - помню тебя всю: облик, голос, запах. Ты встанешь передо мной и, читая, буду слышать тебя по-настоящему.

Еще. Самое трудное для меня. Вдруг написать тоже не сможешь...или не захочешь. Не знаю - почему, вероятных причин не перечтешь, очень тяжело об этом думать. Не терзай себя. Я приму твою волю, не упрекну.

Не могу перечитывать письмо, не хватает духу, хоть и вышло путаным, неполным, противоречивым. Сколько еще надо сказать и узнать о тебе! Нет времени. Спешу отправить. Будь благословенна, Любовь Моя. Благодарю тебя за каждый миг, что мы провели вместе. Я успел сказать главное: люблю и очень, очень постараюсь дожить. Дождаться.

До свидания. А если... тогда «прощай».

Твой вечно - Долик (Долкап).

Николай ТОЛСТИКОВ

ПОМИНАЛЬНАЯ СВЕЧА

Севу Изуверова дразнили «попом». С длинными кучерявыми волосами, вьющейся бородкой, а к сорока - и с подвышершим изрядно вперед пузцом, он поначалу обижался на насмешников, даже подумывал сменить «имидж»: взять да и забриться наголо, «под Котовского». Но в последние годы, когда уже не в диковинку стал колокольный звон, там и сям пробивающийся сквозь шум города, прозвище Изуверову даже льстило, хотя в церковь-то, откровенно говоря, он если и заходил в год раз - то событие.

Сева был ни бомж, ни деклассированный элемент, просто художник-оформитель, неудачник, к годкам своим начинающий со страхом понимать это. Не спасал дело и звучный псевдоним - Севастьян Изуверов, так-то по паспорту гражданин сей значился проще некуда - Александр Иванович Козлов.

Прежде халявных заказов и на предприятиях и в школах было море, потом наступил спад спроса, хоть зубы на полку клади, выслушивая попутно монотонные укоризненные причитания жены на одну и ту же тему, что шея у нее не верблюжья. Сева все-таки приносившаяся малевать для заведений новых русских барыг всякие вывески и транспаранты, так и жил от халтуры до халтуры. Все супружница, счетный работник, заполучив лишний руб-лишко, ворчала меньше.

В кладовке многие годы неприкосновенно пылились несколько подрамников с холстами с недописанными картинами. Жена грозилась выкинуть все, как ненужный хлам, но в последний момент каждый раз что-то удерживало ее. На всякий пожарный один холст, на котором угадывались очертания маленького домика возле реки, а над избой на высокой береговой круче сияли купола и кресты белоснежного храма-корабля, Изуверов припрятал понадежнее. По памяти родимщину свою пытался изобразить...

Очередной день для Севы начинался неважнецки. Он очнулся еще в потемках от духоты: словно кто-то ладонями безжалостно сдвигал ему сердце. Какое-то время Изуверов лежал неподвижно, вслушиваясь в собственное нутро, потом заворочался, намереваясь встать. Пружины старенького дивана отозвались пронзительным долгим скрипом, но Сева не опасался кого-либо разбудить в своей келье-комнатушке. За стенкой в соседней комнате всегда мерно и мощно храпела жена - с ней не только что давно не спали вместе, но и друг к дружке не прикасались.

Сегодня Севу, с обычной ворчливой бубнежкой под нос продирающего глаза, насторожила непривычная тишина в квартире, но, окончательно оклемавшись, он чертыхнулся, вспомнив, что вчера супружница укатила по турпутевке в Питер, и для него настала, так сказать, свобода. Он вышел на балкон, взглянул на небо, обложенное тяжелыми темно-лиловыми тучами, поежился, опять прислушиваясь к боли в груди: «До грозы успею к врачу...» Одному, да вдобавок больному, оставаться скверно.

У кабинета терапевта уже толкалась очередешка из пациентов. Народ, стоя, больше терся у стен, хотя в рядке из десятка стульев пара была свободных. Изуверов поозирался и, стараясь принять страдальческий вид, примостился на свободный стул. И не рад этому был. По соседству с обоих боков нахально обжимали легкомысленного вида девицу два крепких парня, либо в подпитии, либо обкуренные. Они громко гоготали над своими же плоскими шуточками; «мамзель» заискивающе подхихикивала им дребезжащим смешком, жеманно уворачиваясь от их грубых «лап». Для компании, кроме нее самой, вокруг вроде бы никого не существовало. На то в очереди пожилые тетki осуждающе поджимали губы, немногие мужички пугливо отводили глаза. Изуверов же, как неосторожно примостился с компанией рядом, так и устался напряженно в грязный пол под ногами, боясь лишний раз пошевелиться, вздрагивая только при слишком громких выкриках. Еще один парень, помахивая какой-то бумажкой, топтался у двери кабинета. Проблеск фонаря-сигнала над дверью он прозеворонил; шустрый белоголовый старикашка шмыгнул мимо него к врачу.

- Вот борзой! Без очереди! - возгласил верзила возле Изуверова и погрозил, развязно ухмыляясь, пальцем. - Надо наказать!

И верно, едва старикан вывернулся от доктора, верзила поднялся и неторопливо, вразвалочку, побрел за ним на улицу. Другой лоботряс, пожиже и помельче, засеменял следом. Все в очереди, немо вопрошая, усталились на девицу. Та отрицательно замотала головой с нечесаной куделей крашенных волос, проговорила жалобно:

- Не знаю я их! Просто пристали ко мне! - и даже свои острые коленочки друг к дружке прижала, будто спрятаться норовя.

Изуверову показалось, что теперь все взгляды, ожидая, скрестились на нем, но он, еще больше клонясь к полу и не глядя ни на кого, выразительно приложил руку к сердцу. С улицы через раскрытое окно донесся похожий на заячье вяканье вскрик старика или, может, это просто скрипнула дверь, выпуская из кабинета сотоварища хулиганов. Они уже топали из холла поликлиники ему навстречу:

- Взрели дедка! Будет знать... Ты все? Погнали!..

Сердце у Изуверова болеть перестало. Он еще посидел какое-то время, удостоверившись в том, потом, на «полусогнутых», пряча глаза от людей в очереди, побрел к выходу. «Струсил?! Как всегда?» - на крыльце кто-то невидимый спросил ехидненько, точь-в-точь голоском дражайшей супружницы. « Да я!.. Сейчас что угодно могу сделать! - беззвучно возмутился Изуверов. - Хотя бы... в городок немедленно поеду!» - сгоряча ляпнул он и осекся.

На родине своей, в маленьком городишке, он не сразу бы и припомнил - сколько лет не бывал. Там, возле речки, должен достаивать свой век дедов дом: за участок земли на всякий случай исправно платила налоги жена - у нее все всегда по полочкам разложено. Севу тянуло туда, где детство прошло, но пуще желалось закатиться в родной городок знаменитостью, да вот беда, все не удавалось ею стать. Изуверов до седых волос тешился несбыточной мечтой, так мчались год за годом, и теперь уж он стал страшиться туда, всего-то за сотню километров, наведаться.

«Что? Или... или?! - поддел все тот же ехидный голосок. - Хулиганы-то, вон они, у ларька пиво трескают, подойди и вразуми! Или - в городок?!» Изуверов для храбрости прошел на вокзале через рюмочную и почти всю дорогу до городка благополучно продремал, к удовольствию еще и сосед попался не болтливый.

Едва Сева вылез из автобуса и побрел было от неказистой хибары автостанции по мало чем изменившейся за минувшие годы улочке городка, хлынул заполошный ливень. Грозовые тучи, может быть, еще душили большой город, но здесь под угрюмое сверкание молний и раскаты грома дождевые струи хлестали почем зря. Изуверов юркнул под первый же навес и столкнулся с молодым цыганом, испуганно забившимся в уголок. Как раз в это время неистово обьяло всю окрестность ярко-сиреневым светом, взметнулся воздушный вихрь - и высоченная железная труба кочегарки напротив через улицу разломилась пополам, верхняя ее половина рухнула на землю. И тотчас шаррахнуло так, что под ногами Севы ощутимо запрыгали доски крылечка. Цыганок перекрестился и, лопоча что-то свое, заполз в собачий лаз под крыльцом. Струхнувшего было тоже Изуверова это чрезвычайно развеселило:

- Смотри, «ромал»! Не бзди!

Сева сдернул с себя рубаху и бесшабашно подставил голову и плечи под теплый дождь, хохоча, заскакал, как пацаненок, по лужам. Ливень стих, в воздухе еще дрожала изморось, а высоко в небе расцветала радуга. Вскоре Севе голопузым бегать по улице показалось несolidно, и он с грехом пополам влез в мокрую рубаху. Но старался понапрасну - городок будто вымер. Изуверов дошел до речки на окраине, до дедовского дома на берегу оставалось шаг шагнуть, и хоть бы кто живой попался навстречу. Сева даже вздрогнул от неожиданности, когда из глухого переулочка вывернулись двое. Высокий парень, сжимая за горло бутылку с недопитым пивом, смерил Севу презрительным взглядом и прошел мимо, а вот женщина, тоже с пивком, всю таращила на Изуверова изумленные черные глаза:

- Вы... ты это не Саня Козлов слушаем?

Сева так привык к своему псевдоимени, что не сразу и отозвался, пытаясь припомнить, кто это такая, больно на кого-то похожая. Дамочка, мало не ровесница Изуверову, оказалась особой решительной: полненькая, невысокого ростика, с копешкой кудрявых волос на голове, подпрыгнула и повисла у него на шее, мокрыми толстыми губами пьяно тычась ему в бородатые щеки.

- Санечка! Козлик! Неужели это ты! Ведь ты для меня, ты для меня... ну, святой прямо!

«Да это же Кнопка! Васьки Фута, одноклассника, сестра!» - осенило наконец Изуверова. Как две капли воды, на братца похожая, не шепелявит только. У того - шут так фут или парфут, разговаривает, ровно камешника в рот набрал. Он был паренек тихий и миролюбивый, а вот сестренка норовя задиристого и неуступчивого. Любому обидчику в школе могла запросто кулачком нос расквасить, а то и куда побольнее лягнуть. Изуверов на всякий случай начал осторожно пятиться и, чтобы ослабить напор назойливых ласк, додумался спросить Кнопку про брата. А то уж та на шее висла - не продохнешь, а грубо ее отпихнуть - вдруг себе дорожке выйдет. Своего спутника Верка спровадила, сделав ему выразительно ручкой; парень, презрительно хмыкнув, нехотя побрел прочь. Услышав про братца, Верка отпряну-

ла, измазанный помадой рот ее скривился, из глаз хлынули слезы, и громко всхлипывая, она опять зарылась лицом в грудь Изуверову:

- Погиб Васенька! В лесу на делянке и выпили-то с мужиками малость, а тут хозяин нагрнул. У Васьки последнее предупреждение, он за лесовоз и спрятался. А тот возьми, да сдайся назад - Васю к стволу дерева и припечатало... Много ли времени с того минуло, а уж все брата моего забыли. Ты помнишь... - Верка еще повсхлипывала, потом отлепилась от Изуверова, жала запястье его руки крепкими горячими пальцами и потянула за собой: - Пойдем ко мне!..

Сева почему-то ожидал, что Верка увлечет его в какой-нибудь бардачок, конуру с грязной посудой на столе и с промятой койкой с прожженным искрами от сигарет и закинутым несвежей простыней матрацем, но, переступив порог жилища, он без приглашения стал стаскивать с ног промокшие грязные ботинки. В доме было без затей, дорогой мебели и ковров, зато по-деревенски чисто и просто, даже бумажные иконки в шкафу за стеклом красовались. Верка укатилась за занавеску в другую комнату и через минутку вернулась, облаченная в просторный халат.

- Тебе тоже обсушиться надо. Но сначала - изнутри! - улыбнулась понимающе.

Мокрую рубаху, разгорячась после парочки пропущенных стакашков, Изуверов расстегнул, но тут же запахнул полы обратно, стесняясь выползающего из-под брючного ремня немалым бугром пуза. Верка же неотрывно пялила на Севу восхищенные влюбчивые глаза:

- Ты, Санечка, особенный еще с малолетства, в школе. Не такой, как все.

- А сами же меня дразнили мазилом и бумагомараньем! Проходу не давали!

- Завидовали! Ведь вон какие картинки ты рисовал! И просто так, и на всякие выставки. Ты теперь, наверное, у себя в городе великий художник!

- Есть немного, конечно... - уклончиво, скромно потупясь, промычал Изуверов.

- А тут живешь - как не живешь... Учетчицей в дорожной шараге работаю. Мужики, лапти мазутные, кобели проклятые, клеятся, а дома свой, постылый, дожидается. Опротивел, спасу нет! На рыбалку, лешего, унесло, пьянствует сволочь. Ты из другого мира, солнышко...

Гневные морщинки на веркином лбу разгладились, она опять заулыбалась Севе, маняще заоблизывала языком пересохшие губы.

- Вы там всякое, небось, рисуете... И баб тоже, - она замялась было, но задорно встряхнула своей копной кудряшек на голове. - Меня бы ты смог нарисовать?

Верка выпросталась из халата, он бесформенным кулем опал на пол, и тотчас стыдливо прикрылась ладошкой, потупя глазки. Изуверов, старательно корча скучающую мину профессионала и разглядывая пухленькое кургузое веркино тело, белеющее в полумраке комнаты, вспомнил еще одну обидную школьную кличку Верки - Овечьи ножки. Было затлевший уголок страстишки в Севе безнадежно потух, он еле сдержал себя, чтобы по-идиотски не расхохотаться. Тут что-то хлопнуло в сенях или на крыльце, заставило насторожиться. Верка подняла и накинула халат:

- Если муженек это мой благоверный возвратился и выступать начнет, так я его быстро с крыльца-то налажу! Бывало уже не раз. И не вякнет - на моей шее сидит.

Тревога оказалась напрасной: за дверью никого. Но Изуверов, увертываясь от нетерпеливых веркиных объятий, скользнул в темноту, в кусты возле крыльца.

- Я сейчас...

Он, стараясь ступать как можно неслышнее, удалился уже порядочно от веркиного дома, когда расслышал ее зовущий голос, поначалу тихий, но потом звучащий громче и громче.

- Санечка! Саня!..

«Вот баба! Ничего не боится!» - с невольным восхищением пробормотал Изуверов, из темного проулка выбегая на освещенную тусклым светом фонарей центральную улицу. Таких поклонниц ему еще не встречалось. Впрочем, и были ли они когда-нибудь? Но как все-таки это сладко!.. И нового поклонения опять возжаждала неизбалованная вниманием публички душа художника Изуверова!

На улице было по-прежнему пусто, хоть бы встретился кто, даже в окнах домов ни огонька. Сева с неутолимой жаждой общения побрел обратно от реки в гору, к автостанции, где бодро плясали какие-то разноцветные светлячки. Вблизи они оказались гирляндой из лампочек над зарешеченной витриной круглосуточного ларька. Рядом издавал мелодичные трели игровой автомат - зараза эта везде добралась; тут же возле серебристой «тойоты» топтались несколько парней с обритыми наголо башками, потягивая из банок пиво и то и дело подобострастно поглядывая на лупоглазого сухощавого, Изуверову под годы, мужичка. К «быкам» бы Сева еще подумал подойти, задал бы в целях самосохранения порядочного кругаля, но мужик этот, постоянно обшаривавший настороженным взглядом лягушачьих блестящих

глаз окрестность, привлек его внимание. Да он же из параллельного класса!.. Как его там звать?!

Память Севы предательски дала сбой насчет имени и фамилии, а паренька-то он вспомнил, так и встал тот перед глазами - в алом пионерском галстуке и с сияющим медным горном в руке на школьной линейке. Открытое лицо, аккуратно зачесанные назад русые волосы. Все знали, что у мальчишки дома кавардак, вечно под «мухой» родители, да и как не знать, если в ту пору на любую улицу приходилось всего по двое-трое пьяниц, а то и ни одного. Но парнишка с младых ногтей следил за собой, не позволял себе заявиться в школу мятым или рваным, лез во все общественные дела и учился, хоть и давалось учение туговато, - из кожи вон! Оболтусам его часто ставили в пример - погодите, вот вырастет, и будет из него толк: космонавт или общественный деятель!.. «Чего ж он тут, среди бандитов, делает? Если, конечно, это он...» Изуверов, уверяя себя, что только ради любопытства, решил пойти к мужику и, назвав его первым пришедшим на ум именем, осторожно протянул ему руку.

- Не ошибаешься? - мужик не торопился с ответным рукопожатием и холодным взглядом своих водянистых глаз обстоятельно ощупывал Севу с ног до головы. Память у него оказалась лучше: - Олег я... А ты Козлик, бедный художник?

То, что поименовали его забытой школьной кличкой, Изуверову не понравилось, но в окружении бритоголовых, поглядывающих на него насмешливо-презрительно и выжидающе, оставалось заискивающе заулыбаться.

- Может, дернем по пивку?! - отчаянно предложил Сева, нашаривая мелочь в кармане. Олег усмехнулся и открыл дверцу «тойоты»:

- Садись, угощаю!

Автомобиль резко взял с места и стремительно понесся под гору, к реке. Косясь на молчаливых угрюмых спутников, Изуверов окончательно струхнул, у моста через речку робко попросился выйти и причину нашел - дом родной еще не успел проведать.

- Сиди уж! - коротко бросил Олег, и Сева с тревожно затрепыхавшимся сердечком вжался в сиденье.

Впрочем все страхи были преждевременны. На другом берегу в свете фар выкурнула придорожная кафешка; внутри тесной забегаловки под ор магнитофона тусовалась кое-какая молодежка. Для вновь прибывших тотчас освободили столик, и не успел Сева толком примоститься за ним на железной табуретке напротив Олега, а уже на поверхности стола пышно запенилось пиво в стеклянных кружках, появилась добрая горка подобающей закуски: вяленая рыбка, соленые орешки и прочая хреновина. У Изуверова потекли ручьем голдные слюнки; Олег, лениво глотнув раз-другой пива из кружки и глядя насмешливо на поглощающего спешно яства Севу - у Верки-то не до того было, спросил:

- Малюешь все потихоньку, не забросил?.. Больно ты на попа похож. Уж не туда ли затесался?

Сева с набитым ртом, кивая, промычал что-то невнятное.

- Недосуг мне, - Олег, не допив кружку, встал и ушел.

Скучать одному Изуверову не пришлось: тут же подсели какие-то рожи и разомлевшему от выпивки и внимания Севе выложили все про нежданного спонсора. Что и он - «крутизна» местного масштаба, и не один магазинишко в городке имеет, и вообще всех и вся держит в своих крепких ручках несостоявшийся космонавт. Яства на столике моментально исчезли - Сева, успев обожраться, о дармовщинке не сожалел, растворились, прикрываясь завесой табачного дыма, и собеседники. Остался только напротив, на олеговом месте, парнек. Пуча восторженно лягушачьи глаза на Изуверова, он спросил, сильно заикаясь:

- Пра-правда, вы ба-атюшка?

Сева, пусть и раскис, да определил, что похожий на Олега парень - не того и не маленько: неподвижное, точно маска, личико, странный блеск в глазах. Но становилось опять скучно, за столик никто больше не лез, и Сева кивнул утвердительно - называй хоть горшком, лишь в печку не суй. На лицо паренька набежала счастливая блаженная улыбка; он перегнулся через столик и принялся целовать, смачно шлепая губами, изуверову руку. Сева поспешно отдернул свою «клевню» и, смущенный, заозирался. Только, похоже, никто на это не обратил внимания, немногочисленные посетители по-прежнему пили, закусывали и гадели. Но было и приятно, Изуверова даже взбодрила собственная, пусть и мнимая, значимость - дурчак преданно пялился ему в рот, словно норовя угадать и тотчас исполнить любое желание, говорил заискивающе:

- Ба-атюшка, вы у-устали? Не хотите отдохнуть в ти-иши, у камина? Для меня па-апа Ооля дом строит...

Соблазненный то ли обещанным камином, а пуще лестью: стоило пошевелиться, и паре-

нек, подскочив, предупредительно распахнул дверь на улицу, - Изуверов очутился опять в автомобиле, правда, много поплоче папиного. Паренек повел его рывками, виляя по дороге. Проскочив мостик и попетляв по берегу, он заехал в середину громадной лужи перед темным остовом новостройки; Изуверов различил слабый кольшущийся свет в большом, аркою, окне на нижнем этаже. Олегов отпрыск, не выключая фар, выскочил из кабины и зашлепал по воде:

- Тут мосточки, ба-атюшка! А тут ступеньки! - он бережно поддерживал Севу под руку; в темной пещере холла Изуверов и сам, будто слепец, вцепился в паренька.

Но вот отворилась дверь - и в глубине пустынной комнаты с высоким потолком приветливо затрепетало пламя костра. Всю мебель составлял стол с останками явно роскошной трапезы и несколько стульев. Паренек подвинул один из них поближе к камину.

- Приса-аживайтесь, ба-атюшка, грейтесь!

Изуверов, приободрившись на свету, величественно пошагал от порога: пусть и чужой почет, да все равно уважение! Незадача только: путь Севе преградил сладко дрыхнувший на подброшенной на полу фуфаечке в аккурат перед камином гражданин. Невзрачно одетый, со стриженной головой, немолодой, свернулся калачиком - наверняка сторож и хорош, нажрался, небось, хозяйских объедков. Изуверов небрежно потыкал его под бок носком ботинка: подвинься, дай дорожку! Внутри спящего словно взведенный механизм сработал. Мгновение - и уже мужичок сидел на корточках, встревожено хлупая глазами.

- Это ба-атюшка! - начал успокаивать его молодой хозяин.

Мужик, высохший, как скелетина, одежонка свободно болталась на нем, поднялся, сел за стол, по-прежнему хмуро и недоверчиво поглядывая щелками запльвших глаз на землицом сером лице. Изуверов все-таки узнал его - Васька Кроль! Даже в горле пересохло!..

Пока Сева благополучно заканчивал старшие классы в школе, ровесник Кроль успел отмотать срок на «малолетке». Потом по городку он бродил - пальцы веером, хулиганистая пацанва взира на него, как на героя, а «тихони», наслушавшись мамкиных страшилок, бежали от него прочь да дальше. Изуверов уезжал учиться в большой город, с ним же в одно время увозили после суда в «воронке» Кроля - опять кого-то в задницу ножиком пырнул...

- Выпейте за знакомство, за дружбу! - олегов наследник разлил водку по стаканам.

Не чокаясь, молча, все так же не отрывая от Севы холодного взгляда, Кроль нехотя, сквозь остатки гнилых зубов, выцедил угощение; Изуверов хлопнул залпом. Васька жестко усмехнулся, кивнул хозяину: налей еще! Сева, замороженно уставясь на сцепленные на столе руки Кроля с вытатуированными на пальцах перстнями, опять «хлопнул» стакан, отказаться не посмел.

Уркаган с хищной усмешкой качнулся, поплыл куда-то в сторону; у Севы первоначальный, из детства, испуг перед ним прошел, захотелось быть с Кролем на равных. Изуверов попытался «заботать по фене», сам не понимая смысла корявых похабных слов - но поскольку ныне они щедро сыпались со всех сторон и потому без труда соскальзывали с языка. Кроль, приторно корча изумленную харю, вроде внимал, потом вдруг мягким кошачьим прыжком шмыгнул к Севе:

- Какой ты к хрену батюшка! Матюг на матюг городишь! - он резко дернул Изуверова за ворот рубахи - пуговицы пулями отскочили. - И креста на тебе нет! Фуфлю гонишь, фраер!

Глаза Кроля недобро сузились, вовсе превратились в щелки; он, не выпуская из кулака закрученного в узел ворота изуверовской рубашки, другой рукой медленно подвинул к себе по столешнице кухонный ножик. Оцепеневшему Изуверову вспомнилась картинка из детства: широкий пень в школьном дворе, несколько первоклашек, обступивших его, на трухлявой поверхности пня извиваются толстые темно-бурые дождевые черви, и Васька полощет их бритвой на куски; на чистеньком личике мальчишки жестокое и одновременно любопытствующее выражение. Сейчас было оно и на землистой, сморщенной, как печеное яблоко, небритой харе старого уголовника.

Рядом залиvisto и истерично захохотал, хлопая себя ладонями по ляжкам и словно бы предвкушая удовольствие, юный хозяин. Это и привело Изуверова в себя, он рванулся, оставив ворот рубахи в кролевском кулаке; лезвие ножа, блеснув, прочертило по предплечью длинную розовую бороздку. Сева, сопровождаемый диким хохотом, выбежал из комнаты в темень холла, различил прямоугольник дверного проема, сунулся туда и со всего маху плюхнулся в лужу у подъезда. Расшибся об камешник на дне, но встал кое-как на карачки, чтобы не захлебнуться. Вот сейчас запрыгнет ему на спину Кроль и начнет полосовать изнеженное тело кухонным хлеботорезом! Вспомнился Изуверову тот, прошлым утром зажатый отморозками старичок в поликлинике, которому никто не посмел поспешить на помощь...

Неужели - все?! Молиться Сева не умел, ни одного слова молитв не знал, забежал иногда

в храм, из любопытства рот разинув, и потому выдавил из себя только просительно-горькое: «Помоги...» Яркий свет ослепил Изуверова, Сева, булькаясь в воде, пополз на него и услышал голос Олега:

- Чего его окучили-то?

- Он не ба-атюшка! - обиженным разочарованным голосом провякал сыночек в ответ папаше.

- Сам, что ли, вам сказал?

Олег кивнул водителю, и тот, ражий детина, выволок Изуверова за остатки рубахи из лужи, поставил перед «шефом».

- Делайте, что хотите, только не убивайте... - жалобно простонал трясущийся Сева.

- Кому ты нужен, кто ты есть? - хмыкнул Олег. - Иди, да больше нам не попадайся!

Детина увесисто хлопнул, подталкивая, Изуверова по шее, и Сева побрел прочь, выписывая нетвердыми шагами кривули по улочке.

- Эй! - окликнул его Олег. - Может, ты и на самом деле батюшка, тогда простишь нам грехи!..

Ноги сами приволокли Севу к дому Верки: забрезжил робко рассвет. Изуверов, поначалу неуверенно, а потом с силою и зло принялся бухать кулаком в дверь. Показалось: дрогнула занавеска в окне.

- Я это!.. Я... Вернулся! - обрадованно, с надеждой застучал Сева скрюченной пятерней себя в грудь и испуганно замолк, не узнавая собственного хриплого, словно придушенного, голоса. Он подождал еще какое-то время, с досадой пнул так и не открывшуюся дверь, чертыхаясь, поковылял дальше...

Оказывается, спяну он кружил по одному и тому же пятаку - не успел отойти от покосившегося забора веркиного дома, а уже опять рядом зачернели арки незастекленных окон новостройки местной «крутизны». На них чертыхнуться да шарахнуться прочь, и - всего каких-то полсотни шагов ступить - на речном берегу на пригорочке вот он, родительский дом или вернее то, что от него осталось! За хлипкой изгородью - кто-то из дальней родни не запускал огород - виднелась крыша с дырой вместо печной трубы; домишко по самые подоконники ушел в землю, словно обидчиво набычил пустые провалы окошек на покинувших его хозяев. Им еще интересовались, находились желающие его купить; разузнав городской адрес Изуверова, они посылали письма с предложениями, но практичная супружница выжидала, набивая цену, а Севе было как-то все равно.

Теперь он с опаскою, согнувшись в три погибели, лез в окно, хотя бояться, что придавит, нечего - потолок давно обвалился, концы толстенных плах-потолочин торчали там и тут из-под земляной насыпи. Со стен свисала большими лоскутами обивка со слоями обоев. Изуверов, все так же ползком, нашел ощупью сухое место и затих, ощутив за старыми стенами защиту. Вжимаясь в землю, он хныкал, поначалу жалобно, по-щенячьи, скулил; потом обида стала перетекать в ярость. Сева подполз к оконному проему, приподнялся и увидел возвышающийся неподалеку особняк Олега. «Гады, сволочи, куркули! - он погрозил перемазанным в земле кулаком. - Ну, ничего, вы сейчас набегаетесь без порток!» И внезапно пришедшей мысли страшно обрадовался, даже еще толком не успев осознать ее...

Зажигалка в заднем кармане брюк была на месте, стоило разок чиркнуть, и тут же она выбросила острое жало огонька. Клок отсыревших обоев долго не загорался, тлел, наконец робкое пламя нашло пласт сухой бумаги и зазмеилось по стене. Сева, надышавшись чаду и отплеываясь, выбрался из избы и потрусил вниз по берегу, к речной пойме в ивовые кусты. «Напляшится еще! Попомните меня!»

Был тот утренний час, когда, суля ясный день, только-только поднималось солнце, задорно пересвистывались птахи, народ еще спал самым безмятежным сном. С противоположного берега вдруг донесся мелодичный звук - с шатра колокольни церкви на горушке, где на погосте под старыми деревьями покоились отец и мать, два старших брата Изуверова. «Туда надо было сразу сходить, проведать... - встрепенулось болезненно и горько у Севы в груди, отодвигая озлобление и удушье обиды. - Трава там у них, в оградке, наверно, не ниже, чем здесь. Сто лет не бывал!»

В непримятой луговине речной поймы он вымок до пояса, неосторожно задетый ивовый куст окатил его, освежая, щедрой росой. Переливчатый радостный звон к заутрени оборвался, и тяжело, грузно ударил тревожный набат. Изуверов оглянулся назад, на домики городка; на мгновение привиделись ему лица: сумрачно-хмурое - отца и испуганное, доброе - матери: «Сынок, что ж ты вытворил-то...»

Пламя в считанные минуты опряло стены и крышу дома; Сева, давась криком, бросился к нему, пылающему одинокой громадной поминальной свечей.

Валерий АРХИПОВ

ИЗБУШКА

Сцены-стихи в шести главах

1

Жил-был колдун, одни его боялись, другие били, прочие смеялись,
Он всем судьбу предсказывал свою, кому-то оставаться на краю,
Кому-то по этапу отправляться, а дурочке - ей целый век смеяться,
Остаться старой девой, не болеть, жить-поживать, а попросту, смердеть.
Чиновнику одеться в белый саван, приказчику испить вино с отравой,
Почтмейстеру быть битому женой. Лишь у меня сегодня выходной,
И минет меня жесткая расплата, но вспомнил я, что было тут когда-то
Виденье в белом через сто дорог, на месте этом вырос бугорок -
Могильный холм. Потом могила вскрылась, на божий свет селение явилось,
Белели хаты, рдели терема.

2

Украл коня у пьяного цыгана, я поскакал, не уменьшая шаг,
Хотелось видеть город безымянный, вина попить и поплясать гопак.
Зашел в избу, что на краю села, но скрипнула в передней половица,
Мне чудится все это или снится, здесь будто смерть страдала, но жила!
Широкий стол и четверо в шинелях, пробитый пулей дышит котелок.
«Мы тридцать лет картошечки не ели, - сказал старшой, - садись и ты, браток».
А страх вселился, не сказать словами, я шапку снял и молча им кивнул,
Но вот один с кровавыми губами мне ненавистью душу развернул:
«Я даже не успел сказать «ура!» Снарядов нет... А впереди война!
Слюною брызгал и кричал «под танки!» какой-то недобитый коновал.
Пропитанные кровию портянки я скинул и к лесочку побежал...
А гул стоял! Дышала дымом осень, земля спеклась от наших страшных дел».
Сержант, весь белый, гладкий и безносый, на ходики старинные глядел.
«Средь вас поэт имеется, солдаты?» - спросил их я. Блестели автоматы.
Тревога затаилась не во мне, а в дереве, в солдатской кобуре.

3

«Здесь каждый третий Пушкин поневоле, чтоб чаще славить воинскую честь,
С горящими глазами сеять месть и умереть не в лагере, на воле,
Где снег блестит, где пахнет вдохновеньем», - все говорил высокий и прямой,
Среди бойцов как будто бы чужой, профессор, в бой ушедший с ополченьем.
«Мозги мои, опутанные ложью и ставшие пристанищем червей,
Уже не будут вечности сильней, - сказал, и замер, и воскликнул с дрожью
Вчерашний школьник, а теперь герой: «Ах, что вы, суки, сделали со мной!
Ведь я не долюбил! И разве можно меня со всеми вами здесь равнять.
Меня еще по свету рыщет мать с глазами, зло таящими тревожно!»
«А я хотел бы убежать домой, но дома нет, лишь только сны в овраге, -
Сказал последний с кожей из бумаги и обреченно пролитой душой
На угли зла из дантовского ада. - Ах, как нас всех страшила канонада!
А девочка кричала мне: «Не надо! Не умирай! Побудь еще, стерпи»...
Но с медсестричкой нам не по пути. Сюиту разложения и распада
Сыграют те, что дышат взаперти, костями удобряют корни сада,
А что еще там дальше впереди?» «Постой, болезный, погоди, не надо.
Дай дух нам всем сейчас перевести», - за плечи взяв того, кто закричал,
Сказал старшой и усадил на место, на черное от всех печалей кресло,
Последнего, что дольше всех молчал, а может быть, он истину познал,
Сигналы посылая в сад небесный. Ведь он, последний, даже не стрелял.

4

Но кажется, что становлюсь глухой к чужим обетам боли и признаниям.
То призрак старшины, то призрак знания пожаром полыхали надо мной.
То вдруг молитва: «Господи, спаси!» «Живите с миром, мы б еще пожили!»
«Меня свои когда-то замочили, так пить хотел, хоть на стену ползи!»
Вот темень, мрак, и не видать ни зги, кругом вода сивашная, гнилая,
А медсестра, сестричка фронтовая, ты губы нецелованы не жги!
Глаза б закрыть, как спали на войне, и до конца бы век не просыпаться!
Зашейте дырку у меня в спине, сил нет терпеть. Вы пожалейте, братцы!
О, как болит!» «А как же там Россия? Стоит еще?» Я отвечал: «Стоит».

5

Как быть и как преодолеть себя, ведь смерть нема, хоть зубы и стучали.
Они не знали - к радости ль, к печали, их разбудил кудесник бытия.
Но пробудившись, двинулись за мной - обиды и напасти, страх и зависть,
И жен, и мам невидимая боль, а что-то там внутри еще осталось,
Кому-то смех, кому-то в раны соль.

6

Ну, впредь тебе, бездомному, наука. Ты прикоснулся к смерти, вот ведь штука,
А мне так захотелось вдруг любви. Печальная избушка пахла тленом,
Любить и петь казалось мне изменой. Дождусь конца. Оборвалось внутри.
Хочу на свет. Да только свету нету. Есть блики тьмы, а в них - как падал я,
Объятый страхом, отступил скользя и в медный таз ступил с водой кровавой.
Весь в паутине, первый от меня кричал стихи и харкал кровью алой,
И радовались крови силы зла, постичь желая жизни смысл туманный.
Пей, кровопийца, воду из ушей! Иди сюда, и сотни упырей
Помогут нам схватить тебя за горло! А младшенький с опухшим животом
Вниз посмотрел воинственно и гордо. Наташенька! Натаха, дрянь такая,
Почти невеста, ягодка лесная, на что польстилась, пьяный патефон,
Пустая болтовня и блуд на речке, ну, а со мною кроткою овечкой
Прикинулась, не выжать в сердце стон. А было б легче или пулю сразу
К виску, и шипром пахнувшая плоть через полсуток стала бы заразой
Смердящею. Полсуток - и любовь, полшага - и окоп,
Полвечности - и стон над степью спящей, и холодов иезуитский плен,
И теплота непознанных колен, предсмертные стихи непониманья,
И вечный стон, и вечный долгий бой меж страхом смерти, мирозерцаньем
И человеком, что пойдет со мной... И чей-то взгляд тишайший содроганья,
Мятущиеся мысли в головах, теряющихся в ауре сознания.
Но только б не услышали ищейки и не загнали в обморочный страх,
Удел рабов родной узкоколейки. Ведь жизнь не мусор, что гниет в углу,
А божий дар! Да скоро ли умру? Ах, только бы не слушать,
А просто в иступленьи повторять: «Спасите наши проклятые души!»
И с чьих-то плеч спадали струпья зла в подгальи снег, что спал в заветной хате.
«А вы! Что, заскучали по лопате?» - раздался голос сбоку от меня.
То был колдун, смеялся он и плакал, и, прославляя мудрость бытия,
Он руку подал мне и спас меня, и вскоре все виденье стало мраком.

ВРЕМЯ ДУЭЛЕЙ

Ребенок, пришедший в дождь

На черном бархате коричневая шаль.
Зеленый плед окутывает ноги.
Вокруг стоит изменчивый хрусталь,
Вокруг следы запутанной дороги.

Ах, это просто жуткий лабиринт,
Слепые пни и пьяная охота,
И катится невыплаканный бинт
Моей дороги, моего болота.

А где-то бьется одиноко сын...
Кидай камня, тьму разбей седую.
Ты у меня сегодня господин,
Я сон твой незаметный зарисую.

И среди набросков, вылетевших рам,
Среди хламья, исконной коловерти
Придут плясать - на счастье ли? на срам? -
Мои друзья - непуганые черти...

На черном бархате кричаще бьется нить -
Не белая, но все-таки живая,
Но красной краской хлещут мысли мстить,
А вот кому, я сам не понимаю.

А что мой мозг устал вгрызаться в суть
Чужих страстей, расплывчатый осколок...
Зеленый плед и крохотный твой путь,
Подранок мой, пришедший в дождь ребенок...

Не случайна минута, когда будешь доброй и слабой,
К своему королю ты отыщешь тропинку у гроба
И предстанешь такой же, как все, захлебнувшейся в сумраке бабой,
И в последнем прощании в профиль мы стиснуты оба.

Вереницею судеб колонны, колонны, колонны...
Эшафотова смерть... Видно, все-таки ты виновата.
Я приду пьяным бардом - по счету уже миллионный,
И что скажет мне червь, перебитый садовой лопатой?

Ну, а он рассказал бы, оборванный, нищий, он знает:
Не минует и нас пресловутая эта забота.
Горсть земли напоследок вам в душу летит, согревает.
Ну, а дальше - покой, он для мертвых все та же работа.

Дрожит листок, исписанный тобой. Читаю, невозможно в это верить.
Ты написала, что живешь лишь мной, но лишь сейчас ты выпустила зверя.

Признание - это падающий свет на очи ослепленного монаха.
Признание - это каменный скелет из вечной подворотни вертопраха.

Признание - это тоненький кусок пирожного из лести и обмана,
Когда суфлер дает последний вздох безумному любителю романов.

И после нудных биток и вранья наступит одиозное похмелье,
И канет в Лету, прошлое храня, с души твоей слетевший Понедельник.

Военная музыка

Военная музыка павших пажей: сорвали кулиски, сорвем аксельбанты.
Мы все Пенелопы любимые фанты заставим играть под бряцанье ножей.
Зачем одинокая бродишь в ночи, сжигаешь костюмы свои и уборы.
Глазастые девочки - дивные воры, ты их обделенной любви научи.

Но гаснет свеча под покровом любви, дежурный скрипач провожает в дорогу.
Невеста наряжена, рвется к порогу, а свадьба - как плач по спасенной крови.
И смолкнет труба. Ей пора на покой. Погост разохотился, съехались гости,
Поэтов блудливых избитые кости лежат отрешенно в полуденный зной.

И дерзкой забавы чужое лицо, несчастные девочки, вальс и рулетка...
Стреляйте же, шурин, но только чтоб метко, чтоб грудь опалило горячим свинцом.
Военная музыка, все на парад. Любовницы ждут темноты обручальной.
Прислушайтесь: Моцарт играет печальный на маленькой флейте любви и утрат.

Жизнь, дай прожить хотя бы этот год, коснуться губ, как вишенки похмельных,
По парку, вниз к реке, на эшафот, где в шутовском облики растленье.
Оно удобрит землю без меня, а мне хоть год, а может, два - ведь малость.

Секунды восхитительного дня идут-бегут. В них женщина осталась,
Моя любовь - бубенчик красоты. Журчит ручей, отравленный подонком.
К ногам его величества цветы несущим неугомонно, негромко.

Считаю сны, считаю голоса. Вот там отец, Хозяин, дверь седьмая.
И ложная тревога - стрекоза, и злой рубец на сердце, убивая,
Все ж не окончит. Походя глаза ведите на последнюю страницу.

Там будут чудодейны небылицы, там будет жизнь, как вечная страда.
И я, страдающая, буду пить до дна... Коснуться губ, как вишенки похмельных,
И можно умирать. Она одна с фатою черной, с пеленою в сердце.

Играет перламутровое скерцо невидимый оркестр на образа,
И душная ленивая гроза неловко поменяет вдруг обличье
И превратится в коробочек спичек, которые поджечь никак нельзя,

Иначе я сгорю, сойдя с ума, а мне хотя б голоток еще досталось!
Картонный дом, гульба или чума, невыпитой любви степной усталость.

Черемуха уже не расцветет, а так хотелось мне про это вскрикнуть,
Что дух зашелся, просится в полет мой новый стих, чтоб в проводах поникнуть.

Я знаю, ведь ему не долететь и не дойти, он хром, смешлив и гадок.
Ему нужна свеча, чтобы гореть, чтоб, зубы стиснув, выдержать припадок.

Подняться и, окончив свой уют, удариться о запертые двери,
И так же, как меня, его найдут на бледной от печали полусфере.

Песня

Пусть неясный холодок под рубахой тает,
Слезы прошлые свои рукавом сотру.
Не будите, я прошу, вы калеку-память,
Ведь я прошлое свое на себе несусь.

Где сафьянный сапожок в дом моей любимой?
Улетел и скрылся в ночь - там его лови.
Ты сказала мне: «Прощай, я тебя любила,
Но за каменной стеной дохнут соловьи».

Заберу свои дары, чтоб тебя прославить.
Соберу котомку я: соль да пироги.
Разбужу в заплатках всю я калеку-память,
Ведь никто не подойдет, не подаст руки.

Жизнь

Хромою уточкой оттаивает жизнь. Молюсь поспешно, фюрер бесноватый,
И кажется, что стукнула лопата по прошлым плачам, через вопли тризн.
Не отводи недетское лицо, в губах застыла тонкая улыбка.
Все рушится, все тленно так и зыбко. Вертись, вертись, земное колесо.

А может быть, приду сюда чужим, и женщина не напоит с порога,
Ребенок не покажется своим, и тяжким сном покажется дорога.
И тот, кому не подал я на чай, мне в спину смерть напустит невзначай.
Приди ко мне, святая недотрога, с тобой хочу я путь свой скоротать.

А разве ты не будущая мать с застывшим пеплом на тугих ресницах?
Мне показалось, у прохожих в лицах какая-то ступила благодать.
Пойду в хибару черную мою, где можно потихоньку помолиться.
Но чу... Ты на пороге в рукавицах разодранных мне говоришь: люблю!

И я прервусь и молча подойду, тебя по волосам льняным поглажу,
С собой уже, наверное, не слажу, не отторгну, а просто припаду
К вискам ручным, к глазам ее бедовым, себя храня за свой анахронизм,
За все за то, что стало ясным, новым, хромою уточкой оттаивает жизнь.

Не проходи, не обнаружив зла. Оно таится где-нибудь в прихожей.
Я чувствую: вон тот с румяной кожей тебе немного недодал тепла.
Ты отстранись, присядь, забудь на миг стихи, вино и псовую охоту,

Приди на мой невырвавшийся крик, ведь я, как неудавшийся старик,
Как рядовой из в ночь сгоревшей роты, как тамбурин, чтоб превозмочь зевоту,
Жонглирует бессмертием твоим, так я, превозмогая страх животный,

Горжусь, что стал бессовестно ручным и ползающим в муках благородства,
А ты не пей из вон того колодца, ведь там бессмертье: что я перед ним.
Мои стихи: святое покрывало добра и зла, доверчивости, лжи.

Ты помнишь, как кукушка куковала, травинкой-песней руки мне свяжи
И успокой во имя тех поэтов, что не вернулись в поздний час домой,
А если хочешь, снова песню спой, в стихи, как в солнце юное, одета.

И будет полон этот дивный зал, смешенье чувств, видений и безумства,
И не поймешь - где подлинно искусство, а где кликуш воинственный оскал
Плетьми по нервам разрывает душу. А я так неожиданно устал,

С природой слиться, как хромой послушник вдыхает ртом могильный шорох скал.
Присядь и ты и чуточку послушай. Природа нам дарует мадригал.
Но наш пейзаж был ограничен полем, сапожек хруст под мятою травой.

Там церковь, пруд, там столько юной воли, там было все предсказано тобой.
И кто же там твой светлый сон покрал, он в осень впал, чисты его сомненья,
И там, где расплескался краснотал, взойдут ростки твоих стихотворений.

Обращение к истории

Уж год прошел, и снова эта пятница и роковая в жизни полоса.
Я отдал все за шелковое платъице и за немного серые глаза.

Она такая крашено-кудрявая и по-собачьи преданно глядит.
Вот так и улыбаюсь, мелко плавая, а душу что-то рани и саднит.

А в скопище поэтов и мечтателей, где каждый сам себе Аристофан,
Пробьется из среды гробокопателей какой-то необмытый арестант.

Читать начну, и слезы низко капают, читатели уже приходят в раж.
А критики статейки звонко стряпают, что я певец помоек и параш.

В тридцатые я не писал про Сталина, стахановцев не взвел на пьедестал.
А я пришел на кладбище печальное, знакомые все лица увидал.

Лежали все: герой ты или праведник, отказник или просто дуболом.
Уходят в вечность то партийный ставленник, то клязунник с клеенчатым столом.

А что осталось: в лжи купались книги, коней купали, брали в лагеря,
Плелись такие жуткие интриги, аэропланы перли за моря.

Росли и мы. В детсадиловском хоре, как лагере перемещенных лиц,
Наевшиеся той военной боли. Хотели жить, а значит, падать ниц

При фараоне или дураке, но только со странною наравне.
В доме напротив плелись интриги. Диссиденты зашевелились.
Только что минул партийный съезд. Салют товарищу Сталину и КПСС!

Опять СС?! Опахнуло кровью! Тысячи трупов на Кольме.
Поэт - галстук с бабочкой, все с любовью. А кто-то баланду хлебает в тюрьме.

А может, все сон дурной и нудный? Давится щами последний Иуда.

Снова поем мы песни хором про добровольцев на целине.
Угрозы, допросы, шантаж, наговоры! В харю двинули? Только не мне!

Не лей помои в сталинский ряд! Там, где герои гражданской сидят.
Все, как один, они сыты и злы. Сам Ворошилов сидит впереди.
Сын мой, теперь ты не бойся его. В бронзе он выкован и ничего.

Много осталось слов про запас. Старой гвардии кончился срок.
Девочка, я приглашаю на вальс. В сущности, очень я одинок.

Будто военный в шинели битой, Переступаю знакомый порог,
Там, где звонок от тоски разбитый. Руки сомкну - никуда не выбежишь,

Не выходи за черту - там гибель. Пусть он останется, Сад Нескушный,
Пусть его позабавит ливень. Тридцать проклятый, семьдесят душный.
Стекла в истории моей выбей.

Студент жевал калач московский, а где-то сани запрягали,
Шинельный шелест тускло-жесткий смешался скорбью над главами.

Стояла женщина понуро, усталый взгляд уже не пряча,
И было стыло, скучно, хмуро, но ни знамения, ни плача

Не чуял век. И исподлобья читая свежую газету,
Бранился барин, что не стало еще какого-то поэта.

Как все неожиданно это было. Глаза его покрыла мгла.
Россия Пушкина любила, но все-таки не берегла.

Студент жевал калач московский, и изо рта летели крошки,
Он торопился сесть на дрожки - туда, туда, где он лежал,

Увидеть завитые баки. А где-то лаяли собаки.
Москва скорбила, но жила. Наташа глаз не отводила,

И у нее в глазах застыли и площадь, и колокола,
И монумент нерукотворный, и жезл великого Петра.

Студент спешил засесть на дрожки, и всем пиитам на дорожку
Готов был чарку поднести, чтоб помянуть, произнести

Последнюю и роковую клятву. «Аллилуйя!» -
Кричал в неистовстве монах, и траур растворился в снах

Его друзей, его любимых, его врагов, ему постылых.
И вседержителя взял страх, пригрезилось, босой ребенок

Штыком солдатским был заколот, а дальше, дальше тишина.
Студент жевал калача московский и ждал, что вот придет весна.

С кого спросить

С кого спросить за эту ложь, за этот стыд, за эти муки,
За то, что ты роняла брошь на коврик вечности-разлуки.

Но только душу не тревожь, хотя твои иззябли руки,
Ведь уронила, ну, и что ж, зато ты долго проживешь,
Ну, а помрешь от черной скуки.

С кого спросить за стылый кров, что не горит огонь в камине,
Что мать опять пугает зов отца, погибшего в Брелине.

Колыбельная

Спите себе, детки. Все равно какюк.
Падает ведрко из замерзших рук.
Доброе и злое у судьбы лицо.
Пейте на здоровье красное винцо.

Спите себе детки, все равно война.
Убежать бы в поле, да стоит стена.
То ли это бойня, то ли лазарет,
То ли добрый ангел кличет на обед.

Вы не бойтесь. Розы не для вас сорвут.
Вы не бойтесь. Слезы рукавом сотрут.
Вы любите, черти, девочек и вдов,
Ведь до самой смерти восемь долгих снов.
Спите себе, детки...

Трамвайное одиночество

Отчего ж я, брошенный в трамвае, маленький, и жалкий, и смешной,
Парою московскою в угаре сотворен с истерзанной душой.

Я гляжу на мир и плачу, плачу, и ручонки тянутся ко всем.
Женщина, красивая, как дача, где я жил, возьми меня совсем.

Женщина, как тортик изумрудный, тронула мой посиневший лоб
И сказала: это очень трудно - жить, не понимая добрых слов.

Ничего. Я мальчик безутешный, мне не надо шума и вранья.
Видно, я родился в час кромешный, в час, когда забыли про меня.

Дайте же мне ласки и заботы вы, священник добрый и седой,
Вы, солдат из безымянной роты, вы, девица с крашеной губой,

Вы, старушка дряхлая, как фея, вы, юнец с пацанкою в дверях.
Я гляжу на вас и молодею, а ведь я и так из малых птах.

А ведь я - младенец белокурый, только что оставленный навек,
Маленький, застенчивый и юный, брошенный на землю человек.

Я скитанья оставил, пришел налегке, где же голову мне приклонить?
Мой ангел-хранитель в моем котелке просил меня говорить.
И я говорил о себе самом, о женщинах, что любил.
Кто-то меня прозвал дураком, а кто-то нещадно бил.

И выросла скоро вокруг толпа, росла она и росла.
И кто-то увидел во мне попа, а кто-то исчадье зла.
Но никто не заметил, как я устал, как с дороги ослаб,
Хоть было немало среди тех, кто зевал, в пестрых платочках баб.

И вот с колокольцем на шее дурак выскочил из толпы.
Он подал мне, как священный знак, сорванные цветы.
Сказал мне: «Попробуй ромашковый сок с капельками дождя.
А это лютик - святой цветок, такой же, как ты и я».

«Кто же ты добрый такой, скажи?! Среди невежд и невеж».
«Я ведь как ты, я тоже поэт. Ты отдохни, поешь».

Плюнул я истории в глаза, покатились мамкина слеза.
Наступил на череп я и кости, целый год никто не ходит в гости.

Ты прости за этот дикий бред, жизнь уйдет, и все же кто-то скажет:
«На Руси был и такой поэт». Подойдет и снимет шапку даже.

Александр ДУБИНИН

Дома

Ветер покуда южный. Снег залепил окно.
Холодно и недужно. Все хорошо. Темно.

Даже не надо света. Так посижу. Усну.
Кончилось мое лето. Кончилось. Не верну.

Мысли домой вернуться: к вечности дня,
Ветром в жилие ворвутся... Да не застанут меня.

Порыв

Жизнь прожита без предисловий. Теперь не счесть уже потерь.
Без предварительных условий в ничто распахнутая дверь.

И неземное опажнуло, как нерастопленная печь.
Все двери, окна распахнуло, и не согреться, не прилечь.

Во мглу житейской преисподней, не проклиная жребий свой,
Я вас впустил, живые корни, и напоил живой водой.

Недаром лопнула пружина и зазвенела, отпустив.
Видать, не выдержала жила нечеловеческий порыв.

Время рассудит иначе. Прошлым убьет наповал.
Странная конница скачет. Щит, как живой, заблистал.

Травы, могильные травы. Щедрая эта земля.
Ветер возвышенной славы. Ржавая в сердце стрела.

Все, чем в молодости бредил, совершается сейчас.
Край безоблачен и беден. Хрупок вечности каркас.

Жизни верил беззаветно. Вечно мыслил в окоем,
Обретая смысл и место в ослепительно живом.

Я еще намолчусь, рассыпаясь во прах.
Все противнее грусть. Отвратительней - страх.

Все родней бытие, неумелей полет.
Все однажды - мое, что нас ждет и не ждет.

И, наверно, не стать мне счастливей, чем был.
Рано утром не встал. Умер ночью. Остыл.

Август

Сестре Ирине

Поблекли травы. Даль уснула, волнистым кружевом прикрыв
Невесту знойную июля, ее безудержный порыв.

С утра над полем тучи виснут. Так без дождя на целый день.
Покоем мудрым землю стиснув, бросают сдержанную тень.

Твоя пора, пора глухая! Когда-нибудь уйдешь и ты,
Совсем как будто не страдая, или страданье скрыв в груди.

За полночь

Не спится больше. Глух и нем. Так за полночь, лишенная опоры,
Висит луна, обрыдло видеть всем высоких облаков прозрачные узоры...

За наволочью туч - обширные луга, там, кажется, мог каждый поселиться;
Вчерашних облачков растаяла шуга, и тьма, как полог, шевелится.

И видишь: только тусклый блеск стекла и в темноте разбухшие растения.
Усталость забытием обволокла, и вечностью становятся мгновенья.

Раздолье

Как лоскутное одеяло, поле. Осень. Сухо. Пустеет сад.
Георгины и астры в школе. Дома тихо. Я этому рад.

Для души не всегда раздолье. Это роскошь - спокойная грусть.
Чашка чая - мое застолье. А потом за дела возьмусь!

Дом 1986 года

Выврваны окна и двери, тащится грязь со двора.
Пьяные люди, как звери, здесь веселились вчера.
Изредка снег залетает, ветер с разгона - в окно,
Перегородку шатает, и в коридоре темно.

Вьюга, врывайся смелее! Что-нибудь вместе споем.
Добрые будут сильнее. Крепко стоят на своем.
Здравствуйте, белые тучи, белые тучи весны!
Ветер ночной и могучий, дай нам новые сны!

Дай небывалую стужу, дай испытание нам!
Выгони робких наружу. Кто там торчит по углам?
В серые стены квартала ветер без удержу бьет.
Площадь просторнее стала. Ниже, видней горизонт.

Протокол

Стыдно. Не по себе. Памяти приступ.
Черт завывает в трубе. Выгляну. Мглисто.
Ветер - соперник лютой - ищет опору:
«Поздно. Пусти на постой». Утром - сугроб у забора.

Как тут проснешься. Беда. Хватишься у калитки:
Прет на задах лебеда... «Ишь, обобрали до нитки!»
Видишь - пришли за тобой. Ветер. Судьба и мальчонка
Медной играет скобой, метит удрать на задворки.

«Мальчик, а что же потом, что записать в протоколе?»
«Свет обернулся медным кольцом, я его выбросил в поле».

Судьба свела нас - виноватых - в одну недобрую семью.
Как близко дышит враг заклятый. Его в себе я узнаю.
Во взгляде - горечь поражения и застарелая тоска.
Очнусь. Качнется отраженье. И защищается рука.

Я убежал в поля. Там ветер качает голые кусты.
Мой враг мне имя обессмертит. Мне б только душу обрести!

И воронье в порывах ветра, как пепел старого костра.
И если в мире нет бессмертья - над нами смертная заря.

Я собрал свою волю в кулак и сказал: «Это будет не так».
Я не верю в грядущего дни. Я поверю... А будут они?
О, незримые нити судьбы, мои прадеды были рабы!
Ухожу. Остывает на окнах закат. Ты всех ближе, дай руку мне, брат.
Эту ночь мы накликали сами, хватит жить безысходными снами!

О любви. Я еще не любил, твое нежное имя забыл.
В человеческой вечной гордыне отрекусь, позабуду о сыне.
Испытую. О, времени власть, не спешу на колени упасть!
Я пройду, и замрут кривотолки. Я умру, и воскреснут потомки.
Засмеюсь тебе прямо в лицо, мое небо налито свинцом.
Не видать настоящего счастья, не хочу ни любви, ни участия.
В этом мире лица не открыл, этим самым тебя пощадил.
На свинцовой отметине века разглядел я лицо человека.
Я-то знаю, не быть посему в человеческом добром дому.

Пути-дороги разошлись на людном перекрестке.
«Брат...» Помолчали. Обнялись. Судьбы вчерашней отголоски.
Прощальных мыслей кавардак железно вывел в поле,
И человек - сей гордый знак - стоит один на воле.

В кювете трактора скелет ржавеет одиноко,
И ни травинки в поле нет. Звезда взошла высоко.
И стало дико одному стоять в начале поля.
Звезда последняя - кому? Кому вот эта воля?

Дай быть!

Я тот и есть: из прошлого, из небытия;
Все потерявший: жизнь, подругу, честь.
Но только вдруг я оказался здесь,
Как будто бы бессмертен в самом деле я.
Я сбросил с плеч лохмотья дней-надежд,
За долгий срок скопившихся червей
Соскреб я с тела поскорей
И жду, боюсь нарушить сон тоскливых вежд.
Я не бужу напрасных вновь надежд,
Но если все-таки открою прежний мир,
Порядков прежних и вещей,
И словно бы разгневанных людей, -
Спрошу себя: «Ты этого хотел? Ты постигал допреж
Загадку эту смутных дней?»
Смотри ж! И обращайся, сколько хочешь,
И к небесам, и к людям, и к вещам;
Исследуй, трепещи; касайся женщин, хлопочи
И привыкай, Бессмертный, к старым щам.
Наевшись до отвала, говори:
«Все это так, но смертно все живое,
А хочешь жить и жить...»
Нахальствуй, изрыгай и очень точно подмечай:
«А человеком ведь неплохо быть!»
Я все тебе прощаю, тождество мое,
Но дай мне быть, пошли такую весть:
Все человечество, какое оно есть,
Простит ли мне убожество твое?!

Людмила ЛОМЖЕВА

Приходил ты однажды вечером. Мы ходили в кино втроем.
Позвала я подружку беспечную, чтоб не быть весь вечер вдвоем.

И еще ты нанес визит, посидел и простился вежливо.
Нам любовь с тобой не грозит, а приятели мы по-прежнему.

Я кому-то другому отдам и мечты, и любовь, и судьбу мою.
Лишь бы он догадался сам, ведь признаться я и не подумаю.

Ах, эти объятия - как будто проклятья прошедшей любви.
И эти восходы - как будто невзгоды твои и мои.

Ах, эти рассветы, молчание, где ты, вдали от меня.
И эти закаты - пунцовые даты бывшего огня.

И новые встречи - кончается вечер, вода холодна.
И руки чужие ложатся на плечи - слеза солена.

Мимолетнейшее чудо - ускользящая нежность
От легчайших дуновений рассыпается, как прах.
Вспоминать ее не буду, но - оставь свои надежды -
Я в прошедших откровеньях вновь блуждаю, как впотьмах.

Все прекрасно понимаю, вас ни в чем не обвиняю,
Все, что было, вам прощаю и назад вас не зову.
Только я опять, как прежде, вам, прошедшему, внимаю
И опять за вами следом белым облаком плыву.

Было

Я так любила строить воздушные замки.
С каким искусством возводила я их на зыбком песке своих фантазий!
Как тщательно я украшала их своими выдумками!
Как упивалась я своими мечтами!
Как счастлива была я своими ожиданиями!
Как стремительно росли мои надежды!

Но как быстро рушились мои воздушные замки!
Как легко превращались они в зыбкий песок!
Как трудно было мне поверить в то, что город, построенный мною,
Исчез, как исчезают все миражи!
Как плакала я над грудями развалин!
Как верила в то, что чудо повторится!
Как я ждала тебя!
Об этом знаю только я.

Алексей НИКОЛАЕВ

ПИР

Книга первая
В ПОИСКАХ ГЕРОЯ

ЦАРЬ ИВАН

Исторический эпос

Свиток I. ОБИДА

Накипь — на котле, на душе — истома.
Слуг из кельи вон самодержец высла.
Жаловаться стал, очи в очи. Молвил
Слово кипучее:

«Вот, се, Вассиан, яз терплю от них же,
В тронном ореоле детей Иуды.
Гибели моей, кадыки вздымая,
Алчут, проклятые.

Тлится лжою царство, что ржой. В холопех
Ни Христос, ни царь не помянут. Тянут
За корысть. Во всем умаленье стало
Дел за делишками.

Знаешь, старче, сам, что по трех остался
Лет я по отце и восьми по смерти
Матери. О мне небрегли родные
О молодешеньком.

Сильные мои обо мне, бояре,
Не радели все. Самовластны были.
Я же, мнили, глух, слов в устах не имый
Гневных, беспомощный.

Коршуны и враны. Казну расхитив,
Жалованье-де то служилым людям,
На себя ковали сосуды златы.
Златы да серебряны.

Царство по дворам растащить потщились.
На мздоимных блюдах поначертали
Предков имена. Полюбуйся, людье,
Се, мол, наследие.

Вида, что неправд не исправить в царстве
Прежде моего совершеннолетия,
Все-таки на месть покушаться стал я
Ране врагам моим.

Ибо в пустоте небреженья вырос.
Сызмальства навек злобе. Уподобясь
Недругам своим, христиан в потеху
Мучил насилием.

Позже страх поял с умилением в сердце.
С трепетом костей и смиренным духом
К богу я прибег. И господь услышал
Исповедание.

Бысть собор. Аз вины бояр исчислил.
Все меж них молил, сребролюбцев, тяжбы
Господу отдать, наибольших кроме.
Так начал царствовать.

Бог привел нам к руце Казань. Но взял ми
Огненный недуг за грехи искупом.
Ангелов я зрел. И дремотно слушал
Ругань подручников.

О, худые псы! О, кривые слуги!
Дьявольская кровь, сиречь гной крамольный!
Дал мне боже страждать от них, от бесов
Аки отшельники.

Крик у нас больных в головах подняли.
Ропотно толклись у креста присяги,
Чая смерти мне и не чая вовсе
Выздоровления.

А ведь я им зла ничего не сделал.
Излиял прощенье, любовь и милость.
А коли начну со грозою править —
Что тогда вымыслят?

Бог переиначил, из крючьев смерти
Выпростал нас бог. Яз восстал из ямы,
Вырыли которую мне холопы,
Крестопреступники.

Сонмище злобесное, в царствах мняще
Зрети, что восхочет, венцом играя!» —
Так-то вот рек царь двадцатитрехлетний.
Старец отвечивал:

«Сведал ты сердец черноту боярских.
Знаешь место челяди. Это псарня.
Только хуже псов человеки. Помни
Денно и ночью се.

Дед твой и отец в неусыпных бденьях
Государство зиждали кроха к крохе.
О казне радетель, твой дед за дочерью
Не дал приданого.

К отчине любезной Москве престольной,
Дабы красовалась в веках, обои
Тщились все землишки уметь примыслить
В русском лоскутии.

Для того ли, чтоб пановать шляхетству?
Пагубе — гроза. Государство — мера
Совестных судов. Корень зла — в боярском
Праве советовать».

Царь измолвил: «Старец, родной отец бы
Лучшего совета, пожалуй, не дал».
И продолжил путь он к брегам пустынным
Белого озера.

Следуя обету, Иван Васильич
Отслужил святому молебн Кириллу.
К стругу шел, обратно царь поднимался,
В красну Москву. Аой!

Свиток II. АНАСТАСИЯ

Минуло семь лет. Зрело семя распри.
Грех се ради наших царя юница
Занедомгла. Бысть же ангел в людех,
Анастасиюшка.

Долгая осталась печаль и память
О царя Можайском с царицей хворой
В царствующий град прехождение путном
Немилорадостном.

Царь благочестивый молился богу.
С ним жена, царевичи, братец Юрий.
Вдруг слегла царица. Вдобавок вести
Были тревожные.

Ехати хотел из Можайска вскоре,
Да не мог Иван, ни в санех, ни верхом.
Долга учинилась тогда беспуга
Кроме обычая.

Прибыв же в столицу, сказал вельможам:
«Вы сулили — где же покорность крымца?
Дорожили дружбой с магистром хитрым —
Где перемирие?»

Так-то в государствах рядите наших.
Будто аз дитя или слабоумен.
В ропоте немолчном на нас встаете
Всею синклитией.

Нос суете даже в мои молитвы.
Ко святыни обо души спасенье
И телесном здравье жены в обеты
Хором вступаетесь.

Не мила она вам, моя юница,
С родом всем Захарьиных. Так прямите
Дому моему, как-нибудь который
Все-таки царствует.

Тя, Сильвестр, духовного, как родного,
Слушался, отца, и как Златоуста.
Ты же взял привычку дурить нас всяким
Детским стращанием.

Тя мы, Алексей, от гноища взяли,
На своих бояр опалясь, отгнав их.
Ты же норовишь супостатам этим
И супротивникам.

В вечных претыканьях чего хотите?
Старую измену ли вспомнить вашу?
Брат у нас Владимир дурак, а люба
Дурость удельная».

Меж царевым радным судом и гневом,
Тихо разметалась в стонотном лоне,
Чахла, вознеслась от земли царица
В царство небесное.

Бяше же о ней плач немал в народе.
А царя под руже едва ведаю.
И умершей убо нача царь быти
Прелюбодействен, яр.

Шел митрополит, шли бояре били
Все тогда челом, государь царь чтобы
Скорбь унял, помыслил, ему не длити
Чтобы женитвою.

Возрасте во юнством он занеже,
И для христианские бы надежи
Ранее женился бы, а той нужи
Не наводил себе.

Сигизмунд сидел на Литве и Польше,
Ягеллон последний, зане бездетный.
Про его сестер царь подумал. Только
Дела не сделалось.

На княжне черкасской вдовец женился.
По своей возлюбленной по юнице
У себя на теле привил он львицу,
Марию Темрюковну.

Свиток III. РАСКАТЫ

«Петр-митрополит, чудотворец русский,
Древле предсказал о Москве, что взыдут
Руки она града врагам на плечи,
Как и исполнилось.

Милость бог на нас излиал, вернул нам
Город Полоцк, вотчину нашу. Ты же
От неправд поял, их могли довольно
Мы в тебе высмотреть», —

Таковые речи повел в посланьях
Царь победоносный к короне польской.
А в Стокгольм писал он слова и вовсе
Высокомерные.

Русь торжествовала. Синклит духовный
На старинной вотчине государю
Воздавал хвалы и благодаренье
И многолетствовал.

Полоцкое взятие в ряд с казанским
Иоанн поставил, гордыню тешил,
Посрамив на деле своих докучный
Сонм несогласников.

Царь позвал на пир на неблагочинный
Сроду многочисленных бояр с князьями
И велел наполнить зело им чашу
Пьяного зелия.

К князю Репнину подошел с моленьем:
«С нами веселися, играй, боярин».
Тот же громко рек: «Таковых творити
Не достоин ты, царь».

Гневу предаваясь, сказал державец:
«Сведаль аз твою в полноте измену».
И облек в личину он воеводу,
Вины в ком высмотрел.

Но содрал с себя машкару боярин,
Потоптал ногами. Царю измолвил:
«Не творити, мужу в чину советном,
Ми се безумие».

Возопил истошно Иван: «Как смеешь!
Али мы тебе и не государи
И, затем что тянешь к Литве поганой,
Стали ненадобны?»

Хочешь, как в языцах безбожных? Како
Вымыслят работные их, и тако
Короли владеют. А царь московский,
Чай, не посаженный».

Вспрянул царской лютости первый всполох.
Притекли к царю на поклон бояре:
«Царь благочестивый и самодержец
Богопомазанный!

Господину нашему, крест тебе мы
С нашими детьми целовали честно,
Крест животворящий, по доброй воле,
Истинно, истинно.

Нашим государям боговенчанным,
Так и детям их, подтверждаем клятву
Не искать иных и добра хотети
Роду державному.

Лиха же ни в чем никакого вовсе
Не хотеть, не мыслить, в Литву не съехать
И до живота своего служити
Трону московскому.

Через это если пред государем
Вскроется от нас кривина какая,
Да не будет нам, как и нашим детям,
Милости божией.

Если же на нас какова обмолва,
Без суда тебе бы и без исправы
Ничего на нас не воздвигнуть токмо
По подозрению.

Ино потаковников впредь отгнал бы,
Ложная царю кои шепчут в уши.
Кроновых жрецов паче, аки воду,
Кровь льют кристьянскую.

Отложи нелюбие и гнев. Приемлем
От твоих похлебников злые смерти.
Соль и кость земли святорусской губят
Самой на паперти.

Деешь ненавидячи, царь, вельмож ты.
Нашим, царь, отцам — сих, что головами
Нашими торгуют, отцы в холопстве
Не пригожались.

Смешанного яду от них напився
С сладостным ласканьем, совет их хвалишь.
Царь, окрест озрися, тебя обстала
Рать сатанинская».

Выслушал с немалым вниманьем это
И ответил царь: «Не умна, бояре,
И не любя нам, не таимся, ваша
Речь окаянная.

Жаловать бо мы доброхотов наших
Жалованьем нашим великим рады,
А казним злодеев судом и правом,
Богом нам данными.

О каком таком христианской крови
Лжете о разлитии, мы не знаем.
О каких костях изрекли соленых,
Ведать не ведаем.

Ведаем зато, кто с попом Сильвестром
И со Алексеем на нас воссташа,
Яко пьяни, проча на государство
Князя Владимира.

А ему вдруг быть почему на царстве?
Что его достоинство и какое
Поколение? Разве измены ваши
Да его дурости.

Малому служить не хотели мимо
Старого и с сыном моим хотели
Извести и весь уж, как пишет Курбский,
Род кровопийственный.

Псу подобно лая, из рук литовских
Пестуну российской земли изветы
Пишет умышленьем своим собацким,
Выменяв родину.

Под руку вам хоть к сатане с именем.
Онй Силивестр, неподобно роздав
Вотчины и деда устав обыскав,
Многих смирил к себе.

Вместе с Алексеем, здружась и мневша
Сущими в безмыслии нас, владели
Обема власти, как хотели, сами
И государились.

Соблазнили вас самовольством. С нами
Честию сравняли вас. Низложили
Власти нашей с вас красоту. Ввели вас
В супротисловие.

А ведь это все молодые люди,
Коиими я-де истеснил вконец вас.
В жены дочь боярскую взял — шумите:
Как вам служить сестре?

Кабы вы жены у меня не взяли,
Не было б и кроновых жертв меж нами». —
Так ответил царь и отъехал паки
Для богомолия.

Свиток IV. ПОДЪЕМ

Вся Москва в колодезь сомненья впала,
Слыша будто грома трубы небесной.
Жалость сердца царь излил во время
Богослужения:

«Злая за благие мне чядь воздала
И за возлюбленье мое. Приемлю
В странах, данных господом мне в держанье,
Жребий скитальческий».

Царь съезжал с Москвы. Все в недоуменье
И в унынье от их подъема быша
И куды неведомо путных шествий
Их государския.

Повеле в церквах на себя и в скарб свой
Святость ободрати, кресты, иконы.
Платие и денги и всю казну он
Взять повеле в возы.

С семьями приказано выйти ближним,
А прибрал от всех городов которых
Выбором — с людми и с конми, с нарядом
Быть бы служебным всем.

Люди приказные от дел отстали.
Предавался в храмах народ молениям
Многая подобная многослезном
Во захлипании:

«Овцы как без пастыря могут быти?
Как без государя и нам прожити?
Кто избавит нас от иноплеменных
От нахождения?»

Грамоту прислал Иоанн чрез месяц.
Приказных людишек своих измены
Исписал, боярские все крамолы
И воеводские.

Царь писал, что после царя Василья
Сделались убытки казне и людям,
Потому что челядь на счет казенный
Корыстовалась.

Обо православном всем христианстве
Знатные не думали. Обороны
Вместо притесняли народ. От службы
Просто отнекались.

Возмужав, хотел в неотмщенних винах
Посмотрети царь да понаказати,
В чем его бояре повинны были
Вместе с княжатами.

Подданные немощны дабы истых
Точию познали своих державцев,
Государь исчислил своих измены
Крестопреступников.

Но архиепископы-де, с бояры,
С дьяки и с дворяны сложась и прочья,
Почали царю покрывати их же
Чином вельможным всем.

Царь и государь не хотел стерпети,
Глядя на мятеж. Со двора поехал
Где-нибудь вселиться, где бог наставит.
Так-то писал Иван.

И писал для всех христиан особо,
Чтоб они сумненья себе не брали,
Гневу и опалы на простолоудье
Нет никоторые.

Набольшие люди России с сонмом
Всяких москвичей в голове с владыкой
Плакаться пошли в слободу, как в крепость,
Во Олександрову.

Клятвенных словес серебро и злато
В чаше челобитной несли Ивану,
А наперед полагали волю
Божью да царскую.

Русское вельможство и духовенство,
Аки иноземных послов иль татей,
Приставы встречали, царю пред очи
Светлые ставили.

В слободу пришедшие зрели старца,
Лет же тридцати четырех от роду.
Вылезли власы на главе. Ощипан
 Был страстованием.

Царь на государства свои вернулся,
Объявив условием первым, чтобы
На своих злодеев ему опалы
 Класти своя уже.

Государев люд, до измен который
И до смертной казни дошел, — и этих
Животы имать на себя и статки
 Царским хотением.

И архиепископы с всем собором,
Со архимандриты, купно з бояре,
То все положили бы впредь на воле
 На государския.

Выговорил царь учинити в царстве
Некую опришнину, бишь, особой
Двор ему себе, и бояр особных,
 Верную тысячу.

Приказных и всяких людей дворовых,
И вблизи Кремля огражденный терем,
Псарни и конюшни — и все особно
 Приговорил себе.

И иные волости взял в кормление
Да на обиход и своим опричным
В жалованье. Так разделил всю землю,
 Аки секирою.

Вышел из земли и в своих опричных
Вотчинах вчинил перебор людишек.
И какие лучшие, тех всеродне
 Выселил в земщину.

Русь же, суд и воинство ведать земским
Царь по старине отдавал боярам.
А каких управить им дел не мочно —
 Трону докладывать.

Свиток V. ГРОЗА

Через года два царь, прозваньем Грозный,
Паки посетил монастырь Кириллов.
Выместил сердечный излишек страстник
 Тамошней братии:

«Аки мертв аз. Аще и жив, но богу
Житием смраднейшим своим противен
Паче мертвеца. Пагубе судьбины
 Дерзостно следую.

Верники мои поедают кал мой.
Исполчает недругов страх бесовский.
Слышу, ненавидимый, за спиною
 Рык и шептание.

В мраке и смятении дум блуждаю.
И, от мятежа отойдя мирского,
Здесь как будто малу зарю приемлю
 Божья сияния.

Радуется плоть под господней сенью,
Воскресает дух к бытию в молитве,
Яко, сущим в скверне, обрел узду им
 Помощи божия.

В Вологде сподобясь престол воздвигнуть,
Первое — пешком к вам уже прииду,
Как и из Москвы помолиться прежде
 Хаживал к Троице.

Мнится окаянному мне, монахи,
Что наполовину уже чернец я.
Может, среди вас поищу спасенья
 Вскоре пристанища».

В слободе Иван, яко се обитель,
Верникам велел облачаться в рясы,
Будто чернецы. И владычил, приняв
 Образ игуменский.

Шепотня была о безумстве царском.
И молва была, что царя какой-то
Еретик подбил убежать на кой-то
 В землю английскую.

О ту пору вскрылся боярский сговор.
Умысел был, чтобы Ивана ляхам
Выдать головой посреди разратья
 С польской короною.

Царь оставил рать и в Москву помчался.
В землях и столице ударил розыск,
Выщепил крамолу. И погибоша
 Царские пленники.

Страх у врат боярских шатры поставил.
И митрополит, обрекаясь в жертву,
Враждовати начал с царем с амвона
 Перед иконами.

«Отче, — восклицал Иоанн, — не знаешь
Разве ты, что встали на нас и ищут
Ближние нам зла? От тебя хотим мы
 Благословения.

Что тебе за дело, Филипп, до царских
Нашенских советов? Престань перечить
Иль, как Афанасий, уйди, не быти
 Отгнан, как Герман, чтоб.

О святой отец, об одном мы просим
И толкуем: только молчи. Молчи же
И благослови нас. Излей на дух наш
 Миро смирения».

А в ответ: «Сего не искал я сана.
Наше же молчанье тебе на душу
Грех и смерть наносит. В моем бо стаде
Ты обретаешься».

Церковь огласилась царским воплем:
«Не овец пасешь, но собак и вепрей!
Впредь же господина еще узнает
Челядь дворовая!»

Кони ржут в Москве, а у седел метлы.
Ветр грозы на волости искры мечет.
Царь Иван с дружиной кататься едет.
«Гойда!» доносится.

Бога вседержителя посещеньем,
Человеколюбца произвольеньем
Воздаянье бысть за нечестье наше
И беззаконие.

Велия умножися злоба в людех.
За сия пророчески гнев господень
Убо с небеси на сыны приходит
Боготпротивныя.

Бога наказующего и Спаса
Нашего Иисуса Христа воленьем
Бысть поколебание и погибель
До основания.

В роды такового не бысть. Не виде
Око таковых и не слыша ухо.
И взойти на сердце того не может,
Что сотворил господь.

Яростью великой и озлобленьем
И неукротимым великим гневом
Бог ожесточи государю сердце
Благочестивому.

Обходя с мечом и огнем державу,
В Новгород Великий пришел державец.
С ним царевич князь Иоанн и с ним же
Многое воинство.

Своего назавтра царь приезде
Русский государь повеле избити
Палицами насмерть попов и всех их
На правеже убил.

Со своими всеми полки поехал
Царь к соборной церкви святой Софеи
Слушати обедни. Крестом их встретил
Архиепископ там.

Ко кресту цари не пошли. Сказали
Пимину: «Не крест ты на нас возводишь,
Но святыни божией вместо в руце
Держишь оружие».

Хощеш сим оружием сердце наше
Уязвить с своими злотворцы, кои
Града сего жители, зломысленьем
Вашим неистовым.

Ибо вы сей Новгород сопостатом
Нашим, королю Жигимонту, предать,
Вотчину державы российской нашей
Царьския, хощете.

Не учитель ты впереди отселе
И не пастырь, не сопрестольник церкви,
Но губитель, волк и багру противник
Нашему царскому».

Яростную речь изглаголав, в церковь
Царь вошел. И Пимин служил обедню.
После литургии пошли в палату
Скопом столовую.

И как сел за стол царь, и начат ясти,
И помедли нечто перед ясаком,
И к своим князьям возопи он гласом
Велием с яростью.

Повелел пограбити двор владычень
И бояр владычных переимати,
Ободрати вещей собор Софии
Божьей Премудрости.

Взяти и имати велел иконы,
Ризную казну, и кресты, и чаши,
И колокола, и вся прочья вещи
В храмах всех божиих.

Сели на судище Иван с Иваном,
Пред себя велев именитых мучить,
С женами, с детьми их, людей изрядных
Горькими муками.

В неисповедимых во мнозех муках
Телеса их некоей составною
Мудростию огненной жгли. Бысть пытки
Бесчеловечныя.

Человеков с камнем в реку Волхов
Связанных метали. Детей вязаху
К женщинам, на мост возводя, где было
Место устроено.

На реке же в малых судах ездяху
Царские князья в полынье в кровище
С копии, з багры, с топоры, секуще
Всплывших без милости.

Казней по скончании начат ездить
По монастырям государь окрестным.
Житницы повыжег и скот повысек.
Святость посдирывал.

И по сих весь город, без пощаденья,
Грابتить и ломать отдал, без останков.
Роду человеческу бысть великий
Трус и падение.

Поимал остатних из лучших. Те же
Быша яко мертви, царю предсташа
Дряхли и унылы, вконец отчаясь
За животы свои.

Милостивым оком пред ними кротко
Царь христоролюбивый возрел и вырек:
«Мужие Великого Новаграда,
Богу молитесь.

Господа молитесь и богоматерь,
Спаса и святых о державстве нашем
И о чадах наших Иване князе
И о Феодоре».

Царь дышал грозой, аки ладан в ноздри.
Выводил измену Иван под корень.
Вражью кость ломал от Москвы до Пскова.
Песню пел лютую.

Свиток VI. КАТАРСИС

Царь хотел от многой туги жениться.
Уж тому два года его тигрица
К богу отошла, а и нам не сахар
Жизнь холостяцкая.

В слободе смотрины невест. Числом же
Тыщи полторы. Был недолог выбор,
Крепок, да несчастлив. Вдруг стала сохнуть
Марфа Собакина.

Обвенчался царь, положась на бога,
С девой полумертвой. И так скончалась
В девственницах царская убо ета
Третья супружница.

Был во исступлении царь немалом,
Расшибал чело он себе молитвой,
В божиих церквах неподобный сделал
Крик покаяния.

Вопиял: «В каких наказати винах,
Во Христе чему просветити грешных,
Праведным во смех, и кого учити
Мне, псу смердящему?»

Сам бо во пианстве всегда, во блюде
И в прелюбодействе, в убийстве, в скверне,
В ненависти лютой, в злодействе гнусном
И многомерзостном».

Мыслью осенясь о душе и смерти,
В иноческий образ хотел облечься,
Как и обещал он того монахам
Святокирилловским.

«Помните, святые отцы, случилось
Некогда, как взмокнушему псу под крышу,
Мне прибегнуть к вам? - как-то царь писал им
Богоспасаемый. -

Мыслью, в окаянстве своем, меж вами
Для себя местечко. И в чем пред вами
Если согрешил, моему говнишку
Дайте прощение.

А и вы пред мной виноваты, братья,
В чем - и в том во всем вас простит всевышний.
О, немоготу мне о вашем слышать
Неблагодетии.

Анна и Кайафа у вас постриглись.
А точнее, вы все у них постриглись,
Давших вам закон. И Христос меж вами
Есть распинаемый.

Вместо тишины суета, смятенье,
Как в миру, для этих собак опальных,
Что меж вас распутство своим собацким
Вводят обычаем.

И везде подобное. Несть в монахах
Ныне благочестья. Теперь святые,
Нежели о боге, о брэнном больше
Мыслят стяжании.

Доли от имений себе опальных
Ищет клир с венцом наравне небесным.
Аз же тщусь напрасно приткнути сердце
Около святости».

Схиму отложив, царь изрек духовным:
«Первую мою извели супругу.
Из черкес девицу я взял. И эта
Зельем окормлена.

Частью для телесной нужды, а частью
Ради чад, на третий раз обрачился.
Мир не мог оставить, а без жены в нем
Жить соблазнительно.

Счаровали злые и ту. Челом бью
Се о разрешении мне жениться».
Чанец слез излив, преклонилась церковь
На милосердие.

Оттремели громы грозы. ОтмстилсЯ
И сказал Иван сыновьям таковских
Горестных словес исповедных много
И завещательных:

«Множатся телесна с душевна струпи.
Тело изнеможе в грехе. В постылой
Плоти дух болезнует. И врачей мя
Несть исцеляющих.

Ждах, кто безо лжи поскорбит со мною,
Гной мой оботрет, и не бе, и рядом
Яз не обретох ни любовь творящих,
Ни утешающих.

Может, бог помилует вас. На вас мой
Грех не возведет. Вы бы, дети, жили
Всюду за один. И в добре, и в худе.
В слове родительском.

Делу навыкайте. Во все входите.
А чего не знаете если сами,
То не вам самим и владеть, а люди
Будут указывать.

Как людей держать и от них беречься,
Навыкали б, как их к себе присвоить.
Что вчинил опришнину, то на вашей
Воле, как хотите.

Старшему же младший бы сам собою
Не оборонялся. И если даже
Изгнаны вы — нас в литургиях чтите:
Первая заповедь».

Свиток VII. ГОЛОВЕШКИ

Начал самодержец на сына нечто
О его желании царства мнети.
И от удрученья, как конь, он пеной
Стал покрываться.

Был же сын его Иоанн царевич
Мужественной крепости. Злобно огнем
Ярости своей на врагов царевич,
Аки инрог, дышал.

От обид таких и еще каких-то
Царь своим обычаем спрыгнул с трона.
Посадил татарина на престол свой.
И скоморошничал.

Просто, что бояре, в оглоблях ездил
И в палате тронной, поодаль сидя,
Как бы думец, ждал на свое указа
На челобитие:

«В роды твой холоп Иванец Васильев
Купно со детишками, князь Московский,
Се со Ыванцом, с Федорцом, пожалуй,
Бьют челом, смилуйся.

Чтоб ты, государь Симеон, удел наш,
Милость показал, не велел имати.
Да ослободил ничего из пяток
Не выколачивал.

Нам бы испоместишок свой, денжонка,
Хлебишко держать с рухлядишком нашим
Ты бы, не ограбя, как прежде велось,
Дал бы пожаловал.

Да ослободил перебрать людишок.
Тех, которых примем, принять, иных же
Прочь ослободил отсылать по спискам,
Мелких людишок тех».

Так еще играл головами было,
Скипетром играя. И так которых
Казнию казнил Иванец. Которых
Выгнал из города.

Чаши жития бысть се дно, ил горький.
Встал на Русь шляхетский король Батура.
Полоцк взял обратно к Литве, примыслил
Луки Великие.

Насмерть воеводы во Пскове сели
От литвы, но шведы побрали Нарву.
Ко всему зашиб тут Иван Ивана
Досмерти посохом.

Думу царь собрал и сказал боярам:
«Мерзок богу аз, бо мои, бояре,
Паче беззаконья песка морского.
Кто мне наследует?»

Мню укрыться в схиме от громов божьих,
Уголье души снести подалше в келью.
Меж собой ищите царя». Бояре
В страхе отнетались.

В сердце умиление держа большое,
Повелел царь дьякам составить списки
Всех им избиенных и всех указом
Царским отделанных.

И по спискам тем приказал о душах,
Около числом четырех о тыщах,
По монастырям поминать, и пролил
Серебряный дождь на си.

Расхворался вовсе, писал к монахам,
Чтоб об окаянстве его молились
И исходе смертные от болезни
От настоящие.

Вымолвил Иван сокрушенно ближним:
«Блекнет бирюза у меня в ладонях.
Мой алмаз уже, ни сапфир, не годеи,
Со изумрудами».

И как умер царь Иоанн Четвертый,
Сразу в то бояре не смели верить
И свои седины помазать миром
Не торопились.

Александр ЛОМКОВСКИЙ

ПАРОВОЗ, КОТОРЫЙ ЛЕТАЛ, или Чудеса в решетке

Глава 1, в которой приходит очередная сказка и появляются Егорка с Гошей

Не знаю: то ли ветром наваяло, то ли в дверь прошмыгнуло, а только пробралась ко мне этой ночью сказка. Далеко уже не первая, да надеюсь, что и не последняя. И что они во мне находят, эти сказки? Добро бы еще ломились к моему соседу, который живет напротив: зовут его Иван Иванович, и очень уж он, скажу, подходящий для сказок. Важный, объемистый и в бороде. И к тому же у него живет в клетке чирик. Вот к кому сказкам прошмыгивать нужно. Нет, ко мне лезут - запиши нас, да запиши! А я ведь молод еще достаточно. И тощий - спасу нет. Мама все у меня ругается: не будешь, говорит, нормально питаться, так и превратишься в свою же тень. А я разве виноват? Я ем и ем - столько борща и котлет в себя запихиваю, что ужас просто! А вот не толстею, да и все тут! А подойдешь к зеркалу, посмотришь, да и задумаешься. Волосы всклокочены, очки постоянно набок и торчит вечный карандаш за ухом. Такой вот я типчик. Хотя многие и зовут меня Сказочником. Может, потому меня сказки любят, что я и сам их люблю? Не знаю. Но вот, непонятно уж из каких земель, а только прибыла не далее, как сегодня, очередная сказочка и просится на бумагу. И делать-то уже нечего - надо ее записывать.

Покопавшись немного в голове, извлекаю оттуда очередного своего героя. Сажая на ладонь и принимаюсь внимательно рассматривать со всех сторон. Чего уж греха таить, вынужден признать, что при первом рассмотрении герой мне нравится. Вот он: пятилетний сын нашей соседки Виктории. Зовут моего героя - Егорка. Светлые длинные волосенки, закрывающие шею; внимательные коричневые глаза, в которых так и плещется неумная жажда познания окружающего мира; очаровательная стеснительная улыбка. А стеснительная потому, что у него не хватает двух верхних зубов. Похоже, что на моей ладони ему нравится. Вот он не торопясь взобрался на бугор Венеры и деловито потопал ногой, проверяя, видимо, устойчивость подставки, на которой так неожиданно оказался. Результатами исследований остался вроде бы доволен - судя по всему, Егорка поверил в основательность новой обстановки. Сел, поджал под себя ноги и совершенно неожиданно для меня начал подзывать кошку. Я позволил себе усмехнуться - ну, откуда, скажите на милость, на моей ладони возьмется еще и кошка? Но долго усмехаться мне не пришлось. Откуда ни возьмись, к Егорке вдруг подбежал огромный рыжий котяра и начал тереться о его ногу.

Эй, постойте! Откуда кот? Я еще не заказывал никакого кота! Что за бардак творится у меня на ладони? Так, глядишь, герой и обживется на предложенной ему территории, и никакими пряниками его оттуда не выманишь! М-да... Самостоятельный молодой человек! Волей-неволей, а придется в сюжет еще и кота запихивать. Ситуация, надо прямо сказать... Но коль скоро кот уже существует, надо принять его как данность и срочно придумывать ему имя. Выбор имени - дело ответственное и так запросто к нему не подойдешь. Назовешь помпезно - Князем, например, или Марсом - котяра и будет постоянно задирать нос и гордиться своим происхождением. Назови просто - Рыжик там или Мусик - сбежит из сюжета, подлец, и ищи потом ветра в поле!

Я начал ломать голову, пытаюсь как-то обозвать егоркиного приятеля. Как назло, ничего путного в голову не приходило. И тут меня выручил мой герой. Он уже вовсю чесал котяру за ухом и, чуть шепелявя, говорил, какой Гоша «хороший и умный». Да что же такое творится-то?! У взявшегося, откуда ни возьмись, совершенно незнакомого кота и имя уже существует? Прямо голова кругом идет! Хотя я и вынужден был признать, что имя Гоша к коту подходит. Молодец, герой! Выручил, что называется. Так, с котом разобрались. Теперь нужно срочно пересаживать уже двух героев с ладони на листы белой

чистой бумаги. А то как бы они, герои, и еще кого не притащили. Разгребайся потом! Ну вот, куда-то запропастилась бумага. Еще вчера она была тут на столе, в аккурат под рукой. Теперь же ее и след простыл. А начинать новое произведение на половинке листа, к тому же неровно оборванного и чуть мятого, - это, согласитесь, как-то несолидно. Но стопки бумаги нет и нет. За окном в это время пролетел бумажный самолетик, плавно покачивая крыльями. Ага, я вроде начинаю догадываться, куда же исчезла моя бумага. Видимо, прибывший вчера погостить восьмилетний племянник Василий решил, что лежащая без дела на дядином столе стопка чистых листов - это явный беспорядок и неоправданное расточительство. И тут же начал использовать ее в нужном ему деле - то есть запустить с балкона самолетика. Молодец Вася! Оставил дядю без работы! Но делать нечего. Сказка явно просится в руки, и упускать этот шанс было бы преступно. Я осторожно пересаживаю моих героев на обрывок листа. Егорка воспринимает это более-менее адекватно, чего нельзя сказать о Гоше. Тот беспокойно заходил вокруг все еще сидящего мальчишки, озабоченно принюхиваясь и скребя рыжей своей когтистой лапой мой многострадальный лист. Походив так некоторое время, кот успокоился и снова присел рядом с Егоркой, мирно пристроив свою большую лобастую голову на его ноге. Ну, что ж, герои на месте, карандаш под рукой, лист на столе. Можно и начинать. А сказка так и пищит, так и носится кругом меня, пытаюсь хоть одним глазком взглянуть на бумагу. Да иди, иди... Смотри, как я записывать тебя стану. Не жалко!

Глава 2, в ней Егорка с дядей Колей строят железную дорогу, а мама уходит в театр

Егорка сидел на полу возле дивана, прижавшись к нему спиной. Дома никого не было, если не считать кота Гошу, который лежал на маминой кровати, изредка поглядывая в сторону Егорки большим желтым глазом. А Егорка, не отрываясь, смотрел прямо перед собой на необыкновенное чудо, только сегодня поселившееся у него дома. Точнее сказать - чуда было два. Но со вторым он уже обвыкся, потому что это была елка. Она стояла у окна два дня. Настоящая елка, на которой под тонкими ниточками серебряного дождика переливались всеми цветами радуги очень красивые игрушки. Там были красные и зеленые шарики, блестящие белые сосульки, зайцы, птицы и многое-многое другое. Был даже старый и совсем не страшный пират с одной ногой. А под самой елкой на подстилке из ваты стоял маленький Дед Мороз с мешком за плечами и посохом в руке. Когда на елке включали гирлянды, то Дед Мороз становился очень таинственным и загадочным. Ко всему этому Егорка с Гошей приспособились уже вчера. А вот к тому, что появилось сегодня, Егорка никак не мог привыкнуть. Да и как, скажите, можно привыкнуть к настоящей железной дороге?! О такой нельзя было даже и мечтать. Но вот она, словно по мановению волшебной палочки Деда Мороза, вдруг возникла у него дома. Дядя Коля так и не успел ее достроить, потому что они с мамой торопились в театр. Он притащил днем из магазина огромную коробку, в которой и жила раньше железная дорога, и вместе с Егоркой принялся тут же строить ее, изредка подсматривая в маленькую книжечку, в которой, как он объяснил, находился какой-то «порядок сборки». Слово было странное и необычное, и поэтому Егорка маленькую книжечку тут же заважал и даже одним глазком заглянул туда из-под руки дяди Коли. Но кроме маленьких буковок и стрелочек, он там ничего не увидел. А дядя Коля все доставал и доставал из коробки разные чудеса: то самый настоящий деревенский домик прямо с лужком, то вокзал, а под конец он даже вытащил оттуда - кто бы мог в такое поверить? - взаправдашний лес. Все эти чудеса дядя Коля аккуратно приспособливал внутрь кольца железной дороги. Вот только со стадом коров у него вышла заминка. Стадо никак не хотело становиться на место. Да и мама начала торопить дядю Колю.

- Дорога ваша подождет, - говорила она, - а театр ждать не будет.

Ну, почему, почему, мамочка, вы с дядей Колей так поздно принесли коробку? Принесли вы ее чуть пораньше, то дядя Коля успел бы посадить коров на место. И тогда по железной дороге помчался бы настоящий поезд. А так дорога получилась неполной: возле стада не хватало одной ее «секции». Дядя Коля объяснил Егорке, что значит слово «секция». Это небольшой ее участок, из каких она и состоит. Дяде Коле можно было верить, потому что он уже большой и работает машинистом на взрослой железной дороге. У него даже есть синий пиджак, на воротнике которого сидят молоточки, и такая же

синяя фуражка. А на рукаве пиджака у него колесо с крылышками. Дядя Коля говорит, что это «эмблема». У Егорки даже дух захватывает, когда он смотрит на это крылатое колесо от паровоза.

Негромко идут ходики на стене: тик-так, тик-так-так... Мама объяснила Егорке, что когда толстая стрелка сойдет с цифры девять, а длинная будет на восьмерке, они с дядей Колей придут из своего театра. Театр - это как кино, только там люди по сцене ходят и все чего-то разговаривают. Егорка тоже побывал в театре. Только там ходили по сцене куколки. Смешные такие. Егорка тяжело вздохнул и поглядел на ходики. Толстая стрелка только-только отошла от шестерки. Он снова принялся разглядывать дорогу. Вот возле самых рельсов стоят четыре маленьких домика. Если хорошо приглядеться, то у одного домика можно даже заметить собачью конуру. После домиков сразу стоит мост через речку. Кончается речка на другой стороне дороги в лесу. Там тоже есть мост. После мостика, который ближе к Егорке, нет ничего, кроме зеленого поля. Дядя Коля сказал, что это «санитарная зона». Это название Егорку отчего-то испугало, и поэтому он на этом поле взгляд не задерживал и быстренько переводил его дальше. А дальше стоял вокзал - два больших красных дома с полукруглыми окошками. Сразу после вокзала дорога раздваивалась. Там еще стояла «стрелка» - небольшой ящик с ручкой. Если потянуть за эту ручку и перевести ее в сторону, то можно будет попасть в город, проехать по нему и оказаться у другого моста, где как раз и должны были стоять коровы. А если оставить все, как есть, поезд пройдет дальше. Он проедет мимо длинных коричневых гор и попадет в темный «туннель», над которым тоже стоит гора. Из «туннеля» он должен выехать снова в поле. Это поле необычное: на нем нет никаких «санитарных зон», а зато есть настоящий военный аэродром, с маленькими самолетиками. А там уже будут коровы, мост, лес и снова четыре домика с конурой. Паровоз поедет на другой круг.

Егорка решил проверить, как будет чувствовать себя паровоз, когда поедет по такой замечательной дороге. Он встал на колени и пополз вокруг дороги, иногда сам себе подавая сигнал громким гудением. Гоша тоже заинтересовался таким поворотом событий. Он соскочил с кровати и побежал вслед за Егоркой, иногда забегая вперед и путаясь у него под руками и коленями. Когда Егорка проползал мимо туннеля, то нарочно закрывал глаза, представляя, будто бы он находится внутри горы. Поползав так некоторое время, мальчик снова сел на прежнее место. Кот сунулся было обнюхивать город, но Егорка быстро его оттуда прогнал - а вдруг, да чего поломает? Потом он достал из коробки паровоз. Это было настоящее чудо. Весь черный, с красной трубой и красной же кабиной для машиниста, с серебряными блестящими колесиками и такими же блестящими палочками между ними. А на морде паровоза красовалась огромная красная звездочка. От такого паровоза невозможно было отвести глаза. К тому же он был достаточно тяжелым. А когда в него вставишь батарейки, то он будет еще тяжелее. Егорка осторожно попробовал крутануть колесо. Нет, пока не вставишь батарейку, оно крутиться не станет. Тогда он аккуратно поставил паровоз на рельсы, прямо напротив вокзала. Затем вытащил из коробки блестящий синий вагон. Пристроил его в хвост паровозу. Встал, подошел к столу и взял с него оставленную там дядей Колей «секцию» с коровами. Положил ее на свое место внутри кольца дороги. «Секция» встала как-то боком. Но это ничего. Если смотреть с дивана, то почти ничего и не будет заметно. Притащив из-под елки Деда Мороза, он поставил его на вагон - пусть будет первым пассажиром. Чего бы сделать еще? Егорка задумался. Ага! Нужно включить елку! Он щелкнул тумблером, расположенным прямо на проводе. Сначала ничего не случилось. А потом лампочки на гирляндах мигнули один раз, другой и пошли, пошли мигать, уже не переставая. Хорошо, это сделали. Теперь вытащить из серванта яблоко, встать на стул и выключить в комнате свет. Сесть на диван, закутаться в мамин плед... Ага, и Гоша тоже хочет под плед. Пустить его. Откусить яблоко...

Глава 3, сказка нервничает, а племянник Василий жалеет бумагу

Ну, что ж - сказочка, пробравшаяся ко мне ночью, интересная. Посмотрим, как она дальше развиваться будет. И герой, как мы видим, получается вполне самостоятельным и не ревой-коровой. Не то, что Вовка Соловьев из соседнего подъезда. Его квартира находится от моей через стенку, и когда мама с папой у него куда-то уходят, хоть и нена-

долго, то он поднимет настоящий рев. И плачет, пока они не возвращаются. А почему? Оттого, может, что у него нет такого большого рыжего кота? Наверное. Хочется верить, что будь у него такой кот, то и он бы не ревел, дожидаясь возвращения родителей. Хотя, у Егорки-то тоже нет кота. Это он в сказке есть, а на самом-то деле... Ох, подзапутался я чего-то! Вот как вставлять в сюжет незапланированных котов - даже голова кругом идет! Придется срочно дарить мальчишкам котят. Чтобы все было взаправду. У моей старенькой бабушки кошка Муська как раз принесла четырех: двух рыженьких и двух черно-белых. От знающих людей я слышал, что если котенок одноцветный - то это наверняка кот. А двух- и трехцветные - это, пожалуй, кошки.

Так, половинка листа бумаги уже закончилась. Как я ни мельчил, бродя карандашом по бумаге, места все равно не хватило. Придется идти к племяннику и спасать от полетов с балкона оставшуюся бумагу.

- Как дела, Василек? - спрашиваю я, заходя в комнату.

Васька откидывает со лба каштановую челочку, искоса смотрит на меня исподлобья синими, словно небушко, глазами, и продолжает заниматься своим делом: тихонько сопя и высунув от усердия кончик языка, рисует на крыльях только что сделанного самолетка большие зеленые звезды. Ага. Видно, что племянник своих позиций не сдаст и бумагу мне возвращать не намерен. Тем более что ее нигде и не видно.

- Какие звезды у тебя красивые! - пытаюсь я к нему подлизаться.

М-да, с таким же успехом я мог разговаривать со столом в своей комнате. Хотя стол и не такой хитрый - он не ворует бумагу и не умеет рисовать зеленые звезды на самолетах. А племяш, наверное, считает меня совсем пропащим человеком - как же, имея столько бумаги, можно не сгибать из нее разные диковинки? Пора менять тактику.

- Василий, - официальным тоном заявляю я, - отдай мне бумагу!

Васька презрительно ухмыляется и кивает головой на балконную дверь, подразумевая, видимо, что вся бумага в виде самолетиков уже улетела с балкона. Да, хороший мальчик, мой племяш. И главное - добрый такой...

- А я-то хотел тебе показать, как можно из обычного листа бумаги соорудить двух лягушек: квакающую и прыгающую. Но раз ты не хочешь...

Васька недоверчиво смотрит на меня. По его глазам видно, что он сильно сомневается в моих словах. Чтобы такой никчема сумел согнуть сразу двух лягушек... Что-то тут не то! А я с безразличным видом усаживаюсь на диван и начинаю перелистывать страницы какой-то умной книги. Через минуту любопытство одерживает верх.

- У меня тут два листика осталось дак...

Я продолжаю изучать книгу.

- Хватит двух листиков-то? - начинает уже нервничать Васька.

- Мало! - убедительно говорю я, не отрывая взгляд от схемы перегонного куба. Очень, знаете ли, интересная схемка! И как вовремя она мне попала!

- Три? - режет себя по живому племяш.

- Шесть! - как можно небрежнее бросаю я.

Васька тихо охает, глубоко вздыхает, сопит и чешет рукой затылок.

- Отвернись тогда! - немного погодя требует он.

Я отворачиваюсь, но не забываю предупредить:

- Обманешь если, то ничего и не покажу!

За спиной слышится возня, пыхтенье и скрип отворяемой дверцы шкафа. Через довольно продолжительное время, которого хватило бы, к примеру, для варки двух порций кофе, рядом со мной на диван шлепаются тонюсенькая пачка листов.

- Сгибай! - приказывает Васька.

Я не спеша пересчитываю листы. Все верно - шесть. Два уйдут на лягушек, а остальные, как я надеюсь, на Егорку с Гошей. Через полторы минуты лягушки готовы. Одна и верно - скачет, если прижать ее сначала пальцем, а потом резко отпустить. Вторая разевает рот, если дергать за хитро согнутую бумажку. Васька в немом восхищении застывает перед моими поделками. Я сразу вырос в его глазах на несколько пунктов. Оставив племяша наедине с лягушками, я быстро сбегаю в свою комнату. Сказка нервно бежит по комнате и ждет своего продолжения. Сейчас, сейчас. Не суетись, милая. Запишем тебя. Лихорадочно затачиваю карандаши и придвигаю поближе доставшуюся мне с таким трудом бумагу...

**Глава 4,
в которой кот Гоша начинает говорить, елочный пират превращается в Шишкаря,
а Снегурочка волшебством открывает двери**

На вокзале появилась странная парочка: маленький мальчик с надкушенным румяным яблоком и большущий рыжий кот. На их внезапное появление никто не обратил ровно никакого внимания - мало ли мальчишек с котами путешествуют по железной дороге? Да сплошь и рядом! Парочка уверенно прошла в вагон и заняла лучшие места - как раз у окна. Из окна было видно, как по перрону важно ходит толстый усатый дядька в форме и с двумя флажками: желтым и красным. Вот, обгоняя его, мимо просеменила подозрительная старушка с клюкой и с каким-то огромным жбаном за спиной.

- Баба Яга ступу куда-то поволокла, - небрежно зевнув, объяснил Гоша и разгладил лапой усы.

Егорка нисколько не удивился тому, что Гоша умеет разговаривать. Он-то давно знал об этом. И даже как-то раз проговорился об умении кота маме. Но мама Егорке не поверила и сказала, что говорящих котов не бывает. И если Гоша умеет выражаться словами, то пусть попросит хотя бы рыбы. Рыбы Гоша просить не стал - наверное, был в тот раз сытым. Он просто удрал с кухни на диван.

Как оказалось, старенькая бабушка Яга тоже захотела проехаться в вагоне. То ли у нее бензин в ступе кончился, то ли попростыла, носясь над лесом, а может, от старости забыла поднимающее заклинание. Но вероятнее всего хитрая старушенция решила просто сэкономить на полете. Хорошо еще, что она не села в егоркино с Гошей купе, а пробежала дальше в хвост вагона. Туда же вслед за Ягой важно прохромал по проходу бородастый здоровяк на деревянном протезе. Чем-то он Егорке показался знакомым, только он никак не мог вспомнить, где же они встречались раньше.

- Пират елочный, - словно читая егоркины мысли, внес ясность кот. - Дружок у Яги закадычный.

В это время к ним в купе с трудом втиснулся большущий дед с таким же огромным мешком. Он вел за руку бойкую девчонку, чуть, может, постарше Егорки. На деде был надет странный долгополый кафтан, перепоясанный широким куском материи. Девчонка же была в обычном платице и босоножках.

- Не мало ли вас? - не надо ли нас? - весело проговорил дед, внимательно разглядывая Егорку с Гошей.

- Милости просим, дедушка! - тут же ответил кот. - Хорошим попутчикам завсегда рады. Все хоть дорога веселей будет!

- Ох, тороват ты на язык! - восхитился дед. - Садись-ко к окошку, внученька, а я армячишко покуда сброшу.

Он забросил на самую верхнюю полку свой мешок и снял кафтан, который аккуратно повесил возле двери.

- Далеко ли путь держим, молодой человек? - поинтересовался дедушка у Егорки, усаживаясь на мягкое широкое сиденье.

- Да мы это так... покатаемся... - отчего-то смутился Егорка. Все люди вон по делам едут, а они с Гошей так просто. Пассажиры, одним словом.

- Путешественники мы! - гордо заявил Гоша и снова потянулся лапой к усам. - Имеем полное право! У нас и билеты есть! - и неизвестно откуда тут же достал два настоящих железнодорожных билета.

Егорка восхитился умением кота добывать билеты из воздуха. Он-то прекрасно помнил, что они никаких билетов не покупали. Потому что у них даже денег не было.

- А и ладно, - сразу согласился дед. - Когда есть билеты, то и вопросов никаких быть не может. А и устал я чего-то. Вы тут пообщайтесь пока, а я вздремну, что ли...

С этими словами дед встал, потянулся и быстро залез на второй ярус. Егорка с Гошей некоторое время помолчали, разглядывая оставшуюся им девчонку. Чуть курносая, в маленьких веснушках, светловолосая и синеглазая, она сидела и весело болтала ногами.

- Меня Танюшкой зовут, - неожиданно представилась она.

- А что? - опять влез кот. - Танюшка - это хорошее имя. Я, например, знал девчонок с куда более незвучными именами. Вот в соседнем с нами подъезде...

Тут Егорка пнул Гошу под столиком ногой. Кот недовольно фыркнул, но замолчал.

- Я - Егорка, - улыбнулся мальчик. - А это - кот Гоша.

- Гоша - хорошее для кота имя, - отплатила той же монетой Танюшка. - Я вот знала кота с именем Мусик.

- Дурацкое имя! - обиделся Гоша и начал демонстративно смотреть в окно. - Кто такие имена и придумывает только. Самого бы его назвать Епидофором каким-нибудь - вот и поскакал бы он с таким именем. Попрыгал бы по жизни! - уже более злорадно добавил он. - Пришел бы он с таким именем в садик, к примеру, а дети и спросили бы у него, как его звать. Он и скажи - Епидофор. Ох, что тут и началось бы!

- Перестаньте, пожалуйста! - попросила Танюшка. - Человек разве виноват, что его так родители назвали? Так же и коты. Мусик, к вашему сведению, прекрасный кот. И другим котам следовало бы поучиться у него величести.

- Да я чего... - смутился Гоша. - Я так это...

В это время толстый дядька на перроне махнул желтым флажком. Паровоз весело гуднул, фыркнул, спуская пары, и, дернувшись, поехал. Егорка во все глаза смотрел за окно. Они с мамой уже один раз ездили на поезде в большой и далекий город Архангельск. Там у мамы жила подруга. И тогда Егорка тоже не отрывался от окна. По железной дороге мальчику ездить понравилось. Там можно было встать с полки и побегать по вагону, заглядывая в другие купе, с кем-то знакомиться, получать от незнакомых людей конфеты и яблоки, а когда все надоест - снова смотреть в окно. А сейчас они с Гошей едут самостоятельно, как два путешественника. (И откуда, интересно, Гоша такие слова знает?)

Мимо вагона медленно проплыл станционный буфет. Возле крыльца буфета на пустых ящиках сидели два рыжебородых мужика с одним на двоих велосипеде. Один был в черных очках, а у второго почему-то не хватало половины одного уха. Они проводили взглядами вагон и переглянулись.

- Все! - сказал тот, что в очках. - Стрелку мы перевели, и они теперь точно не успеют в Город, потому что поедут через горы. А в горах многое может случиться...

- Это ты, Подляй, здорово со стрелкой-то придумал, - позавидовал товарищу одноусый. - Поехали теперь в Город - Боссу доложимся.

- Сейчас, Подлюй, твоя очередь меня везти! - хохотнул Подляй. - Крути педали, а я на багажнике поеду! Так как мы все хорошо это обтяпали, то, может, Босс нам второй велосипед купит...

Они запрыгнули на свой велосипед и быстро покатали в сторону Города. А поезд, между тем, миновал стрелку и выехал в поле.

- Чего-то мы не туда поехали, - забеспокоилась Танюшка, глядя в окно. - Должны были ехать в Город, а тут какое-то поле...

- Это не поле, - важно ответил кот. - Это - «санитарная зона».

- Мы с дедом должны были к вечеру быть в Городе, а теперь когда туда и попадем... - расстроилась девочка.

- Так разбуди дедушку, да и расскажи ему, - посоветовал Егорка.

- Устал он сильно, - пригорюнилась Танюшка. - Теперь его долго не добудишься.

- А зачем вам в Город нужно?

Танюшка посмотрела на своих попутчиков, решая про себя - можно ли им открыть тайну. И решила, что можно.

- Мой дедушка - не просто дедушка, - объяснила она. - Он Дед Мороз!

- А ты тогда - Снегурка получаешься! - обрадовался кот и снова пригладил лапой усы.

- И вам срочно нужно в Город, потому что на носу уже Новый год.

- Как Новый год? - опешил Егорка. - Сейчас ведь лето... Вон и трава еще зеленая...

Снегурочка Танюшка вздохнула.

- В этом Городе никогда не бывает зимы. Потому что он волшебный. Но здесь, как и в любом другом городе, тоже живут люди и главное - дети. И они сильно ждут Деда Мороза. И если мы не приедем, то Новый год просто не начнется. А если он не начнется, то дети перестанут веселиться. А если дети не будут улыбаться, то кончится волшебство, охраняющее этот Город...

- И тогда в Город придет зима... - догадался Егорка.

- Совершенно верно, - важно подтвердил кот и вдруг чего-то перепугался. - Эй, стойте! Если не будет волшебства, то коты перестанут разговаривать?

Танюшка кивнула головой.

- Мы с дедушкой всегда начинаем свои поздравления с этого Города. Сначала Новый

год приходит сюда, а потом уже дальше.

- Так давайте, побежали скорее! - заволновался Гоша. Видимо, ему очень хотелось сохранить свою способность разговаривать. - Надо что-то делать!

- Куда побежим? - тут же соскочил с места Егорка. - Я готов!

- Первым делом нужно идти к машинисту поезда и сказать ему, чтоб он ехал как можно быстрее, - внес дельное предложение кот.

- К какому машинисту? - удивилась Танюшка. - Нас везет волшебный паровоз. Он сам себе знает, куда ехать.

- Но поговорить-то с ним можно? - не сдавался Гоша. - Раз он волшебный...

- Можно, - согласилась Танюшка. - Пойдемте скорее!

Дети вместе с котом выскочили из купе и быстро побежали по вагону. Дверь в тамбур оказалась закрыта. Егорка несколько раз дернул ее за ручку и оглянулся на товарищей.

- У нас ведь и ключа нет. Что теперь делать?

- Я немного волшебница, - скромно потупилась Танюшка. - Кое-чему научилась от бабушки.

Она приложила к замку ладошку, и он, громко щелкнув, открылся. Все гурьбой они ввалились в кабину паровоза. Там и действительно никого не было. Загадочно мерцали огоньки приборов, перемигивались разноцветные лампочки и сами собой двигались рычаги.

- Кто такие? - неожиданно раздался веселый голос из репродуктора, висевшего на стенке. - Почему здесь?

- А мы это... со Снегуркой вместе, - тут же нашелся кот. - Вот с ней, - и показал лапой на Танюшку.

- Что надо? - продолжал допытываться голос.

- Послушайте, уважаемый паровоз, - подбоченясь, начал кот. - Мы, это...

- Называйте меня, пожалуйста, по имени, - перебил голос.

- А как вас зовут? - поинтересовался вежливый Егорка.

- Меня? - удивился голос. - А разве вы не знаете? Я - паровоз Гоша!

У кота от такой неслыханной наглости на время отнялся язык - как это так? Чтоб паровоз носил кошачье имя?! Он покрутил возле морды рыжей лапой, разгладил - уже в который раз! - усы и, сказав: - Э-э, позвольте-ка... - надолго замолчал, в великом изумлении таращась на репродуктор. Пока кот не мешал своей болтовней, Танюшка быстро объяснила паровозу Гоше, в чем дело.

- Конечно! - тут же согласился паровоз. - Так как я повернуть назад не могу, то поеду как можно быстрее. Можете не беспокоиться. Опоздаем на два часа, но к вечеру будем в Городе.

- А почему это мы поехали по большому кругу, уважаемый, э-э... Гоша? - наконец обрел дар речи кот. И строго уже поинтересовался: - Кто приказал?

- Никто, - честно признался паровоз. - Просто кто-то перевел стрелку.

- Хе-хе! - неожиданно раздался новый голос за спинами ребят. - Это Подляй с Подлюем стрелку перевели - больше некому! То-то, думаю, они возле станции крутились.

Егорка оглянулся и невольно попятился за спину Гоши - перед ним стояла Баба Яга из последнего купе. Из-за ее плеча выглядывал елочный пират. Кот, в свою очередь, ловким макаром унырнул за спину Танюшки и свирепо зыркнул оттуда на подозрительную парочку.

- Не бойтесь, - успокоила друзей Танюшка. - Это моя троюродная тетка - Бабушка Яга. Если она не вредничает - то вполне симпатичная даже старушка получается.

- Ничего себе - симпатичная! - довольно невежливо прошептал на ухо Егорке кот Гоша.

- Мой дедушка Кузьма жила у нее когда-то. Неделями дома не бывает. А сама ни «Вискаса» не положит, ни рыбки не оставит. Так на подножном корму и перебивался всю жизнь. Хорошо, что вовремя лапы унес!

- Так ты Кузьки внучок будешь? - заинтересовалась Яга. Видимо, у нее оказался хороший, не по годам, слух. - Как ушел от меня - так больше его и не видала. И где он сейчас?

- В Городе, - пробурчал Гоша, не хотевший полностью раскрывать Яге новое местожительство своего дедушки. Мало ли, назад потащит? Достанется тогда Гоше на орехи!

- Мороз Васильевич почивать изволит? - спросила Яга у Танюшки.

Снегурка кивнула головой.

- Долго его теперь не добудешься, - посочувствовала старушка. - Помню, уснул эта так же - ну никак его с дедом Шишкарем расторгать не могли. Когда это бывало-то, ба-тюшко? - обратилась она к пирату, который, видимо, и являлся по совместительству Шишкарем.

- Да это кожды мачеха девчонку за цветам в лес послала, - припомнил дед Шишкарь. - Это посереде зимы-то!

- А пойдете в вагон, - предложила Танюшка. - Не станем мешать Гоше. А то еще с пути собьется.

- Как он может с пути сбиться? - не поверил котяра. - Тут рельсы кругом - и захочешь, да не вывернешь.

- Бывали, хе-хе, случаи, - захихикала Яга. - Пойдете, пообедаем.

- Ура! - обрадовался кот. - Перерыв на обед! Люблю я это дело, - признался он Егорке и первым выскочил в тамбур.

Глава 5, где Василий занимается тренировкой лягушек и случайно узнает, что они получают из икры

Ну, что ж - герои мои добрались до обеда. И сказочка у меня поуменилась - много ее уже на бумаге оказалось. Я хотел продолжать и дальше покрывать листы неровными буквами, но едва представил себе самобраную скатерть, имеющуюся у Бабы Яги... как у меня засосало под ложечкой. Да и Василия пора кормить тоже. Пробрался в кухню, разогрел вчерашний борщ и быстренько соорудил яишенку. Порезал крупными ломтями ветчину и хлеб, включил чайник и пошел звать племянника.

Василий, как оказалось, времени даром не терял. Он уже разрисовал моих лягушек цветными карандашами в различные цвета и теперь занимался тренировкой прыгающей сине-желтой лягушки. Он пытался научить ее скакать через второй том энциклопедии. Лягушка была упорной - она никак не хотела перепрыгивать через толстенную книгу. Но знала бы она, каким упорством обладает мой племяш! Я нисколько не сомневался в том, что уже к вечеру она начнет прыгать, как миленькая! Причем сразу через два тома.

- Василий, идем обедать!

Васька нетерпеливо отмахивается - некогда, мол! Тогда я подхожу, ставлю на место энциклопедию и забираю лягушек. Племяш тяжело вздыхает и плетется за мной в кухню.

- А чего лягухи едят? - уже за столом спрашивает он.

- Ну, всякое там: комаров, мух, бабочек...

- А они вкусные?

- Кто? Лягухи?

Василий смотрит на меня, как на недоумка.

- Мухи!

Я невольно начинаю хихикать.

- Не знаю, Вася. Я не пробовал. А чего спрашиваешь-то?

Васька лениво ковыряется вилкой в яичнице.

- Надумал лягуху поймать. Пусть дома живет. Настоящая-то куда как веселей прыгать станет.

- Васек, - ужасаюсь я, - они же холодные! Они в болоте живут.

- В болоте и поймаю, - решает Васька. - А мух легко наловлю. Липучку повешу, дак сами налипнут.

- Ты что - в цирке хочешь выступать? Номер с лягушками? Должен предупредить, что некоторые виды сильно ядовиты, - пугаю я племянника.

Тот недоверчиво косится на меня.

- Врешь!

- Я-то? Нисколечко!

После минутного раздумья племяш заявляет:

- Я которых без яда наловлю.

- И бородавки от них лезут, - запугиваю я его еще больше.

- Я без бородавок выберу, - не сдается Васька.

- Не у них бородавки-то, - вношу я ясность. - У тебя вырастут.
 - Не вырастут, - уверенно рубит Василий и тянется к чаю.
 - Лучше котенка заведи, - советую я. - Лучше дело-то будет.
 - Котенка мама не разрешает. А лягуху в кармане можно спрятать. Она и не заметит.
 - Тогда каждые пять минут придется карман из чайника поливать. Они, лягушки, мокреть любят.

Васька задумывается. Потом находит решение.

- В аквариуме жить станет. И рыбам веселей будет. А теперь рассказывай, как они получают.

- Лягушки?

Племянш утвердительно кивает головой.

- Из икры, Вася.

Василий недоверчиво смотрит на полупустую банку кабачковой икры, стоящую на столе.

- Во врать-то!

Я заверяю Ваську, что это действительно правда. Тогда он пытается вникнуть в подробности этого процесса. Дело принимает скверный оборот.

- Василий, мне бы еще пару листиков... - нахожу я хитрый ход.

Племянник как-то боком-боком исчезает с кухни. Да, хорошо все-таки быть взрослым - всегда обхитришь маленького! Я быстренько мою посуду и бегу к себе в комнату. Сказка вполне обжилась на моем письменном столе и никуда с него уходить не собирается. Вот все бы сказки такие дисциплинированные попадались! Карандаш уже затупился - не беда. Беру из стаканчика новый - благо в прошлый раз я сразу заточил штук десять. Полезно иметь под рукой запас карандашей - всегда пригодится. На чем я там остановился-то? Ах, на обеде...

Глава 6, в которой строгий военный не пропускает паровоз дальше, а из дырявого решета появляются разные диковины

После того как все поели, Баба Яга загнула уголки скатерти-самобранки, дунула, плюнула, что-то шепнула, и скатерть исчезла неизвестно куда. Причем вместе с грязной посудой. За окном быстро мелькали невысокие горы. Внезапно в вагоне резко потемнело.

- Уже ночь? - испугался Егорка.

- Туннель, - лаконично поправил Гоша.

В вагоне тут же загорелись лампочки. Стало гораздо уютней. Впрочем, когда через десять минут туннель кончился, лампочки снова погасли. Но в это время поезд начал притормаживать, а через некоторое время и вовсе остановился.

- Станция? - предположил Егорка.

- Не бывало тут никаких станций, - пробубнил дед Шишкарь и полез корявой пятерней в огромную седую бороду. - Никто ни про какие станции тут и слыхом не слыхивал. Поле, вишь, вокруг. Не для кого тут станции строить.

Гоша открыл окно и смело высунул голову наружу. И тут же спрятал ее обратно.

- Солдаты поезд не пускают. С ружьями все.

- А-а, - припомнила Баба Яга, - аэродром тут поблизости. Я его за пять верст всегда облетаю. А то сшибут ненароком как нарушителя воздушного пространства. У них ума хватит.

- Пойдемте скорее, поговорим с ними, - засуетилась Танюшка.

- Нет, я в такие дела не вмешиваюсь, - заявила Баба Яга. - К тому же у них командир мне знакомый. Он уже два раза меня штрафовал. Говорит, что еще раз спыймаю, то на эту, как ее, на гап... га-упт-вахту - во, вспомнила! - посажу.

- Непощто нам на эту... вахту, - подтвердил Шишкарь. - Там кормят плохо. А вы сами идите, - предложил он.

- А вот и пойдём, - набрался решимости кот. - Нас-то не за что в кутузку совать. Мы в первый раз здесь едем. К тому же у нас билеты есть, - и он снова, неизвестно для кого, предъявил билеты.

Баба Яга уважительно покивала головой, соглашаясь, видимо, с доводами кота.

- Ну, пойдёмте, - решила Танюшка и первой направилась к выходу.

Следом за ней поспешили и Егорка с Гошей. Рельсы перед паровозом были перегорожены мешками с песком. Возле них стояли три солдата.

- Э-э, по какому праву... - начал Гоша, показывая солдатам билеты, но Танюшка так наступила ему на лапу, что кот тут же прикусил язык.

- Где можно увидеть ваше начальство? - вежливо поинтересовалась у солдат Снегурка.

Те хранили молчание.

- Не так надо - они же на посту, - прошипел кот и неожиданно заорал во всю глотку: - Командир где?

Из-за мешков появился высоченный усатый офицер.

- Кто тут шум наводит и беспорядки безобразничает? - спросил он густым басом. - Вот сейчас на гауптвахту!..

Гоша так и попятился назад.

- Мы это... - испуганно проблеял он, - гуляем тут. Зачем нас на вахту? - и уже более решительно заявил: - Мы больше не будем!

- А вот я ужо! - на всякий случай пообещал командир и, видимо, удовлетворенный обещанием кота, поинтересовался: - Кто такие? Где пропуск?

Егорка подтолкнул Гошу локтем - покажи, мол, билеты! Но кот с безразличным видом ковырял лапой землю и билеты предъявлять не торопился - он уже сообразил, что такого бравого командира на мякине не проведешь. Враз раскусит! Да еще, пожалуй, за подделку документов посадит на эту самую гауптвахту. Лучше не рисковать.

- Нам проехать надо. Очень надо, - попросила Танюшка. - Ну, честное слово!

- Никак нельзя! - отрезал офицер. - Мы тут тоже не в бирюльки играем. Учения у нас. Так что ждите.

- Стреляют? - сразу заинтересовался кот.

- Постреливают, - уточнил командир. - И гражданским во время учений тут делать нечего.

- Это я-то гражданский? - возмутился кот. - Я ничей, между прочим! - но, взглянув на Егорку, тут же поправился: - Мы тут сами по себе приехали.

- Вот и ладно! - тут же согласился командир. - Так же сами по себе и уедете.

- Но поймите, если мы не приедем вовремя, то и Новый год не наступит! - почти взмолилась Танюшка.

- У меня такой информации нет, - немного подумав, отозвался командир. - И соответствующих приказов не поступало. А Новый год в армии наступит по распоряжку. И вообще - брысь отсюда, мелюзга! Не то мигом на гауптвахту!

Ребятишки быстро сбежали от сурового командира.

- Какой строгий! - удивлялась Танюшка.

- И усы у него здоровенные! - завидовал кот. - Тоже, что ли, в армию пойти служить? Тогда мне будет и респект, и уважение...

- Не выгорело дельце? - проскрипела Баба Яга, когда ребята зашли в купе.

- Никак не пропускает, - пригорюнилась Танюшка. - Вот, говорит, сейчас на гауптвахту - да и весь разговор!

- Сурьезной мушшина! - поддакнула старушка. - По уставу живет. Такого не задобишь ничем. А сохранилось ли, милая, решето? - неожиданно вспомнила она.

Танюшка всплеснула руками.

- Ну, конечно! Как я и забыла! В мешке у дедушки... Гошенька, миленький, достань, пожалуйста!

Гоша важно разгладил усы и мигом взлетел на третью полку.

- Какое оно? - послышался сверху его голос. - Тут много всякой всячины - сразу и не определишься!

- Круглое такое, с дырочкам на донце, - подсказала Баба Яга. - Да ты что, рыжой, решета не видывал, что ли?

- Да у них в этом Городе откуль решету-то взяться? - гулко сказал Шишкарь. - Не в деревне, чай...

- Это, что ли? - спросил Гоша, спрыгивая на пол. Он держал в лапе пустое, дырявое местами решето.

- Оно, оно, милое, - закивала головой Баба Яга. - Как вот сейчас помню...

Но Танюшка не собиралась слушать воспоминания своей тетки. Она положила ре-

пешо на столик сверху донцем и нетерпеливо стукнула по нему ладошкой. Потом подняла его. Из-под решета важно вышли на столик семь крохотных гномов с лопатами и топорами.

- Не то!.. - прошептала Танюшка и прихлопнула гномов решетом.

Снова ударила по доньшку. На этот раз оттуда выскочил малюсенький Серый волк с какой-то фигуркой на спине. Кот фыркнул и сердито встопорщил усы.

- Не торопись, милая, - посоветовала Снегурке Баба Яга.

Танюшка прихлопнула и волка. Немножко посидела, собираясь с мыслями, и легонько дотронулась до решета. Из-под него строевым шагом вышел толстый маленький военный. Немного промаршировав, остановился на столе и отдал честь, приложив ладонь к большущей папахе.

- Чем могу служить? - пропищал он.

- Нам проехать нужно, а у них учения, - объяснила Танюшка. - И гауптвахтой пугают.

Военный смело прыгнул со столика, но до пола не долетел, неожиданно начав увеличиваться в размерах. Через мгновение в купе стоял важный генерал с такими огромными усами, что кот так и застыл в немом восхищении.

- Гауптвахтой пугают? А вот я их сейчас всех на цугундер! - рявкнул генерал и вышел из купе.

Танюшка и Егорка с Гошей высунулись в открытое окно. Толстый генерал уже вовсю распекал сурового командира. Тот стоял перед начальством по стойке «смирно» и не смел вымолвить ни слова. Егорке было видно только спину генерала и его затылок. И еще - торчащие в разные стороны два длинных уса. Когда генерал что-нибудь говорил, то усы смешно шевелились. В вагон иногда долетали слова:

- А вот сейчас на цугундер!.. Вы что - устав не учили?.. Молчать, когда я вас спрашиваю!..

Солдаты шустро растаскивали мешки с песком, освобождая путь паровозу. Через минуту паровоз победно прогудел и тронулся в путь. Мимо вагона проплыли безмолвные фигуры военных во главе с генералом, отдающие честь торчащим в окнах пассажирам. Командир диким, ошалелым взглядом проводил высунувшуюся чуть ли не пояс из окна хихикающую Бабу Ягу, показывающую ему кукиш, но сказать в присутствии генерала ничего не посмел.

- А что, генерал так там и останется? - спросил Егорка у Танюшки.

Та кивнула головой.

- А если в следующий раз он нужен будет, тогда как?

- Тогда еще кто-нибудь поможет, - объяснила Снегурка.

- Хорошая посуда, - одобрил кот. - Нужная!

- Только часто им нельзя пользоваться, - вздохнула Танюшка. - Иначе оно свою волшебную силу теряет.

- А мы часто и не будем, - заверил ее кот. - Теперь и так доедем.

- Хорошо бы добраться без приключений, - вмешалась Баба Яга.

Кот Гоша посмотрел на нее как на полностью пропавшее существо. Взгляд кота ясно говорил, что без приключений и жить незачем. И он, кот, приключения очень любит.

Глава 7, падение Василия и новые качества Скакухи

В это время в соседней комнате раздается ужасающий грохот. Я вскакиваю и бегу туда. Передо мной картина, достойная кисти художника Верещагина, - разгром полнейший! Стол опрокинут, также и стул, а на полу в беспорядке валяется куча книг из шкафа. В центре этой кучи, полузасыпанный книгами, восседает племянник Василий и испуганно смотрит на меня. Я прислоняюсь к косяку двери. Вроде все в порядке, иначе племяш уже орал бы благим матом.

- Что случилось, Василий? - строго спрашиваю я.

Племянник молчит, аки рыба, и только тарашится на меня из-под книжек.

- Что это? - еще строже интересуюсь я, хотя меня так и подмывает расхохотаться.

- А ругаться не будешь? - наконец, отчего-то басом, интересуется племяш.

- Не знаю, - честно признаюсь я.

- Тогда и не скажу, - занимает глухую оборону Василий.

Зная упрямство племянника, мне пришлось согласиться «не ругаться». Глаза племянника тут же наполняются слезами.

- Ноге больно...

Я бросаюсь к нему и срочно осматриваю ногу. Слава богу, ничего страшного. Ушиб колена. Оперативно мажу колено йодом в виде сеточки. Затем достаю из аптечки бинт и туго перевязываю. Василий веселеет.

- Скакуху достань, - требует он.

- Кого? - не понимаю я.

- Лягушку, которую сам и сгибал. Я ее Скакухой назвал.

- И где же у нас Скакуха?

- На шкафе.

- На кой черт ты ее туда закинул? - интересуюсь я, становясь на стул.

- Она сама...

- Что - сама?

- Заскочила. Скакуха ведь...

- Ну, это ты, брат, заливаешь. Я прекрасно помню эту лягушку. Ей и через книгу-то не перепрыгнуть было.

Василий сопит и виновато смотрит на меня.

- Я ей лапы по-другому согнул.

Я так и застываю на стуле.

- И чего?

- Ну, она это и начала в воздухе кувыркаться, - объясняет племянник. - Тогда я снова ей лапы перегнул. Она и стала выше меня прыгать...

Я недоверчиво рассматриваю извлеченную со шкафа лягушку. Действительно - прыжковая часть лягушки согнута совершенно по-новому. Вот ведь! Сколько я переделал в детстве этих лягух, а изменять угол сгиба и в голову не приходило. А восьмилетний племянш додумался. Надо же, далеко пойдет! Конструкторская мысль налицо!

- И как ты дотумкал это? - спрашиваю я.

- Дак совсем же не прыгала, - как больному, терпеливо втолковывает Василий. - Я и придумал.

Молодец Василий! Я осторожно прижимаю зад лягушки к столу и резко отпускаю. Лягушка подпрыгивает сантиметров на тридцать. Хотя у нее теперь и смещен центр тяжести, но скачет не больно высоко. Что-то племянник темнит - не могла лягушка запрыгнуть на шкаф. Я вопросительно смотрю на него.

- Не так прыгаешь... - неохотно выдает тайну племянш. - Ты карандаш возьми. И посади на книгу... Да не на эту - эта скользит. Вон, на черную...

Я прижимаю лягушку карандашом к шероховатой обложке книги. Случайно карандаш срывается, а лягушка снова с удовольствием улетает на шкаф. Я сижу и чешу в затылке, почти с испугом глядя на Васюку.

- Как же ты это мог сообразить-то? - недоумеваю я.

- Я подня по-разному пробовал, - признается племянник.

Я собираю книги и, полностью обескураженный, ухожу к себе. Вот тебе и подрастающее поколение! Сто очков вперед дадут. У себя в комнате сажусь в кресло и, несмотря на укоризненный взгляд уполовиненной сказки, завожу будильник и мгновенно засыпаю.

Глава 8, в которой пропадают рельсы, а паровоз пробует летать

Паровоз на полных парах мчался через поле. Уже остался далеко позади военный аэродром, и впереди, если высунуть в окно голову, можно было разглядеть лес.

- Половину, считай, дороги уели, - зевая, говорил Гоша глядящему в окно Егорке. - Если и дальше так же пойдет, то через пару часиков и приедем.

- Хорошо бы побыстрее... - отозвалась Танюшка. Она тоже смотрела в окно.

Баба Яга с Шишкарем дремали, сидя на соседней полке. Вагон сильно раскачивало, и если бы Егорка не смотрел в окно, где было столько интересного, то он тоже бы наверняка уснул. Из соседнего купе доносились взрывы смеха, а иногда даже песни: там ехала группа бородатых геологов с гитарой. То, что это были геологи, разузнал любопытный

Гоша, сбежав к ним в купе буквально на минуту. И что выходить они будут в лесу, и станут там жить в палатках. Егорка представил себе, как здорово было бы пожить в лесу с геологами. Спать в палатке, сидеть у костра и слушать всякие истории. Поле за окном кончилось, и паровоз, без всякого перехода, вдруг помчался по лесу. Огромные толстые елки высились рядом с железной дорогой. Редко когда промелькнет мимо белый сарафан березки. Такого леса Егорка еще не видел. Когда они с мамой ездили в Архангельск, то лес за окнами вагона был совершенно другим: светлым и радостным.

- Темный лес, - словно читая егоркины мысли, сказал кот.

- Чаво это? - встрепенулась Баба Яга, сквозь сон уловившая слова Гоши.

- Темный лес, говорю, - повторил уже для Яги кот. - Вылезай, бабка, приехали!..

- Нет, мы у овражка выскочим, - зевнула во весь рот Яга.

- А почему? - не понял Егорка.

- А живу я тутотка, - с охотой объяснила старушка.

- Изба у нее здесь, - добавил кот.

- А дедушка Шишкарь где живет?

- Рядом и живет, - снова зевнула Яга. - Мы давно век вместе коротаем. Вдвоем-то гораздо поваднее. Пойдем, старый, за вешшами, - подпихнула она в бок своего спутника.

Тот встал и, тоже зевая, потащился вслед за Бабой Ягой в свое купе. Лес начал редеть, и на опушке поезд остановился.

- Пойдем, проводим Ягу, - сказал кот. - Веселая старушенция оказалась. Не ожидал даже.

Они втроем вышли из вагона. Ноги по колено утопали в высокой траве. С опушки лес вовсе не казался таким мрачным и страшным. Из вагона уже вылезали Баба Яга со ступой за плечами и Шишкарь с огромной клетчатой сумищей. Паровоз вдруг тревожно гуднул.

- Что-то случилось, - забеспокоилась Танюшка и первой побежала к паровозу.

Но кот и здесь оказался быстрее и опередил Снегурку.

- Чего разорался, Гоша? - спросил он, заскакивая в кабину.

- Путей впереди нет, - ответил паровоз из своих динамиков.

- Как же так - нет? - не поверил котяра и посмотрел вперед.

Путей впереди и точно - не было. Словно корова языком слизнула. Ниточка рельсов заканчивалась у глубокого оврага и появлялась только на другой стороне, там, где безмятежно паслось стадо коров. Позади кота уже толпились Егорка с Танюшкой и Баба Яга с Шишкарем, бросившие рядом с вагоном ступу и сумку.

- Диверсия, - определил Шишкарь. - Рельсы уволокли.

- Подляй с Подлюем? - спросила Танюшка.

- Нет, - покачала головой Яга. - Они мелкие пакостники. А тут виден размах. Им было бы не осилить.

- Тогда кто?

- Видимо, тот, на которого они работают. Босс ихний.

- А на кого они работают? - поинтересовался кот.

- Да появился тут один в Городе недавно, - припомнила Баба Яга. - Федька Крюков, что ли... Он из этих, из паразитов заморских будет.

- Фредди Крюгер! - ахнул Егорка, недавно посмотревший фильм про улицу Вязов.

- Наверное, - пожала плечами Яга. - Тоже сурьезной мушшина. Хотя и далеко ему, поди, до нашего Кащеюшки.

- В смысле подлости нутра - дак переплюнет, - вмешался Шишкарь. - Наш Кащей давно уж на пенсии. Безобидный совсем старикан стал.

- Что же теперь делать? - расстроилась Танюшка.

- А решето? - подсказала Яга.

- Ну не достанем же мы оттуда рельсы... Их там и нет.

- А мы оттуда вызовем того, кто нам помочь сумеет. Мороз-то Васильевич мигом бы мостик ледяной соорудил. Дак спит ведь еще.

- Пойдемте, - решила Танюшка. - Посмотрим, что можно сделать.

Все снова направились в купе. Гоша быстро достал сверху решето и шлепнул его на стол. Танюшка перевернула его и легонько ударила по доньшку. Из-под решета появились давешние гномы.

- Айн, цвай, драй! - скомандовал один из них.

Гномы остановились.
- Мост можете построить? - спросила Танюшка.
- Запросто, - согласились гномы. - К утру и построим.
- Нет, нам сейчас надо.
- Извиняйте тогда, - сказали гномы и ушагали под решето.
Танюшка слегка крутнула решето на столе и снова пристукнула по нему. Из дыры в доньшке показались три головы Змея Горыныча.
- Привет, подружка! - поприветствовала первая голова Бабу Ягу.
- Здорово, доходяга! - радостно оскалилась вторая голова Шишкарю.
- Здравствуйте, молодые люди, - поздоровалась третья, видимо, самая умная голова с Танюшкой, Егоркой и Гошей. - Что надо?
- Вы можете поезд через овраг перенести? - попросила Снегурка.
- Посмотрим! - одновременно ответили головы и исчезли.
Под решетом что-то завозилось, а через секунду из большой дыры выпорхнул малюсенький Змей Горыныч и улетел в раскрытое окно. Впрочем, тут же и вернулся.
- Не осилить, - вздохнула первая голова.
- Тяжелый больно, - объяснила вторая.
- Извините, ежели, - посочувствовала третья, и Горыныч скрылся в решете.
- Дела... - протянул Шишкарь. - Вся наша сила - ерунда супротив современной техники.
- Посмотрим, - не сдавалась Танюшка.
Снова хлопнула по донцу. Из всех прорех решета вдруг полетели белые мотыльки. Приглядевшись к ним повнимательнее, Егорка так и ахнул: это были маленькие-маленькие крылатые феи. Они быстро заполнили купе и начали вылетать в окно. Их поток все не кончался и не кончался.
- Побежали, со стороны посмотрим! - скомандовал кот и первым выскочил из вагона. Остальные последовали за ним.
Феи, вылетая из окна, тут же густо облепляли колеса паровоза и вагона. И было их так много, что все вокруг казалось запорошенным снегом. Егорка сразу же вспомнил эмблему, красовавшуюся на рукаве пиджака дяди Коли: колесо с крыльями. Сейчас все колеса точь-в-точь походили на нее. Наконец, феи прекратили вылетать из окна и все расселись по колесам. Затем одновременно замахали крылышками. Паровоз с вагоном едва приподнялись с рельсов и застыли в воздухе. Феи бешено колотили крыльями, но выше поднять не могли.
- Еще бы чуть-чуть... - прошептал Егорка.
- Тетушка, вспомни, пожалуйста, поднимающее заклинание, - попросила у Яги Танюшка.
Баба Яга что-то прошептала, дунула, плюнула, крутнулась на месте волчком и взмахнула рукой. Поезд поднялся еще немного.
- Поехали! - пробасил Шишкарь и начал дуть на вагон.
Поезд плавно перелетел овраг и опустился на рельсы.
- Эй, нас-то забыли! - возмутился кот.
- А ничего, тут вот тропочка есть, - подсказала Баба Яга. - Бегите быстрее!
Гоша, забыв даже попрощаться, первым занырнул в овраг.
- До свиданья! - хором прокричали Егорка с Танюшкой и поспешили вслед за котом.
- Счастливый путь! - попрощались Баба Яга с Шишкарем и отправились искать в траве разбросанные впопыхах вещи.

Глава 9, какую пользу можно извлечь из заморских мультиков

Резко прозвенел будильник. Отлично, проспал ровно час - теперь можно и за работу браться. Но сначала - кофе. Бегу в кухню и ставлю чайник. Из комнаты, где гостит Василий, раздаются крики. Голоса какие-то дурные, явно не васькины. Я приоткрываю дверь к нему в комнату. Племянник, совершенно забыв о лягушках и самолетиках, сидит перед телевизором и смотрит заморские мультики. На экране десятка два людей в скафандрах стоят в каком-то ангаре и ожесточенно спорят, размахивая руками. Я лично, в большинстве из этих мультв смысла не нахожу совершенно. Ну, ладно, там ленты Уолта

Диснея - они хоть чему-то, да учат. Но те, что в последнее время заполнили наши экраны... Какими ребятами вырастут? В это время в кухне резко свистит чайник. Я завариваю себе кофе и намереваюсь уйти с ним к себе в комнату. Неожиданно появляется Василий.

- Чаю хочу! - требует он.
- Мультки смотришь? - спрашиваю я, наливая ему чай в небольшую чашку.
- А все равно смотреть нечего. А там хоть по космосу гоняют.
- Интересно?
- Глупые какие-то, - просвещает меня племянник. - Им надо ракету отремонтировать, а на склад коробки не те привезли. Дак они и звонят по радиции, чтоб коробки поменяли.
- По радиции, Василий, не звонят, а переговариваются, - поправляю я.
- Надо просто там: из третьей коробки антиграв вынуть и заменить его на ту штуку из восьмой. Полетит, как миленькая, - ехидно щурится племяш.
- Откуда знаешь? - удивляюсь я и обескуражено лохмачу свою, и без того достаточно уже спутанную, шевелюру.
- Они всю прошлую серию в этих коробках копались. И дураку понятно!

Так, значит, я был не прав. И такие мультки для чего-то нужны. Вспоминаю, как Василий лихо разобрался с моей лягушкой. Вот это, значит, откуда. Но с другой стороны: вместо того, чтобы нести что-то доброе и вечное, мультки эти несут нашим детям повальную роботизацию. Зато - какие технари получают! Так и не поняв - что же лучше, я сбегая за свой письменный стол. Там меня давно ждут Егорка с Танюшкой и веселый кот Гоша.

Глава 10, в которой решето «умножает» Деда Мороза, а Подляй с Подлюем отправляются на исправление к чертовой бабушке

Поезд промчался мимо домиков с конурой и начал сбавлять ход, приближаясь к вокзалу. В вагоне было тихо - бородатые геологи вылезли в Светлом лесу. Звали с собой и Егорку с Гошей, но те отказались: разве можно было оставить Танюшку на произвол судьбы!

- Пойдем в кабину, посмотрим - вдруг, да опять стрелку перевели, - предложил Гоша.

Поезд осторожно приблизился к стрелке. Теперь она стояла правильно. Понемногу начало темнеть, и паровоз Гоша включил фары. До Города оставалось совсем немного - какой-нибудь час быстрой езды. Ребята решили остаться в кабине у Гоши и попить чаю, которым их настойчиво угощал голос из динамиков. С тоской вспомнив скатерть-самобранку, в которой было столько вкусовости, Егорка принялся пить чай с двумя кусочками специального железнодорожного сахара и смотреть вперед на рельсы. Они казались ему блестящими ниточками елочного дождя, натянутыми в поле. Мальчугану стало немного грустно оттого, что скоро уже Город, где они попрощаются с Танюшкой, и что такое хорошее приключение завершается, так толком и не успев начаться. Но, оказываясь, приключениям было не суждено закончиться. Внезапно поезд снова начал притормаживать.

- Что такое? - Гоша первым метнулся к окну. - Опять рельсы, что ли, стащили?

Но на сей раз оказалось все наоборот: кто-то навалил на путях большую кучу деревьев, полностью перегородив проезд. И было заметно, что какие-то три темные фигурки таскают из леса все новые и новые деревья.

- Побежали дедушку будить! - воскликнула Танюшка и помчалась в купе.

Но дедушка никак не хотел просыпаться.

- Он только в Городе может проснуться, - наконец сообразил Гоша.

- Тогда доставай решето!

- Я мигом! - весело проорал кот, и через секунду решето уже лежало на столике.

Танюшка хлопнула по доньшку. Первыми по традиции появились работающие гномы.

- Завал на путях, - объяснила Танюшка.

Гном с пилой на плече добыл из кармана будильник. Что-то подсчитывая, взгляделся в циферблат.

- Три часа, фрау, - сообщил он.
- Ага, - дружно подтвердили остальные гномы, - меньше никак не получится. А за три часа успеем! Три часа - это оно самое...
- Через час нам уже надо быть в Городе... - пригорюнилась Танюшка.
- За час не успеть, - авторитетно заявил гном с пилой, видимо, бригадир. - Поищи другого кого, - и гномы дружно ушагали под решетку.
Снегурка снова пристукнула по решетку. Из-под него показалась плачущая девушка в блестящем сарафане. У нее не стали даже просить помощи, так как это была Царевна-Несмеяна - неумеха полнейшая. Она явно не могла ничем помочь. Танюшка опять ударила по дощечке. В купе опухло морозной свежестью, и на столике очутился маленький Дед Мороз.
- Дедушка? - удивилась Снегурка.
- Точно! - согласился Дед Мороз и, спрыгнув со стола, быстро увеличился в размерах. С явным интересом посмотрел на полку, где сам же и спал. Гоша с Егоркой во все глаза таращились на такое небывалое чудо.
- Ай да решетка! - восхищенно произнес кот. - Оно так любого может... умножить?
- Может, может, - добродушно проворчал Дед Мороз. - Ну, что у вас стряслось? В Город успеваем?
- Там, дедушка, деревья на рельсах, - объяснила Морозу внучка.
- Выросли?
- Нет, носит кто-то.
- Ну, пойдем, посмотрим на работяг! - определился Дед Мороз и первым пошел из вагона.
На куче деревьев копошились три фигурки. Двое что-то обвязывали для прочности веревкой, а третий с упоением вколачивал большущие гвозди, соединяя между собой стволы.
- Босс, дед проснулся! - пропищала одна из фигурок.
- Не ври! - отозвался тот, что колотил гвозди. - После моего лимонада он еще должен часа два спать. У меня все рассчитано. И график даже составлен.
- Посмотри, не веришь дак! - обиделся Подляй. Хотя, может, это был и Подлюй - кто их таких рыжих и одинаковых разберет? Тем более в сумерках.
- При чем здесь лимонад? - удивился кот.
- Да дедушка на вокзале лимонад пил в киоске, - отозвалась Танюшка. - Я ему говорила, что лучше квас из бочки. А он лимонада захотел.
- Я и сам бы от лимонада не отказался... - облизнулся кот.
- Значит, захотели зиму лютую в Город запустить? - грозно спросил Дед Мороз у негодяев.
- Босс, ну, это точно - он! - заскулил Подлюй, а может, и Подляй. - Ой, пропадем ни за что, ни про что!
- Это фикция! - авторитетно заявил Босс. - Научный обман зрения...
Дед Мороз удивленно почесал затылок.
- А вот я вам сейчас покажу фикцию! - рыкнул он, надул щеки и так сильно начал дуть на рельсы, что вокруг все загудело.
Деревья вместе с негодяями взмыли в воздух и, тяжело кувыркаясь, полетели к лесу. Потом набрали скорость и исчезли далеко за горизонтом.
- Куда ты их, дедушка, закинул? - спросила Танюшка.
- А к чертовой бабушке! Там им и место самое! У нее много не нашкуют - она их быстро к работе приучит!
Паровоз уже разводил пары, и все, кроме Деда Мороза, побежали в вагон.
- У меня тут дельце есть, - ответил он на взгляд внучки. - Прослежу, чтоб эти шкоды по месту прибыли. А то ишь ты, фикцией какой-то ругаются... Я им еще покажу фикцию!
- Но ихний начальник сказал, что вы, дедушка, еще два часа проспите, - вдруг вспомнил Егорка. - А мы уже через час в Городе будем.
- Ничего! - ответил Дед Мороз. - Проснусь, когда надо. Не так уж сильно на меня заморское зелье подействовало.
- До свиданья, дедушка! - прокричал Егорка вслед удаляющемуся Деду Морозу и помахал рукой.
- Увидимся! - донеслось сверху.

Через час поезд уже был в Городе. Дед Мороз тут же проснулся, словно и не спал, легко снял с полки мешок, покопался в нем и вручил Егорке большое румяное яблоко.

- Спасибо! - поблагодарил вежливый Егорка.

- Кушай на здоровье!

- Егорка, Гошенька, прощайте! - Танюшка обняла друзей и поспешила за дедом, уже выходящем из вагона.

- Так не честно, - насупился Гоша. - Тебе дак яблоко подарили, а мне дак и ничего.

- Охти мне! - неожиданно раздался в купе голос Деда Мороза. - Совсем старый стал - памяти нисколько не осталось! - и перед ошарашенным котом прямо из воздуха возникла настоящая мышь.

Она тут же юркнула в угол купе. Гоша хрипло мяукнул и метнулся следом. Егорка ждал, что же будет дальше. Откусил яблоко. Тут из-под столика вылез кот, запрыгнул к нему на колени и сказал:

- Мяу!

- Чего? - не понял Егорка.

- Мяу! - повторил Гоша и начал вылизывать грудку.

... Егорка огляделся. Оказывается, он сидел на диване под маминым пледом и держал в руке надкушенное яблоко. Перед ним сидел Гоша и сосредоточенно лизал лапу. В углу загадочным цветом мерцала елка, а на полу стояла несобранная железная дорога с паровозом, вагоном и Дедом Морозом на нем. В прихожей раздался голос и зажегся свет - это вернулись из театра мама и дядя Коля.

«Значит, мне все это приснилось? - с огорчением подумал Егорка. - И путешествие, и Дед Мороз, и Танюшка... Жалко! Так весело покатались на паровозе!»

Дед Мороз, стоящий на вагоне, вдруг помахал Егорке рукой. Егорка зажмурился, покрутил головой и снова взглянул на него. Нет, Дед Мороз стоял неподвижно. Гоша спрыгнул с дивана и побежал в прихожую встречать маму и дядю Колю. А Егорка сидел под маминым пледом и все смотрел и смотрел на железную дорогу, стоящую на полу прямо посередине комнаты...

Глава 11,

в ней заканчивается сказка, а Василий хочет увидеть во сне инопланетников

Я отложил в сторону карандаш. Стало немного грустно, как, впрочем, становится грустно всегда, когда заканчивается что-то большое и хорошее. Сказка уже вся поместилась на листах бумаги и промчалась по игрушечной железной дороге на паровозе, который мог летать... И хоть сделал я ее коротышкой - всего лишь на три часа действия, но сам-то провозился с ней целый день. Как это получилось - лучше не спрашивайте. Когда имеешь дело со сказками - можно ожидать чего угодно. На то они и сказки. Дверь в комнату приоткрылась, и на пороге возник Василий. Каштановые волосенки взлохмачены, в руках снова лягушка.

- Спать хочу! - сказал он и зевнул.

- Пойдем, разберу тебе диван, - согласился я.

Укладывая Ваську спать, я пожелал ему:

- Пусть тебе приснится большая железная дорога. И Дед Мороз на паровозе.

Василий чуть подумал и отрицательно покачал головой.

- Нет, пусть лучше ракета приснится. И инопланетники.

- Ну, ладно - пусть будет ракета, - ответил я и вышел из комнаты.

Пусть, пусть Василию приснится ракета. Или паровоз - неважно. Главное то, чтобы нашим ребятишкам снились хорошие светлые сны. А для этого нужно постараться нам, взрослым. И - ох, как нужно для этого постараться!

Лора ЛАД

УТОПИЯ 21-ГО ВЕКА

1. ХАС И МАЙЯ

Жил-был Хас Кудесник. Жил он один, кропотливо осваивая приобретенный в собственность надел земли под Вологдой. Кудесником его прозвали жители из соседней деревни, которые хоть и недолюбливали чужака, но отдавали должное его мастерству плотника, столяра, винодела и хлебопека.

Крестьяне поговаривали, что знается Хас со сверхъестественными силами, и побаивались на всякий случай. Но, обмирая от страха, мальчишки все же воровали осенью необычайно сладкие яблоки в его саду, а девушки, умывшиеся водой из рукотворного ручья Кудесника, становились красивее и успешно выходили замуж.

Хас смотрел на нарушителей сквозь пальцы, но если обнаруживал следы костра или свежие пенки в своих владениях - свирепел и долго не мог успокоиться. Тогда он шел к березке, что росла на пригорке чуть поодаль от дома, и, обняв ее стройный стан, молча вдыхал аромат белоснежной коры.

Однажды весной к Хасу приехала Майя. Смешливым ветерком пробежалась она по усадьбе, заглянула в мастерскую, крутанула яркой юбкой на кухне, уронила неловким движением солонку, рассыпав соль. С искорками в глазах виновато глянула на хозяина:

- Милый... Плохая примета - к ссоре...

Мужчина нежно привлек девушку к себе:

- Бог с ней, - прошептал Хас, который просто светился от счастья, - в этом мире для нас с тобой нет плохих примет. Мы больше никогда не будем ссориться.

У Майи была способность из всего делать беспорядок. Начав разбирать чемодан с одеждой, внезапно устала, бросила. Хас отложил работу над почти готовым столом, потому что гостья потребовала сыграть на фортепиано.

Друзья пели любимые песни, пили вино, ели жареное мясо, и было им очень весело. И хотя уснули они под утро, мужчина проснулся с первыми лучами солнца. Сев на кровати, он сокрушенно оглядел комнату - все было кувырком. Тихонько сложив разбросанную одежду, Хас побежал к пруду, искупался. Выпив чай, он пошел в мастерскую шлифовать стол.

К обеду проснулась Майя, напекла блинов. Блины удались на славу - были вкусны и с медом, и с вологодским маслом.

Словно боясь спугнуть мелодию, звеневшую в груди, Хас тихо сказал:

- Как славно, Майя... Я люблю тебя.... Как женщину, как жену, как мать наших детей, которых ты родишь мне... Все здесь есть для нашего счастья. Я создал этот Мир, думая о нас.

- Хас... - Майя отодвинула блюдо с растопленным маслом, перебором длинных ногтей тронула столешницу. - Хас... Я тоже очень тебя люблю. И мне нравится, как ты все здесь устроил: дом, камин, резная мебель, сад, ароматы трав, тишина вселенская.... Но.... Как бы тебе объяснить.... Видишь ту березку? Смотри, какая она красивая, стройная! Что будет со мной, если я начну рожать детей? Растолстею, постарею от забот. Да и не смогу я жить в деревне. У тебя есть интернет и телевизор, но нет водопровода и... удобства на улице! Мы же цивилизованные люди! Отдохнуть недельку на природе - куда ни шло, но жить - уволь! Вот сейчас надо воду греть, чтобы посуду мыть, потом эту воду из дома выносить, понимаешь?

- Понимаю, - пристально глядя на подругу, ответил Хас.

- И не кричи на меня, милый!

- Я молчу, - приподняв бровь, усмехнулся мужчина.

- Ты слишком громко молчишь! - вскочила Майя, - я не хочу жить в деревне, я не хочу жить без тебя в городе, я не хочу рожать детей!

- А чего же ты хочешь, Майя?

- Прости, милый... Я хочу уехать прямо сейчас. Ты проводишь меня на автобус?

- Какой автобус, дорогая? Мой «Форд» пока на ходу... Я отвезу тебя сам.

Майя, пряча лицо, кидала вещи в чемодан и, пытаясь его застегнуть, вдруг вскрикнула:

- Ой! Ноготь сломала! - слезы брызнули из ее глаз.

Хас молча обнял девушку, понимая, что не ноготь оплакивает подруга, потом сам упаковал и закрыл чемодан.

Вечером он вошел в свой опустевший дом. На полу лежала забытая Майей шелковая косынка. Поднимая косынку, Хас увидел обломок перламутрового ноготка. Сжав его в кулаке,

Кудесник, как во сне, пошел к березке. Он прислонился было пылающим лбом к прохладному стволу и вдруг отпрянул, как от пощечины: на девственно прекрасной коре зиял рваный надрез, рядом валялась стеклянная банка, а вдали убежал, пригнувшись, мальчишка из соседней деревни. Весенний сок пульсировал и сочился по стволу.

По-детски пытаясь прикрыть, защитить, исцелить ладонью свою березку, Хас оставил обломок ногтя Майи в ранке дерева, но не заметил этого. Опрометью кинулся он домой за варом, ему казалось, что истечет, погибнет без его помощи деревце.

Возвращаясь назад, Хас увидел возле березки знакомый женский силуэт.

- Майя, - не проговорил, но горько выдохнул он, - что же ты делаешь со мной, родная? У меня уже галлюцинации...

Под алыми лучами вечерней зари женщина в полупрозрачной тунике прильнула к березке, словно хотела слиться с ней, но не могла, потому что была слишком реальной. Она обернулась к Хасу, улыбнулась и с усилием оторвала себя от ствола. И уже не на дереве, а на ее белой груди истекал прозрачным соком рваный надрез, который на глазах изумленного мужчины сужался, уменьшался, исчезал, исчез...

- Кто ты?

- Майя.

- Этого не может быть! Я только что сам увез ее в город!

- Посмотри на меня, Кудесник! Я - воплощение твоего желания, которое смогла выполнить моя родительница Береза, когда ты оставил в ее плоти обломок ногтя любимой женщины. Та Майя сделала сегодня свой выбор, но даже в кончике ее ногтя столько любви к тебе...

Девушка нежно погладила исцеленный стан березки и шагнула к Хасу:

- Я люблю тебя, милый... Я больше никогда не покину тебя.

2. ПЕРЕПУТЬЕ

Три странника остановились на перепутье трех дорог. Молодой мужчина, девушка и пожилая женщина молча смотрели на шлагбаум, испещренный письменами.

- Это, наверное, шутка, - растерянно произнесла девушка.

- Похоже на то, - согласился парень.

- Отчего же? - возразила пожилая женщина и прочла: - «Налево пойдешь - себя обретешь, направо пойдешь - мечту исполнишь, прямо пойдешь - друга спасешь».

Прямо по курсу виднелся дом, утопающий в яблонево цвету, левая дорога вилась по зеленой горке, а правая - упиралась в резной палисад, за которым вырисовывались очертания крестов.

Женщина подошла к шлагбауму - он поднялся и, пропустив странницу, вновь опустился. Молодые люди хотели последовать за ней, но не смогли: шлагбаум словно заклинило.

- Тетя Надя! - окликнула женщину девушка, но та только махнула рукой, прощаясь.

- Надо пойти в обход, - сообразил парень. Он попытался обойти препятствие и вышел на дорогу, ведущую к видневшимся вдали крестам.

- Артур, пойдем лучше в гору, - взмолилась девушка.

- Хорошо, Лидочка.

Одолев небольшой подъем, путники оказались перед высоким забором с огромными воротами. На заборе возле ворот они увидели экран дисплея и пять цветных кнопок. На белой кнопке было написано «зима», на зеленой - «весна», на красной - «лето», на желтой - «осень», на черной кнопке проступали белые латинские буквы «Esc». Ниже располагалась клавиатура с более мелкими кнопками. Не успел Артур и подумать, как Лидочка нажала кнопку «зима». Ворота величественно распахнулись, открыв изумленным взорам людей снежную долину с речкой, покрытой льдом. Совершенно нереальное зрелище для начала лета! Студеным хиу-сом потянуло из долины. Дернув в ознобе плечами, Лидочка нажала кнопку «Esc». Ворота закрылись. Девушка взгляделась в клавиатуру.

- Да это же почти компьютер! Смотри, Артур! Так... Зимы не хочу - я без шубы... Сделаем лето, градусов двадцать, чтоб не очень жарко... Дождик... Хмм... Дождик хорош в меру. Нужен дом. Так... Спальня, кабинет, гостиная, ванная, санузел, кухня, мебель, бытовая техника... Крылечко... Качели во дворе - это важно! Море хочу. Нет - озеро. Но с морской водой.

Лидочкины пальчики уверенно порхали по клавиатуре, затем она победно нажала кнопку «лето». Ворота вновь распахнулись. От запаха разнотравья и птичьего многоголосья у друзей закружились головы.

- Кажется, с цветами я переборщила, - задорно призналась девушка, но в целом хорошо! Пойдем, Артур, мне очень хочется жить в этом уютном домике.

- Лида, там, наверное, кто-то уже живет?
 - Нет, милый, это моя игра. Здесь мои правила! Я буду вволю спать и сочинять сказки.
 - Значит, ты в безопасности?
 - Абсолютно!
 - Лидочка... Позволь мне тогда вернуться.
 - Но мне показалось, что там кладбище...
 - Я не могу объяснить, но чувствую, что мне нужно пойти именно туда.
 Уголки губ подруги угрожающе опустились. Она зашмыгала носом, но в этот момент Артур произнес дежурную фразу:
 - Не реви, а то не женюсь на тебе. Бери свою сумку с ноутбуком и иди. Не представляешь, как мне надоело его таскать. Все будет хорошо. Я тебя навещу.
 - Когда?
 - Как получится. Похоже, каждому из нас предстоит найти свою мечту.
 - А какая мечта у тети Нади? Она должна кого-то спасти?
 - Даже не знаю. Кажется, она интересуется почвой и экологией. Кого она может спасти?
 - Но шлагбаум пропустил только ее! А ты? О чем мечтаешь ты?
 - Ты же знаешь, Лида.
 - Воздушный замок? Артур, милый, давай создадим его здесь, у нас получится!
 - Нет. Я должен это сделать сам. По-настоящему.
 - Но здесь все по-настоящему, ты, что ли, не видишь?
 - Это твоя игра, - улыбнувшись, напомнил Артур, вскинул увесистый рюкзачок на плечо и решительно зашагал вниз. Лидочка обернулась к пульту управления на заборе:
 - Теперь твое место в доме. Пульт послушно исчез, а на его месте появился серебристый колокольчик с веревочкой. Лида подергала за веревочку, и по долине разнесся мелодичный звон. Девушка довольно тряхнула светлыми кудрями и вступила в свои владения. Ворота бесшумно закрылись за ней.

3. СКАЗОЧНАЯ ДОЛИНА

Среди пологих склонов, поросших нежной травой и полевыми цветами, поблескивала узкая речушка. Лидочка сняла обувь и сполоснула ноги в прохладной воде. Яркие рыбки, играя, шкелотали ступни и горячие ладошки девушки.

- Река, конечно, не молочная, а берега не кисельные, но тоже неплохо.
 - Ты же хотела рыбок, а рыбки в молоке не живут, - раздался ласковый голос.
 - Ты вернулся, Ар... - Лида растерянно осеклась, обернувшись на голос.
 Перед ней стоял хрупкого сложения мужчина с короткими золотистыми усами и бородкой.
 - Гостей принимаешь? Я - Хас Кудесник, а моя жена Майя - у дома. Мы принесли тебе молоко, хлеб и еще кое-какие подарки.
 - Настоящий кудесник?
 Мужчина смутился:
 - Ну... Не такой, как ты, но кое-что умею.
 - А что я? - засмеялась Лидочка, - это ворота волшебные попались.
 - Как сказать, - загадочно улыбнулся Хас и подал девушке руку, - мы ждали тебя, сказочница. Давай свою сумку - тяжелая. Камни у тебя там, что ли?
 - Шutiшь! Ноутбук у меня там - куда я без него, а еще мелочи всякие дорожные.
 - Зачем тебе все это, при твоих-то способностях?
 - Я только сейчас узнала о своих способностях!
 Так разговаривая, словно старые знакомые, Лида и Хас подошли к дому. На крылечке громоздились сумки и пакеты с подарками, а Майя сидела, тихонько раскачиваясь, на веревочных качелях, подвешенных на высоченных столбах.
 - Здравствуй, Лида, рада с тобой познакомиться! Хас, милый, я тоже хочу качели, - поприветствовала Майя.
 - Легко! Только давай сначала распакуем подарки. Зря мы их, что ли, несли?
 Показывай свой дом, хозяйюшка!
 - Ой, даже не знаю, вдруг у меня там беспорядок, - усмехнулась Лида, открывая дверь в просторную прихожую, - милости прошу! Сама еще ничего не видела...
 - Наверное, надо прибрать продукты, - предложил Хас.
 - Пошли на кухню, - весело сказала Лида.
 Кухня оказалась светлой и удобной. Майя, выкладывая на стол продукты, говорила:
 - Молоко утренней дойки, масло вологодское. Знаешь, Лида, есть масло «Рама», есть мас-

ло сливочное, а есть масло вологодское, после которого другого не захочешь. Мед. Мы берем его у знакомого пасечника - самый лучший, не балованный. Чай. Очень уж мы с мужем любим чаевничать. А это наш хлеб: ржаной, пшеничный - мы печем без дрожжей, а сдобный сейчас с чайком и маслом поедим. Я еще шоколадное масло захватила - вкусное!

Ой, Лида, осторожнее, это трехсвечовый подсвечник. Хас сделал для тебя из ивы.

- Да-да, чтобы сказки лучше сочинялись, - задумчиво сказал Кудесник, рассматривая смеситель и мойку, - что-то я не пойму, для чего здесь три вентиля. Синий - для холодной воды, красный - для горячей воды, а этот, зеленый, для чего? И труб не вижу: ни водопроводных, ни канализационных... А! Это бутафория?

- Совсем не бутафория! - надула губки Лидочка. - Какие трубы в сказочном доме! Здесь главное - результат, а откуда берется и куда девается - не важно!

Она открыла по очереди холодную и горячую воду. Вода, журча, исчезала в отверстиях мойки.

- А зеленый кран зачем? - настаивал мужчина.

- Для газировки, молока, кефира - что там еще жидкое бывает? Надо сначала представить, а потом открыть кран.

- Почему-то я тебе верю, - ответил Хас. - Но тогда зачем тебе наше молоко? Даже обидно...

Лида взяла из рук Майи бутылку с молоком, налила в стакан и с удовольствием выпила. Потом сказала:

- А затем, чтобы я знала, каким должно быть по вкусу настоящее молоко!

Хас тоже взял стакан, замер на пару секунд и, подставив стакан под гусак смесителя, открыл зеленый ventиль. Из смесителя полилась бордовая жидкость с терпким алкогольным запахом. Мужчина сосредоточенно поводит стаканом перед своим тонким носом, вдыхая аромат, сделал маленький глоток, посмаковал, удовлетворенно кивая головой:

- Оно... Крайне изумлен, но это то самое вино, о котором я подумал!

- А холодильник и духовка, похоже, тоже с сюрпризом? - лукаво улыбнулась Майя, это что за кнопки на их дверцах?

- Загадываешь продукт, - в тон ей ответила Лида, - затем нажимаешь кнопку, открываешь дверцу...

- Стало быть, продовольственной проблемы не существует?

- Совершенно верно! И при всей моей любви к мясным и рыбным продуктам, ни одно живое существо не пострадает!

- Но наши-то масло и молоко в холодильнике не пропадут?

- Что ты, Майя! И сохранятся и не потеряются! Надеюсь...

- Нет, при таких обстоятельствах, я предлагаю осмотреть весь дом, прежде чем устраивать чаепитие, - решительно заявил Хас, - мне очень любопытно! Девочки! Продукты - в холодильник! Лида, показывай остальные помещения!

- Мне самой интересно. Я запланировала нефритовую ванную и янтарный санузел.

Люди одну за другой открыли двери в названные помещения, и Лидочка запрыгала от восторга.

- А на ванне-то зачем три вентиля? - усмехнулся Хас.

- Зачем-зачем, - пробурчала девушка, - маленький девичий каприз. Софи Лорен, между прочим, принимала молочные ванны. А про Клеопатру - я вообще молчу...

- Так. Здесь тоже нет ни водопровода, ни канализации, - констатировал Кудесник. - Знаешь, это очень оригинальное решение многих экологических проблем. Жаль, что в моем селении Живая Поляна нельзя применить сказочные методы.

- Ой, а переезжайте в Сказочную долину, вы такие славные, будет весело!

- Нет, - ласково, но твердо ответил Хас. - Живая Поляна - смысл моей жизни. Но я очень рад, что ты - наша соседка!

- Вот и Артур не захотел остаться... Знаешь, он на кладбище пошел, по третьей дороге. А тетя Надя прямо пошла. Шлагбаум ее пропустил, а нас - нет.

- Тетя Надя у нас. Спит сейчас в гостевом доме. Очень интересный, умный и нужный нам человек. Ты не смогла пройти оттого, что тебя ждала Сказочная долина, а к Артуру мы сейчас с Майей зайдем. Похоже, у него есть мечта, которую он сможет реализовать только в Лаборатории. Лаборатория там, а не кладбище.

- А кресты?

- Я тебя умоляю! Антенны это и прочее оборудование. Он физик или химик?

- У него два образования. И то, и другое. В детстве мы с ним очень любили смотреть на небо. Однажды облака были так похожи на замок, и я сказала, что хочу жить в таком. Сказала и забыла. А Артур вбил в свою упрямую голову, что построит такой замок для меня, и тогда мы поженимся.

Майя сочувственно посмотрела на сказочницу:
 - Похоже, тебе придется искать другого жениха.
 - Другого мне не надо.
 Словно луч радости осветил лицо Хаса от этих слов, и он напомнил:
 - Девочки, идем дальше! Здесь еще три двери. И на одной я не вижу никаких кнопок.
 - Это кабинет. Здесь я ничего не планирую менять. Стол для компьютера. На стене - пульт управления Сказочной долиной, пара полочек для книг и дисков.
 - И репродукция картины Крамского «Неизвестная»...
 - Да. Картина из нашего детства. Мама Артура заставляла эту девушку присматривать за нами, когда оставляла одних. У нее неплохо получалось, она и сейчас безотрывно смотрит на нас, видите?
 - Действительно, - подтвердила Майя, сделав несколько танцевальных па по кабинету, - смотрит!
 Хас спрятал улыбку в золотистых усах и позвал девушек в следующую комнату. На спальне была одна кнопка, а на гостиной - две.
 - У этих кнопок немного разные программы, - сказала Лида, - в спальне можно менять только интерьер. Смотрите, - она задумалась на миг и, нажав кнопку, открыла дверь.
 Взором людей предстала персидская спальня с коврами, шелковыми занавесями, бархатными подушками и балдахинном. Лидочка затворила дверь, вновь нажала кнопку и показала совсем другую спальню - белую кровать, оконные занавески в горошек и много-много мягких игрушек. Майя захлопала в ладоши, а Хас уже тянул ее к последней двери.
 - Эта кнопка меняет интерьер, а эта... Эта кнопка позволяет увидеть в гостиной любого гостя. Гость будет очень реальный, хотя на самом деле - только голограмма. Одна особенность: человек, которого вы загадаете, действительно будет в этот момент думать о вас и через свою голограмму на любом расстоянии будет общаться с вами.
 - Как в интернете?
 - Интернет и есть. Модифицированный. Разумеется, сегодня мои гости вы, и это лучше любого интернета! Итак...
 - Можно я? - попросил Хас.
 - Конечно!
 Кудесник нажал кнопки и открыл дверь.
 - Как красиво! - обрадовалась хозяйшка, выглядывая из-за плеча мужчины.
 Вся комната была обставлена резной мебелью, на стенах висели картины, у окна стояло фортепиано. Но что это с Хасом? Он вдруг побледнел, глядя на девушку, сидящую в кресле-качалке у камина. Девушка поднялась и оказалась точной копией Майи, только с ярко подведенными глазами, в стильном брючном костюме. Рыжие локоны разметались по ее плечам, взгляд выражал изумление. Хас попятился, чуть не уронив при этом Лиду, и быстро закрыл дверь гостиной. Лида в недоумении обернулась к Майе. Майя была без макияжа, волосы подбраны в высокий пучок, простое платье-туника, да сандалии с ремешками по икрам ног составляли ее наряд. Хас прижал жену к груди:
 - Прости, милая. Я совсем не думал о ней... Не понимаю...
 - Хас, - мягко ответила Майя, - о ней необязательно думать. Она всегда в твоём сердце.
 Лидочка смотрела на супругов широко открытыми глазами.
 - Мы, пожалуй, пойдем, Лида, - тихо сказала Майя.
 - А как же чай? Давайте я достану из духовки яблочный пирог. А может, вы хотите шашлык? Давайте есть шашлык?
 - Спасибо, в другой раз.
 Лидочка проводила гостей и пошла прогуляться вниз по течению реки. Речка впадала в озеро, берег которого был покрыт ослепительно желтым песком. Лидочка скинула платье и вошла в теплую соленую воду.
 - Мое маленькое море, - нежно прошептала она.

4. ГОВОРЯЩАЯ С ЗЕМЛЕЙ

Тетя Надя проснулась. Гостевой дом жил и дышал вместе с ней. Бревенчатые стены с бумажными обоями не изолировали от природы, а лишь защищали от непогоды. На стене висела картина с фиолетовым парусником, плывшим в безмятежную сиреневую даль. Только нежные птичьи голоса да шепот рябин за приоткрытым окном ласкали слух городской жительницы. Немного погодя, она уже брела босиком по влажной изумрудной траве, пила воду из хрустально чистого ручья, с наслаждением умывалась.
 - Так вот ты какая, Живая Поляна! Наконец-то мы встретились...

- Я ждала тебя, Надежда, - раздался тихий голос.
 - Магушка Земля, я впервые слышу тебя так ясно!
 - Здесь ты всегда услышишь меня. Именно поэтому я просила тебя найти Живую Поляну. Это мое благодатное место, где нет насилия и жестокости. Здесь Человек созидает, не нарушая моего покоя.

- Но это же не единственное экологическое селение?
 - Не единственное. Да только Хас Кудесник из тех людей, что даются миру раз в столетие для особой миссии.

- Для какой?

- Не будь любопытной, Надежда. Всему свое время. Ты должна помочь мне.

Для этого тебе нужно понять, что Планета и все живущее на ней - одно целое. Если где-то происходит война, насилие, проливается кровь, если человеческая жизнь перестает иметь цену, то Планета, реагируя на эту боль, ответит землетрясением, ураганами, тайфунами. Я не могу контролировать свои ответные реакции, как ты свои - от внезапного ожога, укола или падения.

- Получается, что из-за намеренного убийства гибнут невинные люди совсем в другом месте?

- Именно так! Чем больше намеренного зла, тем больше невинных жертв, меняется мой рельеф, меняется климат.

- Но что могу я? Разве могу я остановить страшные людские деяния?

- Можешь! Если существует Живая Поляна, если Хас Кудесник создает здесь Жизнь, Планета реагирует на это возникновением новых оазисов плодородия, из моих недр начинают пробиваться животворные источники, плоды и травы обретают уникальные, целебные свойства, самоцветы и драгоценные металлы проступают вблизи людских троп.

- На Живой Поляне?

- Не только на Живой Поляне. Мы с тобой должны помочь этому человеку. Стань для него моим голосом, но не вмешивайся ни во что, задуманное им. Он знает, что делает. Отсюда, с Живой Поляны, начинаются изменения в мировом людском сознании. По крупице завоевывает Созидание Землю - с вином Хаса, с его хлебом, с мебелью и домами, с книгами и картинами, которые он пишет, с водой Живой Поляны, которая наполнит все мои реки. Ступай к нему, да гляди под ноги.

- Тут и спотыкаться-то не обо что...

Тетя Надя пошла к дому Хаса и Майи, пристально глядя на тропинку перед собой. Вдруг ярким светом прыснуло ей в глаза - прямо под ногами сверкали и переливались под солнцем друзы прозрачного фиолетового аметиста, которые словно стенки драгоценной чаши обрамляли небольшой веселый фонтанчик воды.

Ну, как не испытать такой водицы? Кряхтя, присела тетя Надя на корточки, подставив ладони, напилась, плеснула в лицо. Замерла, собираясь с силами, чтоб подняться, превозмогая привычную лому в теле, и вдруг встала легко, будто перышко на ветру.

- Славная вода! - звонко и свободно рассмеялась женщина и, неожиданно для себя, побежала, всей грудью ощущая приволье Живой Поляны.

Хас и Майя размеренно и вкусно пили утренний чай, когда в дом, громко хлопая дверьми, вбежала гостья. Супруги одновременно обернулись. Посреди комнаты стояла разгоряченная от бега красивая девушка в старушечьем платье.

5. ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК

На берегу могучего Енисея раскинул свои крылья город Красноярск. Летняя пыль уже успела осесть на голубых елях и синтетических светящихся деревьях, но еще не добралась до тщедушных пальм в кадках, с упертой заботливостью расставленных по центральным улицам на потеху горожанам. Фонтаны в изобилии наводняли тропы мегаполиса. Подле них родители выгуливали детей, а одна мамочка кормила своего карапуза гамбургером. Малыш сопротивлялся, но сонная мамаша была настойчива. Тополинный пух не давал особенно расслабляться. Он проникал всюду, он стал неотделимой составляющей воздуха.

Все это цинично отметил, между делом, седовласый художник, сидящий у мольберта. Гриффелем сангины он увековечивал очередную заказчицу, застывшую со сладкой улыбкой на лице. «Пятая клиентка за день - совсем неплохо, - лениво думал художник. - Вот только отчего мои эскизы сегодня - все на одно лицо? Клиентки - совершенно разные, да и я - профессионал. Докатился...»

Художник дал знак девушке. Она облегченно вспорхнула, пощебетала над своим совершенством, расплатилась и растворилась в подступающей прохладе вечера. Творец был недо-

волен собой. Сначала он долго и мрачно пил в уличном кафе, потом брел по ночному городу, не замечая тяжести мольберта и сумки с нехитрыми пожитками. Идти художнику было некуда, но он упрямо шел, пока не забрел непонятно куда. Ночь выдалась холодная, и мужчина уже начал прикидывать, у кого бы ему переночевать. Автобусная остановка, возле которой он остановился, не внушала доверия. Реформы в движении транспорта доставили много неприятностей горожанам, и похоже, поросший пылью монумент, давно не радовался автобусному выхлопу.

- Дрянь дела! - выругался художник.

- Ты ждешь кого-то? - раздался участливый голос.

Мужчина угрюмо взглянул на парня, взявшегося невесть откуда, и устало ответил:

- Самолет жду! Шел бы ты...

- Ты выбрал неудачное место, - с сожалением продолжил собеседник.

- Неужели?! И как ты догадался?

- Самолету негде совершить посадку, а автобусный маршрут здесь закрыли.

- Что же мне делать, - тихо пробормотал художник.

- Остановка далеко. С этим, - парень кивнул на поклажу, - тебе тяжело будет. Когда твой самолет?

- Какой там самолет - просто ляпнул с досады на себя...

- Значит, ты не торопишься? - почему-то обрадовался тот.

- Выходит, не тороплюсь, если не считать, что замерз, как собака! Где, говоришь, остановка?

- Постой! Пойдем ко мне, а потом что-нибудь придумаем! Меня зовут Артуром. А тебя?

- Виктором...

- Вот и славно, - Артур взял художника за локоть, будто приглашая войти в невидимую дверь. Тьма стала расступаться, розовый свет осветил небольшую площадку, сгущаясь и поднимаясь, пока целый столб розового сияния от земли до необозримой выси ни предстал перед людьми.

Виктор изумленно смотрел на это чудо, лихорадочно вспоминая слухи о зеленых человечках.

- Это лифт, пойдем, - прервал его воспоминания Артур и с вежливой настойчивостью подтолкнул беднягу внутрь розового столба. Сразу же пропали темнота и холод, а вместе с ними исчезла и опора под ногами. Уютное тепло окутало людей, чьи тела внезапно потеряли вес в восходящих потоках воздуха. Последнее, что увидел Виктор, - улыбка Артура. Вдруг стало темно.

- А-а-а, - догадался художник, - я, наверное, замерз и умер, - но почувствовал пол под ногами, и мрак рассеялся. Это была пустая комната со светящимися стенами. Радужный вихрь закружился перед нашим героем, поглотил в своих объятиях, сорвал одежду. Затем обнаженное тело атаковали водяные шарики, которые лопались, едва притронувшись к коже, наполняя воздух ароматом. Виктору так понравилась эта гигиеническая процедура, что когда шарики исчезли, он даже пожалел. Тело наполнила бодрость, а мощный поток воздуха подхватил это бодрое, чистое тело и перенес в другую комнату. Стены здесь, к облегчению гостя, не светились, а были просто голубые, но почему-то пушистые. Ноги по щиколотку утопали в рыжем ворсе напольного покрытия. Пока Виктор переминался с ноги на ногу, наслаждаясь шелковистостью ковра, новый поток воздуха доставил ему чистую одежду. Одежда была новая и пришлась впору. Гость огляделся. Он увидел странную мебель: бежевого цвета, пушистую.

Горькая догадка осенила Виктора, который очень любил животных. Его воображение уже рисовало десятки убитых ради роскошной мебели зверей, когда одно из кресел бросилось к нему со всех лап и нежно проворковало:

- Проходи, милый, мы все тебе очень рады!

Второе кресло подползло, как шаловливый котенок, да оно и мурлыкало при этом! Приглядевшись к высоким спинкам кресел, Виктор заметил крошечные мордочки с карими глазками и бархатными язычками. Из-под сидений выглядывали толстые лапки на крепких пятах. Он машинально приласкал креслица, вызвав у них щенячий восторг. Из угла комнаты, в котором находился диван, раздался приветливый басок:

- Подойди ко мне, Витя! Я слишком велик и неповоротлив, чтобы бегать, как эти сорванцы!

Виктор робко подошел к дивану и дружески пожал его подлокотник, но вдруг упал, сбитый ударом под коленки. Это баловалось креслице. Ну и возня же началась! Мужчина крепко обнял соперника, креслице вырывалось и нападало с переменным успехом. Пол пружинил под борцами, как батут, в углу похотывал диван, а вокруг, азартно щебеча, бегал телевизор

на голенастых птичьих ногах! Его голубые перья были взъерошены, как у бойцового петуха. Наконец, все устали. Виктор и креслице расцепили объятия и развалились на пушистом рыжем полу.

- А ты сильный, - уважительно проурчало креслице, - со мной даже телевизор не справляется!

- Зато я знаю все на свете, - задиристо чирикнул телевизор.

- Все на свете не знают даже книги, - мягко возразил книжный шкаф.

- Самое главное - внутреннее содержание, - самодовольно добавил плательный шкаф, кокетливо приоткрыв дверцу.

- Совершенно верно, уфф, - пропыхтел сервировочный столик, вбегая в комнату на мохнатых паучьих ножках. Его бархатистая поверхность была уставлена всевозможной едой. Столик присел перед лежащим на полу гостем, ловко изогнул одну из ножек и подал Виктору великолепное яблоко. Тут поток воздуха доставил хозяина. При его появлении вся мелкогабаритная мебель кинулась к нему, гомоня, как зоорынок в субботу.

- Совсем разбаловались! - ласково пожурил их Артур и протянул художнику руку. - Поднимайся, будем ужинать. Да ты садись в кресло, оно знает, когда нельзя шалить.

Виктор сел, кресло уютно обняло его, удобно пристроив подлокотники под руками. Хозяин устроился напротив, а между ними торопливо встал столик, приветливо бормоча:

- Ешьте... Вон сколько всего! Приятного аппетита... Уф! Хлеб вкусный - Хас Кудесник пек!

- Кудесник?

- Да ты ешь, Витя, - улыбнулся Артур и погрозил столику пальцем.

Люди насытились, и столик, шумно вздыхая, убежал.

- Спасибо, торопыга! - крикнул ему вслед Артур.

- Спасибо, - поблагодарил Артура Виктор, размлевший от еды.

- Спать будешь или хочешь осмотреть мой воздушный замок?

Сладкая истома мигом слетела с художника:

- Воздушный?

- А ты еще не понял этого?

- Я понял одно - хватил лишку сегодня в кафе. Но что-то разладилось во мне в последнее время... Творческий драйв пропал. Я - художник. Веришь, в гости к подругам даже идти не хочется - старею, наверное. А мне только шестьдесят пять! Сегодня написал пять разных баб, а они все на одно лицо получились. Лицо, правда, красивое - клиентки не в претензии. Хотя странно... Странно, что не в претензии!

- Серьезная проблема, - почему-то усмехнулся Артур, - а не полететь ли нам в картинную галерею? - он открыл дверь, приглашая гостя выйти. Упругая волна подхватила и понесла людей по коридору, если можно назвать коридором зеленые протуберанцы света. Виктор быстро освоился в воздушном потоке и завел разговор о странной мебели:

- Откуда такая мебель?

- Обычная мебель была, если не считать, что создал ее Хас Кудесник из селения Живая Поляна. Он делал эту мебель специально для воздушного замка - легкую и прочную. Есть у меня подруга Лидочка. Сказочница. Она сочиняет, что ей в голову взбредет, а потом все это делает реальностью. Хас обмолвился перед ней, что ему для моей мебели нужна какая-то особая морилка, которая у него закончилась. Показал емкость с этикеткой. Лида сказала, что именно такая стоит у нее в прихожей. Хас удивился, но поверил. На самом деле у моей подруги есть кран на кухне, из которого льется любая жидкость, которую представишь. Есть пульт управления Сказочной долиной, на котором она может создать любой предмет в любом месте своих владений. Лидочкино представление о некоторых вещах смутное, но она старается этого не афишировать. Принесла морилку. Я сам помогал покрывать ею мебель... Запах у этой морилки, я тебе скажу... Бррр! Хас открыл утром двери мастерской и обомлел: мало того, что мебель шерстью и перьями поросла, так еще и ожила! Хорошо, что двери на ночь закрыли, а то искали бы этих шалопаев по всем окрестностям на восьмидесяти гектарах - они такие любопытные!

- А стены и пол в комнате?

- Их Майя, жена Хаса, остатками морилки покрыла.

- А цвет? Цвет-то разный!

- Не поверишь - сам удивляюсь. Это самая большая загадка! - засмеялся Артур. - О-оп!

Прилетели!

В картинной галерее пол был молочного цвета. Он глушил шаги, как вата.

- Как на облаке! - удивленно воскликнул Виктор.

- В точку! Облако и есть. Тут все из облаков.

Художник не успел удивиться, как увидел на матовых стенах картины, изображающие

одну и ту же женщину, знакомую до боли.

- Она! Ей-богу, Артур, я ее сегодня целый день рисовал! Чьи это картины?

- Твои.

- Мои?!

- Скоро ты их напишешь...

Картины под взглядом людей покрылись рябью, побледнели и растворились на стенах.

- Кто она? - с предчувствием чуда спросил Виктор.

- Тетя Надя.

- Тетя? Сколько ей лет?

- Восемьдесят пять.

- А-а, - махнул рукой гость, - нет, ты скажи мне, зачем я буду рисовать старуху? Богатая клиентка?

- Сердце-то что подсказывает?

- Не пойму... Тревожно мне как-то... Красивая она была...

- Красивая и есть. Надежда, Говорящая с Землей.

- Блаженная, что ли? И до чего она договорилась с Землей?

- Уж не знаю, о чем у них там была речь, но только завтра в селении Живая Поляна - праздник источника Молодости. Будет много гостей. Хас созывает своих друзей. А нашла источник тетя Надя, на следующий день после своего прибытия в селение. Теперь она молода и прекрасна. Пойдем в машинный цех?

Машинный цех выглядел необъятным. Прозрачные трубы тянулись от станка обтекаемой формы. Он был велик, но висел в воздухе. Виктор с уважением смотрел на гигантское сооружение и понимающе кивал головой.

- Это облачный концентратор. Облака уплотняются, и я строю из них все, что угодно. При этом они остаются в своей среде - в небе. Мой замок мобилен и не нарушает воздушных путей авиации, реагируя на появление борта в воздухе, как туча на ветер.

- А энергия? Откуда облачный концентратор берет энергию?

- Хороший вопрос, - Артур задумчиво посмотрел на собеседника. - Если коротко, то это энергия мысли.

- Ты хочешь сказать, что постоянно гипнотизируешь эту махину?

- Иронизируешь? Дело не во мне. На нашей планете живет очень много людей. Все они очень разные - злые, добрые, равнодушные. Или - три в одном. Ты когда-нибудь замечал, что, впадая в гнев, делаешь хуже всех - себе самому?

- Случалось. Сердцебиение учащается, голова болит...

- Это не самое страшное. В момент агрессии ты становишься источником негативного посыла, который идет прямо в Космос. Космос - живая, гармоничная материя разума, она реагирует на подобные импульсы, как на нападение, защищается и возвращает твой посыл обратно, но многократно усиленный, разрушительный. И у тебя начинается черная полоса в жизни: обрываются нужные отношения, ухудшается здоровье, деньги уходят в никуда. А теперь представь, какой силой обладают идеи о насилии, войне... Какой урон они приносят человечеству, еще на стадии намерений! Одна сплошная черная полоса: мировые кризисы, голод, болезни.

- Допустим, а при чем здесь твой воздушный замок?

- По периметру замка я установил чувствительные датчики, улавливающие дисгармоничные мысли с любой точки Земли. Импульс передается в очистные сооружения, поглощающие эти мысли и преобразующие их в чистую энергию, на которой работает облачный концентратор, двигатели, воздушные потоки, утилизатор отходов и все жизнеобеспечение замка.

Понимаешь, отныне в Космос идут только мысли о любви и благодарности. Я уверен, очень скоро Вселенная ответит нам взаимностью. Исчезнут границы, люди будут уважать друг друга и беречь нашу Землю, как семья бережет свой дом. А уж на какие чудеса способна Земля-Матушка, если люди перестанут причинять ей боль войнами, убийствами и загрязнением окружающей среды! Наша тетя Надя может рассказывать об этом часами - она слышит голос Земли. Без ее идей и помощи Хаса я не скоро бы построил свой воздушный замок.

- Но если все станут белыми и пушистыми, то твой замок останется без энергии и рассыплется.

- Не переживай, до Живой Поляны мы долететь успеем! Пока ты боролся с моими друзьями, я задал направление маршрута автопилоту. Завтра утром пришвартуемся во владениях Хаса Кудесника.

- Просто чудо, что мы с тобой встретились!

- По-возможности, я помогаю людям, попавшим в трудную ситуацию.

- Моя ситуация не была безвыходной... Наверное, кто-то нуждался в твоей помощи гораздо больше...

- Красноярск - мой родной город. И остановка, на которой ты оказался, когда-то находилась напротив нашего с Лидочкой дома. Мы жили по-соседству. Дом снесли, теперь там пустырь, заросший полынью. Раньше полынь росла на месте нынешних многоэтажек - целое поле, где мы могли играть сутками, если бы нам позволили. Я обещал Лидочке куст полыни с этого пустыря. Завтра наша помолвка.

- Полынь - невесте?!

- Мы посадим этот куст у крыльца. Так захотела Лида. В сущности, она осталась ребенком, который не желает расставаться с детством и может себе это позволить. Порой моя подруга генерирует абсурдные идеи и даже воплощает их в жизнь, но вокруг нее всегда атмосфера радости. А цветов в Сказочной долине много. Такого разнообразия цветов, пожалуй, нет нигде на свете.

- Ваша помолвка состоится в день источника Молодости?

- И помолвка, и закладка дома для тети Нади - один большой праздник.

- Ты говорил, что будет очень много гостей. Где же они разместятся?

- Часть - у Хаса и Майи, часть - в воздушном замке, а остальных устроит Лида в Сказочной долине. На берегу соленого озера она создала дворец, в котором можно разместить любое количество гостей.

- Тогда зачем строить дом для тети Нади? Жила бы в сказочном дворце.

- Она долго путешествовала, чтобы найти Живую Поляну. Часть пути мы прошли вместе, и она говорила, что готова спать на траве, лишь бы это была трава Живой Поляны. А теперь пора спать нам. Ты уже подружился с диваном? Лети к нему - утром увидимся.

6. ПРАЗДНИК

Что может быть лучше, чем утро в селении Живая Поляна? Вышел из дома - и уже на природе! Медвяно испаряется роса, птицы щебечут, пряные ромашки поворачивают нарядные головки к ласковому солнцу. Небо такой синевы, что, глянув однажды, не оторваться от этой бескрайней красоты!

Гости приезжали на автомобилях, велосипедах, лошадях, приходили пешком. Знакомясь на ходу, люди тут же включались в подготовку к празднику: устанавливали на поляне столы, скамейки. В низине, у ручья, складывали дрова и хворост для костра.

Роскошное облако заслонило солнце и исторгло из себя поток розового света. Световой столб соединил облако с землей, и из него вышли Артур и Виктор. Виктор был слегка небрит, слегка помят, после вечерних возлияний в кафе, и от этого сильно смущался. К тому же его мучила жажда. От шумной компании отделилась златокосая девушка в васильковом платье. Еще издали оценив ситуацию, она подошла к художнику с ковшом родниковой воды. Губы Виктора окончательно пересохли. На сей раз от волнения. Он узнал Надежду. Молча принял ковш из ее рук и жадно выпил. Какой вкусной оказалась вода! Как упоителен воздух! Дух захватило у городского циника от нахлынувших ощущений!

- Тебе кажется, что за спиной выросли крылья? - просто спросила Надежда.

- Как ты догадалась?

- Я первая напилась этой воды - знаю, - улыбнулась красавица, - тут осталось немного...

Не отрывая глаз от златокосой, Виктор плеснул себе в лицо остатками воды.

- Тетя Надя, так не честно, - весело упрекнул девушку Хас, - праздник еще не начался, а ты уже раздаешь воду из источника Молодости.

- Зато у меня теперь появился молодой кавалер, а у тебя сильный помощник, - задорно ответила Надежда и подала Виктору зеркальце.

Из зеркала на него глянул очень знакомый брюнет - сорок лет долой!

- Эй! - продолжил Хас. - Я слышал, что ты художник, а мне как раз нужен сейчас человек с хорошим глазомером - пошли делать разметку дома для тети Нади. Может, там к тебе вернется дар речи? Артур, слетай к Лидочке, она ждет. Надо доставить сюда ее очередной шедевр. Ой, чувствую, опять будет сюрприз! - Кудесник сокрушенно покачал головой и сделал жест друзьям и Виктору следовать за ним.

Виктор шел за Хасом по некошеной траве к лесу, окружавшему поляну. И казалось ему, что летит он в воздушном потоке.

Шутка ли, начать строить дом? Сколько бы дней делали эту работу в городе с учетом перекуров и прочих недоразумений? Отчего же так споро созидалось на Живой Поляне? С прибаутками, но скрупулезно и деловито разметили оси, начали рыть траншеи под фундамент. Один звонок Хаса с мобильного телефона, и подросла еще бригада мужиков с кирками и

лопатами. Инструменты словно пели в руках у землекопков. И эту музыку чувствовал Виктор в своих молодых мускулах, требующих нагрузки.

Между тем, Артур уже целовал упругие щеки Лидочки, передавая куст полыни:

- Принимай свой заказ!

- Ой, Артур, у меня уже и ямка готова! Давай скорее посадим, ах, какой аромат! У нас столько дел!

Друзья посадили полынь, полили.

- Надо отвезти на Живую Поляну рог Изобилия, а то скоро обед, - тараторила подруга.

- У тебя же обычно в печке еда...

- Милый, ты представляешь, сколько людей надо накормить, у всех свои вкусы и привычки - я и вообразить не смогу такой ассортимент блюд! Поэтому я создала рог Изобилия - он выполнит любой заказ гостей. И мне не надо будет представлять то, что я никогда не видела, сам знаешь, что из этого получается... Возьми его за домом и отнеси в воздушный замок!

Лидочка побежала переодеваться, а когда вернулась, застала Артура возле своего творения в глубокой задумчивости.

- Что?

- Нет, Лида, это ты мне скажи: что ЭТО?

- Рог Изобилия....

- По-твоему это рог? Это кухонная вытяжка, причем самой нелепой формы! Надо было хотя бы в интернете посмотреть, прежде чем создавать...

- Ну не придирайся, Артур, главное, что он работает!

- И как я потащу эту громадину? Тихо, тихо, только не реви, а то не женюсь на тебе! Тут тачка нужна...

Лидочка всхлипнула и убежала в свой кабинет. Когда рядом с Артуром появилась новая шедевр подруги, он просто расхохотался:

- Милая моя, ты что, тачку никогда не видела? Тачка - это тележка на колесах, а не столик на роликах. Все! Я просто подгоню лифт к этому монстру. Что еще будешь брать?

- Надо создать серебряную монету для дома тети Нади.

- Ну, уж нет, дорогая! Даже старинные монеты должны быть настоящими. Я привез из Красноярска. Майя попросила.

- Тогда полетели?

- Прошу!

- Вот можешь же быть галантным, когда захочешь!

Артур обнял подругу, подвел к рогу Изобилия и посмотрел на свой воздушный замок. Сказочной красоты облако, повинуясь его взгляду, переместилось и опустило световой лифт. Лидочка завизжала от восторга, подхваченная воздушным потоком:

- Как на качелях! Я никогда к этому не привыкну! Так здорово!

Под ними, медленно вращаясь, поднималась тяжеленная выдумка сказочницы.

- Надеюсь, это действительно работает, - с сомнением проговорил Артур, выгрузив рог Изобилия рядом со столами, на Живой Поляне. - А где мужики-то?

- Траншеи под фундамент копают, скоро вернутся. Надо стол накрывать, - ответила Майя, - где обещанное, Лида?

Лида смущенно указала на железную трубу с огромным раструбом. Майя медленно присела на скамью, ничего не говоря. Вокруг рога Изобилия, хихикая, столпились ее гости.

- И ничего смешного! - отчаянно защищалась сказочница. - Будет, будет всем сестрам по серьгам! - и положила руку на свое изобретение.

Труба скрипнула, и из нее посыпались серьги, сверкая благородными металлами и самоцветами.

- Ну что, проверила, умница ты моя? - облегченно заулыбался Артур. - Разбирайте, красавицы!

Майя наклонилась и выбрала изумрудные сосульки с серебряной дужкой. Девушки и женщины весело примеряли украшения, и все остались довольны. Тут уж рог Изобилия дал полную нагрузку. Из него доставали скатерти, столовые приборы, посуду, закуски и напитки! Когда подошли мужчины, успевшие искупаться после работы, жены и подруги ждали их у столов, ломившихся от изысканной снеди.

- Любопытно, что это за безобразия? - спросил Хас, указывая на трубу. - У меня здесь не склад металлолома.

- Хас... - сокрушенно упрекнула Майя. - Это лидочкин рог Изобилия.

- И что? Работает?

- Еще как работает!

- Действительно? - Хас оперся на раструб и заглянул внутрь. - А если я попрошу сто ноут-

буков?

- Хас! - воскликнула Майя, но опоздала.

Рог хрюкнул, и из него гуськом поползли ноутбуки. Глядя на растерянных мужчин, женщины просто полегли на траву от смеха! Потом все с аппетитом обедали, и каждый получил свое любимое блюдо и фрукты. Гости шутили и рассказывали свои новости, потому что были бесконечно интересны друг другу.

- Дорогие мои! - поднял бокал Хас. - Сегодня прекрасная пара Артур и Лида разрешили мне объявить о своей помолвке! Давайте поздравим их!

Едва умолкли поздравления, Кудесник отвлек внимание от смущенных жениха и невесты:

- Друзья! Мы основательно подкрепились, и я приглашаю всех к источнику Молодости. Вот эти люди испытали на себе действие животворной воды, - Хас указал на Надежду и Виктора, который не отводил от нее глаз, - этой красавице восемьдесят пять лет, а этому крепкому парню - шестьдесят пять! Идем?

Гости дружно поднялись и шумной толпой отправились к источнику. Посреди узкой тропинки, журча, изливался в аметистовую чашу маленький фонтанчик. Много раз наполнялся ковш - каждый испил прохладной воды. Рука об руку стояли Надежда и Виктор, с улыбкой глядя, как распрямляются спины и разглаживаются морщины у пожилых людей, как хорошеют девушки и наливаются мускулами мышцы у парней.

- А теперь, - торжественно сказал Хас, - мы произведем закладку дома для нашей дорогой подруги Надежды, - и так проникновенно прозвучали его слова, что гости почувствовали всю важность этого события.

Коротким показался путь к лесу людям, находящимся под действием природного эликсира молодости. Артур передал серебряную монету Майе, она - Хасу, а Хас положил монету в траншею, образующую правый угол дома. Потом он выпрямился и с улыбкой посмотрел на Надежду, у которой по щекам текли слезы.

- В добрый час! В добрый час! В добрый час! - эхом повторял каждый.

Заработали инструменты - дно траншей покрыли песком, камнями и битым кирпичом, затем настала очередь бетона. Бетон уложили, зарычал вибратор. И вот мужчины отошли от фундамента и оперлись на лопаты, а женщины наградили их аплодисментами и поцелуями.

Насыщенный событиями день клонился к вечеру, но никто не чувствовал усталости. Для молодых вечером самое интересное только начинается! У ручья зажгли огромный костер, пели песни, танцевали, играли в жмурки, будоража кровь.

7. МАЙЯ

Уходящее солнце постепенно окрашивало край неба в багряные тона.

- Хас, - вдруг попросила Майя, - пойдем к моей маме Березе?

Хас легко поднялся с травы и обнял жену за талию:

- Пойдем, милая!

Супруги подошли к дереву. Хас приник к белой коре щекой, шумно вдохнул:

- Майя, твоя кожа пахнет так же...

- Я всегда буду любить тебя, Хас, - со светлой грустью прошептала женщина, нежно развернула мужа лицом к дому и крепко обняла, прижавшись к его спине.

От дома к пригорку, на котором росла береза, шла молодая женщина. Она еще не увидела Хаса в сгустившихся сумерках, но он уже почувствовал ее магнетизм, он уже каждой клеточкой своего тела и всей душой потянулся ей навстречу! Алые лучи вечерней зари осветили взволнованных людей.

- Хас! Хас! Хас... Я не могу даже дышать без тебя... Зачем ты меня отпустил? Ты же знал, ты знал, что я не смогу...

- Майя, родное сердце, как же я истосковался по тебе!

- Вижу- вижу! Кто та девушка, что мелькнула за березами?

- За березами? - Хас резко обернулся.

Близко-близко со стройным стволом Березы-матери стояла тонкая невысокая Березка-дочь...